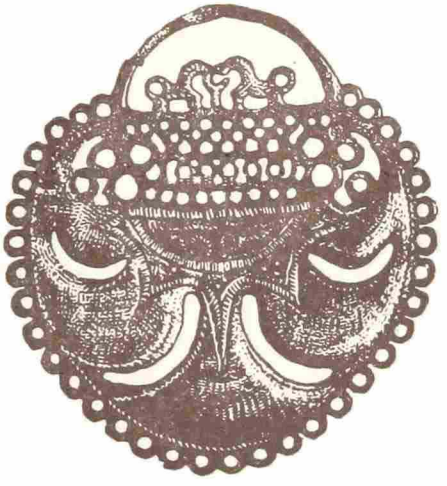
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1975

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

В. П. Шилов (Ленинград). Модели скотоводческих хозяйств степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века 5
М. Д. Хлобыстина (Ленинград). Древнейшие могильники Горного Алтая 17
Т. М. Потемкина (Курган). Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол 35
Г. Р. Ишмуратова (Казань). Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии 51
Б. А. Шрамко (Харьков). Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема 65
Ю. Г. Виноградов, Н. А. Онайко (Москва). Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время 86
Л. В. Фирсов (Новосибирск). Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым) 94
Н. И. Игонин, А. Х. Халиков (Москва, Казань). Опыт применения авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей 102
М. Н. Федоров (Фрунзе). К вопросу об исторических судьбах дихканства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики) 109

Публикации

А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына (Москва). Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении (по материалам работ 1969—1971 гг.) 118
А. Т. Рамишвили (Тбилиси). Раскопки приморских стоянок в Пичвнари (Кобулети) в 1960—1964 и 1967 гг. 136
Б. А. Фоломеев (Москва). Тюков городок 154
А. А. Формозов (Москва). К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. 171

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1975 г.

И. Р. Пичикян (Москва). Боспорские антаблементы первых веков нашей эры 176
Играр Алиев, Ф. Л. Османов (Баку). Бассейн рек Геокчай — Гирдманчай — Ахсучай в античное время 188
Э. А. Сымонович (Москва). Черняховские материалы из с. Ново-Александровки на Нижнем Днепре 203
М. П. Абрамова (Москва). Катакомбные погребения IV—V вв. н. э. из Северной Осетии 213
Т. А. Хлебникова (Казань). К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры (по работам 1970—1972 гг.) 234
Л. Л. Галкин (Москва). Керамические горны золотоордынского города Азака 252

Заметки

М. Я. Чореф (Бахчисарай). Два новых рельефа сарматского круга . . . 260
Т. И. Алексеева (Москва). Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры 264
И. А. Баранов (Симферополь). Раннесредневековая пряжка из Ялты . . 271
М. Г. Магомедов (Махачкала). Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника 275
Р. Ф. Воронина (Москва). О некоторых чертах верований среднецнинской мордвы VIII—XI вв. 281
А. А. Горбенко, В. А. Кореняко, В. Е. Максименко (Азов, Ростов-на-Дону). Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка 286

Критика и библиография

А. Е. Матюхин (Ленинград). J. D. Clark. The Prehistory of Africa. New York — Washington, 1970 290
П. И. Борисковский (Ленинград). [Рец.]. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», I, Л., 1971 296
Л. С. Клейн (Ленинград). [Рец.]. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (Труды Днепро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963—1967 гг., Часть I). Одесса, 1970 297
В. Б. Виноградов (Грозный). М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972 304
А. И. Айбабин (Феодосия). В. В. Аулих. Зимнівське городище. Київ, 1972 309
В. В. Седов (Москва). W. Losinski. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w derzeczu dolnej Parsęty. 1972 313
Т. В. Равдина (Москва). Археологические замечания к нумизматическим работам 316

Хроника

О. Н. Бадер (Москва). Археологи на VI международном спелеологическом конгрессе в Чехословакии в 1973 г. 330
Засурцев Петр Иванович 333

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S

INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 1 1975

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

V. P. Chilov (Léningrad). Modèles d'économies de pasteurs des régions steppiques eurasiatiques á l'énéolithique et au bronze initial 5

M. D. Khlobystina (Léningrad). Les plus anciennes nécropoles des monts Altaï 17

T. M. Potemkina (Kourgan). Complexes céramiques provenant du village d'Alexéevskoïé sur le Tobol 35

G. R. Ichmouratova (Kazan). Poterie provenant des villages de la civilisation d'Ananino des régions occidentales de Tatarie 51

B. A. Chramko (Kharkov). Quelques résultats des fouilles de l'agglomération fortifiée de Belsk et le problème de Gélon-Boudin 65

You. G. Vinogradov, N. A. Onaiko (Moscou). Sur les relations économiques de l'Héraclée de Pont avec les côtes nord et nord-est du Pont-Euxin à l'époque hellénistique et romaine 86

L. V. Firsov (Novossibirsk). Mortier de chaux dans les murs de fortifications de Charax 94

N. I. Igonine, A. Kh. Khalikov (Moscou, Kazan). Pratique de la prospection aérienne de l'agglomération fortifiée de Bilar et de ses environs 102

M. N. Fedorov (Frounzé). Du problème des déstinées historiques des «dikhkans» sous les Karakhanides 109

Publications

A. S. Kess, G. N. Lissitsina (Moscou). Installations anciennes d'irrigation en Turkménie Sud-Est 118

A. T. Ramichvili (Tbilissi). Fouilles des villages littoraux en Pitchvnari (Kobouléti) des années 1960—1964 et 1967 136

B. A. Foloméev (Moscou). Tukov gorodok 154

A. A. Formozov (Moscou). Sur les chroniques des explorations archéologiques la coté nord de la mer Noire dans la première moitié du XIXs 171

I. R. Pitchikian (Moscou). Entablements bosphoriens des premiers siècles de n. è. 176

I. Aliev, F. L. Osmanov (Bakou). Bassin fluvial de Géoktchai-Ghirdmantchai-Akhsoutchai à l'époque antique (communication préliminaire) 188

E. A. Symonovitch (Moscou). Matériaux tcherniakhoviens provenant du village de Novo-Alexandrovka sur le Dniepr inférieur 203

M. P. Abramova (Moscou). Sépultures en catacombes des IV—V siècles en Ossétie Nord 213

T. A. Khlebnikova (Kazan) Sur l'histoire de la ville de Joukotine (Djouké-Tau) à l'époque prémongole (d'après les explorations de 1970—1972) 234

L. L. Galkine (Moscou). Fours céramiques d'Azak, ville de Horde d'Or . . . 252

Notes

M. Ia. Tchoref (Bakhtchissarai). Deux nouveaux reliefs du cercle sarmate 260

T. I. Alexéeva (Moscou). Analyse anthropologique des debris osseux provenant des nécropoles aux incinérations de la civilisation tcherniakhovienne . . . 264

I. A. Baranov (Simphéropol). Boucle du moyen âge précoce provenant de Yalta 271
M. G. Maghomédov (Makhatchkala). Appliques de selle en os provenant de la nécropole de Verkhni Tchirurt 275
R. F. Voronina (Moscou). De certaines particularités des croyances des Mordvas de Tsna moyenne en VIII—XI siècles 281
A. A. Gorbenko, V. A. Koréniako, V. E. Maximenko (Azov, Rostov-sur-le-Don). Sépulture récente d'un nomade d'un tumulus près de la métairie de Nijniaia Kozinka 286

Critique et bibliographie

A. E. Matukhine (Léningrad). J. D. Clark. The Prehistory of Africa. New York-Washington, 1970 290
P. I. Boriskovski (Léningrad). Avis critique sur le recueil «Progrés de l'archéologie centralo-asiatique», I, L., 1971 296
L. S. Klein (Léningrad). Avis critique sur «Tumuli de la partie steppique du territoire entre le Danube et le Dniestr». Travaux de la mission de nouveau chantier de Dniepr-Danube des 1963—1967. Partie I. Matériaux sur l'archéologie du littoral nord de la mer Noire, VI, Odessa, 1970 297
V. B. Vinogradov (Groznyi). M. P. Abramova. Nécropole de Nijni-Djoulate, Naltchik, 1972 304
A. I. Aibabine (Théodosia). V. V. Aulikh. Agglomération fortifiée de Zimnivskoïé, Kiev, 1972 309
V. V. Sédov (Moscou). W. Łosiński. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeszu dolnej Parsety. 1972 313
T. V. Ravdina (Moscou). Remarques archéologiques sur les travaux numismatiques 316

Chronique

O. N. Bader (Moscou). Archéologues au VI Congrès spéléologique en Tchécoslovakie en 1973 330
P. I. Zassourtsev 333

В. П. ШИЛОВ

МОДЕЛИ СКОТОВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ СТЕПНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

В раннеземледельческих обществах Египта, Балкан, Переднего Востока, Кавказа, Индии и Китая в производящем хозяйстве господствовал земледельческий уклад, основанный главным образом на естественной или искусственной ирригации. Скотоводство здесь носило пастушеский характер. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем достаточным количеством данных о хозяйстве древних племен, обитавших в степных и полупустынных областях этой же зоны, где невозможна искусственная ирригация и где к тому же земли мало пригодны для выращивания хлебных злаков, т. е. в промежутках между земледельческими оазисами[1]. Видимо, здесь основную роль в экономической жизни играло не земледелие, а скотоводство, как это было позднее в Передней Азии, когда эти степные, полупустынные земли занимали кочующие скотоводы семиты.

К югу и северу от этой полосы, в степных и пустынных районах Евразии преобладающей формой хозяйства являлось скотоводство. Несмотря на тщательные и многолетние поиски, оседлые долговременные поселения ямной культуры в степях Восточной Европы, в бассейнах таких крупных рек, как Волга, Дон, Днепр, насчитываются единицами. К тому же роль земледелия на таких уже хорошо изученных поселениях ямной культуры, как Михайловка на Днепре, хут. Репин и Ливенцовка на Дону, поселениях майкопской культуры (Мешоко и др.) была ничтожна в силу неблагоприятных для экстенсивного земледелия экологических условий. Аналогичная картина прослеживается и в Минусинских степях, где поселения афанасьевской и окуневской культур известны единицами. К тому же здесь вовсе не встречаются поселения долговременного типа.

Таким образом, различие в укладах хозяйств этих двух зон (на юге — культур земледельческого пояса и на севере — в полосе более умеренного климата) в степях Евразии связано с несходством экологических условий, что для античного времени подчеркнуто Страбоном. Он отмечает значительное расхождение урожайности крымско-кубанских и месопотамских земель. Урожай в обеих областях имеет соотношение 1:10 (сам тридцать — в первом регионе, и сам триста — во втором). Таким образом, мы имеем две, а может быть, и три зоны производящего хозяйства, где земледелие и скотоводство играли отнюдь не равнозначную роль: 1 — евразийские степи, где основой хозяйства является скотоводческий уклад; 2— зона земледельческих культур, где преобладало земледелие и пастушеское скотоводство; 3— пустынные районы к югу от второй зоны (Аравия, Северная Африка и др.), где, видимо, также господствовал скотоводческий уклад

[1] Ср. *H. Klengel,* Zwischen Zelt und Palast. Leipzig, 1971, стр. 12 сл. Хорст Кленгел и др. выделили культуры скотоводческого типа в областях между земледельческими оазисами.

хозяйства. В настоящей работе мы затрагиваем первый регион — степи Евразии первой половины II тысячелетия до н. э.

Основная задача этой работы — поставить и по возможности разрешить следующий вопрос: имеем ли мы в степной зоне Евразии единую модель скотоводческого хозяйства или же несколько моделей, когда в зависимости от травяного покрова в отдельных областях намечается специализация в разведении домашнего скота, т. е. появление общин коневодов, овцеводов, разводящих крупный рогатый скот при наличии других видов домашнего скота, играющих непрофилирующую роль?

Прежде чем перейти к решению основной задачи, остановимся на методическом вопросе: можно ли использовать для проблемы реконструкции состава стада данные костных материалов, происходящих из погребений [2]? А. П. Круглов, Ю. В. Подгаецкий решительно высказались против использования костных материалов из погребений для реконструкции состава стада, поскольку они рассматривали их как ритуальные остатки пищи, связанные с определенным каноном, не отражающим реальный состав стада. Для доказательства этого, они в основном неправомерно, без учета экологических условий сопоставляли данные, полученные из поселений срубной культуры, расположенных в лесостепи, где преобладал крупный рогатый скот, с костными остатками из могил той же культуры, но расположенных в степной зоне Поволжья и Подонья, где в составе стада доминировал мелкий рогатый скот.

Анализ костных остатков из захоронений ямной, полтавкинской, катакомбной культур показывает, что в могилы умерших либо приносилась непосредственно мясная пища закланных животных, либо это было символическое приношение мясной пищи (кости ног с копытами), причем в эти приношения включались кости всех видов домашних животных. Вид животных, мясо которых приносилось в могилы, изменялся в прямой зависимости от экологических условий. Там, где преобладали типчаково-полынные покровы, резко увеличивался в составе стада мелкий рогатый скот, что и отражено в заупокойной пище, в тех же областях, где господствовало разнотравье, доминировали в составе стад крупный рогатый скот и лошади и соответственно изменялась и заупокойная пища. Следовательно, там, где выработался обряд приношения в могилы мясной пищи, мы можем использовать эти данные для реконструкции состава стада, но всегда с учетом травяного покрова, который в данном случае, как мы увидим ниже, является определяющим при анализе конкретных материалов.

Минусинские степи. Спорово-пыльцевые анализы, проведенные С. Сафровым, показывают, что климатические условия в эпоху афанасьевской и окуневской культур в основном соответствуют современности. Как следует из его материалов, несколько южнее проходила лишь граница леса. Сухие степи с разреженным растительным покровом располагаются в южной и западной частях Минусинской котловины. Степи в Минусинской котловине простираются с севера на юг большими участками. Травяной покров — разнотравье. По окраинам котловин и в предгорьях наблюдаются луговые участки, где более влажный климат с разнотравно-луговой растительностью. Вокруг Минусинской котловины распространяются таежные леса с богатой лесной фауной промыслового значения (табл. 1). Если мы учтем костные материалы из могил афанасьевской и окуневской культур, то окажется, что здесь преобладают остатки диких животных, в основном лесного типа — медведь, зубр, косуля, олень, благородный олень, кабарга, соболь и др. наряду с фауной степного типа — сайга, сурок, бурундук.

К сожалению, из-за недостатка данных мы не знаем, когда древнее население Минусинской котловины начало осваивать глубинные районы сте-

[2] Ср. *N. Behrens.* Die neolitisch-fruhmetallzeitlichen Tierskelettfunde der Alten Welt, Berlin, 1964. Н. Беренс, изучавший здесь ритуальное захоронение Старого Света, на огромных материалах доказал, что жертвенными становились животные, которым принадлежало основное место в производственной жизни первобытного общества.

ней. Археологические памятники изучались здесь лишь вдоль крупных водоемов. Любопытно отметить, что в афанасьевское время в Минусинской котловине еще не выработался обряд положения в могилы мясной пищи, хорошо уже известный в это время в погребениях типичных скотоводов в восточноевропейских степях. Костные остатки животных представлены в афанасьевских могилах либо амулетами — зубами домашних или диких животных, либо альчиками — скорее всего играми и ожерельями из зубов. Здесь же бытуют в обряде погребения идеологические представления скорее неолитических охотников, чем скотоводов. И лишь в эпоху окуневской культуры мы можем констатировать появление обряда положения в могилы мясной пищи, хотя и теперь он не носит еще массового распространения.

Важно также отметить находки костей собак и изображений их (Черновая) в могилах окуневской культуры. Собаки использовались, вероятно, для пастьбы и охраны стад. Поскольку здесь не выработан обряд приношения в могилы мясной пищи, вопрос о реконструкции состава стада у окуневцев, а тем более у афанасьевцев не может быть пока решен. Исходя из растительного покрова и ряда других данных, надо полагать, что ведущим направлением скотоводства минусинских степей было разведение крупного рогатого скота при значительной роли охоты.

Таким образом, спецификой минусинских моделей скотоводческого хозяйства является большая роль охоты на мясных диких животных как лесных, так и степных. Роль земледелия здесь ничтожна, судить о нем можно лишь по находкам двух зернотерок. Отсутствие долговременных поселений, свиней в составе стада, а также изображения на писанице у с. Знаменки крытых повозок-фургонов и изображение на стеле из красного камня быков с дышлом свидетельствуют скорее не о придомном характере скотоводства, как полагает Г. А. Максименков, а о подвижном скотоводстве. Далее на запад степные памятники энеолита и ранней бронзы в Казахстанских степях нам известны настолько плохо, что невозможно получить какое-либо представление о моделях скотоводческого хозяйства.

Поволжско-уральская модель степных племен. Как показывают данные пыльцевого анализа и сапропелевых отложений ряда озер, растительный покров южнорус-

Таблица 1

Сибирские степи (афанасьевская и окуневская культуры)*

Археологическая культура	Количество учтенных погребений	Домашние животные					Дикие животные																		
		мелкий рогатый скот	крупный рогатый скот	лошадь	собака	неопределенные	олень	благородный олень	марал	косуля	зубр	медведь	дикий бык	як	кабарга	кулан	волк	выдра	бобер	лиса	соболь	сурок	бурундук	сайга	кости птиц	кости рыб
Афанасьевская	223	12	10	3	—	3	2	1	1	5	3	1 (?)	1	1	1	1	—	—	—	2	—	3	1	1	—	1
Окуневская	251	9	3	1	4		2	1	—	3	—	7	—	—	2	—	2	1	1	2	2	12			6	1

* Приношу признательность Э. Б. Вадецкой за предоставленную мне возможность пользоваться ее картотекой для получения данных, использованных в настоящей таблице.

Таблица 2

Количество исследованных курганов	Могильник	Количество исследованных погребений по культурам						Всего погребений
		ямные	предкавказские	срубные	савромато-сарматские	позднекочевнические	неопределенные	
10	Хут. Балкин	3	12	3	8	4	2	32
46	Хут. Кузин	1	6	2	56	3	1	69
11	С. Цаца	16	22	33	4	1	—	76
23	С. Никольское	3	3	6	16	4	—	32
14	Сазонкин бугор	1	3	—	15	3	—	22
19	Хут. Капитанский	2	5	2	14	7	—	30
4	С. Усьман	7	16	3	13	—	—	39
28	Три брата I	5	63	—	23	7	—	98
33	Три брата II	—	3	—	29	4	—	36
11	Лола I	11	51	—	8	1	—	71
17	Лола II	5	25	—	3	8	—	41
38		15	52	—	17	11	—	95
1	Элиста I	—	1	—	—	—	—	1
12	Элиста II	3	8	7	13	3	—	34
37	Элиста III	6	89	2	11	15	—	123
Итого: 316		78	359	58	230	71	3	799

ских степей в эпоху энеолита и бронзы в основном соответствовал современному [3]. Раскопки курганных могильников в глубине степей позволяют отнести время освоения глубинных степей в Восточной Европе к эпохе ямной культуры, что установлено нашими работами на ряде могильников: Балкин хутор Сарпинского р-на Калмыцкой АССР (90 *км* в глубь степей от правого берега Волги), Цаца Светлоярского р-на Волгоградской обл. (30 *км* в глубь от правого берега Волги), хут. Кузин Черноярского р-на Астраханской обл. (30 *км* в глубь от правого берега Волги), Никольское Енотаевского р-на Астраханской обл. (10—20 *км* в глубь степей), Сазонкин бугор Черноярского р-на Астраханской обл. (9 *км* от правого берега Волги), хут. Капитанский того же района и области (15 *км* от правого берега Волги), с. Усьман Богаевского р-на Ростовской обл. (15—20 *км* в глубь степей от левого берега р. Маныч).

Как видно из табл. 2, более половины погребений, исследованных в глубокой степи, относились к эпохе энеолита и бронзы (62%) и только 38% принадлежали савромато-сарматским и позднекочевническим племенам. Следовательно, мы теперь можем с уверенностью утверждать, что глубокие степи начали осваиваться в Нижнем Поволжье в эпоху ямной культуры. При этом следует отметить, что здесь встречены погребения ямной культуры как мужчин (Балкин хутор, 4/3 и др.), так и женщин и детей (Балкин хутор, 5/8 и др.), в том числе и грудных детей (Усьман, 1/8; 1/13). Следовательно, надо полагать, что в эпоху ямной культуры там проживали целые семьи.

Чем же занималось древнее население, оставившее нам памятники ямной культуры? В течение долгого времени считалось, что оно занималось охотой и собирательством [4]. Лишь в последнее время поставлен вопрос о наличии у него производящего хозяйства [5]. Остеологические материалы,

[3] *М. И. Нейштадт.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 198—199 сл.; *В. А. Чигуряева.* Растительность Заволжья эпохи бронзы. МИА, 78, 1960, стр. 282.

[4] *А. П. Круглов и Ю. В. Подгаецкий.* Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, 119, М.— Л., 1955, стр. 50 сл.

[5] *Б. А. Латынин.* К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИА АН СССР, 70, 1957, стр. 3 сл.; *Н. Я. Мерперт.* Энеолит степной полосы Европейской части СССР. L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961.

Таблица 3

Культура	Общее количество учтенных погребений	Кости домашних животных		Кости диких животных		Кости диких птиц		Кости рыб	
		к-во погребений с костями	%	к-во погребений с костями	%	к-во погребений с костями	%	к-во погребений с костями	%
Ямная	263	40	15,21	6	2,28	6	2,28	—	—
Полтавкинская ступень	176	48	27,27	4	2,27	2	1,13	2	1,13
Предкавказская	604	152	25,27	8	1,32	—	—	5	0,82
Срубная	1053	232	22,6	7	0,66	7	0,66	1	0,1

Таблица 4

Культура	Общее количество погребений с костями домашних и диких животных	Погребения с костями домашних животных	Погребения с костями диких животных	Погребения с костями диких птиц и скорлупы яиц	Погребения с костями рыб
Ямная	53(100%)	40(75,47%)	6(11,32%)	7(13,20%)	—
Полтавкинская ступень	56(100%)	48(85,71%)	4(7,14%)	2(3,57%)	2(3,57%)
Предкавказская	165(100%)	152(92,12%)	8(4,84%)	—	5(3,03%)
Срубная	253(100%)	238(94,07%)	7(2,76%)	7(2,76%)	1(0,39%)

обнаруженные в могилах ямной культуры Нижнего Поволжья, и другие материалы отвечают на вопрос о хозяйственном укладе этих племен (табл. 3).

Из учтенных нами в степях междуречья Дона, Волги и Урала 263 погребений ямной культуры кости домашних животных встречены в 40 могилах (15, 21%). Это целые скелеты, кости передних ног, чаще всего до колена, и реже кости задних ног, а также черепа и части черепа овец. Кроме того, нельзя не учесть находки альчиков барана. Поскольку в скелете барана имеется только два альчика, то, если мы встречаем в могилах 16 альчиков, они принадлежали не менее чем восьми особям.

Еще более увеличивается процент домашних животных в последующее время (табл. 4). Появление и развитие этого обычая (положение в могилы мясной пищи) со всей наглядностью свидетельствует, что скотоводство получило широкое распространение как в степях Нижнего Поволжья, так и Северного Причерноморья. В это время разводили основные виды домашних животных: овец, коров, лошадей и верблюдов. Очень вероятно, что для выпаса и охраны стад использовали собак, которые иногда погребались вместе с хозяевами. Из следующей таблицы мы видим соотношение костей домашних и диких животных в могилах (табл. 4).

Таким образом, на основании данных табл. 4 мы можем констатировать, что в ямной культуре, а также в последующих по времени, преобладает обычай положения мясной пищи домашних животных, в отличие от Минусинской котловины. Кроме того, наблюдается утверждение этого обычая и хронологически — от ранних до поздних культур. Попытаемся на основании находок костных остатков домашних животных в погребениях представить состав стада. Естественно, что наши подсчеты могут и не отражать полной объективной картины. Однако при этом следует иметь в виду, что состав стада определялся не только желанием человека разводить те или иные виды животных, а такими объективными факторами, как ха-

О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. А. Макеревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 178.

Таблица 5

Количественное соотношение видов домашних животных в Нижнем Поволжье

Культура	Общее к-во погребений с костями домашних животных	Мелкий рогатый скот		Крупный рогатый скот		Лошадь		Верблюд		Неопределенные		Собака		Итого, %
		к-во погребений	%	к-во погребений	%	к-во погребений	%	к-во погребений	%	к-во погребений	%	к-во погребений	%	
Ямная	40	26	(65)	6	15	3	7,50	—	—	3	7,50	2	5,00	100
Полтавкинская ступень	48	37	77,08	6	12,50	2	4,17	—	—	2	4,17	1	2,0	100
Предкавказская	152	106	69,73	21	13,81	11	7,24	1	0,66	12	7,90	1	0,66	100
Срубная	238	128	53,78	60	25,21	27	11,35	—	—	21	8,82	1	0,84	100

рактер и емкость пастбищ. Палеоботанические исследования показывают, что в растительном покрове Нижнего Поволжья преобладали различные виды полыней. А это значит, что здесь в составе стада должен преобладать мелкий рогатый скот. Таким образом, статистические данные подсчета костных остатков видов домашних животных, положенных в могилы, вполне подтверждают выводы палеоботаников.

Как видно из табл. 5 (в ней учтены и альчики), здесь преобладает мелкий рогатый скот. Любопытно отметить, что результат нашего анализа костных остатков из погребений в основном соответствует составу стад калмыков, кочевавших на тех же землях, что и их далекие предшественники. У них также в составе стад преобладал мелкий рогатый скот, главным образом овца[6].

Таким образом, древнее население Нижнего Поволжья выступает перед нами, по данным археологии, как типичное скотоводческое. Об этом говорит ряд фактов. 1 — Неблагоприятная для земледелия естественно-географическая среда с изобилием солончаковых почв и песков, покрытых полынями, удобных для разведения скота. 2 — Отсутствие долговременных оседлых поселений и наличие кратковременных стойбищ, топографически связанных с крупными песчаными выдувами, совершенно непригодными для занятий экстенсивным земледелием. 3 — Отсутствие положительных данных о значительной роли земледелия вплоть до эпохи срубной культуры, несмотря на систематически проводимые здесь раскопки и разведки. 4 — Состав стада, где преобладает мелкий рогатый скот. Как показали работы многих исследователей, преобладание мелкого рогатого скота свидетельствует о подвижном образе жизни[7]. 5 — Видимо, с началом более подвижного образа жизни древнего населения степей Восточной Европы следует связывать факт появления впервые в эпоху ямной культуры обычая сооружения над могилами умерших

[6] *П. Д. Либеров.* К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. МИА, 53, 1960, стр. 134, табл. 6.

[7] *W. Herre.* Zur Abstammung und Entwicklung der Haustiere. Verhandl. d. deutschen Zoologien in Kiel, 1948, Leipzig, 1949, S. 317.

курганных насыпей. В эпоху неолита умершие погребались в грунтовых могильниках. 6 — Появление транспортных средств — повозок с крытым верхом в памятниках ямной, предкавказской и катакомбной культур [8], без чего трудно вести подвижное скотоводческое хозяйство. 7 — Освоение открытых степей, где невозможно содержать скот на подножном корму в течение круглого года вследствие небольшой емкости пастбищ и скотосбоев растительности.

Да и можно ли вообще заниматься скотоводством в Нижнем Поволжье в условиях засушливого климата с малоемкими пастбищами и при недостатке воды, не совершая перекочевки с пастбища на пастбище? Этнографические данные отрицают такую возможность. Поскольку в древности и теперь здесь разводились одни и те же виды домашних животных и норма потребления кормов и воды скотом является, конечно, одинаковой и поскольку сходны растительный покров и водный режим, позволим себе привести данные этнографии. Согласно этим данным, для того чтобы обеспечить питанием один калмыцкий хотон из четырех кибиток с населением в 13 душ, было необходимо содержать 100 голов овец, 4 коровы, 2 лошади и 4 верблюда. Хозяин такого хотона из Богутова рода Андыковского улуса считался владеющим тем минимумом, за которым следует нищета и невозможность ведения скотоводческого хозяйства. Даже при таком небольшом хозяйстве хотон был вынужден, по данным неполного года, совершить пять перекочевок. В течение зимы, около полутора месяцев, хотон жил в урочище Маштык. Во время весенних богатых кормов он до середины мая находился на одном месте. Затем он перекочевал в урочище Хош, на 13 *км*, где пробыл пять дней. Здесь оказалась горько-соленая вода, и он перешел в урочище Кюбедан-Ксенце, в 10 *км*, и пребывал здесь 20 дней. Отсюда он перекочевал в урочище Дабста на 30 *км*, где провел 15 дней. Из урочища Дабста он перешел в урочище Пер-Маралык на 5 *км*, где пробыл 10 дней, и наконец, отсюда — на урочище Боро-Маштык, в 10 *км*, где находился 10 дней и где в июле его застал здесь И. А. Житецкий [9]. Таким образом, хотон, начав кочевку с половины февраля в течение 137 дней сменил пять пастбищ и прошел до июля 73 *км*. При этом круглый год хотон выпасал свой скот на подножном корму и не производил заготовок сена.

Возьмем более крупное хозяйство калмыка Х. из того же Богутова рода Яндыковского улуса аймака, зайсанга Окопова в 1885 г. Хозяйство состояло из 300 лошадей при двух пастухах, 1500 овец при двух пастухах, 50 верблюдов при одном пастухе и 60 голов крупного рогатого скота, который выпасала хозяйская семья. При стадах было четверо рабочих, которые смотрели за колодцами, караулили скот ночью и помогали пастухам при водопое. Семьи хозяина, пастухов и работников размещались в 10 кибитках и кочевали всегда отдельным хотоном.

Этот хотон зимовал около 60 дней, с половины декабря по 15 февраля. С этого времени он в течение 144 дней совершил четыре перекочевки в 75 дней на расстояние 80 *км*. Помимо этого, с мая месяца весь скот, за исключением крупного рогатого, с пастухами осуществил еще пять перекочевок на 85 *км*. Наконец, по одной перекочевке совершили пастухи с верблюдами на 25 *км* и пастухи с овцами. Крупный рогатый скот переменил четыре места и прошел 80 *км*, лошади с пастухами — 9 мест и прошли 109 *км*, верблюды с пастухами — 10 перекочевок и прошли 194 *км*, и наконец, овцы с пастухами сменили 10 мест и прошли более 169 *км*.

[8] *И. С. Синицын.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. СА, X. 1948, стр. 151—160; *С. И. Капошина.* Памятники эпохи бронзы и сарматского времени на Нижнем Дону. Тезисы докладов на заседании, посвященном итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 41; *ее же.* Итоги работы Кобяковской экспедиции. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 48 сл.; *И. В. Синицын и У. Э. Эрдниев.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. ..., стр. 14; *они же.* Археологические памятники..., стр. 32—35.

[9] *И. А. Житецкий.* Астраханские калмыки. Сб. тр. членов Петровского о-ва исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892, стр. 95 сл.

При этом с зимовки до мая все хозяйство кочевало вместе, в начале мая раздробилось на две группы, а в период засухи — на четыре группы. В таком раздробленном состоянии кочевки совершаются до осенних кормов [10]. Таким образом, эти две этнографические параллели убедительно доказывают, что в условиях степей Нижнего Поволжья заниматься скотоводством как основной формой хозяйства невозможно, не ведя кочевой образ жизни. Недостаточное количество воды и кормов определили подвижность хозяйства.

По современным данным, для прокормления одной головы крупного рогатого скота в условиях Ленинского р-на Волгоградской обл., полупустынные степи которого покрыты типчаково-полынными образованиями, было необходимо 4,9 *га* сбитых или 8—9 *га* сильно сбитых пастбищ [11]. Итак, по-

Таблица 6

Состав стада эпохи ямной культуры по памятникам южнорусских степей, %

Район, памятник	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Свинья	Собака	Неопределенные кости домашних животных
Нижнее Поволжье	15	65	7,5	—	5	7,5
Хут. Репин	18,18	9,09	54,54 *	9,09	—	—
Северный Кавказ, пос. Мешоко (два слоя)	45,66	15,07	0,02	39,19	0,5	—
Пос. Михайловка (верхний слой)	59,30	29,1	10,5	0,4	0,7	—

* По уточненным данным, даже 80%.

волжско-уральская модель скотоводческого хозяйства характеризуется подвижным образом жизни при занятиях жителей разведением главным образом мелкого рогатого скота.

Северокавказская модель представлена майкопской культурой различных стадий. Помимо погребальных памятников, исследованных, к сожалению, в давние времена, так что невозможно учесть костные материалы, здесь благодаря работам А. А. Формозова и А. Д. Столяра мы знаем целую серию долговременных оседлых поселений, частично укрепленных. У племен, оставивших нам памятники майкопской культуры, преобладают в составе стада, по данным А. Д. Столяра, кости крупного рогатого скота и свиньи. Как мы уже отмечали, на поселении хут. Репин в составе стада доминируют лошади. В табл. 6 мы свели данные о составе стад по различным районам южнорусских степей.

Лучше всего изучены остатки фауны, как мы видим, с пос. Мешоко. Долговременный характер поселений и состав стада, в частности наличие свиньи, не предполагают подвижного образа жизни майкопских скотоводов. Наличие альпийских лугов и больших дубовых лесов наложило отпечаток на характер стада майкопцев. Они выступают перед нами прежде всего как пастухи крупного рогатого скота и свиноводы, ведущие оседлый образ жизни, хотя и не исключается полностью отгонное скотоводство — сезонный перегон крупного рогатого скота и овец на летние пастбища — альпийские луга.

Причерноморская модель. По данным спорово-пыльцевых анализов, причерноморские степи неоднородны по своему растительному покрову. Ковыльные степи с тучными черноземами и разнотравьем перемешивают-

[10] *И. А. Житецкий.* Ук. соч., стр. 96—97.

[11] *Л. Г. Динесман.* Изменение природы северо-западной Прикаспийской низменности. М., 1960, стр. 34; *А. И. Тереножкин.* Дикорастущие пастбищные и сенокосные травы Сталинградской области. Сталинград, 1937.

ся здесь с участками полынных формаций, что наложило отпечаток на характер стад. В. И. Бибикова без учета почв и растительного покрова выделяет здесь два скотоводческих ареала (табл. 7): западный (южнобугский неолит, культуры гумельница, боян, трипольская и др.) — к западу от Днепра, по ее мнению, характеризуется хозяйством, в котором главная роль в стаде принадлежала крупному рогатому скоту; восточный — к востоку от Днепра, который характеризуют памятники среднестоговской, древнеямной, днепро-донецкой и других культур. Если можно согласиться в основном с выделенным В. И. Бибиковой западным вариантом, хотя и здесь намечаются и другие формы скотоводческого хозяйства, представленные памятниками ямной культуры, то для восточного ареала тре-

Таблица 7

Соотношение количества остатков лошади и остатков других копытных по археологическим культурам (по В. И. Бибиковой)

Ареал	Культура	Количество памятников	Количество		Костные остатки лошади, %	
			костей всех копытных животных	костей лошади	крайние	средние
Западный	Неолит Румынии	8	3949	11	—	0,3
	Боян и линейно-ленточной керамики	2	5688	Единичные находки	—	0,5
	Ранний этап трипольской	8	13333	67	0,4—14,7	0,5
	Южнобугский неолит	7	2880	25	0,3—6,7	0,9
	Воронковидных кубков	3	5425	109	0,8—4,8	2,0
	Ранний неолит Среднего Поднепровья	4	492	10	1,1—6,4	2,3
	Средний этап трипольской	8	8572	74	0,5—8,3	0,9
	Сурская развитого неолита Среднего Поднепровья	3	820	42	1,1—10,9	5,1
	Поздний этап трипольской	12	6752	648	0,2—26,9	9,6
Восточный	Днепро-донецкая	3	393	57	9,8—25,8	14,5
	Среднестоговская	5	4590	2479	6,7—63,3	54,0
	Раннеямная	1	817	652	79,8	—
	Ямная Нижнего Поднепровья	3	54056	5567	8,5—10,4	10,3

буется ввести некоторые коррективы в характер стада ряда культур. Вряд ли можно рассматривать днепро-донецкую культуру как культуру коневодов. По данным В. И. Бибиковой, из 398 костей домашних животных лишь 57 костей лошади, т. е. в среднем 14,3% всех домашних животных принадлежали лошади.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что В. И. Бибикова совершенно права, считая коневодами племена культуры Средний Стог II, территория которой охватывает частично лесостепную зону и зону степей с разнотравьем. Аналогичная картина наблюдается при изучении костного материала из поселения у хут. Репин, находящегося на правом берегу Дона. Это поселение исследовалось в течение ряда лет И. В. Синицыным, однако, поскольку культурные наслоения оползли в овраг, сказать что-либо определенное о его характере затруднительно. По данным И. В. Синицына, кости лошади здесь преобладают — 54,5% (а по новым данным они достигают 80%), крупного рогатого скота 18,18%, мелкого рогатого скота 9,09%, свиньи 9,09%, оленя 9,09%. Состав стада свидетельствует об оседлом образе жизни населения этого поселка (прежде всего присутствие костей свиньи).

Таким образом, мы определенно можем констатировать в северной части степей и в лесостепной зоне Северного Причерноморья специализированные хозяйства коневодов.

Наряду с этим наблюдается здесь и другая модель, которая представлена такими долговременными поселениями ямной культуры, как Михайловское III и верхний горизонт Михайловки II и, видимо, Ливенцовка и другие памятники (Скеля-Каменоломня), где преобладает в составе стада крупный рогатый скот. Наличие здесь разнотравья предполагало пастушеское скотоводство, в основе которого преобладал крупный рогатый скот.

Вместе с тем в степях Северного Причерноморья можно наблюдать по могильным памятникам третью модель скотоводческого хозяйства. Данные, собранные Н. Я. Мерпертом в его докторской диссертации, позволяют от-

Таблица 8

Состав костных остатков эпохи ямной культуры (по Н. Я. Мерперту), %

Вариант ямной культуры	Овца	Корова	Лошадь	Собака
Волжско-уральский	75/85	2/10	1/5	—
Предкавказский	7/50	5/35	1/7	1/7
Донской	18/93	1/7	0/0	—
Северо-Донецкий	1/100	—	—	—
Приазовский	5/63	2/25	1/12	—
Нижнеднепровский	9/64,3	1/7	2/14	2/14

крыть среди ямных и катакомбных погребений специализированное овцеводческое направление скотоводческого хозяйства. Оно распространяется в полынных степях Подонья-Поднепровья, захватывая наиболее южные части степной зоны (табл. 8). В Подонье (93%), Северном Донце (100%), Приазовье (63%) и Нижнем Днепре (64%) в составе стада преобладает мелкий рогатый скот, т. е. там, где имеются полынные формации. Таким образом, в Северном Причерноморье к востоку от Днепра, начиная с культуры Средний Стог II, мы встречаем три модели специализированных оседлых коневодов (северная пойма степи и лесостепь), оседлых скотоводов, разводивших главным образом крупный рогатый скот (поймы Днепра и Дона), и кочевых овцеводов (открытые степи).

Наши исследования на Нижнем Днепре показали, что скотоводы начали осваивать глубинные степи междуречья Дона и Днепра еще в эпоху ямной культуры. Исследованные нами полностью два могильника в открытой степи близ Никополя — Дмитриевский и Орловский дали в основе погребения ямной культуры и нижнего горизонта Михайловки II.

Таким образом, в степях Евразии в IV—II тысячелетии до н. э. в зависимости от растительного покрова и, следовательно, почв выделяется несколько моделей скотоводческого хозяйства.

1. Минусинская: в составе стада преобладал крупный рогатый скот при большой роли охоты на промысловых зверей. Скотоводы, вероятно, не были полностью оседлыми.

2. Нижневолжская: основное направление скотоводчества — разведение мелкого рогатого скота при наиболее подвижном образе жизни.

3. Северокавказская: в составе стада преобладали крупный рогатый скот и свинья при оседлой форме скотоводства, хотя и здесь не исключается наличие оттонного скотоводства на альпийские луга.

4. В Северном Причерноморье наблюдается несколько моделей хозяйства: а) овцеводы, ведущие подвижный образ жизни,— ямники, освоившие глубинные степи; б) коневоды, ведущие оседлый образ жизни (культура Средний Стог II и хут. Репин); в) оседлые скотоводы, разводившие

крупный рогатый скот (Михайловка III и верхний горизонт II, Ливенцовка и др.).

Эта специализация определялась прежде всего географической средой. Там, где преобладают полынные формации и тем самым солончаки, в составе стад преобладает мелкий рогатый скот, и в этих регионах в силу разреженности растительного покрова и небольших запасов воды наблюдается наиболее подвижный образ жизни скотоводов. Там, где преобладает разнотравье, в составе стада преобладают крупный рогатый скот и лошади. Здесь скотовод менее подвижен, что возможно благодаря густоте растительного покрова и наличию достаточного количества воды.

Механическое перенесение даже в пределах одной культуры данных, полученных из исследований единичных поселений, на всю ойкумену степей, включающих, несмотря на общее сходство, области с различными экологическими условиями, невольно приведет к искажению картины хозяйственной деятельности древних степных племен. Так, если мы перенесем данные полученные в результате исследования Михайловского поселения, где преобладало разведение крупного рогатого скота, на смежные территории распространения ямной культуры, скажем на область южноволжских ямных племен, мы тем самым невольно исказим картину хозяйственной деятельности ямных племен Нижнего Поволжья, поскольку здесь преобладали полынно-типчаковые степи, способствующие лишь интенсивному разведению мелкого рогатого скота. Вместе с тем эти пастбища с полынно-типчаковым покрытием не стимулировали разведения крупного рогатого скота и лошадей. Аналогичная картина получается, если мы распространим на ямную культуру результаты исследований костных остатков из поселения на правом берегу р. Дон у хут. Репин, где в растительном покрове наблюдается разнотравье (идентичное по культуре со II слоем пос. Михайловки на Днепре), и где в составе стада 80% костного материала принадлежало лошади. Это не будет соответствовать ни данным, полученным из Михайловского поселения, ни данным, полученным из материалов погребений ямной культуры Нижнего Поволжья.

Та же искаженная картина получается, если мы перенесем данные анализа костных остатков поселений майкопской культуры, где в составе стада преобладал крупный рогатый скот и свинья, на соседние районы синхронных им ямных племен. Здесь прекрасные альпийские луга и дубовые рощи предопределяли характер стада.

V. P. Chilov

MODELES D'ECONOMIES DE PASTEURS DES REGIONS STEPPIQUES EURASIATIQUES A L'ENEOLITHIQUE ET AU BRONZE INITIAL

Résumé

En partant des données de l'analyse de pollen et de l'étude des résidus de nourriture provenant des tombes anciennes l'auteur distingue quelques modèles d'économies de pasteurs chez les tribus steppiques eurasiatiques.

1. Dans les steppes polyherbageuses de la dépression de Minousinsk, berceau des civilisations d'Afanaciévo et d'Okounevo, c'est le gros bétail cornu qui prédomine dans le cheptel. En même temps, à la différence des steppes européennes, la chasse y tient la place plus importante du fait que les steppes de Minousinsk étaient entourées de la zone forestière de taïga qui abondait en animaux sauvages.

2. Dans le bas cours de Volga, sur les sols salins, à la prépondérance des formations de fétuque et d'artémisia, à l'époque des civilisations de Poltavkino et des sépultures en catacombes, surgi un autre modèle d'économie d'éleveurs. Ici le cheptel est composé de menu bétail cornu. Le rôle de la chasse est infime.

3. Au Caucase Nord, dans les piédmonts, où prédominent les prés polyherbageux et alpiques et de grands bois de chêne, dans le cheptel le gros bétail cornu et les porcs sont prépondérants. Le rôle de la chasse est insignifiant quoique un peu plus grand que chez les tribus du cours de Volga.

4. Sur le littoral nord de la mer Noire, à la frontière des steppes boisées et des steppes, à la prédominance de celles polyherbageuses, les tribus anciennes de la civilisation de Srédni Stog II élevait les chevaux de préférence qui, sur certains sites, composaient 80% de bétail.

5. Dans les vallées alluviales des fleuves et des rivières du même littoral nord de la mer Noire, à l'époque de la civilisation des fosses en pleine terre, c'est le gros bétail cornu qui prédomine dans le cheptel à la différence de la steppe large aux formations d'artémisias où le petit bétail cornu tient le dessus.

L'auteur est persuadé que la composition de cheptel n'était pas déterminée par la volonté des hommes mais par les conditions écologiques. Il a réussi à mettre en lumière une régularité générale: dans les régions désertiques aux sols salins et couvertes de formations d'artémisias dans le cheptel prédomine le menu bétail cornu, dans les prés polyherbageux c'est le gros bétail cornu ou le cheval.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ДРЕВНЕЙШИЕ МОГИЛЬНИКИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Открытия своеобразных памятников культуры «пазырыкского типа» в Горном Алтае включили эту территорию, затерянную в глубинах азиатских гор и степей, в число наиболее ярких регионов скифской эпохи [1]. Предшествующий период, эпоха бронзы, и ее начальный этап, энеолитическая древность, в значительно меньшей мере привлекали внимание исследователей [2]. Однако палеометаллическая культура, оставленная племенами древнейших скотоводов-европеоидов Саяно-Алтайского нагорья и енисейской степи во второй половине III тысячелетия до н. э., заслуживает пристального рассмотрения, поскольку она является начальным звеном развития производящих форм экономики на восточной окраине евразийского степного пояса. На примере горноалтайского энеолита наиболее рельефно выступают глубокие параллели между древнеямной и афанасьевской культурами. В Горном Алтае открыто около 10 могильников и отдельных погребений, относящихся к энеолитической афанасьевской культуре, группирующихся по берегам притоков рек Катуни и Башкауса. Соответственно отраженной в этих памятниках культурно-исторической и временной традиции они могут быть подразделены на три типа: арагольский, куротинский и куюмский.

Погребения арагольского типа включают могильные комплексы, наиболее архаичные по своим признакам. К ним прежде всего отнесем могильник около урочища Арагол на правом берегу р. Ян-Улаган, притоке Башкауса, раскопки которого были начаты в 1924 г. Алтайской экспедицией Русского музея под руководством С. И. Руденко [3]. Были раскопаны два кургана [4].

Курган 1 — овальная земляная насыпь, обложенная по поверхности камнем, диаметр по линии север-юг 13,5—15 *м*, высота 1,35 *м*. В центре насыпи, на глубине 0,7 *м* от вершины, найдены обломки черепа и большая берцовая кость человека, а также лопатка крупного животного, лощади или коровы. На глубине 2,55 *м* от вершины насыпи, на дне грунтовой могильной ямы, погребены двое мужчин, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-восток. Левый костяк принадлежал муж-

[1] Материалы были обобщены в фундаментальных работах С. И. Руденко.— *С. И. Руденко.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953; *его же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960.

[2] Материалы по алтайскому энеолиту почти не нашли отражения в специальной литературе. Основные сведения сосредоточены в архиве Г. П. Сосновского (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 42, д. 42, д. 93, 94), основные находки — в ОИПК Гос. Эрмитажа и ГИМ. Краткие публикации подытожены С. В. Киселевым.— *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 21, 22, 56. Антропологические определения обобщены Г. Ф. Дебецом.— *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропологии СССР. М., 1948.

[3] *С. И. Руденко.* Погребение человека каменного века в Восточном Алтае. «Природа», 1926, № 5, 6.

[4] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 4384; *Г. П. Сосновский.* Ук. архив, д. 94 (дневник Г. М. Глухова); *М. П. Грязнов.* Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, табл. I, *10*; *Г. Ф. Дебец.* Ук. соч., рис. 14, приложения № 12, 29.

чине зрелого возраста (рост 176 *см;* в пятом грудном позвонке торчал кремневый наконечник стрелы, листовидный, с вогнутым основанием), правый — молодому мужчине. Оба погребенных обильно окрашены охрой, положены на подстилку из лиственничной коры и ею же покрыты. Инвентарь отсутствует.

Курган 2 — округлая земляная насыпь, обложенная по поверхности камнем, диаметр 11—12 *м*, высота не более 0,5 *м*. Грунтовая могильная яма ориентирована продольной осью северо-восток — юго-запад, ее размеры 2,8×1,7—2×1,6 *м*. На дне нарушенное погребение мужчины, кости окрашены охрой. Инвентаря нет.

В 1929 г. раскопки Арагольского могильника были продолжены М. П. Грязновым, раскопавшим четыре кургана [5].

Курган 3 — земляная насыпь диаметром 7 *м*, высотой 0,4 *м*, у основания и кое-где посередине камни. Грунтовая могильная яма размером 2×1, 1×0,8 *м* (от горизонта). На дне нарушенное погребение мужчины. Инвентаря нет.

Курган 4 — земляная насыпь диаметром 9,5 *м*, высотой 0,5 *м*, у основания видны камни. Грунтовая могильная яма с «заплечиками», ее верхние размеры 2,7 × 1,15 *м*, по дну — 2 × 0,95 *м*. Перекрытие в виде бревенчатого наката размером 2,3 × 0,95 *м*. На дне костяк женщины (рост 159 *см*), вытянуто на спине, головой на восток. По всему дну могилы красная охра. Инвентарь отсутствует.

Курган 5 — земляная насыпь диаметром 6 *м*, высотой 0,2 *м*. В насыпи много камня. Грунтовая могильная яма неясных очертаний, глубиной 1,3 *м* от древнего горизонта. На дне костяк мужчины (рост 175 *см*), на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-запад, с черепом, лежащим на правом виске. Кости и дно могилы слабо окрашены красной охрой, у таза и ног — угольки. У пяточной кости лежал яйцевидный неорнаментированный сосудик высотой 16 *см*, грубо сформованный и плохо обожженный, с невысоким, отогнутым наружу горлышком; поверхность его имеет четкие следы заглаживания.

Курган 6 — земляная насыпь диаметром 8 *м*, высотой 0,3 *м*; у основания и посередине встречаются камни. Грунтовая могильная яма неясных очертаний, ее примерные размеры 2—1,5 × 1 × 1,25 *м*. В могиле отдельные кости ребенка в возрасте около 10 лет, окрашенные красной охрой. Попадаются мелкие кусочки дерева. Инвентаря нет.

По-видимому, аналогичного типа погребение было раскопано Л. П. Потаповым на р. Урсуле, левом притоке Катуни [6]. Погребение обнаружено в береговом обнажении, костяк взрослого человека лежал на глубине 2 *м* от современной поверхности, на слое галечника и песка и был перекрыт каменной насыпью. Погребенный ориентирован на северо-запад, с черепом на правом виске; кости и череп окрашены красной охрой и обвернуты лиственничной корой. При костяке находились медные украшения: спиральные височные кольца и пластинки.

Архаичность некоторых обрядовых признаков позволила С. И. Руденко сопоставлять курганы 1 и 2 могильника Арагол (Ян-Улаган) с позднеолитическими китойскими могильниками Прибайкалья, что и утвердило за этим памятником неолитическую датировку. С. В. Киселев также видел в этом могильнике «доафанасьевский» памятник [7]. В настоящее время определению культурно-хронологического места древнейших могильников Горного Алтая, раннего их типа, представленного арагольскими погребениями, помогают конкретные сопоставления с древнеямными памятниками Ниж-

---

[5] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 2177; *Г. П. Сосновский.* Ук. архив, д. № 94; *Г. Ф. Дебец.* Ук. соч., приложения № 12, 29.

[6] *Г. П. Сосновский.* Ук. архив, д. № 94; *М. П. Грязнов.* Ук. соч., стр. 5; *Л. П. Потапов.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 66.

[7] *С. И. Руденко.* Ук. соч.; *С. В. Киселев.* Ук. соч., стр. 22.

него Поволжья и их аналогами в Оренбургской степи [8]. Подобно древнеямным могильникам Нижнего Поволжья арагольские курганы сочетают как вытянутые, так и скорченные на спине погребения, совершенные в обширных грунтовых ямах, с ориентировкой на восток, северо-восток, северо-запад. Характерна обильная окраска охрой, растительная подстилка, угольки, однако у «арагольцев» отсутствует распространенный в Нижнем Поволжье обычай меловой подсыпки [9]. Подобно ранним древнеямным захоронениям Нижнего Поволжья, наиболее ранняя погребальная традиция представлена в арагольских погребениях, очевидно, вытянутыми на спине костяками, сильно окрашенными, безынвентарными или с малым инвентарем, в чем можно видеть пережиток неолитической обрядности [10]. Для ранних памятников обеих рассматриваемых территорий показательно то, что параллельно существует и синхронно развивается и собственно энеолитический обряд скорченного на спине погребения, являющийся преобладающим [11]. Заметим, что в оренбургском могильнике Герасимовка I именно скорченным погребениям соответствует своеобразная форма могильной ямы с «заплечиками» и накатником [12], в Араголе же подобная могильная камера сочетается с вытянутым положением погребенного. В ранних горноалтайских погребениях практически не обнаружены перекрытия могил, в то время как в восточных древнеямных захоронениях древесные перекрытия встречаются неоднократно. В целом, однако можно констатировать, что погребальный обряд сопоставляемых памятников совпадает не только по своей основе, включающей конструкцию могильного сооружения, положение и ориентировку погребенного, но и по ряду выразительных деталей.

Для горноалтайского энеолита на всем протяжении его развития ведущей формой керамики, а для начального этапа, очевидно, и единственной, оставался яйцевидный остродонный горшок с горловиной или венчиком. К. Ф. Смирновым была выделена и обобщена группа оригинальной древнеямной керамики, включающей остродонные яйцевидные сосуды с «высоким венчиком», сопровождающие как некоторые вытянутые, так и скорченные на спине погребения, причем в числе последних имеются выделяющиеся архаичными чертами обряда [13]. Число таких сосудов невелико, они четко выделяются среди прочих древнеямных форм. Назовем находки в могильниках волжского Левобережья — Бережновка, кург. 5, погр. 22; Быково I, кург. 12; Быково II, кург. 2, погр. 3; в могильниках Предкавказья — станица Кубанская, кург. 7, погр. 1 и станица Усть-Лабинская, кург. 10, погр. 1; в древнейших ямных могилах степного Крыма, а также в среднем слое Михайловского поселения [14]. Учитывая горноалтайские находки, назовем еще один район бытования таких сосудов — юго-западная окраина Южной Сибири, долины Алтая. В рассматриваемой серии

---

[8] *К. Ф. Смирнов.* Древнеямная культура в Оренбургских степях. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 156, 159.

[9] *К. Ф. Смирнов.* Древние курганы у с. Иловатка и Политотдельское, Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 307; *его же.* Быковские курганы. МИА, 78, 1960, табл. I.

[10] *К. Ф. Смирнов.* Древние курганы..., стр. 307; его же. Быковские курганы, стр. 235.

[11] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч.; *Н. Я. Мерперт.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968, стр. 18.

[12] *Э. А. Федорова-Давыдова.* Приуральская группа памятников ямной культуры. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971.

[13] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы..., стр. 235.

[14] *И. В. Синицын.* Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИИМК, 50, 1953, стр. 78, рис. 34, *2*; *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы..., рис. 22, *3*; *Б. А. Латынин.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. АСбГЭ, вып. 9, Л., 1967, рис. 65; *А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.* Древности степного Крыма. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, стр. 41, 42, рис. 12, *12*; *Е. Ф. Лагодовская.* Михайловское поселение и его историческое значение. КСИА АН СССР, 4, 1955, рис. на стр. 120, *2*, *4*.

древнеямной керамики некоторые формы венчика и тулова, а также орнамент в особенности близки горноалтайским, с чем мы столкнемся при рассмотрении всей алтайской энеолитической посуды в целом. К арагольскому образцу близки древнеямные экземпляры с отогнутой шейкой (Михайловка, II слой) [15]. Однако, если уже сейчас можно утверждать несомненную, принципиальную близость этих групп керамики, вызванную, по всей видимости, развитием в рамках культурно-генетически родственных этнических общностей, то вопрос об истоках такой формы пока гипотетичен. Так, для древнеямных памятников наибольшим приближением к истине будет, вероятно, предположение о поздненеолитических (или раннеэнеолитических для причерноморских областей) корнях происхождения яйцевидного сосуда с «высоким венчиком». Действительно, такая форма встречается в материалах, относимых к наметившемуся в последнее время выразительную пласту доямных памятников Украины с керамикой «нижнемихайловского типа». Например, в кургане на р. Когильник найден яйцевидный горшок, чрезвычайно близкий древнеямным [16]. В поисках истока аналогичной древнеалтайской формы следует, очевидно, обратиться к изучению Куюмского селища, чьи обширные материалы ожидают своей трактовки в плане их синхронизации с древнейшими могильными комплексами [17], а также к некоторым позднекельтеминарским памятникам с учетом новейших изысканий относительно территориально-хронологических связей этой культуры [18].

Остановимся, наконец, на особенностях половозрастной группировки погребенных в могилах арагольского типа. Наиболее архаичное впечатление производит парное мужское захоронение кург. 1 Арагола. Парные однополые погребения неизвестны в древнеямных памятниках волжско-уральского региона, где при совместных захоронениях наблюдаются индивидуальные погребения (2—3), сопутствующие основной, «материковой» могиле. Параллели однополым погребениям в одной могиле следует, по-видимому, искать в обрядах дометаллической эпохи. Действительно, как в неолитических памятниках самого широкого территориального ареала (китойские могильники Прибайкалья, Оленеостровский могильник на Онежском озере, днепро-донецкие «некрополи» Украины — наиболее выдающиеся примеры), так и в некоторых, наилучшим образом изученных, древнейших кладбищах позднего мезолита (могильники днепровского Надпорожья) мы находим совместные однополые погребения [19]. Отметим в этой связи, что традиция именно совместных мужских захоронений, проявляющаяся и в эпоху раннего металла (энеолитические толосы Геоксюра, коллективные могилы афанасьевского энеолита Среднего Енисея), наиболее стойкая и распространенная [20]. Обращаясь, наконец к древнеямным памятникам Нижнего Поволжья, следует подчеркнуть одну показательную особенность, имевшую не только чисто обрядовую, но и большую социально-общественную значимость: абсолютное преобладание мужских захоронений в основных и «сопроводительных» могилах курганов. Создается впечатление, что в ранних древнеямных подкурганных могилах погре-

---

[15] Автор прибегает к территориально удаленным аналогиям, учитывая вероятность синстадиальных черт в развитии культуры раннескотоводческого общества евразийской степи, несмотря на очевидные локальные вариации.

[16] *Д. Я. Телегін.* Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу. «Археологія», 1971, 4, рис. 4, *5*.

[17] Коллекция хранится в ОИПК Гос. Эрмитажа, инв. № 1272, раскопки Г. П. Сосновского.

[18] *А. А. Формозов.* О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии. СА, 1972, 1.

[19] *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950; *Н. Н. Гурина.* Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956; *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

[20] *В. И. Сарианиди.* Геоксюрский некрополь (раскопки 1963 г.). Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965; *М. Д. Хлобыстина.* Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита. СА, 1972, 2.

бались исключительно мужчины, женские захоронения отсутствуют, однако встречаются детские. Так, учитывая 19 древнеямных погребений, раскопанных в левобережных могильниках Бережновка I и II, Бережновка — юго-западная курганная группа, Скатовка [21], находим 14 погребений мужчин, 2 детских, 3 погребения «взрослых», по крайней мере 2 из которых, судя по обряду и инвентарю также, очевидно, мужские [22]. Рассматривая, далее, погребения быковских курганов, находим, что все определенные по полу костяки также принадлежат мужчинам, «впускные» — мужчинам или детям; изредка основное погребение оказывается детским [23]. Сходная картина наблюдается в Калиновском могильнике [24]. Любопытны соотношения погребенных в могильниках Иловатка и Политотдельском. В первом, где все определенные по полу костяки принадлежат мужчинам, интересен курган 2. Здесь основное погребение мужчины сопровождается редким для древнеямной культуры количеством детских захоронений, от младенческого до подросткового возрастов. Есть даже одно детское парное. В другом — сталкиваемся со случаем женского подкурганного погребения, но не одиночного, а в паре с мужским в одной могиле [25]. Таким образом, можно полагать, что для ранних древнеямных погребений Поволжья типичны мужские подкурганные основные захоронения, сопровождаемые также мужскими, реже детскими. Иногда встречается и такое соотношение: основная могила — детская, мужская — «впускная». В связи с отсутвием женских погребений надо предполагать, что женщины, а также основная масса детей и подростки погребались по иному, бескурганному обряду — вероятно, в грунтовых могильниках, которые, очевидно, следует искать вблизи курганов. О том, что отмеченное соотношение полов в подкурганных могилах Нижнего Поволжья не случайность, свидетельствуют материалы древнеямных могильников Калмыкии. Здесь из 37 древнеямных захоронений I и II Лолинского и Архаринского могильников абсолютное большинство определенных по полу погребений принадлежит мужчинам, далее — детям, имеются 3 парных разнополых захоронения и только 2 индивидуальных женских, причем также не одиночных, сопровождаемых ребенком, положенным «по антитезе» [26]. Присутствие в Политотдельском, Архаринском и обоих Лолинских могильниках по одному парному погребению мужчины и женщины свидетельствует, очевидно, о зарождении той формы семейно-социальных отношений, которая породила впоследствии широко распространенный в эпоху развитого энеолита — раннего бронзового века обычай парных разнополых погребений. Мы еще вернемся к этому вопросу. Здесь же заметим, что ничтожное количество, а во многих памятниках и полное отсутствие парных разнополых захоронений подчеркивает нетипичность их для ранних стадий развития древнеямной культуры Нижнего Поволжья, Калмыкии и Оренбуржья [27]. Древнеямный обычай мужских подкурганных захоронений, располагающихся сепаратно либо группой по 2—3 могилы, может быть сопоставлен с древнейшим неолитическим обрядом, нашедшим проявление в совместном погребении мужчин в одной могиле (Арагол, кург. 1). Любопытно, что в арагольских могилах лежат также по преимуществу мужчины. Женщина была погребена лишь в кург. 4 и в кург. 6 был погребен ребенок. Возможно, что женским было урсульское захоронение. Об этом могут свидетельствовать медные височные колечки, однако проявим осторожность: такие ко-

[21] *И. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, табл. 2.
[22] Там же.
[23] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы..., табл. I.
[24] *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959.
[25] *К. Ф. Смирнов.* Древние курганы...
[26] *И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, стр. 4—6.
[27] *К. Ф. Смирнов.* Древнеямная культура в Оренбургских степях...; *Э. А. Федорова-Давыдова.* Приуральская группа памятников...

лечки известны и из мужского погребения 5 могильника Курота [28]. Можно, таким образом, предполагать, что в обществе обеих культур доминантная позиция принадлежала мужчине, что и нашло своеобразное выражение в форме погребального обряда — захоронении именно мужчин под курганной насыпью. Заметим, в частности, что парное мужское погребение кург. I Арагола венчала наибольшая в могильнике насыпь. Очевидно, именно здесь и было совершенно самое значительное в данной общинно-родовой группе захоронение. Наконец, сопровождение мужских могил погребениями детей скорее всего должно быть понято как показатель утверждения патрилинейного счета родства. К сожалению, остается открытым вопрос о поле детей, погребавшихся в соседней с мужчинами могиле. Отметим далее и тот факт, что в подкурганных ямных захоронениях погребены в большинстве мужчины зрелого, а также старческого возраста. Изучение каждого конкретного случая комбинации погребенных в кургане людей сможет выявить реальную картину структуры общества древнеямной культуры Нижнего Поволжья, тогда как для его далекого восточного аналога эта проблема может быть поднята во всей полноте лишь в результате дальнейшего накопления материала. Однако уже сейчас, учитывая насущную необходимость систематизации как горноалтайских, так и южносибирских энеолитических материалов в целом, мы позволим себе сопоставить и синхронизировать погребения арагольского типа с I и II группами Нижневолжского района Волжско-Уральского варианта древнеямной этнокультурной общности [29], приближая их по ряду существенных архаизирующих признаков скорее к I группе.

Куротинский тип горноалтайских энеолитических погребений представлен могильником, исследованным С. В. Киселевым в 1937 г. на р. Куроте, притоке Урсула [30]. Могильник содержит 9 курганов с земляной насыпью, окруженной каменным кольцевым кромлехом, и 3 бескурганных кромлеха. Погребения совершены в грунтовых могильных ямах, причем перекрытия отмечены только для трех: в круг. 1 на древнем горизонте многоугольное перекрытие из лиственничных бревен, в кург. 9 бревенчатый накат и в кург. 7 плиточное покрытие. Могилы прямоугольные, со скругленными углами, сохранились остатки растительных подстилок. Положение погребенных — скорченно на спине или скорченно на левом боку; ориентировка на восток (6 случаев), северо-восток (1), северо-запад (2) и запад (2 случая, один из них «по антитезе»). Имеется парное мужское захоронение, ориентированное на восток, и парное мужское, сопровождаемое женским, положенным «по антитезе», на запад. «Большинство костяков окрашено в интенсивный красный цвет» [31]. Создается впечатление, что в Куротинском могильнике мы имеем пример развития древней, арагольской традиции: встречаются каменные кромлехи, причем над кург. 2 с тремя погребенными было два концентрических круга, появляется положение умерших на боку, однако преобладают северные и восточные ориентировки, а половина погребенных положена с согнутыми в коленях, «поставленными» ногами. Отметим и характерную прямоугольную форму могильной ямы, отсутствие (кроме кург. 1) надмогильной конструкции, сильную охряную окраску. Все это позволяет сопоставлять обряд Куроты не с Куюмским могильником, а с могильником Арагол и его кругом аналогий. Касаясь половозрастной группировки погребенных, подчеркнем присутствие парного мужского захоронения с восточной ориенти-

---

[28] *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология СССР..., приложения 12, 29; *С. В. Киселев.* Ук. соч., стр. 58.

[29] *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 17—20.

[30] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири..., стр. 57—59, табл. VI, *12—18*; *Г. Ф. Дебец.* Ук. соч., приложения 12, 29. Могильник Курота едва ли не единственный памятник горноалтайского энеолита, опубликованный с достаточной полнотой автором раскопок.

[31] *С. В. Киселев.* Ук. соч., стр. 58.

ровкой, что представляется весьма архаизирующим моментом для характеристики памятника в целом. Оригинально погребение двоих мужчин также с восточной ориентировкой и женщины, с западной. Помимо архаичной обрядовости оно вызывает в памяти погребение китойского могильника «Циклодром», где молодые мужчины были погребены в сопровождении убитых женщин. Там же известны случаи разнополого погребения «по антитезе»[32]. Таким образом, оба названных захоронения своим обрядом и составом погребенных близки неолитическим и древнеалтайским (кург. 1 Арагола; могилы 3, 5 «Циклодрома»), что существенно архаизирует Куротинский могильник[33]. Заметим, наконец, что в могильнике преобладают мужские погребения: из 11 костяков 8 принадлежат взрослым мужчинам, 2 — взрослым женщинам (одна — из тройного захоронения) и 1 юной женщине (кург. 7), т. е. имеются лишь два самостоятельных женских захоронения. Эта социологически весьма показательная черта обряда Куроты, очевидно, должна быть интерпретирована как и сходная особенность арагольских погребений и их древнеямных аналогов. Итак, в погребальных нормах куротинских погребений преобладают древнейшие элементы обряда в форме группировки погребаемых людей по полу и возрасту, ориентировки, окраски костяков, наконец, колец-кромлехов (последнее, заметим, является особенностью некоторых степных древнеямных могил Калмыкии).

Обращаясь к инвентарю могильника Курота, отметим любопытное обстоятельство: керамика производит в отличие от погребального обряда не архаичное впечатление. Хотя в керамическом комплексе и присутствует традиционный для керамики горноалтайского энеолита яйцевидный горшок с высоким венчиком[34], он сочетается в одной могиле (кург. 2) со сферическим сосудом, также с высоким венчиком и плоским или уплощенным дном[35]. Последняя форма сочетается в другой могиле с яйцевидным плоскодонным сосудом с отогнутым горлышком[36]. Наконец, в кург. 4 находился достаточно приземистый, банковидный сосудик, плоскодонный, без венчика, с широким открытым устьем[37]. Характерно, что все сосуды имеют аналогичную «елочную» орнаментацию, в разной степени не доходящую до дна (венчики не украшены), за исключением «банки», которая сплошь орнаментирована. Если первые четыре сосуда представляют собой, очевидно, пример эволюционного развития энеолитических форм посуды, причем форма яйцевидного остродонного сосуда сопоставляется с соответствующими куюмскими образцами, а форма плоскодонных горшков производит впечатление еще более поздней, то банковидный образец требует специальной трактовки. С. В. Киселев справедливо сопоставил его с «древнеандроновскими», т. е., по современным представлениям, окуневскими сосудами[38]. Отметим, со своей стороны, что аналогичная форма известна из раскопок А. Н. Липского в бассейне Абакана на юго-западной окраине Хакасско-Минусинской котловины. Эти оригинальные памятники, синкретичные по своим признакам в смысле сочетания в них «афанасьевской» и «окуневской» традиций, могут быть предварительно обобщены термином «тасхазинские», по могильнику Тас-хазаа, сложностратифицированному комплексу смешанного в культурном отношении характера[39]. Подчеркнем,

---

[32] *П. П. Хороших.* Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в Иркутске. Сибирский археологический сборник, 3. Новосибирск, 1966, стр. 86.

[33] Приведенные соображения позволяют не согласиться с трактовкой С. В. Киселевым погребального обряда Куроты (*С. В. Киселев.* Ук. соч., стр. 59).

[34] *С. В. Киселев.* Ук. соч., табл. VI, *18.*

[35] Там же, табл. VI, *17.*

[36] Там же, *15.*

[37] Там же, *16.*

[38] Там же, стр. 58, 59.

[39] *А. Н. Липский.* Новые данные по афанасьевской культуре. ВИСДВ, Новосибирск, 1961.

что вогнутый профиль стенок куротинской банки также находит аналогии скорее в абаканском материале, чем в «классическом» окуневе севера Хакасско-Минусинской котловины[40]. В целом, вероятно, можно поставить вопрос о своего рода близости куротинского керамического комплекса в его типичных сочетаниях и комбинациях к памятникам тасхазинского круга. К последним, как представляется, близок по характеру набора инвентаря (сочетание остродонной и плоскодонной керамики, четырехугольные сосуды, шарики-навершия, солярные изображения) могильник Заман-баба на Заравшане[41], сложный синкретичный комплекс, керамика которого представляет собой любопытное смешение кувшинообразных, прокельтеминарских сосудов с формами, аналогичными древнеямным и тасхазинским. Остановимся в связи с приведенным кругом памятников еще на одном горноалтайском памятнике, также, очевидно, принадлежащем к куротинскому типу энеолитических могил.

Около с. Улаган на правом берегу р. Балыкты-юл, притоке р. Ян-Улаган, В. С. Адриановым в 1929 г. были раскопаны два кургана[42].

Курган 1 — земляная насыпь диаметром 8,5 *м*, высотой 0,5 *м*. В насыпи найден рог оленя. На дне грунтовой могильной ямы глубиной 1,75 *м* находилось погребение двоих мужчин, оба ростом 168 *см*, положены на спине с согнутыми в коленях и упавшими в стороны ногами, вытянутыми руками, головой на юг. Кости окрашены в красный цвет, встречаются угольки. Инвентарь отсутствует (рис. 1, *2*).

Курган 2 — насыпь из земли и камня диаметром 8,5 *м*, высотой 0,5 *м*. В насыпи найден каменный оселок. На глубине 0,7 *м* в центре кургана находилось впускное погребение: костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на запад. В ногах костяка остатки черепа ребенка. Под погребением сильная углистая прослойка. Основное погребение совершено на глубине 1,4 *м* на дне грунтовой могильной ямы и частично нарушено верхним захоронением. В основном погребении мужской костяк лежит вытянуто на спине, головой на север, кости окрашены красной охрой. В ногах погребенного два орнаментированных сосуда: яйцевидный, с высокой, плавно отогнутой шейкой, и баночный, сплошь покрытый «елочным» орнаментом (рис. 1, *1, 1а;* 2, *7, 8*). Если не предполагать попадания баночного сосуда в основную могилу из впускного погребения, что, видимо, исключено, то в улаганском комплексе можно видеть яркое сочетание арагольской обрядовой традиции с керамикой, характерной по своему сочетанию форм для куротинского комплекса. При этом яйцевидный сосуд имеет не венчик, а высокую горловину, что позволяет сопоставлять его с сосудом, найденным в верхнем слое Куюмского селища (рис. 1, *6*), который в свою очередь можно сопоставлять с заманбабинскими экземплярами. Приводимые сопоставления позволяют поставить вопрос о вероятности некоторого параллельного развития куротинского и куюмского комплексов, учитывая общую сумму вариационных аналогий по погребальному обряду и инвентарю. Создается впечатление, что погребения куротинского типа теснее связаны с исконной, древней алтайской традицией, что такой культурный тип имел контакты с близлежащим к северо-востоку абаканским бассейном, что дополнялось глубинными среднеазиатскими связями, конкретные формы которых пока не удается установить. Показателен в этом отношении и кург. 1 Улагана, в котором арагольскому «канону» противоречит лишь южная ориентировка погребенных мужчин. Располагаясь в непосредственной близости от кург. 2 на расстоянии 3 *м* от него, он составлял, судя по обряду, единый с ним комплекс. Заметим, что, допустив при-

---

[40] *М. Н. Комарова.* Погребения Окунева улуса. СА, 1947, IX, рис. 4—6.

[41] *Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров.* Первобытная культура в низовьях Заравшана. Ташкент, 1966, табл. VI, VII, IX—XIV, XVII.

[42] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 2176; *Г. П. Сосновский.* Ук. архив, д. 94; *Г. Ф. Дебец.* Ук. соч., приложения 12, 29.

надлежность баночного сосуда верхнему погребению, оба кургана следовало бы включить в арагольский тип горноалтайских памятников.

Куюмский тип горноалтайских энеолитических погребений представлен могильником, раскапывавшимся в устье р. Куюм, правом притоке Катуни, в нескольких километрах ниже с. Эликмонар С. М. Сергеевым в 1932 г. и экспедицией Гос. Эрмитажа в составе Г. П. Сосновского и А. М. Виноградовой в 1936 г.[43] Могильник занимает площадь примерно 180×105 *м* и

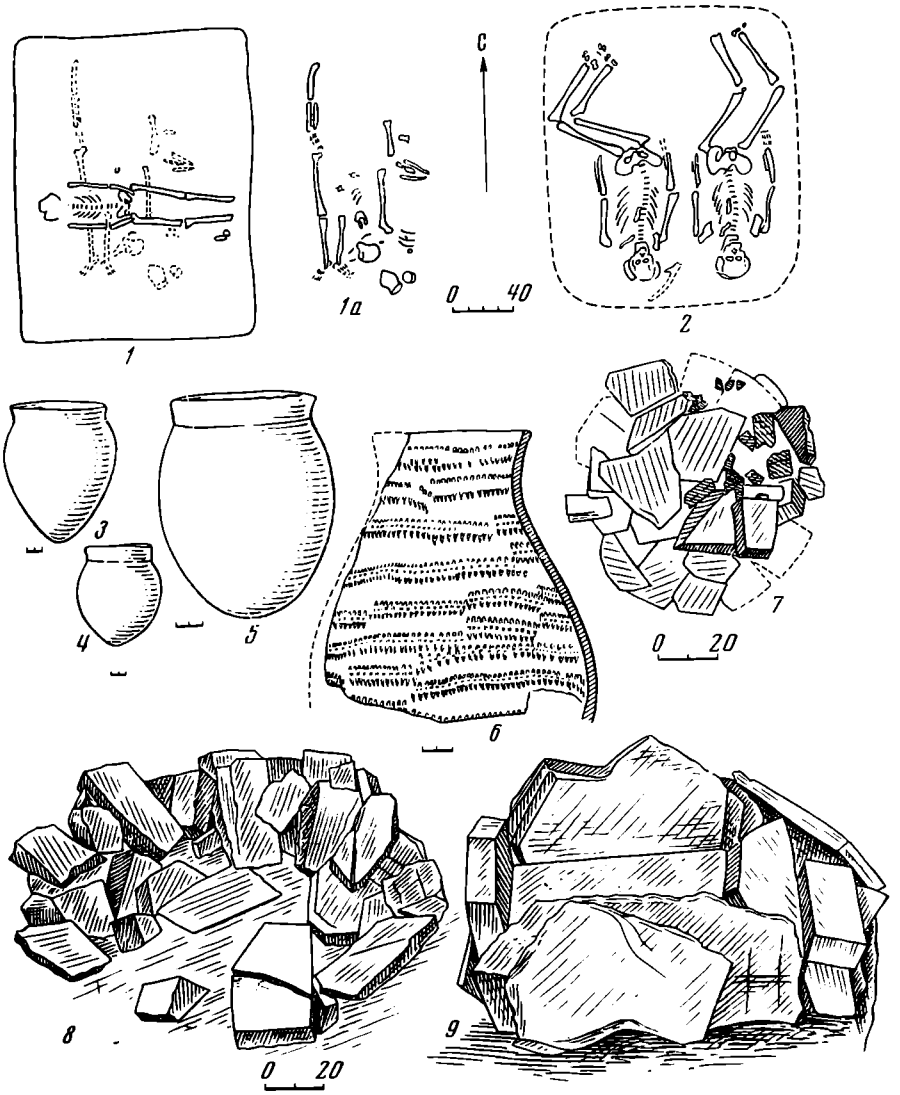


Рис. 1. *1*, *1-а* — кург. 2, погр. 1, 2 мог. Улаган; *2* — погребение кург. 1 мог. Улаган; *3—5* — профили сосудов: из кург. Когильник — *4*, кургана в ст. Кубанской — *5*, из II слоя Михайловского поселения — *3*; *6* — верхний слой Куюмского селища (по Г. П. Сосновскому); *7* — Куюм, «розетка» и черепки могилы 11; *8* — «розетка» из Куюмского могильника; *9* — каменный ящик из могилы 11

располагается на надлуговой террасе, ограниченной с севера и запада левым берегом Куюма, с востока каменистой возвышенностью, а с юга руслом Катуни, над которым обрыв террасы возвышается на 25—30 *м*. Могилы, точнее, небольшие курганчики располагаются поодиночке на участке «старой пашни» и тесными группами на трех дюнных всхолмлениях.

[43] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 1272; *Г. П. Сосновский.* Ук. архив, д. № 92 (Дневник С. М. Сергеева), 93, 94 (Дневники Г. П. Сосновского); краткие сведения о могильнике в: «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.— Л., 1941, стр. 304—306; *С. В. Киселев.* Ук. соч., стр. 56.

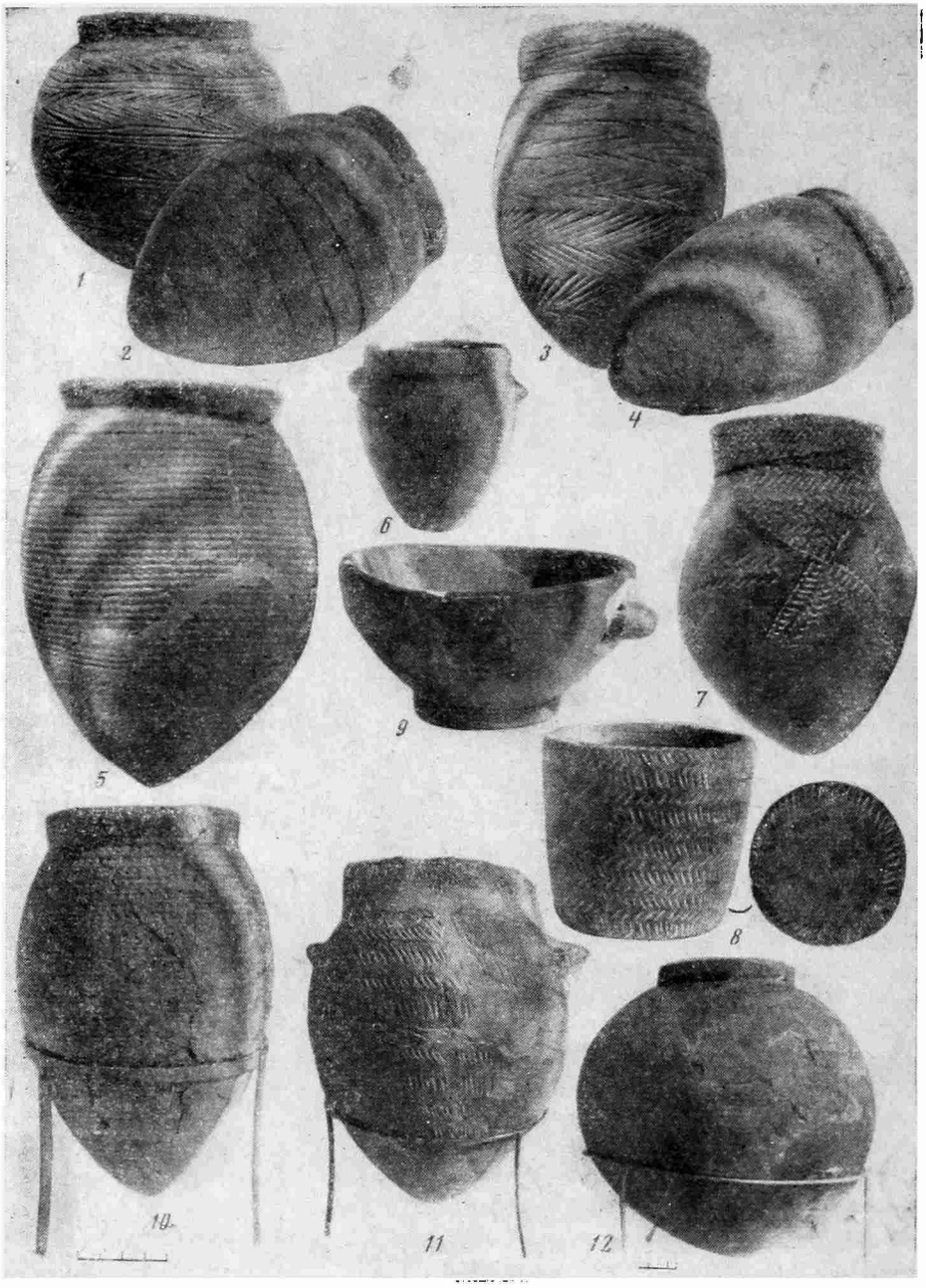


Рис. 2. Энеолитическая керамика из могильников Горного Алтая. *1—6, 9—12* — Куюмский могильник, *7, 8* — мог. Улаган, кург. 2, погр. 2.

Погребения на «старой пашне», могилы 1, 2, 3, 13.

Могила 1 — овальная насыпь из земли и камня, диаметр 6—7,5 *м*, высота 0,6—0,7 *м*. Под камнями насыпи, в центре, грунтовая могильная яма, на дне которой костяк мужчины зрелого возраста, лежавший вытянуто, на груди, лицевой частью черепа ко дну могилы, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисть левой под тазом, кисть правой — около бедра правой ноги. Справа от погребенного много кусочков красной охры и три орнаментированных черепка (рис. 3, *1*),

Могила 2 — овальная насыпь из камня и речных валунов диаметром до 3,6 *м*. Под насыпью округлое сооружение из камней в форме «розетки», опущенное в материк на 0,35 *м* (описание аналогичной конструкции см.

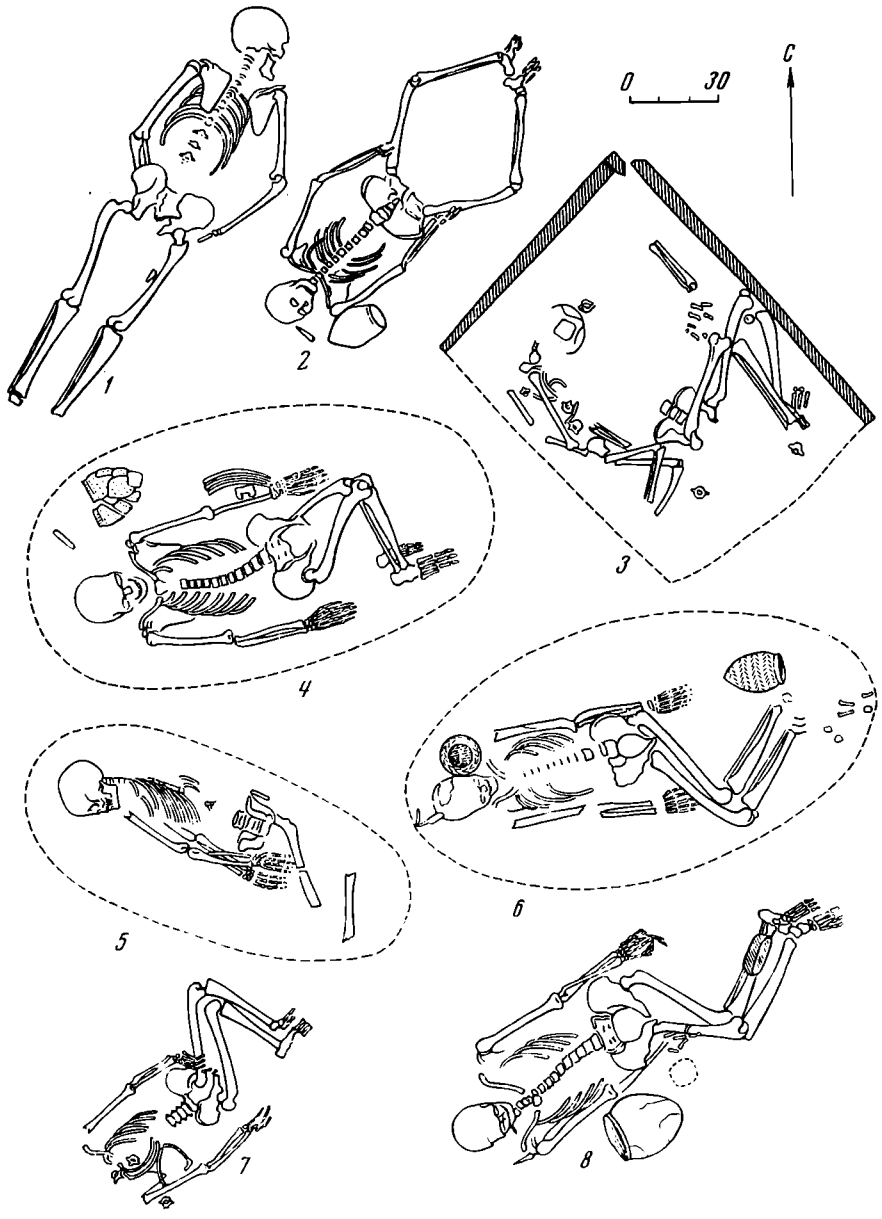


Рис. 3. Погребения Куюмского могильника в Горном Алтае. Могилы: *1* — 1; *2* — 3; *3* — 10; *4* — 6; *5* — 7; *6* — 8; *7* — 12; *8* — 13

для могилы 13). От располагавшегося ниже погребения взрослого сохранились только кости ног.

Могила 3 — земляная насыпь, в верхнем слое которой много плиточного камня и валунов, диаметр 4 *м*, высота 1 *м*. Под насыпью, на уровне древнего горизонта, плиточный настил, перекрывающий могильную яму. На дне, на глубине 1,7 *м* от вершины насыпи, на грунтовом песке лежал костяк мужчины ростом 169 *см* [“], на спине с поднятыми коленями, которые впоследствии распались «ромбом», головой на юго-запад. Руки слегка согнуты в локтях и опущены на бедра. Под черепом, под кистью левой руки и у ступней значительные скопления красной охры. Около затылка каль-

[“] Определения пола и возраста были проведены Г. П. Сосновским в процессе раскопок могильника и содержатся в его Дневнике. Г. Ф. Дебец в упоминавшейся монографии провел определения пола для погребений 3, 5 (из раскопок С. М. Сергеева) и 6, 13, 14, роста — для 3, 6, 13, 14 и 5.

цинированная кость (ребро овцы?). Около правого плеча лежал яйцевидный остродонный сосуд, орнаментированный по всей поверхности веревочным штампом; в сосуде — ребро овцы, под сосудом охра (рис. 3, *2*).

Могила 13 — овальная насыпь из камня. В ней попадаются предметы из культурного слоя располагающейся под могильником стоянки: кремневые орудия, жженые кости животных. Под насыпью, в центре, сооружена округлая выкладка из плитняка — «розетка» диаметром 2 *м*, высотой 0,3 *м*, плиты имели незначительный уклон к середине. Ниже уровня камней «розетки» располагалось конусообразное сооружение из шести плит, являвшееся ее продолжением. Внутри было свободное от плит пространство, заполненное землей. Нижний край плит спускался в могильную яму на глубину 1,2 *м*. Под «розеткой» находилась грунтовая могильная яма размером 1,5×0,9 *м*, ориентированная на юго-запад — северо-восток. На дне, на глубине 1,75 *м* от поверхности (очевидно, современной почвы), лежал костяк мужчины в возрасте около 40 лет, рост 174 *см*, на спине, с поднятыми вверх коленями и руками вытянутыми вдоль туловища, головой на юго-запад. Около левой голени стояла вертикальная плитка, вероятно поддерживавшая ногу в приподнятом положении. Кости погребенного и окружающий грунт имели сильную охряную окраску. У локтя правой руки лежал яйцевидный остродонный орнаментированный сосуд с сильно отогнутым венчиком, украшенный оттисками «отступающей лопаточки». У правого плеча лежал обломок кости овцы (рис. 3, *8*; 2, *5*).

Погребения на холме А, могилы 5, 10, 11, 12, 14.

Могила 5 — уплощенная земляная насыпь, окаймленная плитами в виде кромлеха, диаметром 3,7 *м*. Под насыпью на глубине 2 *м* от вершины на грунтовом песке лежал костяк женщины ростом 157 *см*, скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая лежит кистью на бедре правой ноги. Под костяком охра, с особенно большими скоплениями под черепом, у затылка и у ступней. Справа от плечевой кости лежал яйцевидный остродонный орнаментированный сосуд.

Могила 10 — расплывчатая насыпь из земли и плитняка, высотой около 0,55 *м*. Под насыпью, в центре, каменный ящик из вертикально стоящих плит, перекрытый также несколькими плитами; размеры ящика 1,3 × 1,5 × ×0,87×0,6 *м*, ориентировка северо-запад — юго-восток. На дне погребение взрослого, положенного на спине, с согнутыми в коленях ногами. Слева от взрослого, на одном с ним уровне, скелет ребенка в аналогичной позе. Оба ориентированы головой на северо-запад. Среди обломков плитняка, в «буроватом и более темном слое земли», содержавшем угольные примазки, найдена округлая неорнаментированная чаша на невысоком сплошном прямом поддоне, с двумя ручками (одна обломана еще в древности); поверхность имеет следы заглаживания (рис. 2, *9*; 3, *3*).

Могила 11 — уплощенная земляная насыпь, обставленная по основанию камнями, высотой 0,15—0,20 *м*. Под дерном насыпи, в центральной части, находился каменный ящик размером 1,4 × 1 × 0,55 *м*, ориентированный на северо-запад — юго-восток. К юго-восточной стенке ящика с наружной стороны прилегали две наклонные плиты, к юго-западной стенке — одна плита. Погребение ограблено, найдены обломки костей и зуб взрослого. На дне ящика найдены обломки сосуда красноватого цвета с «ямочным» орнаментом. Основание каменного ящика помещалось на «розетке» диаметром около 0,9 *м*, высотой 0,2—0,3 *м*, сложенной из небольших плит на глубине 0,6—0,7 *м* от поверхности (очевидно, насыпи). Плиты налегали друг на друга в несколько рядов и были наклонены к центру. На плитах «розетки» и вокруг них лежали черепки от упомянутого сосуда с «ямочным» орнаментом. Ниже, на глубине 0,8—0,9 *м* от поверхности, под плитами «розетки», найдены черепки от «сосуда иного типа, украшенного елочным орнаментом» (рис. 1, *7*, *9*).

Могила 12 — на расстоянии 2,5 *м* к юго-западу от могилы 11, на глубине 1 *м* от поверхности, обозначилась грунтовая овальная могильная яма размером 1,3 × 1,4 *м*. На дне лежал костяк подростка 12—15 лет, без черепа, на спине, с поднятыми вверх коленями, ориентированный на юго-запад. Вне погребения найден яйцевидный неорнаментированный сосудик с уплощенным дном и двумя ручками-«ушками», возможно выброшенный при ограблении могилы (рис. 3, *7*; 2, *6*).

Могила 14 — насыпь не выделялась из общей насыпи холма и была вскрыта раскопом диаметром 6 *м*. Окаймлена кромлехом из 20 плит, поставленных на ребро и наклонившихся к центру под углом 45—50°; нижний диаметр кольцевого кромлеха 5 *м*, верхний 3 *м*. Нижние концы плит на глубине 0,75—0,8 *м* упирались в желтый слой подпочвы, а у основания были прижаты лежавшими снаружи горизонтальными плитами, положенными в два ряда, одна над другой. Сверху внутренняя часть кромлеха была заложена горизонтальными плитками в три-четыре слоя, причем верхние плиты образовывали насыпь под могилой; нижний ряд плит имел заметный прогиб к центру. Под горизонтальными плитами насыпи, на глубине 0,6 *м* от поверхности, обнаружено четырехугольное сооружение из поставленных на ребро плит, размером 2,4 × 1,35 × 0,9 *м*, разделенное врытыми поперек плитами на две части. Это сооружение заменяло «розетку» в других могилах. Под плитами этой выкладки находились две могильные ямы эллипсовидной формы, расположенные параллельно друг другу на расстоянии 0,2 *м*, ориентированные на север-северо-восток — юг-юго-запад.

Погребение 1, восточное. На дне грунтовой могильной ямы размером 1,7 × 1 × 1,7 *м* лежал скелет молодой женщины (около 20 лет) ростом 158 *см* на спине, с поднятыми коленями, головой на юго-запад, с черепом на правом виске и руками, опущенными к тазовым костям. Между бедренными костями женщины лежал череп ребенка, остальные кости — в беспорядке. Костяк женщины окрашен красной охрой, в области груди и около черепа находились несколько кусочков красной охры. Около головы женщины лежали два сосуда. Оба яйцевидные, остродонные, один — грубый горшочек без орнамента, второй — с высоким венчиком, сплошь орнаментированный гребенчатым штампом «елочкой», у дна «вихревая розетка». Рядом со вторым сосудом три ребра овцы (рис. 2, *3*, *4*).

Погребение 2, западное. На дне грунтовой могильной ямы размером 1,65 × 0,95 × 1,7 *м* лежал костяк юноши в возрасте 13—16 лет, на спине, с поднятыми коленями, головой на юго-запад. Череп повернут на правый висок, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Скелет окрашен красной охрой. Около головы находился остродонный сосуд с высоким прямым венчиком, с туловом, покрытым рядами гладкого штампа, «работавшего» по принципу «отступающей гребенки». Внутренняя и внешняя поверхности сосуда заглажены (рис. 2, *11*).

Погребения на холме В, могилы 6, 8.

Могила 6 — овальная насыпь из камня, уложенного в несколько слоев и перемешанного с землей, диаметром 5,4—6 *м*. Под насыпью находилась «розетка» из 20 плит, имевших наклон к центру под углом 30—50°; местами плиты налегали друг на друга. Верхний диаметр «розетки» 2,25—2,3 *м*, нижний 1,2—1,4 *м*. Под вертикальными плитами находилось семь лежавших плашмя плит, составлявших основание «розетки». Эти плиты обнаружены уже в границах грунтовой могильной ямы и имели наклон к ее середине. Яма подовальной формы имела размеры 1,75 × 1,05 × 1,55 *м*, ориентирована восток — запад. На дне лежал костяк женщины в возрасте около 40 лет, ростом 161 *см*, на спине, с согнутыми в коленях ногами, вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. Около левого плеча лежал яйцевидный остродонный сосуд, украшенный оттисками «отступающей лопаточки», на внутренней и внешней поверхности видны следы заглаживания. Внутри сосуда находилось костяное шильце, у черепа — ка-

менный пест из гальки со следами охры на одном конце, на левом запястье — «браслет» из тонких пластин, сделанных из какой-то «искусственной массы бурого цвета». У левого предплечья лежали кости овцы — обломок таза и четыре ребра (рис. 3, *4*; 2, *10*).

Могила 8 — на глубине 0,7 *м* от вершины насыпи находилась подовальная грунтовая могильная яма, верхние размеры которой 2,2 × 1,95 *м*, ориентированная восток — запад. В границах ямы — «розетка» из шести плит, наклонных к центру; ее верхний диаметр 1,45—1,6 *м*, нижний 0,7—0,85 *м*, высота 0,4 *м*. Под камнями «розетки» обозначились контуры нижней части могильной ямы (размеры дна 2 × 1,2 *м*). На дне лежал костяк человека старческого возраста («не более 70 лет»), на спине, с согнутыми в коленях ногами, руками, вытянутыми вдоль туловища, головой на запад. Слева от головы находился крупный шаровидный сосуд, украшенный гребенчатым штампом «елочкой», у пяточной кости левой ноги лежал второй сосуд, яйцевидный, остродонный, покрытый рядами гребенчатого штампа. У затылка найдены медный черенковый нож и костяная пластинка, лежавшая под углом к черенку ножа[45] (рис. 3, *6*; 2, *1*, *2*).

На юго-восточном склоне холма **С раскопана могила 7,** найденная по выступавшим на поверхности камням. На глубине 0,7 *м* от поверхности располагалась грунтовая могильная яма размером 2,13 × 1,1 × 1,15 *м*, ориентированная запад-северо-запад — восток-юго-восток. На дне лежал костяк молодой женщины, очевидно на животе, левая рука вытянута вдоль туловища, плечевая кость правой — под грудью; около таза руки перекрещиваются. Погребенная ориентирована головой на запад, череп повернут на правый висок. Инвентаря нет (рис. 3, *5*).

В погребениях Куюмского могильника энеолитическая культура Горного Алтая представлена в ярком периоде своего расцвета. Могильник имеет вид обширного кладбища, создававшегося, судя по раскопанным погребениям, в рамках одного культурного этапа, характеризующегося сложной погребальной обрядовостью, разнообразием керамического комплекса, появлением обычая положения в могилы мяса домашних животных. Представлены металлические и костяные орудия, украшения, хотя сопровождают они лишь отдельные, наиболее значительные погребения. Небольшие по диаметру, обычно незначительные и по высоте курганчики Куюмского могильника примечательны своими подкурганными сооружениями, названными автором раскопок «розетками», которые находят выразительные аналогии с афанасьевскими надмогильными постройками Среднего Енисея, где некоторые, обычно центральные, могилы оградок увенчаны невысокой усеченной пирамидкой, реже усеченным конусом из плитняка, облицовывавших земляной холм до 1 *м* высотой[46]. Отметим, что в Горном Алтае «розетки» завершают также наиболее значительные могилы, содержащие погребения людей зрелого возраста обоего пола. Наиболее сложную конструкцию находим над погребениями юноши и молодой женщины с младенцем, вероятно молодых супругов; примеры подобных спаренных могил имеются для ранней бронзы Прибайкалья («соседские» могилы глазковской культуры). Преобладающим становится положение на спине с согнутыми в коленях ногами, при юго-западной либо западной ориентировке, что соответствует афанасьевскому обряду минусинской степи[47]. Исключение, как можно заметить, составляет погребение мужчины, вытянутое, на груди, головой на северо-восток, т. е. в противоположном принятой ориентировке направлении (могила 1), а также погребение молодой женщины, лежащей в неестественной позе, вероятно со связанными руками (могила 7). Оба погребения в своем роде экстраординарны, причем второе позво-

[45] «Археологические исследования в РСФСР...», рис. 83; *С. В. Киселев*. Ук. соч., табл. VI, *9*.

[46] *М. П. Грязнов*. Работы Красноярской экспедиции. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 63.

[47] «История Сибири...». т. I. «Древняя Сибирь». Л., 1968. стр. 160.

ляет заподозрить вероятность насильственного захоронения. Традиция сильной охряной окраски погребенного значительно сузилась в развитой форме обряда Куюмского могильника, где были окрашены лишь некоторые костяки (могилы 1, 5, 13, 14 — погребения 1, 2), охра находилась и просто в комках. Для развитой формы энеолитической культуры типичны и подовальные могильные ямы, распространенные в Куюмском могильнике. Неразработанность относительной временной шкалы развития афанасьевской культуры Среднего Енисея затрудняет конкретные сопоставления с нею алтайских материалов. Однако в целом правомерна параллель между куюмским и афанасьевским обрядами, что выражается в специфичности надмогильных сооружений, положении погребенных, а также таком существенном признаке, как ориентировка. Изменение последней было, очевидно, подвержено каким-то общим закономерностям развития для энеолитических раннескотоводческих культур евразийской степи: преобладание восточного и северо-восточного положений умерших в ранних памятниках, последующая эволюция, приводящая к абсолютному возобладанию юго-западного и западного направлений, оказывается характерным как для западных, так и для восточных (Алтай, Средний Енисей) энеолитических памятников. Близость общей тенденции развития наблюдается и в обряде окраски умершего, форме могилы, появлении многокомпонентности в могильном инвентаре и т. п. Однако параллельно проявляется и иная закономерность: усугубляются локальные черты (особенно в керамических комплексах, как, очевидно, наиболее подверженном изменению этнографическом показателе), центробежные тенденции видоизменяют культурные комплексы отдельных регионов. Так, рассматривая керамику Куюмского могильника и проводя аналогии между куюмскими алтайскими и афанасьевскими минусинскими формами, можно отметить существенные черты сходства — крупные сферические и «корчагообразные» сосуды, отсутствующие в синхронных древнеямных могильниках. Характерно, что древняя традиция изготовления яйцевидного горшка с высоким венчиком продолжает преобладать на протяжении всего палеометаллического периода, а форма «высокого венчика» прослеживается и далее, на алтайской керамике бронзового века. Если в арагольском комплексе мы встретили сосуд с отогнутым горлышком, сопоставимый с формой типа Михайловки II слоя, то в куюмском комплексе имеются прекрасные экземпляры яйцевидных горшков, чей «высокий венчик», а также «елочная» орнаментация могут быть сопоставлены с некоторыми из упомянутых ниже образцов из станицы Кубанской, из степных крымских памятников, из Нижнего Поволжья (рис. 1, *4*, *5*; 2, *3*).

В степях Среднего Енисея неизвестны афанасьевские комплексы, которые могут быть синхронизированы с арагольскими погребениями Горного Алтая, соответственно и параллели возникают на более развитых этапах существования южносибирского энеолита — помимо упомянутых сферических сосудов, надо отметить сосудики с небольшим уплощенным дном, ручки-«ушки»; яйцевидные сосуды с высоким венчиком в минусинском афанасьеве несравненно менее распространены. Для последнего типичен яйцевидный горшок с невысоким венчиком либо с широким диаметром в «плечиках» и также невысоким венчиком [48]. Последняя форма встречается в развитых древнеямных памятниках (керамика типа III слоя Михайловки) [49]. Находит аналогии в западных коллекциях и чаша на поддоне из могилы 10, такая форма неизвестна на Среднем Енисее. Таким образом, посуда куюмского комплекса производит впечатление в целом аналогичного мунусинскому афанасьевскому, но и более архаичного, традиционного своими чертами варианта. Медный нож Куюмского могильника оригинален: судя по положению костяной пластинки относи-

[48] «История Сибири...», рис. на стр. 165.
[49] *Е. Ф. Лагодовская.* Ук. соч., рис. 1.

тельно черенка, это был, возможно, коленчатый нож, лезвие которого располагалось под углом к рукояти. Медные ножи с рукоятью из рога и кости и угловым способом крепления известны из Бельтыр на Абакане (памятники тасхазинского типа), из глазковских могил Прибайкалья, томской Самуси, енисейского окунева, имеются они и в карасукских погребениях (каменноложский тип), а их выразительные бронзовые аналоги представлены ложносоставными коленчатыми ножами того же карасука (бейский тип памятников). Если предположить, что куюмский образец был именно таким составным орудием, то его можно будет считать наиболее древним из обширной серии подобных ножей, являющихся местной, сибирской формой и неизвестных в синхронных памятниках энеолита и бронзы западных областей [50].

Особый интерес представляет вопрос о захоронениях в каменных ящиках Куюмского могильника (могилы 10, 11), которые по обряду и инвентарю могут быть сопоставлены с погребениями развитого этапа окуневской культуры Среднего Енисея (погребения черновского типа). Одновременно эти погребения уточняют момент соотношения энеолитических куюмских и раннебронзовых окуневских погребений. Наиболее выразительно погребение могилы 11, демонстрирующее редкое по стратиграфической четкости соотношение погребальных комплексов. Под дерном насыпи располагался типично окуневский, «укороченный» каменный ящик. Здесь найдены черепки с «ямочным», также типичным для окуневской керамики орнаментом (рис. 1, *7, 9*), причем своим основанием ящик стоял на «розетке», где среди камней лежали такие же черепки. Примечательно, что под плитами «розетки» лежали черепки «иного типа», с «елочным орнаментом», т. е. куюмские, алтайские афанасьевские. Несмотря на то что несомненно находившееся под «розеткой» куюмское погребение осталось нераскопанным, можно с уверенностью говорить о картине последовательного хронологического наслоения разнокультурных погребений, проявившейся в этом показательном могильном стратифицированном комплексе. Могила 10 также, надо полагать, содержала погребение окуневской культуры в ее черновском, развитом виде — вероятно, здесь располагалось типичное для последнего захоронение женщины с ребенком. Можно заметить, что, судя по взаимному расположению, временной разрыв между куюмскими и окуневскими захоронениями не был продолжителен, стратиграфически они буквально сопутствуют друг другу. Мы можем назвать, таким образом, еще одну область Сибири, где зафиксировано существование окуневской культуры (помимо Хакасско-Минусинской котловины, Тувы, Восточного Казахстана, Верхней Оби [51]),— территорию Горного Алтая.

В заключение нашего краткого обзора энеолитических могильных памятников Горного Алтая [52] суммируем их основные признаки. Для ара-

[50] *М. Д. Хлобыстина.* О происхождении минусинских коленчатых ножей, СГЭ, XXI, 1961; *ее же.* Каменский могильник на Енисее и усть-ербинская группа карасукских памятников. СА, 1970, 1, стр. 128.

[51] *М. Ф. Косарев.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974, стр. 74, 76; *В. И. Матющенко.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Томск, 1973, стр. 124; *М. Д. Хлобыстина.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири. СА, 1973, 1, стр. 37.

[52] Помимо рассмотренных в Горном Алтае известны следующие энеолитические погребения: раскопки В. В. Радлова 1865 г. на р. Урсуле (ОАК за 1865 г., стр. XV), раскопки С. И. Руденко на р. Коксу, притоке Катуни в 1925 г. (*Г. Ф. Дебец.* Палеоантропология..., приложения 12, 29), раскопки А. Т. Кузнецовой в 1935 г. у с. Туяхта на р. Урсуле (Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. № 4387). Приводим описание туяхтинского кургана: в группе курганов у с. Туяхта, по дороге в с. Каракол, один из двух больших курганов оказался энеолитическим («афанасьевским»). Каменная насыпь диаметром 8—10 *м*, высотой 0,5 *м*. На глубине 1,4 *м* находилось нарушенное погребение мужчины в возрасте, приближающемся к старческому, в теменной кости черепа — круглое отверстие. При погребенном найден яйцевидный, с сосцевидно заостренным дном сосуд, имеющий прямой высокий венчик с орнаментом; тулово украшено зубчатым «елочным» штампом, имеет следы заглаживания.

гольского комплекса оказываются типичными небольшие курганные могильники (возможно, и одиночные курганы) с насыпью из земли и камня, но без каменных конструкций, одиночная грунтовая могильная яма (встречены «заплечики» и бревенчатый накат), погребение вытянутое или скорченное на спине, ориентированное на восток, северо-восток или северо-запад, сильная охряная окраска костяка, подстилка из коры, угольки при погребенном. Отсутствие инвентаря или его малочисленность (яйцевидный горшок с отогнутой шейкой, медные височные колечки). Комплекс аналогизируется с древнеямными памятниками Нижнего Поволжья (I и II хронологические группы).

Для куротинского комплекса показательно сочетание древних черт погребальной обрядовости (прямоугольные грунтовые могилы под курганными насыпями, ориентировка в северном и восточном направлениях, совместные мужские погребения и преобладающее захоронение именно мужчин под курганами, сильная охряная окраска) с развитыми формами инвентаря (песты, костяные наручные кольца и височные кольца, костяные «лопаточки») и своеобразным керамическим комплексом. Отметим любопытную параллель улаганского кург. 2, погр. 2 с двумя разнородными сосудами и сочетание аналогичных сосудов в кург. 12, погр. 15 у с. Политотдельского, иллюстрирующее синхронность некоторых полтавкинских (банка) и древнеямных (яйцевидный сосуд с «высоким венчиком») форм [53]. Куротинский комплекс имеет параллели в тасхазинских памятниках бассейна Абакана.

Для куюмского комплекса можно говорить о значительной монолитности черт обряда и инвентаря, свидетельствующей о сложившемся характере комплекса. Надмогильные сооружения, «розетки», юго-западная ориентировка погребенных, некоторые керамические формы, разнообразный инвентарь при некоторых выдающихся погребениях роднят куюмские погребения с минусинскими афанасьевскими. Одновременно продолжает традиционно развиваться форма яйцевидного горшка с высоким венчиком. Могильники, очевидно, увеличиваются в размере, что говорит о количественном увеличении членов общины, ведущей овцеводческое хозяйство (в могилах — кости овец).

Можно заключить, что выявление западных аналогий, культурно-генетических параллелей между энеолитическими памятниками Горного Алтая и всей Южной Сибири — насущная задача сибирской археологии.

M. D. Khlobystina

LES PLUS ANCIENNES NECROPOLES DES MONTS ALTAI

Résumé

Les tumuli énéolithiques des monts Altaï appartiennent aux tribus des pasteurs européoïdes proches, d'après leur culture et type anthropologique, de la civilisation des fosses en pleine terre du bas cours de Volga. La période initiale est présentée par la nécropole d'Aragol sur le cours d'eau d'Ian — Oulagan. Tumuli non aménagés de constructions en pierre, fosses en pleine terre, position allongée ou fléchie sur le dos, orientation à l'Est ou au Nord, peinture à l'ocre sont typiques. Les caractères énéolithiques (sépultures masculines paires) sont représentatifs. La poterie — ovoïdale, à fond pointu, au col dévié,— se rapproche de celle de la civilisation des fosses en pleine terre (Mikhaïlovka, couche II). Le complexe est en somme analogue aux tombes de la période primitive de la civilisation des fosses en pleine terre du bas cours de Volga. La période de Kourota est présenté par la nécropole éponyme sur le cours d'eau de Katoun. La persistance des normes anciennes du rite funéraire, notamment la prédominance sous les tertres des sépultures masculines, comme c'est aussi le cas des sites de la civilisation des fosses en pleine terre sur le bas cours de Volga et dans la Kalmykie, lui est caractéristique.

[53] *К. Ф. Смирнов.* Древние курганы..., рис. 22, *16, 17.*

Dans le complexe céramique les récipients ovoïdaux à fond pointu s'associent à ceux cylindriques à fond plat (nécropoles de Kourota, Oulagan — fig. 2, *7*, *8*). Ces matériaux sont confrontables aux sites originaux afanassiéviens du type Tass-khasaa (bassin d'Abakan, sud — ouest de la dépression de Hakassie — Minoussinsk) proches, à leur tour, de la nécropole de Zaman — baba (rivière de Zéravchan, oasis de Boukhara). Le plein essort de la civilisation énéolithique des monts Altaï est présenté par la nécropole de Kouioum (fouilles de G. P. Sosnovski, 1936). Cette nécropole, de l'étendue assez considérable, est composée de tumuli de petites hauteurs entourés de cromlechs. Sous le tertre, au-dessus de la tombe, on trouvait souvent une construction circulaire en forme de tente bâtie en dalles. L'inhumé, en position fléchie sur le dos, repose dans une tombe en pleine terre orientée à l'Ouest et au Sud — Ouest (fig. 1, 3). Le mobilier est assez varié: poterie ovoïdale, globulaire, à fond applati (fig. 2), couteau «coudé» en cuivre au pommeau en os, pilier en pierre, os de mouton. La nécropole de Kouioum est confrontable aux sites afanassiéviens de la Sibérie méridionale malgré le caractère plus archaïque de sa poterie.

Т. М. ПОТЕМКИНА

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ АЛЕКСЕЕВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА р. ТОБОЛ

Алексеевское поселение близ г. Кустаная, исследованное в 1935—1939 гг. О. А. Кривцовой-Граковой [1], до сих пор остается одним из наиболее изученных памятников эпохи бронзы в Притоболье [2]. Особенно важно, что одновременно с поселением О. А. Кривцова-Гракова произвела раскопки расположенных рядом жертвенного места и могильника, тоже относящихся к бронзовому веку (рис. 1). Сосредоточение в одном месте разнотипных памятников эпохи бронзы — явление чрезвычайно редкое и имеет большое значение для понимания ряда вопросов, связанных с культурой населения этого времени данного района. О. А. Кривцова-Гракова считала, что все три памятника одновременны и оставлены одной группой населения [3]. В то же время она указывала на существенные отличия керамики могильника и жертвенного места от керамики поселения [4].

Посуду могильника и жертвенного места она характеризует как более тщательно изготовленную, со строгими пропорциями, нарядным орнаментом и сравнительно хорошим обжигом. По форме эту посуду О. А. Кривцова-Гракова подразделяет на два основных типа — сосуды баночной формы и горшки с уступчиком на плечиках. Кроме того, она выделяет также горшки остроребериые, сходные со срубными, и сосуды промежуточных между баночными и с уступчатым плечом форм [5]. Горшки с уступчиком на плечиках отличаются правильностью форм и лощеной поверхностью, орнаментированы сложными меандровыми и меандроидными узорами, заштрихованными треугольниками и ромбами, зигзагами, выполненными преимущественно мелкозубчатым штампом и расположенными в две или три зоны: по шейке, на боках ниже ребра и реже у дна. Баночные сосуды и близкие им по форме выделаны менее тщательно и украшены в большинстве случаев несложным резным орнаментом в виде рядов горизонтальных зигзагов или елочного узора, покрывающих часто всю поверхность сосудов [6].

Керамика, подобная посуде могильника и жертвенного места, была встречена в значительном количестве и в культурном слое поселения [7]. Хотя на поселении эта керамика сильно фрагментирована, по обломкам многих венчиков можно заключить, что все выделенные О. А. Кривцовой-Граковой типы сосудов имеются и в керамическом комплексе поселе-

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1947.

[2] В 1969 г. раскопки Алексеевского поселения были продолжены Археологической экспедицией Кустанайского пединститута под руководством В. В. Евдокимова, которым исследовано еще два жилища.

[3] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 61, 126.

[4] Там же, стр. 161.

[5] Там же, стр. 127—129.

[6] Там же, стр. 129.

[7] Там же, стр. 132, 133, рис. 55, *1—9*; стр. 134, рис. 56, *1—3*, *5*; стр. 135, рис. 57, *1—3*, *4*, *5*; стр. 137, рис. 59, *1—11*.

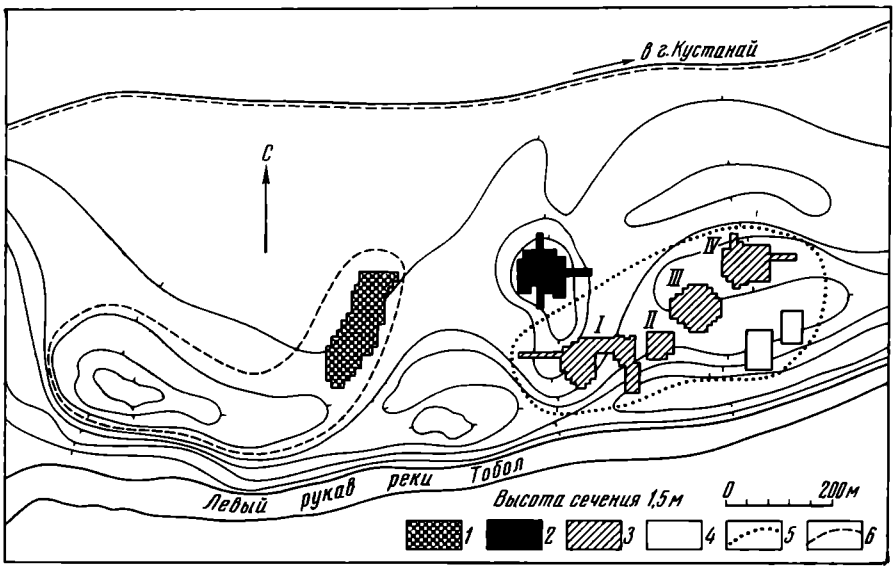


Рис. 1. План Алексеевского поселения, могильника и жертвенного места: *1* — раскопки могильника; *2* — раскопки жертвенного места; *3* — раскопки поселения 1935—1939 гг. (I—IV — номера раскопов); *4* — раскопки 1969 г.; *5* — границы поселения; *6* — границы могильника

ния [8] (рис. 2, *1* — *5*). В дальнейшем описанная выше керамика будет называться нами керамикой I группы.

Преобладающая часть керамики поселения в основных своих чертах отличается от посуды могильника и жертвенного места. Это — горшки средних и больших размеров с округлыми выпуклыми боками и невысокой прямой или отогнутой шейкой, выделанные довольно небрежно [9]. По форме эта посуда подразделяется на сосуды с широким горлом и относительно небольшим дном и на узкогорлые сосуды с сильно раздутыми боками. Первые — преобладают, вторые — единичны [10]. Орнамент очень беден и состоит из ряда насечек, елочки или решетки по нижней части шейки и плечикам. Многие сосуды вообще не орнаментированы. Основным отличительным признаком этой посуды О. А. Кривцова-Гракова считает налепной валик на границе шейки и плечиков или несколько выше, украшенный тем же рядом насечек, елочки или решеточки [11]. Эта керамика в последующем изложении называется нами керамикой II группы.

Противопоставляя керамику могильника и жертвенного места посуде поселения, О. А. Кривцова-Гракова видит здесь не хронологические различия, а функциональные [12]. По ее мнению, сосуды, «хорошо отделанные и орнаментированные, являлись наиболее роскошной посудой, имевшей ограниченное употребление. Ими пользовались при погребальных обрядах и жертвоприношениях» [13]. Горшки с раздутыми боками грубой выделки предназначались для хозяйственных нужд — приготовления пищи и хранения продуктов [14]. Основанием для этого заключения О. А. Кривцовой-Граковой послужили следующие наблюдения: 1. Совместное залегание обеих групп керамики в культурном слое поселения. Как в верхних, так и в нижних слоях культурных напластований поселения, в том числе и

---

[8] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 133, рис. 55, *3, 4, 8, 10.*
[9] Там же, стр. 132, 136.
[10] Там же, стр. 138—140, рис. 61, 62.
[11] Там же, стр. 133—134.
[12] Там же, стр. 126.
[13] Там же, стр. 129.
[14] Там же, стр. 138.

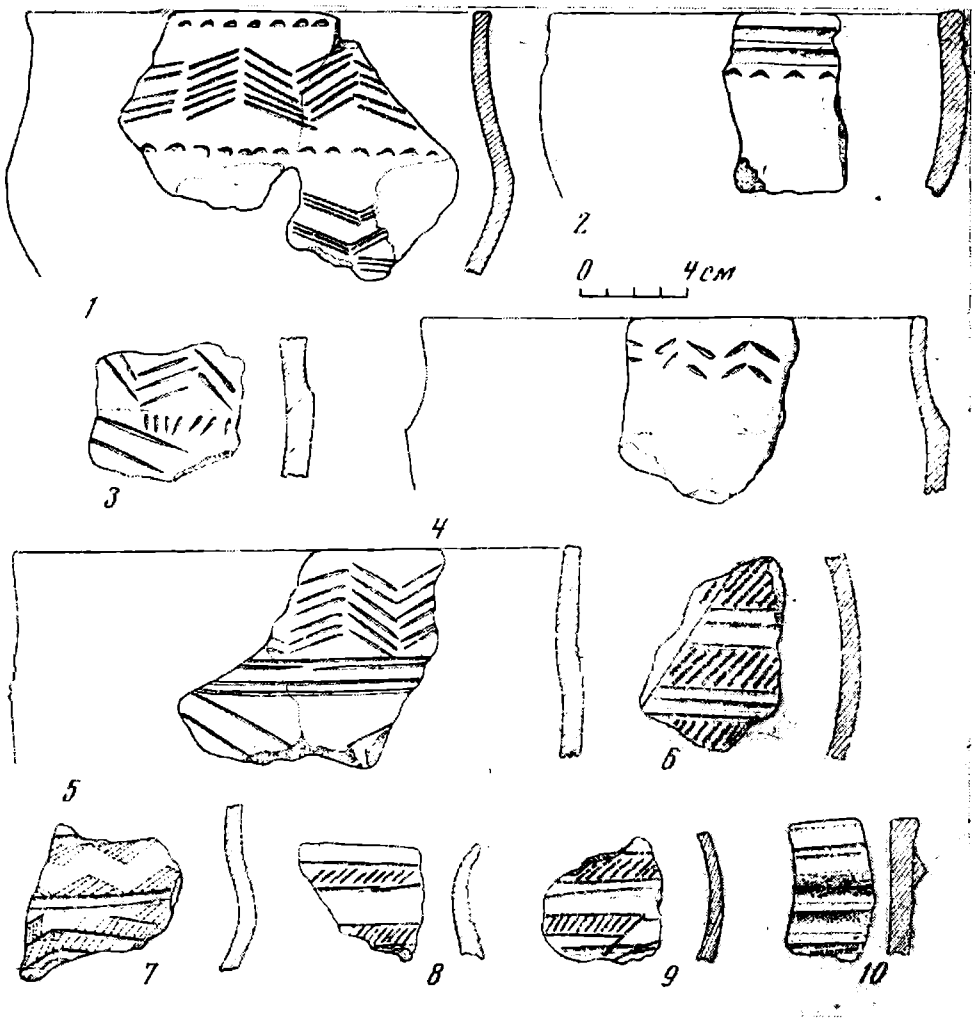


Рис. 2. Керамика I группы: *1—5* — алакульский тип; *6—10* — черкаскульский тип (*1—4* — рядом с землянкой 1; *2* — рядом с землянкой 4; *3*, *6—10* — рядом с землянкой 3; *5* — из землянки 6)

на дне землянок, встречались все виды посуды[15]. 2. Наличие погребения (№ 18) с сосудом грубой выделки, украшенного валиком с елочным узором по плечикам[16]. 3. Некоторое сходство отдельных черепков, вторично использованных и служивших крышками для сосудов на жертвенном холме, с грубой поселенческой керамикой[17].

Некоторые исследователи[18] уже давно отмечали, что посуда, более тщательно изготовленная (алакульского типа), является на поселении более древней, относящейся ко времени существования могильника и жертвенного места. Появление грубых сосудов с раздутыми боками связано с новым заселением памятника. Но эти предположения основаны на общем знакомстве с материалами Алексеевского поселения. Так, М. П. Грязнов и М. Н. Комарова обратили внимание на различную степень сохранности керамики поселения. Керамика, аналогичная посуде могильника

[15] Там же, стр. 132.
[16] Там же, стр. 137, 161.
[17] Там же, стр. 132, 161.
[18] *М. П. Грязнов.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. КСИА АН СССР, 122, 1970; *М. Н. Комарова.* Относительная хронология памятников андроновской культуры. АСбГЭ. 5, 1962; *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 290, 294.

и жертвенного места (алакульская), представлена сильно измельченными фрагментами, из которых не восстанавливается ни один сосуд, а грубая «валиковая» — крупными обломками и целыми сосудами, найденными на дне землянок и в хозяйственных ямах. Отсюда следовал вывод, что поселение заселялось дважды: сначала населением с алакульского типа посудой, а затем с посудой «валиковой» [19].

Наблюдения на других, раскопанных за последние годы в Притоболье и северном Казахстане поселениях эпохи бронзы (Язево I, Камышное II [20], Перелески II [21], Ильинка, Явленка, Новоникольское I, Петровка II [22]), подтверждают правильность мнения М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой. Стратиграфическое и планиграфическое распределение групп керамики, аналогичных керамике Алексеевского поселения, позволяют авторам раскопок сделать вывод об их разновременном отложении на площади поселений. Все это заставило нас снова обратиться к материалам Алексеевского культурного комплекса, прежде всего поселения.

Нами был произведен подсчет числа фрагментов керамики I и II групп Алексеевского поселения и прослежено их распределение в культурном слое и на площади памятника. Выполнимость этой работы была облегчена тем, что О. А. Кривцова-Гракова тщательно фиксировала не только положение каждого черепка на плане, но и их глубину. В целом изучение керамического материала Алексеевского поселения подтвердило заключение О. А. Кривцовой-Граковой о наличии на поселении двух групп посуды.

В I группу керамики Алексеевского поселения мною вслед за О. А. Кривцовой-Граковой включены обломки сосудов, тождественные посуде могильника и жертвенного места (рис. 2, *1—5*). В литературе подобная посуда получила название алакульской [23]. Керамика алакульского типа, аналогичная I группе посуды Алексеевского поселения, известна на многих однослойных поселениях эпохи бронзы Притоболья и Южного Урала: Кипель [24], Ялым, Нижнеспасское [25], Камышное I [26], Черняки III [27]. Аналогии этой посуде известны и в керамических комплексах ряда могильников: Алакульского [28], Раскатихи [29], Субботино [30], Черняки I [31].

В этой же группе следует рассматривать (и, по-видимому, рассматривались О. А. Кривцовой-Граковой) обломки сосудов, аналогии которым могут быть найдены среди черкаскульской керамики лесного Зауралья.

---

[19] *М. П. Грязнов.* Ук. соч., стр. 43; *М. Н. Комарова.* Ук. соч., стр. 52, 70. 71.

[20] *Т. М. Потемкина.* Отчеты о раскопках Курганского пединститута в 1968—1973 гг. Архив ИА, Р-1, 3804, 3957, 4189, 4662, 4698.

[21] *В. В. Евдокимов.* Раскопки в зоне Верхнетобольского водохранилища. АО — 1970, М., 1971, стр. 207. *В. В. Евдокимов, В. Н. Логвин.* Исследования в Кустанайской области. АО — 1971, М., 1972, стр. 287—288.

[22] *Г. Б. Зданович.* Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане. В сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата. «Наука». 1970, стр. 147—153; *его же.* Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана. В сб «Из истории Сибири», VII. Томск, 1973, стр. 40—51; *Г. Б. Зданович, С. Я. Зданович, В. Ф. Зайберт.* Работы в Северном Казахстане. АО — 1970. М., 1971, стр. 404; АО — 1971, М., 1972, стр. 496—497; АО — 1972, М., 1973, стр. 447—449.

[23] *К. В. Сальников.* К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. «Первое Уральское археологическое совещание». Пермь, 1948, стр. 23—26; *М. П. Грязнов.* Пастушеские племена..., стр. 37—38; *М. Н. Комарова.* Ук. соч., стр. 70—71; *В. С. Стоколос.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., «Наука», 1972.

[24] *К. В. Сальников.* Кипельское селище. СА, XXVII, 1957, стр. 199, рис. 4.

[25] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории..., стр. 242—247, рис. 31, 32.

[26] *Т. М. Потемкина.* Отчет об археологических исследованиях Курганского пединститута в 1972—1973 гг., Архив ИА, Р-1, 4698.

[27] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 35—38, рис. 6—4, 7, 10.

[28] *К. В. Сальников.* Курганы на оз. Алакуль. МИА. 24, 1952, рис. 9, 11.

[29] *Т. М. Потемкина.* Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол. В сб. «Из истории Южного Урала и Зауралья», 4. Челябинск, 1969, стр. 5—14.

[30] *Т. М. Потемкина.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов. В сб. «Из истории Сибири», VII, Томск, 1973, стр. 53—64.

[31] *В. С. Стоколос.* Культура населения..., стр. 38—48, рис. 8, 9, 10, 11.

Наличие черкаскульской посуды в керамическом комплексе Алексеевского поселения не было отмечено О. А. Кривцовой-Граковой, так как эта керамика была выделена К. В. Сальниковым позднее[32]. Черкаскульская керамика Алексеевского поселения отличается своеобразным орнаментом, состоящим преимущественно из рядов желобков, насечек, наклонных оттисков гребенчатого штампа, решеточки по шейке, зигзагообразных линий

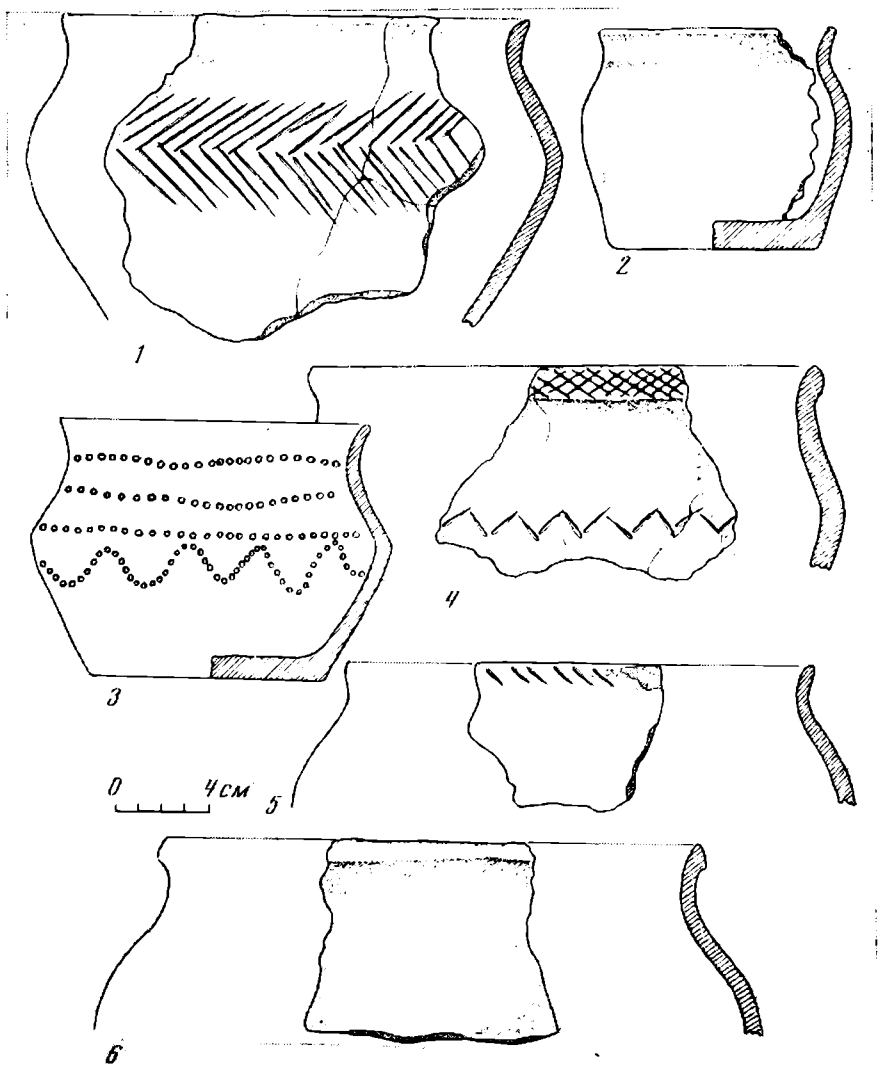


Рис. 3. Керамика II группы, алексеевский тип: *1* — из ямы 4 рядом с землянкой 1; *2, 5* — из землянки 5; *3* — из землянки 6; *4* — из ямы 169; *6* — из землянки 1

и наклонных полос с поперечной штриховкой, обрамленных, как правило, залощенными полосками или мелкими желобками по плечикам (рис. 2, *6—10*). Большинство черкаскульских черепков содержит в качестве примеси к глиняному тесту большой процент талька. Представление о форме этих сосудов по немногочисленным и сильно фрагментированным обломкам получить довольно трудно.

Ко II группе керамики Алексеевского поселения отнесена посуда, которую О. А. Кривцова-Гракова рассматривала как хозяйственную. Это со-

[32] *К. В. Сальников.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы. ВАУ, 6, Свердловск, 1964, стр. 11—14, рис. 3.

суды с раздутыми боками, грубой выделки, сравнительно бедно орнаментированные[33] (рис. 3, *1—6*). Основным признаком этой керамики она считала налепной валик на месте перехода от шейки к плечикам. В литературе за подобной керамикой закрепилось название «валиковой»[34], хотя на поселениях Среднего Притоболья валиками как налепными, так и формованными украшен совсем небольшой процент сосудов этой группы. Так,

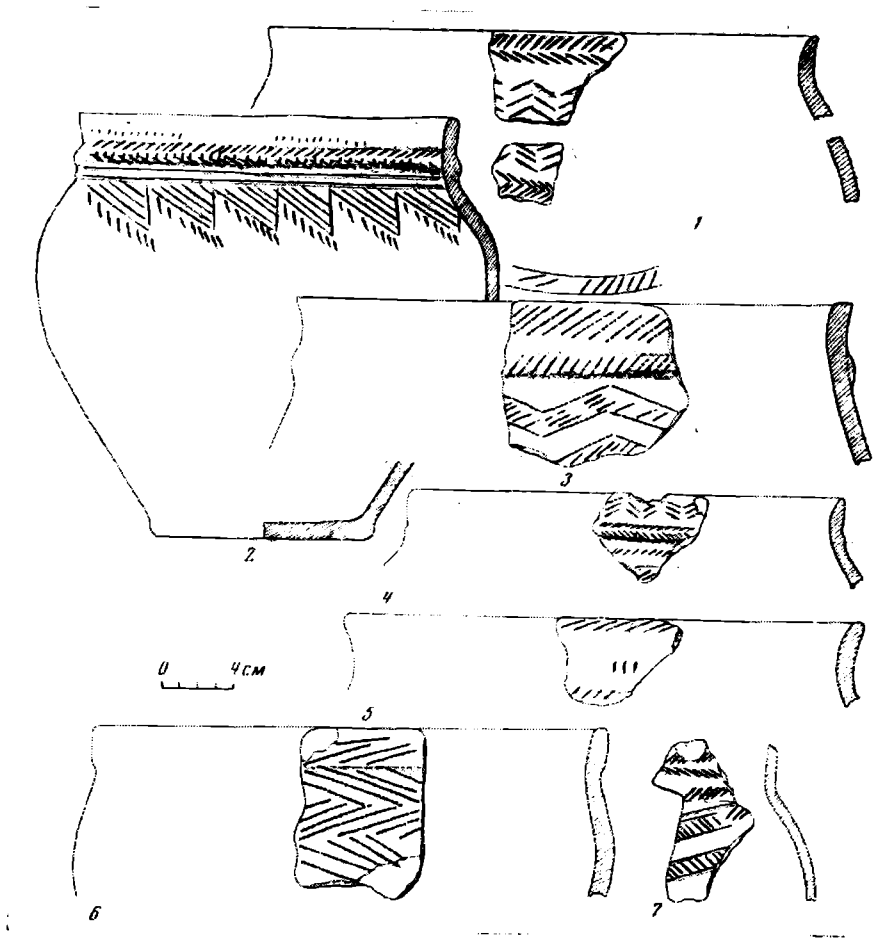


Рис. 4. Керамика II группы, замараевский тип: *1* — из землянки 4; *2* — из землянки 7; *3* — рядом с землянкой 3; *4, 6* — из зольника рядом с землянкой 4; *5* — из землянки 2; *7* — рядом с землянкой 2

на Алексеевском поселении валики были встречены всего на 52 фрагментах из 1096 учтенных венчиков и стенок, что составляет 5% от числа фрагментов керамики II группы. Керамика, подобная II группе сосудов Алексеевского поселения, известна на многих поселениях эпохи поздней бронзы лесостепной зоны Зауралья и Северного Казахстана — Язево I, Камышное II, Ильинка, Явленка, Новоникольское, Перелески II и др., а также Центрального Казахстана — Улутау, Айдарлы, Суук-Булак[35].

[33] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 126—129, 138.

[34] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории..., стр. 292; *М. П. Грязнов.* Пастушеские племена..., стр. 43; *Е. Е. Кузьмина.* Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения Евразийских степей в конце эпохи бронзы. В сб. «Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 215—216.

[35] *А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1966, стр. 188, табл. XIX; стр. 239, табл. XXXIX; стр. 243, табл. XLII.

Среди керамики II группы выделяется небольшое число сосудов, которые отличаются от остальных более богатой орнаментацией, а в отдельных случаях и более тщательной обработкой поверхности. Для них характерны те же элементы орнамента, что и для всей керамики II группы: ряды насечек, елочки, решеточки, прерывающиеся зигзаги. Но они образуют иные композиции и расположены не узкой полосой по верхней части шейки и плечикам, а покрывают сплошным поясом верхнюю треть сосуда. В нижней части шейки для подобной керамики отмечены одинарные ряды сдвоенных каплевидных ямок или клиновидных насечек, что характерно для лесной керамики Урала (рис. 4, *1*—*7*). О. А. Кривцова-Гракова обратила внимание на несколько черепков в коллекции Алексеевского поселения с узором, необычным для андроновской керамики [36], но тогда еще не могла подобрать им аналогии. Исследования последних лет позволяют нам отметить сходство данной посуды с керамикой лесных памятников эпохи поздней бронзы межовского [37] и ерзовского [38] типов. В Притоболье аналогичная керамика хорошо представлена II группой посуды на Замараевском селище [39], а также в небольшом количестве в комплексе с керамикой, подобной II группе сосудов Алексеевского поселения, на поселениях Язево I и Камышное II.

Работа с керамическим материалом Алексеевского поселения велась следующим образом. После выяснения принадлежности черепка к той или иной группе посуды определялось его горизонтальное и вертикальное положение в культурном слое. С помощью условных обозначений фрагменты керамики наносились на планы раскопов с указанием глубины залегания по горизонтам (рис. 5, 6; табл. 1—3). На учет были взяты отдельно все развалы сосудов и венчики, все орнаментированные и дающие представление о форме сосудов стенки, все плоские донышки. Принадлежность фрагментов донышек к определенной группе керамики устанавливалась на основе технологических признаков изготовления посуды. Донышки, орнаментированные и от тонкостенных сосудов, с хорошо заглаженной или лощеной поверхностью, относились к I группе керамики, а днища грубо обработанных, толстостенных горшков — ко II группе. Разумеется, при учете донышек допустимы ошибки и неточности, но все же полученные при этом результаты дополняют данные, полученные при анализе венчиков и орнаментированных стенок. Нерассмотренными остались лишь неорнаментированные фрагменты стенок.

Кроме материалов из раскопок О. А. Кривцовой-Граковой (1938—1939 гг.), были учтены данные В. В. Евдокимова [40], полученные при раскопках Алексеевского поселения в 1969 г. Всего учтено 2091 фрагмент керамики из более чем 10 тыс. обломков [41] посуды, собранных за все годы раскопок на поселении. В это число входят 903 венчика, 715 орнаментированных стенок и 473 плоских донышка. Таким образом, если судить по количеству венчиков, часть которых подбирается из нескольких обломков, керамический комплекс Алексеевского поселения насчитывает приблизительно 850 сосудов.

---

[36] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 141—142, рис. 60, *7*, *8*.

[37] *К. В. Сальников.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья..., стр. 14—15, рис. 4; *его же.* Очерки древней истории..., стр. 359, рис. 59.

[38] *В. П. Денисов.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. Тр. IV Уральского археологического совещания. Уч. зап. ПГУ, 148, Пермь, 1967, стр. 37—38, рис. 2.

[39] *К. В. Сальников.* Замараевское селище. Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948, стр. 44—46.

[40] *В. В. Евдокимов.* К вопросу о датировке и заселении Алексеевского поселения на р. Тобол. В кн. «Материалы IX научно-методической конференции преподавателей Кустанайского педагогического института (тезисы докладов)», Кустанай, 1971, стр. 65—67.

[41] Цифра 10 тыс. получена на основании данных коллекционных описей ГИМа и Археологической экспедиции Кустанайского пединститута.

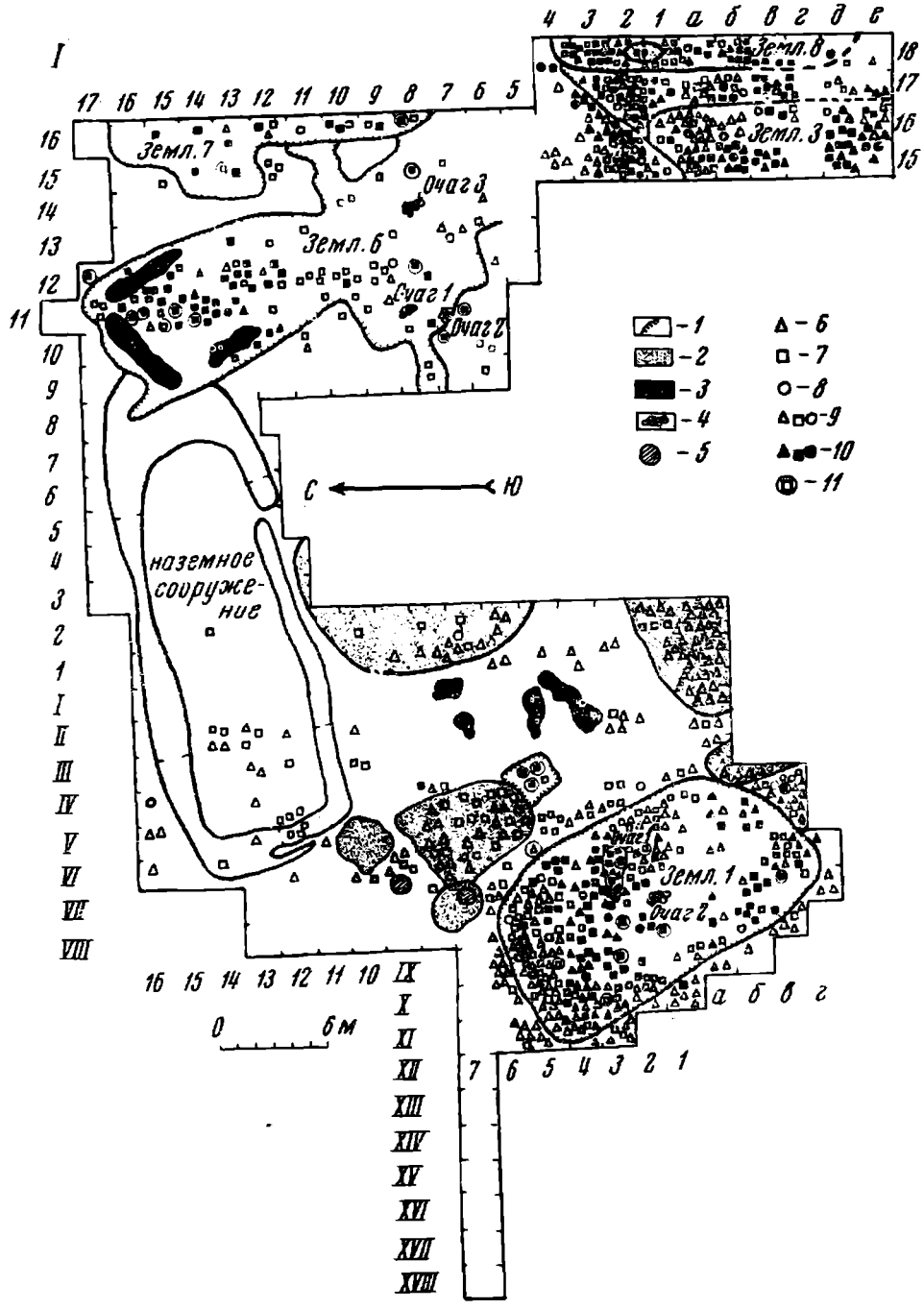


Рис. 5. Распределение керамики I и II групп на площади Алексеевского поселения (раскоп I): *1* — очертания землянок; *2* — землянки; *3* — угли; *4* — очаги, сложенные из камней; *5* — ямы с жертвенными горшками; *6* — фрагменты керамики I группы; *7* — фрагменты керамики II группы; *8* — фрагменты керамики черкаскульского типа; *9* — I—III горизонты; *10* — IV—VI горизонты; *11* — развалы сосудов

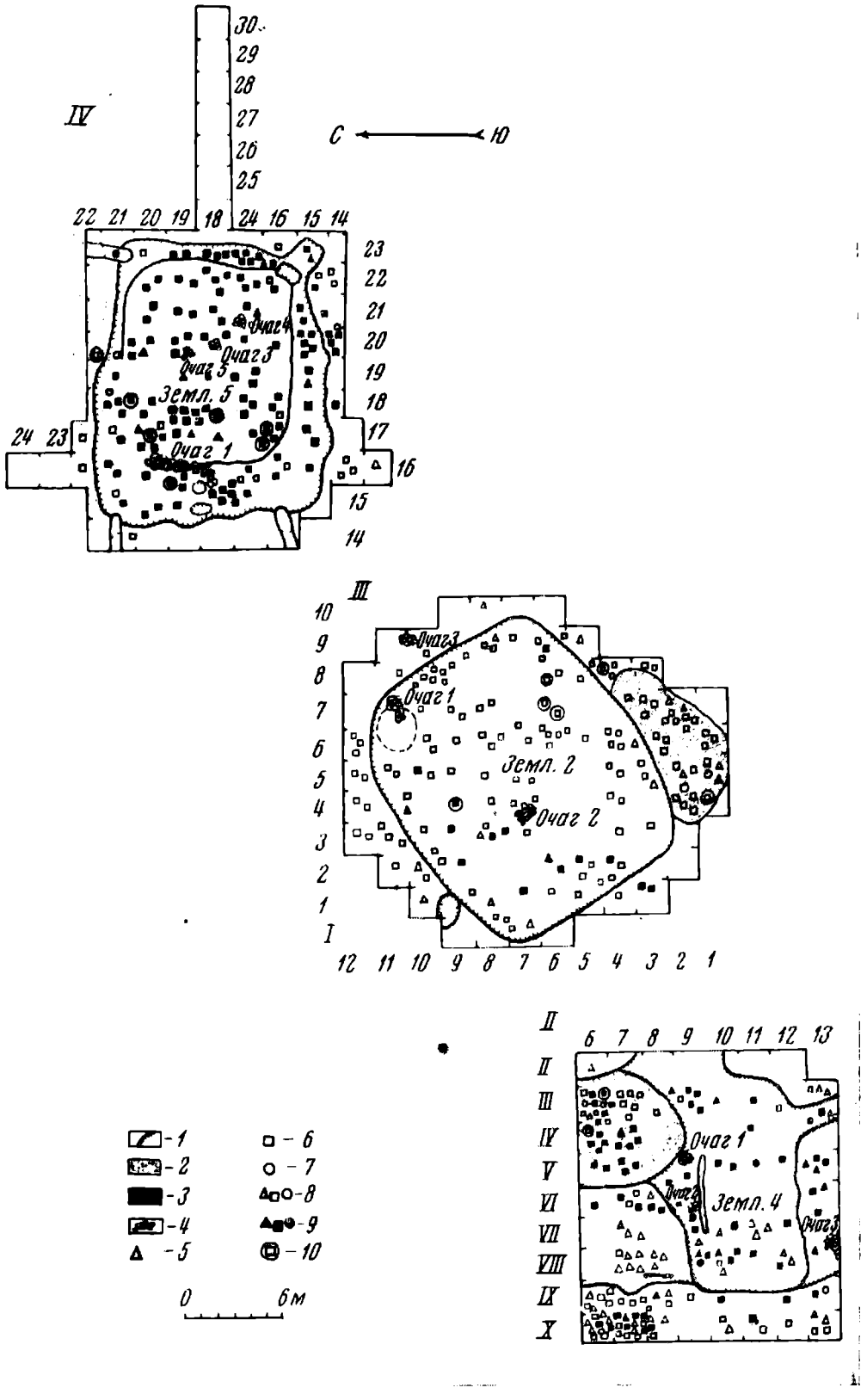


Рис. 6. Распределение керамики I и II групп на площади Алексеевского поселения (раскопы II—IV): *1* — очертания землянок; *2* — зольники; *3* — угли; *4* — очаги, сложенные из камней; *5* — фрагменты керамики I группы; *6* — фрагменты керамики II группы; *7* — фрагменты черкаскульского типа; *8* — I—III горизонты; *9* — IV—VI горизонты; *10* — развалы сосудов

По группам керамика поселения распределяется неравномерно: I группа включает 195 венчиков, 327 орнаментированных стенок и 88 донышек; II группа — 708 венчиков, 386 орнаментированных или дающих представление о форме сосудов стенок, 385 донышек. Следовательно, посуда II группы является преобладающей. Она составляет 68—70% от общего числа фрагментов посуды, собранных на поселении (табл. 1). Этот процент еще более возрастает (до 80%), если учитывать только венчики, по которым

Таблица 1

Распределение групп керамики по жилищам на площади Алексеевского поселения

№ п/п	Место	I группа			II группа			Всего
		венчики и стенки	донышки	всего	венчики и стенки	донышки	всего	
1	В землянке	116	24	140	123	38	161	530
	За пределами	151	4	155	60	14	74	
Наземное сооружение	В сооружении	10	2	12	12	2	14	49
	За пределами	12	1	13	8	2	10	
6	В землянке	14	3	17	76	14	90	120
	За пределами	1	2	3	9	1	10	
7	В землянке	2	—	2	18	2	20	22
3	В землянке	62	13	75	62	14	76	323
	За пределами	57	12	69	79	24	103	
4	В землянке	17	5	22	33	13	46	233
	За пределами	38	9	47	77	41	118	
2	В землянке	10	6	16	96	40	136	216
	За пределами	9	2	11	36	17	53	
5	В землянке	9	4	13	126	53	179	217
	За пределами	3	1	4	14	7	21	
9	В землянке и за пределами	4	—	4	87	32	119	129
10	В землянке и за пределами	7	—	7	180	71	251	258
	Всего	522	88	610	1096	385	1481	2091

Примечание. Учтены венчики, орнаментированные стенки и донышки.

сравнительно точно определяется число сосудов. Интересно отметить также процент керамики лесного типа на Алексеевском поселении. Так, черкаскульская керамика составляет всего 7,3% (10 венчиков и 28 стенок) от числа венчиков и орнаментированных стенок I группы, а керамика типа межовской и ерзовской — 7,8% (49 венчиков и 37 стенок) от числа фрагментов керамики II группы.

В результате проделанной работы получены интересные данные по планиграфии керамики выделенных групп на площади поселения. Керамика I группы сосредоточена в основном (на 85%) на западной окраине поселения у подножия жертвенного холма, причем на участках, расположенных ближе к реке: в землянке I и на прилегающих к ней участках (51,1% керамики всей группы), в землянках 3 и 8 (22,7%) и на окружающей землянку 4 площади (10,5%) (рис. 5, 6; табл. 1). На остальной территории поселения, удаленной от жертвенного холма на 50—100 *м* (землянки, раскопанные В. В. Евдокимовым [42]), фрагменты керамики I группы немногочисленны.

Черкаскульская керамика представлена очень малым числом обломков (всего 38). Половина их (19) обнаружена на довольно ограниченной площади в землянке 3 и рядом с ней. Еще 8 фрагментов найдены в землянке 1 и на прилегающих к ней участках (рис. 5, 6). Таким образом, черкас-

[42] Землянки, раскопанные В. В. Евдокимовым в 1969 г., во всех таблицах обозначены № 9, 10.

кульская керамика концентрируется на тех участках поселения, где сосредоточена преобладающая часть керамики I группы. Точно такую же картину дает и проверка насыщенности культурного слоя керамикой I группы по квадратам. На участках, прилегающих к жертвенному холму, на один квадрат (2 × 2 *м*) приходится в среднем 2,1—2,4 черепка. На остальной площади поселения этот показатель ничтожен — 0,2—0,05 черепка на один квадрат (рис. 7). Кроме того, следует обратить внимание и на сохранность керамики I группы: вся она дошла до нас в сильно измельченном виде.

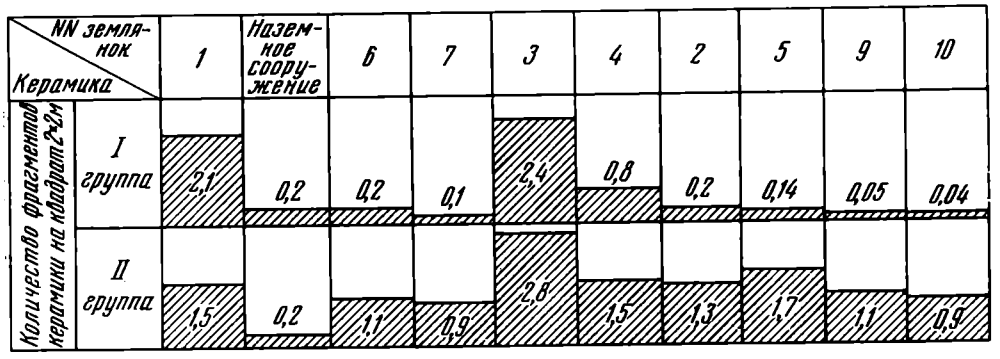


Рис. 7. Таблица степени насыщенности культурного слоя Алексеевского поселения керамикой по землянкам без разделения на внутриземляночные и околоземляночные пространства

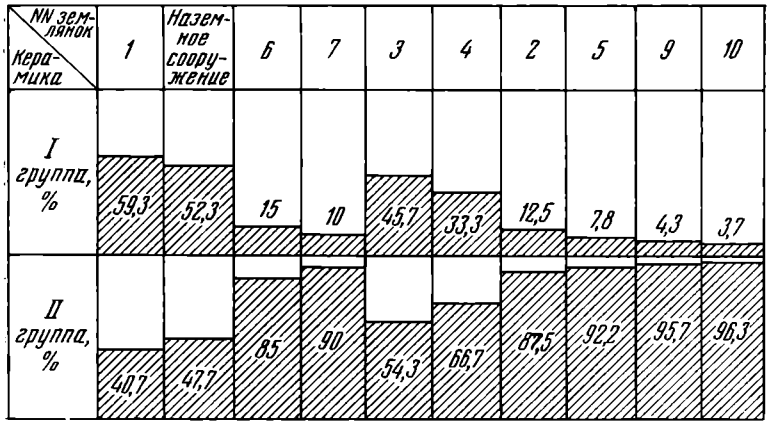


Рис. 8. Сводная таблица распределения групп керамики (в %) на площади Алексеевского поселения по землянкам без разделения на внутриземляночные и околоземляночные пространства (количественное соотношение дано в табл. 1)

Керамика II группы (в том числе и фрагменты, аналогичные межовским), представленная преимущественно крупными фрагментами сосудов и целыми горшками, довольно равномерно распределяется по всей площади поселения (рис. 5, 6; табл. 1). В отличие от керамики I группы, насыщенность культурного слоя черепками II группы на всех вскрытых участках примерно одинакова: на один квадрат (2 × 2 *м*) приходится 0,9—1,7 черепка (рис. 7). Таким образом, посуда II группы Алексеевского поселения очень хорошо вычленяется планиграфически: если на западной окраине поселения (землянки 1, 3, 8, частично землянка 4) она содержится в культурном слое вместе с керамикой I группы, то на восточных участках памятника, удаленных от жертвенного холма (землянки 2, 5, 9, 10),

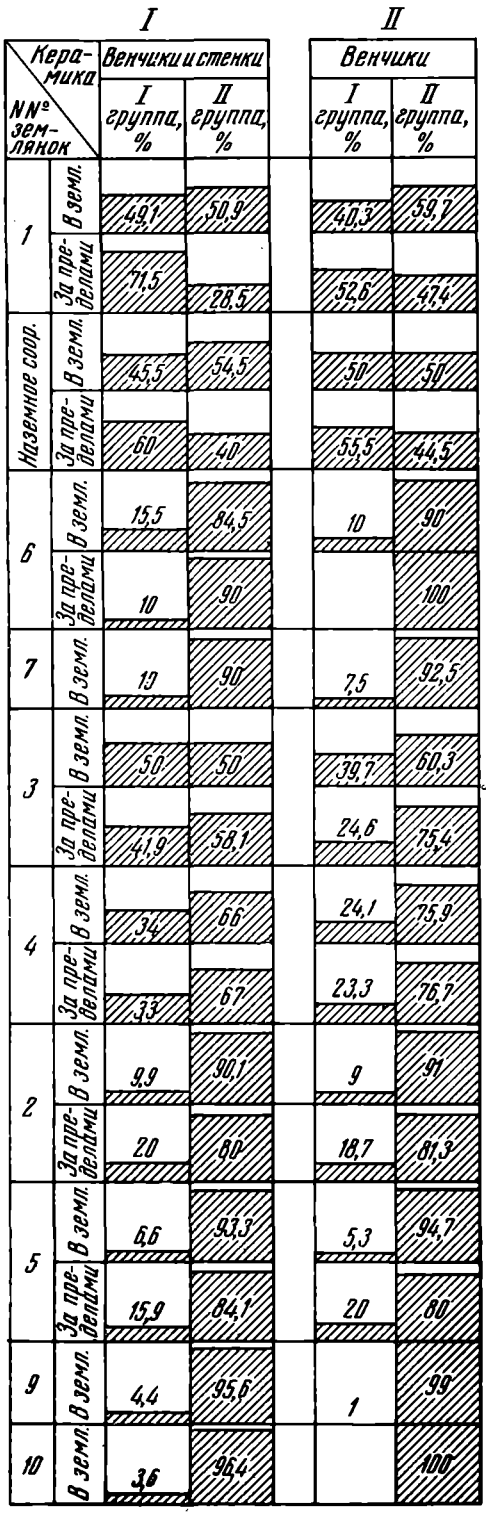


Рис. 9. Таблица распределения групп керамики (в %) на площади Алексеевского поселения по землянкам с учетом внутриземляночных и околоземляночных пространств (количественное соотношение дано в табл. 1)

керамика II группы является практически единственной, составляя 87,5—96,3% собранной здесь посуды.

Приведем сводную таблицу-диаграмму распределения I и II групп керамики на площади Алексеевского поселения по жилищам, включая окружающую их территорию (рис. 8). На таблице последовательность землянок дается не в порядке принятой для них нумерации, а по степени их удаленности от жертвенного холма. Из таблицы следует, что процент керамики I группы (от числа фрагментов, найденных на каждом раскопе) постепенно уменьшается (от 59,3 до 3,7%) по мере удаления от подножия холма. И наоборот, процент керамики II группы увеличивается — от 40,7 до 96,3%. Те же результаты получаются, если взять распределение групп керамики отдельно только по венчикам (рис. 9) и по венчикам и орнаментированным стенкам (рис. 9) с учетом их положения в жилищах и за их пределами.

Хотелось бы заметить, что О. А. Кривцова-Гракова обратила внимание не только на неоднородный состав керамики на поселении, но и на неравномерность ее распределения между жилищами. По ее словам, в землянке 1 грубая посуда употреблялась наравне с лощеной; в соседних жилищах (3,6) лощеная посуда встречалась реже и особенно мало ее было найдено в землянке 5[43]. Но эти различия в качественном составе керамики отдельных землянок О. А. Кривцова-Гракова объясняла различным имущественным положением семей, занимавших то или иное жилище.

На участках, где количественное соотношение керамики I и II групп почти одинаково (землянки 1, 3), четкого стратиграфического расчленения между ними не наблюдается (табл. 2). Все же по некоторым данным можно судить о более позднем отложении здесь керамики II группы. Так, в землянке I преобладают фрагменты керамики II группы, а за пределами жилища — I группы (рис. 9, *1*, *11*). Кроме того, на дне жилищ, в очагах, ямах встречены развалы сосудов и целые сосуды только II группы.

[43] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 94—95.

Таким образом, полученный материал указывает, что Алексеевское поселение заселялось два раза. Первое заселение засвидетельствовано керамикой I группы и относится к алакульскому времени. Это раннее поселение было расположено на территории, прилегающей к холму со стороны реки (рис. 1). Именно на этих участках была встречена основная часть (около 80% керамики I группы в виде разрозненных мелких черепков (табл. 1; рис. 8). К этому же времени относятся могильник и жертвенное место.

Керамика II группы связана со вторым заселением памятника и относится к эпохе поздней бронзы. Все семь полностью раскопанных землянок, на полу которых находились крупные фрагменты и раздавленные сосуды II группы, сооружены в это время. Вещественный материал из жилищ (бронзовые однолезвийные ножи и секач сосново-мазинского типа, каменные мотыги, лощила, каменные и костяные наконечники стрел, тупики из челюстей животных и др.) хорошо увязывается с керамикой II группы. Эти предметы на основании многочисленных параллелей в памятниках позднебронзового века степей Евразии датируются самым концом II — началом I тысячелетия до н. э.

Таблица 2

Распределение керамики по горизонтам в землянке 1 и в землянке 3 Алексеевского поселения

Землянка 1				Землянка 3			
горизонт	I группа	II группа	всего	горизонт	I группа	II группа	всего
В землянке				В землянке			
I	16	8	24	I	4	2	6
II	33	22	55	II	8	3	11
III	40	32	72	III	21	19	40
IV	21	49	70	IV	9	26	35
V	3	3	6	V	11	5	16
VI	3	9	12	VI	9	7	16
Всего	116	123	239	Всего	62	62	124
За пределами				За пределами			
I	49	29	78	I	11	10	22
II	49	17	66	II	13	14	27
III	38	14	52	III	12	15	27
IV	15	—	15	IV	10	17	27
				V	11	23	34
Всего	151	60	211	Всего	57	79	136
Всего	267	183	450	Всего	119	141	260

Примечание. Учтены венчики и орнаментированные стенки.

Жилища поздней бронзы были сооружены на территории ранее существовавшего здесь поселения, а некоторые из них — за его пределами. У западной окраины поселения, где поздние сооружения перекрывают более ранние, культурный слой оказался сильно перемешанным, чему еще способствовала и сыпучесть грунта (песок). Так, оказалось, что посуда двух хронологических периодов на ряде участков поселения плохо расчленяется стратиграфически, что и послужило основанием для О. А. Кривцовой-Граковой считать всю керамику одновременной. У восточного края поселения, где не было более ранних материалов, поздний комплекс керамики (II группа) содержится практически в чистом виде, составляя 96,3% от числа фрагментов посуды, собранных на этих участках (рис. 9, *1*, *11*).

Возможно, что поселение поздней бронзы частично затронуло жертвенный холм. В пользу этого предположения свидетельствуют обнаруженные у землянки 1 две небольшие ямы с сосудами, аналогичными найденным на жертвенном месте и в могильнике. При этом горшки также были за-

крыты крышками. Эти ямы, как отмечает О. А. Кривцова-Гракова [44], были перекрыты культурным слоем поселения и, следовательно, вырыты еще до его основания. Это заставило ее считать, что ямы с сосудами были связаны с жертвоприношением в связи с возникновением поселения.

Данное предположение подтверждают и стратиграфические наблюдения, полученные О. А. Кривцовой-Граковой при исследовании жертвенного места [45]. На северном склоне холма ею отмечена гумусная прослойка, перекрывающая жертвенные ямы, выше которой встречались угольки и отдельные черепки, связанные, по-видимому, со вторичным заселением памятника. В южной части холма, затронутой поздним поселением, эта прослойка отсутствует.

Таким образом, совместное залегание керамики I и II групп в культурном слое поселения наблюдается не на всей площади, а только на западной окраине поселения у подножия жертвенного холма. Оно объясняется перемешанностью культурного слоя на месте наложения ранних и поздних комплексов, а не сосуществованием этих групп посуды. Остальные аргументы О. А. Кривцовой-Граковой в пользу одновременного сосуществования керамики I и II групп как посуды бытовой и погребальной, не меняют изложенного выше заключения.

Ссылка на крышки от грубых поздних сосудов на жертвенных горшках малоубедительна. Сама О. А. Кривцова-Гракова обращает внимание на то, что «их обычный зигзагообразный орнамент мало отличается от подобного же орнамента на горшках могильника и жертвенного места, но он выполнен гораздо грубее, часто широкими бороздами, нанесенными пальцами, что сближает эту керамику с керамикой поселения» [46]. Следовательно, единственным основанием, которое дало повод автору раскопок считать часть крышек принадлежащими не к погребальной, а к хозяйственной посуде (II группе керамики.— *Т. П.*), является более грубое нанесение орнамента. Внимательное рассмотрение черепков-крышек убеждает нас, что ни по форме, ни по орнаментации они не имеют ничего общего с керамикой второй группы (рис. 10, *1, 4, 5—7*). Можно согласиться с М. Н. Комаровой, что «эти черепки являются обломками типичных сосудов алакульского типа, только более крупных и грубых, чем сосуды из могильника и жертвенного места» [47]. То же можно сказать и о фрагменте придонной части сосуда, найденном на поселении рядом с землянкой 1 (рис. 10, *3*). Он принадлежит горшку, крупный обломок венчика которого использовался в качестве крышки для жертвенного сосуда 2 (рис. 10, *1*).

Что же касается единичного погребения (18) с грубым валиковым сосудом, то оно выделено весьма условно: нет очертаний могильной ямы, следов погребенного и каких-либо вещей. Поэтому нет оснований считать, что могильник и жертвенное место сосуществуют с грубой поселенческой посудой (II группа керамики), как это делает О. А. Кривцова-Гракова.

В заключение хотелось бы отметить, что в работе О. А. Кривцовой-Граковой содержится ряд замечаний, свидетельствующих о том, что она не только обратила внимание на наличие на поселении двух отличных друг от друга типов посуды, но и предполагала хронологический разрыв между ними. Так, О. А. Кривцова-Гракова неоднократно указывает на существование в керамическом комплексе поселения «древних и более поздних форм посуды» [48]. Ею отмечена также значительная мощность культурного слоя в западной части поселения, на основании чего сделан вывод о первоначальном возникновении на этом месте поселения и о дальнейшем его росте на восток. О более длительном существовании западной

---

[44] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 96.
[45] Там же, стр. 72.
[46] Там же, стр. 132.
[47] *М. Н. Комарова.* Относительная хронология памятников андроновской культуры..., стр. 71.
[48] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 132, 142.

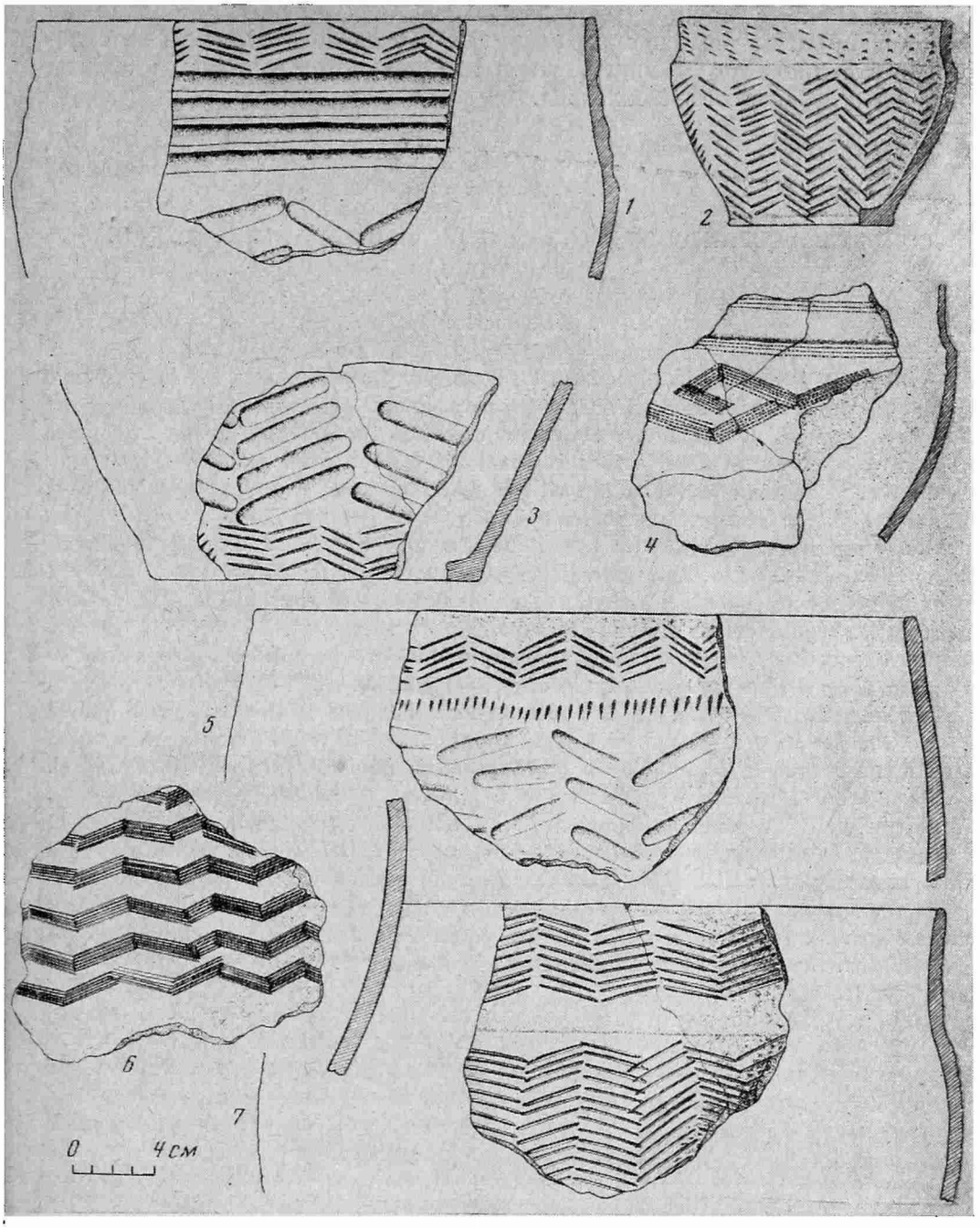


Рис. 10. Реконструкция сосудов по обломкам, служившим крышками для горшков на жертвенном месте: *1, 3* — сосуд, один из обломков которого (*1*) служил крышкой для горшка 2 на жертвенном месте, а другой (*3*) был найден на поселении рядом с землянкой 1; *2* — сосуд 55 с жертвенного места; *4* — крышка от сосуда 35; *5* — от сосуда 16; *6* — от сосуда 36; *7* — от сосуда 39

части поселения, по ее мнению, свидетельствуют и остатки земляночных сооружений (землянки 7, 8, углубление на месте сооружения землянки 4), переставших существовать довольно рано (до сооружения остальных землянок) и использованных для ссыпки золы[49]. Хотя О. А. Кривцова-Гракова предполагала не двукратное заселение поселения, а долговременное непрерывное обитание, ее замечания вполне согласуются с нашими выводами.

[49] *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 93—95.

Таким образом, можно утверждать, что Алексеевское поселение по представленным на нем группам керамики и последовательности их отложения не отличается от других многослойных поселений эпохи бронзы Притоболья и Северного Казахстана.

T. M. Potemkina

COMPLEXES CERAMIQUES PROVENANT DU VILLAGE D'ALEXEEVSKOIE SUR LE TOBOL

Résumé

L'article est centré sur la répartition de deux groupes céramiques sur la superficie du village l'Alexéevskoïé. O. A. Krivtsova-Grakova, auteur des fouilles de ce site, a délimité deux groupes de céramique nettement distincts, concomitants à son avis parce que gisant conjointement dans la couche d'habitation. Nous avons établi que les récipients du I et II groupes provenant du village d'Alexéevskoïé se prêtent très bien à la délimitation planigraphique. Les poteries du I groupe (soigneusement façonnées, aux proportions strictes, a décor fin et compliqué, fig. 2) sont concetrées pour la plupart (85%) à l'extrémité occidentale du village, près du monticule sacrificatoire. Les poteries du II groupe (récipients grossiers aux parois épaisses pauvrement décorées, fig. 3, 4) sont réparties régulièrement sur toute la superficie du village. Si, à l'extrémité occidentale du village, ces récipients coïncident avec ceux du I groupe, sur les portions orientales du site éloignées du monticule sacrificatoire ils prédominent largement (87,5—96,3% de céramique recueillie — fig. 5). Les informations obtenues laissent supposer que le village d'Alexéevskoïé a été peuplé à deux reprises. Le temps du premier peuplement est en relation avec la céramique du I groupe et se rapporte à la période d'Alacoul. Ce village primitif fut situé sur le territoire attenant au monticule sacrificatoire du côté de la rivière. Le deuxième peuplement du site est en relation avec la céramique du II groupe et se rapporte à l'époque du bronze récent. Les habitats de cette époque étaient construits partiellement à l'emplacement du village ancien, partiellement au-delà de ces limites. A l'extrémité occidentale du village la couche de civilisation s'est trouvée fortement remaniée et de ce fait les poteries de deux périodes chronologiques se prêtent difficilement à la délimitation stratigraphique.

Г. Р. ИШМУРАТОВА

КЕРАМИКА АНАНЬИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ТАТАРИИ

За последние годы в результате широких археологических исследований собраны новые данные по ананьинской проблеме, что позволяет вплотную подойти к выделению локальных вариантов ананьинской культурной общности. Особенно интересны в этом отношении материалы с памятников западных районов Татарии, расположенных по Волге и Каме близ устья последней и выше.

Материалы раскопок ряда поселений этого района дают возможность сделать некоторые выводы о специфике ананьинской культуры на этой территории. Из шести рассматриваемых поселений четыре находятся на левом берегу Волги — городище Казанка I, Коминтерновское поселение «Курган», II Маклашеевское городище и городище «Гремячий ключ», расположенное на Каме. Два поселения — Антоновское городище и Нижнеуслонское поселение находятся на правом берегу Волги.

Керамика, основной материал с поселений, является в то же время важнейшим показателем этнокультурной принадлежности и изучение ее имеет важное значение. Цель предлагаемой работы — анализ и по возможности датировка керамических комплексов указанных поселений.

При исследовании ананьинского материала многие авторы разработали свою типологию ананьинской посуды. Так, имеются, например, классификации В. Ф. Генинга и В. Е. Стоянова [1], Г. А. Архипова [2], А. Х. Халикова [3]. Работа А. Х. Халикова интересна тем, что он установил синхронное бытование на Средней Волге наряду с ананьинской «текстильной» посуды с примесью песка и как результат сосуществования и взаимовлияния этих групп керамики образование керамики смешанного типа, «гибридной» с чертами обеих групп. Это посуда с примесью толченой раковины в тесте, но с «текстильной» поверхностью или изготовлена из глины с песком, но с орнаментом, характерным для керамики с толченой раковиной [4].

Большинство наших памятников дает такие же смешанные керамические комплексы, которые по основному признаку — примеси теста — мы делим на две основные группы. «Гибридная» керамика по примеси теста также оказывается разделенной на две группы. Вследствие сильной фрагментированности материала в нашей типологии форм сосудов учтена в основном форма шейки с переходом в плечико. Форма тулова до 1/3 или половины сосуда реконструировалась редко.

Особое внимание при анализе керамики уделяется орнаментации. При статистических подсчетах по орнаменту привлекаются не только вен-

[1] *В. Ф. Генинг* и *В. Е. Стоянов*. Итоги археологического изучения Удмуртии. ВАУ, I, Свердловск, 1961, стр. 79 сл.

[2] *Г. А. Архипов*. Ананьинские городища на р. Вятке. Тр. МАЭ, II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 200—205.

[3] *А. Х. Халиков*. Очерки истории Марийского края в эпоху железа. Тр. МАЭ, II, стр. 142—151.

[4] Там же, стр. 104, 142—151.

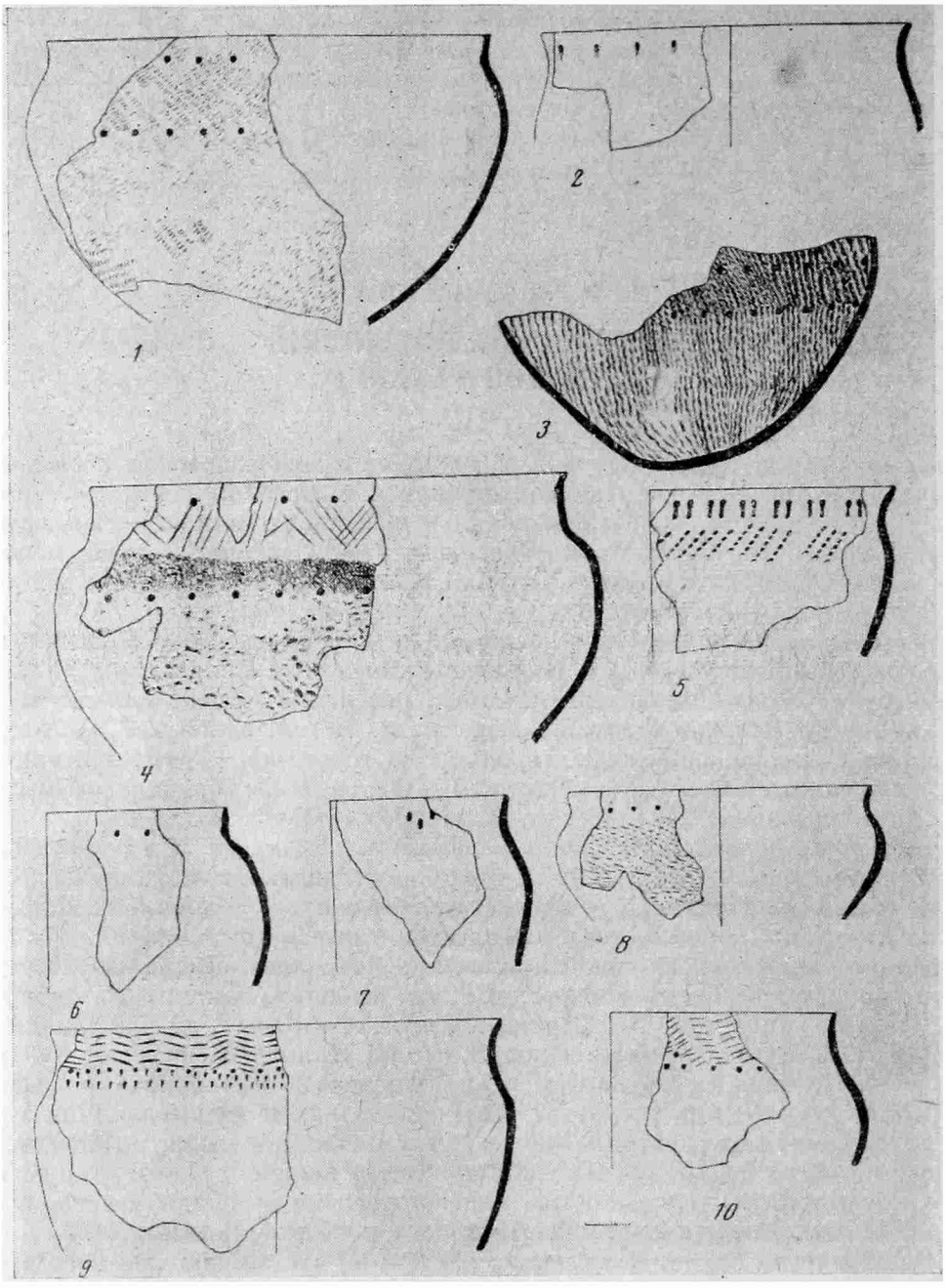


Рис. 1. Керамика 1-й и 2-й групп городища Казанка I

чики, но и наиболее выразительные фрагменты стенок сосудов, дающие представление об орнаментальной композиции.

Керамика всех поселений лепная и за исключением Антоновского городища по примеси теста делится на две группы. 1-я группа с примесью толченой раковины, 2-я — с примесью песка. Везде они найдены в одном слое, совместно. Посуда с толченой раковиной имеет в основном гладкую поверхность, заглаженную снаружи и изнутри тряпкой или кожей, иногда зубчатым штампом. Цвет посуды желтый, желтовато-серый, иногда почти черный. Толщина стенок колеблется от 3 до 10 *мм*.

Керамика с примесью песка по обработке поверхности подразделяется на гладкую, штрихованную и «текстильную». Гладкая посуда должна быть

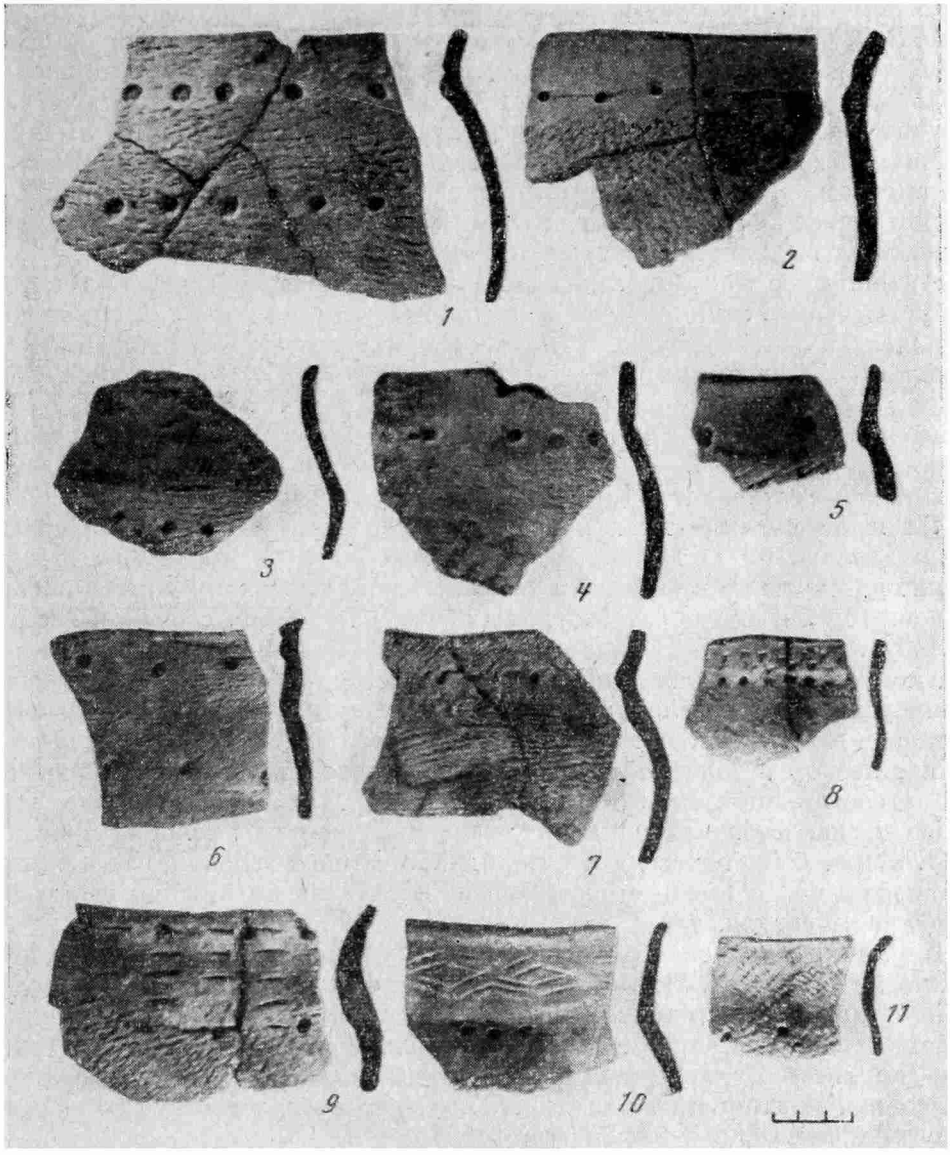


Рис. 2. «Текстильная» керамика городища Казанка I

отнесена к этой категории с оговоркой, ибо ниже по тулову могли оказаться в некоторых случаях «текстильные» отпечатки, материал сильно фрагментирован. Штрихованной керамики мало, она составляет небольшой процент. Подавляющее большинство сосудов с примесью песка имеет «текстильную» поверхность, внутри она гладкая или заглажена зубчатым штампом. «Текстильные» отпечатки наносились различной техникой. В основном они наносились, по всей вероятности, как полагает Н. Н. Гурина, незначительными по размеру кусками ткани или плетеного материала, вследствие чего создавалось впечатление об использовании штампа[5]. Об этом свидетельствует одинаковое направление рядов углублений, бороздок на небольших участках, затем повторение таких же рядов бороздок. Иногда они идут теми же рядами, но в перпендикулярном направлении, под углом (рис.1, *1*, *8*, рис. *2*, *7*). На некоторых сосудах «текстильные» отпечатки выполнены, видимо, при помощи намотанного на дощечку шну-

[5] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, стр. 152.

ра, о чем свидетельствуют частые неровные ряды шнуровых отпечатков (рис. 2, *4*, *6*). Имеются сосуды с «текстильными» отпечатками, выполненными техникой чекана (рис. 1, *4*). Поверхность после нанесения «текстильных» отпечатков иногда местами заглаживалась тряпкой или зубчатым штампом. Толщина стенок сосудов колеблется от 3 до 10 *мм*. В обеих группах встречаются малые сосуды с диаметром горла 5—10 *см* и большие с диаметром свыше 40 *см*. Но преобладают сосуды средних размеров с диаметром горла 20—35 *см*. По соотношению 1-й и 2-й групп керамики на поселениях выявляется следующая картина.

Антоновское городище, расположенное на правом берегу Волги напротив устья Камы, и прикамское городище «Гремячий ключ» почти не содержат «текстильной» посуды. В керамическом комплексе «Гремячего ключа» выявлено 3% керамики с песком. Основная масса керамики обоих памятников гладкая с толченой раковиной. Иное соотношение керамики с примесью песка и толченой раковины на северных памятниках, городище Казанка I и Нижнеуслонском поселении. Керамика с примесью песка на Казанке I составляет 71,6%, на Нижнеуслонском поселении — 34,8%.

На южных памятниках преобладает керамика с толченой раковиной. К сожалению, по II Маклашеевскому городищу не проведены статистические подсчеты по примесям в тесте по всему материалу в целом. По числу вошедших в обработку сосудов (72 экз.) керамика с песком составляет 16,6%. На «Кургане» керамика с песком составляет 6,1% общего числа фрагментов[6]. Исключая «гибридную» керамику (рис. 3), имеющуюся на Нижнеуслонском поселении, городище Казанка I, II Маклашеевском городище и «Кургане», которая численно невелика, это соотношение керамики с песком и толченой раковиной в основном соответствует соотношению «текстильной» керамики с ананьинской. Гладкая керамика с примесью песка, имеющая орнамент, характерный для 1 группы (рис. 3, *3*, *6*, *7*), может быть отнесена к «гибридной» с той оговоркой, что некоторые фрагменты могли иметь «текстильные» отпечатки на нижней несохранившейся части сосуда.

Керамика с толченой раковиной и «текстильными» отпечатками на поверхности (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *5*) представлена фрагментами одного сосуда на Нижнеуслонском поселении, трех сосудов (семь фрагментов) Казанки I и трех сосудов II Маклашеевского городища. Как видим, этот тип «гибридной» керамики, характерный для поселений Средней Волги, особенно малочислен. Но именно этот тип наиболее ярко свидетельствует о взаимном влиянии и смешении 1-й и 2-й групп керамики.

Таким образом, по соотношению на рассматриваемых памятниках сосудов с песком и толченой раковиной наблюдается группировка памятников, которая подтверждается и географическим размежеванием. Казанка I — Нижнеуслонское поселение; Антоновское городище — «Гремячий ключ»; «Курган» — II Маклашеевское городище. В то же время географически более близкий к городищу «Гремячий ключ» «Курган» близок к этому памятнику и процентным соотношением керамики с песком.

Для рассматриваемых памятников можно проследить как общность, так и специфику форм сосудов. Сосуды с толченой раковиной и с примесью песка делятся по форме на две группы: с профилированным горлом и непрофилированным — чашевидные. Сосуды с профилированным горлом подразделяются на четыре типа (по форме горловины): прямое, раструбом, закрытое, блоковидное, т. е. плавно сужающееся в средней части. Выделяется шесть типов венчиков сосудов: закругленный, плоский, уплощенный с односторонним или двусторонним наплывом — Г-образный и Т-образный, с утолщением наружу, отогнутый, скошенный наружу.

[6] По керамике «Кургана» см. *Г. Р. Ишмуратова.* Приказанская и ананьинская керамика поселения «Курган». Уч. зап. ПГУ, 148, Пермь, 1967. Там статистика по примеси дается по количеству вошедших в обработку фрагментов, здесь — по общему числу фрагментов.

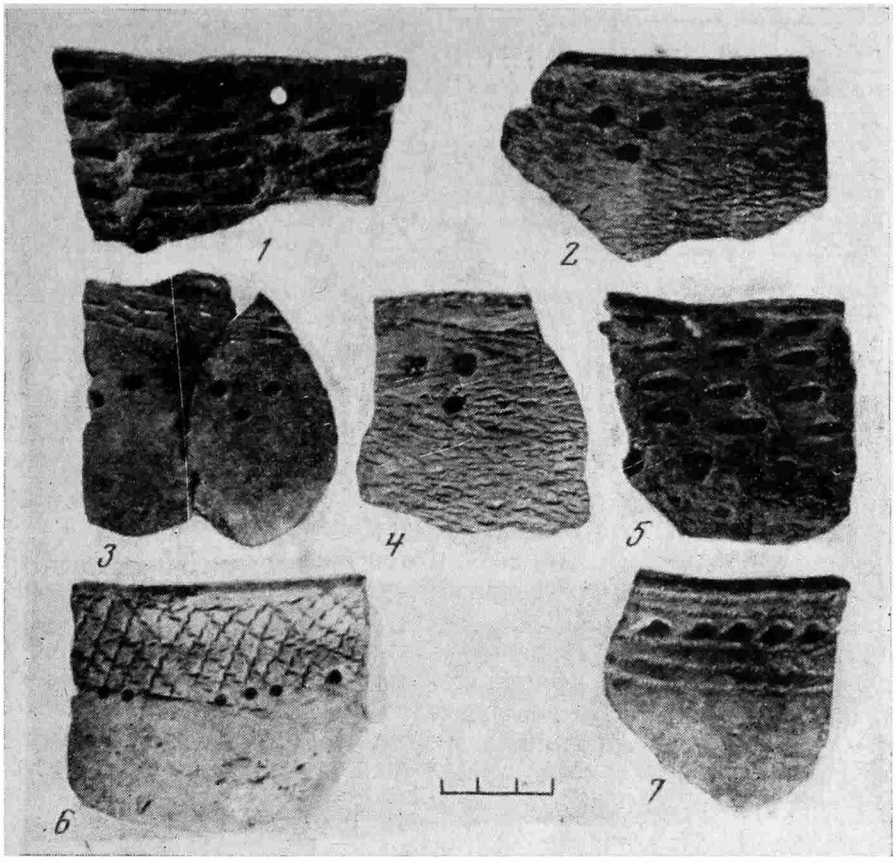


Рис. 3. Керамика смешанного типа, «гибридная» городища Казанка I

Как мы видим (рис. 4), среди сосудов с толченой раковиной подавляющее большинство составляют сосуды с профилированным горлом, из которых наибольший процент приходится на сосуды с прямым горлом.

Прослеживается специфика форм керамики каждого памятника. Среди керамики «Гремячего ключа», типично ананьинского памятника, относящегося к нижнекамскому варианту, мы наблюдаем большей частью плавный переход от горла к тулову и значительный сравнительно с другими памятниками процент чашевидных сосудов. Для Антоновского городища специфичным является значительный процент сосудов с резко отогнутым краем или очень низким резко отогнутым горлом. Среди сосудов с толченой раковиной Нижнеуслонского поселения преобладает плавный переход от горла к слабо раздутому тулову. У сосудов же с «текстильной» поверхностью чаще прямое низкое горло с четко выраженными плечиками. Та же закономерность прослеживается в керамике Казанки I. Среди сосудов с толченой раковиной преобладает плавный переход от горла к тулову; у посуды с песком и «текстильными» отпечатками более резко выраженные плечики. Интересно отметить, что среди гладкой керамики с песком чаще встречается плавный переход от горла к тулову, как у керамики с толченой раковиной. Особенностью для керамики с примесью толченой раковины является также отсутствие сосудов с закрытым горлом.

Среди «текстильной» посуды Казанки I бытует оригинальная форма сосудов со слегка вогнутым прямым горлом при слабо выраженных плечиках, но с четкой профилировкой горловины (рис. 2, *6*). Такая форма горла напоминает воротничкообразное утолщение ананьинской посуды. Эта форма встречается также среди посуды «Кургана». В керамике «Кургана», очень разнообразной по форме, особо надо отметить наличие арха-

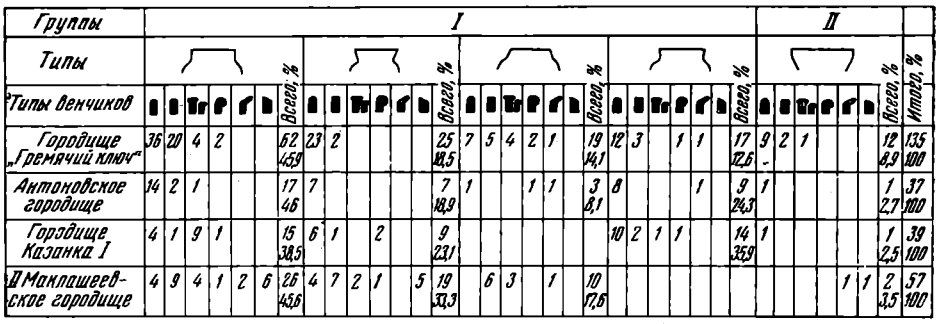


Рис. 4. Соотношение форм сосудов с примесью толченой раковины в тесте

ичных сосудов с прямым высоким подцилиндрическим горлом, а также сосудов с четко выраженным профилированным, но прикрытым горлом при сильно раздутом тулове. Один такой сосуд встречен среди керамики Казанки I (рис. 2, *10*). Во всех керамических комплексах очень незначителен процент чашевидных сосудов с непрофилированным горлом (рис. 4). Почти на всех памятниках встречены сосуды с «воротничком», но процент такой посуды ничтожно мал.

Общие для всех рассматриваемых памятников черты прослеживаются в орнаментации керамики, причем некоторые памятники имеют свои специфические особенности. На всех памятниках в незначительном количестве встречена неорнаментированная посуда. Подавляющее же большинство посуды как с примесью толченой раковины, так и с примесью песка орнаментировано.

Таблица 1

Орнаментация керамики ананьинского типа
(гладкой, с примесью толченой раковины)

Орнамент	Городище «Гремячий ключ»		Антоновское городище		Нижнеуслонское поселение		Городище Казанка I		II Маклашеевское городище	
	число сосудов	%	число сосудов	%	число сосудов	%	число сосудов	%	число сосудов	%
Ямка										
круглая глубокая	101	48,7	25	49	6	28,5	18	42,8	62	32,9
клиновидная	51	24,6	22	43,1	8	38,1	10	23,8	41	21,8
треугольная	3	1,4	4	7,8	2	9,5			9	4,7
двойной треугольник									12	5,8
неправильная	11	5,3	2	3,9	—	—	5	11,8	6	3,2
кольцевая	9	4,3	1	1,9	1	4,7	—	—	—	—
глазчатая	4	1,9	1	1,9	—	—	2	4,7	—	—
Зубчатый	18	8,7	1	1,9	3	14,3	10	23,8	15	7,9
Отступающая лопаточка	12	5,8	1	1,9	3	14,3	4	9,5	—	—
Шнур	59	28,5	8	15,7	2	9,5	3	7,1	18	9,5
Резной	16	7,7	2	3,9	—	—	2	4,7	25	13,2
Заштрихованные клинья	6	2,9	—	—	2	9,5	2	4,7	—	—

Разнообразно орнаментирована посуда с толченой раковиной. По технике орнаментации (табл. 1) это прежде всего разнообразные ямочные вдавления: круглая глубокая ямка, мелкая круглая, неправильная, треугольная, подчетырехугольная, глазчатая (круглая ямка пересечена клиновидным или зубчатым штампом), всевозможные клиновидные вдавления, а также зубчатый штамп, зубчатые клинья, зубцы, нанесенные техникой отступающей лопаточки, нарезки или прочерченные линии. Наконец, считающийся наиболее характерным для ананьинской посуды шнуровой орнамент. Единично встречены ногтевые вдавления.

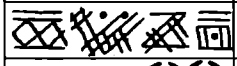
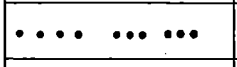
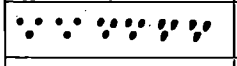
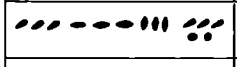
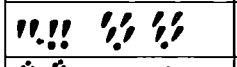
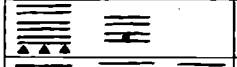
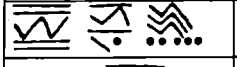
	Орнамент	Городище „Гремячий ключ"		Нижне-Услонское поселение		Антоновское городище		Городище Казанка I				Городище „Курган"			
				С примесью раковины	С примесью песка			С примесью раковины		С примесью песка		С примесью раковины		С примесью песка	
		Колич.	%	Колич.	Колич.	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
1		6	3,3	1				2	4,8	3	3,6	14	3	1	2,3
2		10	5,5	2		4	10,3	1	2,4			11	2,3		
3		9	4,9	1						2	2,4	5	1,1		
4		14	7,7		1	7	17,9			2	2,4	15	3,2		
5		12	6,5	1		1	2,5					7	1,5		
6		21	11,5	1	1	2	5,1	3	7,3	7	8,4	51	10,8		
7		26	14,2		2	9	23	7	17	47	56,6	136	28,9	3	7,1
8				1	1	1	2,5	5	12,2			7	1,5	1	2,3
9		6	3,3	5		3	7,6	1	2,4	5	6	13	2,7		
10		1	0,5	1								2	0,4		
11						1	2,5	1	2,4						
12		5	2,7			2	5,1								
13		5	2,7	1		1	2,5					14	2,9	1	2,3
14		1	0,5					1	2,4						
15		1	0,5			1	2,5					3	0,6		
16		1	0,5			1	2,5	2	4,8						
17		1	0,5			1	2,5								

Рис. 5. Орнаментальные зоны, характерные для сосудов с примесью толченой раковины

Интересно отметить, что керамика со шнуровым орнаментом составляет не такой уж большой процент среди посуды поселений рассматриваемого региона. Наибольший процент она дает на керамике «Гремячего ключа» — 28,5%, на Антоновском городище ее лишь 15,7%; среди гладкой керамики с толченой раковиной: Нижнеуслонского поселения — 9,5%, Казанки I — 7,1, II Маклашеевского городища — 9,5, «Кургана» совместно с приказанского типа сосудами — 13,4% посуды (с включением подъемного материала, собранного за последние годы). Здесь мы видим, что наибольший процент шнуровой орнаментации на географически близко друг к другу расположенных памятниках, тяготеющих к Камскому устью — «Гремячем ключе» и Антоновском городище.

Еще более показателен для выявления общих черт и специфических особенностей каждого памятника — анализ орнамента. Для всех памятников характерна орнаментация верхней части сосуда — горла, иногда плечиков. Единично встречаются сосуды с орнаментацией по тулову. Орнамент располагается горизонтальными зонами. Часть сосудов 1-й группы орнаментирована только одним элементом, например, одним или двумя рядами ямочных вдавлений. Наиболее распространено сочетание двух элементов — ямочных вдавлений с каким-либо узором, например, выполненным шнуровыми оттисками (рис. 5, *3*).

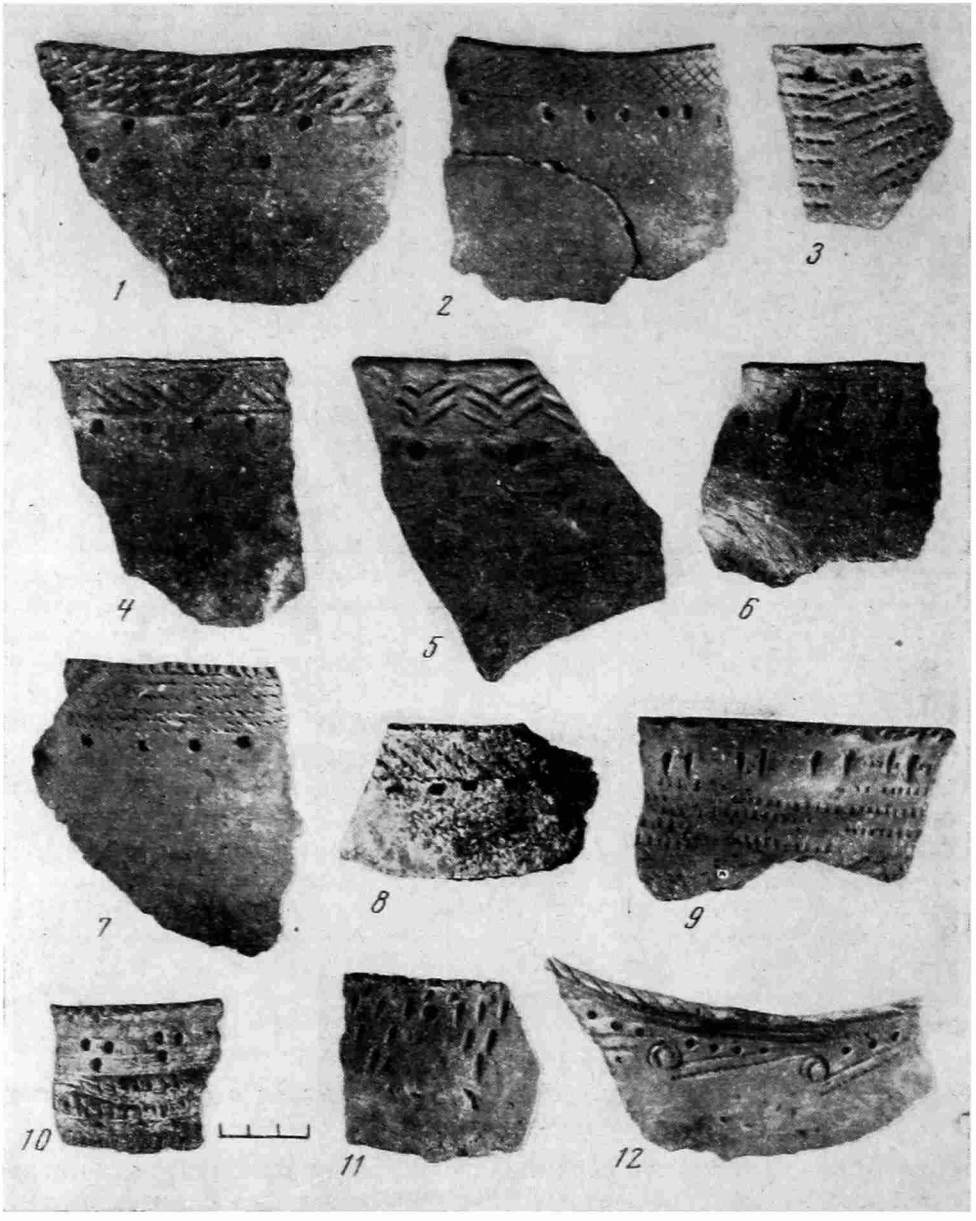


Рис. 6. Керамика с примесью толченой раковины. *1, 3, 4, 5, 12* — городище «Гремячий ключ»; *2, 6, 7, 8, 9, 10, 11* — городище «Курган»

Сосудов, украшенных сложным узором, состоящим из трех, четырех элементов, меньше. Орнамент на них составляют ряды зубчатых вдавлений или шнура, расположенные зонами, которые разделяют ямочные или клиновидные вдавления, окаймленные волнистой линией или зигзагом, иногда прямыми рядами зубчиков. Встречаются на одних и тех же сосудах сочетания разных ямок, например, клиновидных с треугольными и резным орнаментом. Однако, как было уже отмечено, по технике это чаще всего сочетание двух основных элементов.

Орнаментальные композиции разнообразны. Чаще всего встречаются на сосудах всех памятников столбики из прямо или косо поставленных клиньев или зубчатых (заштрихованных) клиньев в сочетании с ямочным орнаментом (рис. 5, *1, 2*; 6, *1*). Типичны узоры из бессистемных заполнений клиньями и зубчатыми клиньями орнаментального поля (рис. 5, *4*). Характерны косые линии из шнура или зубчатого штампа, перекрестные

линии из шнура в одну, две или несколько линий, образующие ромбы, заштрихованные углы, косую сетку (рис. 5, *3, 5*; 6, *2*). Почти на всех памятниках есть сосуды с многорядным шнуровым орнаментом, типичным для раннеананьинской посуды (рис. 5, *13*; 6, *7*). Эти узоры сопровождаются обычно рядом ямочных вдавлений или группы ямок. Часто встречаются сочетания из трех ямок, расположенных горизонтально или образующих треугольник.

Специфична и своеобразна орнаментация посуды II Маклашеевского городища, для которой характерна в основном ямочная орнаментация. Типичны для этого памятника редко встречающиеся на посуде других памятников треугольные вдавления с длинным основанием или сдвоенные треугольники. Этот же памятник дает наибольший процент резных или прочерченных линий.

Орнаментация керамики с песком в целом беднее, чем у сосудов 1-й группы. Подавляющее большинство сосудов украшено одним-двумя рядами ямок, чаще всего круглых глубоких, иногда мелких (рис. 2). В отличие от ананьинской посуды рядами круглых ямок орнаментировано не только горло, но иногда тулово сосудов.

Среди керамики Казанки I встречаются ямки, процарапанные внутри и с одного края штампом, образующим чуть выступающие реснички. Эти ямки немного напоминают глазчатые. Есть сосуды, орнаментированные клиновидными, четырехугольными, глазчатыми ямками, зубчатым штампом и резным орнаментом (рис. 2, *8, 9, 10*). На гладкой посуде встречен и шнуровой орнамент (табл. 2). Преобладает «текстильная» посуда, украшенная одним элементом, но есть сосуды, украшенные двумя и даже тремя элементами орнамента; процент ее выше среди гладкой посуды с песком. Сравнительно с посудой 1-й группы таких сосудов меньше. Так, посуда со сложным орнаментом из двух и более элементов составляет 49,8% орнаментированной посуды с толченой раковиной городища Казанка I и только 28,8% для посуды с примесью песка. Есть сосуды, поверхность которых покрыта только «текстильными» отпечатками, есть неорнаментированная гладкая посуда, но процент неорнаментированной посуды с песком невелик.

Вся рассмотренная нами керамика относится в основном к ананьинскому времени. Причисляя городище «Гремячий ключ» к ананьинским памятникам, А. В. Збруева относит его к числу поселений, существовавших в V — IV и V — III вв. до н. э.[7] Раннюю дату начала существования городища она определяет не позже VI в. до н. э.[8] Новые материалы раскопок 1967 г. подтверждают датировку А. В. Збруевой. Так, кельт ананьинского типа, найденный в слое, по аналогии с находками Старшего Ахмыловского и Новомордовского могильников датируется временем не ранее VII в. до н. э. В керамическом же комплексе наряду со сложными узорами раннеананьинского времени встречается керамика с орнаментом из шнуровых оттисков в два-три ряда, расположенных зонами, типичными для развитого и позднего периодов ананьинской культуры [9].

Вещевой комплекс нижнего слоя поселения Казанка I составляют: обломок формы кельта акозинско-меларского типа, узкого с боковым ушком шестигранного в сечении с четырьмя реберчатыми ободками; нож ананьинского типа с дуговидной спинкой; каменный оселок с отверстием; обломок костяного наконечника мотыжки с двумя отверстиями. Эти вещи дают возможность отнести его к ананьинскому времени. Найденные здесь две костяные лопаточки близки лопаточке для обработки кожи из Пижемского городища, датированного А. В. Збруевой VII — V вв. до н. э., а обломок

---

[7] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 27.

[8] Там же, стр. 268.

[9] *В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов.* Ук. соч., стр. 81.

Таблица 2

Соотношение обработки поверхности и орнамента 1-й и 2-й групп керамики с городища Казанка I

Орнамент	1-я группа с примесью толченой раковины			2-я группа с примесью песка		
	42 сосуда (гладкая поверхность)	3 сосуда («текстильные» отпечатки)	1 сосуд (штриховая поверхность)	23 сосуда (гладкая поверхность)	68 сосудов («текстильные» отпечатки)	2 сосуда (штриховая поверхность)
Ямка						
круглая глубокая	18	2	1	13	57	2
глазчатая	2	1		2	9	
треугольная	2			2	2	
четырехугольная	2			2	1	
клиновидная	10	1		1	11	
мелкая круглая	1					
неправильная	5			2		
Заштрихованные клинья	2			1	3	
Зубчатый	8				1	
Отступающая лопаточка	2					
Резной	2				1	
Шнур	3			2		

костяного двудырчатого псалия дает возможность доводить верхнюю дату нижнего слоя до V—IV вв. до н. э. [10].

Нижний слой II Маклашеевского городища датируется ананьинским временем по таким вещам, как типичная для ананьинских поселений костяная мотыжка с двумя отверстиями и костяная рукоятка в виде стилизованной головы зверя. Процесс стилизации звериного стиля лишь намечался в раннеананьинское время и свое развитие получил в более позднее время. Поэтому у нас больше оснований относить эту рукоятку к среднему этапу ананьинской культуры, чем к раннему, а именно скорее всего к VI — V вв. до н. э., когда происходит изменение ананьинской культуры под скифо-савроматским и тагарским воздействием.

На поселении «Курган» также есть ряд типичных для ананьинского времени вещей. К ним относятся две костяные мотыжки с двумя отверстиями, аналогичные найденным на Казанке I и II Маклашеевском городище; два известняковых пряслица, одно из которых украшено изображением свернувшегося хищного зверя с оскаленной пастью, а другое с прочерченной волнистой линией. Найденная здесь железная булавка с головкой, свернутой в спираль, начинает бытовать с первой половины I тысячелетия до н. э. Она находит аналогии в памятниках Западной Подолии скифского времени [11]; найдена подобная, но бронзовая булавка и на Средней Волге в материалах Акозинского могильника, в погребении, датируемом VI—V вв. до н. э. [12] Среди найденных в слое вещей следует также отметить оригинальный глиняный грузик в форме сосуда со сквозным отверстием по вертикальной оси, находящий аналогии в памятниках милоградской культуры Южной Белоруссии [13].

---

[10] Аналогичный псалий найден в кург. 3 группы «Алебастрова гора» у пос. Нежинского, относящегося к рубежу V—IV вв. до н. э. см. *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, МИА, 101, 1961, рис. 48, *8*, стр. 87, 150.

[11] *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, стр. 44, рис. 8—11, стр. 45.

[12] *А. Х. Халиков.* Очерки истории Марийского края..., стр. 60, табл. XIII, *11*, стр. 61.

[13] *О. Н. Мельниковская.* Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, 70, 1957, стр. 35, рис. 9, *7*.

Из подъемного материала особый интерес представляют бронзовый литой наконечник стрелы двухлопастной с длинной втулкой, датируемый VII — VI вв. до н. э.[14], а также железные псалии, простейший вид S-видных псалиев, находящие аналогии в Блюменфельдских курганах, в комплексах конца VI — начала V в. до н. э.[15]

Таким образом, найденные на поселении вещи датируются VII — V вв. до н. э., т. е. относятся к раннему и среднему периодам ананьинского времени. Между тем в керамическом комплексе «Кургана» есть архаичные сосуды с высоким, до 5 *см*, подцилиндрическим горлом и выпуклыми плечиками, которые по форме и орнаменту находят аналогии среди посуды I Карташихинского поселения, II Маклашеевского могильника, II Полянского могильника, I Кумысского могильника, т. е. памятников маклашеевского этапа приказанской культуры[16]. Мы не можем исключить вероятности бытования таких сосудов и в ананьинское время, тем более что А. В. Збруева относила аналогичные сосуды селища Отарка к ананьинской культуре[17].

Таким образом, керамические комплексы четырех рассмотренных нами поселений четко датируются отдельными вещами и вещевыми комплексами. Керамика с толченой раковиной Казанки I, II Маклашеевского поселения, «Кургана», а также Антоновского городища и Нижнеуслонского поселения находит аналогии в керамике «Гремячего ключа», II Васильсурского городища[18], относящихся к эпохе раннего железа. Текстильная круглодонная керамика, которая наиболее выразительно представлена на городище Казанка I, по форме и обработке поверхности находит аналогии в керамике городецко-дьяковского типа, но она в отличие от городецко-дьяковской круглодонна. Так, близка керамике Казанки I «текстильная» посуда Костромского Поволжья[19]. В это время, как отмечает Н. Н. Гурина, на раннетекстильных поселениях там имеются сосуды с округлым дном, например среди керамики эпохи раннего железа поселения Борань[20] и ряда других поселений, хотя преобладают плоскодонные «текстильные» сосуды.

Орнамент «текстильной» посуды рассматриваемого нами района своеобразен и повторяет элементы и приемы орнаментации, характерные для ананьинской посуды. На части сосудов прослежен ямочный орнамент, круглые ямки имеют рваные края или вообще приобретают неправильные очертания. Сопоставление некоторых статистических данных «текстильной» посуды Казанки I с нижним слоем Щербинского городища, датируемого VIII—IV вв. до н. э.[21], показывает их различие. Так, если среди сетчатой керамики Щербинского городища преобладают усеченно-конические и баночные формы сосудов[22], то среди сетчатой посуды Казанки I — круглодонные сосуды с профилированным горлом. Для Щербинского городища характерна сетчатая посуда без орнамента, сосуды с орнаментом составляют там лишь 8% сетчатой посуды[23]. На Казанке I, наоборот, преобладает сетчатая орнаментированная посуда, которая составляет 97,1%. Для сетчатой посуды нижнего слоя Щербинского городища наиболее характерна гребенчатая орнаментация[24], для Казанки I — ямочная.

---

[14] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 110, рис. 11, В — I.

[15] Там же, стр. 148, рис. 46, *1*, *2*, стр. 85.

[16] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 290, 291, 303.

[17] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 261—262.

[18] *А. Х. Халиков.* Очерки истории..., стр. 142—152.

[19] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы..., стр. 144, рис. 41, *21*; 48, *1—8*.

[20] Там же, стр. 106, рис. 17, *11*, *12*, стр. 202.

[21] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры. СА, 1972, 4, стр. 43.

[22] Там же, стр. 48.

[23] Там же, стр. 54.

[24] Там же.

Возьмем для характеристики только ананьинского типа керамику с примесью толченой раковины в тесте и гладкой поверхностью, составляющую все же основную часть посуды большинства рассматриваемых памятников. А. В. Збруева, охарактеризовав ананьинскую керамику, отмечала, что если формы ананьинской посуды очень стабильны и существовали на всей территории расселения ананьинских племен в течение долгого времени, то орнаментация сосудов в различных частях этой территории неоднородна и позволяет выделить локальные группы памятников [25]. Очевидно, под стабильностью форм А. В. Збруева подразумевала устойчивость основных черт ананьинской посуды — круглодонность и чашевидность формы «более или менее низкой чашки» [26], т. е. большей частью наибольший диаметр тулова или горла больше или равен высоте. Эта закономерность — круглодонность и чашевидность посуды при различии профилировок горла, плечиков и тулова, дающих многообразие форм, прослеживается на всей территории ананьинской культурной общности.

Наличие или отсутствие «воротничка», на наш взгляд, не является характерным и неотъемлемым признаком ананьинской керамики. Так, еще А. В. Збруева отмечала почти полное отсутствие «воротничка» как одну из отличительных особенностей бельского варианта ананьинской культуры [27]. Поэтому можно прибавить наличие «воротничка» как дополнительный признак ананьинской керамики. Такими же дополнительными признаками являются, на наш взгляд, лощение [28], характерное для некоторых локальных групп и применение ангоба, который Збруева отмечает как признак, свойственный бельскому варианту [29].

К основным признакам ананьинской керамики, пожалуй, нельзя отнести даже преобладание примеси толченой раковины, ибо на Средней Каме, например, А. Д. Вечтомов отмечает преобладание посуды с растительной примесью [30]. В то же время не подлежит сомнению, что важнейшим основным признаком ананьинской посуды является наличие среди керамики поселений сосудов со шнуровым орнаментом.

Рассматривая характерные черты материальной культуры средневолжского населения, А. Х. Халиков отмечал сходство их с культурой ананьинских племен Прикамья. В керамике он назвал пять таких общих черт [31]. Их можно считать характерными для керамики всех локальных вариантов ананьинской культуры, основными общими признаками ананьинской посуды, если внести некоторые уточнения. Это, на наш взгляд, следующие признаки: а) преобладание сосудов, изготовленных из глины с примесью толченой раковины или растительной примесью; б) круглодонность и чашевидность форм сосудов; в) орнаментация лишь верхней половины сосуда; г) наличие среди керамики поселений посуды со шнуровым орнаментом; д) расположение орнамента горизонтальными зонами.

Эти черты характерны и для гладкой керамики с толченой раковиной рассматриваемых нами керамических комплексов.

При характеристике локальных групп керамики показательным признаком является процентное соотношение посуды с «воротничком». Анализ нашего материала дает незначительный процент «воротничка». Так, на городище «Гремячий ключ», типичном ананьинском прикамском памятнике, из 144 сосудов, у которых реконструируется профиль шейки с переходом в тулово, только у пяти отмечен «воротничок» или воротничкообразное утолщение, что составляет 3,4%. Из 39 сосудов ананьинского типа Казанки I «воротничок» отмечен на двух сосудах, что составляет 5,1%.

---

[25] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 66, 69.
[26] Там же, стр. 66.
[27] Там же, стр. 71.
[28] Там же, стр. 66.
[29] Там же, стр. 71.
[30] *А. Д. Вечтомов.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья. Уч. зап. ПГУ, 148, Пермь, 1967, стр. 136.
[31] *А. Х. Халиков.* Очерки истории..., стр. 114.

На вятских и ветлужских поселениях процент сосудов с «воротничком» гораздо больше. Так, А. В. Збруева отмечала, что большая часть сосудов Свиногорского городища, расположенного близ устья Вятки, имеет «воротничок» [32]. На вятском городище «Ройский Шихан» процент «воротничка» составляет 7,4%; на ветлужских городищах он еще больше (III слой Богородского городища 12,5%, Русенихинское городище 34% [33]). В то же время керамика ближайших западных соседей, западноволжских племен, не дает «воротничка». Не отмечен «воротничок» на Малахайском селище, Коганьском городище [34] и Васильсурском поселении [35]. На Средней Каме А. Д. Вечтомов констатирует оформление «воротничка» к концу раннего этапа, т. е. к VI в. до н. э. [36]. Показательно при характеристике локальных особенностей ананьинской керамики процентное соотношение шнура сравнительно с другими элементами орнамента. Мы уже отмечали, что на керамике большинства рассматриваемых нами поселений процент шнура невелик, за исключением «Гремячего ключа», расположенного на Каме, но и здесь он в среднем менее 30%.

В то же время в западноволжских памятниках процент шнуровой керамики значителен и составляет на Малахайском селище 37,6%, Копаньском городище 38,2%, Васильсурском городище 44,2% [37]. На вятском городище «Ройский Шихан» керамика со шнуром составляет 24,2%, на ветлужских памятниках процент ее еще выше (III слой Богородского городища — 27%, Русенихинское городище — 32,4%) [38]. Еще более высокий процент шнура дают среднекамские памятники (VI Заюрчимское поселение — 92,5%) [39].

Как и для западноволжской керамики, для посуды восточной части Приказанского Поволжья характерно совместное бытование двух типов — ананьинской с примесью толченой раковины и «текстильной» с примесью песка в тесте.

Сближаются, особенно выделяясь из всей группы памятников, городище Казанка I и Нижний Услон — северо-западные памятники. Отличает их большое количество керамики с примесью песка и «текстильными» отпечатками, что свидетельствует, по всей вероятности, о процессе проникновения в приволжские северо-западные районы рассматриваемой нами территории, городецко-дьяковских племен и смешении их с ананьинскими. Наличие текстильного орнамента, характерного для «текстильной» керамики с примесью песка, на ананьинской посуде объясняется, на наш взгляд, тем, что смешение городецко-дьяковских и ананьинских племен в этом районе начинается еще в предшествующую эпоху финальной бронзы.

Позднеприказанские памятники, расположенные вблизи Казани, содержат довольно высокий процент «текстильной» посуды. Так, например, «текстильная» посуда среди керамики Казанской стоянки составляет 67%, Морквашинской 40% [40], верхнего слоя стоянки Займище III — 30,8%. Из этого следует, что зона эта была контактной еще для поздняковских и приказанских племен. Наличие керамики смешанного типа среди комплексов городища Казанка I и Нижнеуслонского поселения свидетельствует о продолжении этого же процесса. Преобладание в комплексе Казанки I со-

---

[32] *А. В. Збруева.* Ук. соч., стр. 69.

[33] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 13, табл. А.

[34] *В. С. Патрушев.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). Канд. дисс., Казань, 1971, табл. 3, стр. 351, археологический кабинет ИЯЛИ КФАН СССР.

[35] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 142—143.

[36] *А. Д. Вечтомов.* Ук. соч., стр. 136.

[37] *В. С. Патрушев.* Ук. соч., табл. 3, стр. 351.

[38] *А. Х. Халиков.* Очерки истории..., стр. 13, табл. А.

[39] *В. В. Денисов.* Заюрчимское VI поселение — памятник раннего железного века в Среднем Прикамье. Уч. зап. ПГУ, 191, Пермь, 1968, стр. 59.

[40] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья..., стр. 204.

судов с примесью песка в тесте и «текстильными» отпечатками, характерными для городецко-дьяковских племен, но с типичным для ананьинской посуды орнаментом, свидетельствует, на наш взгляд, о далеко зашедшем и давнем процессе ассимиляции.

Говоря о проникновении в местную среду инородних племенных групп, нельзя умолчать об интересной находке с поселения «Курган». В коллекции из «Кургана» среди подъемного материала имеется фрагмент сосуда со сложным узором, выполненным крестовидным штампом в сочетании с глазчатыми ямками. Наличие этого сосуда, не типичного для керамического комплекса «Кургана», свидетельствует о связях с Сибирью. Аналогии ему имеются в керамике большереченской культуры, в частности в погребениях Томского могильника, где есть сосуды с подобным крестовидным штампом, но более крупным. Примечательно, что они и по форме близки ананьинской посуде [41].

В заключение можно еще раз подчеркнуть, что, кроме совместного бытования двух групп керамики, для посуды рассматриваемых поселений характерны и существенные общие черты ананьинской посуды: 1 — высокий процент сосудов с прямым горлом, небольшой процент «воротничка» и чашевидных сосудов с непрофилированным горлом; 2 — небольшой процент шнуровой керамики сравнительно с западноволжскими, ветлужскими и особенно среднекамскими поселениями; 3 — орнаментация сосудов преимущественно одним или двумя элементами; 4 — наиболее характерные узоры — столбики из прямо и косо поставленных клиньев или нарезок, часто образующих елочки; косые или перекрестные линии из шнура, образующие сетку, ромбы, заштрихованные углы, обрамленные горизонтальными линиями.

Рассматриваемая группа памятников относится в основном к раннему и среднему этапам ананьинского времени. Некоторые из них, вероятно, доживают до IV в. до н. э.

G. R. Ichmouratova

POTERIE PROVENANT DES VILLAGES DE LA CIVILISATION D'ANANINO DES REGIONS OCCIDENTALES DE TATARIE

Résumé

L'existence simultanée de deux groupes de poterie se rapportant principalement aux périodes initiale et moyenne de l'époque d'Ananino est caractéristique pour les villages en question des régions occidentales de Tatarie. Le premier groupe, à la pâte largement additionnée de coquillage, prédomine sur la plupart des villages. Ses porteurs étaient les tribus d'Ananino. Le deuxième groupe, à la pâte additionnée de sable, décoré à l'impression de tissu présente un grand pourcentage sur les villages situés au nord-ouest. Ses porteurs étaient les tribus de Diakovo-Gorodets. La coexistence et le brassage de ces tribus surtout dans les régions nord-ouest, sont attestés par la poterie du type mixte accusant les caractères des deux groupes. La poterie d'Ananino provenant des villages de la région en question possède des traits communs, notamment un pourcentage relativement faible du décor cordé.

---

[41] *М. Н. Комарова.* Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 24, 1952, рис. 21, 7, стр. 37.

Б. А. ШРАМКО

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА И ГЕЛОНО-БУДИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Грандиозное Бельское городище, расположенное в междуречье Ворсклы и ее правого притока Сухой Груни, давно известно археологам. Пожалуй, трудно найти такую обобщающую работу по истории Скифии или по истории ремесла скифской эпохи, в которой так или иначе не упоминалось бы это крупнейшее в Восточной Европе городище раннего железного века. Между тем наши представления о нем до недавнего времени базировались лишь на сравнительно небольших материалах одного сезона раскопок В. А. Городцова [1] в 1906 г. да на сведениях, полученных разными исследователями в ходе небольших разведок [2]. Поэтому многие вопросы, касающиеся этого городища, были неясны и трудно было оценить полностью его значение.

В 1954 г. экспедиция Харьковского университета приступила к разведкам, а с 1958 г. к систематическим раскопкам Бельского городища, которые с небольшим перерывом продолжаются ежегодно до настоящего времени. В 1958—1960 гг. в раскопках принимала участие также экспедиция Московского университета под руководством Б. Н. Гракова, а в 1968 г.— отряд Донецкого университета под руководством А. А. Моруженко.

В результате новых раскопок удалось вскрыть на городище площадь около 13 тыс. $м^2$ и получить огромный, в ряде случаев уникальный материал, насчитывающий десятки тысяч находок. Этот материал позволяет не только уточнить наши знания о Бельском городище, но и по-иному взглянуть на различные стороны жизни и взаимоотношения племен Скифии. Одновременно в 1965 и 1972 гг. производились раскопки курганов в связанном с городищем могильнике Скоробор. Автор неоднократно выступал с докладами о новых раскопках на Бельском городище, но в печати пока появились лишь предварительные сообщения [3], да в обобщающих работах

---

[1] *В. А. Городцов.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Труды XIV АС. М., 1911, III, стр. 93—161.

[2] *Филарет.* Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. 3. М., 1857, стр. 96; *А. А. Бобринский.* Сведения о различных курганах и земляных сооружениях. ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 127; *В. Г. Ляскоронский.* Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рек Псла и Ворсклы. Труды XIII АС. М., 1907, I, стр. 174 сл.: *Н. Е. Макаренко.* Городища и курганы Полтавской губ. Полтава, 1917, стр. 8—9; *М. Фукс.* Про городища скитськоі доби на Харківщині. Записки ВУАК, т. I. Київ, 1931, стор. 106; *И. И. Ляпушкин.* Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 122—132.

[3] *Б. А. Шрамко.* Исследования лесостепной полосы УССР. АО — 1966, М., 1967, стр. 199—200; *его же.* Исследования памятников скифского времени в бассейнах Ворсклы, Сулы и Северского Донца. АО — 1967, М., 1968, стр. 209—210, а также последующие выпуски АО за 1969—1972 гг.; *его же.* Исследования Бельского городища. АИУ в 1968 г., III. Киев, 1971, стр. 49—58; *его же.* Дослідження пам'яток в бассейнах Сіверського Дінця і Ворскли. АДНУ в 1969 р., IV. Київ, 1972, стор. 125—129; *его же.* Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии. СА, 1970, 2, стр. 217—221.

Г. Т. Ковпаненко[4] и Б. Н. Гракова[5] был только частично использован материал первых лет раскопок. Поэтому в данной статье делается попытка подвести некоторые итоги многолетних раскопок на Бельском городище, определить его место среди других поселений Скифии и одновременно ввести в научный оборот новый материал.

Как известно, Бельское городище состоит из трех укреплений: Западного (72 *га*), Восточного (65,2 *га*) и Куземпнского (15,4 *га*), объединенных

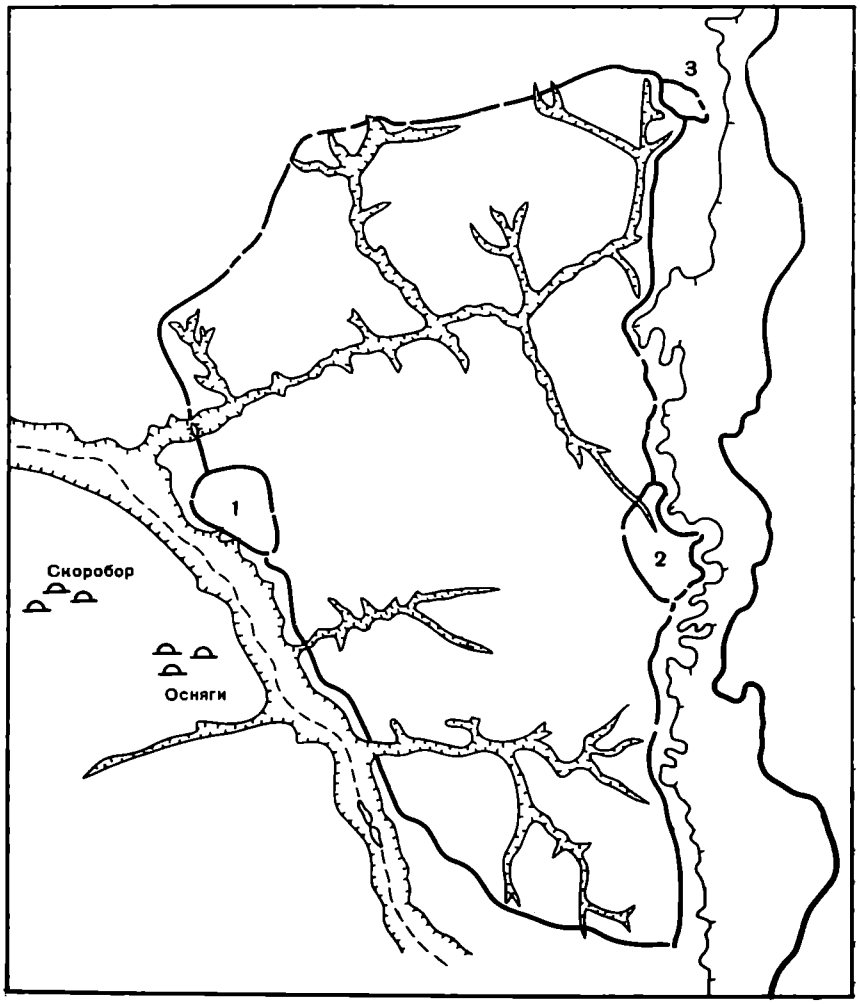


Рис. 1. План Бельского городища: *1* — Западное укрепление; *2* — Восточное укрепление; *3* — Куземинское укрепление; Скоробор и Осняги — курганные могильники, связанные с городищем

в единую систему валом Большого Бельского городища (рис. 1). Площадь всего Бельского городища достигает 4020,6 *га* при общей длине всех оборонительных сооружений в 33833 *м*. При новых съемках плана выяснилось, что никакого внутреннего вала, который якобы расчленяет Большое Бельское городище, не существовало. В. А. Городцов в свое время лишь гипотетически наметил его, соединив пунктиром две небольших насыпи неясного происхождения[6], но впоследствии некоторые авторы уже без всяких оговорок стали считать его реальным и даже делать на этом основании опре-

[4] *Г. Т. Ковпаненко.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.
[5] *Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971, стр. 151—164.
[6] *В. А. Городцов.* Дневник археологических исследований..., стр. 94, рис. 97

деленные заключения[7]. Обследования местности показали, что небольшие насыпи в средней части городища имеют позднее происхождение и не связаны с древними оборонительными сооружениями. Нет также оснований считать, что древний вал здесь был уничтожен, так как предполагаемая линия его в восточной части проходит через лес и этот участок не распахивался. Кроме того, нет никаких следов соединения предполагаемого вала с хорошо сохранившимся валом Большого городища.

Сейчас совершенно ясно, что грандиозное Бельское городище возникло не сразу, но в оценке времени появления и значения отдельных его частей был допущен ряд ошибок. В частности, Г. Т. Ковпаненко полагала, что Бельское городище возникло лишь в VI в. до н. э.[8], хотя отмечала наличие на нем материалов VII—VI вв. до н. э.[9] Предполагалось, что до VI в. до н. э. здесь существовали только селища, и в качестве доказательства приводились находки более ранней керамики в насыпи вала[10]. Это неоднократно повторявшееся и другими авторами утверждение было связано с тем, что долгое время не было известно о существовании нескольких периодов строительства оборонительных сооружений и все находки в насыпях валов воспринимались как указывающие на время их первоначального сооружения. На самом деле все произведенные нами разрезы валов в разных частях Западного и Восточного укреплений и Большого Бельского городища, а также анализ материалов прежних раскопок показали, что везде прослеживается несколько строительных периодов, валы первого строительного периода сооружались на чистом месте, а находки в насыпях относятся к более позднему времени существования городища, когда для досыпки вала брали почву с уже образовавшимися культурными отложениями[11].

Вначале, не позже первой половины VII в. до н. э., а возможно даже в конце VIII в. до н. э., почти одновременно возникли Западное и Восточное укрепления. Уже к VI в. до н. э. они были объединены общим валом Большого Бельского городища, а к концу этого столетия относятся следы пожара на всех оборонительных сооружениях, уничтожившего деревянные стены первого строительного периода. Возможно, это следует связывать с событиями времен войны скифов с Дарием в 514 г. до н. э. Крепостные сооружения вскоре были восстановлены и даже усилены, а затем к оборонительной линии Большого Бельского городища было пристроено небольшое Куземинское укрепление, игравшее особую роль. Оно защищало пристань и торговые склады на берегу р. Ворсклы. Поэтому здесь почти нет обычного культурного слоя с бытовыми и хозяйственными остатками, но найден склад античных амфор IV в. до н. э. На основе материалов раскопок удалось сделать реконструкцию оборонительных сооружений Бельского городища (рис. 2), которые состояли из высокой (около 7 *м*) деревянной стены и земляной насыпи вала шириной более 18 *м*, примыкавшей к ней с внутренней стороны. Крепостной ров с плоским дном имел в верхней части ширину 5,4 *м*. Глубина рва от подошвы вала равна 5,6 *м*. В таком виде Бельское городище просуществовало до конца IV в. до н. э., а в III в. до н. э. жизнь на нем постепенно угасает.

Исследования показывают, что все части Бельского городища были в раннем железном веке заселены, хотя плотность населения не везде была одинаковой. Особенно многочисленным население было на Западном и Восточном укреплениях, которые на всей площади имеют большой культурный слой. Куземинское укрепление в связи с его особым назначением было заселено не так плотно. Большое Бельское городище не являлось

[7] *П. Д. Либеров.* Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. Сб. «Население Среднего Дона в скифское время». МИА, 151, 1969, стр. 26.

[8] *Г. Т. Ковпаненко.* Племена скіфського часу..., стр. 61.

[9] *Г. Т. Ковпаненко.* Ук. соч., стр. 111, 134—135, 139.

[10] Там же, стр. 63.

[11] Более подробно оборонительные сооружения описаны в статье автора «Восточное укрепление Бельского городища». Сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 82—112.

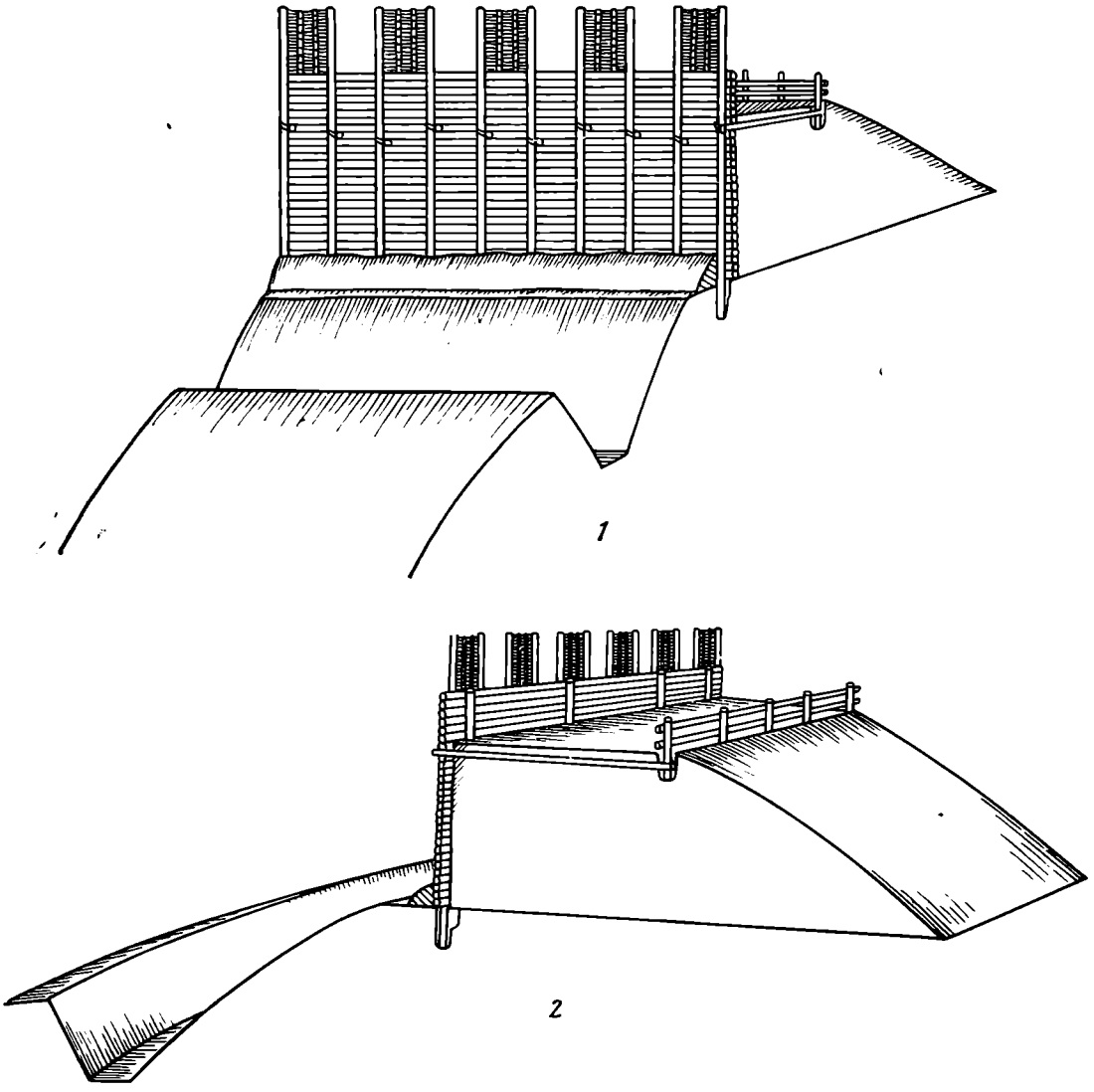


Рис. 2. Реконструкция оборонительных сооружений Бельского городища: *1* — вид с внешней стороны; *2* — вид с внутренней стороны

также лишь убежищем для окрестного населения в период военной опасности или грандиозным загоном для скота, как предполагали некоторые авторы [12]. Кроме участка с зольниками в урочище Царина, зафиксированного уже В. А. Городцовым, на территории Большого Бельского городища обнаружено в настоящее время еще восемь больших заселенных участков. Некоторые из них были обжиты уже в VI—V вв. до н. э., а другие немного позже. Следует также учитывать, что значительная часть Большого Бельского городища занята неудобными для заселения оврагами. Вероятно, определенная площадь его в древности, как и сейчас, была занята лесом, огородами и садами, что подтверждается палеоботаническими данными. До завершения раскопок трудно назвать точную цифру количества населения на всем Бельском городище. Однако сопоставление с другими городищами раннего железного века, плотность населения на

[12] *В. И. Равдоникас.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья. ИГАИМК, 12, вып. 1—8, 1932, стр. 5 сл.; *А. П. Смирнов.* Скифы. М., 1966, стр. 59; *П. Д. Либеров.* Проблема будинов и гелонов..., стр. 26.

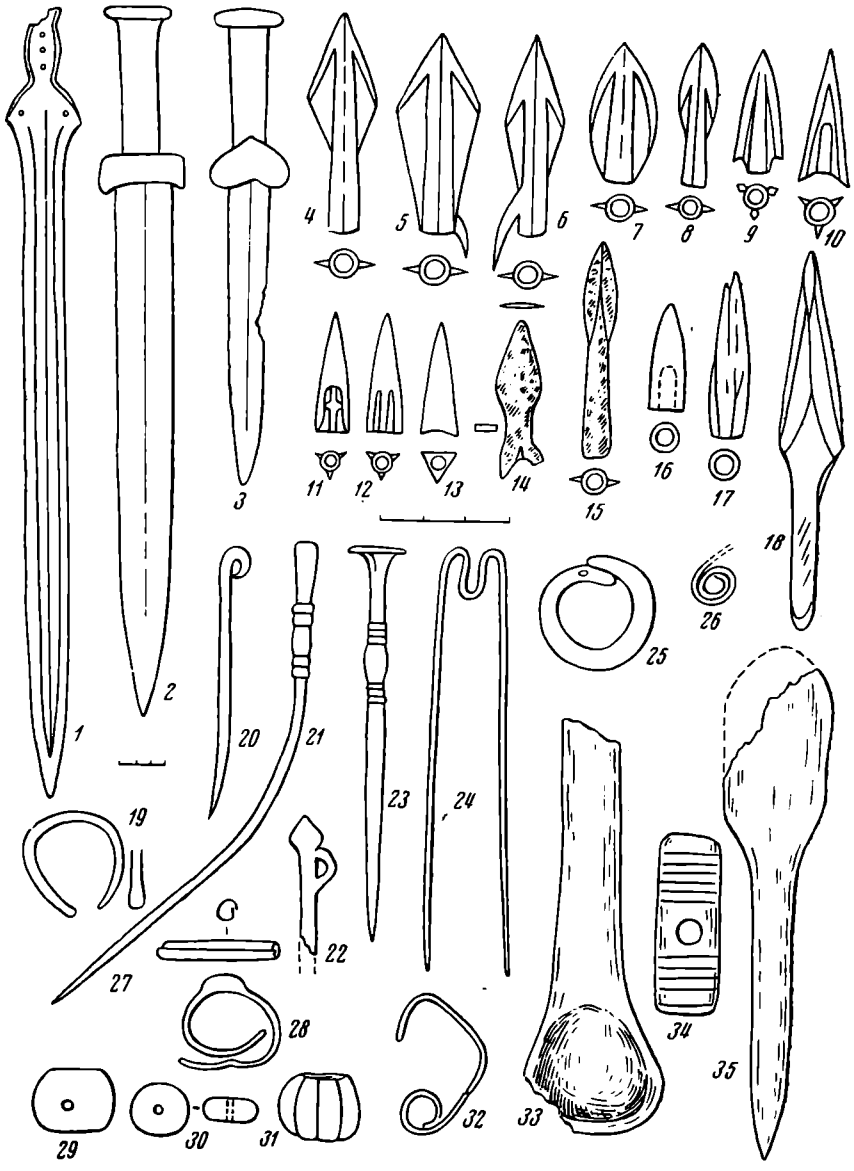


Рис. 3. Находки на Бельском городище: *1—3* — мечи и кинжал; *4—18* — наконечники стрел; *20—24, 35* — булавки; *19, 25, 26, 32* — подвески; *29—31* — бусы; *27* — пронизь; *28* — перстень; *33* — ложка; *34* — застежка. Материал: *1, 4—13, 19, 21—24, 26—28, 32* — бронза; *2, 3, 14, 15* — железо; *16—18, 29, 33—35* — кость; *25* — свинец; *30—31* — стекло. Места находок: *1—5, 7, 16, 18—19, 23, 24, 26, 32, 34, 35* — Западное укрепление, остальные — Восточное укрепление Бельского городища

которых уже установлена [13], показывает, что по самым скромным подсчетам здесь жило от 60 до 80 тыс. человек.

Очерченные выше хронологические рамки существования этого однослойного городища хорошо подтверждаются целым рядом находок местных и импортных изделий. Среди них можно отметить бронзовый меч центральноевропейского типа (рис. 3, *1*), существующего до VIII в. до

---

[13] *J. Herrmann.* Burgen und befestigte Siedlungen der jüngeren Bronze- und frühen Eisenzeit in Mitteleuropa. «Siedlung, Burg und Stadt», Berlin, 1969, S. 77—79.

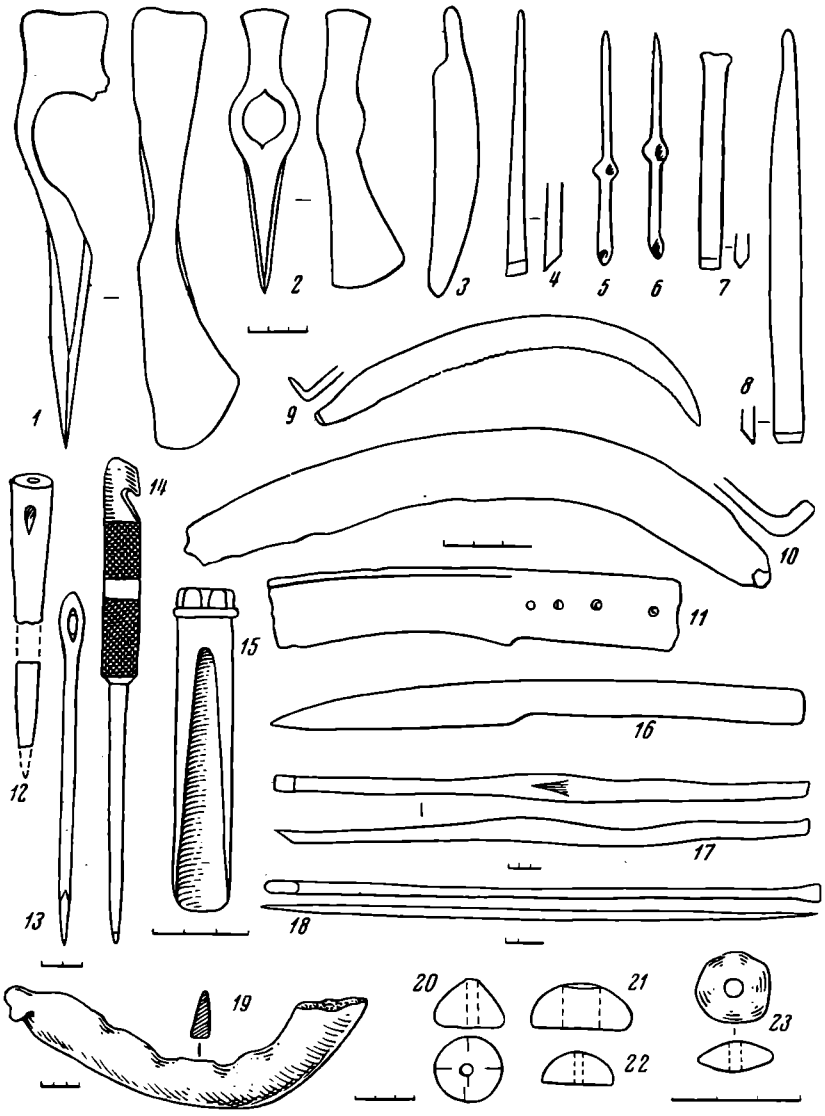


Рис. 4. Находки орудий производства на Бельском городище: *1, 2* — топоры; *3, 16* — ножи; *4* — резец; *5, 6* — лучковые сверла; *7* — зубило; *8* — стамеска; *9* — серп; *10* — коса; *11* — косарь; *12* — челнок ручного ткацкого станка; *13* — игла для плетения; *14* — шпилька для закрепления пряжи на прялке; *15* — долото; *17* — плотничье долото; *18* — орудие типа шпателя; *19* — разминальник для обработки кожи, *20—23* — пряслица. Материал: *1—11, 13, 16, 17* — железо; *15* — бронза; *12, 14, 19, 21, 22* — кость; *20* — глина; *23* — свинец. Места находок: *1, 19* — Западное укрепление; *14* — кург. 1 — 1965 г. в мог. Скоробор, остальные — Восточное укрепление

н. э.[14]. На нашей территории такие мечи известны и в Закарпатье[15]. К доскифскому времени относится и бронзовое втульчатое долото (рис. 4, *15*), имеющее аналогии в памятниках позднесрубной и чернолесской культур[16]. В той же чернолесской культуре хорошо представлены

[14] *E. Sprockhoff.* Die germanischen Griffzungenschwerter. «Römisch- germanische Forschungen», Bd. V. Berlin — Leipzig, 1931, S. 19 u. a., Taf. 18. *3*; *M. Gimbutas.* Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. L. 1965, p. 115, 138, 141, fig. 75, 105, 107.

[15] *K. Berňakovič.* Hromadné nálezy z doby bronzovej z územia na pravom brehu hornej Tisy. «Studijné zvesti AUSAV», č 4, Nitra, 1961, tab. VII, *4*.

[16] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 146, рис. 97, *5—10*; *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 153, 162.

найденные на Бельском городище спиральные височные кольца (рис. 3, *26, 32*) и трубчатые пронизи (рис. 3, *27*) из бронзы [17]. Среди разнообразных булавок зафиксированы ранние типы с боковой петлей (рис. 3, *22*), с петлевидной (рис. 3, *20*) и высокой копической головкой (рис. 3. *21*), известные по памятникам позднесрубной, чернолесской, высоцкой и других культур конца бронзового и самого начала железного века [18]. К числу изделий, имеющих также весьма ранние аналогии [19], относятся костяные пряжки и пряслица, сделанные из суставных головок (рис. 4, *21—22*), костяные грузики из ножных фаланг и астрагалов с просверленными отверстиями, костяные проколки и другие вещи.

Показателен также набор бронзовых, железных и костяных наконечников стрел Бельского городища (рис. 3, *4—18*), среди которых неоднократно встречались крупные двухлопастные бронзовые наконечники с длинной втулкой без шипа или с шипом. Лопасти их имеют ромбические или овальные очертания. Ромбические наконечники хорошо известны по целому ряду доскифских комплексов VIII—VII вв. до н. э. [20]. Наконечники с овальными лопастями также появляются довольно рано и часто встречаются в памятниках VII—VI вв. до н. э. [21]. Найдены и весьма архаичные костяные наконечники типа черешковых и втульчатых (рис. 3, *17, 18*), известных в позднесрубной и чернолесской культуре.

Этот далеко не полный перечень ранних находок ясно свидетельствует о том, что Западное и Восточное укрепления Бельского городища возникли еще в доскифское время, как и ряд других лесостепных городищ [22]. Какой-то период они существуют параллельно с чернолесской культурой, но в отличие от последней их развитие продолжается и в скифскую эпоху. На наш взгляд, сходство ряда элементов чернолесской культуры и памятников жаботинского типа, к которому относится и Западное укрепление Бельского городища, объясняется не их непосредственной преемственностью, а наличием у них общих генетических корней. Однако этот вопрос требует еще дальнейшего изучения.

Еще больше на городище находок, относящихся к собственно скифской эпохе и датирующихся в пределах второй половины VII—III вв. до н. э. Даже перечислить их в рамках одной статьи невозможно. Поэтому отметим лишь некоторые, и в частности разнообразные орудия производства (рис. 4, *1—23*), железные мечи и кинжалы (рис. 3, *2, 3*), различные наконечники стрел (рис. 3, *8—16*), детали конской упряжи (рис. 8, *15—17*), предметы туалета и украшения (рис. 3, *19, 23—25, 28, 29—31, 33*), керамику (рис. 5; 6; 7; 8, *1—12*), культовые вещи (рис. 9, *1—8*).

Для датировки культурных отложений скифской эпохи и выяснения торговых связей большое значение имеет античная керамика, встречающаяся здесь в изобилии. В настоящее время на городище найдено более 500 определимых остатков амфор и столовой посуды (рис. 5), позволяю-

---

[17] *А. И. Тереножкин.* Ук. соч., стр. 159, рис. 105, *9—10, 12*; рис. 106, рис. 101, *1*.

[18] Там же, стр. 154, рис. 101, *1—2*; стр. 168, рис. 111, *16—20*; *А. М. Лесков.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья. ПСА, М., 1971, стр. 80, рис. 2, 14; *М. И. Вязьмитина.* Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин. КСИА АН УССР, 1, 1952, стр. 61; *T. Sulimirski.* Kultura wysocka. Kraków, 1931, tab. XXV, *3—7, 20*.

[19] *Г. Н. Шендаков.* О пряслицах срубной культуры. СА, 1970, I, стр. 238—241; *В. А. Ильинская.* Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, I, стр. 36, рис. 6, *13—14* сл.

[20] *А. А. Иессен.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. ВССА, М., 1954, стр. 118, рис. 7; *А. А. Щепинский.* Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 59, рис. 3, *14, 15*; *Г. Т. Ковпаненко.* Носачівський курган VIII—VII ст. до н. э. Археологія, XX, 1966, стр. 175, рис. 1, *7—8*.

[21] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ. Д 1—4, 1964, стр. 18.

[22] *Б. А. Шрамко.* Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України. «Питання історії народів СРСР», 14. Харків, 1972, стр. 153—163.

щих уверенно датировать не только отдельные комплексы, но и части культурного слоя[23]. На Западном укреплении найдены даже обломки пифосов. Ввиду важности этого материала, опубликованного лишь частично, мы даем перечень групп античной керамики.

Среди ранних образцов на Восточном укреплении обнаружены фрагменты столового сосуда второй четверти VII в. до н. э. с росписью черным лаком; ионийские амфоры конца VII в. до н. э. и конца VII — начала VI вв. до н. э. с росписью черным и бурым лаком; понийские амфоры

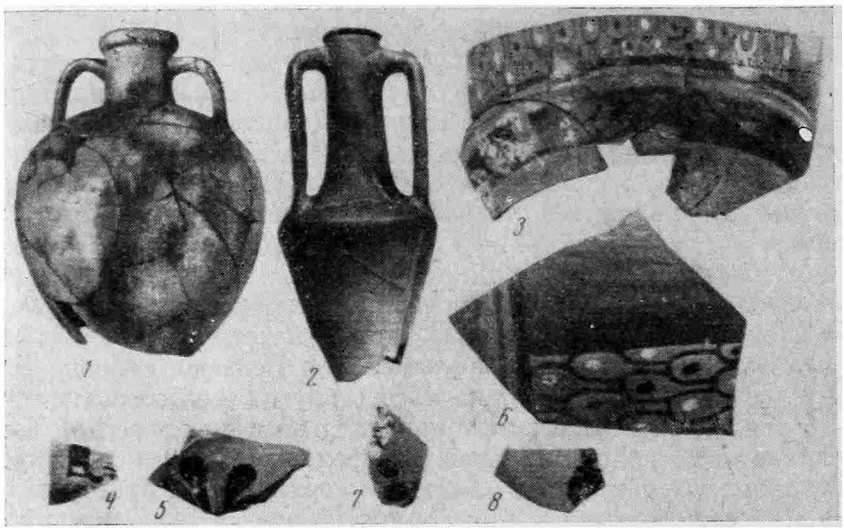


Рис. 5. Античная керамика из находок на Восточном укреплении Бельского городища: *1* — ионийская амфора первой половины VI в. до н. э.; *2* — гераклейская амфора IV—III вв. до н. э.; *3—8* — обломки столовой чернолаковой посуды

первой и второй половины VI в. до н. э.; ионийские и самосские килики второй половины VI в. до н. э.; чернофигурные лекифы второй половины VI в. до н. э. с изображением людей и пальметок; килики и канфары VI в. до н. э. из Аттики и Ионии; кувшин VI в. до н. э. из Самоса; амфоры неизвестных центров VI в. до н. э.; хиосские амфоры и аттические килики конца VI в. до н. э.; ионийские, протофазосские, хиосские амфоры и амфоры со стаканообразной ножкой, а также килики и лекифы неизвестных центров конца VI— начала V в. до н. э.; средиземноморские амфоры и амфоры незвестных центров VI—V вв. до н. э.; светлоглиняный лутерий VI—Vвв. до н. э.; килики и фрагменты других столовых сосудов из Аттики VI—V вв. до н. э.; расписная амфора VI—V вв. до н. э. из Клазомен; ионийский кувшин, аск, килик и обломки других расписных сосудов VI—V вв. до н. э.; лекифы, килики и котилы V в. до н. э. из Ионии и неизвестных центров; хиосские, протофазосские и стаканообразные амфоры V в. до н. э.; амфоры неизвестных центров V в. до н. э.[24].

К более позднему времени на Восточном укреплении относятся фазосские амфоры и амфоры неизвестных центров V—IV вв. до н. э.; расписной чернолаковый сосуд из Ионии, килики из Аттики и обломки чернолаковых столовых сосудов неизвестных центров V—IV вв. до н. э.; краснофигурные сосуды, чернолаковые канфары и килики IV в. до н. э.,

---

[23] Все определения античной керамики производили И. Б. Зеест и Н. А. Онайко, которым мы очень благодарны.

[24] *Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V веках до н. э. САИ, Д 1—27, 1966, стр. 56 сл.; *ее же.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э., САИ, Д 1—27, 1970, стр. 109 сл.

чернолаковый канфар середины IV в. до н. э.; раннекосские, фазосские, синопские, хиосские, родосские, рюмкообразные и неизвестных центров амфоры IV в. до н. э., амфоры IV в. до н. э. типов Солоха 1 и 2; кувшин и блюдо IV в. до н. э., косские и гераклейские амфоры IV—III вв. до н. э.; красноглиняные амфоры IV—III вв. до н. э.; кувшины IV—III вв. до н. э.; кувшин III в. до н. э. из Лесбоса, кувшин и эллинистические амфоры неизвестных центров.

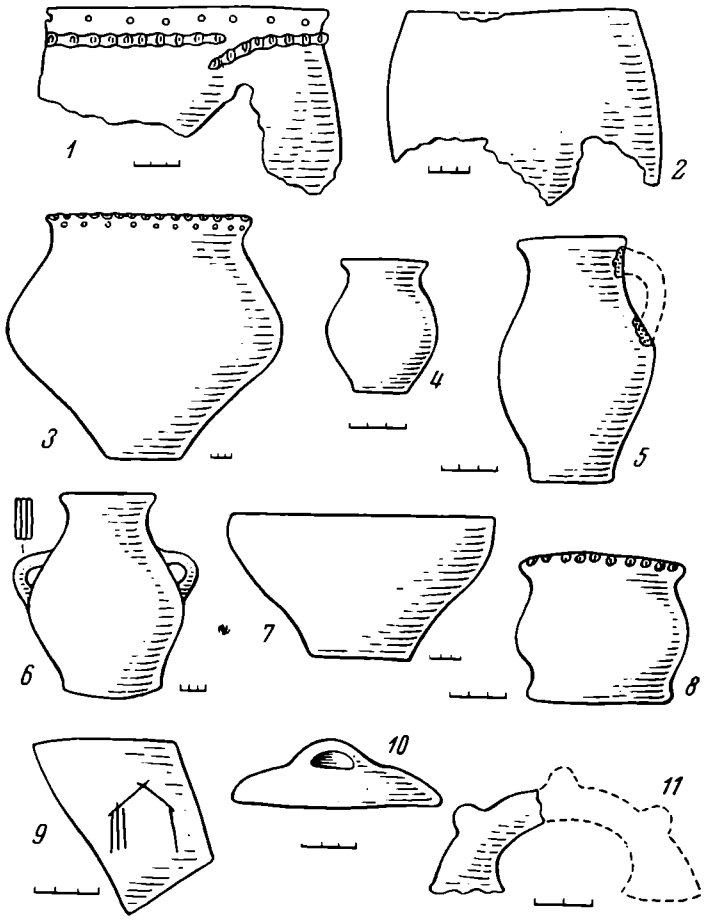


Рис. 6. Образцы керамики Бельского городища: *1—3, 8* — горшки и их обломки; *4* — кубок; *5, 6* — кувшины; *7* — миска; *9* — обломок стенки амфоры с процарапанным рисунком постройки; *10* — крышка; *11* — обломок глиняной ручки, подражающей ручке бронзового котла. Все с Восточного укрепления

На Западном укреплении Бельского городища найдены ионийские амфоры конца VII в. до н. э. с росписью черным лаком; обломок расписного сосуда родосско-ионийского центра конца VII в. до н. э.; ионийские амфоры конца VII — начала VI в. до н. э., ионийские амфоры первой половины VI в. до н. э. с росписью черным лаком, амфоры типа Фикелура второй четверти — середины VI в. до н. э. с росписью в виде фигур животных; столовый сосуд с росписью черным лаком и пурпуром VI в. до н. э.; ионийские столовые сосуды VI в. до н. э.; чернолаковые сосуды и амфоры неизвестных центров VI в. до н. э.; ионийские столовые сосуды с росписью черным лаком и ионийские амфоры второй половины — конца VI в. до н. э.; ионийские амфоры конца VI — начала V в. до н. э.; протофазосские, лесбосские, хиосские и стаканообразные амфоры, а также аттические килики и малоазийские аски VI—V вв. до н. э.; расписная амфора

VI—Vвв. до н. э. из Клазомен; протофазосские и стаканообразные амфоры и амфоры неизвестных центров V в. до н. э. Более позднего материала здесь меньше. К нему относятся килики, лекифы, канфар и лутерий IV в. до н. э.; килики IV—III вв. до н. э.; косские амфоры III—II вв. до н. э.; лутерий эллинистического времени из Синопы.

В пределах Большого Бельского городища найдены хиосские амфоры VI—V вв. до н. э.; протофазосские амфоры V в. до н. э.; средиземноморские амфоры V—IV вв. до н. э. и косские амфоры IV—II вв. до н. э. На

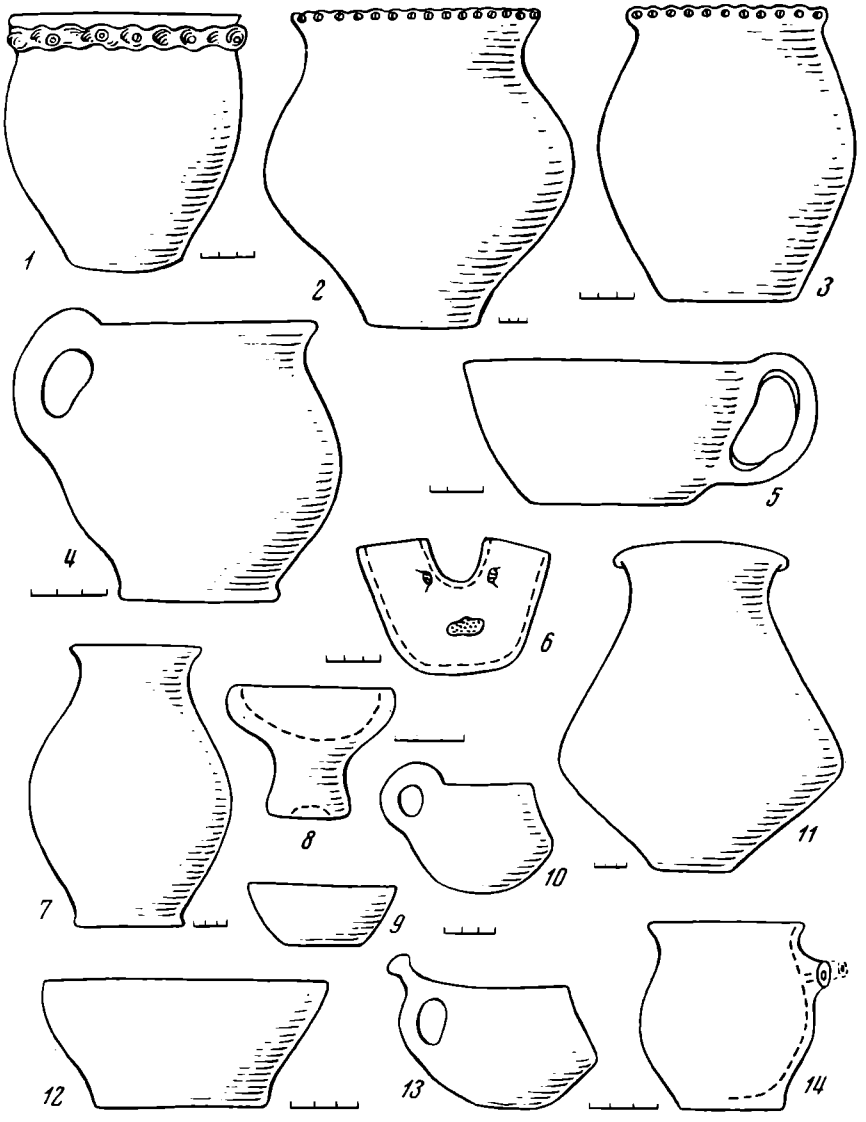


Рис. 7. Керамика Западного и Восточного укреплений Бельского городища: *1—3* — горшки; *4, 5* — сосуды с ручками; *6* — двухгорлый сосуд с обломанной ручкой; *7* — кувшин; *8* — светильник; *9* — сосуд типа солонки; *10, 13* — ковши; *11* — корчага; *12* — миска; *14* — сосуд с трубчатым сливом (для кормления ребенка). Места находок: *1, 3, 5, 6, 9, 10, 13* — Западное укрепление, остальные — Восточное

Куземинском городище найдены обломки амфор V—IV вв. до н. э. и амфоры IV в. до н. э. с рюмкообразной ножкой.

Статистические подсчеты показывают, что периоды наибольшего оживления торговли, связанные с поступлением импортной керамики, относятся к VI и IV в. до н. э. К концу IV в. до н. э. относится и такая редкая

находка, как медная пантикапейская монета. Обзор античной керамики лишний раз подтверждает, что Восточное и Западное укрепления Бельского городища возникли и существовали почти одновременно. В связи с этим особенно показательно, что местная лепная керамика (рис. 6—8) из одновременных ранних комплексов этих поселений сильно отличается по форме, орнаментации и технологии изготовления. Если простая кухонная керамика этих двух частей Бельского городища еще имеет много сходных, хотя и не вполне тождественных, форм (рис. 6, 7), то столовые сосуды

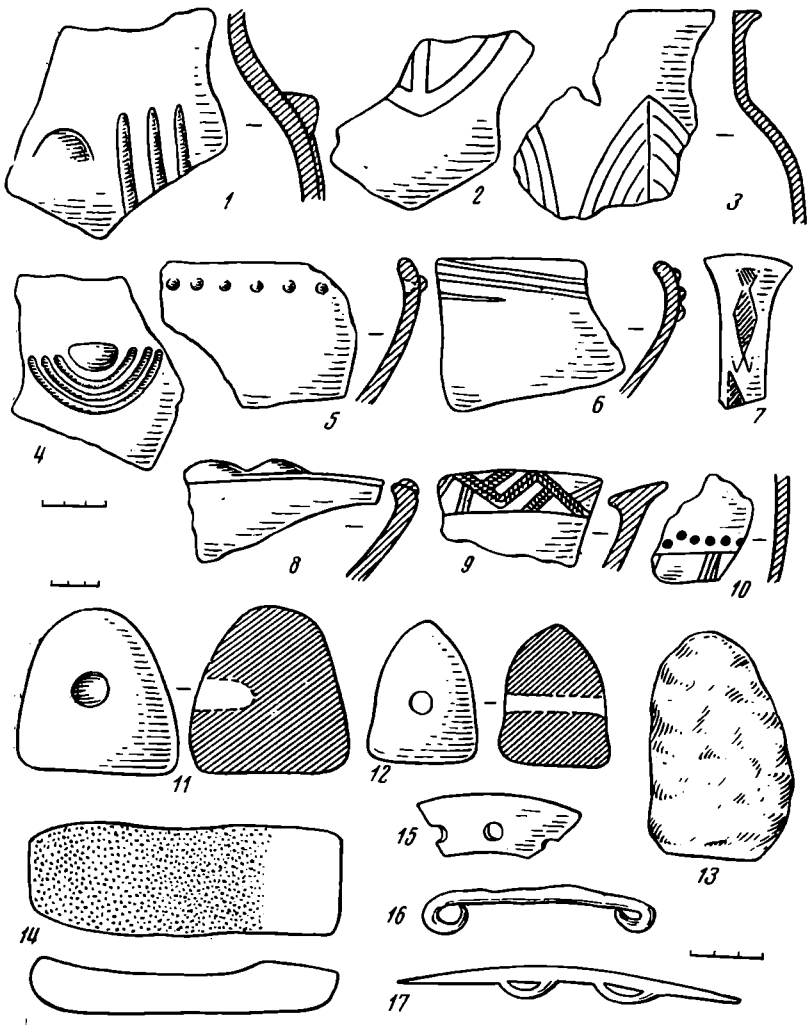


Рис. 8. Различные находки с Бельского городища: *1, 2, 4* — обломки чернолощеных корчаг; *3* — кувшин; *5, 6, 8, 9* — обломки мисок; *7* — ручка; *10* — обломок стенки сосуда; *11* — подставки для вертела; *12* — грузило; *13* — пест; *14* — зернотерка; *15—17* — детали уздечки. Материал: *1—12* — глина; *13, 14* — камень; *15* — кость; *16, 17* — железо. Места находок: *1, 2, 4—10* — Западное укрепление, остальные — Восточное

(ковши, кружки, миски, кувшины) и корчаги выглядят различно даже в комплексах, которые хорошо датируются одними и теми же амфорами и другими вещами VII—VI вв. до н. э. Среди архаической керамики Восточного укрепления ничтожно мал процент лощеной — менее 0,1. В то же время на Западном укреплении лощеная керамика составляет более 44% всех сосудов, а среди таких видов столовой посуды, как миски и ковши, количество лощеных экземпляров около 70%. Для керамики Восточного укрепления совершенно нехарактерны обычные для Западного укрепле-

ния черпаки с высокими ручками, которые на Восточном заменяют более простые кружки и кубки (рис. 6, *4*; 7, *4*). Среди местной керамики Восточного укрепления совершенно нет типичных для Западного мисок, орнаментированных выступами, гусеничками, валиками, насечками, проколами, наколами с «горошиной», резным орнаментом и пр. (рис. 8, *1—10*). Во всех слоях Восточного укрепления встречаются простые миски с ровным или слегка загнутым внутрь бортиком (рис. 7, *12*). Имеются здесь

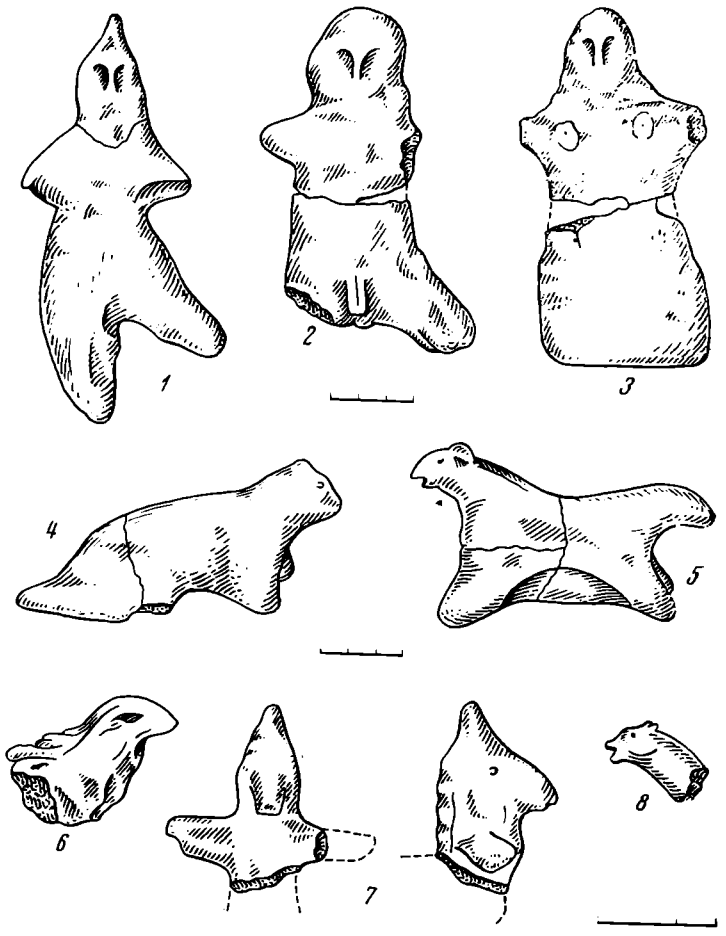


Рис. 9. Антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные статуэтки из глины с Восточного укрепления Бельского городища: *1* — изображение человека в скифской шапке; *2* — мужская фигурка; *3* — женская фигурка; *4* — бобр; *5* — баран; *6* — птица; *7* — обломок статуэтки животного с крыльями; *8* — головка хищника

корчаги и кувшины (рис. 6, *5, 6;* 7, *11*), но они также отличаются от обычных лощеных и украшенных геометрическим орнаментом корчаг и кувшинов с шаровидным корпусом, обычных для Западного укрепления. На Восточном укреплении имеются крышки с ручками (рис. 6, *10*), а на Западном встречаются плоские крышки со сквозными отверстиями. Отличаются также формы светильников (рис. 7, *8*), наборы культовой керамики (рис. 9) и другие глиняные изделия.

В целом керамика Западного укрепления имеет многочисленные аналогии на днепровском Правобережье, а керамика Восточного типична для многих поселений Левобережья и бассейна Северного Донца. После раскопок на Люботинском городище уже стало ясно[25], что это различие не

[25] *Б. А. Шрамко.* Нові дані про господарство скіфської епохи. Вісник ХДУ, 17, іст. серія, вып. 1, Харьков, 1966, стр. 73—82; *В. А. Іллінська.* Із неопублікованих ма-

хронологическое, как думал И. И. Ляпушкин[26], а этнографическое, связанное с разным происхождением отдельных групп населения в лесостепи между Днепром и Доном. Раскопки Бельского городища показали, что эти культурные особенности сложились не с приходом скифов[27], а задолго до этого на местной основе[28].

Отмеченные различия распространяются не только на лепную керамику, но и на другие формы материальной культуры. На Восточном укреплении нет ярко выраженных зольников, многочисленных на Западном укреплении. Раскопки показали, что на этих частях Бельского городища не совпадают также формы жилищ, хозяйственных и культовых сооружений. Так, на Западном укреплении жилища имели вид больших землянок, вдоль стен которых стояли столбы, удерживавшие облицовку. Последняя поднималась, видимо выше края землянки. В средней части земляночных ям расположены столбы, на которые опиралось двускатное перекрытие. Вдоль стен имелись земляные нары. Прослежены открытые очаги. На Восточном же укреплении основным типом жилищ были наземные бревенчатые постройки. Иногда прослеживаются остатки легких построек каркасного типа. Землянки встречаются здесь редко и являются не жилищами, а небольшими хозяйственными помещениями с глинобитными печами. В большом количестве найдены остатки небольших глиняных печей, вылепленных на каркасе из прутьев. Небольшие их размеры позволяют считать, что в таких печах, видимо, выпекали хлебные лепешки и жарили мясо без каких-либо сосудов. Найдены остатки небольших хлевов для содержания молодняка. На каждом из укреплений найдены остатки святилищ с жертвенниками, зооморфными и антропоморфными статуэтками, культовыми сосудами и другими предметами. Однако на Западном укреплении мы встречаем большие круглые жертвенники со сложным рельефным орнаментом[29] и множество жертвоприношений различных частей туш животных, сложенных особым образом. Круглые жертвенники Восточного укрепления иные: размер их меньше и поверхность гладкая, побеленная. Характер жертвоприношений и состав культовых вещей здесь также носят другой характер (рис. 9).

К этому необходимо добавить и сведения о погребениях. До тех пор, пока мы располагали только материалами раскопок В. А. Городцова в могильниках Скоробор и Осняги[30], связанных с Бельским городищем, создавалось впечатление об однотипности погребений, если не считать различий в социально-экономическом положении погребенных. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор в 1965 и 1972 гг. показали значительное разнообразие в устройстве могил и в обряде погребения. Наряду с простыми ямами с деревянным перекрытием в виде плоской крыши встретились склепы со стенами из вертикально установленных бревен и могила со срубом из пяти-шести венцов. Кроме вытянутых трупоположений с различной ориентировкой обнаружен обряд трупосожжения. Остатки трупосожжения вместе с вещами ссыпаны в могильную яму. Таким образом, и сравнение одновременных погребений подтверждает, что население, жившее на Бельском городище, было неоднородным.

Местные жители занимались земледелием, скотоводством, различными промыслами и ремеслами. На городище найдено много земледельческих

теріалів скіфського часу в лівобережному Лісостепу, Археологія, XXI, Київ, 1968, стор. 154.

[26] *И. И. Ляпушкин.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа, МИА, 104, 1961, стр. 28.

[27] *В. А. Іллінська.* Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? Археологія, XXIII, Київ, 1970, стор. 37.

[28] *Б. А. Шрамко.* Походження племен раннього залізного віку..., стр. 161.

[29] *В. А. Городцов.* Дневник археологических исследований..., стр. 151, рис. 112; *Б. А. Шрамко.* Исследования Бельского городища..., стр. 52, рис. 2, *17*.

[30] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 127 сл.

орудий. Среди них семь железных серпов, коса, косарь (рис. 4, *9—11*), большое количество кварцитовых зернотерок (рис. 8, *14*) и терочников. Постоянно встречаются разнообразные зерновые ямы и погреба для хранения продуктов. Особенно важна собранная при раскопках большая коллекция обуглившихся зерен и отпечатков их на донышках сосудов. Из зерновых растений выращивались [31] мягкая пшеница (Triticum aestivum L.), ячмень (Hordeum sativum L.), рожь (Secale cereale L.), овес (Avena sativa L.) и просо (Panicum miliaceum L.). Особенно важную роль играли в хозяйстве пшеница, ячмень и просо. Кроме обычной мягкой пшеницы обнаружена близкая к ней карликовая пшеница (Triticum compactum. Host.) и древняя полба-двузернянка (Triticum dicoccum Schubl.). Среди многорядного ячменя почти в одинаковом количестве встречается голозерная и пленчатая форма. Последняя выращивалась, видимо, для фуража. Очевидно, в большом количестве выращивали и такие бобовые растения, как горох (Pisum sativum L.) и фасоль (Phaseolus aureus Piper.). Из сорняков определены щетинник (Setaria sp.), репейничек (Agrimona sp.), гречишка (Polygonum sp.), костер ржаной (Bromus secalinus L.), василек (Centaurea L.), дурнишник (Xanthium strumarium L.). Примесь сорняков к зернам культурных растений в зерновых ямах Западного укрепления оказалась очень большой. Это обстоятельство, а также состав сорняков типичны для земель, на которых уже многократно производились посевы при переложной системе земледелия. Наличие среди сорняков такого типично озимого растения, как костер ржаной, может свидетельствовать о том, что местные земледельцы производили и озимые посевы. Очень важны также зафиксированные на Бельском городище следы садоводства скифской эпохи в виде обуглившихся зерен яблони (Malus Mill.). Среди остатков диких растений имеются обуглившиеся дубовые желуди (Quercus L.) и лесные орехи (Corylus avellana L.).

Достаточно показательны и материалы, характеризующие местное скотоводство и охоту. Исследование более 15 тыс. костей от 632 особей животных, найденных только на одном Восточном укреплении, показало, что в составе стада первое место по количеству занимал крупный рогатый скот (51,8%), среди которого было много волов. Далее соответственно идут: лошади, мелкий рогатый скот, свиньи и собаки. Последние также употреблялись в пищу. Из домашних птиц определенно разводили кур и уток. Охота, видимо, не имела большого значения в снабжении населения мясной пищей, так как остатков костей диких животных немного (1,6%) Среди них имеются кабаны, олени, лоси, косули, зайцы, бобры, лисицы, медведи, куница и волк. На Западном укреплении найдены еще кости хорька и суслика [32].

В хозяйстве важную роль играли различные производства, связанные с обработкой кожи, кости, дерева, волокнистых материалов и камня, а также металлургическое и металлообрабатывающее ремесла. Развитие последних имело особо важное значение. Нет ни одного раскопа, в котором не были бы обнаружены какие-нибудь следы деятельности этих ремесленников в виде обломков тиглей, льячек, литейных форм, шлаков, слитков, полуфабрикатов и бракованных изделий. Этому соответствуют и разнообразные, часто уникальные орудия для обработки цветных металлов и

---

[31] Определение культурных и сорных растений производилось во Всесоюзном институте растениеводства в Ленинграде при участии д-ра с.-х. наук М. М. Якубцинера, кандидатов с.-х. наук В. Н. Лысова, Н. П. Агафонова, М. В. Лукьянова, Р. Х. Макашева, Р. А. Удачнина, Т. Н. Ульяновой и др., которым автор выражает свою благодарность.

[32] Определение костей животных из наших раскопок производили В. И. Цалкин и В. П. Данильченко. Частично материал опубликован. *В. И. Цалкин.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, стр. 101 сл.; *Б. А. Шрамко.* Исследования Бельского городища..., стр. 55; *его же.* Восточное укрепление Бельского городища, стр. 109.

железа [33]. Не останавливаясь здесь сколько-нибудь обстоятельно на анализе этих находок, отметим все же, что Бельское городище, несомненно, представляет собой один из важнейших и древнейших центров ремесленного производства в Скифии, который действовал уже в архаическую эпоху.

Сосредоточение здесь большого количества населения, оживленная не только внутриплеменная, но и внешняя торговля, благоприятствовали развитию специализации в различных отраслях хозяйства и особенно развитию ремесел. Обнаруженные на Бельском городище остатки мастерских со сложным оборудованием, бронзоплавильными печами и специализированными инструментами указывают, что по крайней мере в некоторых случаях ремесло уже отделилось здесь от земледелия и превратилось в самостоятельное товарное производство. Все это способствовало преодолению узости натурального хозяйства, разрушению родоплеменной замкнутости и в то же время усилению имущественной дифференциации членов общества. Размеры Бельского городища, превышающие площадь любого из античных городов Северного Причерноморья, не позволяют рассматривать его как обычный родовой или племенной центр. Скорее всего это был центр союза двух племен, первоначальные поселения которых до объединения были на Западном и Восточном укреплениях [34]. Благодаря развитию здесь ремесла и торговли Бельское городище становится не только политическим и религиозным центром, но и местом сосредоточения межплеменной торговли и ремесла, представляющим собой начальную стадию образования древнего города.

Сохранение своеобразных этнографических черт в материальной культуре Западного и Восточного укреплений указывает на то, что основная масса жителей этих двух первоначальных поселений [35] состояла еще из соплеменников. Однако в пределах всего Бельского городища селились, видимо, уже выходцы из разных родов и племен, которые должны были подчиняться какому-то общему руководству. Без такого руководства невозможны были бы постройка и использование всей грандиозной системы оборонительных сооружений и вообще нормальная жизнь огромного поселения, связанная с постоянной необходимостью решать общие вопросы, выходящие за рамки функций отдельных родов и племен. Таким образом, исследование Бельского городища позволяет на конкретном археологическом материале рассмотреть процесс разрушения родо-племенных связей и формирования народности на базе союза племен.

Имеется возможность определить древнее название Бельского городища и этническую принадлежность его жителей, хотя сообщения древних авторов, касающиеся этногеографии Скифии, к сожалению, очень кратки, иногда противоречивы и не всегда содержат данные, позволяющие точно локализовать то или иное племя на карте. Бельское городище находилось в расцвете во времена Геродота, и поэтому для нас прежде всего важны сведения, которые имеются в его труде. Сообщений о конкретных поселениях у Геродота очень мало. На всей территории Восточной Европы, расположенной к северу от побережья Черного и Азовского морей, он упоминает только один город Гелон в стране будинов [36]. Необычное множество подробностей в этом сообщении может указывать на то, что осведомитель Геродота сам побывал в этом городе, поразившем его прежде всего свои-

---

[33] *Б. А. Шрамко.* Орудия скифской эпохи для обработки железа. СА, 1969, 3, стр. 53—70; *его же.* Об изготовлении золотых украшений..., стр. 217 сл.; *его же.* Восточное укрепление Бельского городища..., стр. 100—106.

[34] *Б. А. Шрамко.* Исследование лесостепной полосы УССР. АО — 1966. М., 1967, стр. 200; *его же.* Исследование Бельского городища..., стр. 57—58.

[35] Куземинское укрепление не имеет обычного культурного слоя и, как уже отмечалось, носит особый характер. Его нельзя рассматривать в качестве поселения отдельного племени и считать, что Бельское городище было центром союза трех племен, как полагал Б. Н. Граков. См. *Б. Н. Граков.* Скифы, стр. 162.

[36] *Геродот.* История в девяти книгах. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972, IV, 108—109.

ми деревянными строениями и размерами. Такие постройки, видимо, были необычны для грека, а размеры города Гелона показывают, что это было далеко не рядовое поселение, даже по сравнению с многими городами античного мира. Высокая деревянная городская стена Гелона имела с каждой стороны длину в 30 стадий, а общая длина ее со всех четырех сторон составляла 120 стадий. Какие бы стадии ни использовал осведомитель Геродота — обычно применявшиеся в труде Геродота аттические [37] в 185 *м*, понийские по 210 *м* или персидские по 230 *м*,— в любом случае получается очень большая величина — от 22 200 до 27 600 *м*. Такая длина городских стен могла поразить воображение даже немало видавшего грека. Ее смело можно было сопоставить даже с размерами грандиозных укреплений Афин. Собственно городские стены Афин имели в окружности около 8 *км*, но вместе с другими укреплениями, в том числе со знаменитыми Длинными стенами, соединявшими Афины с гаванью Пирея, общая линия укреплений составляла 26 *км*. В Северном Причерноморье один из самых крупных античных городов — Пантикапей — имел во времена Страбона в окружности всего 20 стадий [38].

Количество подобных примеров можно было бы увеличить. Все они говорят о том, что остатки города Гелона нельзя искать среди рядовых городищ или комбинировать из группы мелких отдельных городищ, как это пытались делать некоторые исследователи [39]. Осведомитель Геродота не мог назвать одним городом с укреплениями необычной величины несколько маловыразительных поселений. Мы не будем останавливаться здесь на версии И. В. Фабрициус, которая уже была подвергнута критике в печати [40]. П. Д. Либеров считает, что городом Гелоном могла быть группа из маленьких Волошинских городищ на Среднем Дону [41]. Из них только одно имеет площадь 16 *га*, а площадь остальных колеблется от 3 до 9 *га*. Даже все вместе взятые они не могут быть сравнены с городом Гелоном, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что это объединение вообще совершенно искусственно. Хорошо насыщенный культурный слой, определенно датируемый только IV в. до н. э., имеет лишь одно городище (№ 1). Два других (№ 4 и 5) вообще не дали никаких находок, которые позволили бы уверенно отнести их к скифской эпохе. Тем не менее П. Д. Либеров предполагает, что одно из них (№ 5) было в это время заселено. Из остальных городищ Волошинской группы три он считает загонами для скота (№ 3, 4, 6), а одно (№ 2) — религиозно-культовым местом. Впрочем, и последнее является только предположением автора, которое не находит никакого подтверждения в археологических материалах. П. Д. Либеров пишет, что в шурфах найдено лишь «ничтожное количество обломков лепной керамики и два железных предмета: серп и бритва» [42]. Ни одного культового предмета среди этих находок нет.

Среди поселений раннего железного века на всей территории Восточной Европы имеется лишь одно, которое не только по своим размерам, но и по всем другим данным соответствует городу Гелону. Это — Бельское городище. Предположения о возможности отождествления его с городом Гелоном высказывали уже многие исследователи [43], но для полной уверенности ну-

---

[37] *Геродот*, IV, 85.

[38] *Страбон*. География. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964, VII, 4, *4*.

[39] *І. В. Фабриціус*. До питання про топографізацію племен Скіфії. Археологія, V. Київ, 1951, стр. 71; *П. Д. Либеров*. Проблема будинов и гелонов..., стр. 23—26.

[40] *Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова*. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, М., 1954, стр. 63; рец. А. И. Тереножкина. ВДИ, 1952, 2.

[41] *П. Д. Либеров*. Ук. соч., стр. 23.

[42] Там же, стр. 24.

[43] *V. Ščerbakiskyj*. La situation géographique de la ville de Gelone d'Herodote. Biblioteka Prehistoryczna, t. I. Poznań, 1930, p. 265—286; *М. И. Артамонов*. Этногеография Скифии. УЗЛГУ, сер. истор. наук, 13, № 85, 1949, стр. 162; *Б. А. Шрамко*. Исследования Западного и Восточного Бельских городищ. АО — 1968, М., 1969, стр. 275;

жен был дополнительный археологический материал. Накопление его требовало многолетних раскопок. Сейчас такой материал уже имеется в количестве, достаточном для сопоставления его с письменными источниками. Из обстоятельного рассказа Геродота и кратких сообщений более поздних авторов (Стефан Византийский [44], Евстафий [45], Помпоний Мела [46] и др.) известно, что большой город Гелон, расположенный на земле многочисленного племени будинов, был окружен высокой деревянной стеной. Внутри города были деревянные дома и святилища с изображениями богов и жертвенниками. Население города было смешанным, состоявшим из гелонов и будинов, так как в свое время племя гелонов переселилось на земли коренных жителей страны будинов. Будины и гелоны говорили на разных языках и имели различный образ жизни. Основными занятиями местных жителей были земледелие с садоводством и скотоводство. В кратких сообщениях древних авторов особо не выделяются ремесленники, но они обычно входили в состав населения каждого древнего города. Город находился в стране, покрытой разнообразными лесами. В местных озерах жители ловили бобров, выдр и еще каких-то зверей «с четырехугольными мордами», мех которых использовался для отделки одежды.

Нетрудно заметить, что все основные сведения находят подтверждение в археологических находках на Бельском городище вплоть до упоминания Геродота о бобрах. Показательно, что только в рассказе о гелонах Геродот сообщает о садоводстве местного населения, и эта деталь в их хозяйственной деятельности также подтверждается раскопками. Город Гелон был, видимо, важным религиозным центром лесостепной Скифии. Во всяком случае Геродот особо подчеркивает, что здесь были святилища с изображениями божеств и жертвенниками и что через каждые два года в городе совершались празднества в честь бога растительности и плодородия, которого Геродот отождествляет с Дионисом. Действительно, на Бельском городище обнаружены и культовые сооружения, и уникальная коллекция культовых предметов и статуэток, изображающих людей и животных, в том числе и таких, которые могут быть связаны со своеобразным вариантом культа Диониса.

Наконец, если мы сопоставим указанную Геродотом длину стен города Гелона и Бельского городища, то совпадение будет удивительное. Общая длина стен города Гелона равна 120 стадий, что при измерении ионийскими стадиями составляет 25 200 *м*, а длина оборонительных сооружений Большого Бельского городища равна 25 995 *м*. Эти цифры очень близки, а о полном совпадении не может быть и речи, поскольку информатор Геродота, конечно, не производил точных измерений.

Не противоречит письменным источникам и расположение города Гелона — Бельского городища в среднем течении р. Ворсклы. Вопрос о гелоно-будинской территории остается спорным. П. Д. Либеров недавно сделал довольно полный обзор историографии данного вопроса [47], а В. А. Ильинская несколько дополнила его [48]. Это избавляет нас от необходимости вновь подробно говорить о всех существующих разногласиях.

В письменных источниках основными ориентирами для определения территории племени будинов могут служить прежде всего два вполне определенных указания Геродота [49]: 1 — будины живут выше савроматов, владеющих землями за Танаисом [50]; 2 — незадолго до похода Дария («за одно

Б. Н. Граков. Скифы, стр. 163; *В. Д. Блаватский.* О северной окраине Скифии Геродота. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 32.

[44] *Стефан Византийский.* Описание племен. ВДИ, 1948, 3, стр. 317—318.

[45] *Евстафий.* Комментарии к Дионисию, 310. ВДИ, 1948, 1, стр. 247.

[46] *Помпоний Мела.* Землеописание, 116. ВДИ, 1948, 1, стр. 276.

[47] *П. Д. Либеров.* Проблема будинов и гелонов..., стр. 7 сл.

[48] *В. А. Іллінська.* Андрофаги, меланхлени, будини..., стр. 34—36.

[49] *Геродот*, IV.

[50] *Геродот*, IV, 21.

поколение») невры покинули свою родину и поселились вместе с будинами [51]. Исходя из первого указания, большинство современных ученых, сопоставляющих письменные источники с археологическим материалом, признают, что вся будинская территория или по крайней мере часть ее связаны со Средним Доном [52]. Поэтому в настоящее время основной спор идет не о том, жили ли будины на Среднем Дону, а о том, какую территорию охватывала область этого многочисленного племени к западу или к востоку от Дона. Одни полагают, что территория будинов простиралась от Среднего Дона до бассейна Северского Донца [53], Ворсклы [54] или даже до днепровского Правобережья и Побужья [55]. Другие пытались расширить эту территорию к востоку от Дона, в междуречье Дона и Волги [56]. Особую позицию заняли в последнее время В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, которые отказались от своих прежних [57], на наш взгляд, более обоснованных позиций, и помещают будинов вне связи с Доном «где-то в Среднем или Верхнем Поволжье» [58]. При этом, однако, авторы не подкрепляют свое предположение ни ссылками на конкретные письменные источники, в которых нет упоминаний о будинах на Волге, ни археологическими материалами. Между тем такая локализация явно противоречит ряду факторов. Геродоту было вполне определенно известно, что после переселения невры жили на новом месте совместно с будинами (IV, 105). Такое совместное поселение могло иметь место, конечно, не на Волге и даже не на Дону, а только в западной части территории расселения будинов. Эта территория, видимо, доходила на западе до Днепра, так как в области между верховьями Тираса и Днепра древние авторы помещают владения невров [59]. О. Н. Мельниковская высказала мысль о том, что неврам принадлежит милоградская культура Полесья на обеих берегах Днепра, в основном в пределах нынешней Южной Белоруссии [60]. Эта мысль нашла поддержку у ряда исследователей, в том числе в указанной работе В. А Ильинской и А. И. Тереножкина, хотя это совершенно не согласуется с их попыткой поместить будинов на Волге, где они, разумеется, не могли быть соседями невров.

В то же время, если мы признаем, что какая-то часть будинов жила в лесостепной части бассейна Дона, то, исходя из археологического материала, мы неизбежно должны будем расширить область многочисленного племени будинов и к западу от Дона. Дело в том, что культуру скифского племени на Среднем Дону нельзя рассматривать изолированно от остальных памятников скифского времени в лесостепи. Она представляет собой лишь локальный вариант лесостепных культур, распространенных запад-

---

[51] *Геродот*, IV, 105.

[52] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 52, 58; *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 225; *П. Д. Либеров.* Проблема будинов и гелонов..., стр. 26; *В. А. Ильинская.* Андрофаги, меланхлены, будини..., стр. 36; *А. П. Смирнов.* Скифы, стр. 50; *Б. Н. Граков* и *А. И. Мелюкова.* Об этнических и культурных различиях..., стр. 63; *Б. Н. Граков.* Скифы, стр. 163 сл.

[53] *В. А. Ильинская.* О скифах-пахарях и будинах Геродота. КСИИМК, 40, 1951, стр. 33; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 262.

[54] *Б. А. Шрамко.* Исследования Западного и Восточного Бельских городищ..., стр. 275; *Б. Н. Граков.* Скифы, стр. 163.

[55] *В. В. Хвойко.* Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 42; *І. В. Фабриціус.* До питання..., стр. 71; *М. И. Артамонов.* Этногеография Скифии..., стр. 170 сл.

[56] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена..., стр. 57; *П. Д. Либеров.* Проблема будинов и гелонов..., стр. 19, рис. 2.

[57] *В. А. Іллінська.* Андрофаги, меланхлени, будини..., стр. 34; *А. И. Тереножкин.* К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, XXIV, 1955, стр. 12, рис. 1.

[58] Археологія Української РСР. 2, Київ, 1971, стр. 36.

[59] Помимо упомянутого текста Геродота см. *Помпоний Мела.* Землеописание. II, 7, ВДИ, 1949, 1, стр. 280 и *Плиний.* Естественная история, IV, 88. ВДИ, 1949, № 2, стр. 283.

[60] *О. Н. Мельниковская.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

нее вплоть до бассейна Днестра и Прута [61]. Особенно много общих черт можно найти в лесостепных памятниках между Доном и Днепром. Кроме будинов на днепровском Левобережье жили, видимо, и другие племена. В частности, в бассейне Ворсклы ясно выделяется группа поселений правобережного происхождения с особой чернолощеной керамикой [62]. Ее можно связывать с переселением гелонов, которые по одной из версий Геродота являются племенем, родственным агафирсам и скифам [63], вынужденным удалиться со своей родины. Часть их, видимо, поселилась в стране будинов на Ворскле, где и возник город Гелон. Другая часть осела на Кавказе, где их отмечает перипл Псевдо-Скилака [64]. При этом нет необходимости использовать совершенно неправдоподобную [65] и не подтверждающуюся археологическими материалами версию о гелонах-греках, которая не получила поддержки и в античной историографии, и нигде, кроме одного из рассказов Геродота, не встречается.

Следует учесть и другие данные, которые позволяют локализовать город Гелон в стране будинов к западу от Дона. Речь идет о сообщении такого хорошо осведомленного автора, как Гай Юлий Солин, многие данные которого восходят к древнеионийским источникам. Локализуя довольно точно невров в верховьях Борисфена, он отмечает, что ближайшими их соседями являются гелоны [66]. Стефан Византийский также указывает, что расположенный в стране будинов город Гелон находится в Европейской Сарматии [67], т. е. к западу от Танаиса. Кроме того, говоря о Танаисе, надо иметь в виду еще одно немаловажное обстоятельство. Большинство исследователей полностью отождествляет Танаис с Доном, не учитывая, что в древности представление об основной реке и ее притоках иногда отличалось от современного. Это, в частности, касается и Танаиса — Дона. Б. А. Рыбаков убедительно доказал, что еще в XII в. за верховья Дона принимали современный Северский Донец [68]. Это представление, видимо, восходит к глубокой древности. В таком случае основной массив будинских земель был расположен значительно западнее, очень близко к среднему течению р. Ворсклы. С развитием античной картографии, когда появилась возможность более точно устанавливать координаты отдельных пунктов, земли будинов и помещали в этой области. Так, Клавдий Птолемей, нанесший во II в. н. э. известные ему племена и географические пункты на карту с помощью градусной сетки, упоминает племя бодинов (искаженное название будинов) и соответственно отмечает гору Бодин. Последняя возвышенность расположена к северу от Аланских гор (Донецкий кряж) между Танаисом и Борисфеном [69]. Таким образом, самые разнообразные факты указывают на то, что территория будинов простиралась не к востоку, а к западу от Танаиса и по крайней мере охватывала полосу лесостепи в бассейнах Среднего Дона, верховьев Оскола, всей Ворсклы и, возможно, еще мало исследованного бассейна Псла. На севере она, видимо, доходила до Сейма. Здесь помимо археологических данных необходимо учитывать указания Геродота и других древних авторов на то, что гелоны родственны скифам и агафирсам и что в какой-то мере они говорили на скифском языке [70]. Это прекрасно согласуется с лингвистическими данны-

---

[61] *Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова.* Об этнических и культурных различиях..., стр. 82—83, рис. 9.

[62] *Г. Т. Ковпаненко.* Племена скіфського часу на Ворсклі..., стр. 50.

[63] *Геродот,* IV, 10.

[64] *Псевдо-Скилак.* Описание моря..., Азия, 80. ВДИ, 1947, 3, стр. 242.

[65] *Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова.* Ук. соч., 63; *В. Д. Блаватский.* О северной окраине Скифии. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 29.

[66] *Гай Юлий Солин,* XV, 1. ВДИ, 1949, 3, стр. 242.

[67] *Стефан Византийский.* Описание племен. ВДИ, 1948, 3, стр. 318.

[68] *Б. А. Рыбаков.* Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». Научн. докл. высш. школы, истор. науки, 1, 1958, стр. 11.

[69] *Клавдий Птолемей.* География, III, 5, 5. ВДИ, 1948, 2, стр. 235.

[70] *Геродот,* IV, 10 и 108.

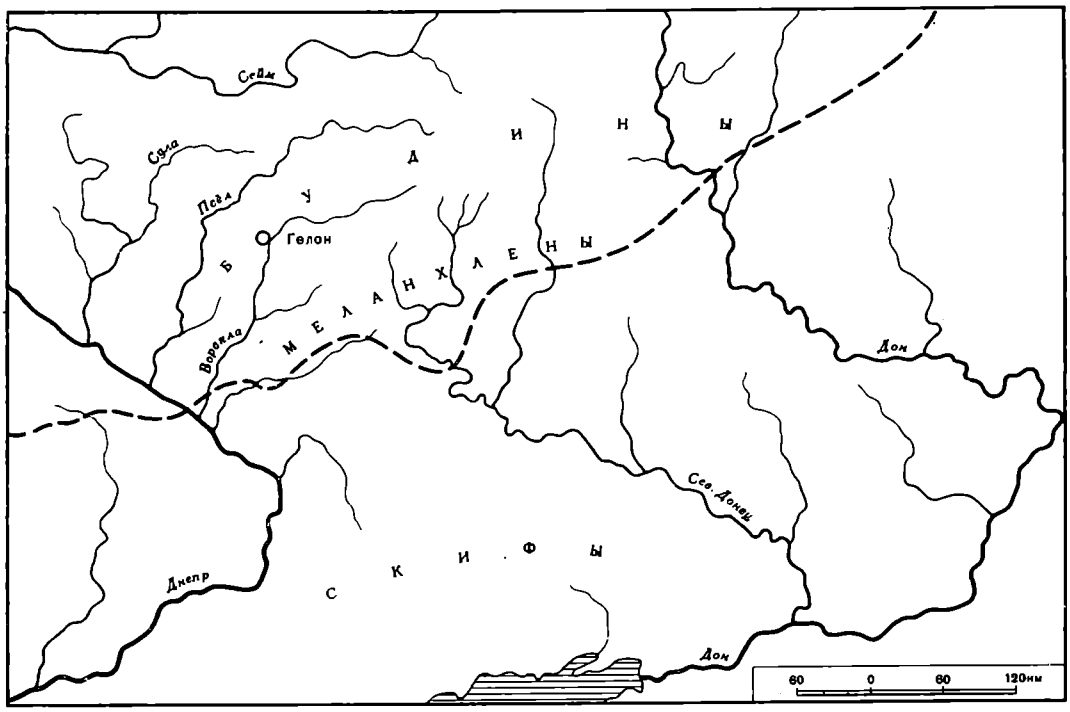


Рис. 10. Город Гелон и территория расселения будинов

ми о распространении иранских гидронимов в области днепровского Левобережья[71]. Район распространения этих иранских гидронимов на территории будинов может служить своеобразным ориентиром для выделения участков, на которых жили гелоны, говорящие на скифском языке. В самом центре будинских земель находился город Гелон, отождествляемый с Бельским городищем (рис. 10). От собственно скифов будинов и гелонов отделяли меланхлены, которые скорее всего обитали в бассейне Северского Донца[72].

Таким образом, сопоставление письменных источников, гидронимики и современных археологических данных позволяет в настоящее время наметить контуры карты расселения ряда племен в лесостепной Скифии и определить местонахождение города Гелона — центра гелоно-будинского племенного союза.

B. A. Chramko

QUELQUES RESULTATS DES FOUILLES DE L'AGGLOMERATION FORTIFIEE DE BELSK ET LE PROBLEME DE GELON-BOUDIN

Résumé

L'article fait le bilan des fouilles de nombreuses années (1958—1973) sur l'agglomération fortifiée des VII—II siècles av. n. è près du village de Belsk, dans la région de Poltava. Cette agglomération fortifée de l'âge de fer initial, la plus grande en Europe Est, dont la superficie dépasse 4020 hectares, était protégée par un rempart puissant fait en bois et terre battue. On a mis au jour les restes des habitats avec leurs dépendances, des

[71] *В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, карта 2; *О. Н. Трубачев.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, стр. 277, карта 13; *О. С. Стрижак.* Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.

[72] *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 233; *Б. Н. Граков.* Скифы, стр. 160.

ateliers artisanaux, des sanctuaires. Toutes sortes de trouvailles récoltées sur l'agglomération fortifiée témoignent que ses habitants pratiquaient la culture de sol, l'élevage, l'horticulture, des métiers variés et la commerce. Les fouilles ont mis en évidence l'appartenance de la population à deux groupes éthniquement différents, l'un était vraisemblement autochtone, l'autre est venu s'y établir en quittant la rive droite du Dniepr. Il est probable que l'agglomération fortifiée était le centre de l'union tribale et constituait l'étape initiale de l'organisation de la ville ancienne. La confrontation des données archéologiques avec les renseignements fournis par les auteurs anciens et l'hydronimique permet d'identifier l'agglomération fortifiée de Belsk avec la ville de Gélon et de définir le territoire habité par les Boudins et Gélons.

Ю. Г. ВИНОГРАДОВ, Н. А. ОНАЙКО

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ С СЕВЕРНЫМ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ И РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Гераклея была одним из крупных центров южного побережья Черного моря, вступившим довольно рано в торговые отношения с понтийскими городами. Об этом свидетельствует многочисленная керамическая тара гераклейского производства, хорошо известная по глине, форме сосудов и особенностям их клейм.

На основании типологии этих амфор и хронологической классификации клейм, хотя далеко еще не твердой, развитие гераклейской торговли, особенно с городами и племенами Северного Причерноморья, на протяжении IV—III вв. до н. э. прослеживается достаточно хорошо [1]. Наиболее поздний — четвертый тип гераклейских амфор И. Б. Зеест датирует по клеймам III в. до н. э. (вплоть до его 70-х годов) [2]. Более поздних гераклейских амфор с энглифическими клеймами мы не знали, поэтому создавалось впечатление, что Северное Причерноморье в это время уже не поддерживало торговых связей с этим центром.

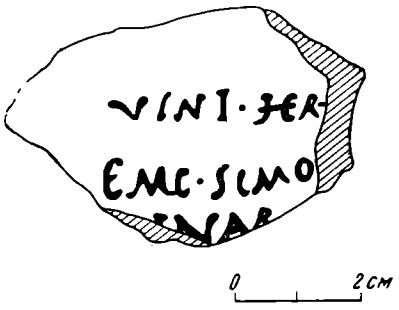


Рис. 1. Дипинто на амфорном черепке. Широкая балка

В настоящее время в связи с новыми открытиями назрела необходимость пересмотреть этот вопрос. Главным открытием, побудившим нас обратить внимание на это, послужила находка стенки амфоры со следами надписи красной краской. Она найдена при раскопках античного поселения в Широкой балке (окрестности Новороссийска) в слое I в. до н. э.— I в. н. э. (рис. 1) [3]. Чтение надписи: vini Her|emi Simo| [v]inar [ia...— «Я купил гераклейского (?) вина у Сима винариев столько-то» [4], и уверенное определение в этом обломке гераклейской глины позволяют высказать предположение о том, что он принадлежит амфоре рубежа нашей эры, доставленной в окрестности Баты Страбона из Гераклеи Понтийской.

---

[1] *Б. Н. Граков.* Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 165—206; *И. Б. Зеест.* О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48—52; *ее же.* Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр. 100 сл.; *И. Б. Брашинский.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской. НЭ, V, 1965, стр. 10—30.

[2] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора, стр. 101.

[3] *Н. А. Онайко.* Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н. э.— I в. н. э.). Новое в археологии. М., 1972, стр. 85.

[4] *Ю. Г. Виноградов.* Дипинто из раскопок поселения в Широкой балке близ Новороссийска. Там же, стр. 90.

Этот обломок светло-коричневого (даже оранжеватого) цвета, с включениями черного пироксена. Характер теста глины со всеми ее структурными особенностями полностью соответствует хорошо известной глине тераклейских амфор. Точно такая же глина оказалась в обломках горла амфоры, найденного в том же слое поселения. Отличительным и бросающимся в глаза признаком этого горла является горизонтальное ребро на уровне верхнего основания ручки, расположенного на горле сосуда почти под самым его венчиком (рис. 2). С внутренней стороны горла, соответственно горизонтальному ребру, имеется глубокий желобок. Так называемые коричневоглиняные амфоры с такой формой горла уже привлекали наше внимание в связи с подобными находками при раскопках античного поселения на Малой земле (пригород Новороссийска) [5]. Здесь их найдено значительно больше, чем в Широкой балке. Кроме своеобразного горла эти амфоры имеют и другие отличительные особенности. Так, ножка у них невысокая, иногда пуговкообразная. Она имеет спиралевидный завиток с внутренней стороны дна, образовавшийся при формовке наложением жгута. Высота и форма венчика довольно неустойчивая, но он почти всегда отогнут наружу (рис. 3). Ручки у этих амфор в сечении плоские; они плавно опускаются вниз, образуя короткую дугообразную кривую. Их очертания не имеют ничего общего с привычной для нас формой ручек греческих амфор.

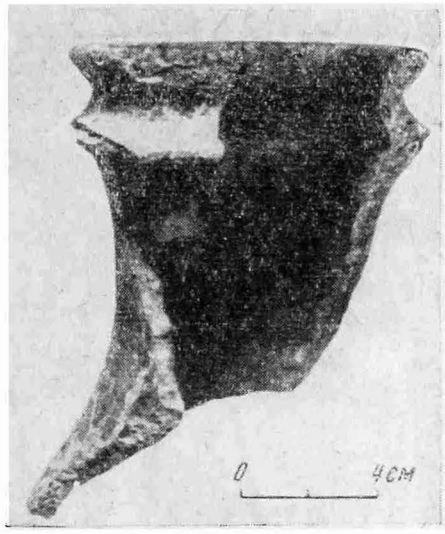


Рис. 2. Горло амфоры. Широкая балка

Какая-то деградация, возможно, была присуща и тулову этих амфор. Это предположение основывается на анализе очень близких к ним (по форме горла, венчика и ручек) амфор рубежа нашей эры; II — III и IV вв. н. э. из Юго-Западного и Северо-Западного Крыма [6], Горгиппии [7] и Тиритаки [8] (рис. 4, *а — в*). Последние две отличаются от более ранних тем, что у горгиппийской амфоры, например, ручки не плавно опускаются к плечу, а имеют небольшой изгиб посередине, дно у нее сильно вытянутое; у тиритакской амфоры характерное для поздней амфорной тары реберчатое тулово.

Таким образом, намечается ряд особенностей, характеризующих амфоры рассматриваемого типа, относящихся к I в. до н. э.— I в. н. э. (Широкая балка, Малая земля и Юго-Западный Крым) и II — IV вв. н. э. (Горгиппия, Тиритака). Чем отличались промежуточные (I — II вв. н. э.) варианты амфор этого типа, мы пока не знаем, но уверены, что, если тщательно проанализировать уже имеющиеся среди раскопочного мате-

---

[5] *Н. А. Онайко.* Раскопки античного поселения на Малой земле. КСИА АН СССР, 124, 1970, стр. 76.

[6] *Н. А. Богданова, И. И. Гущина.* Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, 1, стр. 325, рис. 2, *1*; *Б. Ю. Михлин.* Амфоры из коричневой глины из Северо-Западного Крыма. СА, 1974, 2, стр. 61, рис. 1, стр. 62, рис. 2.

[7] *И. Т. Кругликова.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 149, рис. 37, *12*. Форма тулова этой амфоры восстановлена, как нам кажется, неправильно: слишком куцей и раздутой кажется верхняя часть сосуда. Поэтому мы предлагаем свою реконструкцию горгиппийской амфоры — рис. 4, *в*.

[8] *В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 120, рис. 149, *1*.

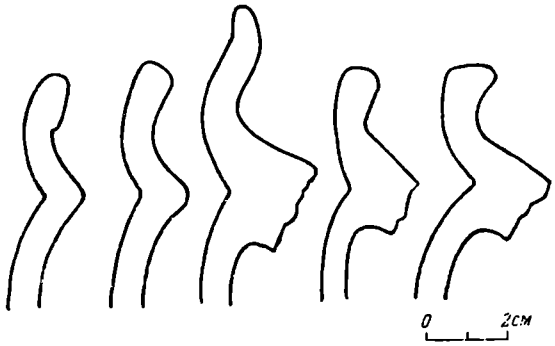


Рис. 3. Профили венчиков коричневоглиняных амфор с горизонтальным ребром на горле

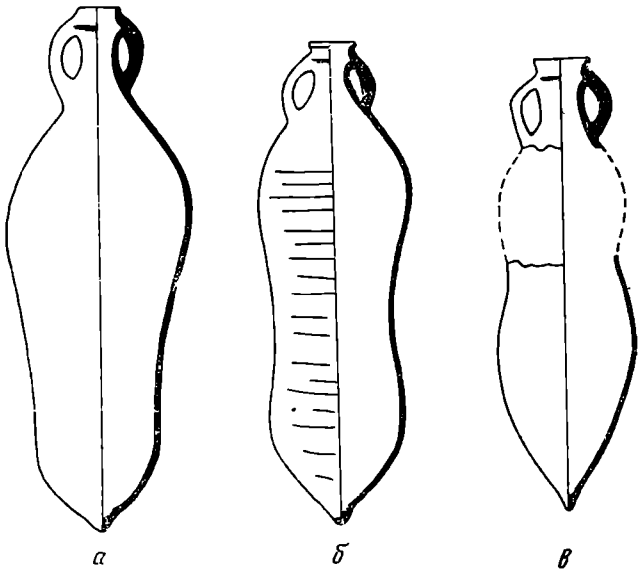


Рис. 4. *а* — амфора из Юго-Западного Крыма; *б* — амфора из Тиритаки; *в* — амфора из Горгиппии. Все амфоры примерно в $^1/_8$ нат. вел.

риала многих экспедиций так называемые коричневоглиняные амфоры, то картина прояснится. Обломки подобных амфор встречаются в Танаисе и других районах древней территории Боспора, в том числе и в Крыму [9]. К сожалению, они еще не достаточно полно опубликованы и не введены в научный оборот. Дальнейшее их изучение на более широком материале позволит детально проследить эволюцию отдельных вариантов этого типа амфор.

Новые находки из Широкой балки, с Малой земли, а также из Юго-Западного и Северо-Западного Крыма расширяют наши знания о коричневоглиняной таре. Наиболее отчетливо в ней выделяются сосуды с горизонтальным ребром на горле, ранее известные лишь по более поздним вариантам этого типа амфор. Обращает на себя внимание и тот факт, что наши амфоры имеют много общего с хорошо известными в литературе более ранними коричневоглиняными амфорами, выделенными И. Б. Зеест. Одни из них датируются III—II вв. до н. э., другие — I в. до н. э. — I в. н. э. [10] (рис. 5, *а*, *б*). Сравнительно недавно в кепском некрополе найдена целая такая амфора, датируемая III—I вв. до н. э. (рис. 5, *в*). На городище Румынское обнаружены обломки подобных амфор с клеймами (рис. 6) [11]. В этих клеймах, оттиснутых в верхней части ручек (оба — одного штемпеля), читается имя Τιμάρχου. В корпусе IPE III в разделе Incerta loca (№ 2292—2296) зарегистрировано пять

[9] В этом отношении следует приветствовать уже упомянутую нами публикацию Б. Ю. Михлиным амфор из Северо-Западного Крыма. Но мы не согласны с автором этой публикации в том, что все коричневоглиняные амфоры имеют тонкие стенки и рыхлую глину. Особенно это касается подобных амфор из Вани, с образцами которых мы познакомили Б. Ю. Михлина. Эти амфоры и по времени более ранние, чем амфоры из наших раскопок и из раскопок в Северо-Западном Крыму. Сравнивать последние с колхидскими вообще следует с большой осторожностью. Это скорее всего два разных круга керамической тары. Поэтому мы можем, по-видимому, говорить не о двух точках зрения на происхождение коричневоглиняных амфор, а, четко различая подобные амфоры из южнопонтийских центров и из Колхиды, ссылаться соответственно на ту и другую в каждом отдельном случае.

[10] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора, стр. 108, табл. XXVI, 59 *а*, *б*; 60 *а*—*в*.

[11] Выражаем благодарность Н. П. Сорокиной за разрешение опубликовать эти материалы (клейма: Рум.— 71, № 28 и 33); см. также: *Н. П. Сорокина.* Раскопки некрополя в Кепах в 1959—1960 гг. КСИА АН СССР, 91, 1962. стр. 106.

неопубликованных клейм с таким именем. Отсутствие фотографий не позволяет установить их идентичность с нашими; тем не менее некоторые из них, вероятно, должны быть тождественны гераклейским клеймам с Таманского полуострова [12]. К сожалению, археологический контекст не дает надежных критериев для датировки, однако палеография легенды не противоречит проведенному выше морфологическому анализу амфор и позволяет датировать эти клейма в пределах второй половины III—II в. до н. э.

У амфор, выделенных И. Б. Зеест, и амфор из Широкой балки и с Малой земли много общего: характер глины, отличающейся в зависимости от качества керамического производства различной консистенцией одних и тех же примесей и цветом, который всегда зависит от степени обжига сосуда; технологические признаки изготовления ножки, образующей с внутренней стороны дна спиралевидный завиток; в известной степени форма горла и ручек. Особенно близки в этом отношении амфоры I в. до н. э.— I в. н. э. (по И. Б. Зеест). У них, как и у амфор из Широкой балки и с Малой земли, точно такая же по форме ножка, довольно узкое и невысокое горло с небольшим венчиком, отогнутым наружу. На уровне прикрепления уплощенных ручек оно слегка раздуто. У наших амфор некоторые детали более выразительны: на горле, как уже отмечалось, резко выступает горизонтальное ребро, а ручки совершенно плоские в сечении.

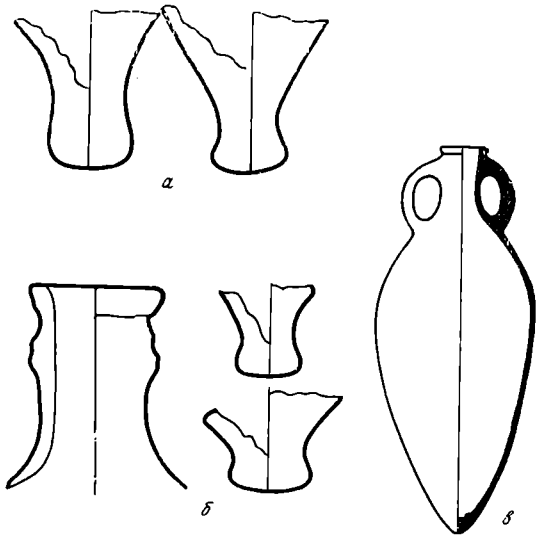


Рис. 5. *а, б* — фрагменты коричневоглиняных амфор (по И. Б. Зеест), *в* — амфора из Кеп. 1/8 нат. вел.

Выделенные И. Б. Зеест коричневоглиняные амфоры предположительно отнесены ею к одному из южнопонтийских центров. Находки подобной тары в Широкой балке указывают совершенно определенно на Гераклею Понтийскую. В отличие от более ранних амфор с энглифическими клеймами на горлах, амфоры этого центра рубежа нашей эры, как и большинство амфор римского времени, нередко, по-видимому, имели надписи красной краской, занявшие особое место в истории античной эпиграфики. Надпись на амфорном обломке из Широкой балки в этом отношении также представляет большой интерес. Относительно центров производства горгиппийской и тиритакской амфор следует сказать, что они тоже, очевидно, относятся к южнопонтийскому центру, хотя И. Т. Кругликова почему-то в этом, по-видимому, усомнилась и отнесла первую к местному производству [13].

Прослеженная связь амфор из Широкой балки и с Малой земли с выделенными И. Б. Зеест и с более поздними подобными амфорами из Горгиппии и Тиритаки побуждает нас поставить вопрос: не являются ли наши сосуды, как и близкие им амфоры I в. до н. э. — I в. н. э. (по И. Б. Зеест), одним из промежуточных вариантов между этими формами коричневой глиняной тары? Необходимо отметить также, что рельефные клейма появляются чаще на позднем (V) этапе гераклейского клеймения; это может

---

[12] *Е. М. Придик.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, стр. 115, № 329 (= IPE III № 2298) — другого штемпеля.

[13] *И. Т. Кругликова.* Боспор в позднеантичное время, стр. 150.

свидетельствовать о том, что отмеченные нами клейма продолжают традиции более раннего клеймения IV — первой половины III в. до н. э.

В связи с публикацией новых находок коричневоглиняных амфор на нашей территории необходимо упомянуть об амфорах I в. до н. э.— I в. н. э. (по Э. Бужору), найденных в Румынии (Ислам Джаферка)[14]. Судя по описанию, состав глины этих амфор близок гераклейской, а цвет глины, варьирующийся от «красноватого до светло-коричневого», вполне укладывается в вошедшее в нашу литературу понятие «коричневоглиняный». Мелкие различия между отдельными экземплярами амфор из Румынии по другим признакам позволили автору их публикации предположить существование

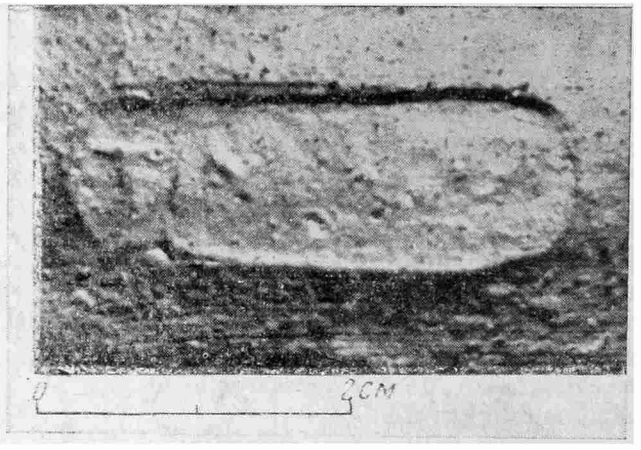


Рис. 6. Клеймо с городища Румынское

отдельных мастерских внутри производственного центра, которым, по его мнению, могла быть Гераклея Понтийская. Все это довольно убедительно, за исключением датировки румынских амфор. Форма амфор, а также наличие на их горлах энглифических клейм, сближают их скорее с амфорами этого центра, относящимися к IV—III вв. до н. э., на что уже было обращено внимание[15].

Если сомнения относительно датировки румынских амфор подтвердятся в будущем, то не исключено, что интересная для нас деталь в их форме — утолщение под венчиком сосуда в виде наплыва, напоминающее горизонтальное ребро в наших амфорах, окажется прототипом последнего. Вполне возможно также, что позднеэллинистические и особенно римские амфоры рассматриваемого типа с резко выраженным горизонтальным ребром на горле, плоскими короткими ручками и удлиненным веретенообразным туловом представляют одну из характерных форм керамической тары Гераклеи Понтийской, и уж во всяком случае одну из характерных форм керамической тары южнопонтийских центров.

Сравнительно небольшое количество коричневоглиняных амфор III — II вв. до н. э. (по И. Б. Зеест) на Боспоре[16], возможно, указывает лишь на какое-то ограничение или период временного ослабления ввоза гераклейских товаров в это время. Оживление торговли с Гераклеей заметно наблюдается в I в. до н. э. — I в. н. э. Связи с Северо-Восточным Причерноморьем, и в частности с районом древней Баты, как показывает археологический материал, играли в этом весьма заметную роль.

Выводы, полученные при изучении материалов археологии, удачно подкрепляются данными письменных источников. На оживление торго-

[14] *E. Bujor.* Depozitul de amfore de la Islam Geaferca. SCIV, 1961, 1, p. 85—92; *его же.* Amphora Deposit of Islam Geaferca. Dacia, VI, N. S., 1962, p. 475—487.
[15] *И. Б. Брашинский.* Керамические клейма Гераклеи Понтийской, стр. 19 сл.
[16] *И. Б. Зеест.* Керамическая тара Боспора, стр. 108.

вых и политических связей Гераклеи Понтийской с городами и местностями Северного Причерноморья, вообще, и Боспора, в частности, в римский период указывают надписи [17]. Судя по письменным источникам, одним из ведущих предметов вывоза из Гераклеи было вино [18].

Однако немаловажную роль в экономике этого полиса играла еще одна, совершенно у нас забытая статья экспорта. Мы имеем в виду гераклейские орехи, вывоз которых в отличие от вина не ограничивался понтийским ареалом. Привлечь данные об орехах тем более важно, что для транспортировки их использовались отчасти и амфоры [19].

Сведения о гераклейских орехах мы черпаем из папирологических документов, из лапидарной эпиграфики и у античных авторов. Так, в двух папирусах из Зеноновского архива (один из них датируется 259 г. до н. э.) имеется упоминание о «понтийских» орехах [20], под которыми вполне могли фигурировать гераклейские орехи. Если это так, то мы получаем свидетельство о вывозе орехов из Гераклеи в Египет в середине III в. до н. э.

Особенно важно для нас упоминание об этом продукте Гераклеи Понтийской в афинской надписи последних лет II в. до н. э., т. е. относящейся к раннему периоду римского владычества в Греции. Это закон, который суровым образом предписывает рыночным торговцам пользоваться весами и мерами, строго установленными для определенных видов продуктов [21]. В нем в § 3 (сткк. 18—29) предписываются меры для деликатесов и среди них: Περσικὰς ξηρὰς καὶ ἀμυ[γ]|δάλας καὶ Ἡρακλεωτικὰ [κά]ρυα. Самое важное для нашего исследования значение этой надписи в том, что она позволяет прийти к следующему выводу: если в Афинах был установлен мерный стандарт для гераклейских орехов как для *сорта* продукта, значит этот деликатес был повседневным лакомством на столе афинян во II—I вв. до н. э., иными словами, мы можем смело предполагать его интенсивный вывоз из Гераклеи Понтийской в эту эпоху. В данной связи представляется нелишним привести и разобрать свидетельства греческих авторов об орехах Гераклеи.

По номенклатуре древних, основным названием гераклейских орехов было κάρυα Ἡρακλεωτικά. Однако мы должны отнести к этому сорту еще два названия: κάρυα Ποντικά и Διὸς βάλανοι. О том, что гераклейские орехи назывались «зевсовы желуди», скорее всего из-за своих относитель-

---

[17] Это засвидетельствовано следующими проксениями, почетными декретами и надписями, надгробиями: IOSPE I² № 40, 41; НО № 51 — Ольвия; IOSPE I² № 357, 359, 362, 544, 545; ВДИ, 1960, 3, стр. 156 сл.— Херсонес; IOSPE II № 44, 46 (= КБН № 59, 58) — Боспор, см. также: *Ю. Г. Виноградов.* Ук. соч., стр. 92 и прим. 6.

[18] В этой связи интересно коснуться немаловажного свидетельства о качествах гераклейского вина, мимо которого обычно проходят современные исследователи. Отец ботаники Теофраст пишет в своем сочинении «О запахах» (de odor. 51, ap. Athen. I, 58, p. 32b): «Если смешать крепкое (или терпкое) и душистое вино с мягким и неароматичным, как, например, гераклейское с эритрейским, то (полученный напиток) приобретает от одного мягкость, а от другого аромат». Отсюда можно заключить, что гераклейское вино обладало крепостью или терпкостью (σκληρός) и душистым запахом — букетом (εὐοσμία), качествами, ставившими его довольно высоко в глазах древних ценителей.

[19] О транспортировке в амфорной таре сухих и сыпучих продуктов (маслин, мяса, гранатов, сушеной рыбы и т. п.) говорят папирусы из архива Зенона (см., например, PSI IV, № 428, 535), а также дипинти. На одну фасосскую амфору Эрмитажного собрания красной краской нанесено: ΕΛΑΙΑΙ (см. *Б. Н. Граков,* IPE III, Фасос, л. 22). В ГИМ хранится обломок фасосской амфоры с дипинто, которое Б. Н. Граков был склонен дополнять, как ΘΑΣΙΑ[Ι ΕΛΑΙΑΙ], но не исключена возможность того, что перед нами целая надпись ΘΑΣΙΑ (ΚΑΡΥΑ) — «фасосские (орехи)». Если это так, то мы имели бы прямое свидетельство об экспорте орехов в амфорах. О фасосских орехах см. Athen. II, 54b.

[20] Papyrus Cairo Zenon, № 59013, 59702. Указание на эти папирусы любезно сообщено Ю. Г. Виноградову в письме И. Б. Брашинским.

[21] IG II/III № 1013; ср. *J. Day.* An Economic History of Athens under Roman Domination. N. Y., 1942, p. 85 сл., 111 сл.; *H. W. Pleket.* Epigraphica I, Leiden, 1964, № 14.

но крупных размеров, прямо говорит Диоклей (ap. Athen. II, 42, 53d). Но несмотря на то, что кроме гераклейского ореха существовал еще и синопский орех (Ageloch. ap. Athen. II, 43, 54d), следует отнести название κάρυα Ποντικά по преимуществу к гераклейскому ореху, так как Гермонакт и Тимахид в «Глоссах» свидетельствуют, что понтийский орех называется «зевсовым желудем» (Athen. II, 41, 53c) [22]. Итак, гераклейский орех обозначался всеми тремя указанными терминами: κάρυα Ἡρακλεωτικά, κ. Ποντικά, Διὸς βάλανοι.

Гераклейский орех — это, по всей видимости, так называемый современный грецкий орех (Juglans regia L.) [23]. Древние писатели отличали его от каштана и миндаля. У Афинея о нем упоминают шесть авторов: Мнеситей (V—IV вв.), Диоклей (начало IV в. до н. э.), Никандр в «Георгиках» (вторая половина III в. до н. э.), Дифил (после III в. до н. э.), Гермонакт и Тимахид в «Глоссах» (вторая половина II—I в. до н. э.), Филотим.

Среди них есть авторы эллинистической и римской эпох, что предполагает вывоз гераклейских орехов и в это время.

Древние писатели отмечают разнообразные качества гераклейских орехов. Например, Диоклей (Athen. II, 42, 53d) приписывает им свойства проса сушить глотку (κεγχρῶδες). Дифил сифносец (Athen. II, 42, p. 54b) говорит, что понтийские орехи вызывают головную боль, однако следует думать, что это свойство проявляется только при неумеренном употреблении их в пищу (ср. Diocl. ap. Athen. II, 42, p. 53d). Филотим (Athen. II, 42, p. 53f), пишет, что они плохо перевариваются желудком (ср. Mnesith. ap. Athen. II, 43, p. 54 b, c). Однако необходимо учитывать, что все это мнения ученых-ботаников, которые не могут приниматься в расчет при оценке популярности этих орехов в широких кругах населения. Кроме того, такие же характеристики даются указанными ботаниками и многим другим сортам орехов. Из прочих качеств гераклейских орехов древние отмечали маслянистость (Philot. ap. Athen. II, 42 p. 531; Mnesith. ibid. II, 43, p. 54c) и способность всплывать в желудке (Diocl. ap. Athen. II, 42, p. 53d; Diphil. ibid. p. 54b).

Гераклейские орехи весьма сходны по качествам с персидскими (τὰ Περσικὰ κάρυα), называвшимися, очевидно, и царскими (τὰ βασιλικά). У Диоклея и Мнеситея их описание идет сразу же за описанием гераклейских орехов, настолько они близки по своим свойствам. Интересно, что такую же картину мы видим в привлекаемой афинской надписи. Но у авторов, собранных Афинеем, персидские (царские) орехи всегда обозначаются термином κάρυα, а не ἀμυγδάλαι, поэтому и в афинском законе Περσικὰς ξηράς — это сушеные персидские орехи, формой именительного падежа которых было скорее всего αἱ Περσικαὶ ξηραί. Итак, в надписи упомянуты три сорта орехов: сушеные персидские, миндаль и гераклейские.

По всей вероятности, гераклейские орехи ко II—I вв. до н. э. стали обозначать просто сорт орехов. Поэтому они могли вывозиться из разных мест, где они произрастали. К тому же нам известно об экспорте в древ-

---

[22] *Е. Кагаров* (Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913, стр. 145, прим. 9) правда, считал, что гераклейский и понтийский могут быть разными сортами ореха. Наиболее резонное решение вопроса состоит в том, что «зевсов желудь», он же гераклейский орех, входил как разновидность в более широкий вид понтийских орехов, к которым относились, в частности, орех без скорлупы (λόπιμα — Athen. II, 38, p. 53b) и, вероятно, наш лесной орех (Corylus tubulosa Willd. или Corylis colurna L.).

[23] *Е. Кагаров*. Там же. По мнению Ч. Б. Гьюлика, гераклейский орех — это наш лесной, а персидский (царский) — современный грецкий (Athenaeus I, by *Ch. B. Gulick*. The Loeb Classical Library. London — N. Y., 1927, p. 233, прим. c, d; p. 235, прим. a)

ности не только плодов, но и целых плодоносящих растений [24]. Тем не менее мы вправе заключить, что местность Гераклеи Понтийской была если не родиной гераклейских орехов, то, во всяком случае, областью, знаменитой их выращиванием, откуда они и получили свое название. Поэтому вывоз их из данного центра был весьма и весьма значительным.

На Боспоре гераклейские (грецкие) орехи засвидетельствованы археологическими находками. Так, например, в Керчи в 1910 г. была найдена плетеная корзинка, наполненная грецкими и лесными орехами, каштанами и рожками, которая была положена в деревянный саркофаг в погребение I в. н. э. [25] Можно предположить, что часть гераклейских орехов ввозилась на Боспор непосредственно из Гераклеи.

Таким образом, свидетельства древних авторов и эпиграфики о гераклейских орехах указывают на оживленные торговые связи Гераклеи Понтийской с греческим миром в позднеэллинистическую и римскую эпохи. Проксении, дарованные гераклейским купцам северопонтийскими полисами и vice versa, подкрепляемые разобранными выше археологическими материалами, свидетельствуют со всей очевидностью о том, что и Северное Причерноморье не осталось в стороне от этих связей, но, напротив, стояло в этом отношении на одном из первых мест.

You. G. Vinogradov, N. A. Onaïko

SUR LES RELATIONS ECONOMIQUES DE L'HERACLEE DE PONT AVEC LES COTES NORD ET NORD-EST DU PONT-EUXIN A L'EPOQUE HELLENISTIQUE ET ROMAINE

Résumé

Les auteurs du présent article avancent une hypothèse selon laquelle l'Héraclée du Pont exportait sa production en amphores vers les côtes nord et nord-est du Pont-Euxin non seulement en IV—III siècles av. n. è. mais aussi aux époques plus récentes. Ceci est attesté par une inscription («J'ai acheté à Simus du vin d'Héraclée? un tel nombre de vinaria») sur un tesson de l'argile d'Héraclée attribuable aux amphores dites de pâte brune à une arête caractéristique sur le col. Les débris de telles amphores, en profusion, sont recueillis sur le rivage du golfe de Novorossiisk (village sur la Malaïa Semlia) où se trouvait à l'époque antique Bata de Strabon. Les relations commerciales animées de l'Héraclée avec le monde grec à l'époque hellénistique récente et romaine sont mentionnées par les auteurs anciens et les sources épigraphiques.

---

[24] Так, например, известно о вывозе в римское время фасосских лоз (Plin. NH XIV, 74sq.; Virg. Georg. II, 91). Ср. *Б. Н. Граков.* Фасосская группа амфорных клейм и вывоз вина с о. Фазоса. 1938. Рук. в Арх. ИА АН СССР, д. № 1040, л. 9.

[25] См. ИАК, 47, 1913, стр. 51 сл., № 28; *А. П. Иванова.* Художественные изделия из дерева и кости, «Античные города Северного Причерноморья», I. М.— Л., 1955, стр. 417, рис. 19; *Н. И. Сокольский.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, стр. 248, сл., табл. XXXVII, I.

Л. В. ФИРСОВ

ИЗВЕСТКОВЫЙ ВЯЖУЩИЙ РАСТВОР В ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕНАХ ХАРАКСА (КРЫМ)

В историко-археологической литературе о древностях Южного берега Крыма укрепление на мысу Ай-Тодор отождествляют с Харакенами или Хараксом античных авторов [1]. Развалины на Ай-Тодоре были известны до 1837 г. П. И. Кеппену, он посчитал их за остатки одной из средневековых византийских крепостей [2]. В 1849 г. здесь были проведены первые раскопки[3]. Квалификация этого памятника как крепостного пункта римской эпохи в Таврике (с 68—69 гг. до конца III в.) началась с работ М. И. Ростовцева в последней четверти прошлого — начале текущего столетия [4]. Именно М. И. Ростовцев отождествил Ай-Тодорскую крепость с Хараксом Клавдия Птоломея. После значительного перерыва, в 1931—1932 и 1935 гг., раскопки на мысу продолжил В. Д. Блаватский, подтвердил римское происхождение крепости, открыл нимфей в дополнение к ранее известным термам, оконтурил и исследовал послеримский некрополь [5].

Упомянутые исследователи обратили внимание на то, что одна из двух оборонительных стен Харакса (нижняя, или внешняя) сложена из громадных глыб и представляет собой как бы мегалитическое, циклопическое сооружение. Казалось, что она сложена насухо, без строительного известкового раствора. М. И. Ростовцев сделал осторожный вывод о возможном нахождении на мысу в доримское время таврского укрепления. К тому же свелось и мнение В. Д. Блаватского, исходившего из впечатлений о характере кладки нижней стены. Культурный горизонт таврского времени открыт, однако, не был, аргументация в пользу таврской предыстории Харакса была явно недостаточной, поэтому не удивительно, что А. В. Арциховский считает крепость римской и не упоминает тавров как якобы ее более ранних основателей [6].

Тем не менее для части археологов, занимающихся таврской культурой Крыма, Харакс остается примером двухпериодного — тавро-римского — сооружения, а его нижняя стена — как морфотип укреплений тавров, не знавших применения извести. Так, по мнению П. Н. Шульца, «на

[1] Плиний в числе шести городов Таврики упоминает Харакены, но из контекста следует, что этот город находился внутри страны (*В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1949, 2, стр. 281); среди названных им пунктов Южного берега Харакен нет. Харакс упомянут Клавдием Птолемеем, но по указанным им координатам он лежал севернее мыса Баранй Лоб, т. е. вне зоны берега (*В. В. Латышев.* Ук. соч., ВДИ, 1948, 2, стр. 240). Тем не менее и Харакены, и Харакс принято относить к Ай-Тодору, хотя эпиграфических подтверждений того, что укрепление носило одно из этих названий, пока еще нет.

[2] *П. Кеппен.* О древностях Южного берега и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837, стр. 192—193.

[3] Первые раскопки произведены графом Шуваловым (см.: *Кондараки.* Универсальное описание Крыма. Николаев, 1973, стр. 169).

[4] *М. И. Ростовцев.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость. ЖМНП, 1900, март, стр. 140—158; *М. И. Ростовцев.* Святилище фракийских богов и надпись бенифициариев в Ай-Тодоре. ИАК, 40, 1911, стр. 1—42.

[5] *В. Д. Блаватский.* Харакс. МИА, 19, 1951.

[6] *А. В. Арциховский.* Основы археологии. М., 1955, стр. 154—156.

мысу Ай-Тодор, судя по найденным здесь обломкам античной керамики, примерно в IV—II вв. до н. э. возникает таврское укрепление, самое крупное из известных нам»[7]. Этот категорический вывод переходит в монографию А. М. Лескова[8], хотя к моменту ее опубликования автору было известно о новом открытии на Ай-Тодоре, которое могло поколебать, если не отвергнуть, вывод об участии тавров в сооружении боевых стен Харакса, конкретнее — его нижней стены.

В 1959 г. я ознакомился с памятником и пришел к отрицательному выводу относительно двухпериодного происхождения нижней стены. В 1963 г. эта тема стала предметом дискуссии между П. Н. Шульцем, О. И. Домбровским и мной и потребовала ревизионного раскопа нижней стены, место которого выбрано с общего согласия. Документация пришлась на долю автора, которым одновременно проведена топосъемка оборонительных рубежей крепости, обследованы еще сохранившиеся и доступные участки обеих стен, а в нижней стене найден известковый строительный раствор, по составу аналогичный растворам, примененным римскими легионерами при сооружении терм и верхней стены Харакса, в частности раствору образца № 156, исследованному И. Л. Значко-Яворским[9]. В 1965 г. результаты раскопок и обстоятельства находок были изложены в предварительном отчете[10].

Сделанное открытие представляется важным прежде всего потому, что показывает несостоятельность утверждений, согласно которым к эпохе и культуре тавров на Южном берегу Крыма отнесены памятники более позднего происхождения[11].

Крепость Харакс расположена на скалистом известняковом мысу Ай-Тодор[12], которым оканчивается поперечная к простиранию берега группа сланцево-известняковых гряд Гаспринского хребта. Мыс лежит юго-западнее Ялты и восточнее Алупки, в месте резкого поворота берега. Он удобен в оборонительном отношении неприступностью обрывов, а также в каботажном отношении как наблюдательный пункт: с него просматривается значительная часть берега — от Аю-Дага и Гурзуфа до Симеиза.

У основания тыльного (северного) склона мыса расположена **нижняя** (внешняя) боевая стена Харакса. Рядом с ней через седловину пролегала древняя дорога. В высокой части мыса сохранилась **верхняя** (внутренняя) стена.

Площадь укрепления составляет 4,5 *га*. Длина верхней стены, которую условно назовем стеной цитадели, 380 *м*, нижней —550 *м*; остатки последней найдены на протяжении 420—430 *м*. Пространство между стенами имеет ширину 40—80 *м*, в среднем 50 *м* (площадь около 2,5 *га*), и представляет собой относительно пологий на западном фланге и крутой в центре и на восточном фланге склон, обращенный к седловине. Междустенное пространство можно квалифицировать как перибол[13]. В целом

---

[7] *П. Н. Шульц.* О некоторых вопросах истории тавров. В сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1958, стр. 248.

[8] *А. М. Лесков.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965, стр. 39 сл.

[9] *И. Л. Значко-Яворский.* Очерки истории вяжущих веществ от древнейших времен до середины XIX века. М.— Л., 1963, стр. 267—268.

[10] *Л. В. Фирсов.* О времени возведения нижней («мегалитической») оборонительной стены Харакса (Ай-Тодор). Рукопись хранится в архивах Отдела археологии Крыма, Симферополь; ИА АН УССР, Киев; ИА АН СССР, М., 1965, стр. 43, рис. 13.

[11] Многие из небольших исаров — крепостей Южного Берега, относимых, например П. Н. Шульцем, к таврским, оказались средневековыми (Ай-Йори, Сераус, Кастель, Аю-Даг, Крестовая гора над Алупкой, Лимена-Кале на горе Кошка в Симеизе и др.).

[12] Назван так, по-видимому, в XII—XIV вв. по церкви св. Феодора, находившейся северо-восточнее римского укрепления, на соседнем мысу Дакакнари-Топрах (ныне — Парус).

[13] В. Д. Блаватский называет междустенное пространство «стратегическим пустырем» (Ук. соч., стр. 291).

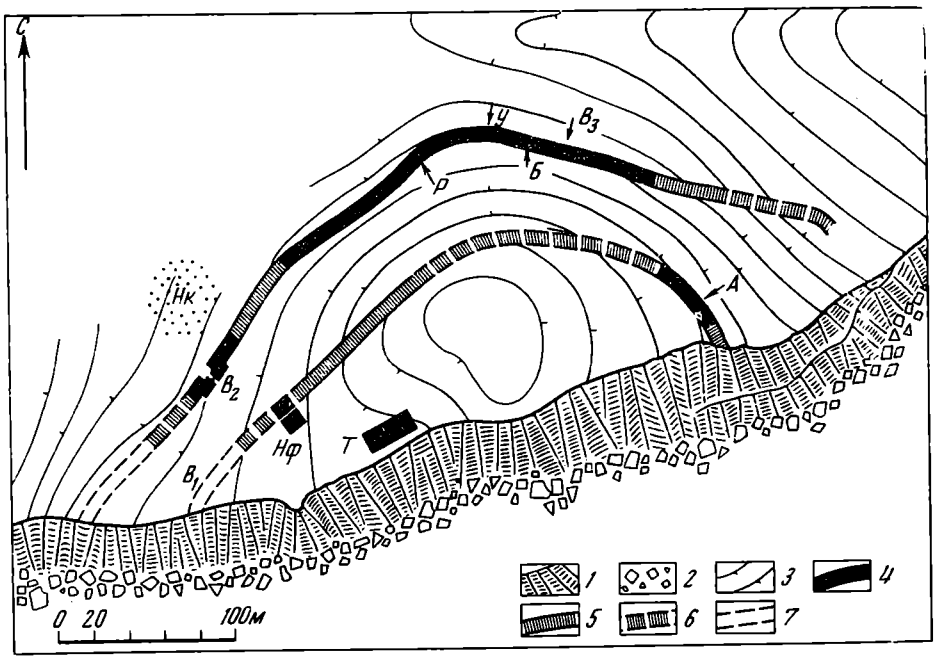


Рис. 1. План оборонительных стен Харакса (съемка автора, 1963 г.): *1* — скальные обрывы; *2* — крупноглыбовый бенч; *3* — горизонтали (схематично); *4* — оборонительные стены, доступные для обследования; *5* — то же, сильно разрушенные; *6* — то же, почти полностью разрушенные; *7* — реконструируемая часть стен. Буквами обозначены: $В_1$ — ворота по плану М. И. Ростовцева; $В_2$ — ворота в нижней стене, сильно разрушенные; $В_3$ — ворота в нижней стене по плану М. И. Ростовцева; Б — место предполагаемой башни; А — участок верхней стены наилучшей сохранности (место, где найден строительный раствор); Р — место раскопа 1963 г.; У — один из нескольких пунктов находки известкового строительного раствора в нижней стене; Т — термы; Нф — нимфей; Нк — наружный некрополь послеримского времени

конфигурация укрепления полукруговая с концентрическим расположением поясов обороны. Условия рельефа исключали застройку склона между стенами; весь (или почти весь) комплекс бытовых и общественных построек римской крепости лежал за верхней стеной, на плосковершинной площадке мыса, и занимал около 2 *га*. С южной, морской стороны крепость защищена вертикальным обрывом; фланги обеих стен выходят к нему. Планировка оборонительных сооружений экономична, но в части фланкирования не рациональна: стены не имели башен (за исключением одного сомнительного пункта). Ворота в стенах находились на западном фланге, где уклон предполья и перибола невелик, и имели простую планировку (рис. 1).

Верхняя стена у основания достигает в толщину 2—2,5 *м*. Ее структура двупанцирная, с приблизительно одинаковой мощностью наружного и внутреннего панцирей (по 0,6—0,8 *м*), сложенных из камней известняка среднего размера. Камни уложены более или менее горизонтальными рядами, но в целом кладка близка по рисунку к полигональной. Пространство между панцирями забутовано мелким камнем и щебнем. Такая структура, панцирный способ кладки, типичные для римского времени [14], позднее становятся традиционной манерой в византийском крепостном строительстве [15]. О вяжущем растворе в верхней стене будет сказано далее.

---

[14] *Огюст Шуази.* Строительное искусство древних римлян. М., 1936, стр. 16—22.

[15] *Огюст Шуази.* История архитектуры, I. М., 1935, стр. 488—489. Двупанцирные стены из необработанного камня, с щебеночной забутовкой между панцирями, характерны для всех средневековых крепостей Южного Берега и Горного Крыма, а также Херсонеса.

Что касается структуры **нижней** стены, то до 1963 г. она была не вполне ясна. Ее полагали довольно примитивной, мегалитической, типа гигантской крепиды. Однако на деле она оказалась сложнее. Типичным для нее можно считать участок раскопа 1963 г. Здесь еще до вскрытия из-под почвы и наносов проступало мощное сооружение. В 4—5 *м* от лицевой плоскости наружного панциря, сложенного из колоссальных глыб, был виден ряд камней, в котором угадывалась кладка внутреннего панциря. Раскоп это и подтвердил.

В общих чертах структура и морфометрия нижней стены показаны на рис. 2—4. Толщина стены у основания не меньше 5,5 *м*. Наружный панцирь выложен горизональными рядами из плитообразных глыб известня-

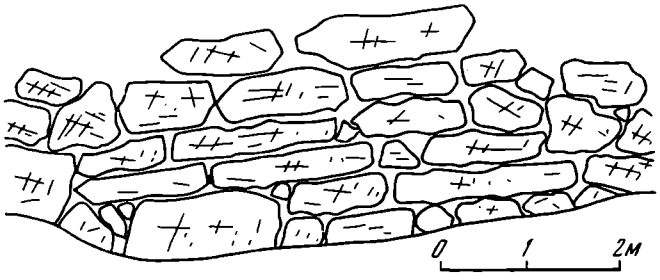


Рис. 2. Кладка наружного панциря нижней стены (лицевая поверхность)

ка. Они выломаны по слоистости в расположенных поблизости, в пределах перибола, небольших карьерах. Глыбы не отесаны. Обращает на себя внимание следующая деталь: как лицевая, так и тыльная плоскости наружного панциря одинаково наклонены к периболу (под углом 82—85°), ряды кладки имеют ступенчатый профиль. Толщина панциря 1,2—1,5 *м*; вес наиболее крупных глыб достигает 2,5—3 *т* (вычислено по объему), однако на других участках наружный панцирь нижней стены не столь мегалитичен: блоки крупнее 1,5 *м* составляют в нем 20%, 0,5—1 *м* — 35%, 0,3—0,5 *м* — 40%, более мелкие — 5% (от объема всего панциря).

Тип кладки во внутреннем панцире такой же, как в наружном; его толщина меньше (около 1 *м*); глыбы в нем менее крупные. Внутренний панцирь наклонен под углом 75—77°. Стена имеет асимметрично-трапецеидальный профиль и представляет собой вполне устойчивое сооружение, начальная высота которого, судя по профилю, была не меньше 7—8 *м*. Проверить это по объему развалов, однако, не удается, так как камень вторично использовался в средневековом и современном строительстве.

Мнению, что нижняя стена является двухпериодным сооружением (мегалитическая наружная кладка — таврская, внутренний панцирь и забутовка — римская достройка), противоречит прежде всего наклон кладки наружного панциря. Его центр тяжести проектируется за или почти за площадь его основания (рис. 5), поэтому он сам по себе не может быть устойчивым, не является самостоятельным сооружением, как того требует предположение о таврской стене. Наружный панцирь, безусловно, возводили одновременно с внутренним и наращивали в высоту по мере заполнения пространства между ними бутовым материалом. Такой прием кладки панцирно-бутовых стен свойствен римскому и впоследствии византийскому фортификационному строительству.

Решая вопрос о времени сооружения стен Харакса, стоит обратить внимание прежде всего на то, что даже при очень большой высоте нижней стены (скажем, до 10—12 *м*) только ее одной было бы явно недостаточно для обороны крепости. Дело в том, что расположенная у основания склона, она не обеспечивает защиту укрепленной площади от простреливания с противоположного ската седловины. Следовательно, двойная система обо-

роны мыса устроена единовременно или нижняя стена возведена даже позднее верхней, а не наоборот.

В. Д. Блаватский считал, что в верхней стене, в римской квалификации которой никто не сомневался, основным вяжущим материалом была глина, хотя им же самим найдены остатки облицовки (очевидно, известковой) и строительный раствор (очевидно, тоже известковый) в этом сооружении [16]. Указаний на это немного. Складывалось впечатление, что применение извести при возведении верхней стены было ограниченным. Однако

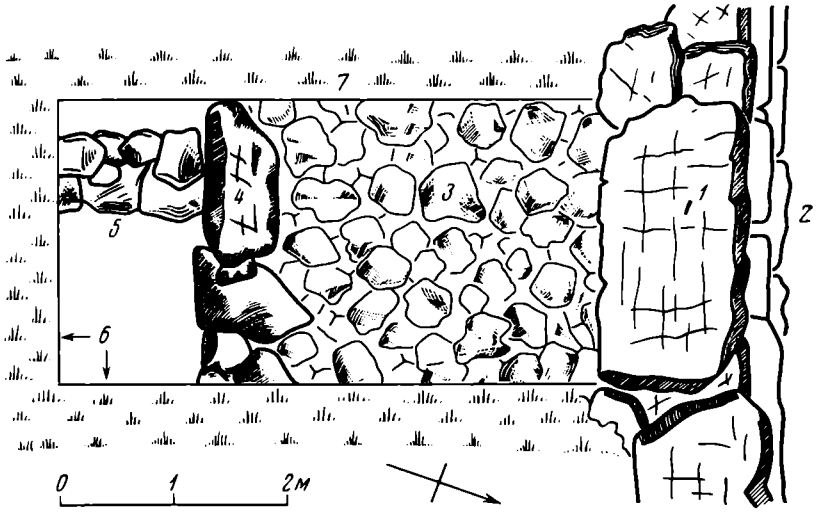


Рис. 3. План раскопа нижней стены Харакса в 1963 г.: *1* — верхние ряды камней наружного панциря; *2* — лицевая поверхность наружного панциря; *3* — забутовка; *4* — внутренний панцирь; *5* — поперечная стенка одной из построек; *6* — контур раскопа; *7* — дернина и почва

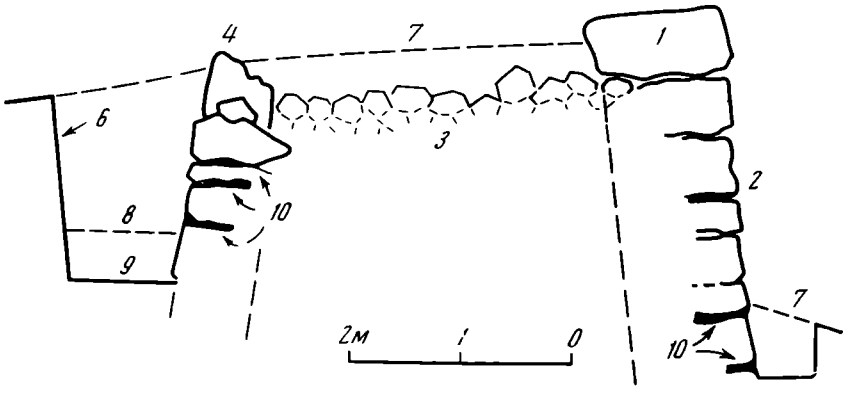


Рис. 4. Поперечный профиль нижней стены Харакса в зоне раскопа 1963 г.: *1—7* — то же, что на рис. 3; *8* — нижний уровень культурных отложений римского времени; *9* — суглинок и щебень, в которые просела стена; *10* — швы кладки панцирей, в которых обнаружен известковый строительный раствор

поиски, проведенные в 1963 г., привели к открытию известкового строительного раствора с заполнителем из крупного песка и гравия и в панцирях верхней стены, и в ее забутовке (рис. 1, А). По виду строительный раствор из стены одинаков с раствором в кладке стен римских терм Харакса, с тем лишь отличием, что в нем содержится несколько меньше

[16] *В. Д. Блаватский.* Ук. соч., стр. 280; автор не уточняет, какие «облицовка» и «строительный раствор», но вполне ясно, что он имеет в виду известковые.

керамической крошки (цемянки). В верхней оборонительной стене он подвергся сильному выветриванию, к тому же швы кладки оказались заполненными делювиальными суглинками. Этим, по-видимому, и объясняется трудность его поисков и ограниченное число его находок [17].

Ни в работе В. Д. Блаватского, ни в публикациях М. И. Ростовцева нет указаний на известковый строительный раствор в нижней стене; исследователи говорят о ее кладке насухо, и это становится для них и следующих за ними авторов аргументом в пользу ее таврского происхождения.

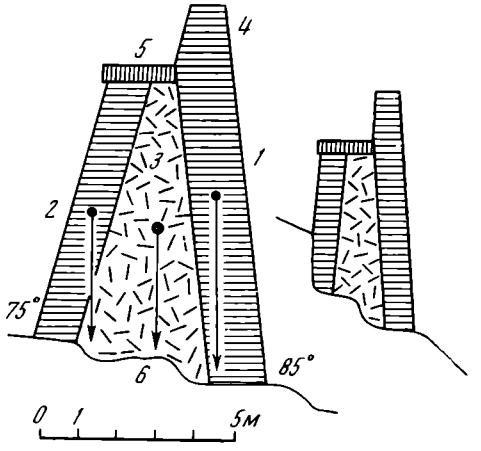


Рис. 5. Слева — реконструкция нижней стены Харакса: *1* — наружный панцирь; *2* — внутренний панцирь; *3* — забутовка; *4* — парапет; *5* — перекрытие боевой площадки; *6* — скальное основание; стрелками показаны проекции центров тяжести наружного и внутреннего панцирей и всей стены в целом. Справа — реконструкция верхней стены Харакса (для восточного фланга) в том же масштабе

В 1963 г. в панцирях нижней стены в зоне раскопа, также восточнее и западнее — еще в пяти пунктах, известковый строительный (кладочный) раствор был обнаружен при расчистке швов кладки, забитых делювиальными суглинками и эоловым мелкоземом. Визуально, в нем до 45—50% вяжущего и 50—55% заполнителя — крупного морского сланцево-алевролитового песка и мелкого гравия, подобных отложениям на пляжах между Ай-Тодором и Мисхором. В составе заполнителя очень немного розовой и оранжевой керамической крошки, приготовленной из боя римских амфор и черепиц. Крупные обломки амфор и черепицы найдены в швах кладки панцирей нижней стены, зацементированные тем же раствором. Спутать римскую черепицу (с нежнорозовым цветом тонкого теста, с характерными бортиками) как с эллинистической, так и со средневековой невозможно. В растворе нет крупного гравия и гальки [18], что резко отличает его от растворов и бетонов в средневековых сооружениях на Южном берегу. Обработка соляной кислотой предварительно размоченных и раздробленных образцов показывает, что вяжущее в растворе представляет собой карбонат кальция, т. е. известь полностью карбонизирована.

Римские строительные растворы в сооружениях первых веков нашей эры в качестве заполнителя содержат морской или речной песок в пропорциях, близких к таковым в растворе из нижней и верхней стен Харакса [19]. Витрувий приводит такую рецептуру кладочного раствора, обычного в римской строительной практике: на одну часть извести — три части горного песка или две части речного или морского песка; если добавить к песку треть битой и просеянной черепицы, то раствор становится еще лучше;

---

[17] *И. Л. Значко-Яворский.* (Ук. соч., стр. 269) пишет о римской стене двусторонней (двупанцирной) кладки с внутренней забутовкой на глине и известковом растворе. Характеризуя растворы и бетоны терм (образцы № 155, 156, 157), он не приводит состава раствора из верхней стены. Сообщаю, что по внешнему виду и составу заполнителя этот раствор близок к светлому раствору образца № 156 из кладки стен третьей комнаты клубного комплекса терм.

[18] Использую унифицированную классификацию обломочных частиц и осадков: см.: Геологический словарь, т. I. М., 1960, стр. 148 (галька), стр. 190 (гравий), т. II, стр. 135 (песок). Идентификация крупных керамических обломков проведена визуально, мелких — в прозрачных шлифах.

[19] *И. Л. Значко-Яворский.* Ук. соч., стр. 119 сл.

для штукатурных работ известь приготовлять из мягкого известняка, для кладки — из твердого [20]. Известь для растворов в сооружениях Харакса приготовлена, по-видимому, из прочного верхнеюрского известняка, слагающего мыс Ай-Тодор; иных известняков поблизости нет.

Строительный раствор обнаружен в швах кладки наружного и внутреннего панцирей нижней стены даже в 0,6—0,7 *м* от их лицевых поверхностей, значит, это не какая-либо поздняя облицовка, а несомненно кладочный раствор, которым заливали кладку панцирей [21]. Он превосходно сохранился там, где остатки стены были перекрыты суглинистым делювием. В панцирях обнаженных строительный раствор выветрился, чем и объясняется ложное впечатление мегалитической кладки насухо.

В мощной забутовке нижней стены извести нет. Мелкие камни и щебень впрессованы в суглинистую массу. Конечно, это оставляет повод для продолжения дискуссии о смешанном происхождении стены, но разумнее дать иное объяснение. Использование суглинистого заполнения, по всей вероятности, есть преднамеренный прием для удешевления и ускорения строительства. Это кажется очевидным, особенно если учесть, что массивный наружный панцирь вполне обеспечивал достаточную прочность стены. Экономическая сторона дела, несомненно, была главной в выборе между глиной и известью для забутовки, но строители, вероятно, преследовали и иную цель: используя глину, уменьшить водопроницаемость, а следовательно, и влагоемкость сооружения [22]. В представлении римлян строительный раствор «был исключительно вяжущим элементом; им никогда не приходило в голову использовать его для передачи давления и распределения его между камнями кладки. Применяя его в кладке заполнения, они придавали ему только одно значение, значение пластической среды, скрепляющей щебень в искусственный монолит» [23]. В качестве пластичной среды в мощных стенах предпочтительнее было использовать не известь, а глину или суглинок. Именно так и следует объяснять особенности нижней стены Харакса. Вспомним, что и в менее мощной верхней стене забутовка выполнена в основном с глинистым уплотнением, на что, как уже отмечено, обратил внимание В. Д. Блаватский [24]; следовательно, нет принципиальных различий в структуре нижней и верхней стен.

Таким образом, все говорит в пользу того, что нижняя стена Харакса возведена в период римской оккупации Таврики и в традициях римского строительного искусства. Находки известкового строительного раствора, безусловно, важное, но вовсе не единственное тому доказательство: характерна двупанцирная структура, характерен поперечный профиль стены; много говорит и ее положение в рельефе. Надо полагать, тавры к этому сооружению не причастны.

Это, конечно, не значит, что в доримское время на месте Харакса не могло быть убежища или поселения. Мыс благодаря удобству положения мог привлечь внимание задолго до римской оккупации. Происхождение топонима, если верно его отнесение к Ай-Тодору, не латинское, а греческое

---

[20] *Витрувий.* Десять книг об архитектуре. М., 1936, II, V, I.

[21] Будь нижняя стена изначально таврской, реставрированной в римское время, раствора в глубине крупноглыбового панциря наверняка не было бы: загнать его в узкие щели можно одновременно с укладкой камня или под большим давлением.

[22] *И. Л. Значко-Яворский* (Ук. соч., стр. 269) справедливо считает, что выбор римскими строителями Харакса вяжущих и заполнителей для растворов был рациональным и преследовал цель экономии и удобства кладки. Соображения относительно влагоемкости кажутся ему сомнительными (личное сообщение), но отвергать их оснований нет. Пользуюсь случаем выразить благодарность И. Л. Значко-Яворскому, подробно ознакомившемуся со статьей в рукописи и сделавшему ряд важных замечаний.

[23] *Огюст Шуази.* Строительное искусство..., стр. 91. Шуази не совсем прав: именно римляне широко применяли известковый раствор для связки клинчатых и плоских блоков и плинфы в арках, обеспечивая тем самым лучшую передачу давления на опоры.

[24] *В. Д. Блаватский.* Ук. соч., стр. 280.

и связано с понятием «укрепление» [25]. Однако было ли оно таврским или греческим — не совсем ясно. Археологические находки не исключают последнего, хотя относящихся к доримской эпохе находок не так уж много [26].

Таврские оборонительные сооружения на Южном берегу до сих пор достоверно не известны. На месте некоторых средневековых крепостей (исаров), по-видимому, были убежища тавров, однако либо они не имели стен, либо их стены разрушены[27]. Ни одно из укреплений Южного берега, а их в полосе от Ласпи до Алушты насчитывается около 40, своими оборонительными и бытовыми сооружениями не имеет отношения к таврской культуре. Все они принадлежат средневековью, и только одно из них — на Ай-Тодоре — памятник римской эпохи.

Так или иначе, от доримского укрепления на Ай-Тодоре пока ничего не найдено и о нем самом ничего не известно. Было бы неверно продолжать и дальше квалифицировать Харакс, как это делается в части его нижней боевой стены, в качестве морфотипа таврских укреплений.

Харакс в прошлом был связан военной дорогой (viae militaris) через Шайтан-Мердвень (Чертова Лестница) и Эски-Богаз, а также через Байдарскую долину с Херсонесом — базой римского гарнизова в Таврике. Однотипные алтари бенифициариев в Хараксе и Херсонесе [28], следы старой римской дороги на Яйле [29], мощность оборонительных сооружений и полнота комплекса бытовых построек на Ай-Тодоре — все это, вместе взятое, говорит о значимой роли Харакса для Таврики в римскую эпоху.

L. V. Firsov

MORTIER DE CHAUX DANS LES MURS DE FORTIFICATION DE CHARAX

Résumé

Le Charax, forteresse romaine sur le cap Aï-Todor, entre Yalta et Alouchta sur la côte sud de Crimée, est ceinturé de deux murs de fortification. Le puissant mur inférieur (extérieur) composé de cuirassement extérieur bâti en grands blocs, intérieur, en blocs moyens, et du moellon concassé entre eux, était considéré comme étant soit complètement taurique soit restauré à l'époque romaine. Jusqu'à nos jours le Charax est mentionné dans le nombre des remparts tauriques dont pas un seul pourtant n'était trouvé sur la côte méridionale criméenne. Le mortier de chaux retrouvé dans les deux murs est typiquement romaine aussi bien que les tessons d'amphores et de tuiles. Il est évident que les Taures n'étaient en aucune relation avec la construction des murs de fortification de Charax et que la forteresse est originellement romaine. Sur les figures on voit la planification et la structure des murs.

---

[25] Названия «Харакс» от χάραξ (подпорка, кол, свая, но также — палисад, укрепление, оплот); для варианта «Харакены» вероятна латинизация от χαράκωμα (место, укрепленное палисадом, частоколом, валом).

[26] Керамика доримского времени на Ай-Тодоре малочисленна. Это фрагменты остродонных красноглиняных амфор и краснофигурных сосудов эллинистического производства (см. *В. Д. Блаватский.* Ук. соч., стр. 201; *Н. И. Репников.* Предполагаемые древности тавров. Изв. Таврического общества, т. I, 1927, стр. 139). Найдены также обломки черноглиняных лепных сосудов, очень мелкие и истертые. Нигде на территории Харакса пока не обнаружен сколько-нибудь четко выраженный горизонт с лепной таврской керамикой.

[27] Например, на горе Кошка в Симеизе, на горе Крестовой над Алупкой, на горе Крестовой в Ореанде и в некоторых других средневековых укреплениях есть тонкие горизонты с лепной керамикой таврского типа или найдены обломки лепных сосудов в рассеянном состоянии (*Л. В. Фирсов.* Средневековое укрепление на Крестовой горе близ Алупки. ЗОАО, т. II (35), 1967, стр. 214—227; *Л. В. Фирсов.* Средневековое укрепленное поселение на горе Кошка (Лимена-Исар) в Симеизе. Архивы Отдела археологии Крыма, Симферополь; ИА АН УССР, Киев; ИА АН СССР, Москва 1965). Однако ни здесь, ни в других исарах (Кастель, Аю-Даг, Сераус, Ай-Йори и др.) таврских оборонительных стен нет, не найдено и таврских жилищ.

[28] *М. И. Ростовцев.* Святилища..., *Э. И. Соломоник.* Алтарь Немесиды из Херсонеса. ВДИ, 1960, 2.

[29] *Л. В. Фирсов.* Чертова Лестница. Симферополь, 1973.

Н. И. ИГОНИН, А. Х. ХАЛИКОВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ АВИАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

В апреле-мае 1973 г. Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР была использована авиация для исследования одного из крупнейших археологических комплексов Среднего Поволжья и Урала — Билярского городища и его окрестностей. Билярское городище, вероятно, является остатками столицы домонгольской Булгарии, известной по источникам под именем Булгара, Биляра или Великого города [1]. Археологические работы, проводящиеся здесь с 1967 г. Билярской археологической экспедицией ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ, выявили интересные объекты — остатки монументальных кирпичных и белокаменных сооружений, жилые здания и ремесленные постройки[2].

Однако до последнего времени неясной оставалась топография и планировка городища, так как имелись лишь схематические планы с обозначением в лучшем случае линий укреплений и контуров современного села, занимающего северо-западную часть городища[3]. В то же время наземное визуальное обследование городища, проведенное в 1968 [4] и последующие годы, показало наличие на свободной от современного заселения площади, преимущественно распаханной, значительного числа известковых, кирпично-щебенистых, золистых и прочих пятен. Невозможность точного учета, фиксации и особенно составления детального плана расположения этих объектов обычными наземными способами заставило обратиться к применению аэрофотосъемки и аэронаблюдений. Эта работа в несколько этапов была проведена под общим руководством авторов в 1973 г.

Для этой цели в Казанском авиационном предприятии был арендован самолет АН-2, с которого производилась плановая [5] и перспективная [6] аэро-

---

[1] *А. Х. Халиков.* О столице домонгольской Булгарии. СА, 1973, 3; *его же.* Столицата на Волжска България от домонголско време. Археология, кн. 1. София, 1973.

[2] *Е. П. Казаков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова,* Биляр., АО — 1967, М., 1968, стр. 133, 134; *А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов.* Исследования Биляра. АО — 1968, М., 1969; *А. Х. Халиков, Е. А. Халикова.* Раскопки в Биляре. АО — 1969, М., 1970; *Е. А. Халикова, А. Х. Халиков.* Раскопки в Биляре караван-сарая. АО — 1970, М., 1971; *А. А. Мазанов, С. М. Йовков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Р. Ф. Шарифуллин.* Биляр. АО — 1971, М., 1972; *С. М. Йовков, А. Х. Халиков, Е. А. Халикова, Р. Ф. Шарифуллин.* Биляр. АО — 1972, М., 1973.

[3] *В. Н. Сементовский.* Билярское городище. Уч. зап. КГПИ, I. Казань, 1939, стр. 130—138, рис. 6.

[4] *А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, Р. Г. Фахрутдинов.* Исследования Биляра. АО — 1968, М., 1969.

[5] Плановой аэрофотосъемкой считают такую съемку, при которой оптическая ось аэрофотоаппарата отклоняется от отвесного положения не более чем на 3°. Аэрофотоснимки, полученные при таких условиях, имеют постоянный масштаб, что позволяет производить измерение сфотографированных объектов, как на плане.

[6] Перспективная аэрофотосъемка — фотографирование производится наклонным лучом фотоаппарата. В этом случае масштаб фотоснимка переменный; объекты, расположенные на переднем плане, будут больше, чем такие же по размеру объекты заднего плана.

фотосъемки и аэровизуальное обследование[7] городища с окружающей его местностью[8]. В августе-сентябре 1973 г. была произведена наземная корректировка данных аэрофотосъемки[9].

Использование авиации для археологических целей известно давно и освещено в соответствующей литературе[10]. В практике отечественной археологии она более 20 лет успешно применялась в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, где с помощью аэрометодов открыто большинство археологических объектов на территории низовий Амударьи и Сырдарьи. Однако все эти работы выполнялись, в основном, в условиях аридной зоны, где большая часть территории еще не тронута интенсивной современной хозяйственной деятельностью. Поэтому там следы древнего человека, остатки древних жилых и хозяйственных сооружений, ирригационных и фортификационных систем можно обнаружить на местности и аэрофотоснимках по разнице в цвете земли, по рельефу местности. Кроме того, многолетний опыт применения авиации для археологических целей в условиях среднеазиатских пустынь позволил выработать определенную методику по выбору оптимальных условий, фотоматериалов и технических средств для аэрофотосъемки археологических памятников всех эпох и любой сохранности.

Билярское городище расположено в другой, по сравнению с среднеазиатскими, ландшафтной зоне, где местность до весенней распашки, после всходов и их полной вегетации имеет различные спектральные отражательные свойства. Кроме того, вся территория исследуемого городища уже несколько столетий подвергается обработке под сельскохозяйственные угодья, что привело к полному разрушению памятника на поверхности земли[11]. Поэтому выбор условий для его аэрофотосъемки, а также фотоматериалы и оптимальные высоты фотографирования отличаются от условий по сравнению с аридной зоной.

В практике зарубежной археологии известно использование аэрофотосъемки для обнаружения археологических объектов в аналогичных ландшафтных зонах[12]. Однако в большинстве случаев многие авторы использова-

---

[7] Аэровизуальное наблюдение производилось из окна салона самолета (окно выставлялось).

[8] Кроме авторов в работе принимали участие летчики Казанского авиапредприятия — командир самолета АН-2 Б. А. Актуганов, второй пилот В. Н. Цветков и лаборант ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Г. Фролов. Авторы рады выразить свою глубокую благодарность Г. С. Изотову за помощь в организации полетов.

[9] Она проводилась группой сотрудников Билярского филиала Болгарского историко-архитектурного заповедника под руководством Л. С. Шавохина.

[10] См.: *С. Н. Павлов.* Использование аэрофотосъемки в археологии. ПИДО, 1934, № 11, 12; *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; *С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин.* Использование аэрометодов в археологических исследованиях. СА, 1962, 1.

[11] Начало разрушения города относится к 1236 г., когда он был взят, разгромлен, почти полностью сожжен монголами и практически не восстанавливался. В эпоху средневековья покинутый город был объектом разграбления и разрушения. Но особенно интенсивно этот процесс начался после 1654 г., когда на территории Билярского городища образовалась стрелецкая слобода — пригород Билярский. Более чем 300-летняя распашка поверхности древнего города привела практически к полному разрушению всех остатков древних зданий, кроме валов, окружающих город.

[12] Так, в апреле 1925 г. О. Крауфорд, используя разницу в цвете растительности, обнаружил кельтские поселения на распаханных полях в Англии: *O. G. Crawford.* Air Photographs of the Middle East. G. V., vol. LXXIII, N 6, 1929.

После второй мировой войны Д. Брэдфорд, используя материалы аэрофотосъемки военного времени, обнаружил погребения и поселения этрусков на распаханных полях в Италии: *J. Bradford.* Ancient Landscapes, London, 1957.

Изучению древних способов использования земель (агроархеология) по материалам аэрофотосъемки посвящен ряд работ Р. Шевалье, в том числе: ***R. Chevallier.*** Photographie aerienne et archéologie. «Photographie aerienne», Paris, 1965.

Для изучения средневековой археологии известно использование материалов аэрофотосъемки в ГДР, где на основе камеральной дешифровки аэроснимков картографы составляют контурные планы крепостей, по которым археологи планируют

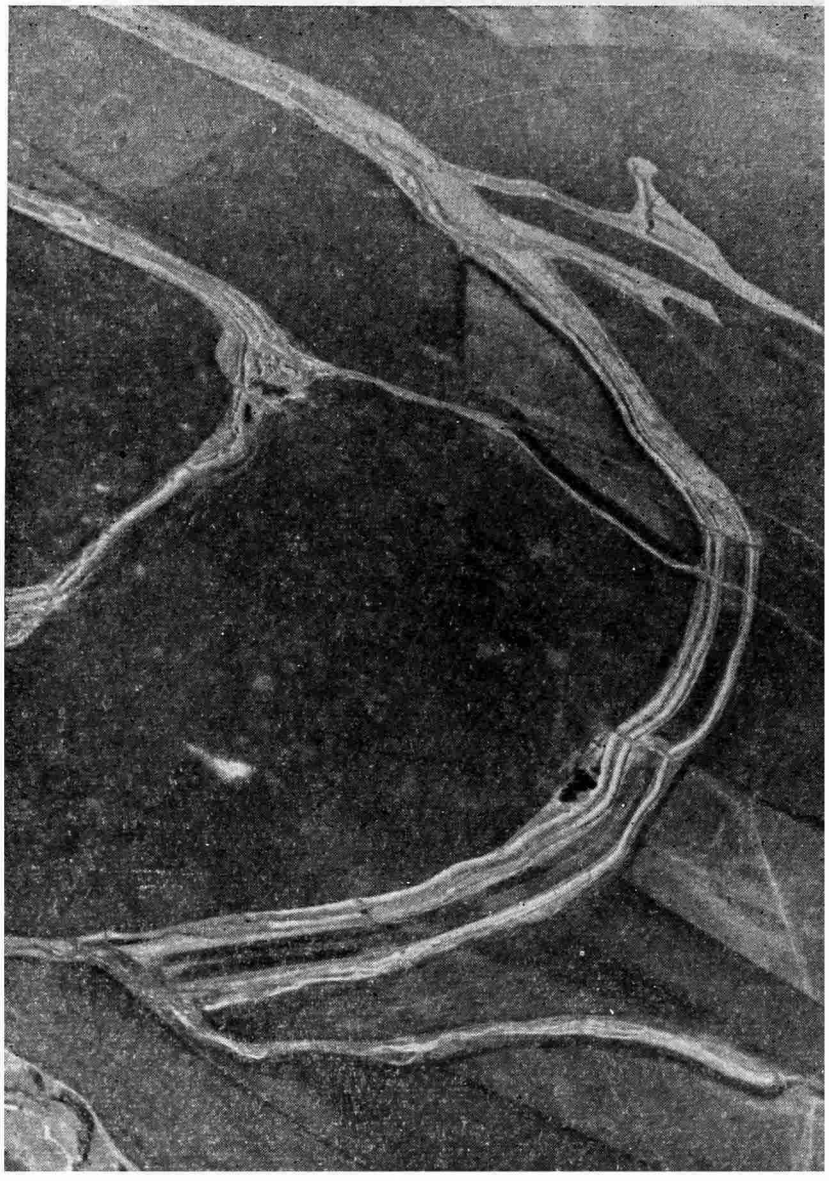


Рис. 1. Общий вид южной и юго-восточной части Билярского городища с высоты 2500 *м*; снимки с самолета фотоаппаратом «Зенит»

ли лишь фотоснимки, выполненные для других целей, что сокращает полноту археологической информации, так как полноценные материалы аэрофотосъемки можно получить только при условии, когда фотографирование производится специально для целей археологии.

Исследование Билярского городища с воздуха производилось в два этапа: первый, когда аэровизуальное наблюдение и аэрофотосъемка выполнялась в конце апреля, т. е. в сроки подготовки полей к весенним посевам. На территории памятника в это время бороновали и культивировали землю для посева гороха и яровой пшеницы. При этом с высоты человеческого ро-

очередность полевых работ и определяют объекты для раскопок: *M. Werner.* Aerofotografische Arbeitsunderlagen in der Burger und Bauwessen. «Welmar», 1961, 8, N 3.

Много новых археологических объектов открыто с помощью аэрофотосъемки в районе р. Миссури. При этом, как указывает К. Стрэндберг, если бы не аэрофотосъемка, то на обнаружение большинства объектов потребовались бы многие годы: *C. H. Strandberg.* Photoarchaelogy. «Photogram. End.», XXXIII, N 10, 1967.

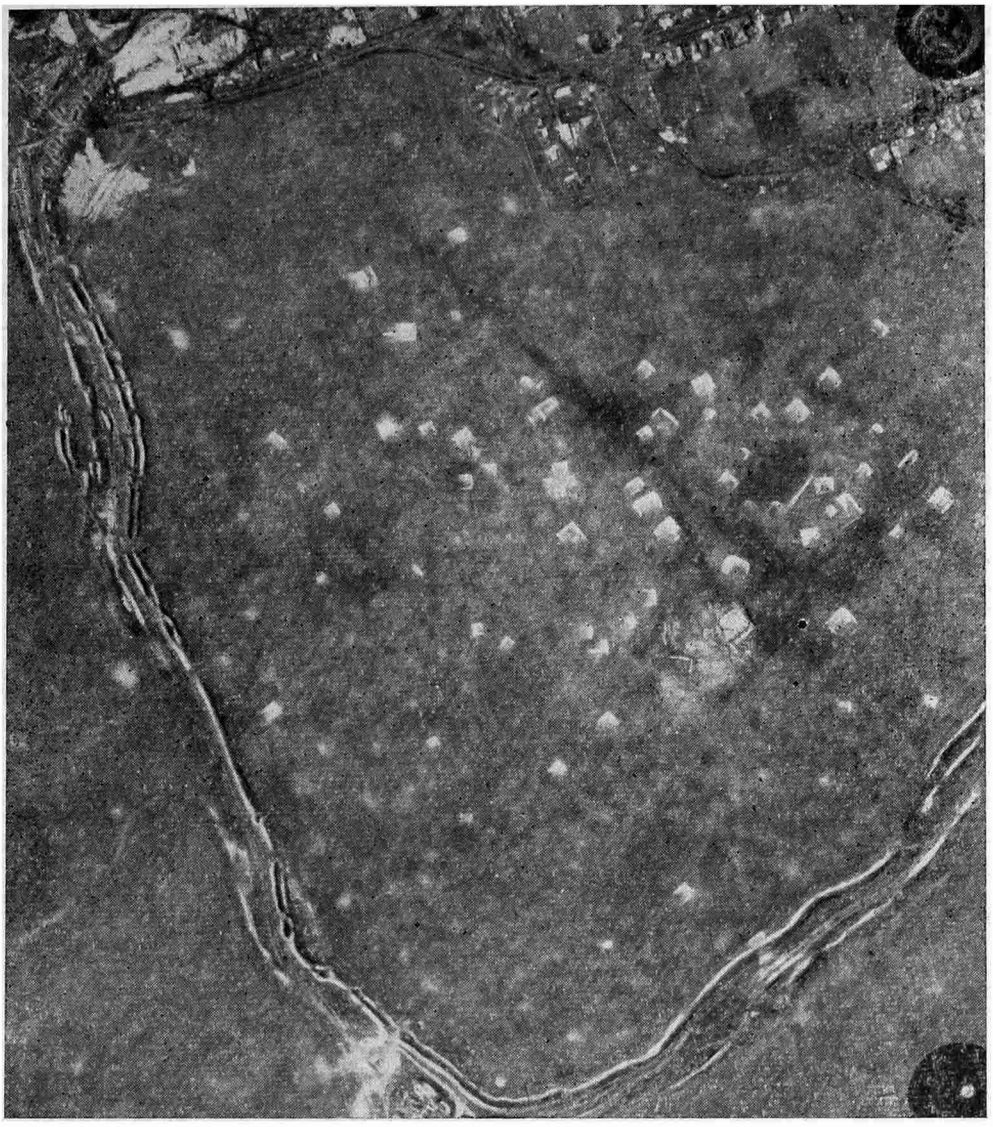


Рис. 2. Фотоплан части внутреннего города Билярского городища с высоты 2500 *м*. Снимки с самолета аэрофотоаппаратом

ста на поверхности земли кое-где были заметны серовато-белые пятна, по-видимому места разрушенных и «растянутых» по местности многолетней распашкой развалов кирпичных и белокаменных зданий. Эти пятна не имели ни четких границ, ни определенных форм. Но на фоне темной распаханной почвы очень отчетливо оконтурились покрытые молодой зеленью линии древних укреплений внутреннего и внешнего города (рис. 1).

Второй этап производился в середине мая, когда молодые всходы гороха и пшеницы закрыли случайные пятна, и на аэрофотоснимках отчетливо выделились места древних кирпичных и белокаменных зданий и четко очертились западины древних улиц, площадей, водоемов, дорог, рвов и т. п. (рис. 2). Наиболее важным демаскирующим признаком древних построек оказались следы дождя, прошедшего за два дня до начала работ. В местах, где не было древних построек, влага проникала на бóльшую глубину, поэтому над древними постройками поверхность земли высыхала быстрее, а цвет земли становился светлее, чем на местах, свободных от построек, что способствовало выделению контуров древних улиц, отдельных кварталов и крупных построек. Эти различия особенно хорошо наблюдались с высоты

Рис. 3. Общий вид раскопов XVII, XIX, XXII в центральной части Билярского городища с высоты 250 *м*. Снимок с самолета фотоаппаратом «Салют»

2500 *м* при аэровизуальном обследовании и на аэрофотоснимках масштабов 1:12 500 и 1:8000. Следует отметить, что период, когда разница в цвете поверхности земли наиболее четко различалась, продолжался всего лишь несколько часов, после чего становилась менее заметной. Именно в это время и собрана наиболее полная информация о планировке дорог, ведущих к памятнику.

Учитывая, что общая площадь Билярского городища с прилегающими окрестностями равна 10 $км^2$, аэровизуальные наблюдения и аэрофотосъемка производилась с пяти различных высот полета.

1. С высоты от 150 до 300 *м* для перспективной аэрофотосъемки раскопанных участков и наиболее насыщенных следами планировки частей па-

мятника. При этом фотографирование производилось как по солнцу, так и против солнца при небольшом крене самолета в сторону фотографируемого объекта. Летом и осенью этот вид наблюдения и съемки был продолжен. Он дал возможность выявить общую планировку изучаемых объектов. Особенно отчетливо при этом прослеживалась планировка крупных деталей — контуры стен, крупные ямы и т. п. (рис. 3). Но были заметны также и мелкие объекты, особенно хорошо на цветных диапозитивных снимках — слайдах.

2. С высоты 500 *м* производилось аэровизуальное наблюдение и перспективная и плановая аэрофотосъемки в крупном масштабе. Плановая аэрофотосъемка выполнялась отдельными маршрутами через раскопанные участки и наиболее заселенные части городища.

3. Высота 1000 *м* использовалась для аэрофотосъемки в масштабе 1:5000. Снимки этого масштаба используются для составления фотосхем, по которым выявляются отдельные детали памятника, можно планировать очередность раскопок и т. п.

4. С высоты 1600 *м* производилась плановая аэрофотосъемка отдельными маршрутами, причем вся территория городища была покрыта перекрывающими друг друга аэрофотоснимками масштаба 1:8000.

5. Высота 2500 *м* использовалась для тех же целей, что и 1600 *м*. Снимки в этом масштабе объединены в фотосхему, на которой четко видны границы всего городища и окружающая его местность.

На аэрофотосхемах масштабов 1:8000 и 1:12 500 хорошо заметны оборонительные валы, ограждавшие наружный и внутренний город. Во внутреннем городе видны серовато-белые пятна — следы отдельных строений, темные полосы древних улиц и площадей прямоугольной формы — по-видимому, кварталы городища (рис. 2).

Особенно четко изобразилась планировка центральной части внутреннего квадрата, где рядом с раскапываемым дворцом булгарских царей заметны пересечения двух широких улиц, образующие площадь, в середине которой расположено светлое подпрямоугольное пятно — возможно, место главной мечети, руины которой сохранялись еще в XVIII в.[13]

Плановая аэрофотосъемка выполнялась аэрофотоаппаратом АФА ТЭ с фокусным расстоянием 200 *мм*, размером кадра 18×18 *см*, на аэропленку изопанхром тип 15-800, светочувствительностью 1000 ед. ГОСТа. Аэрофотоаппарат был смонтирован над люком, предназначенным для опыления, с условием, чтобы отклонение оптической оси во время экспонирования пленки не превышало 3° [14].

Аэропленка изопанхром тип 15-800 с противоореольным слоем обладает высокой разрешающей способностью (117 *лин/мм*), имеет оптимальную спектральную чувствительность до 730 *нм*, что позволяет применять ее для выделения наиболее увлажненных участков местности, какими и оказались некоторые объекты исследуемого городища. Перспективная аэросъемка выполнялась узкопленочными фотоаппаратами «Салют», «Зенит», «Практика-Супер II» на цветную обратимую фотопленку Орвохром ИТ-18 и на черно-белую пленку чувствительностью 65 и 130 ед. ГОСТа.

---

[13] См. *В. Н. Татищев*. История Российская, I. М.— Л., 1962, стр. 269 — «особливо портал или врата великого храма и столпы видимы»; *Н. Рычков*. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770, стр. 18 — «каменный столп, стоящий во градском замке был преогромный величины. Возвышение его представляло вид обыкновенной колокольни, и находилось в нем несколько окошек и множество каменных палат, стоящих в округе его».

[14] Аэрофотоаппарат АФА ТЭ — специальный аппарат, предназначенный для фотографирования местности с воздуха для картографических целей. Он работает с помощью электричества, питается от бортовой сети самолета, по заданным импульсам специального командного прибора, параметры которого устанавливаются по предварительным расчетам в зависимости от путевой скорости самолета, освещенности местности, светочувствительности аэропленки и характера фотографируемой местности.

Чтобы снять всю площадь Билярского городища в масштабах 1:8000 и 1:12 500, съемка производилась четырьмя отдельными маршрутами, аэроснимки которых перекрывали друг друга в поперечном и продольном направлениях. Благодаря этому каждую пару аэроснимков (стереопару) можно рассматривать под стереоскопом, получая при этом рельефное изображение сфотографированной местности, что дает возможность в лабораторных условиях смотреть на памятник как бы с высоты птичьего полета.

С целью устранения влияния атмосферной дымки при съемке с высот 2500 и 1600 *м* фотосъемка производилась со светофильтром ЖС-18, что позволило увеличить контраст слабо заметных объектов.

Для увеличения резкости и устранения «смазывания» изображения, вызванного поступательным движением самолета, плановая аэрофотосъемка производилась маршрутами против ветра и при минимальном режиме работы мотора.

Всего за два этапа получено около 1000 плановых и более 200 перспективных аэроснимков. Полученный материал исследуется, предстоит еще большой труд, связанный с проверкой изобразившихся объектов в поле, что возможно только после уборки урожая, когда поля освободятся от посевов. Однако уже первое знакомство с материалами аэрофотосъемки и результатами аэровизуальных наблюдений позволяет сделать следующие выводы: 1) аэровизуальное наблюдение и аэроснимки, полученные с высот 1600 и особенно 2500 *м*, позволили увидеть древнюю планировку городища, местоположение отдельных крупных кварталов и зданий, дорог, идущих от городища на юг, запад и восток. При наземном обследовании эти объекты заметить не удавалось; 2) материалы аэрофотосъемки позволили составить подробную фотосхему, на которой заметны как внутренняя застройка городища, так и окружающие его валы, часть которых находится в пределах современного поселка и совершенно разрушена. Однако под распаханными участками огородов они заметны и тем самым полностью восстанавливается полная площадь городища; 3) полученные фотоматериалы позволяют составить объективный графический план всего городища и его окрестностей с подробным изображением всех выявленных на снимках объектов; 4) фотосхемы позволяют «одним взглядом» увидеть все огромное городище, сопоставить отдельные объекты, выявить их взаимосвязь, производить статистические исследования по густоте застройки отдельных его частей и т. п.; 5) выполненные работы позволяют судить о том, что использование авиации для археологических целей эффективно и экономически выгодно при исследовании древних археологических объектов, разрушенных современной хозяйственной деятельностью людей, т. е. памятников, расположенных на территории развитого земледелия.

N. I. Igonine, A. Kh. Khalikov

PRATIQUE DE LA PROSPECTION AERIENNE DE L'AGGLOMERATION FORTIFIEE DE BILAR ET DE SES ENVIRONS

Résumé

En 1973, pour la première fois dans la zone des steppes boisées de l'URSS, on a procédé à la prospection aérophotographique de l'agglomération fortifiée moyenâgeuse de Bilar, vestiges de la capitale bulgarienne prémongole. Les renseignements ainsi obtenus permettent de dresser un plan détaillé de l'ancienne ville, de mettre en évidence sa topographie intérieure et extérieure. Cette expérience démontre l'efficacité considérable des méthodes aériennes pour la prospection des sites archéologiques à partir de l'air non seulement dans les contrées arides mais également dans les régions à dense population de la zone moyenne de la partie européenne de l'URSS.

М. Н. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ДИХКАНСТВА ПРИ КАРАХАНИДАХ

(по данным караханидской нумизматики)

Первым исследователем, заинтересовавшимся историческими судьбами среднеазиатского дихканства, был В. В. Бартольд, обращавшийся к этому вопросу как в специальных статьях, так и в своих монументальных монографиях. Впоследствии этой проблемой занимались также Б. Г. Гафуров, А. Ю. Якубовский и О. Г. Большаков.

Основные сведения и некоторые выводы по интересующему нас вопросу, прочно вошедшие в науку и не претерпевшие в основном до сих пор существенных изменений, были даны В. В. Бартольдом уже в 1896 г. в статье «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии»[1] и дополнены в 1902 г. в монографическом исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[2].

В. В. Бартольд отмечал, что накануне арабского завоевания «господство в Мавераннахре» принадлежало землевладельческой аристократии, или дихканам «жившим в укрепленных замках и в военное время составлявшим рыцарскую конницу». Господство дихкан не ограничивалось, как это было в Сасанидском Иране, «союзом трона и алтаря, т. е. сильной монархической властью и влиятельным духовенством». По словам В. В. Бартольда, местные владетели были только первыми дворянами, «даже самые сильные из них подобно своим подданным именовались дихканами»[3].

Экономическое и политическое могущество дихкан основывалось на их крупной земельной собственности, которая располагалась, кстати, не только в сельских местностях, но и городах, где им принадлежали целые улицы и кварталы[4].

Первый сильный удар был нанесен дихканству арабским завоеванием. Какая-то часть из них была уничтожена физически, и их земельная собственность перешла к завоевателям. Однако основная масса дихканства уцелела, правда лишившись определенной части своих владений. Так, в 710 г., завоевав Бухару, арабский полководец Кутейба потребовал от жителей, чтобы они отдали арабам половину домов и земельных участков[5].

Позже методы арабских завоевателей несколько изменились, но цель оставалась прежней: они любыми путями пытались приобретать в покоренном Мавераннахре земельную собственность. Иногда это достигалось путем покупки, иногда владельцы земель сами передавали свои участки

---

[1] *В. В. Бартольд.* Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 322—332.
[2] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I, М., 1963.
[3] Там же, стр. 238, 601.
[4] *В. В. Бартольд.* Соч., т. II, ч. 2, стр. 324.
[5] Там же, стр. 325.

под покровительство арабов, дабы избежать обременительного налога харадж, налагавшегося на завоеванное население.

В обстановке непрекращавшихся антиарабских выступлений некоторые наиболее дальновидные представители господствующей прослойки арабского халифата пытались проводить политику сближения с дихканами, чтобы расколоть единый фронт антиарабских выступлений. Однако в период правления Омейадов эта политика не получила официального одобрения. Так, например, наместник Хорасана в 720—721 гг. Саид ибн Абд ал-Азиз пытался мягкостью привлечь на свою сторону местных дихкан, однако возбудил неудовольствие арабов, получил насмешливое прозвище «Госпожа» и был в конце концов смещен омейадским правительством [6].

Когда в середине VIII в. в халифате началась борьба между Омейадами и Аббасидами, последние широко опирались на помощь местного ираноязычного населения, и в первую очередь на дихкан. Придя к власти, Аббасиды начали проводить последовательную политику сближения с местной землевладельческой аристократией, которая при Омейадах была ущемлена в экономических и особенно политических правах.

Целый ряд высших должностей в аббасидском государственном аппарате и армии был передан теперь представителям местной землевладельческой аристократии. Даже самая высшая должность в халифате, пост вазира, находился во второй половине VIII — начале IX в., на протяжении около 40 лет, в руках семьи Бармакидов, которые принадлежали к местной землевладельческой аристократии и владели в районе Балха огромными земельными угодьями [7]. Итак, арабское завоевание нанесло дихканству сильный удар, однако не смогло подорвать окончательно его экономического и политического могущества. Не случайно основатели возникших в IX в. первых местных династий Тахиридов и Саманидов, с которыми связано начало возрождения местной иранской государственности и культуры, происходили из среды представителей дихканства, перешедших на службу к арабам и принявших ислам.

О значительной роли дихканства в IX в., которое в общем, по мнению В. В. Бартольда, должно было приветствовать переход власти в Мавераннахре от арабских завоевателей к представителям местной династии, говорит, например тот факт, что саманидский эмир Исмаил всерьез опасался дихкан. Так, будучи послан в качестве правителя в Бухару, Исмаил собрал крупнейших представителей дихканства во главе с Бухар-худатом и отправил их якобы в качестве послов к своему брату Насру в Самарканд, тайно попросив Насра задержать «послов» в Самарканде до тех пор пока он, Исмаил, не утвердится в Бухаре [8].

Исмаил хорошо понимал, что основа экономического и политического могущества дихканства лежит в их земельных владениях. Поэтому он всячески пытался лишить их этих владений. Так, крупнейший из бухарских дихкан, происходивший из рода Бухар-худатов, правивших Бухарой до арабского нашествия, был лишен своих земельных владений, и вместо этого Исмаил назначил ему пенсию в 20 тыс, дирхемов в год (т. е. ровно столько, сколько составлял годовой доход с этих владений).

При содействии Исмаила жители селения Искиджкет выкупили землю у дихкан, уплатив последним 170 тыс. дирхемов [10]. Тут, видимо, не обошлось без нажима на дихкан со стороны Исмаила. В. В. Бартольд считает, что переход земель посредством выкупа их от дихканства к жителям

---

[6] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I, стр. 247.
[7] *В. В. Бартольд.* Соч., т. IV, М., 1966, стр. 669—671.
[8] *В. В. Бартольд.* Соч., т. II, ч. 2, стр. 329.
[9] Там же.
[10] Там же, стр. 330.

торгово-промышленных селений, как это было с Искиджкетом в правление Саманидов, имел место «также в других городах и промышленных селениях» [11].

В правление Саманидов создается мощная прослойка новой высшей чиновничьей и военной знати. Представители этой прослойки господствующего класса, стремясь упрочить свое положение, всячески старались приобрести земельную собственность, скупая владения оказавшихся не у дел, разоряющихся представителей старых дихканских родов. Нередки были случаи, когда представители военной аристократии, иногда даже выслужившиеся из рабов, становились крупнейшими землевладельцами. Таким был, например, саманидский военачальник Алп-тегин, выслужившийся из рабов, которыми пополняли придворную гвардию. Алп-тегину принадлежало 500 деревень в Хорасане и Мавераннахре [12].

И все же, несмотря на происходившие исторические процессы, дихканство не утратило полностью своих господствующих позиций. Определенная часть дихканства по-прежнему находилась во главе крупных земельных владений и играла важную роль в стране. Причем у дихканства в целом не было определенной позиции по отношению к центральной власти. Некоторые пошли на службу к саманидским эмирам, другие, обеспокоенные усилением центрального правительства, находились в оппозиции к нему.

На окраинах Саманидской империи находились полунезависимые княжества, во главе которых чаще всего стояли потомки местных дихканских родов и которые, по словам арабского географа ал-Макдиси, отправляли в столицу не подати, а подарки [13].

Роль дихканства в политической и экономической жизни Мавераннахра была еще весьма велика. Так, анонимный персоязычный географ X в., описывая Илак, сообщил, что «начальников этой местности называют дихканами Илака», в древности илакский дихкан принадлежал к удельным правителям» [14]. В. В. Бартольд считал, что «дихкан Илака» уже не имел политической власти, но «благодаря своей обширной земельной собственности продолжал оказывать влияние на народ, так как ал-Макдиси называет его «сильным дихканом» [15]. Кстати, судьба представителей династии «дихкан Илака» и является предметом нашего исследования.

XI в. является переломным в исторических судьбах дихканства. Если в начале XI в. они были еще весьма могущественны и играли важную роль в жизни страны, где-то к середине XII в. роль дихканства настолько упала, что даже сам термин «дихкан» изменил свое первоначальное значение, и некий самаркандский ремесленник-портной по имени Ахмад, обладавший, видимо, небольшим земельным участком за городом, мог с гордостью именовать себя «дихканом» [16]. По словам В. В. Бартольда, «дихканы Мавераннахра ... после двух веков тюркского господства, в начале XIII в., во время монгольского нашествия... уже не играли никакой роли и самое слово «дихкан» употребляется только в смысле «крестьянин» [17]. Итак, в начале XI в. дихканы как представители крупной землевладельческой знати были еще настолько сильны, что могли содействовать Караханидам в их борьбе с Саманидами. По словам историка XI в. Утби, дихканы призвали Караханидского правителя Богра-хана в Мавераннахр, потому что им «наскучили дни династии Саманидов» и они

---

[11] Там же.
[12] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I, стр. 298.
[13] Там же, стр. 292.
[14] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I, стр. 292.
[15] Там же, стр. 293.
[16] *О. Г. Большаков.* Надгробие 541/1146 г. из Самарканда. ЭВ, XIV, Л., 1961, стр. 10—11.
[17] *В. В. Бартольд.* Соч., т. II, ч. 2, стр. 332.

«жаждали перемен» [18]. В начале XI в. дихканы были настолько сильны, что могли со своими воинскими отрядами участвовать в завоевательных походах Караханидов [19]. Наконец, в это время некоторые представители дихканства были еще настолько сильны, что, воспользовавшись караханидским завоеванием, создали в Илаке местную полунезависимую династию, насчитывавшую по крайней мере трех правителей [20].

В начале же XIII в. дихканы как представители крупных землевладельцев полностью исчезают с исторической сцены, и даже сам термин «дихкан», как уже говорилось, приобретает качественно новый смысл и употребляется в значении «крестьянин». В чем же тут дело? В. В. Бартольд пытается объяснить это интересное явление следующим образом: «разделение страны на несколько уделов, фактически независимых один от другого, и неизбежные при таком порядке смуты, грабежи и поборы способствовали совершенному обесценению поземельной собственности и совершенному упадку сословия дихканов» [21]. Это объяснение находится в соответствии с концепцией В. В. Бартольда об эпохе Караханидов как о времени регресса, от которой он, однако, впоследствии отказался [22].

В настоящее время установлено что XI—XII вв. для Средней Азии — период интенсивного развития производительных сил, небывалого подъема градостроительства, расцвета ремесел и торговли. Что касается сообщения Кубави об обесценении около 1128 г. земель в окрестностях Бухары «из-за притеснений» власти, которое имел в виду В. В. Бартольд, то здесь, несомненно, речь идет о временном обесценении как результате борьбы Арслан-хана с оппозиционно настроенным духовенством и знатью. Да и вообще, одного лишь сообщения Кубави явно сочувствовавшего оппозиции, совершенно недостаточно для утверждения об обесценении земельной собственности во время всего двухвекового господства Караханидов.

А. Ю. Якубовский правильно отметил, что «вместе с дихканством сошел с исторической сцены определенный тип крупных землевладельцев, которые не несли никакой службы, связанной с владением землей», и объяснил это «политикой гонений», которую Караханиды применяли к дихканам, видя в них угрозу своей власти. «По-видимому временами,— продолжает он,— эта политика была очень энергична и сурова, так как за караханидский период истории Мавераннахра окончательно сошли с политической сцены все главные дихканские фамилии, а вместе с ними прекратили существование и их родовые владения» [23].

О. Г. Большаков не был согласен с этой концепцией А. Ю. Якубовского, поскольку предположение последнего о гонениях Караханидов на дихкан не находит подтверждения в письменных источниках [24]. Как мы увидим ниже, нумизматические данные также свидетельствуют скорее не в пользу концепции А. Ю. Якубовского. Б. Г. Гафуров писал, что дихкане растворились в массе новых феодальных землевладельцев, которых он считал иктадарами [25].

О. Г. Большаков допускает, что в XI—XII вв. состав землевладельцев феодалов изменился за счет перехода части земель в руки чиновничьей и военной знати и за счет создания прослойки иктадаров, т. е. феодалов, пользовавшихся за службу правом условного землевладения, когда земельные угодия оставались собственностью государства, а иктадар полу-

---

[18] Там же, стр. 332.
[19] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I, стр. 335.
[20] *М. Н. Федоров.* Об одной группе караханидских монет 388—404 гг. х. ЭВ, XX, 1971, стр. 88—89.
[21] *В. В. Бартольд.* Соч., т. II, ч. 2, стр. 332.
[22] *В. В. Бартольд.* Соч. т. I, стр. 62, ср. *В. В. Бартольд.* Соч., т. II, ч. 1, стр. 247.
[23] История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 258.
[24] История таджикского народа, т. II, кн. 1. М., 1964, стр. 251.
[25] *Б. Г. Гафуров.* История таджикского народа. Изд. 3, т. I. М., 1955, стр. 237.

чал лишь причитающиеся с них налоги. Однако О. Г. Большаков скептически относится к установившемуся в науке мнению о широком распространении института икта в государстве Караханидов и создании там качественно новой прослойки феодальных землевладельцев, говоря, что «для безоговорочного утверждения о господстве при Караханидах икта одной лишь аналогии с Сельджукидами недостаточно». Поэтому предположение Б. Г. Гафурова о том, дихкане растворились среди иктадаров, он считает «более правдоподобным, одним из возможных, но не единственным» [26].

На наш взгляд, скептизм О. Г. Большакова по поводу распространения института икта и иктадаров в государстве Караханидов, который О. Г. Большаков подкрепляет тем, что для государства Караханидов мы имеем всего-навсего упоминание об одном лишь случае пожалования уделов в икта, и соображениями о том, что центральное правительство всегда стремилось перевести иктадаров на денежное жалование, отобрав при этом у них земельные наделы, и тем, что икта давались лишь в тех случаях, когда нечем было платить за службу [27], не совсем обоснован. Нельзя забывать того, что до нас не дошло почти ни одной хроники, написанной на территории Караханидского государства, для Караханидов и о Караханидах. За сведениями по истории Караханидов мы вынуждены обращаться к сочинениям газневидской и сельджукидской исторической школы, которые дают информацию нередко противоречивую и крайне скудную. Возможно, этим и объясняется тот факт, что в письменных источниках того времени у нас есть лишь одно упоминание о пожаловании икта в государстве Караханидов.

Повсеместное распространение института икта и иктадаров — это общая для мусульманского Востока XI—XII вв. тенденция в развитии социально-экономических отношений. И едва ли стоит преуменьшать ее значение для Караханидского государства. Возвращаясь к вопросу о судьбах дихканства, О. Г. Большаков предлагает «другое объяснение, не затрагивающее не решенный пока вопрос об икта». Концепция О. Г. Большакова представляется нам наиболее полным и наиболее близким к истине решением интересующей нас проблемы.

Посмотрим, что же предлагает О. Г. Большаков [28]. 1) «Существенным отличием дихкан от иктадаров было то, что они владели землей на правах милка». 2) После арабского завоевания часть милковых земель перешла к завоевателям, а позже — к новой местной династийной и служилой аристократии, которая скупала милки у разорявшихся дихкан. 3) Этот процесс продолжался при Караханидах, которые сами стали владетелями крупнейших милков, унаследовав поместья, купленные Саманидами. Помимо этого, Караханиды постоянно пополняли свои владения за счет покупок новых земель. Об этом есть сведения в письменных источниках того времени. 4) Земельные участки приобретала новая тюркская служилая знать, а также купцы и зажиточные ремесленники. 5) В результате дихканы «перестали быть основными владельцами милков и растворились в массе землевладельцев. Существование икта должно было также способствовать утрате дихканами прежнего положения. То, что дихканы слились с массой владельцев милков, а не иктадаров, доказывает и трансформация значения слова «дихкан», которая произошла в XII в. Эволюция слова очень понятна, так как первоначально именно дихканы были владельцами милков, а в XII в. по этому признаку стали называть дихканами всех владельцев милковых земель, независимо от их происхождения».

Для подтверждения этого последнего положения О. Г. Большаков ссылается на опубликованное им надгробие 1146 г. из Самарканда, где

[26] История таджикского народа, стр. 250—251.
[27] Там же, стр. 250.
[28] Там же, стр. 251—252.

ремесленник-портной назван дихканом, и сообщение О. И. Сухаревой о том, что в Бухаре в начале XX в. дихканами все еще называли горожан, имевших загородные участки [29]. Так выглядит вопрос об исторических судьбах дихканства, для решения которого до сих пор привлекали лишь данные средневековых письменных источников и памятников эпиграфического характера. Нумизматические данные, сколько нам известно, к решению или уточнению этого вопроса до сих пор не привлекались ни разу. А между тем данные караханидской нумизматики сообщают очень интересные сведения для освещения одного из аспектов этой проблемы.

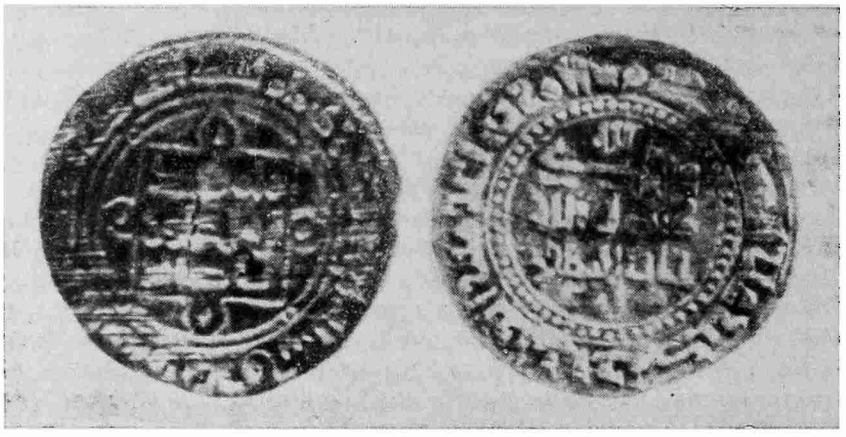


Рис. 1. Фельс Илака 391 года хиджры. Аверс и Реверс

Как мы говорили выше, арабские и персидские географы X в. при описании области Илака непременно упоминали «дихкана Илака», называя его «сильным дихканом», добавляя, что «в древности дихкан Илака принадлежал к удельным правителям». Основываясь на сообщениях средневековых источников, В. В. Бартольд писал, что представители рода «дихкан Илака» хотя и не имели больше политической власти, все же благодаря огромным земельным владениям, сконцентрированным в их руках, продолжали оказывать большое влияние на народ [30].

Как и многие другие представители дихканских родов, дихканы Илака не мирились со своим теперешним положением и мечтали возвратить былую власть. Поэтому, как только в 382/992 г. караханидский правитель Богра-хан Харун начал наступление на Саманидов, представитель рода «дихкан Илака» Мансур ибн Ахмад разорвал связь с Саманидами и выпустил в Илаке монеты от своего имени, став основателем династии «дихкан Илака». Правда, на своих монетах Мансур ибн Ахмад из осторожности признал сюзереном Богра-хана Харуна [31].

В том же 382 г. Богра-хан Харун умер, караханидское наступление на Саманидов захлебнулось. В Бухару вернулся бежавший оттуда «законный» саманидский эмир. В этих условиях Мансур ибн Ахмад, видимо, счел за благо прекратить выпуск монет от своего имени. Во всяком случае на сегодняшний день не известен чекан Илака между 382 и 387 гг. хиджры. В 386 г. х. произошло новое вторжение Караханидов в Мавераннахр, которое и на этот раз не завершилось окончательным падением Саманидов. Был заключен мир, по которому границей между владениями Саманидов и Караханидов стала Катванская степь [32].

---

[29] История таджикского народа, стр. 252.
[30] *В. В. Бартольд.* Соч., т. I, стр. 292.
[31] *М. Н. Федоров.* Ук. соч., стр. 88.
[32] *В. В. Бартольд.* Соч. т. I..., стр. 324—325.

Таким образом, Илак перешел в сферу влияния Караханидов. Род «дихкан Илака» не замедлил откликнуться на эти события. В 387 г. х. в Илаке были выпущены фельсы от имени «дихкана ал-Джалила тегина Абу Салиха», который на своих монетах признал сюзереном караханидского правителя Ахмада ибн Али, брата того самого Насра ибн Али, который окончательно завоевал в 389 г. х. Мавераннахр.

Расшифровка на монете куньи «Абу Салих» представляла известные трудности, и поэтому первоначально эта надпись была прочитана автором как имя «Ака Салих» [33]. Однако впоследствии, по получении нового нумизматического материала и зрелом размышлении, автор пришел к выводу, что трудное место на монетах Илака конца IV в. хиджры следует читать как кунью «Абу Салих», помещенную на монетах в форме винительного падежа «Аба Салих», или сокращенно «Ба Салих» [34]. Этот же Абу Салих выпустил в Илаке монету и в 388 г. х., по-прежнему признавая своим сюзереном караханидского правителя Ахмада ибн Али [35].

Долгое время личность Абу Салиха, именовавшего себя на монетах «дихкан ал-Джалил», т. е. «Славный дихкан», и подчеркивавшего свою принадлежность к старинной дихканской землевладельческой аристократии, была нам неизвестна, пока не был найден фельс Илака 391 г. х. (из находок археолога Л. Г. Брусенко на раскопках городища Намудлыг-Тепе под Ангреном).

Ввиду исключительного интереса привожу ее описание (рис. 1). Аверс. В поле, в ободке из двух линейных кругов с четырьмя колечками между ними размещен четырехугольный фестончатый картуш.

В картуше: محمد / بن منصور / باصالح

В круговой легенде: بسم الله ضربهذاالفلس بايلاق سنه احد تسعين ثلثمايه

Реверс. В поле в ободке из двух линейных и одного точечного меж ними кругов: لله / محمد / رسول الله / خاقان المظفر

В круговой легенде: مما امر به الامير الجليل احمد بن على ايده الله

Итак, благодаря этой монете нам стало известно полное имя Абу Салиха. Это — Мухаммад ибн Мансур сын Мансура ибн Ахмада, основавшего в 382 г. х. в Илаке полунезависимую династию «дихкан Илака». Таким образом, Абу Салих и Мансур ибн Ахмад оказались одним и тем же лицом [36]. В 393 г. х. (коллекция Музея истории народов Узбекистана в Ташкенте, инв. № 46/2) в Илаке по-прежнему чеканил монету Мухаммад ибн Мансур, признавая своим сюзереном того же Караханида Ахмада ибн Али. В 395 г. х. Дихкан ал-Джалил Мухаммад ибн Мансур продолжал чеканить монету в Илаке на правах вассала Ахмада ибн Али [37].

Самая поздняя илакская монета Дихкан ал-Джалил Абу Салиха выпущена в Илаке в 398 г. х., где он по-прежнему выступает как вассал караханидского правителя Ахмада ибн Али. (Фельс из находок археолога К. Абдуллаева в 1969 г. на раскопках городища Канка в Ташкентской области.) В 399 г. х. в Илаке на правах вассала Ахмада ибн Али выпускал монету уже сын Мухаммада ибн Мансура, Дихкан ал-Джалил Салар ибн Мухаммад [38].

Что же произошло с Абу Салихом Мухаммадом ибн Мансуром? На этот вопрос нам дают ответ монеты, и вот тут-то мы и получаем новые сведения к проблеме об исторических судьбах дихканства XI в. Оказалось,

---

[33] *М. Н. Федоров.* Ук. соч., стр. 87.

[34] *М. Н. Федоров.* Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. (Караханидские монеты как исторический источник). НЭ, X, 1972, стр. 142.

[35] *М. Н. Федоров.* Об одной группе караханидских монет..., стр. 88.

[36] Первоначально автор считал, что загадочный Абу Салих и Мухаммад ибн Мансур — два разных правителя. См. *М. Н. Федоров.* Об одной группе караханидских монет..., стр. 88.

[37] *М. Е. Массон.* Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 81.

[38] *А. К. Марков.* Инвентарный каталог монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 219, № 193.

что Мухаммад ибн Мансур, оставив Илак своему сыну, пошел на службу к Ахмаду ибн Али. Произошло ли это под нажимом Ахмада ибн Али или обошлось без этого, только в 388 г. х. кунья «Абу Салих» в форме винительного падежа появляется на монетах г. Урду, где Абу Салих Мухаммад ибн Мансур является наместником и вассалом Ахмада ибн Али [39]. В 399 г. х. кунья Абу Салиха появляется на монетах Испиджаба, где он также является вассалом и наместником Ахмада ибн Али [40].

Полунезависимая династия дихкан Илака просуществовала около 20 лет. В 401 г. х. разразилась война между Насром и его братом Ахмадом ибн Али. Третий из братьев, Мухаммад ибн Али, выступил на стороне Насра и в 401 г. х., завоевав Илак у верных вассалов Ахмада — дихкан Илака, выпустил там монету от своего имени, признавая сюзереном своего старшего брата Насра ибн Али [41].

Перестав существовать как полунезависимая династия, члены рода дихкан Илака выступили в новом качестве: представители крупной землевладельческой дихканской аристократии на службе у Караханидов. В последний раз мы встречаем бывшего представителя династии дихкан Илака Абу Салиха Мухаммада ибн Мансура в 404/1013—1014 г. в качестве вассала и наместника Ахмада ибн Али в Согде. На монетах этого года, выпущенных в Согде, была помещена кунья Абу Салиха в форме винительного падежа и титулатура его сюзерена Ахмада ибн Али.

В 403 г. х. после смерти Насра ибн Али, между оставшимися его братьями Мухаммадом и Ахмадом началась война за передел владений Насра. В короткий срок Ахмад завоевал Самарканд, Согд и ряд других городов. Не исключено, что военные действия на этом направлении возглавлял именно Абу Салих Мухаммад ибн Мансур, который не мог простить Мухаммаду ибн Али осуществленной последним в 401 г. х. аннексии Илака и упразднения там полунезависимой династии «дихкан Илака». Как бы там ни было, но для охраны вновь захваченных городов и южных своих рубежей Ахмаду ибн Али нужен был старый и испытанный вассал, каким и оказался Абу Салих, которого Ахмад назначил своим наместником в Согд. Не исключено, что Абу Салих здесь и погиб во время военных действий. Во всяком случае после 404 г. х. у нас нет о нем никаких известий.

Итак, нумизматический материал дал нам новые сведения к вопросу об исторических судьбах дихканства в правление Караханидов в начале XI в. И эти сведения говорят не о «политике гонений», а скорее о политике союза между Караханидами и отдельными представителями крупных дихканских фамилий. Карьера родовитого, могущественного дихкана Абу Салиха Мухаммада ибн Мансура, начавшего как правитель из местной полунезависимой династии дихкан Илака и кончившего как представитель крупной землевладельческой знати на службе у караханидского хакана Ахмада ибн Али, прослеженная нами по выпускавшимся этим дихканом монетам, является весьма показательной и, надо полагать, не единственной в своем роде.

Переход определенной части представителей древних дихканских родов на службу к Караханидам, видимо, обусловливал неприкосновенность земельных владений этих дихкан. Вместе с тем они уже выходили из категории дихканов в том значении, которое придавал этому термину А. Ю. Якубовской: т. е. они переставали быть представителями той определенной прослойки крупных землевладельцев, которые не несли никакой государственной службы, связанной со владением землей. Не подлежит сомнению, что какая-то часть дихканства, перешедшая на службу к Караханидам, постепенно растворилась в среде новой служилой и династической тюркской аристократии, возникшей в Мавераннахре с приходом Караханидов и владевшей земельной собственностью на правах милка и икта.

[39] *М. Н. Федоров.* Об одной группе караханидских монет..., стр. 88.
[40] Там же.
[41] *М. Н. Федоров.* Политическая история Караханидов..., стр. 152.

M. N. Fedorov

DU PROBLEME DES DESTINEES HISTORIQUES DES «DIKHKANS» SOUS LES KARAKHANIDES

Résumé

Au début du VIII s., à Maverannakhra, le pouvoir était détenu par les «dikhkans», couche sociale composée de riches propriétaires terriens qui habitaient les chateaux fortifiés et pendant la guerre constituaient la cavalerie de chevalerie. Au début du XII s., les dikhkans en tant que institution de la grande aristocratie terrienne héréditaire n'exerçant aucun service en rapport avec la possession des terres disparaissent de la scène historique et le terme de «dikhkan» change considérablement de sens et en sa signification nouvelle, désigne le «paysan». L'article passe en revue les opinions des scientifiques sur les causes et le mécanisme de ce processus historique. Il cite également, utilisées pour la première fois à la résolution et la définition de ce problème, les données de la numismatique karakhanide. C'est grace à ce matériel qu'on a réussi à établir que le dikhkan influent Abou Salikh, au début de sa carrière membre de la dinastie dikhkanienne à démi-indépendante d'Ilaka, est devenu, vers sa fin, un représentant de la grande noblesse terrienne au service des Karakhanides. On peut en conclure qu'une partie de dikhkans a été assimilée par la nouvelle aristocratie dynastique exerçant un service qui apparaît en Asie Centrale après la venue des Karakhanides.

Публикации

А. С. КЕСЬ, Г. Н. ЛИСИЦЫНА

ДРЕВНИЕ ОРОСИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ

(по материалам работ 1969—1971 гг.)

В 1969—1971 гг. на территории юго-западной Туркмении проводились совместные комплексные работы отрядом по изучению истории земледелия Института археологии АН СССР и палеогеографическим отрядом Института географии АН СССР [1], ставившие своей целью по возможности всестороннее изучение земель древнего орошения, ареал которых в пределах исследуемого региона разнообразных по природным условиям обширных низменностей охватывает лишь Мешед-Мисрианскую, или Мисрианскую, и Чатскую равнины (рис. 1, II).

В специальной археологической литературе этот древнеземледельческий оазис получил название Дахистана (как он именовался в арабских письменных источниках). История его заселения существенно отлична от исторических судеб других районов южного Туркменистана. Впервые эта территория, возможно в силу специфики своей геологической истории и из-за особенностей геоморфологического строения, была освоена человеком лишь в конце II тысячелетия до н. э. Начиная с этого момента в истории Дахистана можно выделить два периода: ранний, условно именуемый временем **архаического** Дахистана или «культуры Мадау» эпохи поздней бронзы — **раннего железа** (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) [2], и средневеко-

---

[1] В комплексных работах 1969—1971 гг. принимали участие: д-р геогр. наук А. С. Кесь (начальник палеогеографического отряда ИГ АН СССР), канд. геогр. наук Г. Н. Лисицына (начальник отряда по изучению истории земледелия ИА АН СССР), канд. с.-х. наук В. П. Костюченко (ИГ АН СССР), мл. научн. сотр. Л. В. Прищепенко (ИА АН СССР), лаборанты ИА АН СССР — Г. В. Иванова, Ю. Ю. Моргунов, С. А. Панарин, А. В. Чернецов, О. С. Шапошникова, мл. научн. сотр. ИИАЭ АН ТССР А. Сапарбердыев, аспирантка ИГ АН СССР В. Ковалева, шоферы А. М. Вакулов, И. И. Кузнецов, В. И. Шмелев и рабочие г. Кзыл-Атрек и аула Мадау.

[2] *А. А. Марущенко.* Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Изв. ТГНИИ, 1935, стр. 15; *М. Е. Массон.* Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), 1947, ТЮТАКЭ, II, 1953 (1951), стр. 20—22; *его же.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг., ТЮТАКЭ, V, Ашхабад, 1955, стр. 198, 210; *В. М. Массон.* Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. (из работ ЮТАКЭ 1951 г.). Изв. АН ТССР, 1, 1953; *его же.* Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Изв. АН ТССР, 2, 1954; *его же.* Древняя культура Дахистана (Историко-археологические очерки). Л., 1954; *его же.* Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. ТЮТАКЭ, VII, 1956; *его же.* Археологические работы на Мисрианской равнине. КСИИМК, 69, 1957; *Г. Н. Лисицына.* О работах в юго-западной Туркмении. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии». I, Л., 1972; *Л. В. Прищепенко, О. С. Шапошникова.* Новые материалы для изучения керамики архаического Дахистана. КД, III, Ашхабад, 1970; *Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко.* Тильки-депе и некоторые вопросы палеогеографии

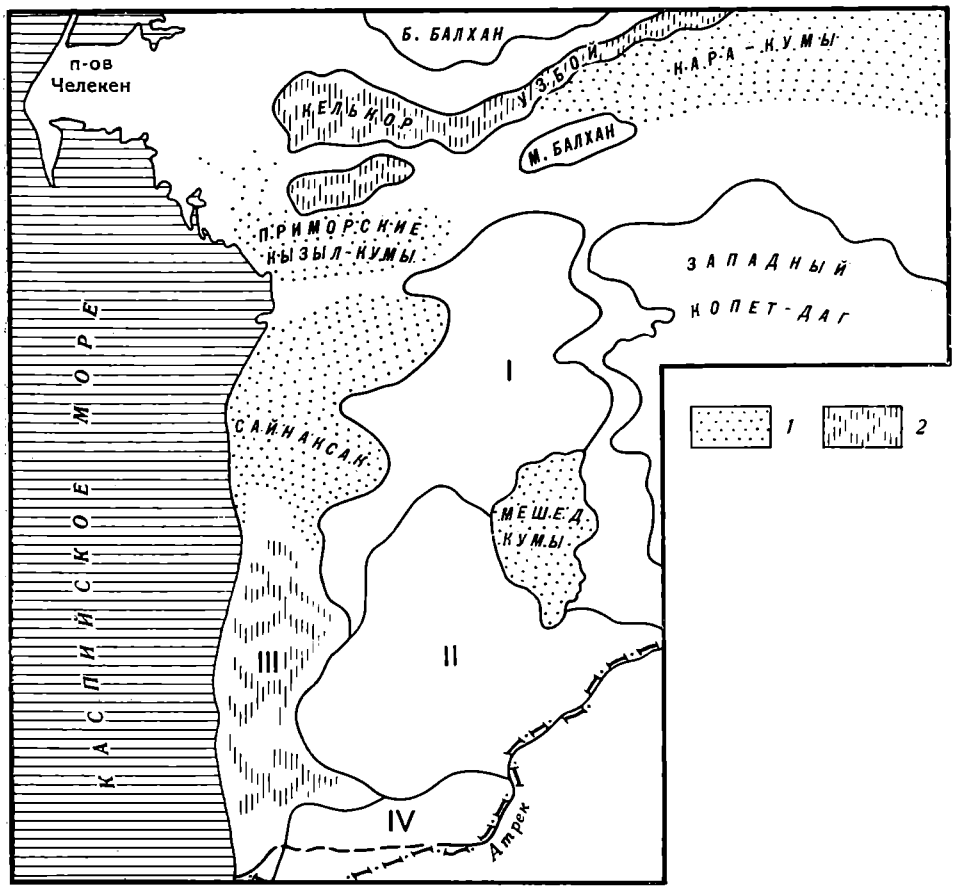


Рис. 1. Картосхема Юго-Западной Туркмении

1 — пески; *2* — солончаки; I — подгорные пролювиальные равнины; II — древнедельтовые Мисрианская и Чатская равнины; III — приморские низменности; IV — современная дельта Атрека

вый, с двумя этапами: а) раннего средневековья (V—VIII вв. н. э.) и б) развитого средневековья (IX—XV вв. н. э.) [3].

Между этими двумя периодами намечается разрыв более чем в 1000 лет, восполнить который по имеющимся археологическим материалам пока не представляется возможным.

По данным геоморфологических исследований, Мисрианская и Чатская равнины могут быть охарактеризованы как аллювиальные низменности, представляющие собой в прошлом две разновозрастные дельты Сумбара и Атрека, формировавшиеся в эпоху максимальной хвалынской трансгрессии Каспия и ее регрессии [4]. В результате более ранних исследований

юго-западной Туркмении. КСИА АН СССР, 132, 1972; *В. П. Костюченко, Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко.* Бенгуванский оазис поселений времени архаического Дахистана. КД, IV, Ашхабад, 1972.

[3] *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана. Соч., II (I), М., 1963, стр. 203, 204; *его же.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Лекция V (9, 10), соч., II (I), М., 1963, стр. 694, 695; *его же.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Соч., III, М., 1965, стр. 46, 47; *М. Е. Массон.* Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция; *В. М. Массон.* Древняя культура Дахистана; *Е. Атагаррыев, Г. Н. Лисицына.* Работы над составлением археологической карты Мешед-Мисрианской равнины — Чатского массива. КД, III, Ашхабад, 1970; *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко.* Древние орошаемые земли средневекового Дахистана. КД, IV, Ашхабад, 1972; *Е. Атагаррыев.* Раскопки на городище Мисриан. КД, IV, Ашхабад, 1972.

[4] *В. В. Александров, Л. А. Никитюк, Г. И. Смолко.* Геологические и гидрологические исследования в Прикаспийской равнине Туркм. ССР в 1929 г. ТР. ЦНИГРИ, 3,

(в частности, А. Г. Доскач) на месте Чатской равнины была выделена высокая древняя Атрекско-Сумбарская дельта, которая является продолжением раннехвалынской террасы Сумбара, сливаясь с ней близ пос. Шарлаук. Абсолютные отметки ее поверхности снижаются в юго-западном направлении от 90—95 *м* (близ пос. Чат) — до 50 *м*, а формирование относится к периоду максимального стояния раннехвалынской трансгрессии Каспия, достигавшей абсолютной высоты 48—50 *м*.

Ниже ее в северо-западном направлении простирается Мисрианская дельта Атрека, поверхность которой снижается на северо-запад и запад до абсолютных отметок около 5 *см*. Формирование ее происходило уже во время отступания раннехвалынского моря. Обе эти дельтовые равнины в рельефе практически неотделимы друг от друга и представляют собой единую, слабо наклонную в западном и северо-западном направлениях поверхность.

О расположении бывших дельтовых протоков помогает получить представление анализ поперечных профилей, пересекающих дельтовую равнину в южной ее половине в меридиональном направлении, а в северной — с юго-запада на северо-восток. В современном рельефе русла этих протоков как отрицательная форма не выражены. В результате как природных, так и связанных с ирригацией аккумулятивных процессов они превратились в плохо заметные визуально, но четко прослеживающиеся при инструментальных съемках, более или менее выпуклые, пологосклонные, относительно узкие и вытянутые в определенных направлениях валообразные формы (рис. 2 и 3). Это так называемые русловые гривы [5], образовавшиеся на месте заполненных наносами русл, слившихся с право- и левобережными прируслoвыми валами. Ширина, высота и форма таких грив весьма разнообразна: крупные имеют ширину до 2—3 *км* и высоту до 6 *м* (рис. 3, I—III), а образовавшиеся на месте более мелких протоков — ширину до 1—1,5 *км* и высоту до 2—3 *м* (рис. 3, IУ—У). В низовьях дельты, где русла дробятся на протоки, русловые гривы ниже и у́же, чем в ее верховьях. Местами можно наблюдать очень сближенные, даже почти слившиеся соседние гривы или присоединившиеся к ним другие положительные формы дельтового рельефа, при этом их ширина достигает 4—5 *км*.

Обосновавшиеся на этой территории в конце II тысячелетия до н. э. племена использовали и приспособили этот рельеф для целей орошаемого земледелия, в результате чего первоначальный ландшафт к настоящему времени оказался сильно видоизмененным. Наложенный на него антропогенный микрорельеф представлен помимо холмов-депе, образовавшихся на местах поселений времени архаического Дахистана, а позднее и развалин средневековых городищ, укреплений и других сооружений, также сложной системой валов, являющихся уже остатками древних разновременных оросительных каналов и арыков. Эти антропогенные валы всегда выражены более четко, чем древнедельтовые, и образуют значительно более густую сеть, чем на дельтовых равнинах Амударьи, Сырдарьи, Зеравшана и других рек, также использовавшихся в прошлом под орошаемое земледелие. Для обеспечения самотечного орошения крупные валы каналов обычно следуют по русловым гривам и другим прируслoвым повыше-

---

М.— Л., 1934; *И. П. Герасимов*. Главнейшие моменты палеогеографии Западной Туркмении во вторую половину четвертичного периода (районы Сарыкамыша, Узбоя, Атрека). «Проблемы физической географии», V, 1938; *А. С. Кесь*. Русло Узбоя и его генезис. Тр. Ин-та географии АН СССР, 30, М.— Л., 1949; *А. Г. Доскач*. Геоморфологический очерк Юго-Западной Туркмении. Природные условия Гл. Туркменского канала. М., Изд-во АН СССР, 1953; *О. К. Леонтьев, П. В. Федоров*. К истории Каспийского моря в поздне- и послехвалынское время. Изв. АН СССР, Сер. геогр., 4, 1953; *А. Л. Девирц, В. А. Зубов, Н. И. Прокофьев, О. Э. Лев. Л. А. Невесская*. Радиоуглеродный возраст раковин морских моллюсков из позднехвалынских террас Апшеронского полуострова. Сб. «Периодизация и геохронология плейстоцена». Геогр. о-во СССР. Л., 1970.

[5] *М. М Рогов*. Гидрология дельты Аму-Дарьи. Гидрометеоиздат, 1957.

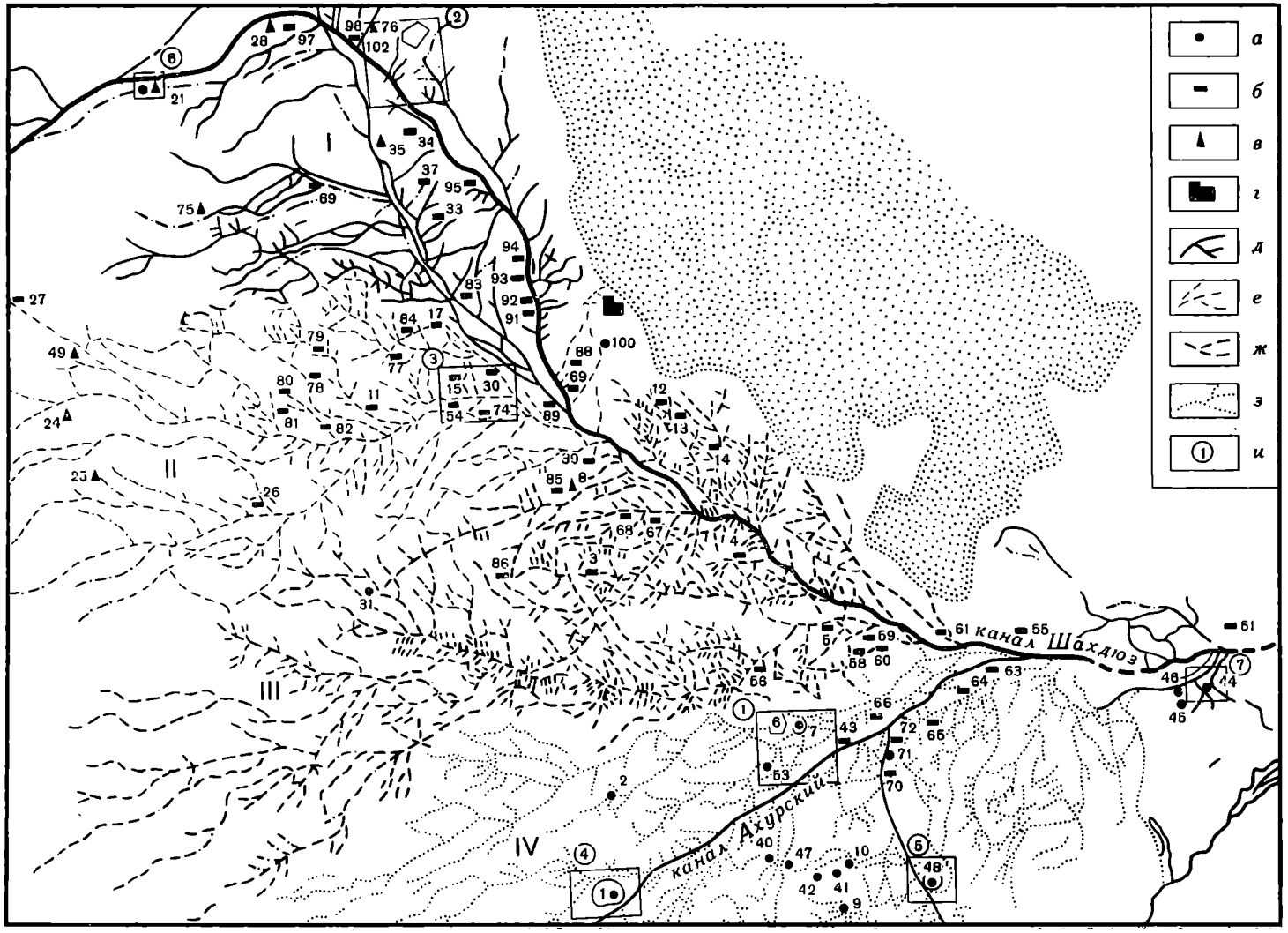


Рис. 2. **Схема валов Мисрианской и Чатской равнин.**

а — памятники времени архаического Дахистана; *б* — памятники развитого средневековья; *в* — памятники раннего средневековья (на публикуемой схеме индекс «Д» опущен и оставлены только цифровые указатели памятников); *г* — современные поселки; *д* — Геокчикская локальная дельта Атрека (I); *е* — Рустемкалинская локальная дельта Атрека (II); *ж* — Изаткулинская локальная дельта Атрека (III); *з* — Ахурская локальная дельта Атрека (IV); *и* — номера ключевых участков

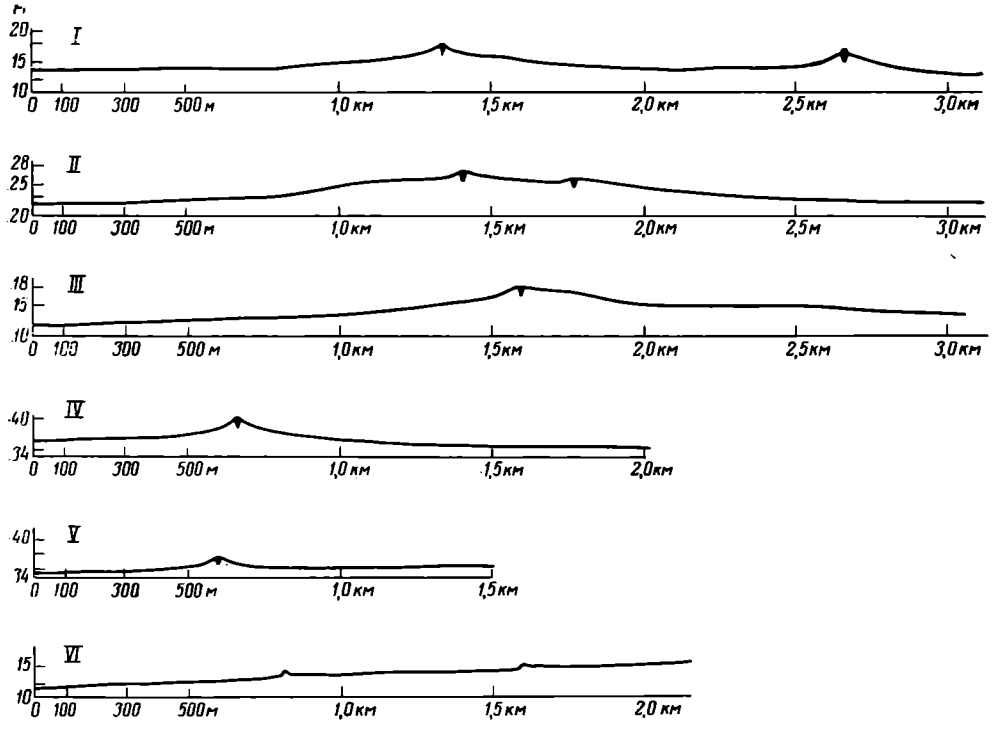


Рис. 3. Поперечные профили через русловые гривы

I — главного русла в северной части Мисрианской равнины; II — главного русла на широте аула Мадау; III — основного русла Рустемкалинской дельты; IV, V — боковых протоков Ахурской дельты; VI — профиль вдоль склона с поперечными ему водосборными валами. *а* — антропогенные валы-каналы

ниям и образуют единую систему, отражающую рисунок радиально расходящихся дельтовых протоков и их рукавов (рис. 2).

Антропогенные валы имеют большей частью крутые склоны, высота наиболее крупных из них достигает 2—2,5 *м*, а ширина у основания доходит до 30—40 *м*. В нижней части валы сильно расширены за счет последующих делювиальных процессов. Часто встречающиеся на их склонах эрозионные борозды и промоинки свидетельствуют о том, что они размываются, а смытый с них материал откладывается у основания склонов валов. Вследствие неравномерности развития процессов денудации и особенно дефляции валы нередко имеют асимметричное строение, при этом относительно более крутые северные и северо-восточные склоны.

Среди антропогенных валов на Мисрианской и Чатской равнинах помимо валов-каналов встречаются и водосборные валы, которые по высоте и ширине могут быть близки к валам-каналам, но они обычно значительно короче их и иначе расположены по отношению к уклонам рельефа. Водосборные валы располагаются поперек склонов, иногда между соседними русловыми гривами, идут, как правило, параллельно друг другу и в настоящее время нередко бывают размыты пересекающими их промоинами и овражками, образованными современным поверхностным стоком (рис. 3, VI). Помимо этих двух типов валов здесь встречаются мелкие валики высотой до 0,2—0,3 *м* и шириной менее 2 *м*, обваловывавшие клетки орошавшихся полей.

Анализ естественных и антропогенных черт рельефа Мисрианской и Чатской равнин позволяет восстановить систему дельтовых русел и протоков Атрека, бороздивших и формировавших поверхность этих дельт (рис. 2). Среди них можно выделить основное русло, которое, по-видимому, следовало по наиболее крупной русловой гриве. Оно занимает относительно более высокое положение и прослеживается почти беспрерывно от

верховий до низовий дельтовой равнины. К ней приурочены системы антропогенных валов, называемых Шахдюз, образовавшихся на месте главного магистрального канала и его ответвлений. В верховях, на Чатской равнине, эта грива имеет широтное направление, а затем плавно поворачивает на северо-запад и на Мисрианской равнине смещается к востоку, следуя дальше в север-северо-западном, а в низовьях в западном направлениях. Вблизи северной границы Мисрианской равнины эта русловая грива разветвляется на ряд более мелких грив, которые образуют как бы самостоятельную небольшую дельту, простирающуюся до абсолютных отметок 4—6 *м*.

В верховьях дельты от основной русловой гривы начинают ответвляться крупные русловые гривы, тянущиеся сначала в юго-западном, а ниже по течению преимущественно в западном и затем в северном направлениях. К каждой из них приурочены антропогенные валы, которые также ветвятся и в свою очередь образуют отдельные оросительные системы.

Учитывая объем стока Атрека и Сумбара, можно предполагать, что их многочисленные дельтовые протоки действовали не одновременно, а в определенной последовательности. В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание своеобразное расположение радиально расходящихся русловых грив, подчеркнутых антропогенным рельефом, объединенных в отдельные узлы и относящихся как бы к отдельным локальным дельтам, составляющим единую Мисрианскую дельтовую равнину. Всего таких локальных дельт здесь намечается четыре, и для удобства изложения они названы по именам крупных городищ, находящихся в их пределах.

О самой северной локальной дельте, названной Геокчикской, уже упоминалось выше. Она располагается в самых низовьях главной русловой гривы, где, как это наглядно видно на схеме (рис 2, д, I), основной магистральный вал Шахдюз начинает делиться на систему валов-каналов, направлявшихся на север-северо-запад и запад. Верховья этой дельты располагаются на абсолютной отметке около 20—25 *м*.

Вторая локальная дельта, так называемая Рустемкалинская, выделяется южнее (рис. 2, е, II). Ее верховья находятся примерно на отметках около 30 *м*, а рукава направляются преимущественно на запад.

Третья локальная дельта, Изаткулинская (рис. 2, ж, III), располагается еще южнее и начинается на отметках около 50 *м*. Главный рукав направлялся на запад, а отходившие от него протоки — на северо-запад и юго запад.

Самая южная локальная дельта, Ахурская (рис. 2, з, IV), берет начало на отметках около 60 *м*, в месте, где Шахдюз меняет направление с широтного на северо-западное. Ее главные рукава имеют юго-западное направление, почти совпадающее с направлением современной долины Атрека.

Все эти локальные дельты по размерам площади очень близки между собой. В рельефе они выражены не очень четко, особенно в верховьях, так что местами антропогенные валы переходят с одной дельты на другую. Объяснить такую нечеткость можно постепенностью перемещения русла Атрека и кратковременностью формирования каждой из этих дельт, что подтверждается и небольшой мощностью аллювиально-дельтовых молодых осадков, которые не успевали сформировать характерного для дельт достаточно выпуклого конуса. При этом важно подчеркнуть, что на отдельных этапах формирования Мисрианской дельтовой равнины в силу тех или иных причин (новейших тектонических движений, неравномерности отступания Каспия и изменения его береговой линии и др.) происходил, по-видимому, поворот всего основного русла, а не ответвление от него отдельных рукавов и образование новой системы радиальных протоков, которые и накапливали осадки на новом месте.

Как хорошо видно на рис. 2, в целом Мисрианская дельтовая равнина в несколько раз превосходит по площади Чатскую дельту, но в то же время

площадь Чатской дельты вполне соизмерима с размерами выделенных локальных дельт, а также с площадью более молодой Караджинской дельты, формировавшейся вслед за Мисрианской равниной в период позднехвалынской трансгрессии, и современной дельтой Атрека.

Следует отметить, что антропогенные валы, тянущиеся по русловым гривам локальных дельт, заканчиваются на разных уровнях: в северной, Геокчикской дельте на отметках +4—+6 *м*, Рустемкалинской—на—7 *м*, Изаткулинской — на — 10; что же касается юго-западной системы валов Ахурской дельты, то они теряются где-то на отметках — 20 *м*.

Вполне возможно, что западные окончания всех этих каналов могли служить не для орошения, а для сброса ирригационных вод, о чем свидетельствует полное отсутствие памятников и следов полей в районе западных отрезков валов. Сбросовые каналы уже не нуждались в командном положении над окружающей равниной и потому могли выходить за пределы русловых грив дельтовых протоков. Отсюда следует, что дельтовые протоки могли заканчиваться восточнее и на более высоких отметках, чем валы каналов. Но в то же время вполне возможно, что наблюдаемая разница в отметках окончания валов в общем отражает если не абсолютные, то относительные различия в отметках устьевых частей протоков отдельных локальных дельт, а это указывает на определенную последовательность их формирования и постепенную миграцию к югу.

Картирование валов Мисрианской и Чатской равнин в целом на всей территории не всегда позволяет четко разграничить естественные и искусственные образования в силу их органической взаимосвязи, поскольку для проведения оросительных каналов обычно использовались русловые гривы и другие прирусловые повышения. На это в свое время обратил внимание В. М. Массон, указавший в своих работах на наличие в основании некоторых древних оросительных каналов Мисрианской равнины так называемых нивелировочных дамб, за которые он, по-видимому, принимал валы древнедельтового рельефа[6]. В этом же плане небезынтересны и сведения, приводимые В. В. Бартольдом, где указывается, что канал, подводивший воду к рабату Дахистан, «поднимался на вал», имевший в ширину 7 футов[7]. Аналогичное строение валов наблюдалось нами при изучении памятников времени архаического Дахистана—Тильки-депе (Д-44) и Мадау-депе (Д-7), а также в окрестностях средневекового рабата Дахистан (Д-102) и др.[8] Именно в силу этого обстоятельства на рис. 2 валы естественного и искусственного происхождения не разграничены. Кроме того, как в период архаического Дахистана, так и в средние века имела место неоднократная перестройка оросительных систем, следствием которой было усложнение общей картины расположения антропогенных валов, что также нашло свое отражение на схеме.

Основные данные для решения вопроса о происхождении валов и истории их образования, кроме изучения их пространственного расположения и связи с другими элементами рельефа и особенно микрорельефа, были получены в результате изучения геологического строения валов, которое производилось с помощью прокопки поперечных траншей через них, описания и зарисовок их разрезов.

Эта работа была начата на Мисрианской равнине в 1951—1953 гг. во время археологических исследований X отряда ЮТАКЭ В. М. Массоном, которым были заложены поперечные траншеи через валы у некоторых архан-

---

[6] *В. М. Массон.* Древнее орошение на Мисрианской равнине. Сб. «Земли древнего орошения». М., 1969, стр. 100.

[7] *В. В. Бартольд.* К истории орошения Туркестана. Соч., т. III, М., 1965, стр. 121.

[8] Памятники Мисрианской и Чатской равнин при составлении археологической карты были индексированы шифром «Д» (Дахистан) и пронумерованы по ходу их описания независимо от возраста. Каталог памятников древнего Дахистана опубликован в статье: *Е. Атагаррыев и Г. Н. Лисицына.* Работы над составлением археологической карты..., стр. 180—182.

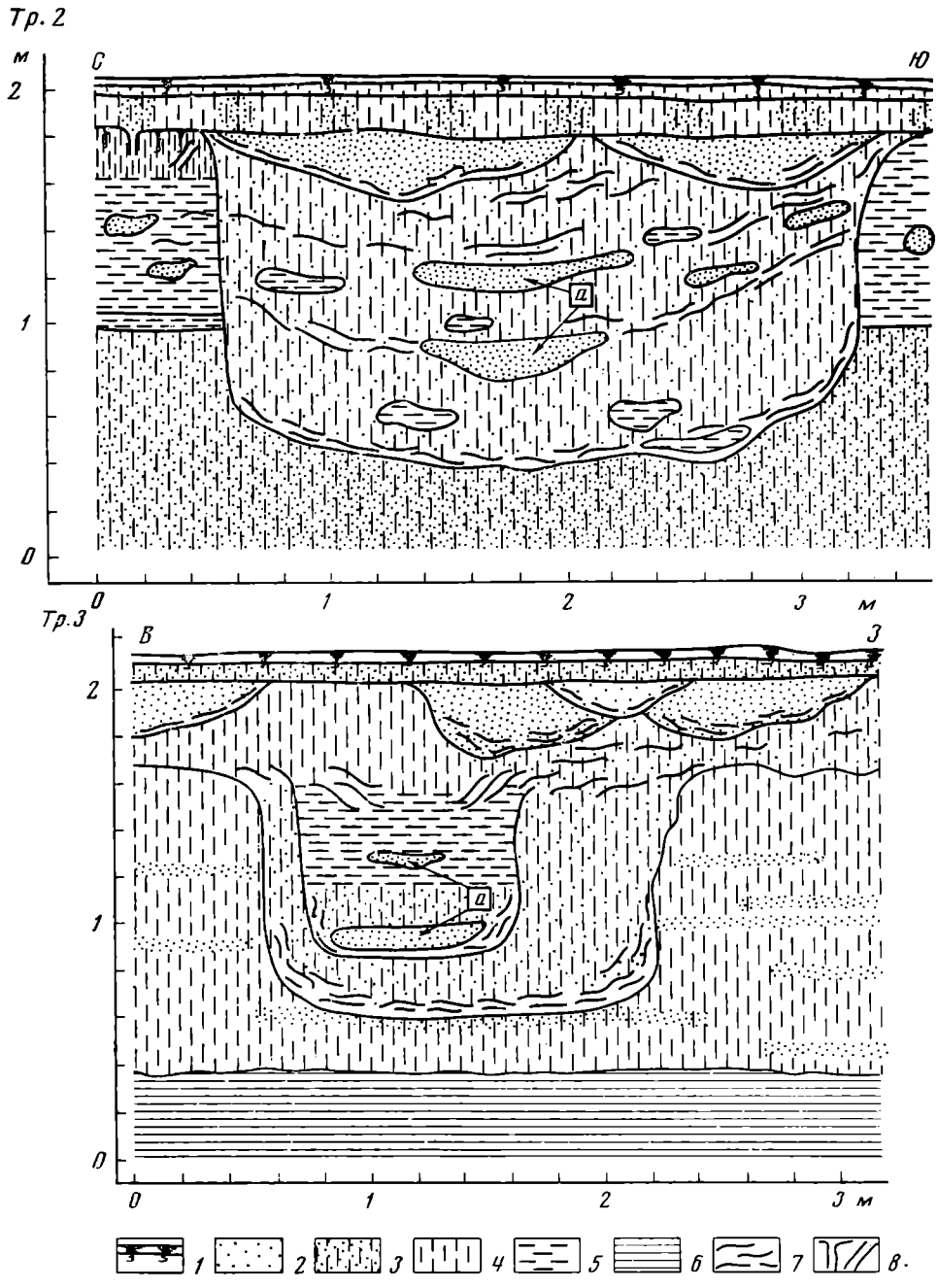


Рис. 4. Поперечные разрезы через оросители 1-го и 2-го порядка у Мадау-депе
1 — современный почвенный горизонт; *2* — песок; *3* — супесь; *4* — суглинок; *5* — легкая глина; *6* — глина; *7* — глинистые прослои; *8* — ходы насекомых

ческих и раннесредневековых памятников—Геокчик-депе (Д-21), Д-19, Изат-Кули (Д-31) и Ортадепеслик (Д-24). В этих траншеях были вскрыты линзы, состоящие из супесчано-суглинистых и песчано-глинистых отложений водного происхождения и хорошо прослеживающиеся справа и слева от них боковые отвалы, образовавшиеся при рытье и очистке каналов. Если размеры вскрытых В. М. Массоном валов колеблются в пределах до 30 *м* в ширину и до 2 *м* в высоту, то размеры линз не превышают в ширину 2,8 *м* при средней глубине до 1,5 *м*[9].

[9] *В. М. Массон.* Древнее орошение..., стр. 98, 99.

Во время полевых работ 1969—1971 гг. нами было вскрыто еще несколько валов, соответствующих каналам различного порядка, что позволило составить достаточно полное представление об их строении[10]. Форма линз каналов, как правило, сохраняет четкие следы искусственной прокопки и в отличие от русл имеет почти отвесные стенки и плоское дно (рис. 4). Анализ водных отложений, заполняющих линзы каналов, позволяет констатировать последовательные стадии функционирования оросителей, отмеченные линзообразно залегающими прослоями суглинков и глин, фиксирующих каждый новый уровень их дна. Система вложенных друг в друга линз, вскрытая в ряде разрезов, свидетельствует о длительной истории существования отдельных каналов и постепенности процесса их заиливания. Заплывшие и превратившиеся в валы каналы нередко вторично использовались либо как дамбы для прокладки новых оросителей, либо как разделители полей.

Для более детального изучения систем валов были выбраны отдельные «ключевые участки» у разновременных памятников (рис. 2, *1—7*), что позволило в более узких рамках изучить характер и строение валов, образовавшихся на местах естественных и искусственных водотоков, установить несколько категорий оросительных сооружений с учетом их размеров и внешней выраженности, соответственно различным по размерам оросителям; выявить валы и соответствовавшие им каналы, относящиеся к различным историческим периодам; в отдельных случаях восстановить устройство водоотводных и водопропускных сооружений; наметить участки древних полей и установить возможные принципы их орошения.

Из семи ключевых участков, детально исследованных во время полевых работ 1969—1971 гг., в настоящей статье мы остановимся на характеристике только двух. Этого достаточно, чтобы получить наглядное представление не только об особенностях отдельных микрорайонов, расположенных в разных частях исследуемой территории, но и о методике комплексных работ, широко использованных для изучения истории земледелия как в юго-западной Туркмении, так и в других областях юга Средней Азии.

На одном из рассматриваемых участков оросительные системы времени архаического Дахистана оказываются перекрытыми более поздними средневековыми системами; на втором наблюдаются следы только средневекового орошения.

Участок I расположен вокруг средневекового г. Ахур (Д-6) и поселений времени архаического Дахистана Мадау-депе (Д-7) и Д-53, в районе верховий Мисрианской дельтовой равнины (рис. 5). Последняя имеет здесь очень пологий уклон в юго-западном и западном направлениях и постепенно снижается в пределах участка от абсолютных отметок около 50 *м* на востоке до 42—43 *м* на западе. Примерно в 10 *км* восточнее участка бывшее главное русло дельты поворачивало на юго-запад («магистральный Ахурский канал») и, по-видимому, делилось на два основных рукава («каналы А и Б»), выраженные сейчас в виде пологосклонных русловых грив, возвышающихся на 1—2 *м* и тянущихся на запад и юго-запад (рис. 2 и 5). Они в свою очередь ветвятся на русловые гривы более мелких протоков, которые бороздили поверхность Ахурской локальной дельты. По гребням всех русловых грив прослеживаются валы более или менее крупных каналов.

Исследованный участок очень сложен для восстановления древней оросительной сети, поскольку здесь в непосредственном соседстве находятся два крупных разновозрастных поселения — архаическое Мадау-депе, расположенное в центре участка, и средневековый Ахур, в его западной части. Мадау-депе состоит из центрального укрепленного холма высотой 10—12 *м* и шести усадеб. Западные и юго-западные усадьбы Д-7 *д*, *г* и *е* в поверхно-

[10] *Г. Н. Лисицына.* О работах в юго-западной Туркмении..., стр. 56, 57, рис. 28; *Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко.* Тильки-депе и некоторые вопросы палеогеографии..., стр. 8, рис. 3; *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко.* Древние орошаемые земли..., стр. 153—155, рис. 4.

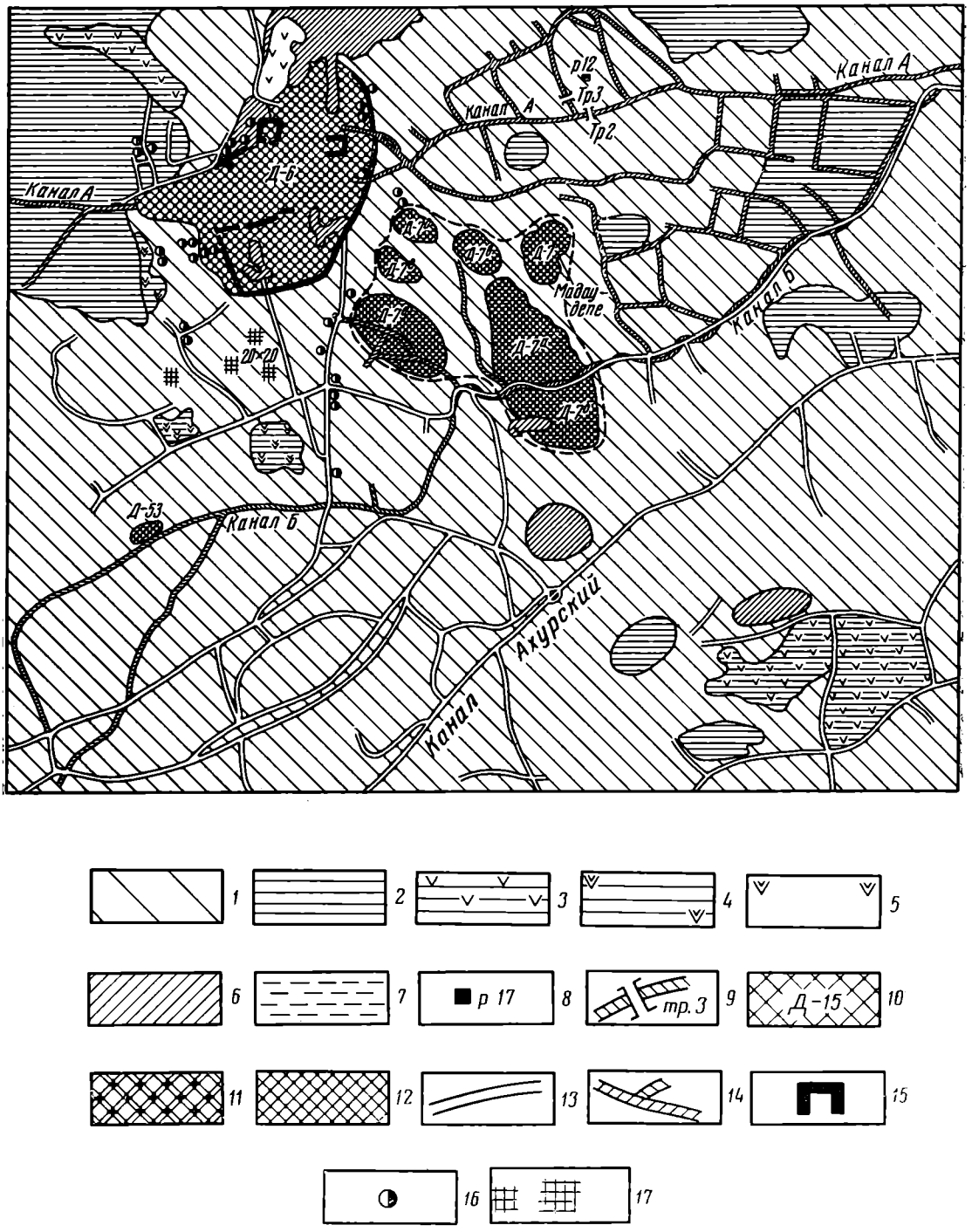


Рис. 5. Схема ключевого участка у Мадау-депе и городища Ахур

Условные обозначения к рис. 5 и 6: *1* — комплекс такыровидной почвы и такыра зарастающего; *2* — комплекс такыра типичного и лишайникового; *3* — такыр солончаковый; *4* — солончак такырный; *5* — солончак пухлый; *6* — свежеотложенный наплок — «кырманча»; *7* — такыр каковый; *8* — почвенные разрезы; *9* — траншеи через каналы; *10* — поселения средневековые; *11* — поселения раннесредневековые; *12* — поселения времени архаического Дахистана; *13* — каналы средневековые; *14* — каналы времени архаического Дахистана; *15* — стены поселений и городищ, отдельные постройки; *16* — кирпичеобжигательные печи; *17* — поля, использовавшиеся под посевы риса или огороды

стном слое, кроме керамики времени архаического Дахистана, содержат большое количество керамики эпохи развитого средневековья. Отмечено также большое количество смешанной керамики в переходной зоне между стенами Ахура и западными усадьбами Мадау-депе. Не исключено, что культурные слои времени архаического Дахистана могут быть обнаружены и под постройками средневекового города.

Развалины Ахура по площади почти равны поселению Мадау-депе и составляют 196 *га,* но отдельные находки поливной керамики XIV в. встречаются на значительно большей территории, преимущественно к югу и юго-востоку от городских построек.

Подробное обследование древней оросительной сети на участке площадью 25 *км*^{2} позволило выявить разновременные ирригационные каналы, относящиеся как к архаическому времени, так и к средним векам, и проследить характер их взаимосвязей. К северу и востоку от Мадау-депе в основном прослеживается ирригационная сеть, относящаяся ко времени архаического Дахистана. Два крупных канала, ответвляясь от основной Ахурской магистрали, тянутся в западном и юго-западном направлениях. Канал А, являющийся оросителем 1-го порядка, в пределах участка проходит в широтном направлении, севернее архаического поселения, подходит с востока к средневековому городу и далее идет к архаическому поселению Чиглык-депе (Д—2). Судя по тому, что стены из пахсы, окружающие шахристан Ахура, пристроены к валу, образовавшемуся на месте канала А, можно считать, что его формирование завершилось задолго до возведения городских построек, которые его полностью перекрыли. В западной части участка канал А выходит из-под построек XIV в. и далее прослеживается в виде очень расплывчатого вала.

Восточнее Ахура от этого канала в северном направлении под прямым углом отходит серия оросителей 2-го порядка, оконтуривающих крупные земельные участки площадью 300 × 300 *м,* 300 × 400 *м.* Через канал А и боковой отвод 2-го порядка были заложены поперечные траншеи (рис. 4). В разрезе канала А четко прослеживается русловая линза с почти вертикальными боковыми стенками и плоским дном. В эту основную линзу шириной до 3 *м* при глубине 1,65 *м* врезаны две линзочки более позднего промыва. Ниже этих линз, по всей ширине поперечного профиля, отмечены водные отложения, также залегающие линзообразно, которые либо принадлежат еще более древнему и более крупному каналу, либо являются уже остатками отложений естественного русла дельтового протока, на месте которого образовалась русловая грива. Разрез отходящего от канала А оросителя 2-го порядка в миниатюре повторяет разрез основного канала, имея с ним совершенно идентичные слои. Для него характерны две линзы каналов, вложенные одна в другую и имеющие четкие искусственные формы с отвесными вертикальными стенками и плоским дном. В более молодом вложенном русле обращают на себя внимание линзочки тонкозернистого, неправильнокосослоистого песка (слой *а*), аналогичные линзочкам песка в разрезе магистрального канала (также слой *а*), что свидетельствует о несомненной связи этих двух оросителей и одновременном отложении в них указанных горизонтов.

Канал Б также относится к оросителям 1-го порядка, имеет направление с северо-востока на юго-запад и довольно извилист. Это еще одно доказательство того, что он был проложен по гребню русловой гривы. Все земли, расположенные к востоку от Мадау-депе и заключенные между каналами А и Б, представляют собой массив древних полей, относящихся ко времени архаического Дахистана. Валы, образовавшиеся на месте боковых каналов 2-го порядка и арычной сети, очень расплывчаты; в местах их отвода от каналов 1-го порядка отмечены несложные по своей конструкции водоотводные сооружения.

Канал Б в своей западной части перекрыт культурным слоем времени архаического Дахистана усадеб Д—7*а* и *е*. Это чрезвычайно важный мо-

мент, свидетельствующий о том, что канал был заброшен еще в пору существования архаического поселения, заплыл, превратился в вал и был включен древним населением в ареал одной из усадеб.

Аналогичная картина в свое время отмечалась В. М. Массоном во время обследования района поселения Изат-Кули (Д—31), где канал, проходивший южнее памятника, был заброшен еще в период жизни поселения, заплыл, превратился в вал и перекрыт культурным слоем времени архаического Дахистана метровой мощности [11].

На продолжении канала Б, в его юго-западной части, находится небольшое поселение времени архаического Дахистана (Д—53).

Ирригационная сеть эпохи развитого средневековья, принадлежавшая г. Ахур, занимает всю юго-восточную и южную часть исследуемого участка. Она довольно сложна по своему построению и, по-видимому, относится к разным этапам средневековья. Вал архаического канала Б в середине века был использован как дамба для устройства средневекового канала, при этом его трасса была значительно спрямлена. Южнее города на этом канале и его боковых отводах расположена большая группа кирпичеобжигательных печей. Несколько западнее ее находится участок древних полей, каждое из которых имеет площадь 20 × 20 *м* и оконтурено насыпными, хорошо прослеживающимися в микрорельефе валиками, разомкнутыми в противоположных углах, что создавало возможность их одновременного орошения. Указанные размеры полевых участков соответствуют принятым стандартом, используемым как под посевы такой интенсивно орошаемой культуры, как рис, так и под огороды. На всей остальной территории орошаемые земельные участки имеют площади, колеблющиеся в пределах 300 × 300 *м*, 400 × 400 *м* и др., что скорее всего свидетельствует об использовании их под посевы зерновых культур.

Необходимо отметить, что принципиальных различий в построении оросительных систем времени архаического Дахистана и развитого средневековья на этом участке выявить не удалось. Более того, обращает на себя внимание именно однотипность основных принципов устройства разновременных ирригационных сооружений.

Одновременно с изучением древней оросительной сети на данном ключевом участке В. П. Костюченко было проведено картирование современного почвенного покрова. Его результаты показали, что наибольшее распространение здесь имеет комплекс такыровидной почвы и такыра, зарастающего эфемерами, являющийся основным почвенным фоном. На нем выделяются отдельные контуры другого почвенного комплекса, образованного такырами типичными и лишайниковыми. Изредка встречаются участки, занятые такыром солончаковым и солончаком такырным.

Такыровидные почвы и такыры зарастающие развиты в зоне интенсивной ирригации, на участках древних полей. Такыры типичные и лишайниковые покрывают выровненные участки со слабо выраженными следами древней ирригации, которые обычно представляют собой переходную зону от культурных земель к невозделывавшимся. Такыр солончаковый и солончак такырный развиты за пределами древних полей на пониженных участках рельефа, чаще всего приуроченных к межгривным понижениям, куда происходил сброс ирригационных вод. Эти понижения нередко покрыты свежеотложенным наилком, поскольку здесь и теперь временно скапливаются атмосферные осадки.

В целом современный почвенный покров рассматриваемой территории представлен маломощными и низкоплодородными такыровидными почвами и в той или иной степени засоленными такырами. Однако почвенные разрезы, заложенные на участках древних полей, показали, что под типичными горизонтами такыровидной почвы залегает довольно мощный, до

---

[11] *В. М. Массон.* Памятники культуры..., стр. 402.

Рис. 6. Схема ключевого участка у развалин рабата Дахистан
Условные обозначения см. к рис. 5

1—2 *м*, древний агроирригационный горизонт, который характерен для всей культурной зоны Мисрианской и Чатской равнин [12].

Участок II был выделен у развалин средневекового рабата Дахистан (Мешхед и Мисриян) и укрепления эпохи раннего средневековья (Д—76) (рис. 6). Он расположен в северной части Мисрианской дельтовой равнины в верховьях ее северной Геокчикской локальной дельты. Непосредственно к западу от участка находится северный пучок разветвлений каналов системы Шахдюз[13]. Основной магистральный канал Шахдюз проходит по гребню русловой гривы низовий главного русла, приуроченной к наиболее высокой выпуклой части дельты, имеющей отметки 14—15 *м* над уровнем моря. Отсюда к северо-востоку и юго-западу поверхность равнины полого снижается. Развалины Дахистана располагаются на отметках 9—10 *м*, а к северу, востоку и юго-востоку от городища простирается на многие километры понижение с отметками 6—7 *м*, занятое обширным солончаком (рис. 3,*1*). Это понижение тянется вдоль северо-восточной окраины Мисрианской дельтовой равнины до песков Маша. На последних этапах формирования дельты здесь постоянно застаивалась вода, происходило заболачивание, а следствием интенсивного испарения как поверхностной воды, так и подтягивавшихся грунтовых вод явилось интенсивное засоление грунтов. Сложено днище понижения тяжелыми суглинками и глинами, также насыщенными солями.

[12] *Е. В. Лобова, В. П. Костюченко.* Почвы юго-западного Туркменистана как объект освоения. «Проблемы освоения пустынь», 4. Ашхабад, 1972; *В. П. Костюченко, Г. Н. Лисицына.* Некоторые особенности развития ирригационного земледелия в аридной зоне. «Проблемы освоения пустынь», 4. Ашхабад, 1973.

[13] *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко.* Древние орошаемые земли..., рис. 1.

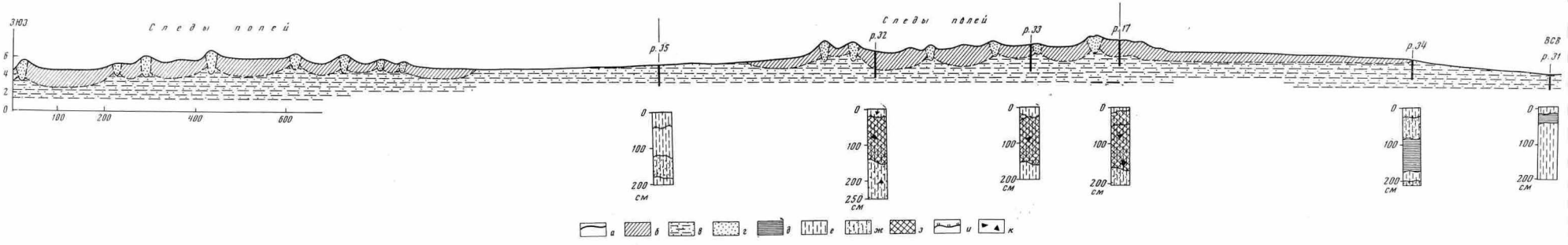


Рис. 7. Почвенно-геоморфологический профиль к югу от развалин рабата Дахистан
Условные обозначения к профилю: *а* – современная почва; *б* – агроирригационный горизонт; *в* – аллювиально-дельтовые отложения; *г* – отложения древних каналов. Условные обозначения к почвенным разрезам: *д* – глина; *е* – суглинок; *ж* – супесь; *з* – агроирригационный горизонт; *и* – граница современного почвообразования; *к* – включения фрагментов керамики, угольков и пр.

Плоский рельеф Геокчикской дельты, имеющий здесь общий уклон в северо-западном направлении, сильно видоизменен многочисленными антропогенными формами, представленными разветвленной сетью разнообразных валов и буграми развалин.

Исследованный участок охватывает площадь, равную почти 30 *км*², и характеризует в основном древние орошаемые земли эпохи развитого средневековья, расположенные на главном оросительном канале Шахдюз и его боковом отводе Шахдюз I.

Развалины Дахистана находятся в центральной части участка и представляют собой пятпугольное в плане городище, обнесенное двойным рядом стен, к западу, югу и юго-востоку от которых расположен пригород с большим количеством кирпичеобжигательных печей и жилых построек. За северо-восточной стеной сохранились развалины мечети и караван сарая.

Массив орошаемых земель зафиксирован в южной части и занимает площадь в 1200 *га*. Канал Шахдюз I — магистральный канал, подводивший воду непосредственно к городу и закапчивавшийся водоемом, с которым связан южный комплекс кирпичеобжигательных печей. Непосредственно от канала в обе стороны под прямым углом отходила густая сеть боковых оросителей, питавших многочисленные арыки, непосредственно разделявшие поля. Поля вытянуты вдоль основного канала полосой 1—1,2 *км*. Отвод воды из канала в оросители 2-го порядка производился с помощью специальных сооружений, условно именуемых шлюзами. Один такой шлюз, раскопанный нами в 1970 г., представлял собой два кирпичных устья с пазами, в которые крепился металлический стержень с подвижной заслонкой [14]. На этом участке древних орошаемых земель имела место неоднократная перестройка оросительной сети и перепланировка полей.

Очень сложный рисунок имеет ирригационная сеть, связанная собственно с каналом Шахдюз, представленная оросителями 1-го и 2-го порядка. Из этого канала орошалась значительная площадь, расположенная к юго-западу от развалин. Ширина полосы культурных земель достигает здесь 2,5 *км*. Близ раннесредневекового укрепления Д-76 сеть каналов очень редкая и гораздо хуже выражена в рельефе.

О характере микрорельефа и распространении древних ирригационных сооружений, а также разных типов почв можно судить по почвенно-геоморфологическому профилю (рис. 7). Профиль проведен через древние поля в 1,5 *км* к югу от развалин Дахистана. На нем четко видны крупные валы на месте бывших магистральных каналов и каналов 1-го порядка, проходящие по гребням русловых грив, и ответвлявшиеся от них более мелкие валы каналов, подававших воду на поля, расположенные по склонам русловых грив. Профиль пересекает два массива земель древнего орошения: один полностью (ширина его 1,2 *км*), а второй частично, на протяжении 1,1 *км*. Восточный из них орошался водой каналов Шахдюз и Шахдюз I, а западный — водой крупного ответвления от канала Шахдюз. Между этими массивами полей простирается широкое межгривное понижение, занятое хаковым такыром, который некоторое время использовался под орошаемое земледелие, но затем был заброшен. С древними культурными землями в настоящее время связано распространение комплекса почв такыровидных и такыров зарастающих, под современными профилями которых почвенными разрезами вскрыты агроирригационные горизонты значительной мощности.

Южнее канала Шахдюз, в центре крупных орошаемых участков, а также в понижении между культурными землями каналов Шахдюз и Шахдюз I отмечены участки такыров, где в почвенных разрезах древних агроирригационных слоев не обнаружено, что позволяет предполагать возмож-

[14] *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко.* Ук. соч., рис. 2, стр. 153—155.

ность использования этих понижений для сброса излишков ирригационных вод. Большая часть земель, расположенных к северу, востоку и юго-востоку от рабата, т. е. весь северо-восточный угол исследуемой территории, представляет собой такыр солончаковый и пухлый солончак (восточный конец профиля). Они приурочены, как уже говорилось, к понижению, находящемуся на 5—6 *м* ниже зоны орошаемых земель. Почвенные разрезы, заложенные на пухлом солончаке, вскрыли до глубины 2—2,5 *м* очень сильно насыщенные солями отложения, не затронутые антропогенным влиянием. Высокая степень засоленности (свыше 3%) и ее нарастание с глубиной позволяют не согласиться с мнением некоторых авторов [15], считающих, что в средние века этот участок служил местом сбора атмосферных вод, использовавшихся древним населением для бытовых нужд и орошения. Несомненно, что уже в средние века участок, ныне занятый солончаком, служил местом сброса ирригационных вод, о чем наглядно свидетельствует рисунок оросительной сети, связанной с каналом Шахдюз I.

К востоку и юго-востоку от стен рабата хорошо прослеживается переходная полоса от культурной зоны к солончаку, где можно видеть обрывки оросительных каналов, развалины кирпичеобжигательных печей и обилие керамики на поверхности. В отличие от культурных земель здесь развиты не такыровидные почвы, а такыровидные солончаки или солончаки такырные.

Как известно из письменных арабских источников, Дахистан был построен как пограничное укрепление (рабат) и располагался «на краю степи» [16]. Изучение окрестностей рабата подтвердило древнюю топографию района, показав, что действительно развалины рабата находятся непосредственно на стыке культурной зоны с никогда не заселявшимися и не осваивавшимися под земледелие пространствами. Об этом же говорит и рисунок оросительной сети, которая идет в направлении с юго-востока на северо-запад, делая южнее и западнее развалин резкий поворот на запад и юго-запад. Система оросительных каналов, связанная с магистралью Шахдюз, подводит воду к сравнительно немногочисленным средневековым поселениям и постепенно переходит в систему дренажных каналов, выходящих и заканчивающихся на Приморской низменности.

Анализ рисунка валов как на приведенных ключевых участках, так и в других районах Мисрианской и Чатской равнин, материалы аэрофотосъемки, данные замеров валов, а также изучения их поперечных профилей позволяют условно подразделить соответствующие им оросители на несколько групп: 1) магистральные каналы, идущие по русловым гривам основных протоков локальных дельт; 2) оросители 1-го порядка, приуроченные к русловым гривам крупных протоков локальных дельт; 3) каналы 2-го порядка, следующие по мелким протокам локальных дельт и поперек склонов грив; 4) мелкая арычная сеть.

Примерные размеры магистральных каналов и других оросителей, установленные на основании фактических данных в соответствии с предлагаемым условным делением, даны в таблице.

Магистральные каналы и каналы 1-го порядка всюду располагаются на господствующих элементах рельефа, приуроченных чаще всего к гребням русловых грив и прирусловых валов. Благодаря такому положению этим каналам были подкомандны значительные площади, орошение которых производилось системой отводных каналов 2-го порядка, а также сетью мелких арыков. Оросители 2-го порядка отходят как от магистраль-

---

[15] *Б. А. Корнилов, В. А. Тимошкина.* Рельеф и древние мелиоративные сооружения в юго-западной Туркмении. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 4, 1971.

[16] *В. В. Бартольд.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Соч., III, М., 1965, стр. 46, 47; *его же.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Очерк истории туркменского народа. Соч., II (I), М., 1963, стр. 694, 695.

Таблица размеров основных групп оросителей в юго-западной Туркмении *

Район	Категория каналов и оросителей	Архаический Дахистан		Средние века (IX—XIV вв. н. э.)	
		размеры, *м*			
		ширина	глубина	ширина	глубины
Юго-западная Туркмения	Магистальные каналы	5 — 8	2,3 — 2,7	8 — 12 (15)	до 3
	Оросители 1-го порядка	1,5 — 3 (5)	1,2 — 1,65	2 — 4 (5)	1,2—1,7
	Оросители 2-го порядка	0,8 — 1,3 (1,6)	0,8 — 1,0 (1,2)	0,9 — 1,8 (2)	0,6—1,0 (1,2)
	Мелкие арыки	0,5 — 0,7 (0,8)	0,4 — 0,5 (0,8)	0,5 — 0,7	0,4—0,5 (0,6)

* В скобках указаны цифры возможных пределов колебаний.

ных каналов, так и от оросителей 1-го порядка под прямым углом, для чего требовалось устройство специальных водоотводных сооружений. Арычная сеть имеет в плане самый разнообразный рисунок в зависимости от характера орошения и размеров орошаемых полей. Во внешнем выражении валики, оставшиеся на месте мелких арыков, и насыпные валики, оконтуривавшие небольшие по площади клети полей и огороды, практически неотличимы друг от друга и прослеживаются в микрорельефе далеко не всегда.

К сожалению, провести сопоставление размеров оросителей юго-западной Туркмении с размерами хорошо изученных и хронологически одновременных оросителей дельтовых районов других рек, в частности, таких, как Амударья и Сырдарья, весьма затруднительно, поскольку эти реки гораздо более мощные водные источники, чем Атрек, что в известной мере определяет и большую мощность оросительных сооружений. Тем не менее для эпохи поздней бронзы такое сопоставление в принципе возможно. Так, ширина магистральных каналов в дельте Амударьи для этого времени колеблется в пределах 3,5—4 *м*, оросителей — 2—3 *м*, арыков от 0,5 до 1,5 (1,7) *м* (данные замеров глубин, к сожалению, имеются только на чертежах и не приводятся в тексте) [17], что близко к отмеченным в таблице размерам оросительных сооружений юго-западной Туркмении.

Сопоставление же средневековых систем исследуемого района с аналогичными системами в дельтах Амударьи и Сырдарьи, по нашему мнению, вообще невозможно. В средние века оросительные системы Хорезма были гораздо более мощными по объему, поскольку они принадлежали одному из крупнейших Среднеазиатских государств, тогда как Дахистан развивался по канонам провинциального земледельческого оазиса.

Орошаемые поля были вытянуты вдоль магистральных каналов и каналов 1-го порядка, образуя полосы культурных земель различной ширины от 700—800 *м* до 2,5 *км*.

Размеры полей, как видно из приведенных выше данных, весьма различны, что было обусловлено, по-видимому, не только условиями микрорельефа, почвенного покрова, но и ассортиментом высевавшихся на них сельскохозяйственных культур. Так, например, участки полей площадью 400 × 400, 300 × 400, 300 × 300 и 250 × 250 *м* (у Мадау-депе), 150 × 90, 100 × 120 *м* (у Тильки-депе) и другие, аналогичных размеров, использовались, насколько можно судить, под посевы зерновых культур — пшеницы и ячменя, отпечатки семян которых обнаружены в сырцовых кирпичах

[17] *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, стр. 102—113, 116—135, 137—145, 151—167, 169—180.

памятников времени архаического Дахистана[18]. Массивы полей, где площадь отдельных участков составляет 20 × 20, 25 × 25 и т. д. до 50 × 50 *м*, оконтуренные слабозаметными в рельефе валиками, использовались видимо, под посевы риса или под огородные культуры. О разведении их упоминается в письменных арабских источниках.

Помимо этого на Мисрианской и Чатской равнинах встречаются участки с хорошо прослеживающимися грядовыми посадками. Возможно, что это бывшие виноградники, аналогичные им участки с грядовым микрорельефом зафиксированы в Древнем Хорезме [19]. Площадь двух таких виноградников, встреченных южнее средневекового городища Кичи-Кесик (Д-15), соответственно равна 200 × 700 *м* и 300 × 110 *м*, при размерах грядок 7,5 на 1,5 *м* и расстоянии между грядами 0,9—1 *м*.

По вопросу об источниках водоснабжения населения и орошения земель в юго-западной Туркмении существуют две точки зрения. Одни исследователи утверждают, что таким источником являлся поверхностный временный сток, формирующийся из атмосферных осадков, и что валы Мисрианской и Чатской равнин существовали для сбора атмосферных осадков. Другие же считают, что водоснабжение и орошение на этих равнинах обеспечивались водами Атрека и Сумбара. В пользу первой точки зрения как будто говорит то, что количество воды, сбрасываемое многочисленными долинами и саями Западного Копетдага на низменность, довольно значительно и, кроме того, существующий глубокий каньон с отвесными стенками, по которому протекают Сумбар и Атрек, служил серьезным препятствием для использования их вод. Для этого необходимо было поднимать воду на 30—40 *м*, что, по мнению этих исследователей, невозможно [20].

Вместе с тем проведенные нами исследования и весь собранный материал подтверждают правильность взглядов о том, что основным источником водоснабжения и орошения исследуемой территории были Сумбар и Атрек.

Совершенно очевидно, что для обеспечения существования крупного земледельческого оазиса, каким был древний Дахистан, где, по нашим ориентировочным подсчетам, одновременно орошалось более 100 тыс. *га*, требовался постоянный и притом достаточно мощный источник воды. Этим источником не могли быть атмосферные воды, создающие временный поверхностный сток, по следующим причинам.

Во-первых, количество атмосферных осадков в юго-западной Туркмении колеблется от 180 до 230 *мм* в год и выпадают они преимущественно осенью и зимой. Совершенно очевидно, что такое количество осадков не могло обеспечивать регулярную ирригацию и тем более возделывание такой культуры, как рис.

Во-вторых, не обнаружено каких-либо сооружений для круглогодичного хранения воды в количествах, которые могли бы обеспечить водоснабжение населения таких крупных населенных пунктов, как рабат Дахистан, Рустем-кала, Ахур и др.

В-третьих, основное количество атмосферной воды, стекающей с Копетдага, поступает на подгорные равнины, расположенные севернее Мисрианской и Чатской дельтовых равнин, и в то же время археологические памятники и земли древнего орошения на них полностью отсутствуют. На Мисрианскую равнину воды временного стока из-за расположенных восточнее Мешедкумов попадают лишь в незначительных количествах, при этом вода сосредоточивается в мелких западинах, преимущественно

---

[18] Определения Л. В. Прищепенко

[19] *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья, стр. 122, 128, 133, 139, 141, рис. 35 и 38.

[20] *Б. А. Корнилов, В. А. Тимошкина.* Рельеф и древние мелиоративные сооружения...; *С. И. Шувалов.* О землях юго-западной зоны орошения Главного Туркменского канала. «Почвоведение», 4, 1952.

в восточной части равнины и вследствие интенсивного испарения сохраняется в течение нескольких дней или, изредка, недель.

Древнее население Мисрианской и Чатской равнин безусловно использовало воды временного стока, однако восстановленная на рис. 2 сеть древних валов с этим использованием никак не связана, а представляет собой остатки сложной оросительной системы, объединенной в общий ствол, берущий начало ниже слияния рек Сумбара и Атрека [21].

Результаты исследования древних оросительных сооружений в юго-западной Туркмении позволяют отметить специфику развития оросительных систем, приемов и способов орошения в этом районе, отличную от других близких по природным условиям областей, и дают в руки археологов конкретные материалы по истории орошаемого земледелия эпохи поздней бронзы и раннего железа, а также отдельных этапов средневековья. Это позволяет заполнить лакуны, имеющие место при восстановлении общей последовательной картины развития земледельческого производства в Южной Туркмении. Помимо чисто исторического значения изучение Дахистанской оросительной сети имеет и несомненную практическую значимость в связи с предстоящим орошением Мисрианской и частично Чатской равнин водами Каракумского канала, которое не может проводиться без учета особенностей микрорельефа, распределения древних культурных зон и специфики почвенных условий.

A. S. Kess, G. N. Lissitsina

INSTALLATIONS ANCIENNES D'IRRIGATION EN TURKMENIE SUD — OUEST

Résumé

L'aire des terres irrigables dans les limites de la Turkménie Sud — Ouest couvre les dépressions des anciens deltas de Soumbar et d'Atrek. Ce territoire des plaines dites de Misrian et de Tchat, à la différence des autres régions de la Turkménie méridionale, n'était peuplé par l'homme qu'à la fin du II millénaire avant n. è. et, à partir de ce temps et jusqu'au XVI s. de n. è., il y existait à de courts intervalles près, une oasis de l'agriculture ancienne connue sous le nom de Dahistan.

La civilisation, à peu près de trois millénaires de la durée, a laissé dans cette région de nombreux vestiges sous forme des sites archéologiques des époques et des genres différents et des debris du système ancien d'irrigation dont sont demeurés des enceintes. La disposition spatiale de ce système est étroitement liée aux éléments principaux du relief naturel de l'ancien delta. Les investigations conjuguées archéologique, géomorphologique et celles dont l'objet était l'étude du paléosol, effectuées au Dahistan ont permis de mettre au jour plusieurs catégories d'installations irrigatoires compte tenu de leurs dimensions et de leur aspect exterieur relatifs aux unités irrigatoires de dimensions différantes; de délimiter les enceintes et les canaux associés se rapportant aux périodes historiques différents; de réconstituer l'aménagement des installations déstinées à la déviation et le passage de l'eau; tracer l'emplacement des champs anciens et les principes éventuels le leur irrigation.

Le système irrigatoire ancien de Dahistan s'alimentait à partir des eaux d'Atrek et de Soumbar.

---

[21] Арабские письменные источники отмечают, что для орошения древнего Дахистана использовались воды Атрека, на котором выше устья Сумбара, по-видимому, находилась плотина. Вода из водохранилища с помощью акведука перебрасывалась через Сумбар и поступала на равнину.

А. Т. РАМИШВИЛИ

РАСКОПКИ ПРИМОРСКИХ СТОЯНОК В ПИЧВНАРИ (КОБУЛЕТИ)

в 1960—1964 и 1967 гг.

Приморская стоянка в Пичвнари (Кобулети) принадлежит к группе весьма своеобразных и характерных памятников Западной Грузии, расположенных на прибрежных песчаных дюнах. Впервые подобные памятники выявил Л. Н. Соловьев в 1934 г. Его внимание привлекли обломки неизвестных до того времени четырехугольных сосудов с отпечатками ткани. В 1937 г. были опубликованы первые сведения о стоянках с «текстильной керамикой»[1]. В дальнейшем, в разное время, помимо первооткрывателя этих памятников Л. Н. Соловьева[2], исследованием приморских стоянок в той или иной степени занимались Б. А. Куфтин, О. М. Джапаридзе, Н. В. Хоштария, М. М. Трапш, В. В. Бжания[3]. Кроме того, отдельные вопросы, связанные с этими памятниками, затронуты в работах А. Ю. Кахидзе, А. М. Апакидзе, М. П. Инадзе[4].

Следует отметить, что все указанные выше работы, проведенные на стоянках причерноморских дюн, не имели желательной масштабности и по существу носили разведочный характер. Несмотря на это, труды указанных авторов содержат наблюдения и суждения, весьма ценные для изучения подобных памятников.

Планомерное изучение приморской стоянки в Пичвнари началось с 1960 г. Полевые работы проводились в 1960—1964 и 1967 гг. объединенными усилиями Управления охраны и реставрации памятников культуры ГрузССР, Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили и Батумского НИИ [5].

---

[1] *А. А. Иессен.* Сухумская экспедиция ГАИМК, СА, 1937, III, стр. 251—252.

[2] *Л. Н. Соловьев.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире. Тр. АбГМ, 1, Сухуми, 1947, стр. 23—50; *его же.* Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950, стр. 265 сл.

[3] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950, стр. 274 и сл.; *О. М. Джапаридзе.* Разведывательная экспедиция в Гурии, ВГМГ, XVI — В, Тбилиси, 1950, стр. 118—121 (на груз. языке); *его же.* Краткий отчет об археологических разведках в Грузии (Гурия) в 1948 г. КСИИМК, 39, 1951, стр. 101—103; *Н. В. Хоштария.* Археологическое исследование Уреки. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси, 1955, стр. 25 и сл.; *М. М. Трапш.* Археологические раскопки в окрестностях Сухуми. Тр. АбИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1948, стр. 185 и сл.; *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, 1, стр. 113—126.

[4] *А. Ю. Кахидзе.* К истории городов Восточного Причерноморья в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1965, стр. 8, 9; *его же,* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). Тбилиси, 1971, стр. 32—33 (на груз. языке); *А. М. Апакидзе.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, стр. 103; *М. П. Инадзе.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968, стр. 31.

[5] Результаты этих работ частично опубликованы; см.: *А. Т. Рамишвили.* Прибрежные стоянки Причерноморья в Чаквском районе (на груз. языке). Тр. Батумского НИИ, III, Тбилиси, 1964, стр. 119 и сл., *его же.* Древние стоянки на песчаной

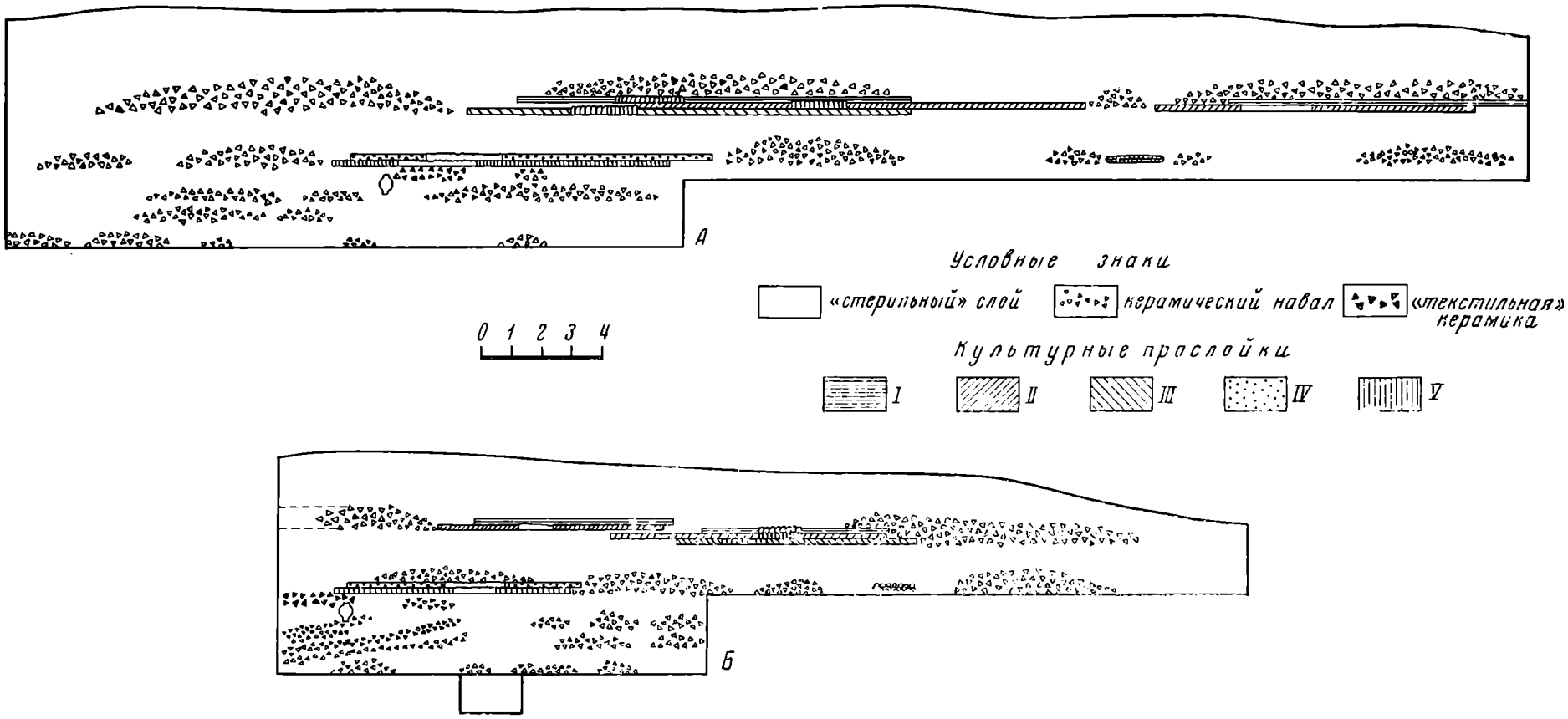


Рис. 1. Разрезы культурных отложений. *А* — север — юг; *Б* — запад — восток

Пичвнарская стоянка расположена в северной части курорта Кобулети на левом берегу р. Чолоки. Она удалена от берега моря примерно на 500 *м* и простирается вдоль побережья минимум на 2 *км*. В настоящее время 2/3 площади изучаемого памятника застроена капитальными помещениями пионерских лагерей и крестьянских усадеб. Половина оставшейся территории к началу археологических раскопок была уничтожена в связи с разработкой строительного песка. Следовательно, сравнительно свободной и в лучшей сохранности оставалась только небольшая часть этого интересного памятника, где и был заложен наш раскоп.

В 1961—1964 гг. работы велись на площади 1500 $м^2$, были изучены два верхних слоя. В 1965—1966 гг. полевые работы были приостановлены и только в 1967 г. удалось возобновить археологические раскопки. Они проводились более ускоренными темпами, но, к сожалению, лишь на площади 300 $м^2$. Основной целью этих работ стало изучение вертикального разреза культурных отложений.

В результате проведенных раскопок на Пичвнарской стоянке выявлено шесть культурных слоев, разделенных стерильными прослойками (рис. 1). Самый нижний из них покоился на мелкопесчаном грунте морского происхождения, на глубине 7,5 *м* от дневной поверхности. Наиболее полно изучены два верхних слоя (рис. 2). Первый состоял из нескольких прослоек культурных остатков, залегающих непосредственно друг над другом (в центральной части нашего раскопа их было три, а в северной — две). Каждая из этих прослоек содержала остатки помещений и керамические завалы. Последние состояли из обломков бытовой посуды, ванночек и роговидных подставок. Часто встречались грузила рыболовных сетей, изготовленные из галечника.

Остатки помещений (кстати, впервые выявленные на подобных памятниках) сохранились в виде овальных утрамбованных площадок черноватого или красноватого цвета. Как правило, в южной части помещения был жертвенник, составленный из массивных обожженных глиняных роговидных столбиков. Высота этих рожек достигала 50 *см*. В плане жертвенники имели форму прямоугольника. Средние размеры помещения 13×6 *м*, а жертвенника — 2×1 *м*. В одной из прослоек, у северо-западного угла жертвенника, была обнаружена прилепленная к полу плоскодонная миска или же сковородка (рис. 3, *21*). На обломках подобных сосудов имеются следы огня (рис. 3, *1*, *9*). Постройки, по всей вероятности, имели легкую конструкцию типа «пацха» (характерная для Западной Грузии плетеная изба или шалаш).

Второй слой состоял из двух прослоек с такими же комплексами помещений и керамическими завалами, как и первый.

В последующих слоях остатки помещений не были обнаружены. Они в основном состояли из керамических завалов (рис. 4). Между третьим и четвертым слоями была выявлена галечная прослойка, которая узкой волнообразной полосой тянулась с севера на юг вдоль побережья. Линзы галечника и довольно крупного щебня встречались и под уплотненными слоями аналогичных памятников Абхазии [6]. С целью установления характера скопления гальки была заложена поперечная траншея. Оказалось, что упомянутое выше скопление крупного щебня имеет морское происхождение, несколькими прослойками она спускается постепенно к западу, к морю (рис. 1).

дюне в Пичвнари (на груз. языке). Памятники Юго-Западной Грузии, 1, Тбилиси, 1964, стр. 17 сл.; *его же*. Юго-Восточное Причерноморье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971, стр. 20 сл.

[6] *Л. Н. Соловьев*. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии..., стр. 266.

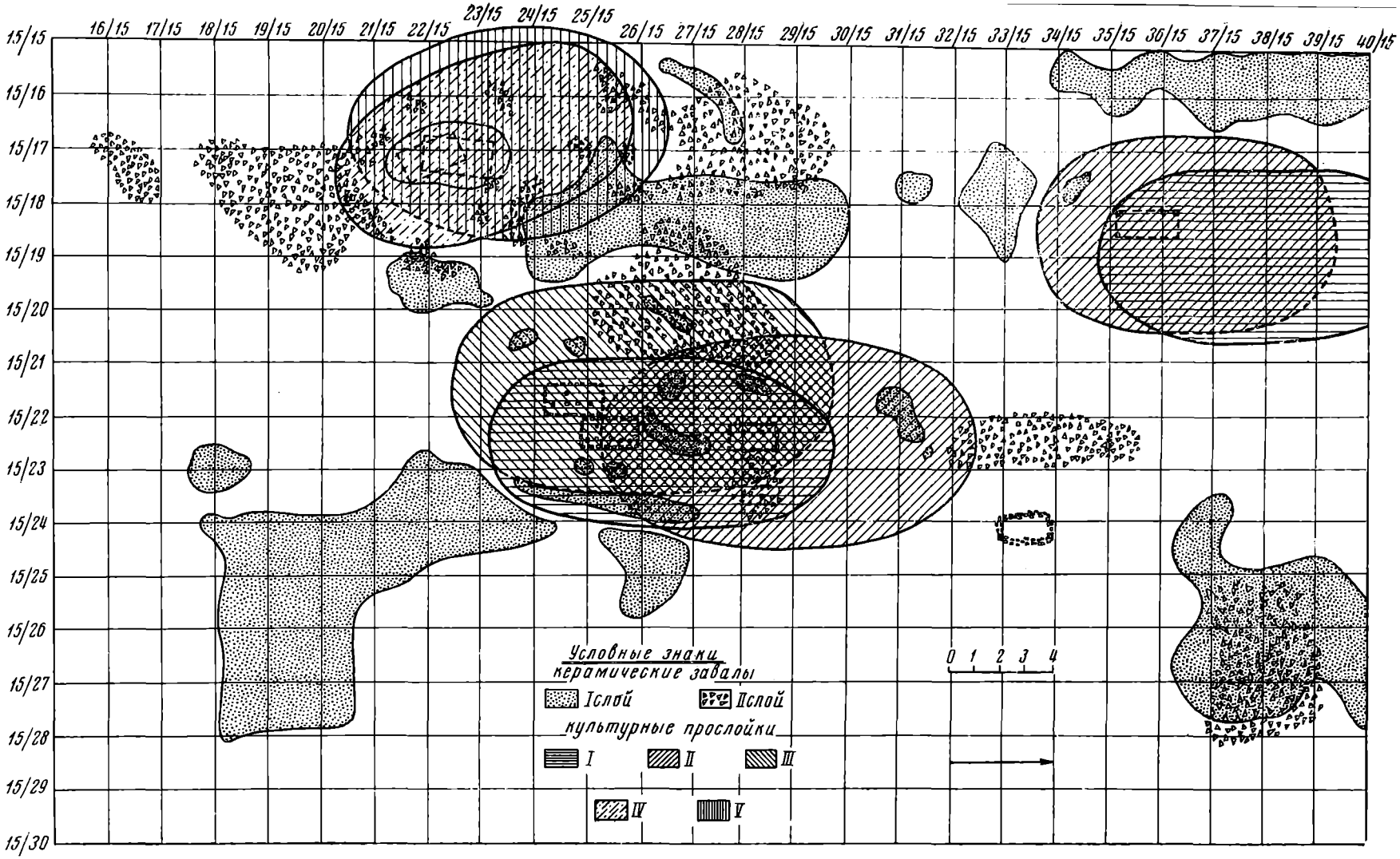


Рис. 2. План культурных остатков первого и второго слоя

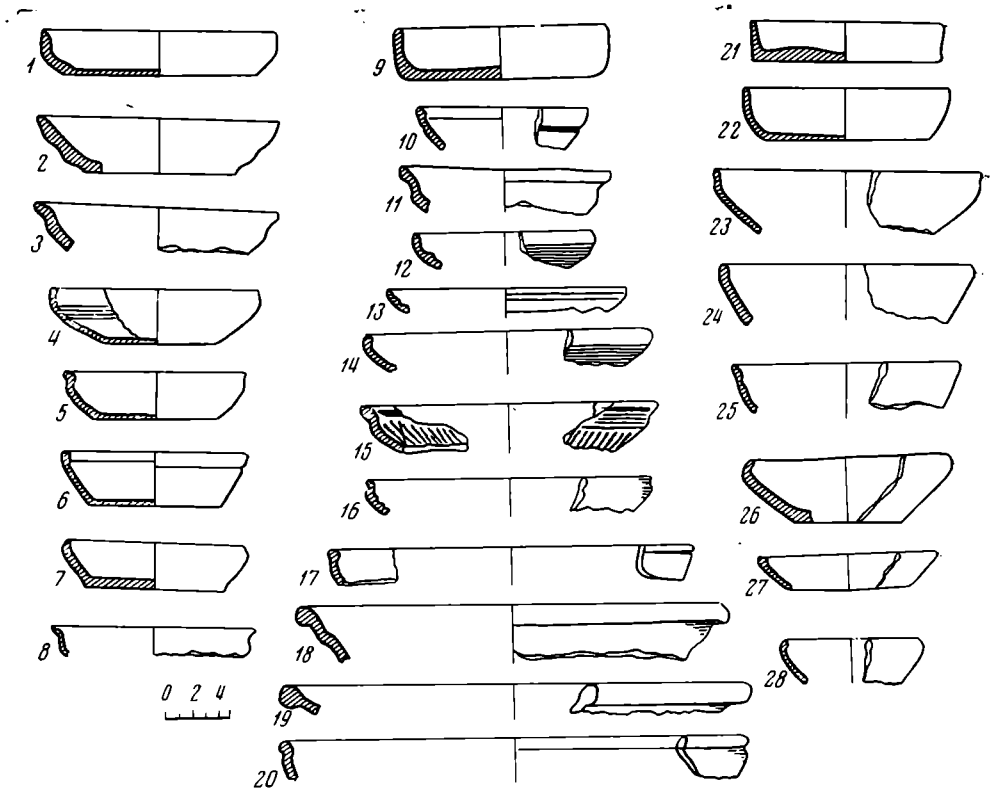


Рис. 3. Профильные сечения мискообразных сосудов

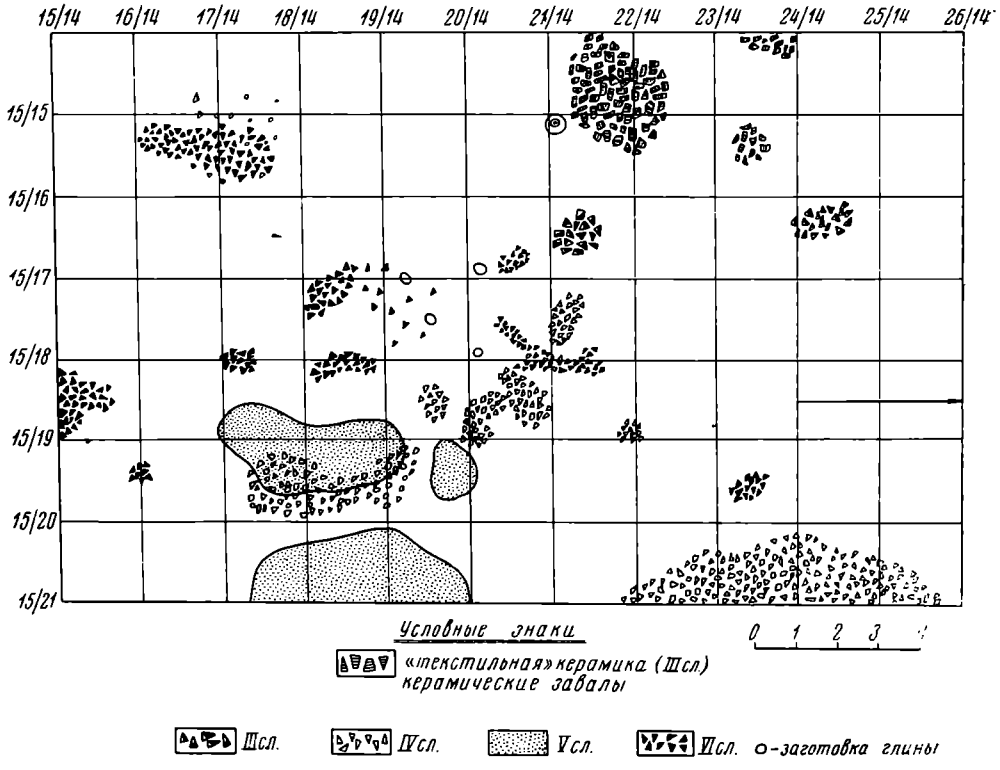


Рис. 4. План культурных остатков третьего-четвертого слоев

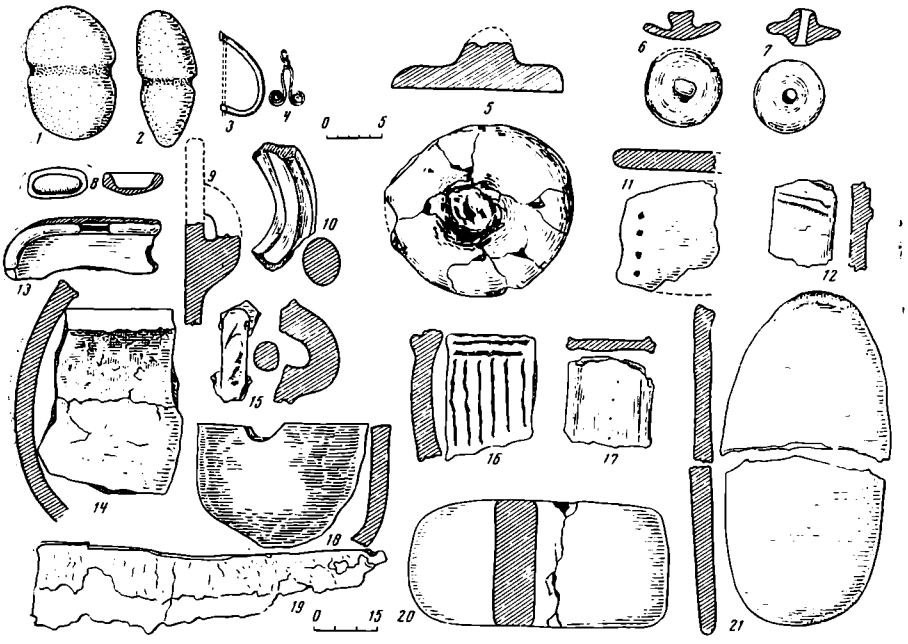


Рис. 5. Каменный (*1, 2*), бронзовый (*3, 4*) и керамический инвентарь

Археологический материал Пичвнарской стоянки в основном керамический. Кроме того, встречались каменные и изредка бронзовые предметы. Каменный инвентарь в основном представлен грузилами рыболовных сетей. Для этой цели подбирали плоские галечники, на противоположных концах которых делались выбоины для надежного привязывания к сетям (рис. 5,*2*). Изготовленные из галечника грузила известны на памятниках приморской полосы еще со времени энеолита. Довольно часто встречались они и на приморских стоянках [7].

Особый интерес представляет каменный молот с желобчатым перехватом, найденный в третьем слое Пичвнари (рис. 5,*1*). Видимо, подобное орудие в какой-то мере характерно для приморских стоянок, так как совершенно аналогичный молот известен и на стоянках Очамчире [8].

На Пичвнарской стоянке было найдено лишь два бронзовых предмета. Они обнаружены во втором слое. Один из них — очковидная привеска с двумя кольцами бронзовой цепочки, другой — фрагмент двухсоставной дугообразной фибулы (рис. 5, *3, 4*).

Привески со спиральными кольцами или же, как их часто называют, очковидные привески, обычно встречаются вместе с бронзовыми цепочками. На территории Грузии подобные предметы обнаружены в могильниках Самтавро, Маралын Дереси, Куланурхва и т. д. [9] На Северном Кавказе они встречаются в Кобани, Чми, Несторовке, Верхней Рухти и т. д. [10] К сожалению, нам не известны непосредственные аналогии пичвнарской фибулы.

Керамический материал, добытый на изучаемом памятнике, по своему характеру и назначению разделяется на следующие группы: ванночки, роговидные подставки, плоские плиты, бытовая посуда.

[7] Там же, рис. 10; *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 278, табл. 76; *Н. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 43.

[8] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 278, 279, табл. 76, *2*.

[9] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети, 1. Тбилиси, 1941, стр. 70, рис. 74, *б*, табл. XXIV; *Р. М. Абрамишвили.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. ВГМГ, XXII — В, Тбилиси, 1961, табл. VIII; *М. М. Трапш.* Памятники Колхидской и Скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми. 1962, стр. 19—21, 67—68, 76—78, табл. XXV.

[10] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, табл. VIII, *8*. XXXIV, *5, 6*; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 240, 410, 412, рис. 48, *24, 25*, табл. XLVII.

На Пичвнарской стоянке, так же как и вообще на аналогичных памятниках, подавляющее большинство археологического материала составляют краснообожженные черепки ваннообразных сосудов. Они встречаются такими большими скоплениями, что обнаженные пласты на расстоянии выглядят как мощная единая красноватая масса. Среди этих обломков отличаются ванночки двух типов: первый имеет отпечатки ткани на наружной поверхности, а второй — со сравнительно гладкой поверхностью. Ванночки обоих типов вылеплены из грубой глины с обильной примесью песка или магнетита, а также нередко крупных камешков.

Ванночки с отпечатками ткани на наружной поверхности настолько характерны для подобных памятников, что иногда их называют селищами с текстильной керамикой [11]. Обломки «текстильной керамики» принадлежали сосуду, имевшему в плане четырехугольную форму, очень пологие стенки с карнизообразно утолщенным венчиком и округло-уплощенное дно. В Пичвнари не удалось восстановить подобные сосуды. Достаточно полное представление о них дается в работах Л. Н. Соловьева и Б. А. Куфтина [12]. Существует предположение, что эти сосуды применялись для выпарки соли из морской воды [13].

Если обломки ванночек первого типа были найдены только в третьем слое, то второго — широко распространены во всех слоях нашей стоянки. По-видимому, ванночки второго типа характерны для приморских стоянок, по крайней мере так же, как и «текстильные». Однако до раскопок в Пичвнари из-за плохой сохранности обломков этих сосудов одни исследователи вообще умалчивали о них, другие же ошибочно считали их фрагментами желобчатой черепицы [14].

По нашему мнению, эти плохо обожженные крупные обломки вряд ли могли быть черепицами, и поэтому еще во время разведывательных работ в 1960 г. высказали предположение об их принадлежности к ваннообразным сосудам [15]. Это предположение было подтверждено находками последующих лет, которые позволили установить, что они (рис. 5, *13, 14, 18*) принадлежат сосудам с овальным дном и имеют в плане форму прямоугольника с закругленными углами. Особенно важное значение имеет находка миниатюрной модели ванночки (рис. 5, *8*), которая подтверждает существование ваннообразных сосудов. Судя по имеющимся материалам, можно предположить, что кроме миниатюрных моделей существовали ванночки двух размеров. Одна из них — массового производства, видимо, имела высоту до 15, ширину до 20 и длину до 50 *см*. Другая встречалась гораздо реже и была примерно вдвое большего размера — 100×50×50 *см* (рис. 5, *19*).

Из отдельных деталей следует указать на вдавленный в венчике полукруглой формы слив (рис. 5, *9, 10, 15*) и массивные ручки (рис. 5, *9, 10, 15, 16*). Трудно предположить, что из-за низкого качества обжига и хрупкости черепка эти ручки могли бы выдержать тяжесть таких громоздких сосудов. Скорее всего они предназначались для более удобной установки ванночек на месте. По этой же причине ванночки обоих типов вряд ли были транспортабельны и поэтому надо полагать, что ванночки второго типа, так же как это принято считать по отношению к ванночкам

---

[11] *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой...

[12] Там же, стр. 279; *Б. А. Куфтин.* Материалы..., табл. 75, рис. 78.

[13] *Л. Н. Соловьев.* Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчире, стр. 23—50; *его же.* Селища с текстильной керамикой..., стр. 281—284; *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 287—290 и др.

[14] *О. М. Джапаридзе.* Разведывательная экспедиция, стр. 118—121; *Н. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 37, 38, табл. XII.

[15] *А. Т. Рамишвили.* Прибрежные стоянки Причерноморья в Чаквском районе... стр. 123, 124, 130.

с текстильной поверхностью [16], изготовлялись и подвергались обжигу на месте в полуоткрытых очагах.

Б. А. Куфтин довольно убедительно восстанавливает процесс изготовления сосудов с «текстильной» поверхностью. По его мнению, лепка этих сосудов производилась в деревянных корытообразных формах, стенки которых покрывались куском мокрой ткани, на поверхность которой накладывался ровный слой глины. После некоторого затвердения полученный сосуд осторожно вынимался из формы за края ткани и опрокидывался для окончательной высушки [17]. В отличие от вышеизложенного мы предполагаем, что лепка сосудов с отпечатками ткани производилась в вырытых в грунте ваннообразных ямах.

Процесс изготовления ванночек второго типа, со сравнительно гладкой поверхностью, должен быть несколько иным. Вероятно, для лепки этих сосудов, соответствующая форма изготовлялась из песка.

Заготовкой для ванночек, а может быть и для рогообразных подставок, служили, по-видимому, запасы глины, которые в достаточно большом количестве обнаружены почти в каждом слое. О том, что эти сосуды обжигались на месте, свидетельствуют следы костров, которые нередко встречались в виде маленьких площадок красноватого цвета.

Обломки сосудов с отпечатками ткани представляют собой ценный материал для изучения ткацкого ремесла в древней Колхиде, о развитии которого упоминал Геродот [18].

Среди отпечатков ткани из Пичвнари [19] можно выделить два типа: сравнительно редкую и более плотную. Отпечатки первой группы представляют собой продольные и поперечные бороздки, неодинаковые по ширине и плотности, что свидетельствует о неравномерной толщине пряжи и различной плотности нитей основы и утка в ткани.

Предполагают, что ткань была из льняной пряжи. Толщина пряжи в этой ткани примерно соответствует от 333 до 200 текс (№ 3, 4 до № 5), плотность (число нитей на 1 *см*) колеблется от 7 до 9 по основе и от 7до 8,5 по утку. Ткань полотняного (простейшего) плетения, вес 1 $м^2$ ориентировочно мог быть в пределах 400 *г*.

Отпечатки второй группы по ширине и плотности их расположения также неодинаковы. Однако эти отпечатки свидетельствуют об ее большей уплотненности. Плотность на 1 *см* по основе колеблется от 9 до 14 и по утку от 8 до 10 нитей. Ткань полотняного переплетения. Толщина пряжи в этой ткани от 333 до 200 текс, вес 1 $м^2$ данной ткани ориентировочно мог быть в пределах 500 *г*.

Ткани были изготовлены вручную. Приведенная выше техническая характеристика Пичвнарских тканей очень близка к данным соответствующего материала Очамчирской стоянки, где с этой точки зрения впервые было обращено внимание на так называемую «текстильную керамику». Это является определенным доказательством единого характера текстильного производства доантичной Колхиды. Совершенно справедливо было замечено, что такое сортовое разнообразие указывает как на широкую потребность населения, так и на специализацию и соответствующие возможности этого производства [20].

Другую, довольно многочисленную и своеобразную группу археологического материала составляют краснообожженные рогообразные подставки из глины с примесью песка или магнетита. До раскопок в Пичвнари одна

[16] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 290—291; *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой, стр. 281.

[17] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 290.

[18] Геродот, II, (105); *В. В. Латышев.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. I, вып. 1, СПб., 1893, стр. 9.

[19] Пичвнарские образцы отпечатков ткани изучены сотрудниками Научно-исследовательского института текстильной промышленности Министерства легкой промышленности СССР Н. Мамисашвили, Н. Залевской и Л. Моисеевой.

[20] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 296, 297.

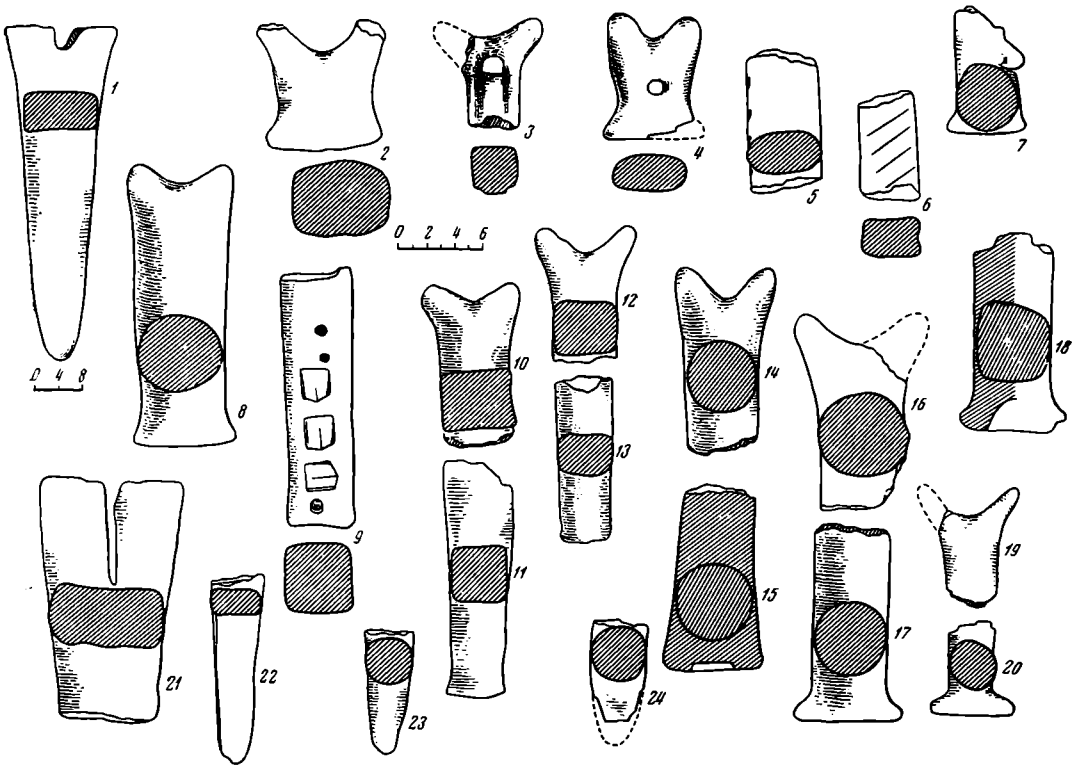


Рис. 6. Образцы глиняных рожек

часть подобных подставок считалась культового, а другая — практического назначения. Эти предположения оставались чисто теоретическими и не были подкреплены соответствующими фактами [21]. Многочисленные образцы глиняных рожек из Пичвнарской стоянки как будто дают возможность установить назначение определенной части этих подставок. Среди них выделяются рожки как массивные, так и сравнительно небольшого размера.

Массивные подставки преимущественно имеют прямоугольное, а изредка и квадратное сечение, усеченные рожки с узкой прорезью и клиновидный корпус (рис. 6, *1, 2*). Длина этих подставок около 50 *см*. В результате археологических раскопок в Пичвнари было установлено, что массивные рожки употреблялись для жертвенников. Следовательно, можно с полной уверенностью утверждать, что они имели культовое назначение.

Рожки меньшего размера значительно разнообразнее. Должно быть, они отличались друг от друга и по назначению. К сожалению, подобные рожки в большинстве случаев фрагментарны и поэтому довольно трудно составить исчерпывающее представление о них по тем нескольким целым образцам, которые у нас имеются. Многочисленные обломки разных частей подставок, встречающиеся в каждом слое, в какой-то мере заполняют этот пробел (рис. 6)

Можно предполагать, что подставки, украшенные тем или иным орнаментом, носили культовый характер. Среди них в первую очередь следует отметить низкие подставки, которые имеют незначительно разогнутые рожки с закругленными концами и резко расширенное основание (рис. 6, *2, 4*). Одна из них — со сквозным отверстием. Особое внимание заслуживают еще две подставки, которые, по нашему мнению, имели также культовое назначение. Первая имеет плоское основание квадратного сечения, рожки не сохранились (рис. 6, *9*). На одной из граней, по всей вероятности фасадной, видимо, специальным штампом нанесены три совершенно одинаковые знака (два расположены вертикально, а третий — горизонтально).

[21] *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой, стр. 281; *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 277, 278; *Н. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 32—37, и др.

Помимо этого, на той же стороне имеются три круглые вдавления — два расположены над указанными знаками, а третий под ними. От второй подставки сохранилась только верхняя часть. У нее резко разогнутые рожки с округленными концами. В верхней части подставки, между рожками, имеется маленький выступ, а под ним посередине тянется рельефная полоса высотой 0,5 *см* (рис. 6, *3*).

Еще один фрагмент глиняного рожка имеет украшение в виде косых надрезов, нанесенных острым орудием (рис. 6, *6*).

Большинство подставок Пичвнарской стоянки без украшений. Среди них можно выделить две группы. У одной резко расширенное основание (рис. 6, *17, 20*), у другой оно более или менее вогнутое (рис. 6, *15, 18*) Сравнительно в большом количестве обнаружены подставки с незначительно расширенными основаниями. Встречаются и целые экземпляры (рис. 6, *8*). Они средней высоты (18—20 *см*), с круглым сечением (диаметр 5—6 *см*), вертикально направленными короткими рожками и низким широким теменем. Существует предположение о культовом назначении подставок с расширенным основанием и об их возможной интерпретации как женской фигуры [22].

Остальные подставки имеют преимущественно плоские или же заостренные концы. Они в основном характеризуются широко раскинутыми рожками и дугообразным теменем (рис. 6, *10, 12, 13, 16, 22—24*). Л. Н. Соловьев считает, что эти подставки применялись для поддержания над огнем солеварных ванночек [23]. По нашему мнению, они вряд ли могли выполнять подобную функцию. Маловероятно, что эти ванночки, да еще наполненные морской водой, можно было бы поднять над огнем. Они распались бы даже от собственной тяжести. Кроме того, подставки, имеющие длину не более 20 *см*, естественно, не могли поднять сосуды на необходимую высоту.

Многочисленность глиняных рожков практического назначения и ваннообразных сосудов должна свидетельствовать об их функциональной связи с основным занятием обитателей изучаемых памятников. По-видимому, рожки в основном служили подпорками для ваннообразных сосудов, имеющих закругленное дно.

Таким образом, на основании материалов Пичвнарской стоянки выясняется, что подставки больших размеров употреблялись для жертвенников и, следовательно, имели культовое назначение. Должно быть, такой же характер носили и рожки с разными украшениями или же с расширенными и вогнутыми донышками, хотя не исключено, что некоторые из них использовались и в практических целях.По всей вероятности, такое же практическое назначение имели и подставки без орнамента, с широко расставленными рожками высотой до 20 *см*.

На Пичвнарской стоянке встречается еще одна группа керамических изделий — краснообожженные плиты. К сожалению, эти находки малочисленны и фрагментарны. Судя по имеющимся материалам, керамические плиты были разные. Единственная дошедшая до нас целая плита имеет форму удлиненного овала (рис. 5, *20, 21*). Некоторые из этих плит, по-видимому, имели какие-то знаки (рис. 5, *11, 12, 17*). Назначение плит, возможно, как-то связано с жертвенниками, о чем говорят соответствующие находки.

В заключение рассмотрим бытовую керамику. Посуда изготовлена на быстро вращающемся гончарном круге из глины высокого качества с примесью песка или магнетита. Она преимущественно тонкостенна, в основном с хорошо заглаженной поверхностью. Преобладают краснообожженные сосуды. Остальные имеют бурую и частично черную поверхность. Следует заметить, что преобладание краснообожженной керамики, вероятно, объясняется вторичным обжигом сосудов во время пожаров. Подтвержде-

[22] *Н. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 34.
[23] *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой, стр. 283.

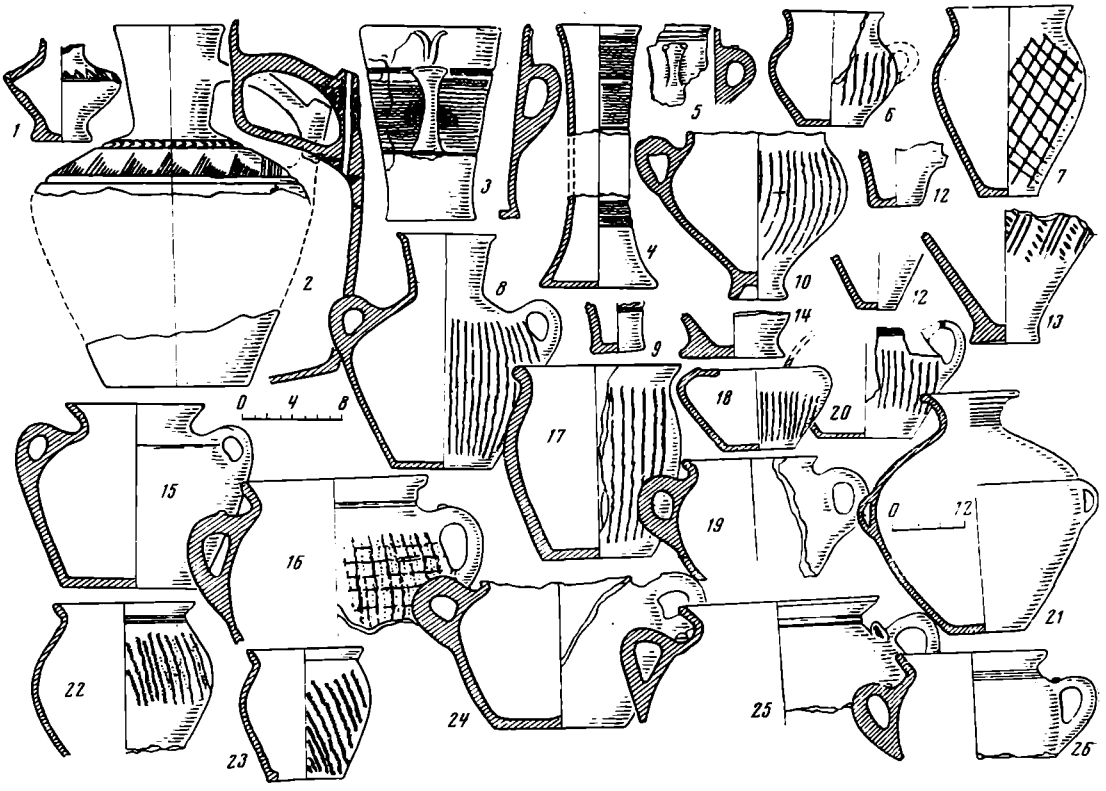


Рис. 7. Профильные сечения кухонной и столовой посуды

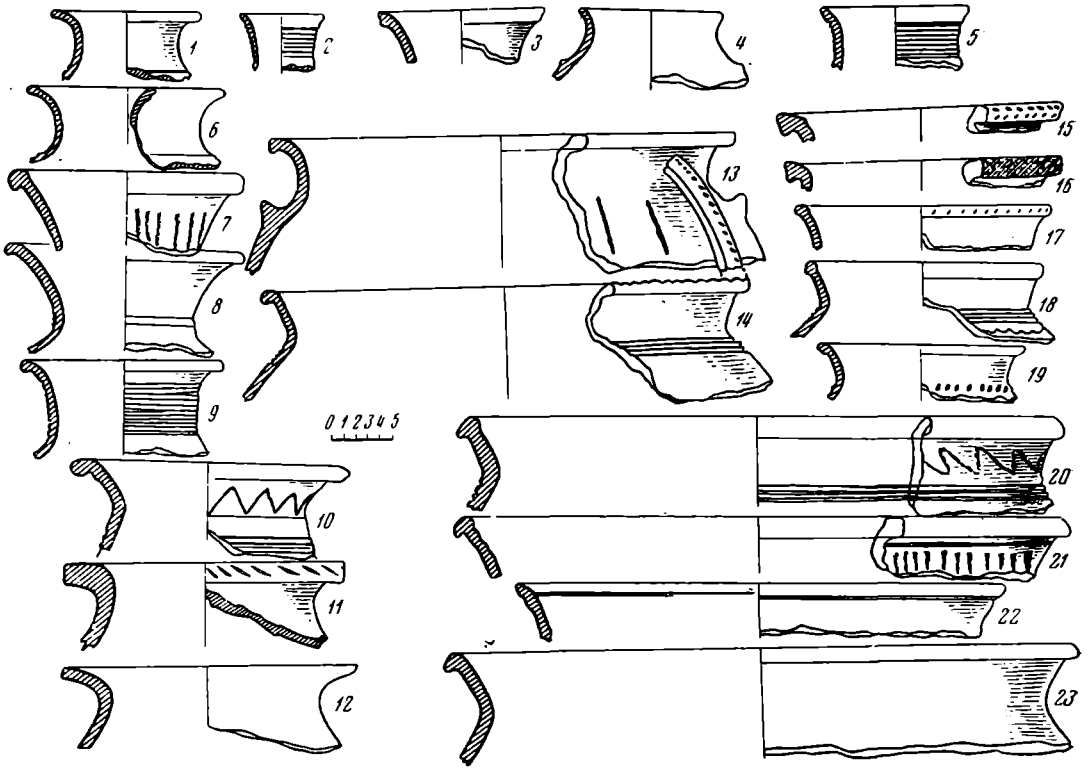


Рис. 8. Профильные сечения кувшинов разной формы

нием могут служить неоднократные находки обломков одного и того же сосуда как с красным, так и бурым обжигом.

Среди керамического материала Пичвнарской стоянки можно выделить столовую (миски, блюда, кувшины, кружки и другие сосуды для питья), кухонную (горшки, баночки, горшочки) и хозяйственную (пифосы, большие кувшины и горшки) посуду. Кувшины и сосуды для питья, а также горшки и баночки имели венчики диаметром 7—10 *см*. Кухонная посуда, предназначенная для приготовления пищи, имела венчик диаметром 11 — 20 *см*. В этой группе преобладают горшки. Более редки фрагменты сосудов, которые мы относим к большим кувшинам. В малом количестве и лишь в верхних слоях встречались также обломки толстостенных сосудов, так называемых колхидских пифосов.

Судя по послойному сравнительному анализу, Пичвнарская стоянка содержит однородную бытовую керамику. В частности, для всех слоев одинаково характерны горшки средних и малых размеров (рис. 7—9) с низкой шейкой и незначительно отогнутым венчиком; сосуды баночного типа (рис. 9, *2, 4, 5,*); отдельные виды цилиндрических ваз (рис. 7, *4, 5*), большие кувшинообразные сосуды с четко выделенными горлышками (рис. 8, *2, 3, 5, 8—12*); сравнительно тонкостенные большие горшки (рис. 8, 9) и т. д. Многие виды орнамента — выемчатые пояса, лощеные линии, канелюры, сосковидные отростки и зооморфные ручки (рис. 7—12), также встречаются во всех шести слоях.

Отдельные формы сосудов характерны лишь для одного или другого слоя или же группы слоев. Так, например, конусовидные чашки (рис. 7, *3, 9, 11, 12, 14*) и миски с вогнутым краем (рис. 3, *12, 14, 26, 28*) встретились только в первом слое, кувшины с трубчатыми ручками (рис. 7, *1, 2*) — в первых двух слоях, пифосы (рис. 11, *1, 6, 12, 15, 20, 23, 28, 29*) — в верхних трех слоях.

Бытовая керамика первой половины I тысячелетия до н. э. в Западной Грузии еще недостаточно изучена. Не решены такие важные вопросы, как время возникновения и бытования отдельных форм глиняной посуды и видов ее орнаментации. Поэтому значительно осложняется точная датировка изучаемого памятника. Среди керамического материала Пичвнарской стоянки встречаются обломки сосудов, характерных как для античного, так и непосредственно доантичного периодов. Обнаруженные в Пичвнари так называемые колхидские сосуды для питья, кувшины с трубчатыми ручками, миски с вогнутым краем и пифосы до последнего времени встречались исключительно на памятниках античной эпохи в Западной Грузии (Дабла Гоми, Сакоркио, Чогнари, Пичвнари и др.) [24].

С другой стороны, ситулообразные сосуды (рис. 7, *17*) и горшки с зооморфными ручками (рис. 10), найденные здесь же, характерны для памятников доантичного времени (верхний слой Наохваму, Дабла Гоми, Чаладиди, Носири, Пичвнари и т. д.)[25].

Аналогичные группы можно выделить и среди орнаментации рассматриваемой керамики, хотя каждый вид орнамента, встречаемый на Пичвнарской стоянке, известен как в доантичную, так и в античную эпоху. Следует обратить внимание на то, что часть орнаментации (желобчатые, волнообразные и рельефные пояса с разными насечками или с гладкой поверхностью, насечки поверх венчиков мискообразных сосудов или на их гранях, рис. 3, 7, 8, 9, 11, 12) характерна для колхидской керамики

---

[24] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 68—72, 97—101, табл. 27, 31, рис. 22, 24; *Т. К. Микеладзе.* Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья (XV—IV вв. до н. э.) Автореф. докт. дис., Тбилиси, 1969, стр. 24; *А. Ю. Кахидзе.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). Тбилиси, 1971, стр. 40 сл. (на груз. языке).

[25] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 123, 124, 188, 192, рис. 31, 32; 48, *29, 31; 52, 2,* табл. 40, *13—21,* 57, *1, 2, 12; Т. К. Микеладзе.* Ук. соч., стр. 21; *А. Ю. Кахидзе.* Города Причерноморья..., стр. 25—27.

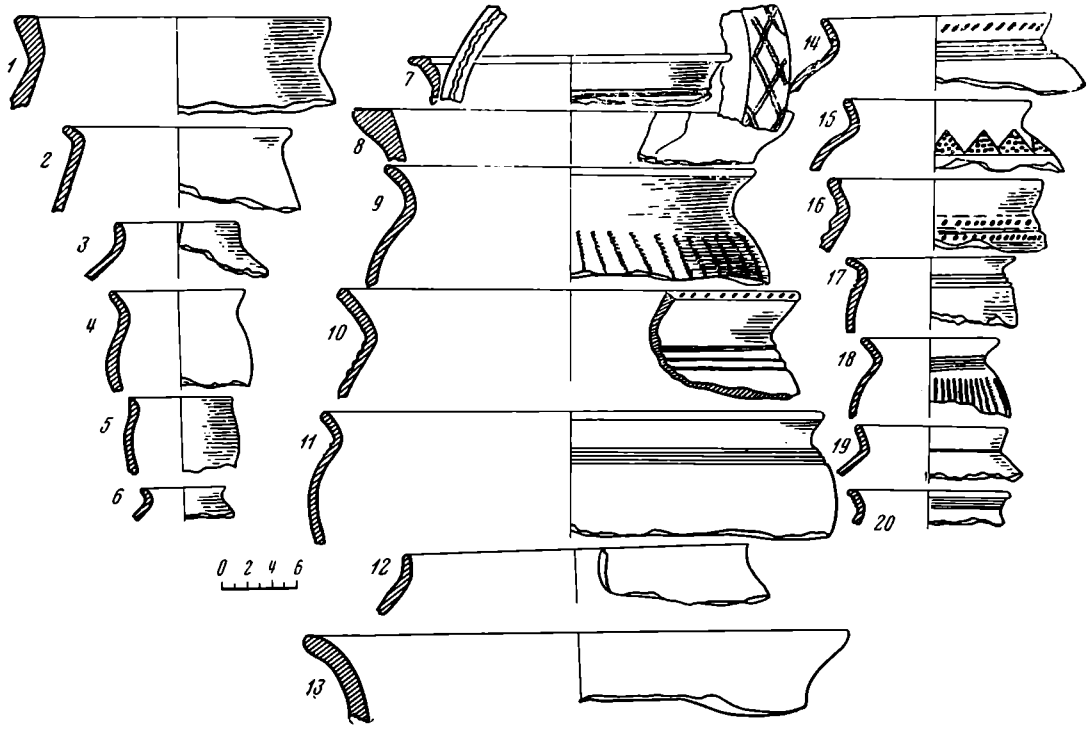


Рис. 9. Профильные сечения баночных и кувшинообразных сосудов

раннеантичного периода, но ее зачатки встречаются в предыдущей эпохе; другая часть (горизонтальные шевроны, ногтевые и елочные насечки, лощенные линии, маленькие сосковидные отростки, рис. 7—9, 11, 12) в основном была распространена в доантичную эпоху, но в какой-то мере продолжала бытовать и в античное время.

Именно указанным обстоятельством объясняется то, что орнаментация Пичвнарской стоянки находит свои параллели как в материалах Дабла Гоми, Сухумской горы и других поселениях раннеантичного периода [26], так и в материалах предантичных слоев приморских стоянок Причерноморья, Сухумской горы, Дабла Гоми, Наохваму и других памятников [27].

Таким образом, на Пичвнарской стоянке в некоторых случаях впервые, установлен факт сосуществования керамических форм и орнаментации как античной, так и предшествующей эпохи. Это подчеркивает значение указанного факта для изучения колхидской керамики I тысячелетия до н. э. В Западной Грузии еще не изучен памятник, который, подобно Пичвнарской стоянке, содержал бы в одном слое керамические формы античного и предшествующего периодов. Поэтому при датировке Пичвнарской стоянки нельзя опираться лишь на прямые аналогии. В первую очередь следует выяснить, каким формам бытовой керамики и каким видам ее орнаментации нужно отдавать предпочтение при датировке исследуемого памятника — сравнительно ранним или же более поздним. Что более допустимо: существование и в раннеантичную эпоху глиняной посуды, считавшейся до этого доантичной, или возникновение сравнительно в раннем периоде тех форм, которые до этого встречались только в слоях античного времени?

Выше отмечалось, что ряд форм колхидских сосудов, использовавшихся для питья, миски с завернутым внутрь краем, кувшины с трубчатыми ушка-

[26] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., табл. 23, 24, 27, *1, 2; А. Н. Каландадзе.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, табл. XV—XIX.

[27] *Л. Н. Соловьев.* Селища с текстильной керамикой, рис. 4, 5; *Н. В. Хоштария.* Ук. соч., табл. VIII, *2,* XI, *4; А. Н. Каландадзе.* Ук. соч., табл. XVI—XXII; *Б. А. Куфтин.* Материалы..., табл. 40, 57, *1, 2, 5—12,* рис. 48, *29, 30, 33—35, 41, 42, 75.*

Рис. 10. Образцы ручек глиняных сосудов

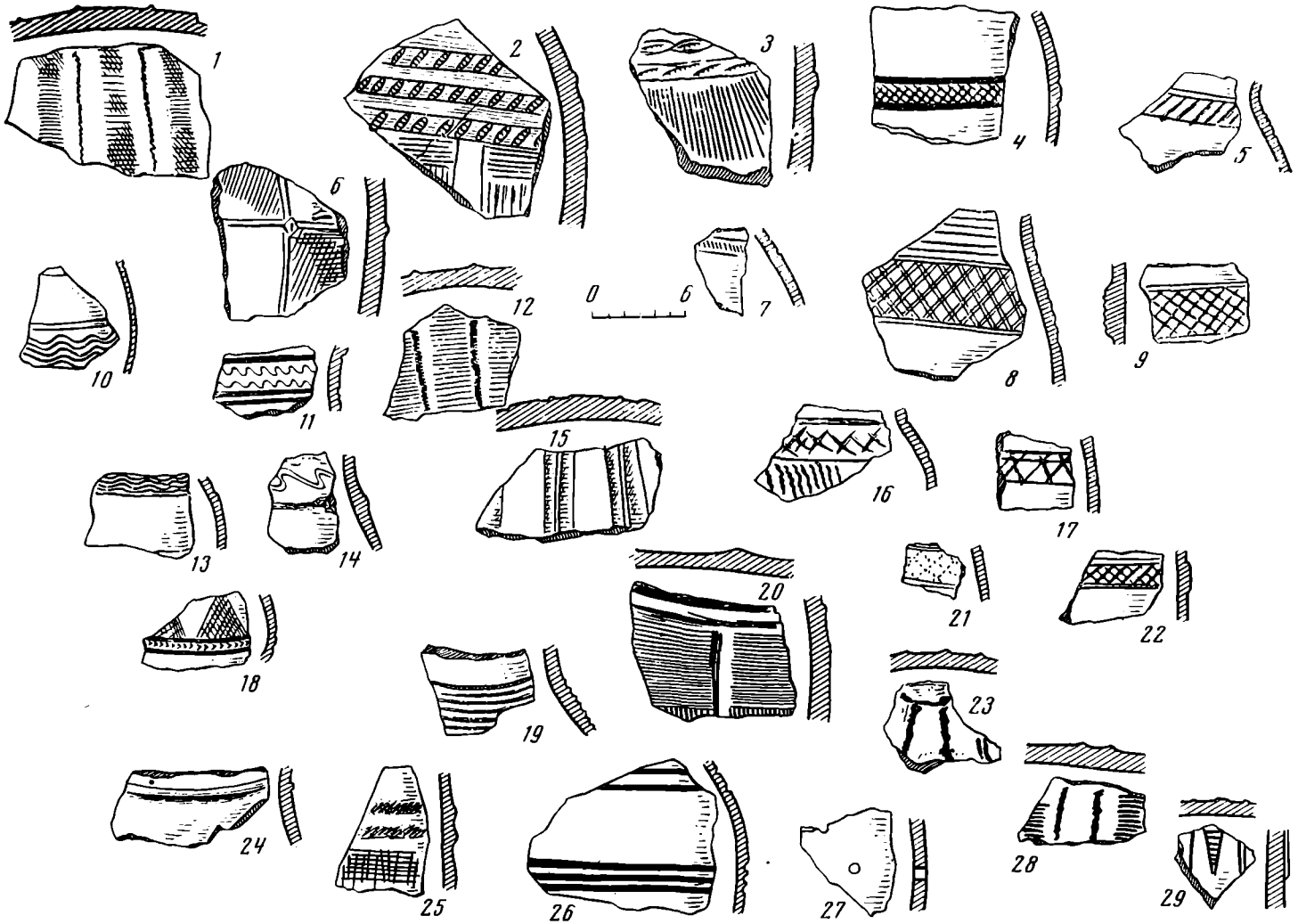


Рис. 11. Образцы орнаментации глиняных сосудов

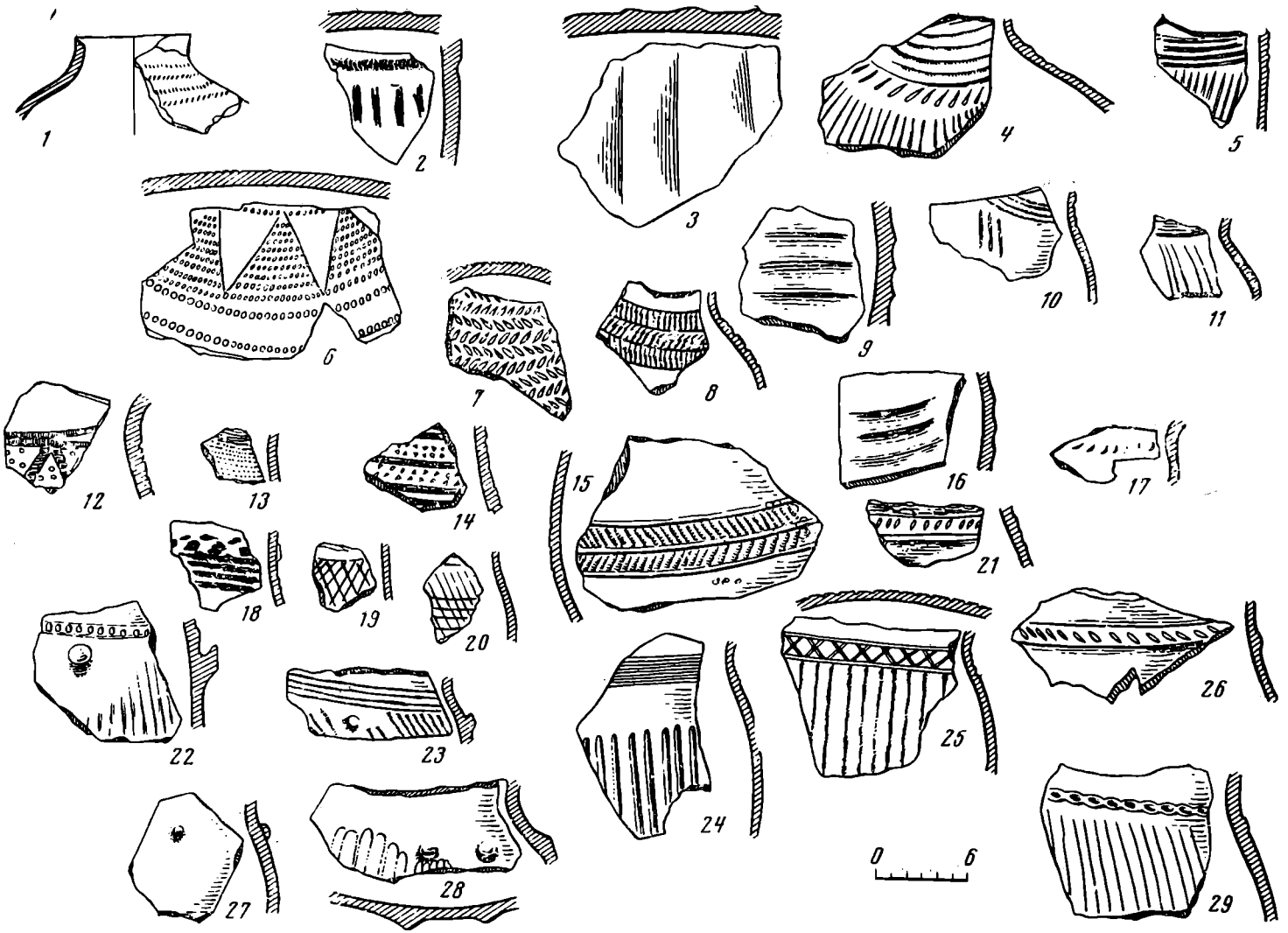


Рис. 12. Образцы орнаментации глиняных сосудов

ми и так называемые колхидские пифосы в основном встречались лишь на памятниках раннеантичного времени (Дабла Гоми, Сакоркио, Пичвнари и т. д.). На основании импортной керамики на этих памятниках достаточно надежно выделены слои с материалами VI — V вв. до н. э. В этих слоях не обнаружены сосуды с канелюрами и зооморфными ручками, которые характерны для Пичвнарской стоянки. В этом отношении особого внимания заслуживают находящиеся в непосредственной близости от изучаемых стоянок культурные слои античного городища и могильник второй половины VI в. до н. э. в Пичвнари. По всей вероятности, при синхронности этих памятников с приморскими стоянками вряд ли могли существовать указанные выше различия. Возможно, отсутствие на приморских стоянках импортной керамики в какой-то мере можно было объяснить своеобразием исследуемого памятника, но отсутствие на могильнике и в культурных слоях античного городища характерной для этих стоянок каннелированной керамики и сосудов с зооморфными ручками должно указывать лишь на хронологическую разницу между этими памятниками. Если верны наши рассуждения, то приморские стоянки в Пичвнари должны в определенной мере предшествовать памятникам античной эпохи Западной Грузии. Следовательно, верхним хронологическим рубежом исследуемого памятника должна быть по крайней мере первая половина VI в., скорее конец VII в. до н. э. [28].

При определении нижнего хронологического рубежа Пичвнарской стоянки основное внимание следует уделить сосудам с зооморфными ручками и канелюрами. Эти детали свойственны бытовой посуде Западной Грузии предантичного периода [29]. Видимо, для памятников указанной эпохи также характерны часто повторяющиеся в орнаментации пичвнарских сосудов лощеные линии.

Рассматривая памятники Западной Грузии, непосредственно предшествующие античной эпохи, следует помнить, что они отнесены к первой половине I тысячелетия до н. э., так как современный уровень их исследования не дает возможности датировать их более конкретно. Добытый на Пичвнарской стоянке материал частично как будто заполняет этот пробел. В Пичвнари, в отличие от других памятников указанного периода, встречаются более поздние, характерные для античного времени керамические изделия. А это позволяет предположить, что исследуемый памятник несколько моложе уже известных доантичных памятников.

Исходя из изложенного выше, становится возможным датировать памятники, содержащие материалы аналогичные верхнему слою Наохваму, концом II и началом I тысячелетия до н. э. Что касается нижнего хронологического рубежа памятников со сходными материалами приморских стоянок в Пичвнари, его следовало бы отнести к VIII в. до н. э.

Таким образом, по всей вероятности, приморские стоянки в Пичвнари предшествовали раннеантичным памятникам Западной Грузии, но возникли вслед за памятниками, которые в научной литературе относят к предантичному периоду. Поэтому наиболее приемлемой датой исследуемого памятника мы считаем VIII—VII вв. до н. э. [30]

---

[28] Для последней даты (конец VII в. до н. э.) основанием в первую очередь служит существование на Пичвнарской стоянке импортной керамики уже с начала VI в. до н. э., см. *А. Ю. Кахидзе*, Города Причерноморья, стр. 77, 78, 136, 144, 145.

[29] *Б. А. Куфтин.* Материалы..., стр. 188, 189; *Т. К. Микеладзе.* Ук. соч., стр. 21.

[30] Мы сознательно не касаемся вопроса датировки приморских стоянок вообще, так как опубликованный материал не дает такой возможности. Несмотря на это, следует отметить, что подобные памятники в основном датированы первой половиной I тысячелетия до н. э. (см. выше цитированные работы, посвященные результатам археологического изучения приморских стоянок). Хотя некоторые исследователи предполагают существование на этих памятниках и более древних слоев (*Н. В. Хоштария.* Ук. соч., стр. 29; *В. В. Бжания.* Ук. соч., стр. 113—126), но поскольку в опубликованных материалах приморских стоянок нет данных, которые существенно изменили бы предложенную в настоящей статье дату, нам кажется возможным хотя бы на этом этапе распространить ее на все подобные памятники Причерноморья.

A. T. Ramichvili

FOUILLES DES VILLAGES LITTORAUX EN PITCHVNARI (KOBOULETI) DES ANNEES 1960—1964 ET 1967

Résumé

Le campement de Pitchvnari appartient à un groupe de sites assez originaux et encore peu étudiés du littoral géorgien de la mer Noire. Les fouilles archéologiques de ce village permettent de juger du caractère des sédiments culturels de tels sites dans la coupe aussi bien horizontale que verticale. En particulier, c'est sur un de ces sites littoraux qu'en Pitchvnari on a réussi à reconstituer un plan d'un local à un autel de sacrifice. Dans le matériel céramique on peut surtout distinguer récipients en forme de petit baignoire à la surface travaillée «au tissu» aussi bien que grossièrement façonnés à la main (ceux-ci également sont trouvés pour la première fois en Pitchvnari), support en forme de corne, tablettes plates et poterie ménagère.

La poterie ménagère se trouve les analogies parmi les trouvailles de l'époque antique et préantique. Il est surtout à noter que, sur le campement de Pitchvnari, on a fixé pour la première fois la coexistence de certaines formes de la poterie estimées jusque là comme caractéristiques pour une des périodes en question. La confrontation des résultats obtenus à l'examen de la poterie ménagère de chacune des époques mentionnées laisse supposer que les couches d'habitation du campement de Pitchvnari sont chronologiquement intermédiaires entre les sites de la Géorgie Ouest se rapportant à l'époque préantique et ceux de l'époque antique. Le campement de Pitchvnari doit donc être daté des VIII—VII siècles av. n. è.

Б. А. ФОЛОМЕЕВ

ТЮКОВ ГОРОДОК

На юго-восточном берегу озера Лебединого, входящего в систему озер верховья р. Пры (левый приток Оки), в 100 *м* к северо-востоку от с. Тюково (бывш. Макеево) находится поселение с сетчатой керамикой (рис. 1). В литературе и архивных документах оно известно под несколькими названиями. О. Н. Бадер называет его Макеевским городищем или Тюковым городком, по карте А. А. Мансурова оно значится как Лебединское городище, так же его называют А. Л. Монгайт, А. П. Смирнов и Н. В. Трубникова, а Т. Б. Попова — стоянкой Городок и Тюковым городком [1]. Наиболее удачным из всех перечисленных выше названий представляется Тюков городок как наиболее точно определяющее его местоположение: в окрестностях с. Тюково, в урочище Городок (местное название памятника). Ниже в тексте он так и будет именоваться.

Тюков городок был открыт и обследован в 1928 г. О. Н. Бадером, отметившим наличие сильно оплывшего вала, раннюю сетчатую керамику и кремневые орудия на его площадке. В том же году на третьем совещании палеоэтнологов Центрально-промышленной области в Москве, а позже в ряде статей О. Н. Бадером было высказано предположение, что Тюков городок является древнейшим укрепленным поселением Волго-Окского междуречья, так как культурный слой его содержит раннюю сетчатую керамику и кремневые орудия, аналогичные керамике и орудиям стоянок [2]. В послевоенное время Тюков городок получил значительные повреждения в результате деятельности местных жителей, вырывших на его площадке и склонах более двух десятков ям разной величины. В 1967 г. Тюков городок был обследован автором, установившим, что отдельные его участки еще пригодны для раскопок. В 1967—1968 гг. И. К. Цветкова и Т. Б. Попова начали раскопки памятника, а в 1970—1971 гг. они были продолжены автором [3].

Тюков городок занимает останец озерной террасы, возвышающейся над меженным уровнем озера на 11—13 *м*. От современного берега озера он отделен заболоченной полосой шириной около 100 *м*. С северо-восточной и восточной сторон останец отделен от коренного берега оврагом с текущим по его дну ручейком. С юга и юго-востока заметно дугообразное повышение рельефа, отмеченное О. Н. Бадером как сильно оплывший вал. С северо-западной стороны останец ограничен крутым склоном озерной террасы, обращенным к берегу озера. Площадка поселения, овальная в плане, имеет размеры 65 × 45 *м*. Дугообразное повышение рельефа в южной части останца создает уклон его площадки к северу, достигающий 2,5 *м*.

---

[1] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 78; *А. А. Мансуров.* Материалы к археологической карте Рязанской области. НАРМ-726-III. Рязань, 1933; *А. Л. Монгайт.* Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, 1953, XVIII, стр. 152; *А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова.* Городецкая культура. САИ, Д1-14, М., 1965, стр. 30; *Т. Б. Попова.* Раскопки стоянки Логинов хутор. АО — 1968, М., 1969.

[2] *О. Н. Бадер.* Ук. соч., стр. 78.

[3] В 1967—1968 гг. было вскрыто 160 *м*², в 1970—1971 гг.—288 *м*². В данной работе учтены материалы за все годы раскопок. Приношу глубокую благодарность Т. Б. Поповой и И. К. Цветковой за разрешение использовать неопубликованные материалы.

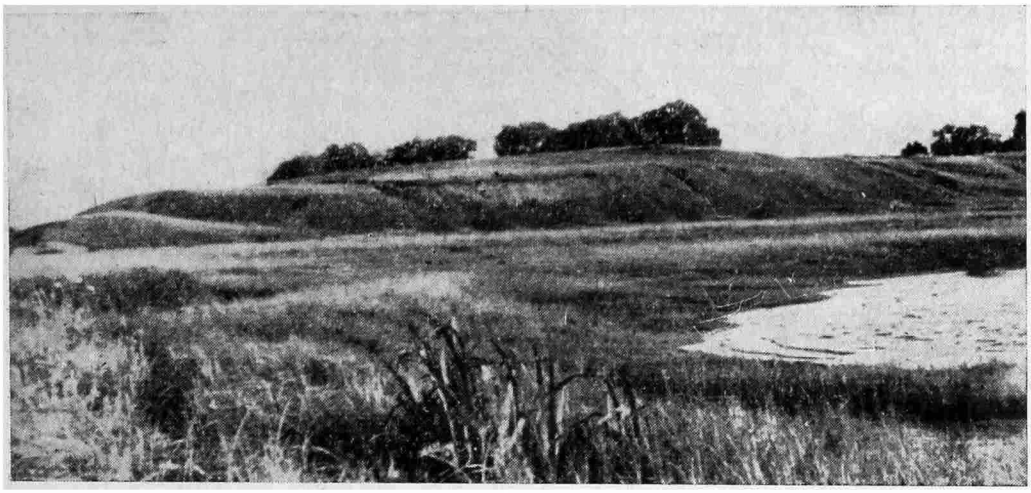


Рис. 1. Тюков городок. Общий вид

Почти все раскопы на Тюковом городке были заложены вдоль края площадки останца, обращенного к озеру (рис. 2). Культурный слой на краю площадки достигал 60 *см* и содержал большое количество находок, но мощность его значительно падала уже в 4—6 *м* от края. Рекогносцировочный же раскоп, заложенный Т. Б. Поповой в центре площадки, культурного слоя не показал и дал лишь отдельные мелкие фрагменты керамики. Подобное явление, когда в центре площадок древних поселений культурный слой отсутствует или имеется незначительной мощности, уже неоднократно отмечалось исследователями и характерно для городищ раннего железного века[4]. Причина обычно объясняется тем. что жилища располагались по краям площадки, в то время как центр использовался как загон для скота.

Раскопы 1970—1971 гг. вскрыли край описанного выше дугообразного возвышения в южной части Тюкова городка. Разрез показал, что в основе своей оно имеет морфологическое строение. Однако это естественное повышение рельефа было использовано для возведения на нем укреплений (рис. 3). С этой целью была произведена досыпка, в настоящее время сильно оплывшая и не превышающая высоты 70 *см*. Состав насыпи неоднороден, так как она возводилась из материала, взятого как с площадки поселения, так и с напольной стороны. С напольной стороны насыпь состоит преимущественно из желтого материкового песка, а со стороны площадки поселения — из культурного слоя с вкраплениями материкового песка. Под насыпью имелся непотревоженный культурный слой, содержащий керамику позднеолитическую, эпохи бронзы и раннюю сетчатую. В насыпи встречались те же типы керамики, что и под насыпью, однако при некотором увеличении доли сетчатой. В верхней же части насыпи и в культурном слое, перекрывающем насыпь, преобладала сетчатая керамика, характерная для ранних окских городищ.

На юго-западном углу поселения, в верхних горизонтах насыпи были прослежены остатки сгоревшего сооружения, по форме приближающегося к квадрату со сторонами около 4,5 *м*. К сожалению, плохое состояние вскрытых остатков не позволяет вполне определенно говорить о его назначении, хотя и можно предположить, что это была угловая башня. К сго-

[4] *М. Е. Фосс.* Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 68; *И. Г. Розенфельдт.* Итоги раскопок Щербинского городища. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 90.

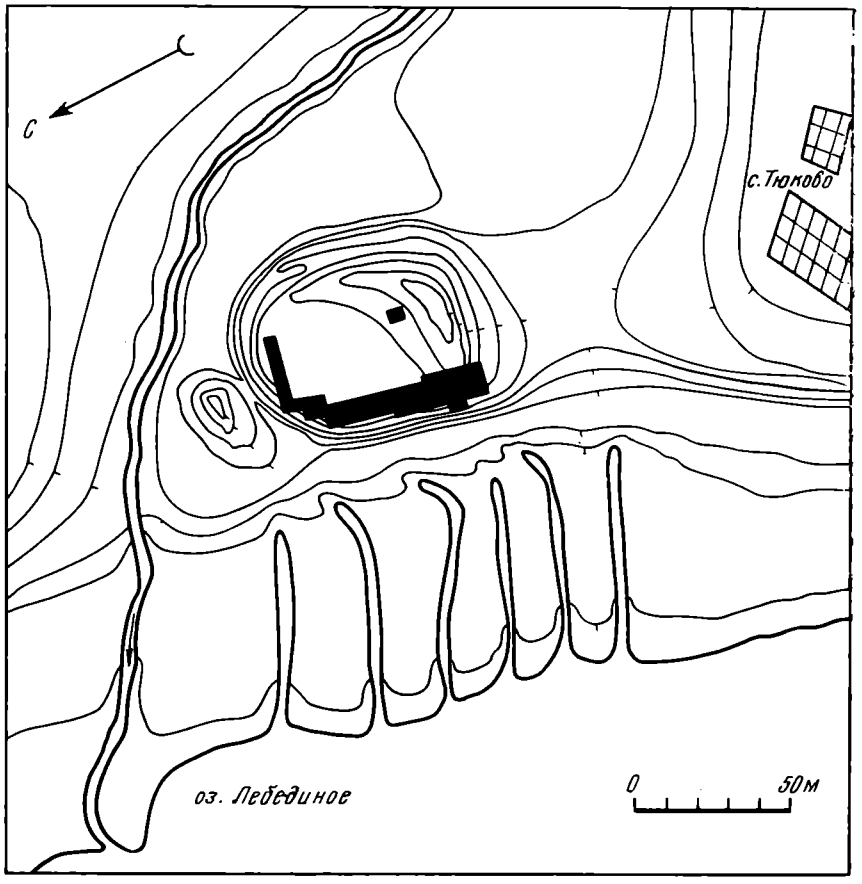


Рис. 2. Тюков городок. План

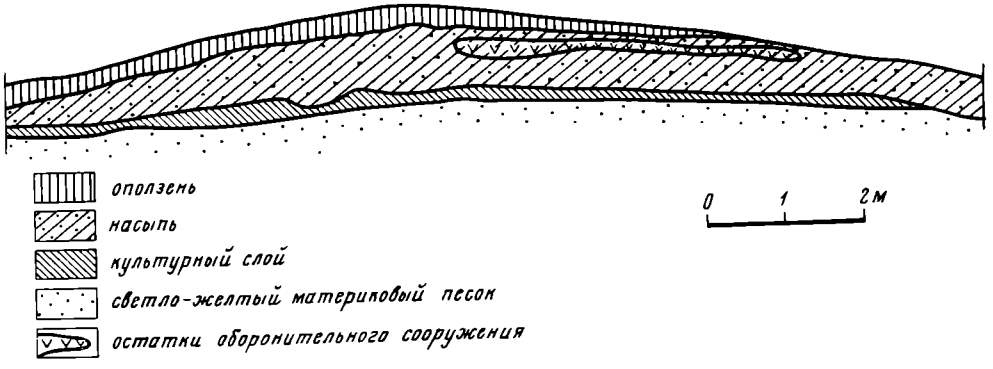


Рис. 3. Тюков городок. Разрез вала

ревшему сооружению подходил частокол, следы которого в виде углистых линз и отдельных ям от столбов прослежены вдоль крутого склона, обращенного к озеру.

На площадке поселения находки, относящиеся к разным эпохам, залегали совместно, что, по-видимому, связано со значительными земляными работами, производившимися при устройстве укреплений и постройке жилищ. Тем не менее типологическое их деление позволяет говорить о трех основных этапах заселения Тюкова городка: в эпоху ранней бронзы; в конце бронзового — начале раннего железного веков; в славянское время.

Находки, относящиеся к славянскому времени, представлены небольшим количеством гончарной керамики, датирующейся XIII—XV вв., и железными предметами. Они встречались по всей площадке поселения, но нигде не составляли четко выраженного слоя.

Слой ранней бронзы сохранился в непотревоженном состоянии только под валом, на остальной территории поселения встречались лишь единичные находки, относящиеся к этой эпохе.

Основной культурный слой Тюкова городка содержит сетчатую керамику. Он имеется на всей площадке поселения и местами его мощность достигает 60 *см*. Подавляющее большинство находок составляет керамика — 1711 фрагментов. Керамика с сетчатой поверхностью представлена 1476 фрагментами — 84%; штриховая — 9 фрагментов — менее 1%; гладкая — 226 фрагментов — 15% от общего числа керамики.

В качестве примесей к глиняному тесту в основном использовался шамот, реже встречался мелкий песок и в единичных случаях дресва. Внутренняя поверхность большинства сосудов имеет следы тонкой параллельной штриховатости, получавшейся в результате сглаживания рукой или куском кожи. Толщина стенок сосудов 4—8 *мм*. К дну стенки несколько утолщаются, но толщина днищ редко превышает 10 *мм*.

Просмотр обломков сосудов с точки зрения техники их лепки позволил установить отсутствие фрагментов со следами разлома по спаю. Если сосуды и изготавливались ленточным способом, то лепка их сопровождалась очень хорошей проработкой стенок сосудов, уплотнением спая лент.

Сетчатые отпечатки, как правило, покрывают всю поверхность сосудов. Однако имеются случаи заполнения ими только отдельных зон, чаще всего средней части сосудов. Иногда сетчатые отпечатки прослеживаются и на днищах сосудов, с внешних их сторон. Отмечено два случая, когда сетчатые отпечатки заходят на внутреннюю сторону сосудов, располагаясь полоской в 2—4 *см* вдоль их края.

В основу классификации сетчатой керамики Тюкова городка положены выделенные нами два типа и восемь вариантов сетчатых отпечатков, которые, как это будет показано ниже, имеют определенные хронологические и территориальные рамки бытования. Орнаментация, примеси и в той мере, насколько это удалось проследить, формы сосудов находятся в прямой зависимости от типов и вариантов сетчатых отпечатков, покрывающих эти сосуды.

Тип. I. «Ниточные» отпечатки. К первому типу отнесены отпечатки нитей и тонких веревочек, чаще всего свитых из двух прядей. В. А. Городцов керамику с подобными отпечатками называл «ниточной» и относил ее возникновение к эпохе бронзы [5].

Керамика с «ниточными» отпечатками широко распространена на стоянках и городищах бассейна Средней Оки [6]. Причем на некоторых памятниках она составляет 50% всей керамики. Значительно меньше ее на памятниках остальной территории Волго-Окского междуречья [7], Средней

---

[5] *В. А. Городцов.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. «Древности», XVII, М., 1900, стр. 26.

[6] Стоянки: Фефелов Бор I — КГИМ № 101122, 102017; Логинов хутор — КГИМ № 101357, 100935; Алекановская — КГИМ № 42784; Фефеловская Придорожная — КГИМ № 101120, 101125, 101562; Ловецкие Борки — КГИМ № 42781; Климентовская — КРМ № 266, 275, 357; Владычинская — КГИМ № 101826, 101991; Черная гора — КГИМ № 100681. Городища: Городецкое — КГИМ — 42782, КРМ — 27; Льговское — КРМ № 445; Канищевское — КРМ № 24; Троице-Пеленицкое — КРМ № 259; Седой бугор — КРМ № 413, Земляной Струг — коллекции Касимовского музея.

[7] Умиление II — КГИМ № 82541; Быки — КГИМ № 81932; Плещеево III — КГИМ № 102024; Николо-Перевоз II — КГИМ № 98861, 100708; Никольская II — коллекции Московского областного музея; Ватажка, Шуньга — *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 110, 1963, стр. 114, 154; Мамоново городище — *В. И. Качанова.* О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Труды Музея истории и реконструкции Москвы, 5, М., 1954,

Волге [8], на Севере и в Прибалтике [9]. Так же широки и хронологические рамки ее бытования — от позднего неолита до раннего железного века. За этот промежуток времени она довольно сильно видоизменилась. Один из основных признаков, по которому можно наметить ранние и поздние варианты окской керамики с «ниточными» отпечатками,— это направление наклона отпечатков витков веревочки, которое, в свою очередь, зависит от способа ее свивания [10]. Так, отпечатки веревочки, свитой в нап-

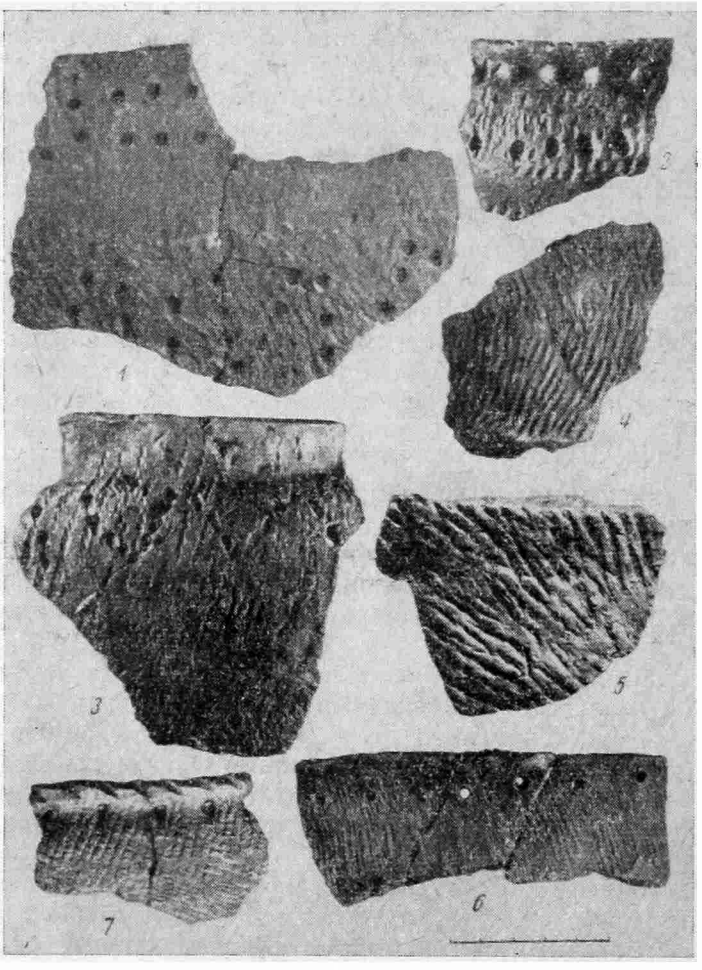


Рис. 4. Сетчатая керамика с Тюкова городка (*1—6*) и стоянки Фефелов Бор I (*7*)

равлении заворачивания винта, имеют правый наклон витков (рис. 4, *1—6*), а свитой в противоположном направлении — левый (рис. 4, *7*). Отпечатки только с правым наклоном витков имеются на керамике памятников рубежа бронзового и железного веков: Тюков городок, Ловецкие Борки, Плещеево III, Быки, а также на городищах раннего железного века. Отпечатки как с правым, так и с левым наклоном витков встречаются

стр. 18; Щербинское городище — *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Щербинского городища как источник для периодизации и этнического определения дьяковской культуры. СА, 1972, 4, стр. 44, 48.

[8] Гулькинская стоянка — КГИМ № 89045.

[9] Модлона — КГИМ № 80820, Лейманишки, Абора — *Л. В. Ванкина, Ф. А. Загорскис, И. А. Лозе.* Неолитические племена Латвии. МИА, 1972, Л., 1973, стр. 215, табл. 64, № 15—16.

[10] *А. С. Сидоров.* О витье волокнистых веществ. ИГАИМК, VI, вып. V, Л., 1930, стр. 6.

на памятниках, имеющих слои эпохи поздней бронзы: верхние слои стоянок Фефеловская Придорожная, Владычинская, Черная гора, Умиление II, Гулькинская и др. Отпечатки только с левым наклоном витков имеются на керамике более ранних стоянок: Фефелов Бор I, Логинов хутор, Лейманишки, Абора и др.

Таким образом, анализ керамики с «ниточными» отпечатками позволяет говорить об изменении способа витья веревок, которое произошло в лесной полосе Европейской части СССР в эпоху бронзы. Не исключено, что оно связано с изобретением какого-то нового приспособления для витья веревок.

На Тюковом городке керамика с «ниточными» отпечатками имеет только правый наклон витков. Она составляет 58,8% всей сетчатой керамики и представлена четырьмя основными вариантами (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение вариантов сетчатых отпечатков и орнаментации керамики

Варианты	Тип I — 868 фрагментов — 58,8%					Тип II — 608 фрагментов — 41,2%				
	I	II	III	IV	прочие	I	II	III	IV	прочие
Количество	97	487	210	24	50	24	20	409	126	29
%	6,7	33	14,2	1,6	3,4	1,6	1,4	27,7	8,6	1,9
Проколы под венчиками *	—	—	—	7	—	—	—	5	22	3
жемчужины	3	10	1	—	4	—	—	1	—	1
кружки	1	10	1	—	—	5	—	2	—	—
ямки	48	139	35	—	12	5	4	36	2	3
жемчужины и ямки	13	34	1	—	4	—	1	2	—	1
жемчужины и кружки	1	3	—	—	—	5	—	—	—	—
Количество орнаментированных фрагментов	66	196	38	0	20	15	5	41	2	5
% орнаментированных	68	40,2	18,1	0	40	62,5	25	10	1,6	17,2

* Проколы под венчиками не являются орнаментацией.

I. Легкие поверхностные отпечатки тонкой веревочки, нанесенные чаще всего без определенной системы. Лишь в некоторых случаях, чаще всего на венчиках, можно усмотреть некоторую параллельность отпечатков нитей (рис. 4, *1—2*). В качестве примесей к глиняному тесту употреблен песок и шамот. Процент орнаментированных фрагментов с отпечатками первого варианта очень высок — 68% от общего количества.

II. Четкие параллельные отпечатки двухпрядной веревочки. На верхних частях сосудов отпечатки чаще всего расположены вертикально и плотно примыкают друг к другу, но иногда бывают разрежены и приобретают диагональный наклон (рис. 4, *3*). К этому же варианту следует отнести параллельные, плотно расположенные, четкие «бороздчатые» оттиски, напоминающие штриховку, произведенную гребенчатым штампом. При ближайшем рассмотрении этих фрагментов оказалось, что они несут внутри борозд отпечатки волокон веревки (рис. 4, *4*). Почти единственной примесью к керамике с отпечатками второго варианта является шамот. Значительная часть фрагментов — 40,2% — орнаментирована.

Орнаментация сосудов с «ниточными» отпечатками первых двух вариантов существенно не отличается. Венчики сосудов чаще всего украшены пояском жемчужин с идущими под ними одним-двумя рядами круглых ямок. На тулове ямки, как правило, наклонные и образуют геометрические мотивы (горизонтальный зигзаг, треугольник с опущенной вниз вершиной) или же они беспорядочно разбросаны по всему тулову. Иногда встречается кружковый орнамент.

Керамика первых двух вариантов более всего характерна для памятников конца бронзового — начала раннего железного веков бассейна Средней Оки: стоянки Ловецкие Борки, Фефеловская Придорожная, Черная гора, Климентовская; городища Городецкое, Льговское, Канищевское и др. Встречается она и в памятниках с ранней сетчатой керамикой на Верхней Волге: Ватажка, Шуньга, Плещеево III. Однако здесь процент ее ничтожен.

Стратиграфическое положение этой керамики на Тюковом городке, залегающей преимущественно под валом (табл. 2), соответствует ее раннему облику.

Таблица 2

Распределение сетчатой керамики в насыпи вала

Варианты		Тип I				Тип II				Всего
		I	II	III	IV	I	II	III	IV	
0—40 *см* Верхняя часть насыпи	Количество	2	1	1	2	—	—	39	25	70
	%	2,9	1,4	1,4	2,9	—	—	55,7	35,7	100
40—70 *см* Нижняя часть насыпи	Количество	11	5	4	2	1	—	30	8	61
	%	18	8,2	6,6	3,3	1,6	—	49,2	13,1	100
70—100 *см* Слой под насыпью	Количество	10	11	5	1	4	—	5	4	40
	%	25	27,5	12,5	2,5	10	—	12,5	10	100

III. Разреженные, прерывистые, пересекающие друг друга отпечатки веревочки. Чаще всего они нанесены небрежно и имеют следы сглаживания по сырой глине (рис. 4, *5*). Наиболее часто встречающейся примесью к глиняному тесту является шамот, реже песок. Число орнаментированных фрагментов невелико — 18,1%. Орнамент состоит преимущественно из наклонных ямок и располагается только в верхней части сосудов. Характерными являются пояски из спаренных ямок. Жемчужины встречены только дважды.

Керамика с «ниточными» отпечатками третьего варианта обычна для ранних городецких городищ. На поздних городищах — конец I тысячелетия до н. э. и начало нашей эры — очертания отпечатков становятся резче, наносятся они еще более беспорядочно. Значительная примесь шамота, а иногда и дресвы не позволяет нанести четкие отпечатки на бугристую поверхность сосудов и поэтому они выглядят весьма неряшливо (городища Тронце-Пеленицкое, Седой Бугор). К северу от Оки керамика с отпечатками третьего варианта встречается гораздо реже (Николо-Перевоз II и др.).

IV. Параллельные, плотно прилегающие один к другому оттиски тонкой веревочки (нити). На венчиках они имеют легкий наклон, на тулове наклон нитей разный, но пересечение нитей наблюдается редко (рис. 4, *6*).

Фрагменты с отпечатками четвертого варианта несколько тоньше других (4—5 *мм*) и имеют всегда примесь мелкого песка. Орнамент на них не встречен ни разу. Однако на большинстве венчиков есть круглые проколы, которые, как полагают некоторые исследователи, имели утилитарное на-

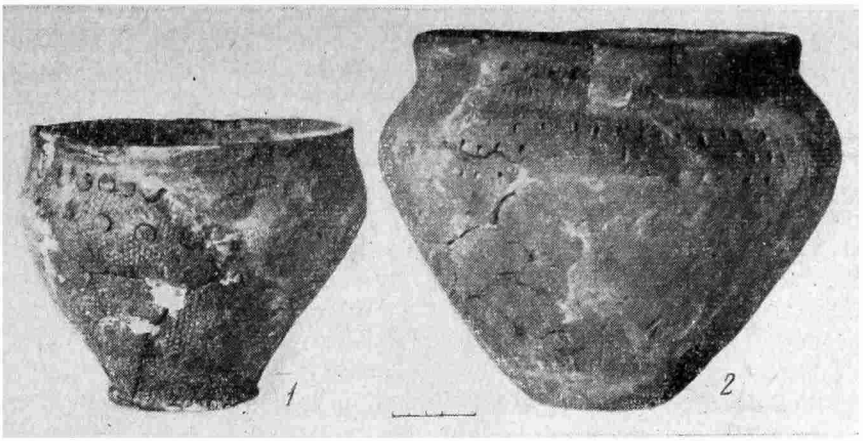


Рис. 5. Тюков городок. Сосуды с сетчатыми отпечатками

значение, т. е. служили для выхода пара из сосуда, закрытого крышкой [11].

Керамика с «ниточными» отпечатками четвертого варианта встречается на ранних городецких и дьяковских городищах (Городецкое, Канищевское, Льговское, Мамоновское), но отсутствует на поздних.

Кроме разобранных выше четырех вариантов «ниточных» отпечатков имеется некоторое количество фрагментов с отпечатками, которые не могут быть отнесены ни к одному из выделенных вариантов и, не составляя серий, не образуют самостоятельных вариантов. К последним отнесены и фрагменты с произвольно изогнутыми «ниточными» отпечатками (рис. 4, 7).

Тип II. «Рябчатые» отпечатки. Второй тип сетчатых отпечатков представлен подпрямоугольными, вытянутыми овальными или изогнутыми, напоминающими след ногтя ячейками. В. А. Городцов такую керамику называл «рябчатой» [12]. На Тюковом городке керамика с «рябчатыми» отпечатками составляет 41,2% всей сетчатой и представлена четырьмя вариантами (табл. 1).

I. Мелкие подквадратные углубления размером 1—1,5 *мм*, сплошь покрывающие поверхность сосуда (рис. 5, *1*). В глиняном тесте фрагментов с этими отпечатками имеется примесь мелкого песка. Венчики оформлены поясками жемчужин и идущими под ними рядами кружков или каплевидных ямок («слезок»).

Керамика с «рябчатыми» отпечатками первого варианта наибольшее распространение получила на памятниках ранней сетчатой керамики Верхней Волги [13]. На Оке она встречается в слоях эпохи бронзы (стоянки Владычинская, Логинов Хутор, Фефелов Бор I, Борковские I, II, Волосовская, Пировская и т. п.) [14]. Самые южные точки ее распространения отмечены в Шацком районе Рязанской области [15] и Белевском районе Тульской области [16]. Встречается она также на приказанских памятниках (стоянки Гулькинская, Казанка). На этих памятниках она датируется также эпохой бронзы. Количество ее, однако, резко падает на памятниках конца эпохи бронзы, составляет ничтожный процент даже на самых ранних дьяковских городищах и полностью отсутствует на городецких. Иск-

[11] *В. Г. Миронов.* Посуда городецкого слоя Березниковского городища. Сб. «Античный мир и археология», I, Саратов, 1972, стр. 42.

[12] *В. А. Городцов.* Ук. соч.

[13] *А. Л. Никитин.* Дикариха. МИА, 110, 1963, стр. 208; *Н. Н. Гурина.* Ук. соч., стр. 153, 154 и др.

[14] Борковские I—II — КРОМ № 41, 469, 472; Волосовская — КГИМ № 5897, Пировская — коллекции Владимиро-Суздальского музея.

[15] Коллекции Желановского музея. Раскопки Н. И. Панина.

[16] Михайловский хутор — КГИМ № 100264. Сборы Л. В. Греховой.

лючение, пожалуй, составляет только Северный мыс Старой Рязани, но и там она залегает совместно с керамикой эпохи бронзы [17]. Соответствует раннему характеру этой керамики и залегание ее на Тюковом городке преимущественно в слое под валом (табл. 2).

II. Изогнутые дугообразные оттиски, напоминающие след ногтя (рис. 6, *1, 4*). На поверхности сосудов иногда располагаются зонами. Из примесей отмечен только песок. Орнамент, состоящий из рядов жемчужин и ямок, имеется только на верхних частях сосудов.

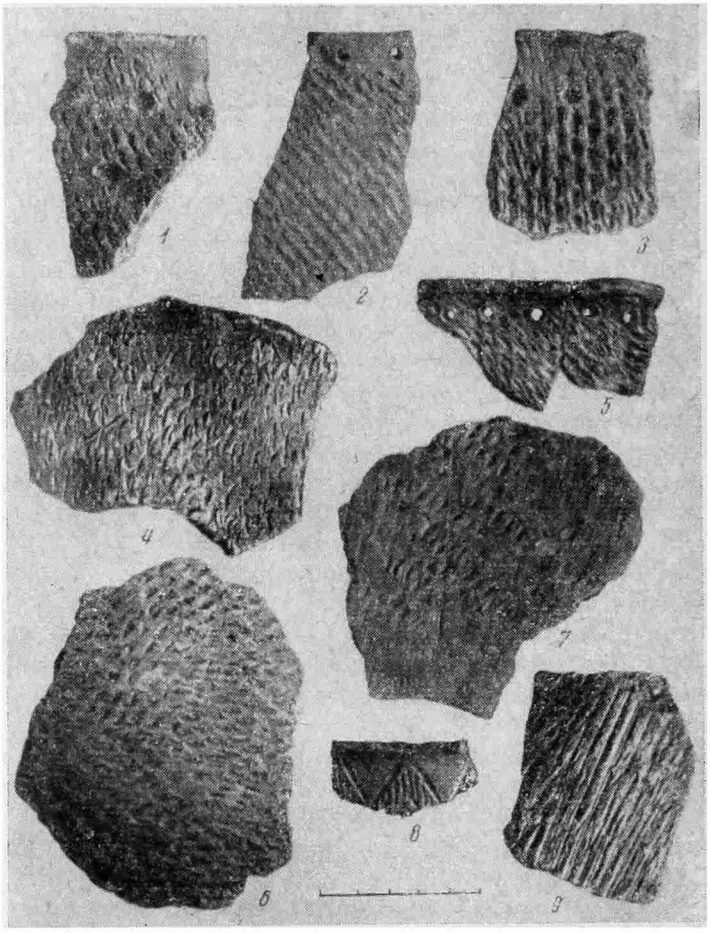


Рис. 6. Тюков городок. Сетчатая керамика (*1—7*), гладкостенная (*8*), штрихованная (*9*)

Разреженные, крупные «ногтевидные» отпечатки более всего характерны для керамики поздняковских стоянок (Логинов хутор, Фефеловская Придорожная, Коренец II, Пировская и др.). Так, на стоянке Коренец II керамика с этими отпечатками составляет около 60% от всей сетчатой. Более мелкие и часто нанесенные на поверхность сосудов «ногтевидные» отпечатки встречаются и на дьяковской керамике. Однако типологически они четко отличаются от отпечатков эпохи бронзы.

III. Овальные ячейки размером 2—3 *мм*, часто пересекающиеся и накладывающиеся друг на друга (рис. 6, *5, 6*). Всего 10% керамики с от-

[17] *И. Г. Розенфельдт.* Исследования Северного мыса городища Старая Рязань. КСИА АН СССР, 119, 1969, стр. 86—92.

печатками этого варианта орнаментировано. Жемчужины встречены только на трех венчиках. Иногда в верхних частях сосудов имеются ямки, сгруппированные по 2—6, или небрежные наклонные ямки, не спускающиеся ниже верхней трети сосудов. Пять венчиков имеют мелкие сквозные проколы, указывающие на относительно поздний возраст этой керамики. Об этом же свидетельствует ее стратиграфическое положение в валу Тюкова городка (табл. 2).

Керамика с «рябчатыми» отпечатками третьего варианта более всего характерна для ранних дьяковских и в несколько меньшей степени городецких городищ (Старшее Каширское, Дьяковское, Городецкое, Льговское) [18]. На Верхней Волге она появляется на памятниках рубежа бронзового и железного веков (Плещеево III, Ватажка, Шуньга). Однако отсутствует на более раннем поселении и в могильнике Дикариха [19]. Нет ее также на поздняковских стоянках и на стоянке Фефелов Бор I.

IV. Глубокие, резко очерченные подпрямоугольные ячейки со скругленными углами размером 2—3 *мм*, поставленные вплотную друг к другу. По внешнему виду они напоминают «рогожные» отпечатки. Однако отличаются от последних несколько меньшими размерами и скругленными очертаниями (рис. 6, *2, 3*). В качестве примеси чаще всего применялся шамот, реже песок. Большая часть венчиков с отпечатками четвертого варианта имеет сквозные проколы. Орнамент, состоящий из парных ямок, встречен только на двух фрагментах (табл. 1).

Керамика с «рябчатыми» отпечатками четвертого варианта встречается почти на всех памятниках Волго-Окского междуречья, имеющих слои начала раннего железного века. Особенно много ее на ранних городищах Костромского Поволжья [20]. В валу Тюкова городка эта керамика залегает преимущественно в верхней части насыпи (табл. 2).

Два рассмотренных выше типа сетчатых отпечатков соответствуют, по нашему мнению, двум различным способам их нанесения.

«Ниточные» отпечатки, по мнению В. А. Городцова, наносились путем многократного прикладывания к поверхности сосуда крученой нити, которую держали в двух руках [21]. Н. И. Лебедева, изучавшая народное ткачество в Рязанской губернии, получила отпечатки, близкие «ниточным», при прикладывании к сырой глине ткани, изготовленной «способом тканья на дощечке» [22]. И. Лозе, рассматривая прибалтийскую керамику со «сплошь покрывающими ее оттисками шнура», близкую «ниточной» окской, предполагает, что отпечатки наносились «посредством прикладывания к сосуду дощечки с намотанной на нее веревочкой» [23].

Возможно, в отдельных случаях эти способы и имели место. Однако изучение керамики Тюкова городка позволяет утверждать, что на большинство сосудов «ниточные» отпечатки были нанесены другим способом. Так, способом В. А. Городцова невозможно получить параллельные четкие отпечатки. Против употребления тканей в нанесении «ниточных» отпечатков свидетельствует отсутствие следов чередования нитей основы и нитей утка. Правда, на некоторых финно-угорских тканях первых веков нашей эры нити основы полностью закрываются уточными [24], и такими тканями можно было бы нанести отпечатки, близкие к описанным в ва-

---

[18] Старшее Каширское — КГИМ № 57980, Дьяковское — КГИМ № 42044.

[19] *А. Л. Никитин.* Ук. соч.

[20] *Н. Н. Гурина.* Ук. соч., стр. 176. Быки — КГИМ № 81932.

[21] *В. А. Городцов.* Бытовая археология. М., 1910, стр. 372, 373.

[22] *Н. И. Лебедева.* Народный быт в верховьях Оки и Десны. Часть I. Народный костюм, прядение, ткачество. М., 1927, стр. 40; *Н. И. Лебедева.* Городок у деревни Новоселки Рязанского уезда. «Вестник рязанских краеведов», Рязань, 1924, 4.

[23] *И. Лозе.* Поздний неолит и ранняя бронза Восточной Латвии. Автореф. канд. дис. Л., 1972, стр. 21.

[24] *Л. Е. Ефимова.* Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н. э. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 128.

риантах II и IV, но разреженность нитей на керамике позволяет усомниться в этом. При помощи дощечки с намотанной на нее веревочкой «ниточные» отпечатки окского типа получить невозможно, так как в этом случае они располагались бы на участках, имеющих границы, чего не наблюдается на керамике Тюкова городка.

Изучение «ниточных» отпечатков Тюкова городка позволило установить инструмент, которым они наносились. Это была палочка с намотанной на нее веревочкой. «Ниточные» отпечатки наносились прокатыванием ее по поверхности сосуда. Другим орудием нанести «ниточный» отпечаток на отдельные части сосуда, например на изгибающийся венчик, невозможно. При внимательном рассмотрении можно заметить и состыковку крайних витков. На некоторых сосудах отчетливо заметно и резкое изменение угла, под которым палочка находилась к поверхности сосуда (рис. 5, *2*).

Большинство «ниточных» отпечатков Тюкова городка, выполненных тщательно и красиво, несомненно, имело орнаментальное значение, но это не исключает и практических целей. Прокаткой по поверхности сосуда такой своеобразной «скалкой» разравнивалась его поверхность и уплотнялось глиняное тесто.

В вопросе о способе нанесения сетчатых отпечатков второго типа большинство исследователей пришло к выводу, что они также не могли быть оставлены тканями. По мнению Н. Н. Гуриной и А. Л. Никитина, они наносились путем многократного прикладывания к стенкам сосуда зубчатого штампа (вариант I) [25]. Н. В. Трубникова и Н. Арзютов считают, что штамп для нанесения сетки был многорядным [26]. А. Х. Халиков полагает, что сетчатые отпечатки выполнялись особым чеканом [27]. С. А. Семенов считает возможным, что для нанесения сетчатых отпечатков могла быть использована палочка с намотанной на нее веревочкой [28], т. е. то же самое орудие, которым наносились отпечатки первого типа. Палочкой надавливали или даже ударяли плашмя по поверхности сосуда. Такими ударами прорабатывалась вся поверхность сосуда. Характер отпечатков зависел от толщины палочки, толщины и характера веревочки и способа ее намотки на палочку. В том, что данный способ нанесения сетчатых отпечатков действительно имел место на Тюковом городке, убеждают четкие следы витков веревочки, намотанной на палочку в виде растянутых «гусеничных» отпечатков, имеющиеся на нескольких фрагментах (рис. 6, *7*). При проработке поверхности сосуда ударами такого орудия получаются «рябчатые» отпечатки третьего варианта (рис. 6, *5, 6*).

Фрагментарность керамического материала не позволила выявить все формы сосудов, бытовавшие у населения Тюкова городка. Однако два основных типа сосудов выступают здесь достаточно отчетливо.

К первому типу, представляющему абсолютное большинство, отнесены горшки развитых форм, имеющие короткий прямой или плавно отогнутый венчик, переходящий в расширенное в верхней трети тулово (рис. 5, *1,2*). Бортики венчиков чаще всего уплощены, иногда скруглены. Все уплощенные венчики и некоторые скругленные имеют по верху сетчатые отпечатки. Днища сосудов плоские, чаще всего с закраинами.

---

[25] *Н. Н. Гурина.* Ук. соч., стр. 98; *А. Л. Никитин.* Ук. соч., стр. 208.

[26] *Н. В. Трубникова.* О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ. КСИИМК, 47, 1952, стр. 125; *Н. Арзютов.* К вопросу о так называемой «рогожной» керамике. Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения, 35, I, Саратов, 1926.

[27] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960, стр. 144.

[28] *С. А. Семенов.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды. КСИИМК, 57, 1955, стр. 141.

Реставрированные и реконструированные сосуды первого типа имеют следующие параметры (в сантиметрах):

	Номера сосудов								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
диаметр шейки	19	20	19	22	28	17	11	29	31
диаметр тулова	24	24	21	24	31	20	13	32	34
диаметр днища	8	7	7	8	11	9	6	12	11
высота сосуда	17	20	15	21?	26?	16?	11?	30?	32?

Приведенные выше цифровые показатели свидетельствуют о довольно устойчивой, выработанной форме сосудов первого типа. Днища их в 2—3 раза меньше диаметра по тулову, а высота близка диаметру по шейке и никогда не превышает диаметра по тулову.

На сосудах первого типа встречены сетчатые отпечатки только ранних вариантов (тип I, варианты I, II, III; тип II, варианты I, II и частично III). Почти все они орнаментированы.

Сосуды, близкие по форме описанным выше, встречены на Липкинской стоянке [29], Северном мысу Старой Рязани [30], стоянке на месте Старшего Волосовского могильника и в самом Волосовском могильнике [31], на стоянке Фефеловская Придорожная и других памятниках эпохи бронзы Волго-Окского междуречья. Известны подобные формы и из нижних слоев дьяковских городищ [32].

Подчеркивая близость сосудов первого типа сосудам эпохи бронзы, с одной стороны, и сосудам раннего железного века — с другой, необходимо отметить, что по всему комплексу признаков они стоят гораздо ближе к первым, чем ко вторым. К числу этих признаков относятся: хорошо промешанное глиняное тесто и состав примесей к нему, обработка внутренней поверхности, почти 100%-ная орнаментация сосудов и частое применение жемчужин, редко встречающихся на памятниках раннего железного века.

Второй тип представлен несколькими вариантами горшков усеченно-конических форм с прямыми венчиками и невыделенными шейками. Венчики всегда уплощены, иногда даже имеют Т-образную форму и всегда сопровождаются сетчатыми отпечатками, нанесенными поверху. Эта форма сосудов характерна для ранних дьяковских городищ.

Второму типу сосудов соответствуют поздние варианты сетчатых отпечатков: тип I, вариант IV, тип II, варианты III—IV. Орнамент на них встречается очень редко и представлен только круглыми ямками, сгруппированными по 2—6 в верхней части сосудов. Более половины всех сосудов второго типа имеют на венчиках проколы.

Кроме охарактеризованных выше двух типов сосудов встречены фрагменты от двух сосудов, имеющих ребристость; несколько баночных и чашевидных и четыре обломка миниатюрных бокаловидных сосудиков с поддонами. Последние имеют аналогии на некоторых поздняковских и раннедьяковских памятниках [33].

---

[29] *Б. С. Жуков.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики. «Этнография», 1, 1929, табл. 1, *10*.

[30] *И. Г. Розенфельдт.* Исследования Северного мыса..., рис. 41, *17*.

[31] *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966, рис. 34, ГИМ № 58544.

[32] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Щербинского городища..., стр. 49, рис. 5, *8—12*.

[33] *Т. Б. Попова.* Коренецкие стоянка и могильник. СА, 1965, 1, стр. 161; *И. Г. Розенфельдт.* Об относительной хронологии дьяковских городищ. КСИА АН СССР, 133, 1973, стр. 112, рис. 46, *5—7*.

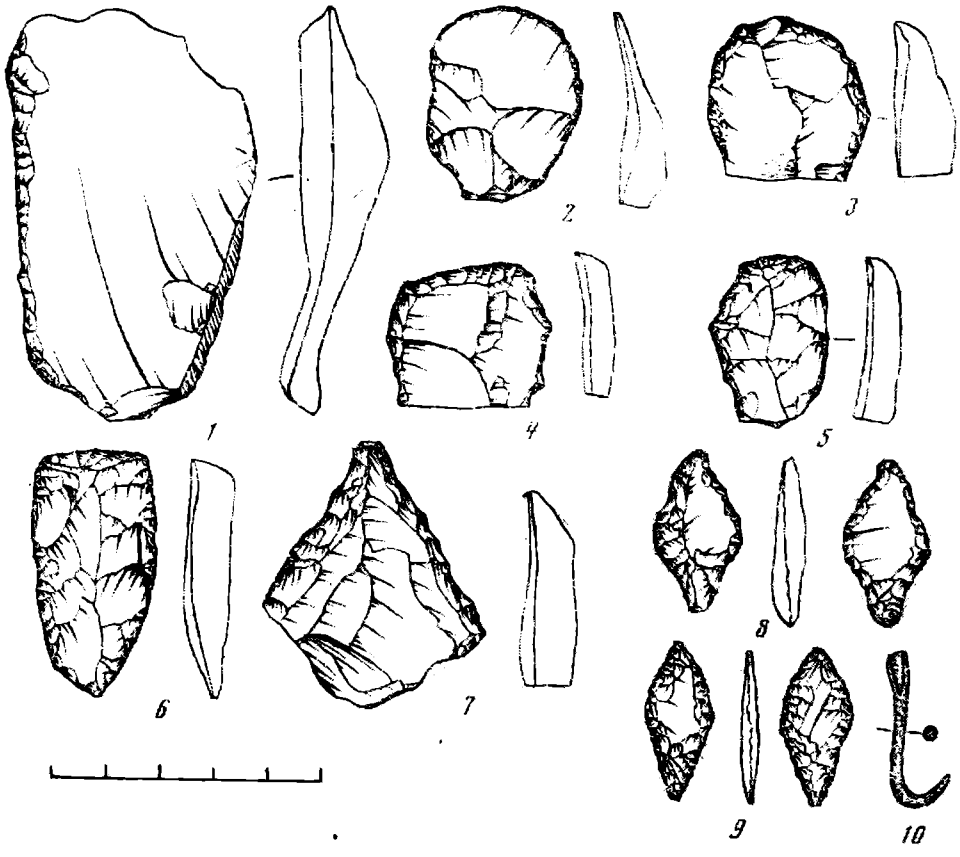


Рис. 7. Тюков городок. Орудия из кремня (*1—9*), бронзовый крючок (*10*)

Кроме сетчатой основной культурный слой Тюкова городка характеризуется небольшим количеством штрихованной керамики (9 фрагментов) и гладкостенной (226 фрагментов). Штрихованная керамика имеет четкие и довольно глубокие штрихи (рис. 6, *9*). Гладкостенная по составу примесей, форме сосудов и орнаментации не отличается от сетчатой. Возможно, к основному культурному слою относятся и два балановских фрагмента (рис. 6, *8*).

Кремневых орудий, которые с уверенностью можно связать с основным культурным слоем, немного. Большинство из них изготовлено на пластинчатых отщепах, ножевидных пластин нет. Кремень — коричневый, обычный для Средней Оки. Отходов кремневой индустрии мало. Нуклеусы не имеют правильной формы, невелики по размерам, что подчеркивает небрежность в изготовлении орудий.

Больше всего найдено скребков — 8 экз. Часть их вытянута и имеет полукруглый рабочий край (5 экз.), но есть и с прямым рабочим краем. Следует отметить скребок трапециевидной формы, подтреугольного сечения, с высокой полностью обработанной спинкой (рис. 7, *6*). Подобные скребки характерны для поздняковской культуры [34]. Овальный скребок (рис. 7, *5*) имеет также аналогии на поздняковских памятниках, но в большей степени они характерны для памятников ранней сетчатой керамики (стоянки Фефелов Бор I, Плещеево III и др.). Скребки на плоских округлых отщепах, обработанные по краю мелкой ретушью (рис. 7, *2, 3*),

[34] *Т. Б. Попова.* Ук. соч., стр. 165, рис. 4, *19—21.*

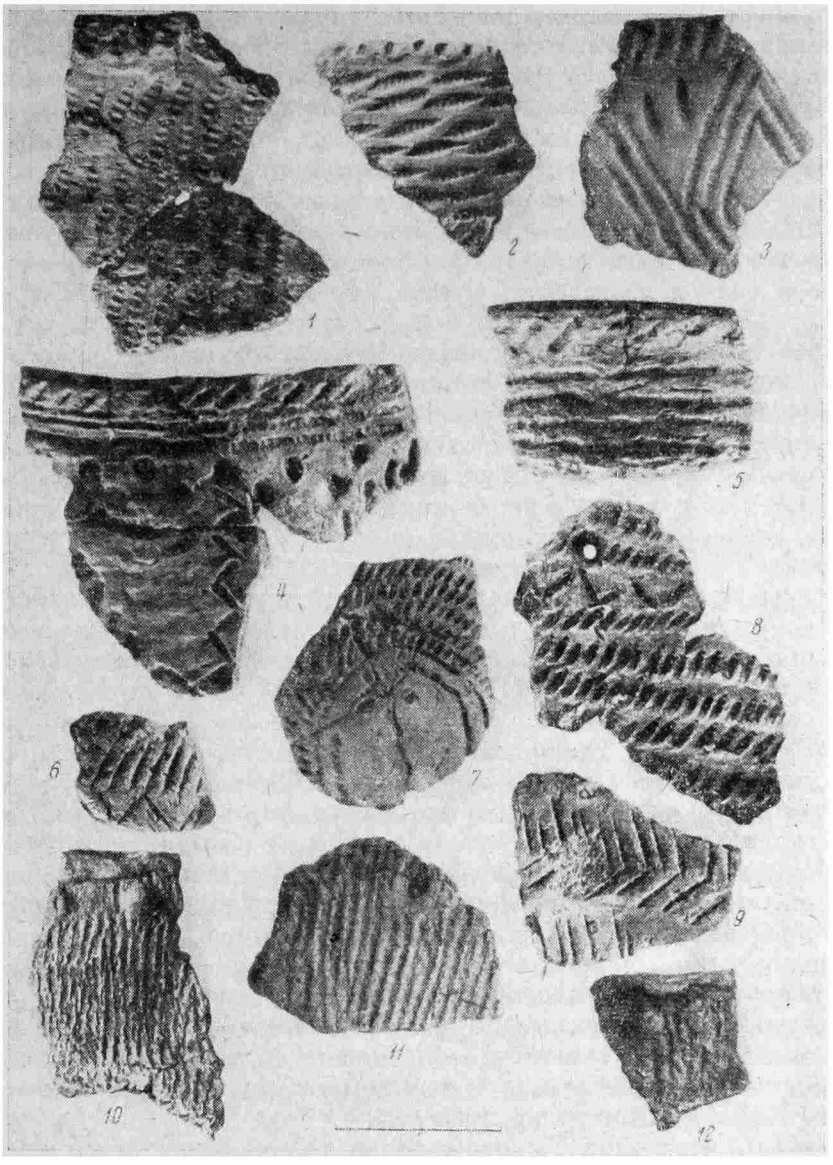


Рис. 8. Тюков городок. Керамика нижнего культурного слоя (*1—9*), ошлакированная сетчатая керамика (*10—12*)

встречаются на памятниках ранней сетчатой керамики и дьяковских городищах [35].

Из остальных кремневых орудий выделяется нож на крупном пластинчатом отщепе (рис. 7, *1*), имеющий аналогии на поздняковских памятниках; двустороннее сверло (рис. 7, *8*) и небольшая ромбоидальная стрелка на тонком пластинчатом отщепе (рис. 7, *9*).

В целом кремневую индустрию Тюкова городка можно охарактеризовать как имеющую явные черты упадка, что, по-видимому, связано с началом применения железных орудий.

Бронзовых изделий найдено всего два — рыболовный крючок (рис. 7, *10*), аналогичный крючкам, найденным на абашевских, приказанских и ананьинских памятниках [36], и обломок пластины.

---

[35] *Н. Н. Гурина.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА 87, 1961, стр. 464; *П. Н. Третьяков.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, 5, 1941, стр. 21, 29.

[36] *Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, 42, 1954, стр. 238, рис. 47, *8*.

Возможность применения железных орудий и даже плавки болотной руды племенами ранней сетчатой керамики на Тюковом городке получила подтверждение в процессе раскопок 1971 г. На западном углу поселения, на площадке и склонах было найдено несколько десятков кусков шлака с очень большим содержанием руды, сопровождаемых фрагментами ошлакованной керамики с сетчатыми отпечатками (рис. 8, *10—12*). Кроме того, в нижней части раскопа на склоне была вскрыта яма овальной формы, размером 210 × 120 *см*, глубиной 50 *см*, в которой были найдены куски шлака и крупные фрагменты сосудов. Однако отсутствие ошлакованности на керамике и следов разведения огня в яме не позволяет считать ее плавильной.

Датировка основного культурного комплекса Тюкова городка пока может быть намечена лишь ориентировочно. Самые поздние варианты сетчатой керамики, встреченные на Тюковом городке, имеют аналогии в нижних слоях дьяковских и городецких городищ, время возникновения которых относится к VIII—VII вв. до н. э.[37] По-видимому, эта дата и является концом существования поселения. Подтверждением ее служит отсутствие на Тюковом городке рогожной керамики, которая появляется в бассейне Средней Оки не позже середины I тысячелетия до н. э.

Стратиграфическое распределение сетчатой керамики, зафиксированное при вскрытии вала, дает основание считать, что он был возведен в конце существования поселения, так как поздние варианты сетчатой керамики (тип II, варианты III, IV) встречены как в самой насыпи, так и в небольшом количестве в слое под насыпью (табл. 2). В то же время керамика с сетчатыми отпечатками ранних вариантов залегает преимущественно в слое под насыпью. Таким образом, устанавливается перекрытие валом слоя с ранней сетчатой керамикой, аналогичной сетчатой керамике стоянок эпохи бронзы. Однако это не исключает возможности существования до возведения вала на Тюковом городке простейших оборонительных сооружений типа тына, прослеженного по краю площадки поселения.

Время образования слоя с ранней сетчатой керамикой, перекрытого валом, должно быть не позднее X—VIII вв. до н. э. Проведенный выше анализ керамики и кремневого инвентаря подтверждает эту дату. Не противоречит ей и отмеченный выше факт плавки болотной руды на Тюковом городке, так как начало изготовления железа из местных руд в лесной полосе Восточной Европы большинством исследователей датируется рубежом II и I тысячелетий до н. э.[38]

Перерыва в заселении Тюкова городка в период жизни на нем племен сетчатой керамики, возможно, не было. Однако резкое отличие сетчатой керамики ранних вариантов и более поздних городищенского облика и стратиграфическое их разделение, отмеченное при вскрытии вала, свидетельствуют о значительных изменениях в жизни обитателей Тюкова городка, вызванных, возможно, притоком нового населения с севера или северо-востока.

Рассмотренный выше материал характеризует вполне определенный этап этнокультурного и социально-экономического развития бассейна Средней Оки. В этот период широко распространилась сетчатая керамика при преобладании керамики с «ниточными» отпечатками. На ряде памятников отсутствует, а на других имеет очень ограниченное применение зубчатый и нарезной орнамент. Круглодонная посуда целиком выходит из употребления. Появляются новые варианты сетчатых отпечатков, получившие распространение на ранних городищах. Выходит из употребления кремневый инвентарь, заменяясь, по-видимому, железными орудиями. Поселе-

---

[37] *И. Г. Розенфельдт.* Ук. соч., стр. 109.

[38] *П. Н. Третьяков.* Ук. соч., стр. 114; *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 39; *Б. Н. Граков.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, 4.

ния переносятся на высокие места, и в конце этого периода возникают городища. Памятниками, близкими Тюкову городку по топографическому положению и составу находок на Средней Оке, являются: Ловецкий городок (Ловецкие Борки), Северный мыс Старой Рязани, Климентовская стоянка, Лашминский городок (близ г. Касимова). Сетчатую керамику ранних типов содержат также нижние слои некоторых городецких городищ: Городецкого, Канищевского, Дашковского, Льговского и др. Таким образом, поселения типа Тюкова городка являются связующим звеном между памятниками двух типов: стоянками и городищами, памятниками бронзовой и железной эпох.

Приведенная выше таблица соотношения вариантов сетчатых отпечатков на керамике Тюкова городка наглядно показывает сосуществование самых ранних вариантов сетчатых отпечатков (тип I, вариант I; тип II, варианты I, II) с более поздними. Однако ранние находятся в явном меньшинстве. На керамике одного из самых ранних городищ городецкой культуры — Городецкого — ранние варианты сетчатых отпечатков отсутствуют, а доля самых поздних увеличивается:

Тип	I			II		Прочие
Вариант	II	III	IV	III	IV	
% от всей сетчатой керамики	10	20	25	20	15	10

В то же время на таких стоянках эпохи бронзы, как Коренец II и Фефелов Бор I, керамика с поздними вариантами сетчатых отпечатков отсутствует.

Приведенные выше показатели распространения на памятниках сетчатой керамики разных вариантов свидетельствуют о постоянном развитии сетчатых отпечатков во времени. Факт этот имеет большое практическое значение, так как при дальнейшем изучении сетчатой керамики можно будет усовершенствовать относительную хронологию памятников, содержащих ее.

Кроме того, необходимо отметить, что многие традиции, оформившиеся на рубеже бронзового и железного веков, переходят в ранний железный век. К одной из них относится изготовление керамики с «ниточными» отпечатками, редко встречающейся на других территориях. Появившаяся в эпоху бронзы и получившая наибольшее распространение в период Тюкова городка керамика с «ниточными» отпечатками имеет значительный процент и на ранних городецких городищах бассейна Средней Оки, составляя на Городецком, Конищевском и Льговском городищах около 50% относительно всей сетчатой керамики. Причем на этих городищах она преобладает над рогожной керамикой.

В заключение остановлюсь на материале из нижнего культурного слоя Тюкова городка, обнаруженного в непотревоженном состоянии только под валом.

Керамика, представленная 279 фрагментами, отличается значительным своеобразием. Сосуды реконструируются как круглодонные, с отогнутыми наружу или прямыми венчиками, переходящими в слегка выпуклое тулово. Венчики иногда имели утолщения, несколько напоминающие «воротнички» на сосудах рязанской культуры второго этапа [39] (рис. 8, *1, 3, 4*) или на сосудах эпохи бронзы Среднего Поволжья и Прикамья. В качестве примесей к глиняному тесту этих сосудов чаще всего добавлялся мелкий песок и иногда шамот. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 0,8 *мм*. На внут-

[39] *И. К. Цветкова.* Племена рязанской культуры. Сб. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы». ТГИМ, 44, М., 1970, стр. 106—108.

ренней поверхности сосудов иногда видны глубокие расчесы гребенчатого штампа. Орнамент, как правило, покрывающий всю поверхность сосудов, выполнен крупным и мелким зубчатыми штампами; «рамчатыми» отпечатками (рис. 8, *1*), нарезными линиями; ямками, чаще всего наклонными и образующими геометрические мотивы; отпечатками веревочки и отступающей палочки (рис. 8). В керамике нижнего культурного слоя встречаются черты, объединяющие ее с волосовской — «рамчатый» штамп; рязанской второго этапа — «воротнички», наклонные ямки; но больше аналогий с керамикой верхних слоев стоянок, относимых И. К. Цветковой к третьему этапу рязанской культуры (Дубровичи, Ибердус I, Владычинская и т. п.) [40]. Много общих черт имеется и с керамикой верхнего слоя стоянки Черная гора.

Однако приведенные аналогии не дают возможности решить вопрос о культурной принадлежности рассматриваемого материала, как не может он быть пока решен и для верхних слоев стоянок Черная гора и Владычинская. Материал этих памятников, по-видимому, отражает сложный процесс слияния и нивелировки разных культурных элементов, предшествующих появлению в Волго-Окском междуречье сетчатой керамики.

B. A. Foloméev

TUKOV GORODOK

Résumé

Le village de «Tukov gorodok» (cité de Tukov), à la céramique primitive «au filet», est situé sur le haut cours de la rivière de Pra (affluent gauche de l'Oka); il est un des premiers villages fortifiés sur le territoire entre la Volga et l'Oka (fig. 1, 2). La couche d'habitation principale se rapporte à la fin de l'âge de bronze — début du premier âge de fer (X—VII siècles av. n. è.) Parmi les trouvailles c'est la poterie qui prédomine: 84% — «au filet», 1% — «aux rayures», 15% — à parois lisses. La poterie «au filet» se divise en deux types: aux impressions «grêlées» (fig. 4) et «au fil» (fig. 3). Les types se subdivisent en variantes dont la propagation chronologique et territoriale est différente, ce qui permet d'utiliser leur pourcentage sur de divers sites pour la détermination de la datation des sites contenant la poterie «au filet».

Sur le village de «Tukov Gorodok» on a décélé les traces de la fonte du minerai de marais, ce qui témoigne une fois de plus en faveur de la fonte du fer dans la zone forestière de l'Europe Est à la limite du II et I millénaires av. n. è.

Les trouvailles de la couche de civilisation inférieure se composent essentiellement de poterie qui trouve ses analogies dans celles des sites du néolithique récent et du bronze initial sur le cours moyen de l'Oka (fig. 5) Dans la poterie de la couche inférieure se reflète le processus complexe de la fusion des éléments culturels hétérogènes qui a précédé, sur le territoire entre la Volga et l'Oka, l'apparition de la poterie «au filet».

[40] *И. К. Цветкова.* Ук. соч., стр. 119—122.

А. А. ФОРМОЗОВ

К ЛЕТОПИСИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Около 200 лет назад Северное Причерноморье вошло в состав Российской империи. Около 200 лет ведутся и археологические раскопки в этом насыщенном памятниками прошлого районе. До того как возникли первые учреждения, занявшиеся раскопками уже специально (Керченский музей, Одесское общество истории и древностей), и сложилась плеяда серьезных исследователей античных некрополей и городищ (П. Дюбрюкс, И. А. Стемпковский, И. П. Бларамберг), раскопки вели главным образом военные инженеры и моряки. На страницах книг по археологии Боспора, Херсонеса, Ольвии мелькают имена генералов Вандервейде, Сухтелена, Гангеблова, полковника Парокия, лейтенантов Черноморского флота Крузе и Барятинского.

Скудные сведения о них, попавшие в печать в первой половине XIX в., в дальнейшем переносились из книги в книгу, нисколько не уточняясь и не расширяясь. Нигде не указаны ни имена и отчества, ни годы жизни этих людей. Иногда неясно даже, как писать их фамилии (Крузе, Крузо или Крюзе? Пароки или Парокия?). Между тем с помощью справочников по русской истории XIX в. многое можно уточнить. И хотя при этом мы не узнаем чего-либо нового о раскопанных в прошлом археологических памятниках, зато мы узнаем кое-что о людях, ими занимавшихся, и благодаря этому в новом свете представим себе начальный период археологических раскопок в России.

Ниже приводятся в хронологическом порядке сведения о тех раскопщиках, чьи имена удалось найти в различного рода изданиях.

1801 г. Раскопки генерала Сухтелена в Ольвии упомянуты в ряде книг об этом городе [1]. По мнению Л. М. Славина, раскопки были связаны «с проводившимися им в тех местах военно-топографическими работами» [2]. Вряд ли это так. Петр Корнилович Сухтелен (1751—1836) не был рядовым инженером, строившим крепости или ведшим топосъемку. Он был генерал-инженером и генерал-квартирмейстером всей русской армии [3]. В 1800 г. он отправился в инспекционную поездку для осмотра линии крепостей от Херсона до Риги [4] и тогда, очевидно; и попал в Ольвию. Это был широкообразованный человек, окончивший Гронингенский университет (в России он служил с 1783 г.), автор ряда трудов по военной истории, библиофил и коллекционер. Ф. Ф. Вигель — мемуарист, отнюдь не склонный к высокой оценке современников, отмечал «страсть к учености» и обширные позна-

[1] *В. В. Латышев.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 32; *В. И. Гошкевич.* Клады и древности Херсонской губернии, Херсон, 1903, стр. 84.

[2] *Л. М. Славин.* Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 20; *его же.* Здесь был город Ольвия. Киев, 1967, стр. 13.

[3] См. о нем: «Русский биографический словарь», т. 20. СПб., 1912, стр. 211, 212.

[4] *А. Н. Норцов.* Архив графов Канкриных-Ламберт-Сухтелен. Тамбов, 1910, стр. 28.

ния П. К. Сухтелена [5]. Известно, что помимо книг XIV—XV вв. он собирал древние монеты и медали. В 1823 г. коллекции были подарены им музею древнеклассической археологии Академии наук [6]. Среди постоянных корреспондентов П. К. Сухтелена был авторитетнейший знаток античности в России того времени А. Н. Оленин [7]. В свете всего этого раскопки П. К. Сухтелена в Ольвии должны рассматриваться не как случайные и связанные с военно-топографическими работами, а как первая, пусть и скромная, попытка научного изучения древнего города. Вероятно, прав был В. В. Латышев, предполагавший, что в Ольвию П. К. Сухтелена привели его нумизматические интересы.

Раскопки генерала Гангенблова около Керчи отмечены П. Дюбрюксом и с его слов упоминались в обзорах исследований боспорских памятников [8]. Речь идет о Семене Георгиевиче Гангеблове (1751—1827), участнике суворовских походов и Отечественной войны 1812 г., шефе 12-го егерского полка [9]. В приложении к «Воспоминаниям декабриста» А. С. Гангеблова опубликован мемуарный отрывок его отца о событиях в Польше в 1794 г. [10]. Очевидно, С. Г. Гангеблову не были чужды исторические и литературные интересы. Когда он вел раскопки в Крыму? П. Дюбрюкс в отчете о раскопках 1817 и 1818 гг. писал: «8 лет тому назад». И. Б. Брашинский называет 1809 или 1810 г., Ю. Ю. Марти — 1811. Прав последний. В 1807—1810 гг. С. Г. Гангеблов был со своим полком на Кубани, участвовал в неудачной экспедиции на Трапезунд и вернулся в Крым только в 1811 г.

1817 и 1818 гг. Раскопки инженер-начальника Фанагорийской крепости Парокия на Тамани отмечены П. Дюбрюксом и А. Б. Ашиком. Первый называет его «подполковник Пароки», второй — «полковник Парокия» [11]. В издании «Столетие военного министерства» упоминается инженерный полковник Ячгект Лаврентьевич Парокья. Он был участником Отечественной войны, в 1819 г. служил в Херсонской инженерной команде [12]. Пребывание его на Тамани было, следовательно, непродолжительным.

1820 и 1821 гг. Раскопки начальником транспортной флотилии Патинисти кургана в Керчи описаны А. Б. Ашиком, в «Древностях Боспора Киммерийского...» и т. д.[13]. В русском флоте служило несколько моряков из семьи Патиниоти (или Патаниоти или Панайиоти). Сопоставление их послужных списков позволяет заключить, что речь идет о Николае Юрьевиче Патиниоти. В 1819 г. капитан-лейтенант Патиниоти 2-й был назначен командиром транспортной флотилии из 12 судов для перевоза продовольствия в мингрельские и крымские магазины (склады) и в следующие годы бывал в Керчи. Н. Ю. Патиниоти служил во флоте с 1796 г.,

---

[5] Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II. М., 1892, стр. 43, 44.

[6] *Полковник Бодиско.* Инженер-генерал граф Петр Корнилович Сухтелен. «Русский инвалид», 1837, № 6, стр. 24; *И. Г. Спасский.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк минц-кабинета-отдела нумизматики. НЭ, VIII, 1970, стр. 128—129.

[7] *А. Н. Норцов.* Ук. соч., стр. 33.

[8] *П. Дюбрюкс.* Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 гг. ЗООИД, XV, 1889, стр. 131; *Ю. Ю. Марти.* Сто лет керченского музея. Керчь, 1927, стр. 53; *И. Б. Брашинский.* Сокровища скифских царей. М., 1967, стр. 16.

[9] О нем см.: «Русский биографический словарь», т. 4. М., 1914, стр. 210, 211. Дата рождения в «Словаре» — 1757 г., в «Воспоминаниях декабриста» А. С. Гангеблова (М., 1888, стр. 232) — 1751 г.

[10] *А. С. Гангеблов.* Ук. соч., стр. 232—242.

[11] *П. Дюбрюкс.* Ук. соч., стр. 148, 149; *А. Б. Ашик.* Воспорское царство, т. II. Одесса, 1848, стр. 15, 16, 27; *К. К. Герц.* Историческое обозрение археологических исследований на Таманском полуострове, Собрание сочинений, т. II. СПб., 1898, стр. 10—13; *Ю. Ю. Марти.* Ук. соч., стр. 53; *И. Б. Брашинский.* Ук. соч., стр. 16.

[12] «Столетие военного министерства». Систематический указатель. 1902, стр. 269; т. VII, ч. I. (Главное инженерное управление), 1902, стр. 262 и стр. 69 прил.

[13] «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском Эрмитаже». СПб., 1854, стр. VI; Письмо графа де Сансэ А. Н. Оленину. ЗООИД, XV, 1889, стр. 79; *В. Н. Юргевич.* Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889, стр. 20; *Ю. Ю. Марти.* Ук. соч., стр. 55.

участвовал в войнах с Турцией, умер в 1838 г. в должности командира Дунайских портов и 3-й бригады 5-й флотской дивизии [14].

1827 г.— начало раскопок Херсонеса Таврического. Во многих книгах о Херсонесе говорится, что раскопки древнего города начаты в 1827 г. по распоряжению главного командира портов Черного моря адмирала Грейга лейтенантом Крузе [15]. В 1927 г. торжественно отмечалось столетие этой даты. Казалось бы, тут все ясно, тем более, что сохранилась и записка Крузе о раскопках, составленная им по просьбе А. С. Уварова в 1852 г.[16]. Но при ближайшем рассмотрении материалов вопрос оказывается не таким простым.

В книге авторитетного археолога А. А. Бобринского о Херсонесе начало раскопок связывается с другим лицом — капитаном Берхом, хотя и здесь говорится, что он вел раскопки по поручению адмирала Грейга [17]. В статьях С. С. Куторги и Н. Н. Мурзакевича, писавших о трех херсонесских базиликах, раскрытых раскопками 1827 г., менее чем через 10 лет после этого события, Крузе не упоминается. Нет упоминаний о нем и в «Описании Ираклийского полуострова и древностей его», составленном военным моряком З. А. Аркасом по поручению адмирала М. П. Лазарева в 1848 г. [18]. Впервые имя лейтенанта Крузе всплывает в 1843 г. в записках французского путешественника Ф. Дюбуа де Монпере [19]. Как писать фамилию лейтенанта, тоже неясно. К. Э. Гриневич в тексте своей книги пишет «Крузо» и «Крюзе», а в приложении к ней — «хронике раскопок» — «Крузе». Соответственно со ссылками на К. Э. Гриневича А. Л. Якобсон говорит о лейтенанте Крузо, а Г. Д. Белов и Е. Г. Суров — о лейтенанте Крузе. Очень сбивчивая записка, подготовленная для Уварова, подписана «Крузе», но чин назван почему-то не флотский, а армейский — «инженерный штабс-капитан в отставке». Во всем этом следует разобраться.

Обратившись к «Общему морскому списку», мы выясняем, что в первой половине XIX в. на Черноморском флоте служило два Крузе — Николай и Антон Максимовичи. Нас интересует, безусловно, первый, ибо Антон умер в 1843 г., а Николай, начав службу во флоте в 1821 г. гардемарином, окончил ее в 1859 г. в армейском звании подполковника. В 1827 г. он был, однако, не лейтенантом, а всего-навсего мичманом (лейтенантом стал в 1830 г.) [20]. Напротив, сведения о Берхе совпадают с данными, приведенными А. А. Бобринским. Мориц Борисович Берх (1776—1860) в 1824 г. был уже капитаном второго ранга. Это был опытный моряк. Он служил с 1791 г., на Черное море попал в 1817 г., был директором азовских и черноморских маяков, директором флотского училища в Севастополе, инспектором корпуса штурманов черноморского флота, с 1825 г.— капитаном

---

[14] См.: «Русский биографический словарь», т. 13, СПб., 1902, стр. 368, 369; «Общий морской список», ч. VIII, СПб., 1894, стр. 19—21. «Записки ученого комитета Морского министерства», ч. XIV, СПб., 1838, стр. 369—370 (некролог).

[15] *Е. Э. Иванов.* Херсонес Таврический. ИТУАК, 46, 1912, стр. 170; *К. Э. Гриневич.* Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927, стр. 9, 10, 47; *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 12; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 8, 9; *Е. Г. Суров.* Херсонес Таврический. Свердловск, 1961, стр. 20.

[16] Памятники христианского Херсонеса, вып. I. *Д. В. Айналов.* Развалины храмов. М., 1905, стр. 48—51.

[17] *А. А. Бобринский.* Херсонес Таврический. СПб., 1905, стр. 175.

[18] *С. С. Куторга.* Отрывки из путешествия в Крым 1833 г. ЖМНП, 1834, № 1, стр. 86—90; *Н. Мурзакевич.* Поездка в Крым в 1836 г. ЖМНП, 1837, № 3, стр. 646—650; *З. Аркас.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. Николаев, 1879, стр. 14.

[19] *F. Dubois de Montperaux.* Voyage autour du Caucase t. VII. Paris, 1843, стр. 141—148.

[20] Общий морской список, ч. VII, 1893, стр. 334, 335; об А. М. Крузе — Там же, ч. X, 1898, стр. 462, 463.

Севастопольского порта, участвовал в описи Черного моря, в 1852 г. стал адмиралом [21].

Что касается Алексея Самуиловича Грейга (1775—1845), бывшего с 1816 г. начальником Черноморского флота и портов и военным губернатором Севастополя и Николаева [22], то в истории русского флота его деятельность расценивается как положительная. В частности, отмечается, что он много сделал для просвещения, даже организовал училище для обучения дочерей матросов [23]. А. С. Грейг был почетным членом Академии наук. Он присылал археологические коллекции в музей, созданный в 1806 г. И. П. Траверсе при черноморской штурманской роте в Николаеве — первый археологический музей на Юге России [24].

В свете приведенных материалов кажется более вероятным, что А. С. Грейг поручил вести раскопки в Херсонесе капитану М. Б. Берху, а не мичману Н. М. Крузе. Знакомство с археологией у первого было, очевидно, не большим, чем у второго. Но вспомним, что цель раскопок состояла не в исследовании каких-то древностей, а в поисках храма, где крестился святой равноапостольный князь Владимир — основатель христианства на Руси. Грейг не мог поручить это ответственное дело только начинавшему службу мичману. И совершенно естественно должен был доверить его связанному с ученой частью капитану второго ранга. Мичман Крузе в раскопках, видимо, участвовал, хотя потом не мог вспомнить ни год раскопок, ни какие-либо подробности. Почему же в историю раскопок Херсонеса вошло имя Крузе, а не Берха? Скорее всего потому, что территория древнего города была имением семьи Крузе. Об этом упоминал еще П. С. Паллас в 1793 г., потом З. А. Аркас в 1848 г.[25] и наконец Ф. К. Брун в 1879 г.[26]. В 1838 г. Крузе, тогда уже действительно лейтенант, показывал Дюбуа де Монпере остатки древних базилик на своей земле. Отсюда и пошла легенда о том, что именно он вел раскопки 1827 г. По справедливости же их следует называть раскопками капитана М. Б. Берха.

Раскопки лейтенанта Барятинского в Херсонесе. В книге К. Э. Гриневича «Сто лет херсонесских раскопок» говорится: «Мы имеем в отчетах Одесского общества определенные сведения о том, что другой лейтенант флота—князь Барятинский до 1835 г. также проводил какие-то раскопки на Херсонесском городище. Однако все наши архивные поиски, к сожалению, не увенчались успехом» [27]. Со ссылкой на К. Э. Гриневича Г. Д. Белов писал уже о раскопках Барятинского в 1835 г., а не до этого года [28]. Между тем это лишь результат небрежности К. Э. Гриневича. Точная дата раскопок В. И. Барятинского — 1845 г.— названа и в «Записках Одесского общества» в 1863 г.[29], и в книгах З. А. Аркаса и Ф. К. Бруна[30], а в монографии Д. В. Айналова достаточно подробно описаны выявленные им византийские памятники [31].

Эти данные полностью совпадают с материалами «Общего морского списка». До 1843 г. ни одного Барятинского в Черноморском флоте не было. В этом году начал служить Виктор Иванович Барятинский. В 1845 г.

---

[21] Общий морской список, ч. VI, 1892, стр. 24—26; «Русский биографический словарь», т. II, СПб., 1900, стр. 760.

[22] *А. Б. Асланбеков.* Адмирал Алексей Самуилович Грейг. СПб., 1873; «Общий морской список», ч. III, 1890, стр. 433—437.

[23] *Ф. Веселаго.* Краткая история русского флота. М.— Л., 1939, стр. 258.

[24] *В. Н. Юргевич.* Ук. соч., стр. 18.

[25] *З. А. Аркас.* Ук. соч., стр. 20.

[26] *Ф. К. Брун.* Черноморье, ч. I. Одесса, 1879, стр. 68.

[27] *К. Э. Гриневич.* Ук. соч., стр. 11.

[28] *Г. Д. Белов.* Ук. соч., стр. 12.

[29] *Н. Мурзакевич.* Херсонесская церковь св. Василия (Владимира). ЗООИД, V, 1863, стр. 997.

[30] *З. А. Аркас.* Ук. соч., стр. 20; *Ф. К. Брун.* Ук. соч., стр. 68.

[31] *Д. В. Айналов.* Ук. соч., стр. 137—140.

он стал лейтенантом, в 1853 г. отличился в боях с турками, участвовал в обороне Севастополя, в 1857 г. вышел в отставку [32].

В 1904 г. в Москве была опубликована маленькая книжечка воспоминаний В. И. Барятинского о Крымской войне. В анонимном предисловии к брошюре мы находим некоторые данные об этом человеке. Он родился в 1823 г., окончил Петербургский университет и пошел служить во флот. Как отличного парусного офицера его ценили адмиралы Лазарев, Нахимов и Корнилов. Свободное время он посвящал археологии, причем копал не только в Херсонесе, но даже в Афинах, где якобы первым определил месторасположение театра Диониса у подножья Акрополя, Барятинский имел личную яхту, спроектированную по чертежам адмирала М. П. Лазарева. Называлась она «Ольвия», а среди ее команды был прославившийся впоследствии матрос Кошка. Барятинский плавал с Корниловым на пароходе «Одесса». По поручению Нахимова он зарисовал пожар турецкого флота при Синопе, передав этот набросок И. К. Айвазовскому как эскиз для его картины. В дни севастопольской обороны В. И. Барятинский был на самых ответственных участках, проявил незаурядную храбрость, награжден боевыми орденами. После ликвидации Черноморского флота он вышел в отставку. Умер в Риме в 1904 г. [33]. Из брошюры В. Н. Юргевича мы узнаем, что В. И. Барятинский состоял членом Одесского общества истории и древностей [34]. Как видим, загадочный для К. Э. Гриневича лейтенант Барятинский был неизмеримо более интересной фигурой, чем полумифический «лейтенант Крузо».

В заключение еще об одном военном, производившем раскопки, инженерном начальнике на Тамани генерале Вандервейде. Его находки, сделанные у Фанагорийской крепости, видел в 1800 г. английский путешественник Д. Кларк [35]. Сообщенные им сведения повторялись К. К. Герцем, Ю. Ю. Марти и др. [36]. Никаких данных о нем разыскать не удалось. В списках генералов начала XIX в. его имени нет. Видимо, тогда он уже умер или вышел в отставку. Встречается зато имя Василия Григорьевича Фан-дер-Вейде. В 1838 г. он был подполковником, командиром Санкт-Петербургской инженерной команды. Служба его началась уже после 1812 г., первые награды он получил в 1818 г.[37] Вероятно, он в звании поручика преподавал в 1820—1821 г. в Главном инженерном училище[38]. Это, конечно, не тот военный инженер, что был в конце XVIII в. на Тамани, но, может быть, его сын, унаследовавший профессию отца. Если это так, иначе надо писать и фамилию генерала, которая взята у Кларка и переведена в русскую транскрипцию К. К. Герцем. Под этой фамилией надо искать и архивные документы.

A. A. Formozov

SUR LES CHRONIQUES DES EXPLORATIONS ARCHEOLOGIQUES LA COTÉ NORD DE LA MER NOIRE DANS LA PREMIERE MOITIE DU XIX S.

Résumé

En se servant des publications sur l'histoire de l'armée et de la flotte russes l'auteur apporte les précisions sur les renseignements concernant les fouilles archéologiques dans la région du littoral nord de la mer Noire effectuées par P. K. Soukhtelène en 1801, S. G. Gangheblov en 1811, Ia. L. Parokia en 1817—1818, N. You. Patinioti en 1820, 1821, M. B. Berkh en 1827 et V. I. Bariatinski en 1845.

---

[32] «Общий морской список», ч. IX, 1897, стр. 186, 187.

[33] Памяти князя В. И. Барятинского. В кн. «Воспоминания князя Виктора Ивановича Барятинского». М., 1904, стр. 3, 4.

[34] *В. Н. Юргевич.* Ук. соч., стр. 72.

[35] Travels in various countries of Europe, Asia and Africa by Edward Daniel Clarke. Part the first. Russia, Tartary and Turkey. London, 1810, p. 396—402.

[36] *К. К. Герц.* Ук. соч., стр. 4—7; *Ю. Ю. Марти.* Ук. соч., стр. 53.

[37] «Список генералам, штаб- и оберофицерам корпуса морской артиллерии, флотских штурманов и инженеров морской части по старшинству». СПб., 1838, стр. 148.

[38] «Столетие военного министерства», т. VII, ч. 1, стр. 171, 172.

И. Р. ПИЧИКЯН

БОСПОРСКИЕ АНТАБЛЕМЕНТЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Заключительный этап истории ордерной античной архитектуры Боспора до настоящего времени изучен мало. Дошедшие до нас в памятниках лапидарной эпиграфики скудные сведения должны быть дополнены анализом ордерных деталей и крупных частей антаблементов. Доказательством эффективности такого подхода служит реконструкция дорического храма I в., осуществленная В. Д. Блаватским по блоку архитрава с привлечением нумизматических данных и изобразительных источников Пантикапея [1].

Обмеры и фотографирование всех архитектурных деталей Боспора, хранящихся в Москве, Ленинграде и местных историко-археологических музеях, показали, что опыт В. Д. Блаватского может быть продолжен, поскольку многие первоклассные памятники ордерной архитектуры и античного искусства, найденные в XVIII, XIX и первой половине XX в., еще не изданы и в большинстве случаев известны мало.

Данная работа является результатом сбора разрозненных фрагментов, первым этапом атрибуции и датировки наиболее ярких ордерных деталей Боспора первых веков нашей эры.

Особого внимания заслуживают архитектурные детали, относящиеся к одному и тому же сооружению. Чертежи и фотографии некоторых деталей, найденных в Пантикапее, показали, что несколько разрозненных и находящихся в разных хранениях фрагментов не только принадлежат одному и тому же памятнику, но и могут быть приставлены по швам сколов непосредственно друг к другу.

В Керчи нам удалось соединить таким образом два блока антаблемента, представляющего собой архитрав и фриз, выбитые в одном камне.

Фриз одного из фрагментов антаблемента (инв. № К 3169, рис. 1) украшен рельефным изображением мужской головы с закрученными вверх усами и развевающимися волосами, стилизованно переданными в виде листьев. Борода, переходящая в толстые побеги аканта, расходится в противоположные стороны. На голове между листьями — подобие венка. Глубоко посаженные глаза под узким лбом и морщины у мясистых щек и широкого носа придают лицу значительное, даже угрожающее выражение и подчеркивают зрелость возраста.

Фриз второй, большей части антаблемента (инв. № К 3428, рис. 2), украшен растительным орнаментом, образованным многочисленными завитками побегов и листьев аканта, идущих от бороды мужчины. В каждом из четырех больших завитков акантовой листвы на фасаде и одном на торцовой части, как в медальонах, помещены рельефные изображения собак и диких животных. Рельефные полуфигуры выскакивающих из побегов животных, так же как и голова на первом фрагменте, переданы обобщен-

[1] *В. Д. Блаватский.* Новые данные о строительстве Пантикапея. СА, XVII, 1953, стр. 175—176, рис. 9, 10.

Рис. 1. Фрагмент антаблемента с маской

Рис. 3. Торцовая часть антаблемента с кабаном в медальоне

Рис. 2. Полный антаблемент с фризом из зверей в лиственном орнаменте

но, и порой сложно понять, кто является предметом изображения. По следам ошейников легко узнать собак (в сценах псовой охоты собаки всегда с ошейниками)[2]. Благодаря длинным ушам легко отличим и заяц.

[2] *J. Lavin.* The hunting mosaics of Antioch und their sources. DOP, 17, 1963, pict. 16, 20, 21, 49; *G. Rodenwaldt.* Vetrages. JDAI, 48, 1933, S. 204—225.

Рис. 4. Общий вид антаблемента после соединения деталей

Рядом с ним — пантера или барс. На торцовой стороне изображен вепрь (рис. 3).

Сверху фриз украшен профильком в виде полочки и каблучка с разделительной скоцией между ними. Поверхность самого фриза выпуклая. Снизу фриз подчеркнут широкой, сильно выступающей полочкой архитрава. Архитрав обоих фрагментов расчленен на три фасции. Сверху архитрав украшен обычным четвертным валом, моделированным овами, и разделительными стержнями в виде стрелок. Каждая фасция архитрава сверху подчеркнута валиком. Валики верхней и нижней фасции украшены жемчужником, средней — плетенкой. Общая длина двух приставленных друг к другу блоков антаблемента 1,55, высота 0,58, максимальная толщина у верхней полочки архитрава 0,25 *м*. Сверху на архитраве имеется пирон в форме ласточкиного хвоста глубиной 0,05 *м*. Плита антаблемента еще в древности была расколота почти пополам. Кроме того, от сохранившейся до настоящего времени половины была отколота центральная часть с изображением мужской головы. Последняя находилась в лапидарии, а плита с растительным орнаментом и изображениями скачущих зверей — в дромосе Царского Кургана. Теперь обе плиты сошлись по шву скола и в виде единого антаблемента украшают возобновленную экспозицию в лапидарии церкви Иоанна Предтечи в Керчи (рис. 4).

К внешнему антаблементу очень близки по пропорциям, конструкции и моделировке обломов две другие детали схожего антаблемента, представляющие также фриз и архитрав, выбитые в одном камне (рис. 5). При этом архитрав украшен точно таким же орнаментом, а фриз, лишенный фигурок зверей, обработан менее тщательно и более обобщенно. Размеры этого второго антаблемента (инв. № К 3171): высота — 0,54, длина — 0,90, максимальная ширина — 0,17 *м*. Он составлен нами, как и предыдущий, из двух разрозненных частей, находившихся в разных хранениях. Ныне экспонируется в лапидарии церкви Иоанна Предтечи.

Туда же перевезен карниз (рис. 2), найденный вместе с деталями фриза со сценой охоты «на северной покатости горы Митридат за южною оградою городского кладбища в декабре 1882 года»[3]. Общие пропорции, ана-

[3] *А. Гросс.* Планы и чертежи, относящиеся к археологическим раскопкам 1882 и 1883 г. Архив ЛОИА, д. 569, Р-1, л. 11 об. Искренне благодарен участникам Михайловской экспедиции ИА АН СССР Б. Г. Петерсу и А. С. Попову, оказавшим помощь в работе с бо́льшим из блоков антаблемента, дирекции Керченского музея и его хранителям В. Н. Боровковой, Н. и Е. Молевым за содействие в работе над ордерными деталями, хранящимися в Керчи.

Рис. 5. Антаблемент из двух соединенных фрагментов с фризом из лиственного орнамента

логичная декорировка ов и стержней в виде стрелок убедительно свидетельствуют, что фриз и карниз принадлежали одному и тому же сооружению. Размеры карниза (инв. № К 3429): длина — 1,70, высота — 0,25, ширина — 0,55 *м*. Карниз профилирован гуськом с небольшим валиком, высокой кимой, украшенной грубо исполненными пальметтами, четвертным валом, моделированным овами с разделительными стержнями в виде стрелок, очень схожими с овами архитрава, и небольшим дентикулом. Плита карниза была левой угловой плитой фронтона. Выполнена она в том же мелкозернистом и твердом известняке желтовато-серого цвета местного происхождения.

Таким образом, мы имеем полный антаблемент небольшого ордерного сооружения в Пантикапее с точно локализованным местом находки его фрагментов.

Атрибуция этого памятника пока не ясна. Фризы с растительными орнаментами, в завитках которых изображены животные, были довольно распространенным мотивом в римской архитектуре и применялись в качестве декорировки самых разнообразных сооружений. Атрибуция мужской головы, являющейся исходной частью композиции, встречается также в разных по назначению памятниках. Голова божества в сочетаниях с растительными орнаментами и волосами и бородой, переданными в виде листьев, украшала симу храма Солнца в Риме [4], внутренний пролет арки Септимия Севера [5] и храм Зевса Сераписа в Путеолах [6]. Однако чисто декоративный мотив изображений заставил издателей Тэбельмана [7] и Келера [8], а вслед за ними Тойнби и Перкинса [9], публиковавших наиболее близкие изображения мужской головы на мраморах, найденных в Риме у монастыря св. Сильвестра, ограничиться общим термином «Die Blattmasken».

---

[4] *H. Kähler.* Zum Sonnentempel Aurelians. RM, 62, 1938, Abb. 4, 7, 8.
[5] *H. D'Espouy.* Fragments d'architecture antiqui. Paris, pl. 99.
[6] Ibid., pl. 96.
[7] *F. Toebelmann.* Römische Gebälke. I, Heidelberg, 1923, S. 112.
[8] *H. Kähler.* Op. cit., S. 100.
[9] *J. M. C. Toynbee* and *J. B. Ward Perkins.* Peopled scrolls: a hellenistic motif in Imperial art. BSR, 18, 1950, p. 22.

Рис. 6. Перекрытие эдикулы

Полуфигурки животных, выскакивающих из завитков растительного орнамента, находят аналогии в сравнительно широком хронологическом диапазоне: они появились в декоре развитого эллинизма еще до написания трактата Витрувия (римский архитектор успел неодобрительно отозваться об этих столь неестественных для декорировки украшениях) [10] и встречаются они вплоть до IV в. н. э.

В конце I в. до н. э. сходные с пантикапейскими фигурки зверей украшали фриз театра и триумфальной арки в Арле [11].

В разных видах подобный сюжет представлен в Вилле Адриана[12] и проскениуме театра в Мирине [13]. Встречаются они в декоре архитектуры III в. н. э. на фризах терм Каракаллы [14], фризе и симе храма Солнца [15] (около 274 г.) на софите храма Зевса Сераписа в Путеолах [16] и в термах Диоклетиана (302—305 гг.) [17].

По выгнутой поверхности фриза пантикапейский антаблемент очень близок Нимфею в Аспенде [18], надгробному памятнику в Миласе [19], храму Сераписа в Милете [20] и другим памятникам II в. Подобная форма фриза, как отмечает Келер, наиболее характерна для первой половины II в.[21]. Таким образом, все фрагменты антаблемента пантикапейского святилища следует датировать временем правления Адриана в Риме и Савромата I на Боспоре. Тем более что все рельефные изображения, лиственная орнаментика, пропорции и форма ов, пальметт и бусин жемчужника, датиро-

[10] *Vitruv*, 7, 5, 4.

[11] *A. von Gladiss.* Der «Arc du Rhône» von Arles. RM, 79, 1972, 2, S. 65—69, Taf. 39, 40, 36—37.

[12] *P. Gusmann.* Villa Hadriana. Paris, 1904, p. 245, fig. 389—393.

[13] *C. Uhde.* Die Architecturformen des klassischen Altertums. Berlin, Taf. 69, 2.

[14] *F. Toebelmann.* Op. cit., Abb. 78.

[15] *H. Kähler.* Op. cit., Abb. 6, S. 99.

[16] *H. D'Espouy.* Op. cit., pl. 96.

[17] *J. Durm.* Die Baukunst der Etrusker und Römer. II, Stuttgart, 1905, S. 415—416, Abb. 462.

[18] *H. Nörmann.* Das Nymphäum zu Aspendos. JDAI, 44, 1929, S. 269, Abb. 3—5.

[19] *C. Uhde.* Op. cit., Taf. 25.

[20] *T. Wiegand,* Siebenter vorlaufiger Bericht uber die von den Koniglichen Museen in Milet und Didyma unternomenen Ausgrabungen. Berlin, 1911, S. 20.

[21] *H. Kähler.* Op. cit., S. 103—104.

ванные III в., выглядят значительно моложе декора пантикапейского антаблемента. По форме и моделировке обломов пантикапейский антаблемент очень близок милетскому храму Сераписа II в.[22].

Другой полный пантикапейский антаблемент заслуживает не меньшего внимания, так как сохранился почти целиком вместе с фронтоном благодаря тому, что выбит в одном камне (инв. № 3838, рис. 6). Материалом послужил очень твердый мелкозернистый мрамор светло-серого цвета с голубыми прожилками, значительно потемневший от времени и пребывания на открытом воздухе. Сохранившаяся длина — 1,8, высота — 0,65, ширина — 0,86 *м*. Полный антаблемент был издан А. Ашиком, следовательно, он был найден в Пантикапее или в его время, или раньше, XVIII в.[23]. В архиве археологической комиссии есть фотография Е. Ф. Кеппеля (инв. № 746—31, альбом 0123111, л. 11), где керченский фронтон числится как перекрытие святилища Асклепия. Долгое время фронтон находился у Мелек-Чесменского кургана, а в 1971 г. был перевезен строителями автовокзала к дромосу Царского Кургана. Посредственный рисунок, изданный А. Ашиком, и фотография Е. Ф. Кеппеля служат свидетельством лучшей сохранности памятника в XIX в. Правый угол фронтона вместе с боковым акротерием был отколот еще в древности, а левый акротерий и часть симы фронтона — уже после издания фронтона А. Ашиком и фотографии, сделанной для археологической комиссии. Угловой акротерий состоял из рельефно исполненных четырехлепестковых угловых пальметт, стоящих под прямым углом друг к другу. Снизу обе пальметты объединял валик в виде плетенки. Акротерий был значительной высоты, равной общей высоте архитрава и фриза. Сима украшена сильно стилизованными и широко расставленными пальметтами, исполненными в жестком рельефе. В центре треугольника фронтона — щит. Три полосы фронтона подпираются консолями, снизу украшенными пальметтами. Всего под горизонтальной плитой фронтона было шесть консолей, сохранилось четыре. Между фронтоном и фризом расположены зубчики. Очень узкий фриз снабжен растительным орнаментом в виде усиков, расходящихся от центральной пальметты. Сильно выступающая полочка архитрава снизу подчеркнута кимой, моделированной тщательно исполненным лесбийским киматием. Расчленение архитрава на две фасции отмечено жемчужником. В нижней плоскости антаблемента выбито три ложных кессона. В каждом из них в центре помещена четырехлепестковая розетка. Противоположная фасаду сторона фронтона обработана гладко. Следов крепления со следующей плитой нет: блоки были достаточно тяжелыми, чтобы плотно подходить друг к другу без дополнительных скреп. Полная картина, создаваемая единым блоком, дает нам дополнительные данные о пропорциях фриза, архитрава и фронтона и декоре боспорской архитектуры римского времени. Прекрасная сохранность памятника и множество аналогий позволяют с большой надежностью идентифицировать блок с перекрытием эдикулы[24]. Поскольку ширина архитрава была около 2 *м*, а за вычетом ант пролет не превышал 1,6—1,5 *м*, не остается места для установки даже одной колонны. Следовательно, эдикула имела форму портика, где перекрытие опиралось на боковые анты. Массивность антаблемента и решение его глубины исключает в качестве опор свободно поставленные колонны. Декор капителей ант должен был быть коринфским. Об этом говорят облегченные пропорции необыкновенно узкого фриза, архитрав, расчлененный на две фасции вместо обычных трех и его декорировка лесбийским киматием взамен традиционных ионийских ов.

Датировка мраморного фронтона второй половиной II в. кажется нам наиболее убедительной.

---

[22] *T. Wiegand.* Op. cit., S. 19—21.

[23] *А. Ашик.* Воспорское царство. Одесса, 1849, ч. III, отд. III, рис. CXI, стр. 56.

[24] *L. Canina.* Gli Edifizi di Roma Antica. IV. Roma, 1851, tav. 287; *J. Durm.* Op. cit., Abb. 464; *K. Póczy.* Aquincum. Budapest, 1969, old. 34, ábrák VI.

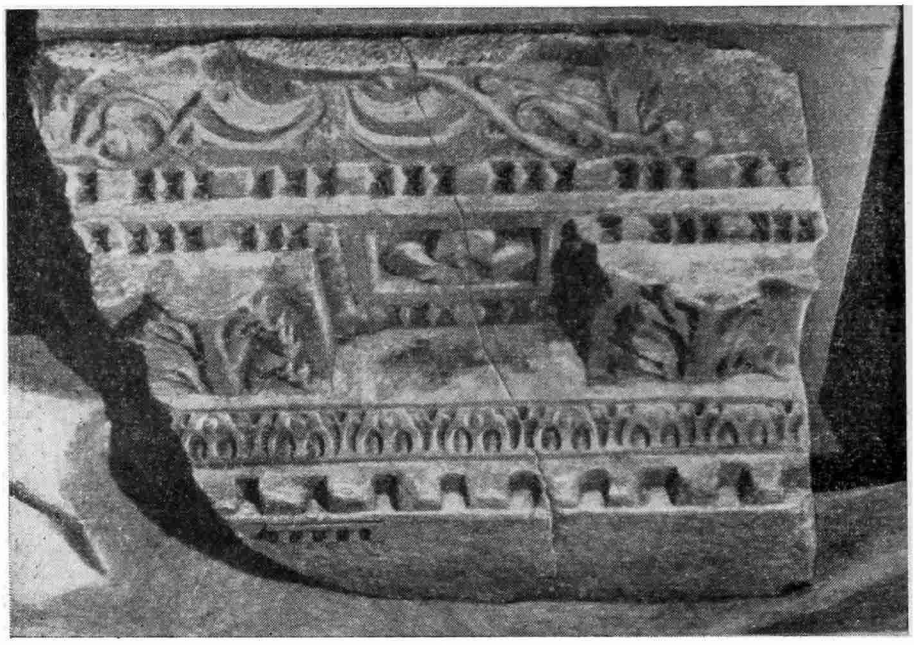


Рис. 7. Карниз с консолями. Эрмитаж

С небольшим мраморным фронтоном уместно сопоставить еще два карниза с консолями, найденные в Пантикапее, так как на этих трех примерах можно проследить эволюцию конструкций и декорировок боспорских перекрытий I—III вв. Более тщательная манера исполнения рельефного орнамента и парные слаборазвитые консоли отличают от фронтона известняковый карниз, находящийся в экспозиции Керченского музея. Отличает карниз также форма сильно развитого ястребиного клюва, который сходит на нет в боспорских карнизах последующих столетий. Декоративная сима над гуськом, выбитая с карнизом в одном блоке, украшена рядом чередующихся в прямом и перевернутом виде пальметт и кимой, моделированной лесбийским киматием. Орнамент кимы сохраняет еще форму классического киматия с глазком, стерженьком и изящно прогнутыми боковыми лепестками. I в. н. э. является последним периодом употребления подобной формы. Переход симы к ястребиному клюву отмечен жемчужником с аккуратно выбитыми бусинками. Выносную плиту карниза поддерживает пара близко расположенных, но слабо выраженных консолей, почти полностью состоящих из украшающих их акантовых листьев. По низу плиты выбиты сухарики. Ранние, неразвитые формы консолей и трактовка лесбийского киматия позволяют датировать керченскую плиту карниза I в.

Эволюцию поздних боспорских перекрытий дополняет другой пантикапейский карниз, хранящийся в Эрмитаже (инв. № Пан. 753, рис. 7). Мраморный карниз состоит из симы, выносной плиты, поддерживаемой консолями, и обычного перехода к фризу в виде зубчиков или сухариков. Жесткий рельеф украшающих симу пальметт, близок к декору керченского фронтона эдикулы, однако отличается еще большей сухостью и схематизацией. Ряды жемчужников подчеркивают конструктивное назначение ярко выраженных и значительно выступающих консолей. Сильно стилизованные бусины жемчужника приобрели ромбовидные очертания. Снизу плиты консолей декорированы высоким рельефом акантовых листьев. Между консолями в четырехугольном углублении помещена розетка. Лесбийский киматий, орнаментирующий киму, стилизован до схематизма и лишь отдаленно напоминает первоначальную форму.

Декор и форма эрмитажного карниза находят аналогии в карнизе портика форума в Арле [25] и мраморном антаблементе с консолями римского театра в Александрии [26]. По форме декорирующего орнамента эрмитажный карниз нужно датировать III в.

Этот же характер упрощения и схематизации декоративных мотивов можно заметить и на пантикапейском фрагменте антаблемента, хранящемся в Эрмитаже (инв. № Пан. 738, рис. 8), и на аналогичной левой угловой плите антаблемента, найденного в прошлом столетии на горе Митридат, опубликованной А. Ашиком как «фриз коринфского ордера, украшенный арабесками» [27]. Обе плиты относились, по-видимому, к одному и тому же зданию, вторая плита утеряна, сохранился лишь рисунок, сделанный для издания Боспорского царства. Фриз обеих плит декорирован растительным орнаментом из завитков стеблей и цветов аканта. Совершенно идентичные по пропорциям архитравы обеих плит расчленены на три фасции, каждая из которых сверху украшена жемчужником из сильно стилизованных бусин. Высота обеих плит 0,60 *м*, ширина эрмитажной — 0,52 *м*. Угловая плита, изданная А. Ашиком, в длину значительно превышала 1 *м*. Архитрав эрмитажной плиты имеет характерные повреждения в виде вертикально расположенных округлых углублений — вымоин, указывающих на то, что эта часть плиты находилась под водостоком. Рельефное исполнение акантовых листьев, цветов и стеблей и форма бусин жемчужника позволяют датировать обе плиты, относящиеся к одному зданию, второй половиной II—III в.

Рис. 8. Антаблемент с «арабесками». Эрмитаж

Несколько обломков антаблементов относятся к наиболее позднему периоду античной архитектуры Боспора. Два из них, представляющие собой архитрав и фриз, выбитые в одном блоке, нам обнаружить не удалось, но они изданы Л. П. Харко как фрагменты фриза с изображением борьбы Геракла с гигантами [28].

Эти архитектурные детали украшены орнаментом, представляющим собой очень схематизированный вариант своего первоначального прототипа. По характеру орнамента таманский фриз нельзя датировать ранее конца II—IV в. до н. э.

Особую группу архитектурных деталей Азиатского Боспора составляют мраморные фрагменты, найденные близ Горгиппии. Они частично изданы, но тем не менее заслуживают упоминания как высококачественные и редко встречаемые памятники античной архитектуры [29].

Две парные кассеты кессонированного плафона потолка могут быть отнесены только к внешней колоннаде храма (рис. *9а*, *б*). В центре каждой

---

[25] *A. von Cladiss.* Op. cit., Taf. 48, 2.
[26] *К. Михайловский.* Александрия. Варшава, 1970, рис. 59.
[27] *А. Ашик.* Ук. соч., стр. 56, рис. CX.
[28] *Л. П. Харко.* Фрагмент фриза с изображением гигантов из ст. Таманской. СА, VII, 1941, стр. 90—92, рис. 1—4.
[29] *Н. П. Сорокина.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Всеобщая история архитектуры. М., 1973, 2, рис. 22, стр. 377.

Рис. 9. Кессон потолка с Горгонейоном
а — Анапа, *б* — Эрмитаж

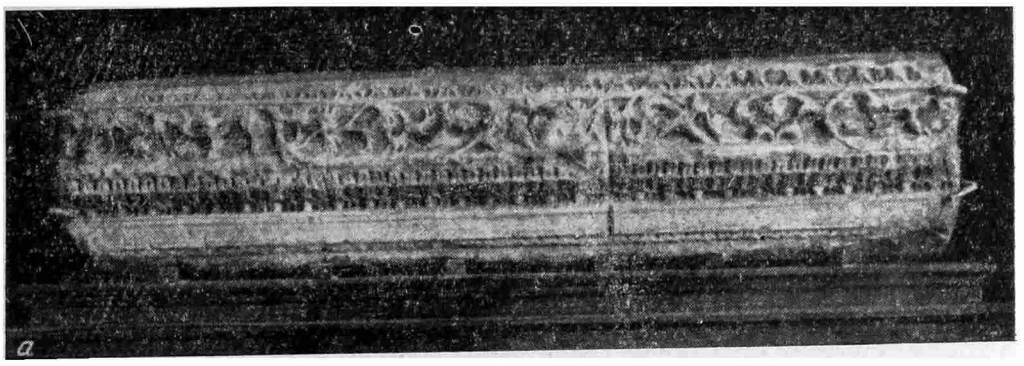


Рис. 10. Антаблементы из Горгиппии
а — Москва, ГИМ; *б* — Анапа

из двух сохранившихся почти полностью кассет находится рельефное изображение Горгоны Медузы. Это довольно необычное изображение, заменившее собой традиционную розетку, в некотором смысле проясняет топографическое размещение плит на плафоне потолка. Если направление лица Горгоны обращено к входу в храм, то горгиппийский кессон, хранящийся в Эрмитаже (инв. № Гп-1904, 1), можно отнести к пteрону храма, а находящийся в экспозиции Историко-краеведческого музея в Анапе — к его пронаосу. Две крупные мраморные плиты кессонированного потолка с идентичным изображением, относящиеся скорее всего к одному зданию, крас-

норечиво свидетельствуют о величине и великолепии декора некоторых храмов Азиатского Боспора.

Вместе с анапскими плитами плафона потолка в ст. Натухайской были найдены два громадных мраморных блока, представляющих фриз и архитрав в одном камне (рис. 10 *а, б*). Один из них хранится в Москве (ГИМ, зал Боспора), другой, утерявший часть рельефного орнамента, находится в Анапе. Фриз обоих совершенно идентичных фрагментов покрывал тонкий растительный орнамент из побегов, листьев и цветов аканта и розеток, придававший монументальную нарядность архитектурной детали. Поверх фриза четвертной вал порезан ионийскими овами, снизу кима, орнаментированная лесбийским киматием. Архитрав расчленен на две фасции. Нижняя фасция архитрава украшена валиком, моделированным плетенкой.

Две фасции архитрава и узкий фриз, придававшие облегченные пропорции антаблементу, указывают на то, что его следует отнести к коринфскому ордеру. В силу большого разнообразия архитектурных решений императорской эпохи горгиппийские детали могли относиться к портику, венчать портал пропилей или являться архитравами храма, к которому принадлежали плиты кессонированного потолка. Последнее наиболее вероятно.

Датировка всех четырех деталей первыми веками нашей эры, предложенная Н. П. Сорокиной, вполне оправдана [30].

В сравнении с аналогичными орнаментом портика в Барселоне и архивольта аркады театра в Арле [31] орнаментация горгиппийских фризов выглядит несколько более поздней, поэтому датировка I—II вв. представляется наиболее надежной.

В данной работе приведены лишь наиболее яркие фрагменты боспорской архитектуры. Несколько не менее интересных, уже изданных деталей в настоящее время обнаружить не удалось. Например, не найден громадный блок антаблемента, состоящий из архитрава и фриза с букраниями и гирляндами цветов, опубликованный А. Ашиком [32].

Имеющийся материал в своей совокупности хорошо иллюстрирует богатство и разнообразие типов культовых и общественных зданий Боспора римского времени.

Среди боспорских антаблементов можно выделить работы безусловно местного происхождения, сделанные в местном известняке. Их отличает сильное влияние эллинистических традиций. Изобразительные особенности боспорской архитектурной школы характеризуются жизненной передачей движения, эмоциональным выражением лиц, а также сдержанностью рельефных декорировок, реалистически следующих растительному прототипу. Сильное тяготение к эллинистическим традициям в римскую эпоху объясняется провинциальным консерватизмом, характерным для всех периодов античной архитектуры Северного Причерноморья. Другую группу составляют памятники из привозного мрамора, которые отличаются новыми усложненными конструктивными формами, сильной стилизацией орнаментальных мотивов, свидетельствующих о влиянии собственно римского зодчества.

Сбор и публикация боспорских антаблементов, информация о конструкциях и архитектурном орнаменте, представленные в хронологической последовательности, обогатят наши представления об архитектуре Боспора первых веков нашей эры.

---

[30] *Н. П. Сорокина.* Ук. соч., стр. 377.
[31] *A. von Gladiss.* Op. cit., Taf. 43, *1*; 45, *1*.
[32] *А. Ашик.* Ук. соч., стр. 56, рис. CIX.

I. R. Pitchikian

ENTABLEMENTS BOSPHORIENS DES PREMIERS SIECLES DE N. E.

Résumé

L'examen des entablements bosphoriens a permis à l'auteur de discerner un groupe de monuments architecturaux fabriqués en calcaire local, production des ateliers architecturaux bosphoriens dont l'attachement aux traditions hellénistiques est une particularité qui trouve son explication dans le conservatisme provincial de l'architecture antique du littoral nord de la mer Noire. Le deuxième groupe comporte des monuments fabriqués en marbre importé dont les particularités figuratives consistent en stylisation marquée et apparition des formes nouvelles plus compliquées accusant l'influence de l'architecture proprement romaine.

Le matériel amassé témoigne de la richesse et de la diversité des constructions culturelles et sociales bosphoriennes à l'époque romaine.

ИГРАР АЛИЕВ, Ф. Л. ОСМАНОВ

БАССЕЙН РЕК ГЕОКЧАЙ — ГИРДМАНЧАЙ — АХСУЧАЙ В АНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

(предварительное сообщение)

Горная, предгорная и частично равнинная полоса, охватывающая Геокчайско-Ахсучайское междуречье (АзербССР), в античную пору составлявшее часть территории Кавказской Албании, в археологическом отношении до недавнего времени оставалась почти необследованной [1].

В начале 60-х годов XX в. на названной территории был выявлен и частично обследован ряд археологических памятников [2], относящихся к последним векам до нашей эры — первым столетиям нашего летоисчисления. Археологические разведки и раскопки в интересующей нас зоне после небольшого перерыва были возобновлены в 1971 и продолжены в 1972 г.

Уже первое знакомство с обследуемой территорией показало густую заселенность ее в античное время, о чем определенно свидетельствуют многочисленные поселения и некрополи.

Из числа археологических объектов, выявленных и обследованных нами, в первую очередь следует назвать поселения и некрополи у селений Моллаисаклы, Шыхдере, Келлеси, Калагяха, Гаджиатамлы, Ганзы, Пирабилкасыма, Тирджана, Кышлака, Нюйди и др. на территории Исмаиллинского и Ахсуинского районов.

Размеры выявленных поселений различны — от 4 до 30 *га*. Территории, занятые могильниками, часто довольно значительны.

Особое значение в свете последних изысканий обретает район с. Нюйди. У западной оконечности села разведками и раскопками, проводившимися в 1965 и 1972 гг., выявлены кроме множества могил и богатого бытового инвентаря также и остатки поселения античного времени.

Поселение это находится на высоком плато (рис. 1, *1*). Оно окружено глубокими ущельями и холмами, покрытыми густым лесом. Здесь много водных источников, в частности минеральных.

Обследованная нами площадь, занимаемая в свое время поселением, равна приблизительно 10—12 *га*. Под влиянием ветров, а также дождевых вод, смывших верхний пласт, культурный слой этого поселения оказался почти обнаженным. Толщина культурного слоя на поселении 1,2—1,5 *м*.

---

[1] Можно указать всего лишь на три-четыре статьи, посвященные по существу случайным находкам и опубликованные около 30 лет назад, см.: *Е. А. Пахомов.* Статуэтка из Молла-Исаклинского селища и ее датировка. Изв. Азерб. ФАН СССР, 2, 1937; *его же.* Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. Азерб. ФАН СССР, 3, 1939; *О. Ш. Исмизаде.* Археологические находки в Исмаиллинском районе. Изв. Азерб. ФАН СССР, 4, 1941; *его же.* Археологические находки в с. Куба-Халилли Исмаиллинского района. ДАН АзербССР, 11, 1952; *Ф. Л. Османов.* Случайные археологические находки из Ахсуинского района. ДАН АзербССР, 9, 1962.

[2] На важное значение междуречья Геокчай — Ахсучай для понимания проблем истории античной Кавказской Албании впервые указал покойный ныне С. М. Казиев. Раскопки 60-х годов на названной территории проводились также под его руководством.

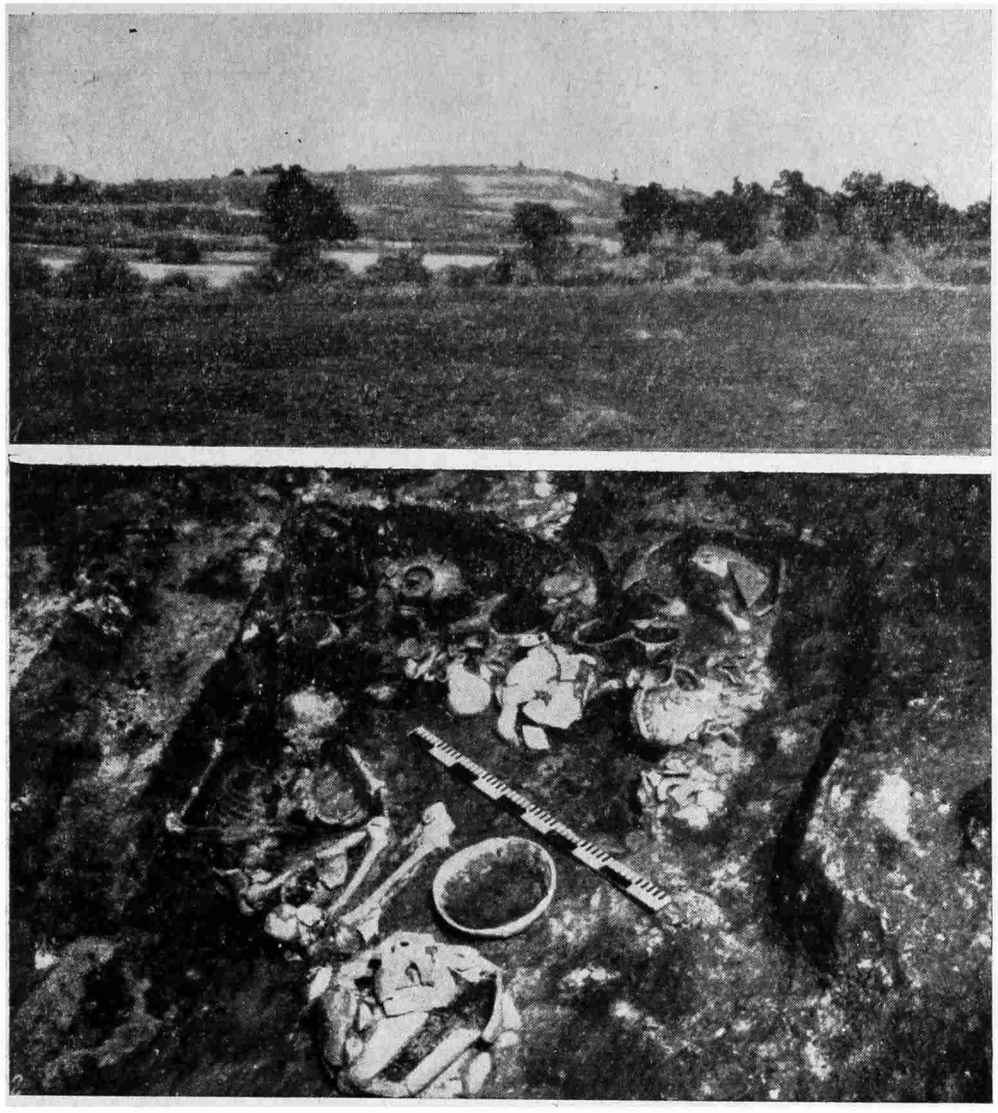


Рис. 1. *1* — район раскопок у села Нюйди; *2* — грунтовое погребение из Нюйдинского некрополя

Нижний слой может быть отнесен к самому началу нашей эры. Здесь выявлены фундаменты зданий, сооруженные из булыжника, с перегородками из плетеных прутьев, оштукатуренных глиной, смешанной с соломой. Обнаружены хозяйственные сосуды (кюпы), обломки зернотерок, огромное количество глиняной посуды, различные металлические предметы и т. д.

Раскопки на Нюйдинском поселении только начаты. Однако уже теперь не вызывает сомнения, что оно имело для своего времени важное значение, являясь, возможно, крупным торгово-ремесленным и военно-политическим центром городского типа на территории интересующей нас части Кавказской Албании. Об этом в первую очередь свидетельствуют материалы Нюйдинского некрополя, могилы [3] которого, относимые к III в.

[3] Раскопаны кувшинные и грунтовые погребения, последние представляли собой могильные ямы прямоугольной формы. Скелеты находились в них в сильно скорченном положении на левом или правом боку (рис. 1, *2*). Во всех погребениях обнаружены следы огня, что свидетельствует об огненном ритуале, совершенном во время захоронения покойника. Следы огня и зола встречаются в погребениях неравномерно. В богатых погребениях остатков золы и древесного угля значительно больше, чем в бедных.

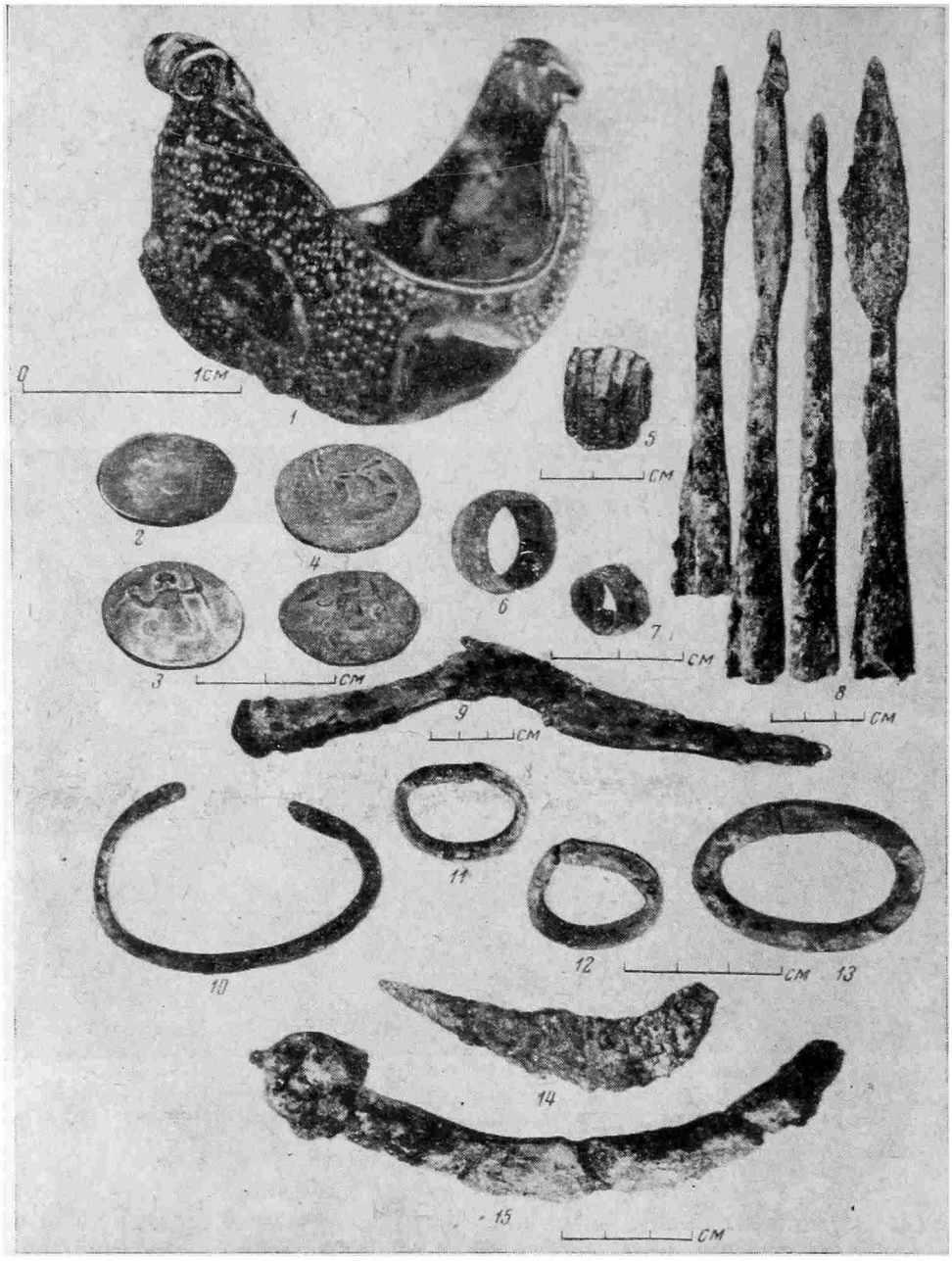


Рис. 2. *1* — золотые серьги из Калагяха; *2—4* — монеты-подражания; *5* — витое колечко; *6* — бронзовое колечко; *7* — бронзовая бусина; *8* — железные наконечники копий; *9* — железный секач; *10, 13* — бронзовые браслеты; *11, 12* — бронзовые колечки; *14* — железный нож; *15* — железный серп

до н. э. — I—II вв. н. э., содержали обильный погребальный инвентарь. Эти же материалы указывают на то, что ранний слой поселения пока не выявлен.

Погребения на Нюйдинском могильном поле относятся к двум периодам. Могилы верхнего слоя (начиная с 0,7 *м* от дневной поверхности), относимого к концу I в. до н. э. и I—II вв. н. э., в основном синхронны с упомянутым выше поселением. Захоронения нижнего слоя (на глубине 1,5—1,7 *м*) можно датировать в пределах III—I вв. до н. э.

В погребениях нижнего слоя инвентаря значительно больше, чем в верхнем слое. Здесь много разнообразных керамических изделий. В верх-

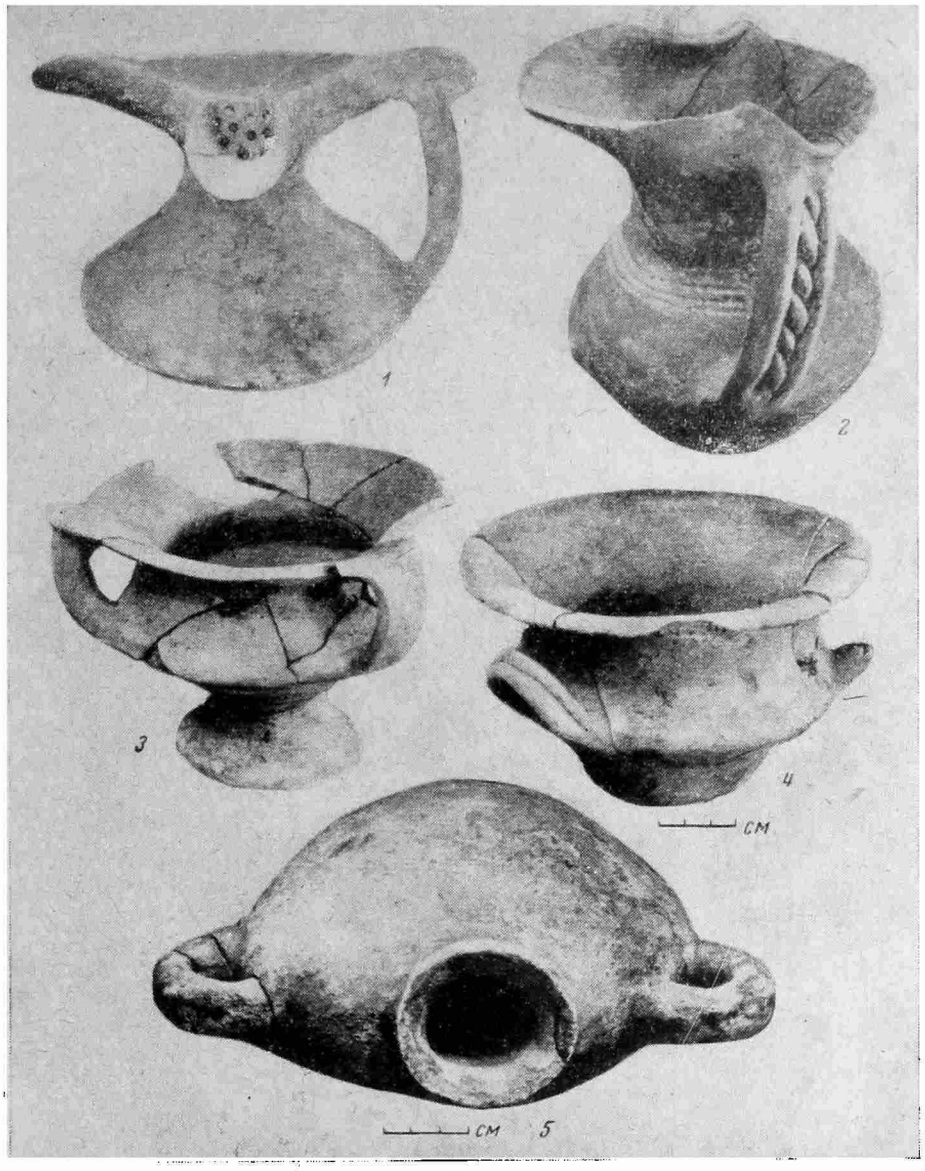


Рис. 3. *1—5* — сосуды из Нюйдинского некрополя

нем слое они значительно грубее, меньше разновидностей. В нижнем слое много оружия. В верхнем оно встречается редко. В общем, могилы нижнего слоя значительно богаче. Именно отсюда, из грунтового погребения ялойлутепинского типа, относящегося ко II—I вв. до н. э., происходит уникальный бронзовый шлем [4].

Погребальный инвентарь из Нюйдинского некрополя состоял из орудий труда [5], оружия [6], украшений [7] и других предметов. Особенно много ке-

[4] *Ф. Л. Османов.* Бронзовый шлем, найденный в Ахсуинском районе Азербайджанской ССР. ДАН АзербССР, XXVIII, 1, 1972.

[5] Выявлены железные серпы (рис. 2, *15*), ножи (рис. 2, *14*), секачи (рис. 2, *9*) и т. д.

[6] Основным видом оружия являлись копья, наконечники которых встречаются довольно часто (рис. 2, *8*). Железные втулчатые наконечники копий мы находили почти во всех могилах, в некоторых из них — по 2—4 экземпляра. Они имеют листовидную форму и заостренный конец. Длина их различна. Наконечники обычно бывали воткнуты в землю у изголовья, напротив лица погребенного, иногда положены на сосуды.

[7] Украшения состоят из браслетов, колец, бус, подвесок. Браслеты изготовлены из бронзы (за исключением одного железного), различны по величине и форме

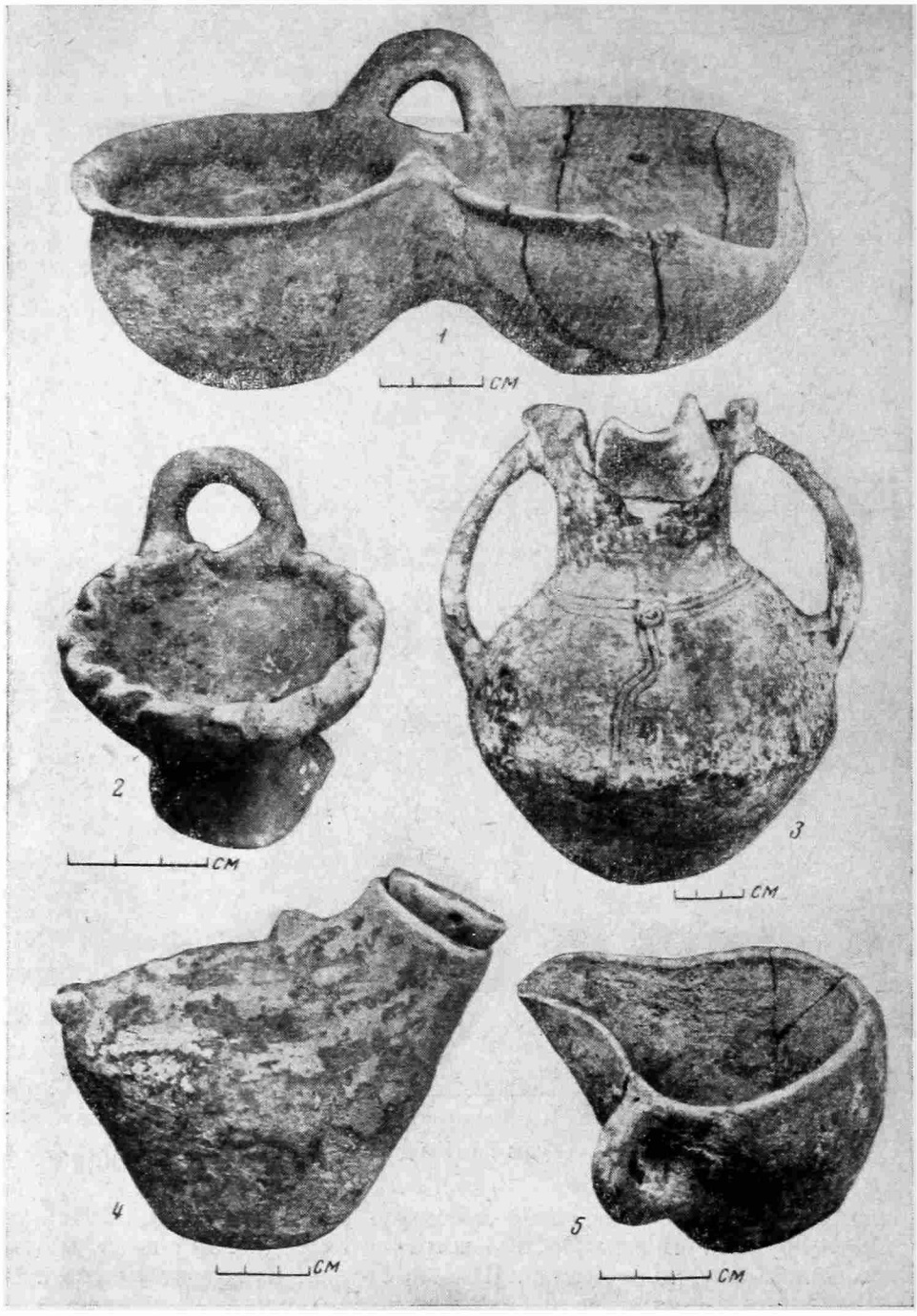


Рис. 4. *1—5* — сосуды из Нюйдинского некрополя

рамических изделий различных форм и размеров, изготовленных вручную. Попадаются богатые погребения, в которых количество сосудов бывает

(рис. 2, *10, 13*). В сечении они круглые, треугольные, четырехугольные. Попадаются браслеты без орнамента с сомкнутыми и несомкнутыми концами. Кольца различных видов изготовлены также из бронзы (рис. 2, *5*, *6*, *11*, *12*). Только одно кольцо железное. На него нанизаны бронзовые бусы, свернутые из листа. Интересно бронзовое кольцо, сделанное из спиралевидно закругленной проволоки в шесть витков (рис. 2, *5*). Оба конца заострены. Этот тип колец характерен для памятников эпохи бронзы и раннего железа в Азербайджане (см. *Г. М. Кесаманлы.* О хачбулагских каменных ящиках. МКА, IV, Баку, 1965, стр. 43, рис. II, *3*). Бусы изготовлены из стекла, сердолика, пасты, бронзы (рис. 2, *7*). Имеют ромбовидную, продолговатую, круглую форму.

около 40 [8]. Значительнейшей находкой 1972 г. следует считать открытие погребения, принадлежащего, видимо, богатой горожанке.

Об этом может свидетельствовать, на наш взгляд, клад монет, обнаруженный в могиле [9], рядом с останками погребенной. Он состоял из 36 серебряных драхм местной чеканки — подражаний монетам Александра Македонского и Селевкидов. Клад этот следует отнести, по-видимому, ко II в. до н. э. [10] Таким богатством мог обладать, очевидно, только человек, живший в городе с развитыми товарно-денежными отношениями.

Разумеется, только широкие археологические раскопки на Нюйди-дюзи и в прилегающих районах позволят решить ряд важных вопросов. Однако уже теперь нельзя не отметить, что, судя по подъемному материалу, вся прилегающая к Нюйди зона очень богата памятниками античного и раннесредневекового времени [11], в которых явственно проглядывают черты городской цивилизации.

В последние годы на территории Исмаиллинского района выявлено несколько поселений рубежа и первых веков нашей эры [12]. Особое место в этом отношении занимают памятники, обнаруженные у селений Моллаисаклы, Калагях, Шыхдере Келлеси, Шекили (Ванк), Гаджиатамлы, Ганзы, Тирджан, Пирабилкасым и др. Во всех названных объектах проводилась разведка и небольшого масштаба раскопки.

Поселение Моллаисаклы находится на западной окраине одноименного села и занимает, по предварительным данным, площадь около 4 *га*. К юго-востоку от поселения расположен могильник. Толщина культурного слоя поселения достигает 1,4—1,7 *м*. Вследствие многолетних вспахиваний почвы верхний пласт культурного слоя разрушен. При раскопках выявлены булыжные фундаменты четырехугольных помещений, полы которых нередко покрыты слоем глины в 5—7 см, остатки сырцовых кирпичей, обломки штукатурки с плетеными прутьями, следы деревянных столбов-подпорок, куски кровельной черепицы и т. д. Здесь обнаружены многочисленные фрагменты сосудов, близких ялойлутепинским изделиям, значительное количество антропоморфных статуэток, зооморфных фигурок (рис. 5,

---

[8] Многочисленные сосуды можно разделить на следующие группы: кюпы (большие кувшины), кувшины с одной и двумя ручками (рис. 3, *1, 2*; рис. 4, *3*), вазы (рис. 3, *3*; рис. 4, *2*), чаши (рис. 4, *1, 5*), горшки (рис. 3, *4*), зооморфные сосуды типа фляг (рис. 3, *5*; 4, *4*) и т. д. Кюпы встречаются в основном на территории поселения— в жилищах, реже — в погребениях. В таких кувшинах хранились различные сельскохозяйственные продукты.

[9] Это погребение № 11, вырытое на глубине 1,7 *м*. Скелет лежал в сильно скорченном положении на левом боку, головой на СВ (рис. 1, *2*). В могиле обнаружено более 30 глиняных сосудов, много различного рода украшений и т. д.

[10] Монеты находились внутри небольшого кувшинчика у ног погребенной. Все монеты почти одинаковы. На обеих сторонах их имеются изображения. На лицевой стороне — очень грубое изображение профиля головы вправо, кажется, в короне или шлеме. Лицо передано весьма схематично (рис. 2, *2—4*). На реверсе — сидящая на троне фигура, возможно, Зевс. В вытянутой правой руке, слегка согнутой в локте, держит птицу, в других случаях — козу. Левая рука опирается на длинный скипетр. На некоторых монетах верхняя часть скипетра заканчивается раздвоенным концом. На голове фигуры изображен какой-то отросток. Возможно, на лицевой стороне монет представлены албанские цари (на монетах Александра изображался сам македонский завоеватель). Отсутствие надписей на монетах не позволяет решить этот вопрос. Судя по изображениям на монетах, несмотря на однотипность, они биты несколькими штемпелями. Однотипные с нашими монеты-подражания были обнаружены в Хыныслы (см. *Е. А. Пахомов*. Античные монеты в Азербайджане. Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, стр. 109; *его же*. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н. э. Труды Музея истории Азербайджана, V, Баку, 1962, стр. 74—76) и Кабале (см. *И. А. Бабаев, С. М. Казиев*. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. НЭ, IX, М., 1971, стр. 18 сл.)

[11] Во время разведок 1965 и 1972 гг. Ф. Л. Османовым в этой зоне зарегистрированы следы нескольких городищ и выявлены некрополи названной эпохи.

[12] Разведка и раскопки производились Ф. Л. Османовым. В работе экспедиции участвовал И. Алиев.

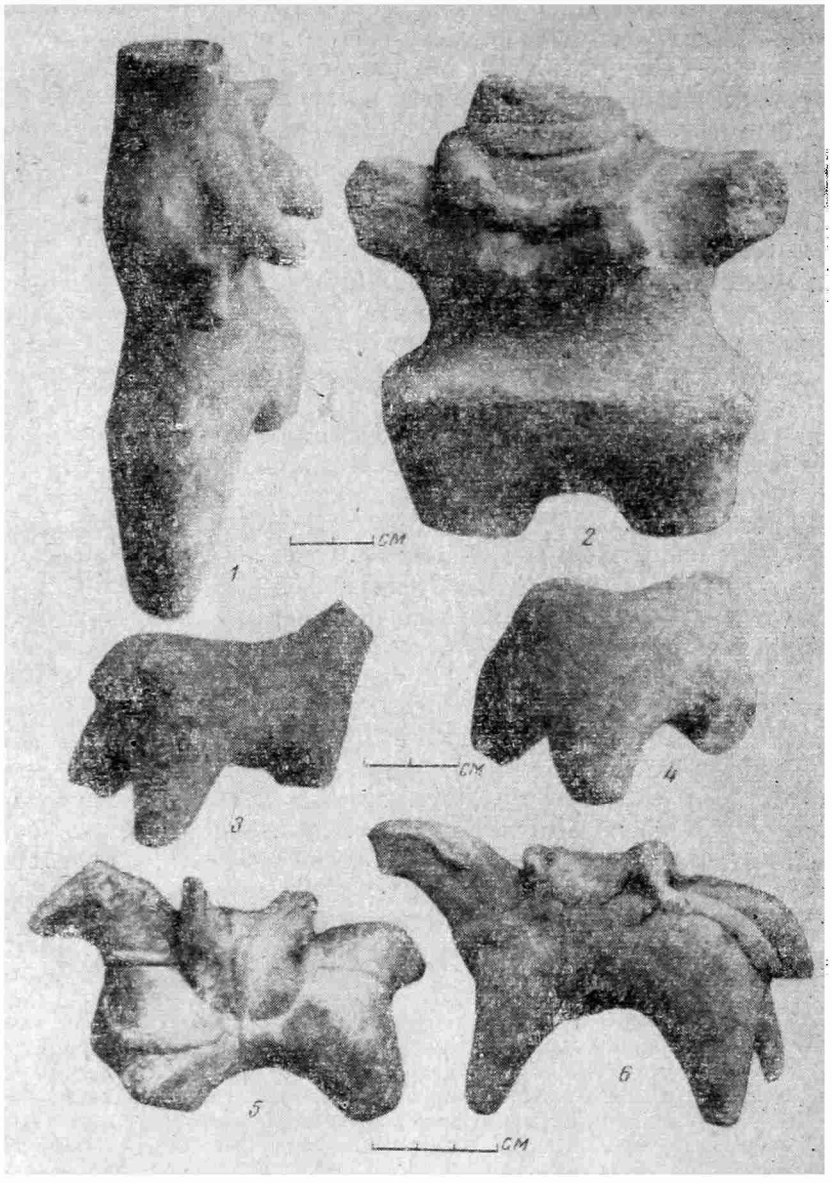


Рис. 5. *1—2* — женские статуэтки из Моллаисаклы; *3—4* — фигурки животных из Моллаисаклы; *5—6* — фигурки лошадей из Шыхдере Келлеси

1—4) и т. д. Расчищена также одна хозяйственная яма диаметром 1,3 *м*, где обнаружены слой золы, остатки угля, кости животных и т. д. Поселение это следует, очевидно, датировать III в. до н. э.—I в. н. э.

Вблизи поселения, на могильном поле, выявлены кроме грунтовых и кувшинных погребений так называемые ванночные захоронения (глиняные саркофаги) (рис. 6), которые, несомненно, синхронны с двумя первыми.

Интересно, что среди украшений, относящихся к носителям культуры ванночных погребений, обнаружены глиняные браслеты и бусы.

Наиболее резко бросается в глаза (как в поселении, так и в погребениях) наличие огромного количества керамических изделий чрезвычайно высокого качества, находки антропоморфных статуэток, нигде в Азербайджане в таком количестве не известных.

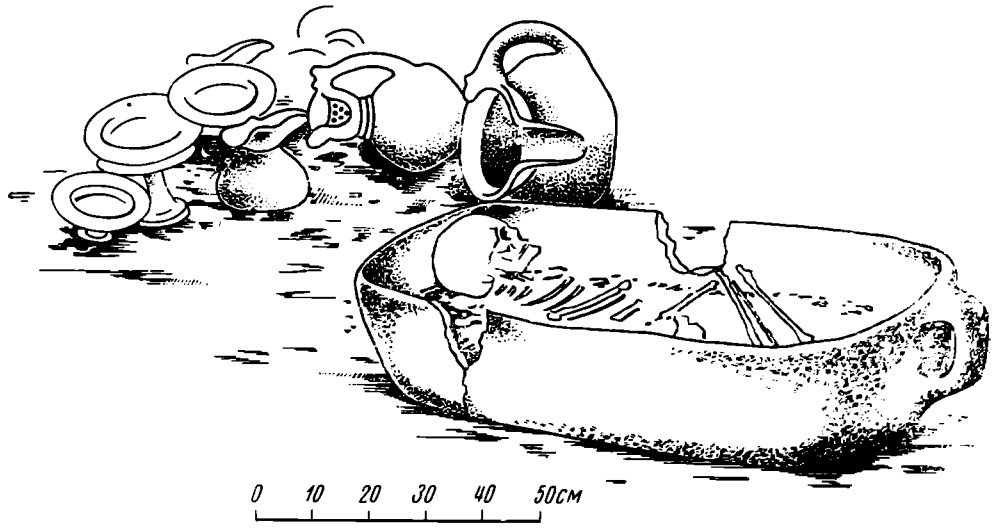


Рис. 6. Ванночное погребение из Моллаисаклы

Важные материалы обнаружены в местечке Шыхдере Келлеси, в 3 *км* от сел. Моллаисаклы, хотя по существу здесь произведена только небольшая шурфовка [13].

По предварительным данным, поселение это занимает площадь около 30 *га*. На территории поселения собран значительный подъемный материал, состоящий из различных керамических изделий, среди которых преобладают вазы на ножках красно-желтого, серого и черного цвета, кувшины большого размера с крышкой, сосуды с маленькими носиками, кувшинчики с дугообразными венчиками. Имеются также орудия труда — многочисленные каменные зернотерки, песты и др.

В культурном слое толщиной 1,2 *м* обнаружено значительное количество крупных фрагментов кровельной черепицы (рис. 7—8), огромное количество кусков штукатурки с основой из плетеных прутьев, много керамики и других изделий.

Под слоем с кровельной черепицей, на глубине 0,8—0,9 *м*, выявлен участок с хозяйственными кюпами. В этом слое обнаружены фрагменты различных керамических изделий, обломки каменных зернотерок, фигурки животных и др. Среди последних особо следует отметить фигурку оседланной лошади, на которой хорошо прослеживается все ее убранство (рис. 5, *5—6*). Этот ранний слой поселения, возможно, следует датировать самым концом IV в. до н. э., чему не противоречит и погребальный материал из рядом расположенного некрополя. Верхний слой, где обнаружены фрагменты черепицы, кажется, можно отнести к I в. до н. э. — I в. н. э.

Поселение Калагях, находящееся на окраине одноименного села, занимает площадь около 30 *га*. Оно расположено на высоком плато, которое с трех сторон охвачено глубоким ущельем, а с севера защищено рвом, возможно, искусственного происхождения. Толщина культурного слоя достигает 1,7 *м*. Здесь обнаружены остатки жилищ, фрагменты различных глиняных изделий, каменные зернотерки, жернова от ручных мельниц, фигурки животных, антропоморфные статуэтки и др. Выявлено много хозяйственных кюпов, каменных сосудов, связанных с процессом изготовления вина, и т. д. Обнаружено немало хозяйственных ям.

При сооружении жилищ широко применялись булыжник, сырцовый кирпич, дерево и камыш. Во время раскопок 1964 и 1971 гг. удалось выявить некоторые принципы и детали сооружаемых на поселении зданий.

[13] Разведка и шурфовка Ф. Л. Османова (1971 г.). *Ф. Л. Османов.* Шыхдере Келлеси. АО — 1971, М., 1972, стр. 484.

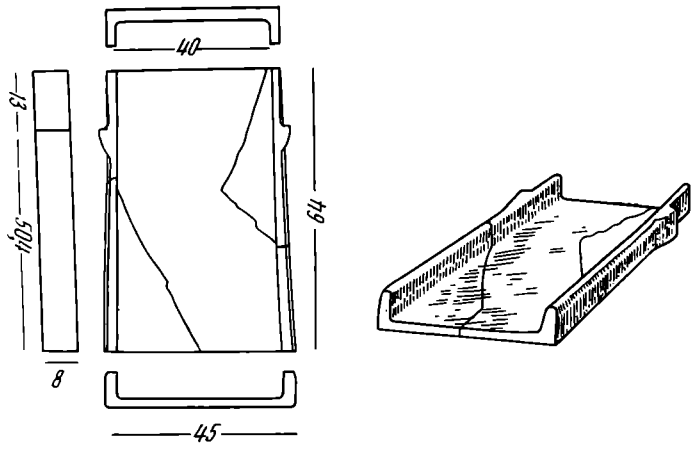


Рис. 7. Черепицы из поселения Шыхдере Келлеси

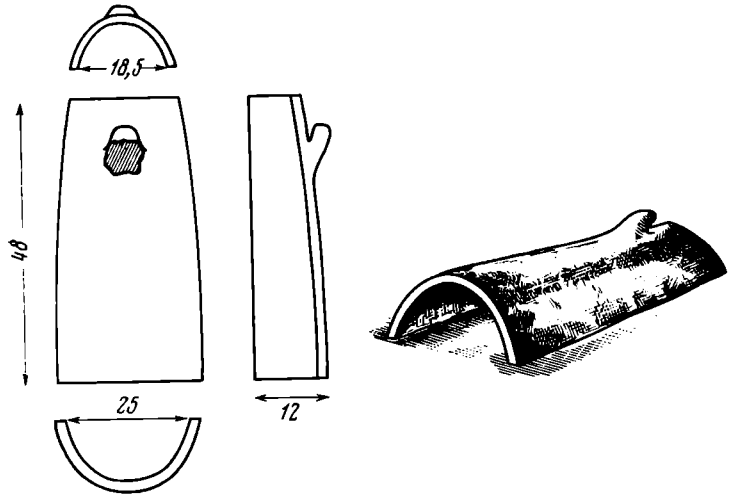


Рис. 8. Черепицы из поселения Шыхдере Келлеси

Расчищены остатки какого-то сооружения, имевшего круглый пол, по сторонам которого обнаружены гнезда от деревянных подпорок.

В 3 *км* к югу от сел. Калагях у подножий больших естественных холмов в местечке Кишлак обнаружено еще одно поселение. Вблизи холмов культурный слой этого поселения погребен под толстым двухметровым наносным слоем, смытым с холмов. В расщелинах иногда можно наблюдать всю толщу культурного слоя, достигающего здесь приблизительно 1,5 *м*. В культурном слое обнаружены многочисленные фрагменты глиняных сосудов, орудия труда, остатки фундаментов стен, выложенных из булыжника, сохранившиеся части прямоугольных в плане жилищ, большое количество бытовых остатков и т. д.

Во время разведок и раскопок 1964 и 1971 гг. зарегистрировано еще несколько поселений, где собран большой подъемный материал, произведена рекогносцировка, в отдельных случаях вскрыты небольшие участки культурного слоя.

Археологические материалы, добытые нами в исследуемой зоне, рисуют эту часть территории Кавказской Албании последней трети I тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. как область с достаточно развитым оседло-земледельческо-скотоводческим хозяйством, ремесленным производством, оживленной торговлей, с поселениями сельского и городского типа.

Различные сельскохозяйственные орудия — железные серпы, секачи, ножи, каменные зернотерки, ручные мельницы и т. п., хозяйственные кув-

шины и ямы для хранения зерна, остатки различных злаков и многое другое красноречиво свидетельствует о развитии здесь земледелия [14].

В поселениях упомянутого времени обнаружены обуглившиеся остатки культурного многорядного ячменя (Hordeum var. Pallidum) и ячменя дикорастущего (Hordeum Spontaneum). Остатки мягкой пшеницы принадлежат виду Triticum aestivum [15].

Жатва производилась железными серпами, а размол — зернотерками. Последнее обстоятельство свидетельствует о сохранении в земледельческой практике некоторых архаических черт на рубеже нашей эры. Однако с первых веков нашей эры техника размола зерна начинает совершенствоваться — появляются ручные мельницы, жернова которых обнаружены на исследуемой нами территории.

Можно говорить о развитии здесь и садоводства. Обнаружены, в частности, хорошо сохранившиеся косточки винограда.

Важное место в хозяйстве жителей Геокчайско-Ахсучайского междуречья занимало скотоводство. Этому в немалой степени способствовали сами природные условия зоны.

Большое количество костных остатков и глиняные фигурки различных животных (бараны, козы и др.), обнаруженные в поселениях и погребениях, свидетельствуют о том, что население района разводило крупный и мелкий рогатый скот, а также свиней. Судя по остеологическому материалу, овцеводство занимало главное место в скотоводческом хозяйстве, что, по-видимому, было обусловлено усилением роли отгонного скотоводства.

Развито было молочное хозяйство, о чем кроме всего прочего свидетельствует также специально изготовленная посуда.

Крупный рогатый скот, огромное количество костей которого обнаружено во всех названных выше поселениях зоны, использовался не только для получения молочных продуктов, но, по-видимому, и в качестве вьючной, возможно, и тягловой силы при обработке земли.

Важное значение имело коневодство, о чем свидетельствуют многочисленные глиняные фигурки. Особенно интересна фигурка оседланной лошади.

Значительное место в хозяйстве занимала одомашненная птица [16].

О роли собаки в скотоводческом хозяйстве и, по-видимому, охоте красноречиво говорят глиняные фигурки этого животного [17].

Довольно высокого уровня развития достигли ремесла. Налицо не только отделение ремесла от земледелия, но и массовый характер ремесленных изделий, стандартизация производства, узкая специализация по крайней мере в отдельных отраслях ремесленного производства.

Хорошо развито было железообрабатывающее ремесло, особенно такая отрасль его, как оружейное дело. На некрополях выявлено значительное количество различных видов оружия — мечей, кинжалов, наконечников стрел и особенно копий. Обнаружен оригинальной формы бронзовый шлем местной работы [18] (рис. 9, *а, б*).

Раскопки дали огромное количество глиняной посуды стандартных, устойчивых и традиционных форм — больших хозяйственных кувшинов, ваз, чаш, зооморфных сосудов, фляг и др. Основная масса керамических изделий изготовлена от руки из хорошо отмученной глины. Керамика в

---

[14] О злаках на этой территории см. *И. Д. Мустафаев.* Материалы по изучению пшеницы, ржи, ячменя и эгилопсов Азербайджана. Баку, 1961, стр. 19 сл.

[15] Определения акад. АН АзербССР И. Д. Мустафаева.

[16] О роли птицеводства свидетельствуют огромный остеологический материал, многочисленные сосуды в форме курицы и петуха и т. д. Часто на сосудах изображается домашняя птица.

[17] *К. В. Тревер.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 77.

[18] *Ф. Л. Османов.* Бронзовый шлем...

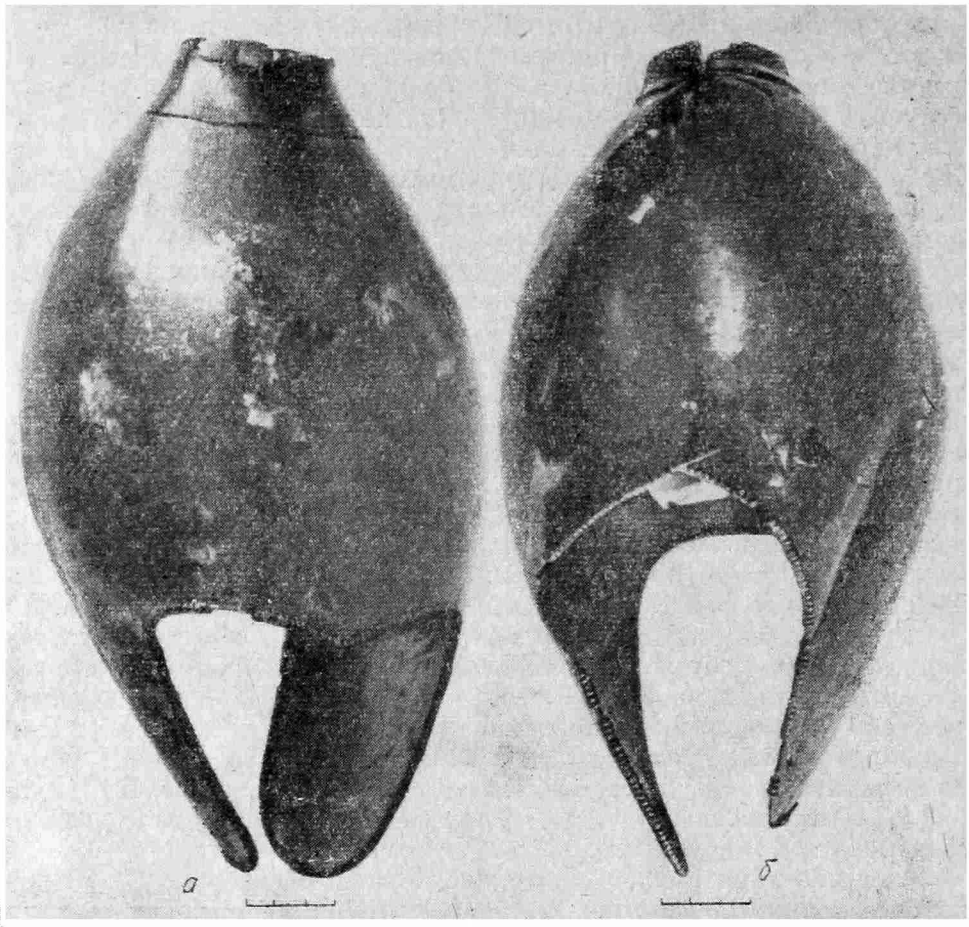


Рис. 9. Бронзовый шлем. *а* — вид спереди; *б* — вид сзади

основном красного цвета, но немало сосудов серого и черного цветов. На некоторых сосудах встречается орнамент.

Мастера интересующего нас района изготовляли также строительную керамику — кровельную черепицу, остатки которой обнаружны в большом количестве на поселениях. Производство ее, как кажется, было одной из важнейших отраслей выделившихся городских ремесел античной Албании [19].

Среди изделий художественной керамики особо следует отметить обнаруженные в погребениях и поселениях у сел. Моллаисаклы и Калагях антропоморфные и зооморфные фигурки.

Подобного скопления на небольшом сравнительно участке антропоморфных статуэток [20] не знает ни одна из областей исторической Албании

Часть ювелирных изделий несомненно изготовлялась на месте. Массовый характер и стандартизация ремесленных изделий — это основные показатели возникавшего товарного производства.

---

[19] В последние годы значительное количество строительной керамики обнаружено во время раскопок античной Кабалы, Шемахи и в других местах, см.: *И. А. Бабаев.* Черепица античной эпохи из раскопок Кабалы. Материалы к сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, стр. 23—24; *Дж. А. Халилов.* Археологические исследования древней Шемахи. Там же, стр. 22.

[20] *Ф. Л. Османов.* Терракоты Азербайджана античной эпохи и их ближневосточные параллели. Искусство и археология Ирана. М., 1971, стр. 236 сл.

Рис. 10. Серебряное блюдо с изображением Нереиды на гиппокампе

Об относительно высоком уровне товарно-денежных отношений свидетельствуют немалочисленные привозные изделия — золотые серьги [21] (рис. 2, *1*), стеклянные кубки [22], знаменитое серебряное блюдо с Нереидой на гиппокампе [23] (рис. 10) и др., говорящие об интенсивных связях населения Геокчайско-Ахсучайского междуречья с отдаленными областями, а также клад монет местной чеканки, документирующий наличие здесь развитого денежного хозяйства.

Судя по известным в настоящее время нумизматическим материалам [24], денежное обращение в Кавказской Албании в последние столетия до н. э. развивается настолько, что иностранных монет оказывается недостаточно [25]. И поэтому не позднее II в. до н. э. здесь делаются первые по-

---

[21] См. *Е. А. Пахомов.* Обследование и раскопки кувшинных погребений Азербайджана. Изв. Азерб. ФАН СССР, 3, 1939, стр. 71, рис. 1.

[22] Там же, рис. 2.

[23] *L. Matzulewitsch.* Die byzantinische Antike. Berlin — Leipzig, 1929, табл. 5.

[24] Торговые связи Албании блестяще иллюстрируются нумизматическим материалом. Количество монет античного времени, обнаруженных на территории Албании, в настоящее время исчисляется многими сотнями. Наиболее ранними античными монетами, имевшими хождение здесь, были драхмы Александра Македонского, появившиеся в стране, по-видимому, не позднее III в. до н. э. (См.: *Е. А. Пахомов.* Монеты Азербайджана, I. Баку, 1959, стр. 6; *его же.* Античные монеты в Албании..., стр. 107; *И. А. Бабаев, С. М. Казиев.* Кабалинский клад..., стр 18). Со II в. до н. э. сюда начинают проникать лисимаховские, вифинийские, понтийские, греко-бактрийские, селевкидские, аршакидские и другие монеты, сначала одиночными экземплярами, а чуть позднее — целыми группами, составлявшими клады, в которых бывало от нескольких штук до нескольких сот монет (*Е. А. Пахомов.* Античные монеты в Албании, стр. 107).

[25] См. *Е. А. Пахомов.* Античные монеты в Албании..., стр. 107, 110.

пытки выпуска местных монет — подражаний привозным [26], о чем красноречиво свидетельствует Нюйдинский клад. Поскольку таких монет нет за пределами Албании, есть все основания полагать, что чеканка их была вызвана недостаточной насыщенностью албанского рынка привозными монетами [27]. Таким образом, эти монеты предназначались для удовлетворения именно местного рынка. Сказанное должно свидетельствовать о широком развитии торговли. Последнее обстоятельство в свою очередь не может не говорить о развитии производительных сил, следствием чего было появление товарного производства, расчитанного непосредственно на обмен.

Есть все основания предполагать наличие на изучаемой территории и городов, ибо только они могли быть средоточием ремесел и развитой торговли.

Выше мы уже приводили некоторые аргументы в пользу существования в античное время в этой зоне городов и, по-видимому, развитой городской жизни. Суммарно необходимо указать на нижеследующие обстоятельства.

Инвентарь, обнаруженный в погребениях Геокчайско-Ахсучайского района, свидетельствует о наличии далеко зашедшего процесса имущественной дифференциации и достаточно глубоком расслоении албанского общества уже в последние века до нашей эры. Если исходить из анализа погребального инвентаря, сопоставляя его с другими известными данными (наличием монет местной чаканки, указанием Страбона на существование на рубеже нашей эры власти одного царя в Албании и т. д.), то следует совершенно определенно сказать, что обитатели интересующей нас области должны были жить в условиях классового общества — государства с достаточно развитым ремесленным производством, торговлей и богатой культурой.

Нельзя не отметить, что некрополи, находящиеся около упомянутых выше поселений, свидетельствуют о многоплеменности их населения. Так, в могильниках у сел. Моллаисаклы и Калагях встречается несколько видов погребений (грунтовые, кувшинные, ваннообразные), относящихся к одному и тому же времени. Подобное явление, как кажется, характерно только для городов той поры, явившихся средоточием не только ремесел, но и торговли, привлекавшей сюда купцов из разных стран [28], которые, возможно, в некоторых случаях имели свои кварталы — относительно постоянное местожительство на чужбине [29].

В отношении лиц, погребенных в глиняных саркофагах (ваннообразных гробах), определенно можно говорить, что это были безусловно не местные жители, а выходцы из областей Ирана или Месопотамии, где в парфянское время покойников хоронили в специальных керамических гробах [30].

---

[26] Между прочим, этот процесс имел место и в областях Западной Грузии, см. *А. И. Болтунова.* Античные города Грузии и Армении. Античный город. М., 1963, стр. 167.

[27] *Е. А. Пахомов.* Античные монеты в Албании..., стр. 110.

[28] В городах соседней Армении и Иберии проживали греки, евреи, сирийцы, персы и т. д., см.: *С. Т. Еремян.* Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, 3, стр. 24—26; *А. Апакидзе.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, стр. 271 сл.; *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 447 сл;. *А. И. Болтунова.* Ук. соч., стр. 166.

[29] *А. Апакидзе.* Города древней Грузии, стр. 275.

[30] *W. K. Loftus.* Travels and Researches in Chaldaea and Susiana. L., 1857; *S. Yeivin.* The Tombs found at Seleucia. Second Preliminary Report upon the Excavations at Tell Umar, Iraq. Ann. Arbor, 1933; *G. Furlani.* Sarcofagi partici di Kakzu. Iraq, I, 1, 1934; *R. Eitinghausen.* The Parthian and Sassanian pottery. SPA, I; *N. Debevoise.* Parthian pottery from Seleucia on the Tigris. Ann. Arbor, 1934; *E. F. Schmidt.* Persepolis, II. Chicago, 1957.

Интересно, что в нашей зоне, там, где обнаружены антропоморфные статуэтки, обычно имеются и погребения в ваннообразных гробах. Следует также указать, что у подавляющего большинства этих статуэток головы отбиты. В связи со

Мы склонны думать, что распространение обряда ванночных погребений в интересующей нас зоне Кавказской Албании, начиная со II в. до н. э., следует связывать с усилением парфянского влияния в стране.

Небезынтересно отметить, что с указанного времени в Албанию начинают проникать парфянские монеты [31]. К рубежу нашей эры эти монеты здесь распространяются уже довольно широко, становясь, по-видимому, господствующим типом. Вероятно, в I в. власть в Кавказской Албании захватывает парфянская династия Аршакидов, которая правила страной с небольшим перерывом до 506/510 г. [32]

Вполне возможно, что уже в раннепарфянский период в зоне нынешнего Исмаиллинского района [33] обосновался парфяно-атропатенский род Михранидов [34] — будущие владетельные князья Гардмана [35], в конце VI в. завладевшие всей Албанией [36].

Исследования в районе с. Моллаисаклы позволяют думать, что участок, откуда происходит подавляющее большинство антропоморфных статуэток, и где засвидетельствованы основные находки ваннообразных погребений, где почти нет оружия и царит картина мирного земледельческого труда [37], в античное время, возможно, являл собой храмовую территорию [38], на которой, быть может, находился культовый центр пришельцев с юга.

В пользу того, что, например, Калагях и Шыхдере Келлеси были поселениями городского типа, говорят кроме всего прочего и довольно внушительные размеры их. Территория каждого из них, по предварительным данным, охватывает не менее 30 *га*.

О городском характере поселений в Калагях и Шыхдере Келлеси свидетельствуют и некоторые планировочные особенности их. Очень важно, например, что на территории поселения Шыхдере Келлеси обнаружено огромное количество различной кровельной черепицы — обстоятельство, позволяющее утверждать существование здесь в свое время крупных зданий и фундаментального строительства, а также предполагать наличие в этом районе ремесленных мастерских по изготовлению черепицы.

Есть основания думать, что на некоторых из упомянутых выше поселений имелись свои мастерские, в которых изготовлялись различные керамические изделия, так обильно представленные в культурных слоях поселений и в погребениях.

сказанным нельзя не вспомнить персепольских «идолов» с отбитыми головками, а также обычай персов уже времен арабского завоевания и позже возобновлять «идолов» в день нового года — новруза (см. *E. Herzfeld.* Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, pl. II., p. 15—17, fig. 8, 12).

[31] *Е. А. Пахомов.* Античные монеты в Албании..., стр. 107.

[32] Справка Ф. Д. Мамедовой, которой мы приносим свою глубокую благодарность.

[33] В этой зоне исторической Албании много топонимов, основа которых состоит из элементов старопранской лексики: Girdman, Ganza, Zəvgəran и т. д.

[34] Феофилакт (III, 18) считает род Михранидов одной из семи знатных мидийских фамилий. Обычно полагают, что Михраниды переселились в Албанию во времена сасанидского царя Хосрова II (см. *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 234). Однако К. В. Тревер (там же, стр. 236) указала на то, что в числе участников Алуэнского собора (488 г.) назван один из Михранидов — владетельный князь Гардмана Вардан Храбрый. Мы склонны полагать, что Михраниды появились здесь в еще более раннее время.

[35] Не отрицая существования области Гардман в Казахско-Шамхорском районе, мы, однако, полагаем, что есть немало оснований связывать по крайней мере начальный период деятельности Михранидов с зоной Исмаиллинского района, где, между прочим, и по ныне сохраняются названия Гирдманчай (река Гирдман), Гирдман каласы (крепость Гирдман), Джаваншир каласы (крепость Джаваншира, как думаем мы, правителя Гардмана и всей Албании (636—670 гг.)) и др., которые позволяют локализовать михранидский Гардман на интересующей нас территории.

[36] См. *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 235.

[37] Эта черта резко бросается в глаза, особенно при сравнении Моллаисаклинского комплекса с данными из других поселений, где иногда скотоводческое хозяйство превалирует над земледельческим.

[38] О храмовых территориях в Албании см. *К. В. Тревер.* Ук. соч., стр. 150 сл.

Можно полагать, что в Шыхдере Келлеси обнаружена часть торгового квартала (на очень небольшом участке выявлено более 10 рядом стоящих хозяйственных кюпов). Быть может, в Калагях мы имеем остатки винодельни. Об этом свидетельствуют большие кюпы и специальные приспособления.

Данные, известные из других областей Албании, позволяют считать, что албанские города античной поры, как и города соседних Иберии и Армении соответствующего времени [39], в основном возникали на местах древних земледельческих поселений, расположенных в плодородных местах, занимавших выгодное стратегическое положение и лежавших на торговых магистралях.

Совсем другая картина предстает перед нами в исследуемой зоне. Подавляющее большинство упомянутых выше поселений возникло, так сказать, на «пустом месте» по преимуществу в последней трети или даже четверти I тысячелетия до н. э., т. е. в период возникновения и становления Албанского государства, в областях которого в ту пору протекали интенсивные процессы, связанные с развитием социально-экономических, политических и культурных процессов. Создается впечатление, что торгово-ремесленные поселения изучаемого района «насаждались» свыше, были делом рук централизованной государственной власти.

Несомненно, что процесс урбанизации интересующей нас зоны Кавказской Албании, как, впрочем, и других ее областей, сопровождался коренными сдвигами и, возможно, какими-то этническими смещениями и смешениями.

Рассмотренные нами материалы позволяют пересмотреть некоторые установившиеся взгляды [40] по поводу значительной отсталости албанских племен по сравнению с их западными и юго-западными соседями.

I. Aliev, F. L. Osmanov

BASSIN FLUVIAL DE GEOKTCHAI-GHIRDMANTCHAI-AKHSOUTCHAI A L'EPOQUE ANTIQUE

Résumé

Les prospections et les fouilles archéologiques de ces dernières années dans le bassin fluvial de Géoktchaï-Ghirdmantchaï-Akhsoutchaï, une partie de territoire de l'Albanie caucasienne à l'époque antique, ont mis au jour de nombreuses villages et nécropoles rapportables aux derniers siècles av. n. è.— premiers siècles de n. è.

Le matériel ramassé témoigne de l'économie assez développée des pasteurs et des cultivateurs de terre sédentaires coexistant côte à côte, de la production artisanale, du commerce animé et de l'existence des agglomérations du type rural et urbain.

La majorité écrasante des agglomérations de la zone en question, à l'opposition de celles des autres régions de l'Albanie caucasienne, fait son apparition surtout au dernier quart du I millénaire av. n. é., c'est-à-dire à l'époque initiale de la formation et de la constitution de l'état albanais. Il paraît que les agglomérations artisano-commerciales de la région en question étaient «implantées» pour ainsi dire du haut, étaient oeuvre du pouvoir centralisé administratif.

Le matériel qui a servi de base à l'article donne un démenti à l'opinion suivant lequel les tribus albanaises se trouvaient en retard considérable par rapport à leurs voisins occidentaux et sud-occidentaux.

---

[39] *А. Апакидзе.* Результаты археологического изучения античных городов Грузии. Античный город, стр. 146 сл.; *А. И. Болтунова.* Ук. соч., стр. 153 сл.

[40] Всемирная история, II, М., 1956, стр. 157, 417, 691, 775; Очерки по истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, стр. 438, 484; Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 306.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ЧЕРНЯХОВСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ С. НОВО-АЛЕКСАНДРОВКИ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Публикации А. Т. Смиленко и А. В. Бодянского находок из могильников черняховского типа у с. Ново-Александровка в Надпорожье не исчерпывают всех полученных оттуда материалов [1]. Сведения в печати о раскопках военного времени в этом селе были получены сравнительно недавно. Добытые находки были разбросаны по разным музеям Украины (Днепропетровск, Киев, Николаев). Между тем Нижнее Поднепровье продолжает привлекать археологов, занимающихся изучением первой половины I тысячелетия н. э. Это связано не только со слабой изученностью черняховских памятников в этих районах. Зона Надпорожья притягательна для ученых в связи с остротой постановки готского вопроса. Отмечается известная специфика полученных из Надпорожья черняховских материалов. М. А. Тиханова предлагала район Нижнего Днепра обособить в качестве локального варианта и была склонна отводить ему особое место в черняховской культуре [2]. И в настоящее время делаются попытки объяснить наличие на некоторых раскопанных в зоне Надпорожья могильниках и поселениях большого количества своеобразной лепной посуды за счет расселения на юг и смешения разных групп населения [3].

Каждый новый факт, способствующий выяснению этнокультурной принадлежности нижнеднепровских памятников, заслуживает всяческого внимания.

Сведения, полученные о происхождении публикуемой коллекции из с. Ново-Александровка, таковы. В 1940 г. И. М. Фещенко и другие киевские археологи, действуя по поручению ИА АН УССР, обнаружили у сел. Аврамовки, Войскового и Ново-Александровки и в других пунктах культурные остатки черняховского типа. В 1941 г., по имеющимся сведениям, в с. Ново-Александровке начались раскопки. В период немецко-фашистской оккупации Днепропетровска, в 1942—1943 гг., работы были продолжены под наблюдением немецкого чиновника некоего Модриана.

В связи с наступлением Красной Армии осенью 1943 г. Модриан бежал прямо с раскопок в Ново-Александровке. Всего было раскопано около 20 погребений черняховской культуры с трупоположениями и трупосожжениями. Сообщается также, что тут же раскапывались захоронения эпохи бронзы. Вряд ли представится какая-либо возможность полностью восстановить

[1] *А. Т. Смиленко (Брайчевская).* Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82, 1960, стр. 148—191; *А. В. Бодянский.* Археологические находки в Днепровском Надпорожье. СА, 1960, 1, стр. 274—277.

[2] *М. А. Тиханова.* О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 174—176. «Приходится полагать,— пишет автор,— что мы имеем здесь дело с какой-то пришлой с запада (вероятно, с Повисленья или с Верхнего Днестра) группой населения» (стр. 176).

[3] *Е. В. Махно.* Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов. КС, 121, 1970, стр. 60—64; *ее же.* Знову про локальні варіанти черняхівської культури. Археологія, XXIV, Київ, 1970, стр. 49—58.

погребальные комплексы и весь ход работ на могильнике. Археологические материалы из с. Ново-Александровки были разрознены и разосланы по разным городам Украины. Основная их часть в настоящее время хранится в фондах Днепропетровского музея. Введение в научный оборот достаточно больших и интересных материалов надпорожского памятника является главной задачей настоящей статьи. Для этого были отобраны целые формы сосудов, наиболее выразительные фрагменты керамики и прочие сохранившиеся в музеях вещи. Сначала были выявлены материалы, имеющие шифры, указывающие, что предметы происходят из раскопок 1941—1942 гг. (рис. 1, *3*; рис. 2, *1, 2, 6, 7, 9, 10, 12, 13;* рис. 3, *2, 3, 6, 7, 12, 14, 16;* рис. 4, *1*; рис. 5, *2*). Больше всего оказалось предметов с нанесенной на них цифрой 43, очевидно, указывающей на год раскопок. Возле нее располагается цифра меньшего размера, тоже двузначная—вероятно, шифр, означающий номер погребения, поскольку установлена повторяемость некоторых цифр. Эти цифры нанесены тушью и отлично видны даже на фотографиях (ср., например, рис. 5, *4, 9* и рис. 6, *7* и др.). Серию находок дополняют несохранившиеся, но зарисованные И. Д. Ратнером вещи в период его работы в Николаевском музее в 1949 г. (рис. 3, *11*; рис. 7, *4, 5, 8, 9, 12, 18, 19, 20*) [4]. Приведены также собранные нами вещи из фондов Киевского Исторического и Днепропетровского музеев. Среди них имеются неизданные и опубликованные (но без прорисовки) вещи. [5]. Таковы, например, фибулы (рис. 7,*3*) или пряжки (рис.7, *2*) и т. п.

Таким образом, если суммировать—нами учтено 58 глиняных сосудов или их фрагментов, в том числе 23 лепных и 35 сделанных на гончарном круге; целые экземпляры и обломки четырех бронзовых фибул (рис. 7, *3, 8, 9, 19*), шесть пряжек (рис. *7, 2, 4, 6, 7, 11, 12*), два глиняных пряслица (рис. 7, *5, 10*), две железные ведеркообразные подвески (рис. 7, *13, 14*), две сердоликовые бусины (рис. 7, *16, 17*), бронзовая проушная игла (рис. 7, *1*), фрагмент многочастного костяного гребня (рис. 7, *15*), железный наконечник стрелы (рис. 7, *18*), обломок края большого бронзового сосуда (?) (рис. 7, *20*) и морская раковина-подвеска (рис. 4, *2*) [6].

Из числа 15 предметов, определенно относящихся, судя по сохранившимся шифрам, к материалам 1941—1942 гг., только два сосуда—обломок гончарного полусферического кубка (рис. 3, *14*; 5, *2*) и усеченно-конический лепной сосуд (рис. 2, *9*; 4, *5*) происходят из одного комплекса — погребения № 1 — раскопки 1942 г. Можно думать, что в этот сезон было вскрыто много захоронений. Обломок стенки гончарной миски, украшенный многорядным лощеным зигзагом, имеет шифр, указывающий, что сосуд происходил из погребения № 35 (рис. 3, *3*).

Предположительно восстанавливаемые комплексы из раскопок 1943 г. сгруппированы нами по шифрам. Повторяемость в шифре сосуда или черепка цифры, следующей за цифрой «43» (год раскопок) послужила обоснованием для объединения материалов в одну группу—предполагаемый комплекс.

Таких групп—комплексов насчитывается 10:

1) С шифром 43 [19]: *а* — фрагмент лепной лощеной миски с уступом над перегибом тулова (рис. 1, *5*; 5, *4*); *б — г* — гончарные серые лощеные открытого и закрытого типа миски (рис. 6, *2*, 6, *7*), в их числе сероглиняная миска-ваза с тремя ручками; *д* — гончарный темно-серый кружкообразный сосуд, покрытый лощением (рис. 5, *9*); *е* — гончарный темно-серый кувшин

[4] Приношу благодарность И. Д. Ратнеру за предоставление рисунков вещей из Ново-Александровки.

[5] *А. Т. Смиленко.* Черняховские памятники Надпорожья..., стр. 188—189, табл. III—IV.

[6] Наиболее достоверно с черняховской культурой связывается вся серия гончарной керамики. Среди лепной посуды есть уникальные формы, имеющие в других памятниках черняховской культуры только приблизительные аналогии. Наконец, среди металлических изделий есть явно поздние предметы типа пряжки (рис. 7, *12*), наконечника стрелы (рис. 7, *18*).

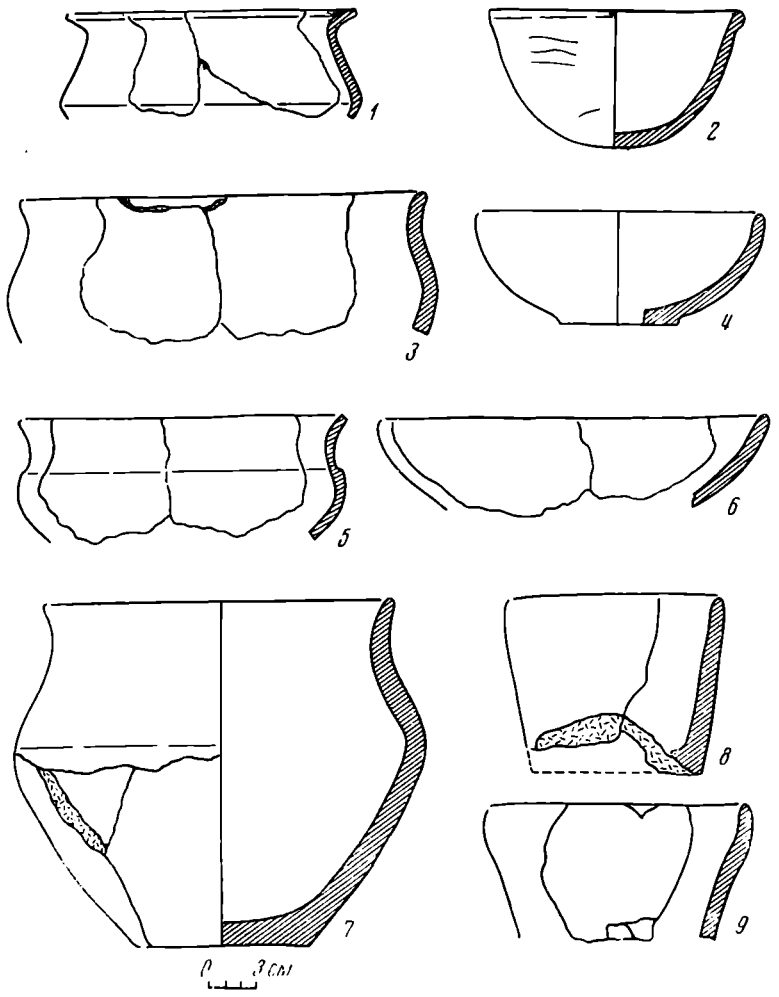


Рис. 1. Ново-Александровка. Лепная посуда

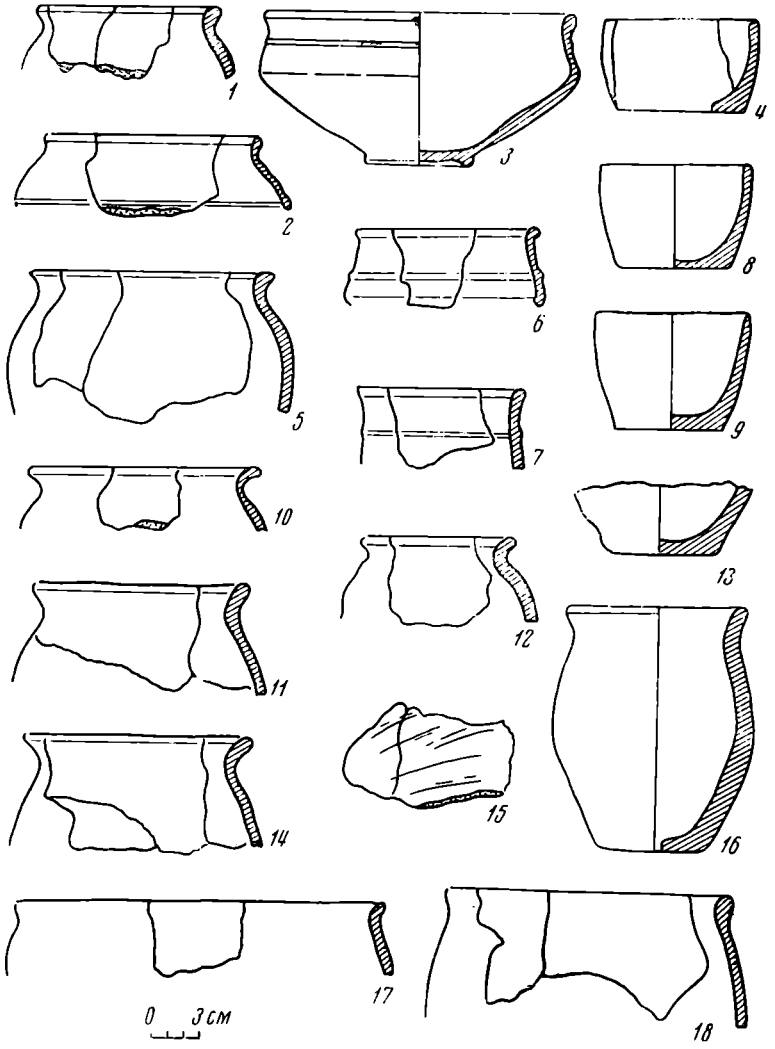


Рис. 2. Ново-Александровка. Гончарная (*1—3, 5—7, 10*) и лепная (*4, 8—9, 11—18*) посуда

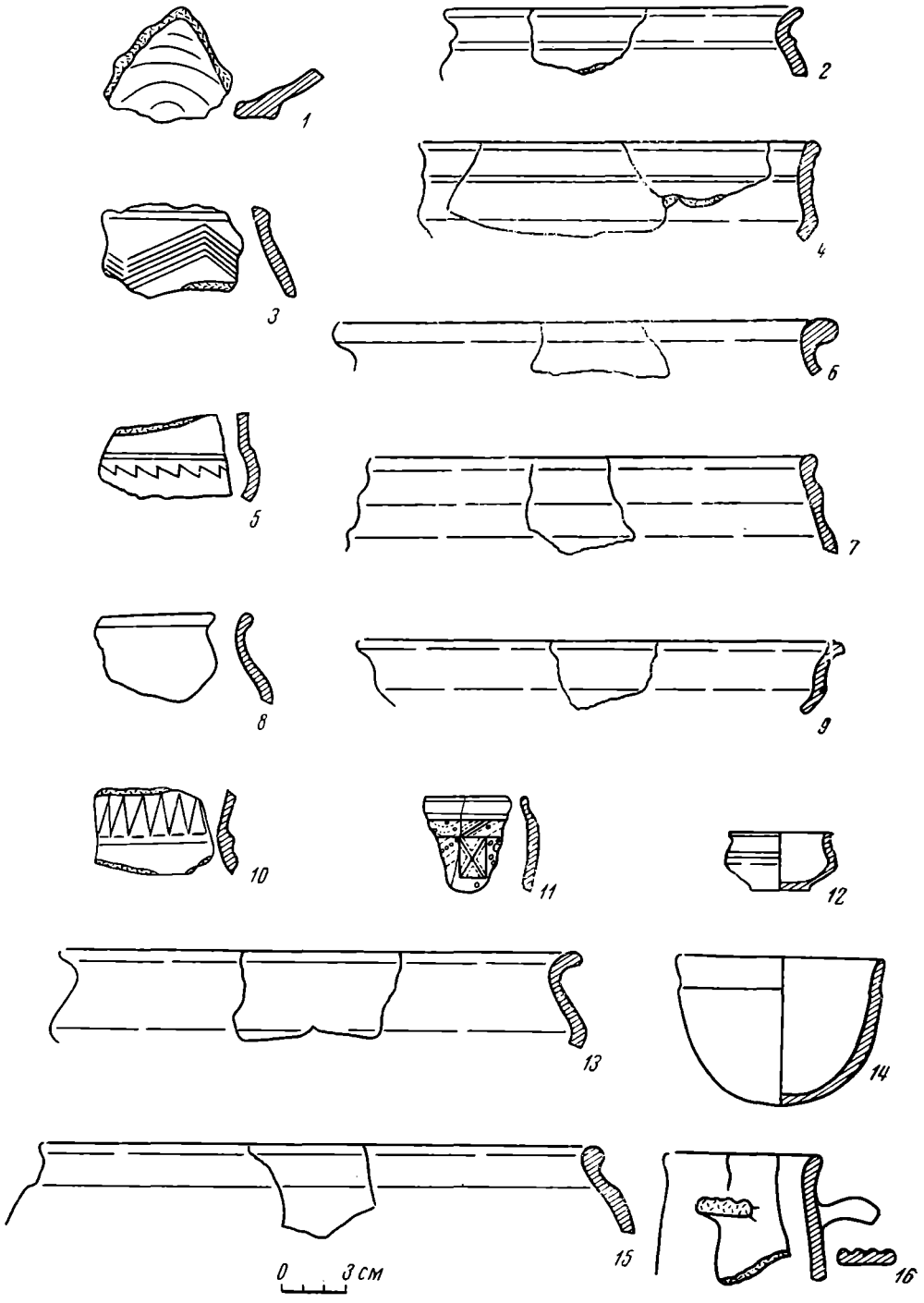


Рис. 3. Ново-Александровка. Гончарная посуда

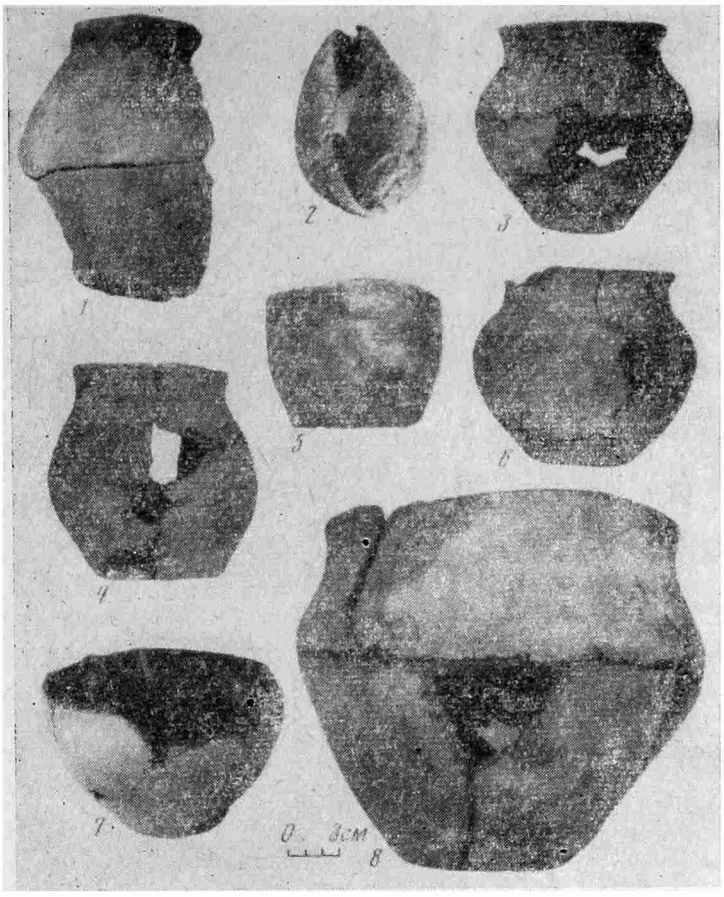


Рис. 4. Ново-Александровка. Лепная посуда и раковина-подвеска (*2*)

без ручек, с обломанным узким горлом (рис. 5, *6*) [7]; *ж* — тот же шифр, что и сосуды, имеет морская раковина с просверленным для подвешивания отверстием (рис. 4, *2*). Последняя находка позволяет предполагать происхождение этой серии находок из могилы с трупоположением, поскольку в сожжениях такие предметы не сохраняются.

2) С шифром 43^{14}: *а—б*—обломок и целая изготовленные на круге биконические миски, покрытые лощением и украшенные валиками (рис. 3, *4*; 6, *4*).

3) С шифром 43^{24}:*а — б* — обломки двух сделанных на круге горшков (рис. 2, *5*; 3, *8*).

4) С шифром 43^{21}*: а—б*—обломки двух лепных горшков (рис.2, *17*, *18*).

5) С шифром 43^{30}: *а — б* — два лепных почти цилиндрических сосуда (рис. 2, *4*, *8*).

6) С шифром 43^{31}: обломки двух усеченно-конических сосудов (рис. 1, *8*, *9*; 5, *3*), вылепленных от руки.

7) С шифром 43^{53} : *а* — большой лепной лощеный горшок-миска (рис. 1, *7*; 4; *8*); *б* — край лепного горшка с венчиком, отогнутым в виде раструба (рис. 2; *11*).

8) С шифром 43^{54}: *а* — гончарный серый шаровидный горшок со щербинами в нижней части (рис. 4, *6*); *б* — гончарная темно-серая миска с валиком под самым венчиком, покрытая лощением (рис. 6, *3*).

---

[7] В кувшине сохранилась этикетка на немецком языке, на которой написано «могила 8».

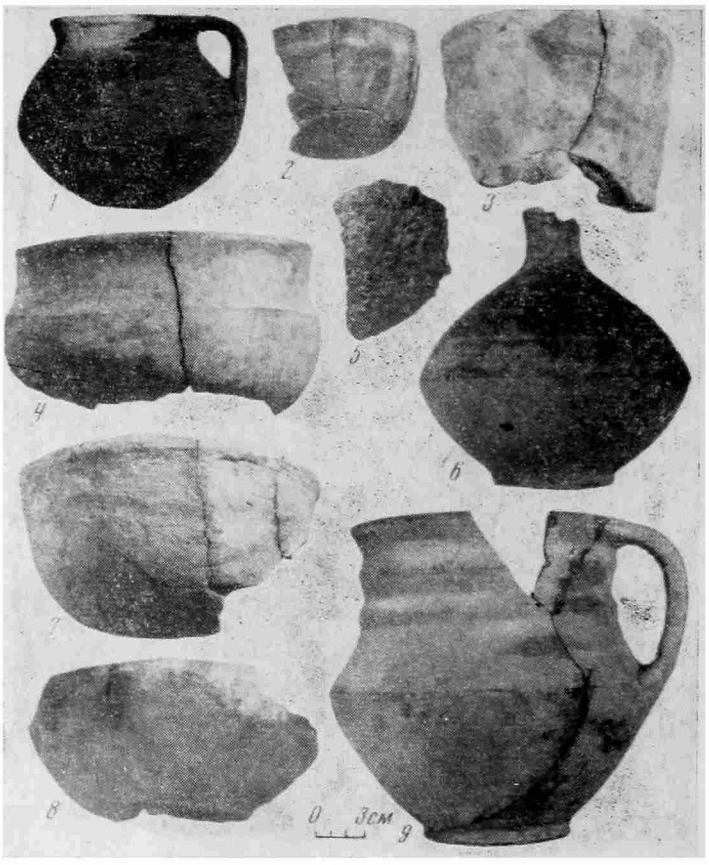


Рис. 5. Ново-Александровка. Гончарная (*1, 2, 6, 9*) и лепная (*3—5, 7—8*) посуда

9) С шифром 43 [65]: *а* — полный профиль лепного биконического со сглаженным перегибом горшка с шероховатой поверхностью (рис. 2, *16*; 4, *1*); *б* — нижняя часть гончарного лощеного сосуда, украшенного внутри концентрическими лощеными линиями (рис. 3, *1*); *в* — обломок стенки гончарного сосуда, орнаментированного углубленно-лощеным зигзагом (рис. 3,*10*).

10) С шифром 43 [72]: *а* — обломок гончарной миски открытого типа, покрытой лощением (рис. 3, *9*); *б* — обломок стенки гончарной биконической миски с уступом над перегибом тулова и зигзагом под ним (рис. 3,*5*).

Как видим, в представленных выше случаях под одной цифрой соединены разные по технике изготовления лепные и гончарные, лощеные и нелощеные сосуды, среди них разная по назначению и типу кухонная и столовая посуда: горшки, миски, кувшины и кружки и даже трехручные миски-вазы, имеющие отношение к каким-то культовым обрядовым действиям. Если учесть единичные находки керамики и их шифры, то от крайнего, начального шифра 43 [12] до конечного — 43 [47], имеющихся в нашем распоряжении, насчитывается около 20 разных номеров, т. е. прослеживается соответствие со сведениями о раскопанном в Ново-Александровке в 1943 г. числе захоронений. Конечно, наше группирование материала и объединение его в предлагаемые комплексы может быть лишь предположительным из-за отсутствия документации.

Обособленное рассмотрение лепной и гончарной групп посуды из коллекции показывает, что первая представляется весьма интересной. Имеются специфические для Нижнего Поднепровья формы и редкие для остальной черняховской территории сосуды. Более многочисленная гончарная

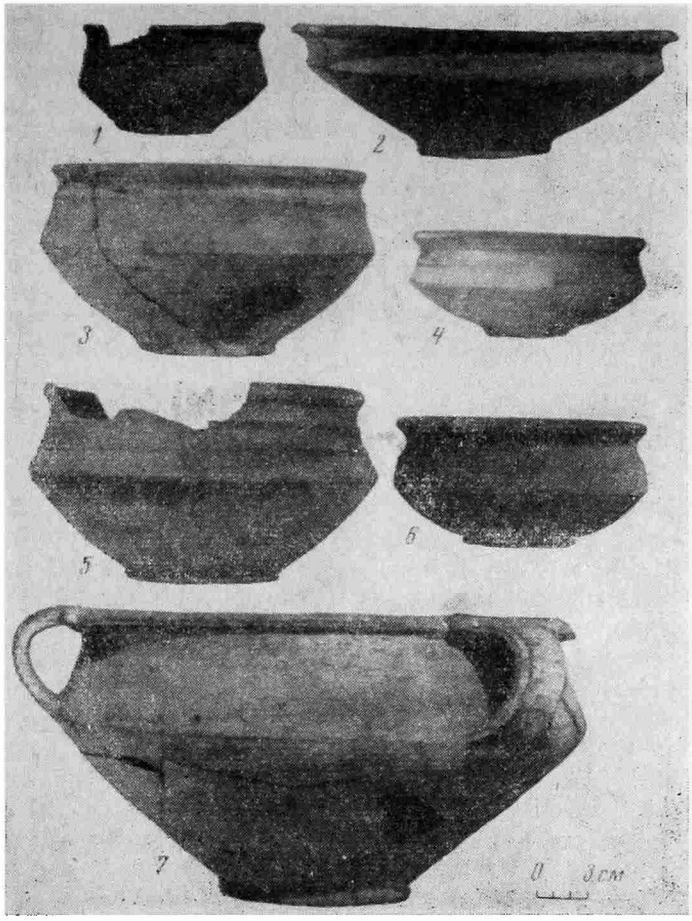


Рис. 6. Ново-Александровка. Гончарная посуда

посуда оказывается обыкновенной для других областей черняховской культуры, будучи представлена известными категориями и типами горшков, мисок, мисок-ваз, кувшинов, кружек и кубков. Последние в большей своей части имеют аналогии на многих памятниках культуры полей погребений. Конечно, и среди лепной керамики только некоторые сосуды Новоалександровского могильника могут быть сочтены за отклонение от повсеместно распространенных типов. Прежде всего очень характерным является биконический, со сглаженным перегибом горшок (рис. 2, *16*; 4, *1*), встреченный на многих памятниках черняховского типа в Поднепровье (Лески, Ломоватое — I, Черняховское поселение, Журавка и др.). Эти сосуды продолжают свое существование и развитие в культуре типа Пеньковка, где они признаны за характерную для Поднепровья и Побужья форму. Горшки с краем в виде раструба также широко представленный тип черняховских сосудов (рис. 2, *11*, *14*). Лепные горшки с утолщенным, слабо выделенным краем есть основания рассматривать, как воспроизведение от руки посуды, сделанной на круге (стр., например, рис. 2, *1* и рис. 2, *18*). Подобное взаимовлияние лепной и гончарной черняховской посуды — явление обычное. О существовании сосудов с преднамеренно ошершавленной поверхностью свидетельствует небольшой фрагмент стенки, приведенный на рис. 5, *5*. Имеются также фрагменты стенок с отчетливо выраженными следами заглаживания поверхности пальцами (рис. 2, *15*).

Достаточно своеобразны вылепленные от руки миски. Так, редким представляется сосуд переходного от горшков к мискам типа (рис. 1, *7*; рис. 4, *8*). Он грубоглиняный, желтоватого цвета, с прилощенной поверх-

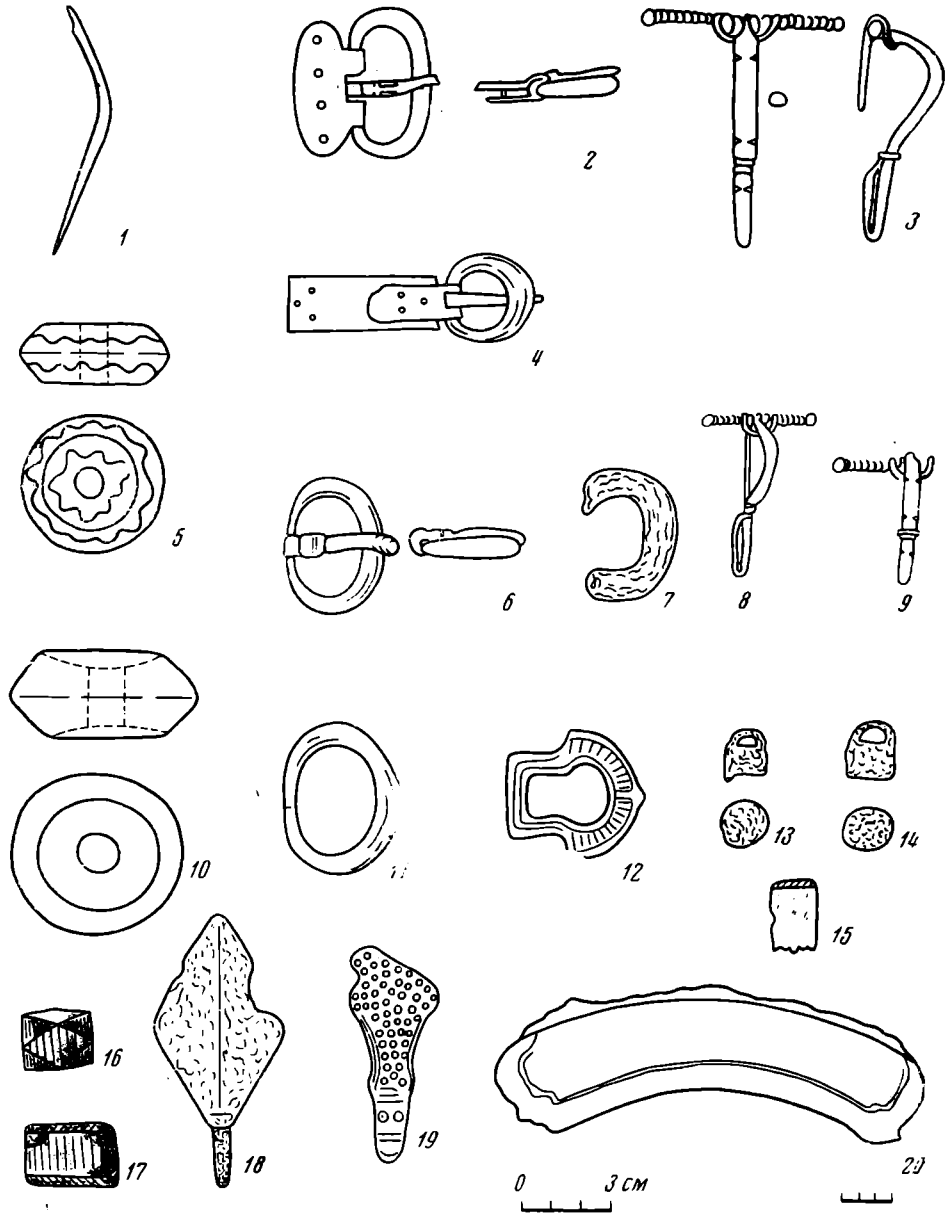


Рис. 7. Ново-Александровка. Бронзовые (*1—4, 6, 8—9, 11—12, 19—20*), глиняные (*5, 10*), железные (*7, 13—14, 18*), костяные (*15*) и сердоликовые (*16, 17*) вещи

постью. Такой сосуд скорее всего сопоставим с посудой западного пшеворского происхождения [8]. Этот факт неудивителен после находки типично пшеворского комплекса вещей на Компанийцевском могильнике (могила № 86), расположенном к тому же сравнительно неподалеку от Ново-Александровки [9]. По данным Р. М. Пернички, подобные сосуды датируют-

---

[8] *S. Nosek.* Materialy do badań nad historia starożytna i wczesnośredniowieczna miedzyrzecza Wisły i Bugu. Kraków, 1956, Tab. XXXVII, 40; *K. Godłowski.* The chronology of the late roman and early migration periods in Central Europe. Kraków, 1970 Pl. 1, 9, 10.

[9] *Е. В. Махно.* Типи поховань та планування Компаніївського могильника, Сб. Середні віки на Україні. I, Київ, 1971, стр. 93, рис. 5.

ся II в. н. э. и имеют широкое распространение в Центральной Европе [10]. Типы лепных мисок имеют много вариационных отклонений. Среди простейших форм усеченно-конических мисок встречаются сосуды от цилиндрических или почти цилиндрических (рис. 2, *4*, *8*) до более профилированных (рис. 2, *9*; 1, *8*, *9*; 4, *5*; 5, *3*). Такого рода керамика хорошо известна по раскопкам позднескифских, предшествующих черняховским памятникам Низового Днепра, могильникам и поселениям [11]. Однако такие простейшие формы мисок или чашек известны и севернее, например, в Авдееве Курской обл.[12]. Полусферические миски из Ново-Александровки также близко напоминают античную и позднескифскую посуду. Видимо, в них надо усматривать стремление воспроизвести образцы гончарных красноглиняных сосудов (рис. 1, *4*, *6*; 5, *8*). У нас нет полной уверенности, что полусферическая миска с округлым дном происходит из черняховского погребения. Аналогий ей мы не знаем (рис. 1, *2;* 5, *7*). Зато в какой-то мере близка зарубинецким формам лощеная миска с уступом, отделяющим верхнюю часть от перегиба тулова [13], в ее культурной принадлежности сомнений быть не может (рис. 1, *5*; 5, *4*). Не случайно ее отнесение по шифрам в серию сосудов, среди которых много гончарных, типично черняховских. С подражанием гончарным формам столовой посуды следует связать лепную миску биконической формы (рис. 1, *1* и рис. 3, *13*).

Среди гончарной керамики отметим наличие приземистых шаровидных тонкостенных горшков, напоминающих сосуды Пастерского городища (рис. 4, *6*). Наряду с ними наличествуют горшки с пологими плечиками (рис. 2, *5*). Миски представлены разными подтипами биконических и открытых, тарелкообразных сосудов (рис. 2, *6*; рис. 3, *4*, *7*, *9*, *13;* рис. 6, *1—6* и др.) Кроме валика в верхней части тулова и разновидностей лощеного зигзага миски из Ново-Александровки роскошью узоров не отличаются (рис. 3, *3*, *5*, *10*). Даже большая миска-ваза декорирована только своеобразными трапециевидными в сечении ручками и угловатыми расширениями в местах их прикрепления к венчику (рис. 6, *7*). Наибольшим богатством орнаментации отличается фрагмент кубка, узоры которого сохранились в зарисовке И. Д. Ратнера. Это обычный для черняховских знаков сюжет «конверта», выполненного лощением или другим способом, в обрамлении пунктирных линий и ямок, нанесенных штампом (рис. 3, *11*). Другой сохранившийся в коллекции кубок с полным профилем, имеющий полусферическую форму, оказался лишенным орнаментации (рис. 3, *14*; 5, *2*).

Небезынтересны наблюдения о колебании величин сосудов от миниатюрных, вероятно, найденных в детских погребениях (рис. 3, *12*), до крупных сосудов. Эта особенность изготавливать для детей сосуды маленьких размеров отмечена нами уже на ряде черняховских могильников.

В числе прочих вещевых материалов к находкам военного времени из с. Ново-Александровка могут быть отнесены очень немногие. Кроме упомянутой раковины-подвески, изделий с шифром «43» нет (рис. 4, *2*). Среди зарисованных И. Д. Ратнером вещей были бронзовая пряжка с прямоугольной обоймой и почти круглым кольцом-рамкой (рис. 7, *4*); глиняное пряслице биконической формы, орнаментированное волнистыми линиями (рис. 7, *5*) и вряд ли относящаяся к черняховским комплексам ножка пластинчатой фибулы (рис. 7, *19*). В приводимых рисунках также имеется бронзовая, поздняя по типу пряжка без язычка (рис. 7, *12*), железный наконечник ромбической черешковой стрелы (рис. 7, *18*) и кусок большого

---

[10] *R. M. Pernička.* Die Keramik der älteren römischen Kaiserzeit in Mähren. Brno, 1966, S. 60—63. Tab. XXXVI, *7*; *J. Zeman*, Severní Morava v mladší době římské. Praha, 1961, S. 293, Tab. IX, *b*, *d*.

[11] *М. І. Вязьмітіна.* Золота Балка. Київ, 1962, стр. 131, рис. 65, *27—31; ее же.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972, стр. 126, рис. 61, *1*; рис. 62, *2—7*;

[12] *А. Е. Алихова.* Авдеевское селище и могильник. МИА, 108, 1963, стр. 70—71, рис. 2. *20*, рис. 3, *1*.

[13] *Л. Д. Поболь.* Славянские древности Белоруссии. М., 1971, стр. 70, рис. 46.

бронзового сосуда, представленного фрагментом широкого горизонтального края (рис. 7, *20*). Из двух зарисованных И. Д. Рантнером фибул (рис. 7, *8*, *9*), одна очень похожа на фубулу, хранящуюся в фондах Киевского Исторического музея, последняя только больше размерами (рис. 7, *3*). Прочие находки из фондов Киевского Исторического музея также вполне характерны для остальной массы черняховских памятников и имеют много аналогий среди инвентаря других могильников и поселений.

Итак, несмотря на специфику отдельных форм сосудов и других предметов в коллекции из с. Ново-Александровка, у нас нет оснований полученный и публикуемый комплекс инвентаря резко противопоставлять находкам из других областей черняховской культуры. Пожалуй, для Нижнего Преднепровья, в свете находок из с. Ново-Александровки, следует признать убедительным тезис об изобилии на периферийных памятниках черняховской культуры лепной посуды [14]. В данном случае она составляет около 1/3 всей керамики. Большой интерес вызывает сходство отдельных типов лепной и гончарной посуды с находками сосудов типа Пеньковка-Пастырское. Раннесредневековые находки достаточно определенно зафиксированы в Надпорожье и на Нижнем Поднепровье [15]. Выявление некоторых типологических предшественников этих находок, хотя бы в керамике, представляется сугубо важным моментом.

Даже если пренебречь возможностью отнесения к черняховским комплексам ножки пластинчатой фибулы, то и в этом случае материалы из с. Ново-Александровка не покажутся очень ранними по времени своего существования. На основании приведенных аналогий датировка IV—началом V в. н. э. не представляется нам сколько-нибудь натянутой. Окончательно удостоверить время существования древнего кладбища могло бы проведение новых раскопок, если могильник не покрыт или не разрушен водами Днепра. Если же новые полевые исследования невозможны, то приобщение к черняховским археологическим материалам публикуемой коллекции явится важным звеном для изучения локальных особенностей одного из важнейших районов Поднепровья.

E. A. Symonovitch

MATERIAUX TCNERNIAKHOVIENS PROVENANT DU VILLAGE DE NOVO-ALEXANDROVKA SUR LE DNIEPR INFERIEUR

Résumé

Les travaux archéologiques dans le village de Novo-Alexandrovka ne sont connus que d'après de brèves communications. Une partie considérable de matériaux de cette provenance est restée non inventoriée vu leur dissipation par des musées ukrainiens après la guerre. Les trouvailles de Novo-Alexandrovka qui font l'objet de la publication sont présentées par la poterie et autre mobilier. Les formes expressives des récipients faits au tour ou façonnés à la main se trouvent un grand éventail d'analogies dans la civilisation tcherniakovienne et sur les sites situés sur le territoire attenant et chronologiquement rapprochés. L'appartenance du site à la civilisation tcherniakhovienne est incontestablement établie. La mise en circulation scientifique de nouveaux matériaux therniakhoviens crée des possibilités complémentaires, pour l'étude des particularités topique d'une des régions les plus considérables du cours de Dniepr à la première moitié du I millénaire de n. è.

---

[14] *Е. В. Махно.* Об основных задачах картографирования..., стр. 62—63.

[15] *Д. Т. Березовец.* Поселения уличей на Тясмине. МИА. 108, 1963, стр. 191—200, рис. 22; *А. Т. Смиленко (Брайчевская).* Поселение у балки Яцевой в Надпорожье. Там же, стр. 251—282; *А. В. Бодянский.* Археологические находки в Днепровском Надпорожье..., стр. 274 сл.

М. П. АБРАМОВА

КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ IV—V ВВ. Н. Э. ИЗ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Во второй половине I тысячелетия н. э. в центральных районах Северного Кавказа распространяется аланская культура, одной из определяющих особенностей которой в настоящее время считается катакомбный обряд погребения, а также специфический набор инвентаря. Несмотря на то, что близкие по форме и несомненно генетически связанные с более поздними катакомбные погребения известны на этой территории на рубеже и в первых веках нашей эры, сложение аланской культуры нужно относить лишь к середине I тысячелетия н. э. Именно в это время (IV—V вв. н. э.) в катакомбных могильниках Северного Кавказа впервые прослеживаются все те черты, которые становятся характерными и для более поздних погребальных памятников племен аланской культуры. Материалы открытых в последние годы в Северной Осетии катакомбных могильников подтверждают это.

В 1971 г. раскапывался курганный могильник у хут. Октябрьского в районе г. Моздока. Курганная группа, состоящая из 48 курганов, расположена на правом берегу Терека на границе с Чечено-Ингушетией (между хут. Октябрьским и с. Братское Чечено-Ингушской АССР). В курганной группе выделяется один большой курган (высота 2,80 *м*, диаметр 34 *м*), все остальные курганы достигают в высоту 0,80—1 *м*, при диаметре от 15 до 20—24 *м*. В 1971 г. здесь было раскопано шесть курганов (в том числе и самый большой курган 1), которые находились на трассе проводимых здесь оросительных каналов. Устройство всех курганов однотипное. Каждый курган содержал по одной катакомбе, вырытой в материковой глине. Входные ямы катакомб имели подпрямоугольную форму и были вытянуты с востока на запад (в трех случаях — СЗЗ — ЮВВ, в кург. 3— СВВ — ЮЗЗ и в кург. 1 — СЗ — ЮВ). Они были либо узкие и длинные (кург. 3—4,85 *м* × 1,05—1,35 *м*), либо более короткие и широкие (кург. 1— 3,50 *м* × 1,50—1,90 *м*). Все ямы расширялись к западному концу. Глубина ям от уровня древнего горизонта в среднем 4,70—4,90 *м* (в кург. 1—5,60 *м*, в кург. 5—4,20 *м*). Для спуска в ямы устраивались ступени, узкий ряд которых в четырех курганах примыкал к продольной южной стене (в кург. 1— юго-западной) (рис. 1, 1) и лишь в двух курганах (2 и 6) — беспорядочно расположенные ступени примыкали к поперечной восточной стене (рис. 2, *1*; 3, *1*). Высота ступеней от 0,30—0,40 до 0,70—0,80 *м*. Пол входных ям наклонный, уровень его понижался к западной стене, в которой у дна ямы имелось отверстие — вход в камеру. Длина входного отверстия — 0,60—0,70 *м* (в кург. 2 и 5—0,30—0,40 *м*), высота 0,40—0,65 *м*. При переходе в камеру имелась ступень высотой 0,35—0,50 *м* (в кург. 6—0,20 *м*, в кург. 1—0,75 *м*). В трех катакомбах (кург. 1, 2, 4) у входа в камеру были найдены каменные плиты, которые в древности закрывали входное отверстие. Камеры были ориентированы с севера на юг (кург. 1 и 5—ЮЮЗ — ССВ, кург. 4 — ЮЮВ — ССЗ), таким образом, они располагались в основ-

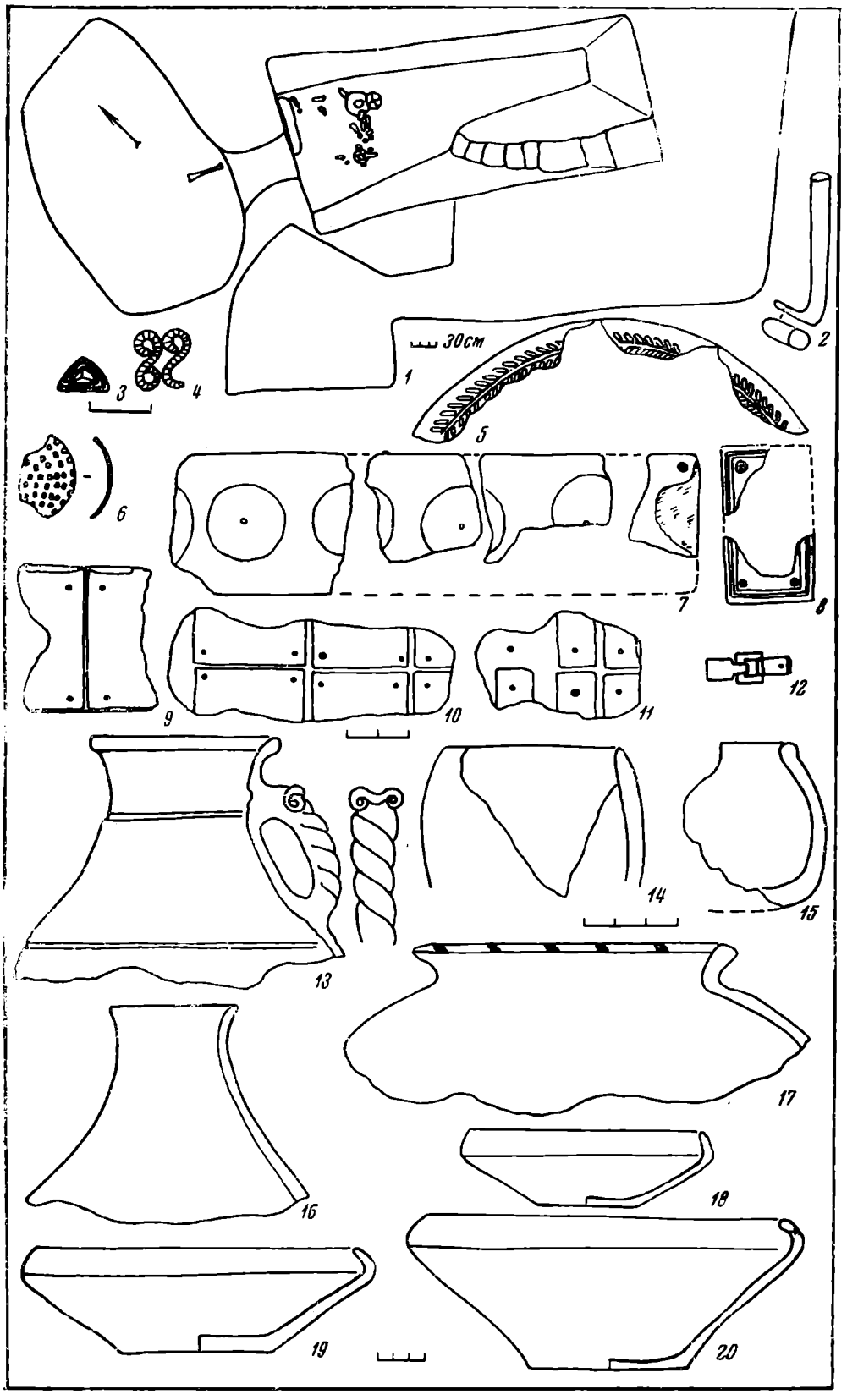


Рис. 1. Катакомбное погребение из кургана 1 у хут. Октябрьского

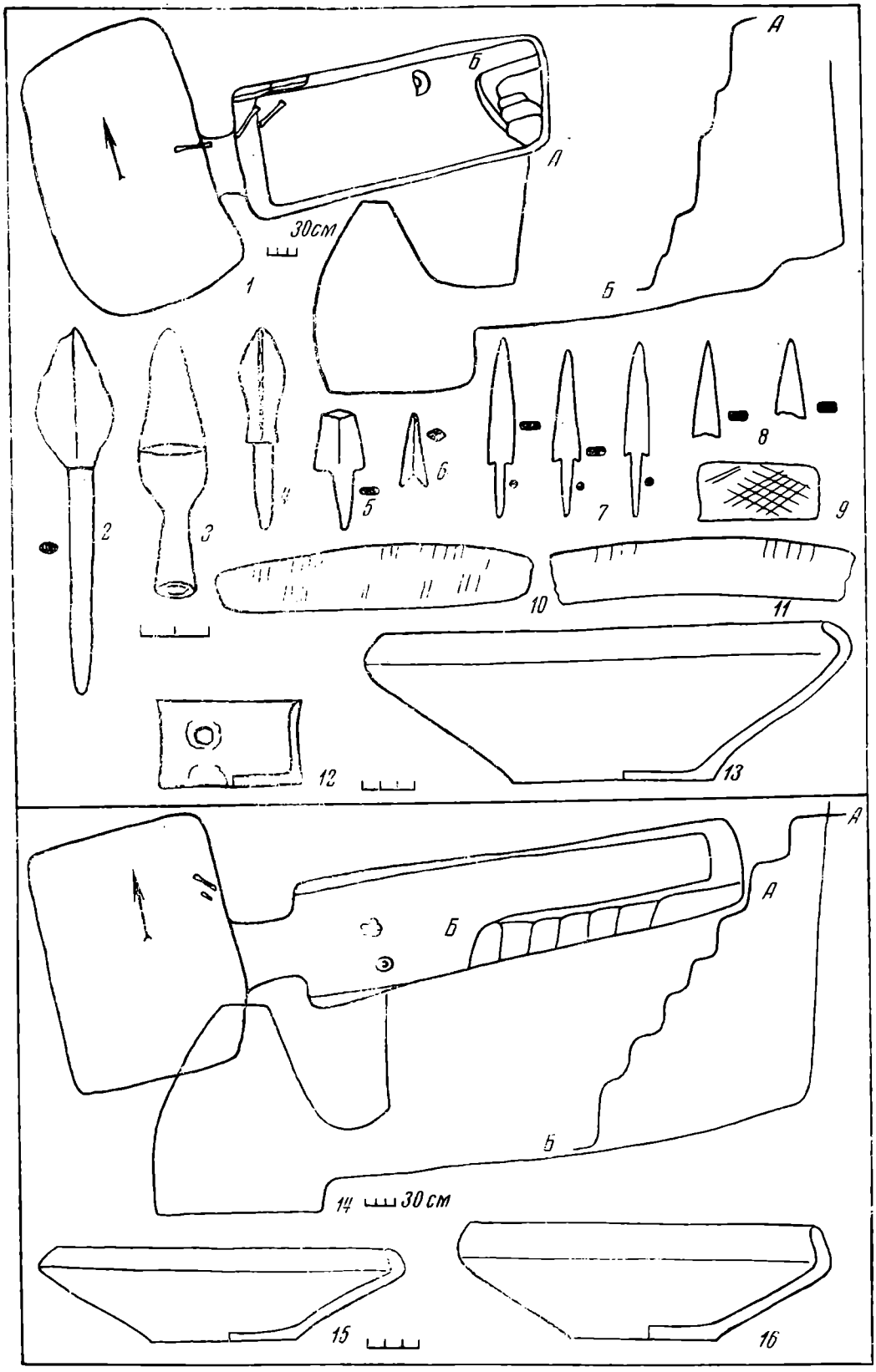


Рис. 2. Катакомбные погребения из курганов 2 и 3 у хут. Октябрьского (№ 1—13 — кург. 2; № 14—16 — кург. 3)

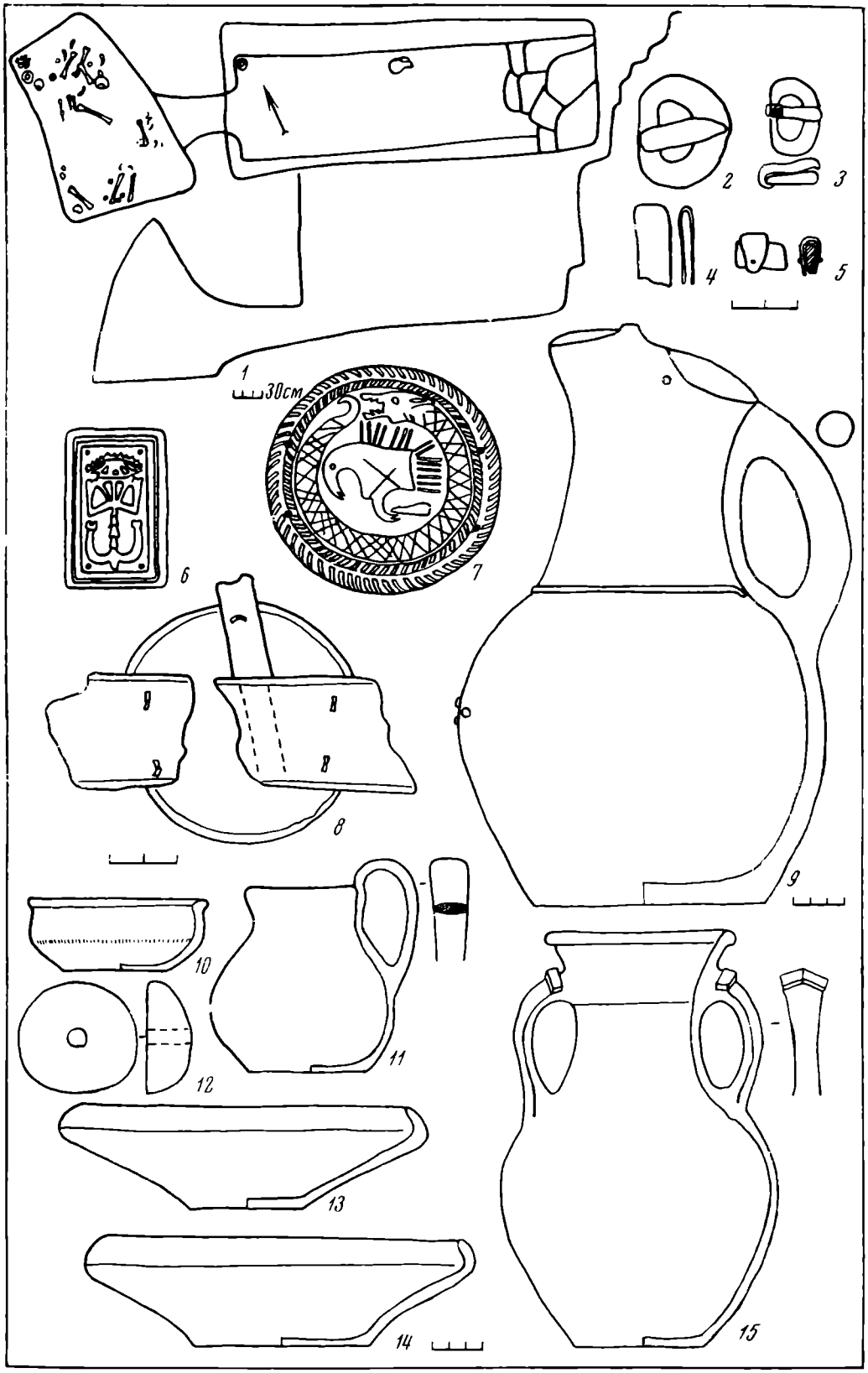


Рис. 3. Катакомбное погребение из кургана 6 у хут. Октябрьского

ном перпендикулярно к длинной оси входной ямы. Форма камер различная — преобладают камеры неправильной подпрямоугольной или подтрапециевидной формы. Средние размеры камер 2,70—3 × 1,80—2 *м*. В кург. 6—2,10 × 1,40 *м*. Свод либо двускатный (стрельчатый) — кург. 1, 4, 6 (рис. 1, *1*, 3, *1*), либо камеры имели наклонные стены и узкий горизонтальный потолок (кург. 2, 3, 5) шириной 0,25—0,50—0,55 *м* (рис. 2, *1, 14*). Высота камер — 1,75—2 *м* (кург. 3—2,35 *м*).

Все катакомбы отличаются тщательностью отделки: они имеют гладкие стены, аккуратно сделанные ступени (беспорядочные ступени у восточной стены имели более небрежный вид), четко выраженное входное отверстие. Такой же тщательностью характеризуется и отделка камер. В целом катакомбы напоминают собой искусно сделанные архитектурные сооружения, хотя необходимо отметить и имеющиеся среди них различия: например, катакомба кург. 6 отличается меньшей тщательностью отделки по сравнению с катакомбами других курганов. В камере катакомбы кург. 1, самом большом и содержавшем, очевидно, наиболее богатое захоронение, в своде ее, на самом гребне и на стенах, параллельными рядами были забиты железные костыли, плоские отогнутые концы которых плотно примыкали к стенам (рис. 1, 2). Скорее всего в древности вся камера была обшита каким-то материалом, очевидно тканью, которая крепилась к стенам при помощи таких костылей.

Все катакомбы были ограблены. Хорошо прослеживаемый вертикальный грабительский ход вел прямо к входному отверстию. Разрозненные человеческие кости попадались в пределах грабительского хода у дна входной ямы (кург. 2, 5), иногда отдельные кости встречались внутри камеры (кург. 2—6). В камере катакомбы кург. 6, разграбленной менее других, найдены разрозненные кости двух человеческих скелетов — взрослого мужчины и молодой женщины или подростка. Остальные катакомбы содержали, по-видимому, индивидуальные захоронения. Положение скелетов проследить не удалось, однако исходя из размеров и направления камер можно предположить преимущественно вытянутое их положение и меридиональную ориентировку (северную или южную). Среди других особенностей погребального обряда необходимо отметить наличие костей ног и копыта лошади у входа в камеру в кург. 1 (одна кость ноги лошади лежала внутри камеры, у ее входа). В этом же кургане, в южной его поле, на глубине 1,35 *м* от вершины кургана найдены сложенными в кучу кости ног лошади, а рядом, несколько глубже, лежала тонкая бронзовая обойма. В камере катакомб из кург. 1—3 найдены кусочки угля, в камере катакомбы кург. 6—два больших куска мела.

Наиболее близкие по погребальному обряду курганы были раскопаны в 1963 г. Р. М. Мунчаевым у с. Братское Чечено-Ингушской АССР, которые датируются им II—III вв.[1] Между с. Братским и хут. Октябрьским находится несколько курганных групп, которые, вытянувшись вдоль правого берега р. Терек, почти смыкаются друг с другом. Некоторые незначительные различия в устройстве катакомб носят, по-видимому, хронологический характер. При той же ориентировке входных ям (восток — запад) и камер (север — юг) катакомбы у с. Братское имеют меньшие размеры и значительно меньшую глубину залегания (1,40—1,75 *м*; 2,60 *м*; 3,60 *м*) от поверхности материка, тогда как катакомбы у хут. Октябрьского залегают в среднем на глубине 4 *м* от поверхности материка. В отличие от более ранних катакомбных погребений Центрального Кавказа, аланские катакомбы IV—V вв. характеризуются большей глубиной залегания и бóльшими размерами входных ям. Такой процесс прослеживается, в частности, на материалах Нижне-Джулатского могильника в Кабардино-Бал-

[1] *Р. М. Мунчаев.* Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, 2, стр. 179 сл.

карии[2]. В трех из пяти раскопанных у с. Братское курганах для спуска во входную яму устраивались «лесенки» — узкий ряд ступеней вдоль продольной стены. В камеры вел узкий лаз — входное отверстие, длиной от 0,40 до 1 *м*. Почти все камеры имели стрельчатый свод (в кург. 2 — купольный). Ни в одной из катакомб не было найдено каменных плит, закрывавших вход, в двух курганах у входа в камеру прослежены следы вертикально стоящих «палок»[3]. То же самое наблюдалось и в катакомбах Нижне-Джулатского могильника: во всех ранних катакомбах вход закрывался вертикально стоящими досками, и лишь начиная с IV—V вв. для этого использовались каменные плиты. Однако этот факт характерен не для всех территорий Северного Кавказа, например, в катакомбных могильниках, открытых в районе Кисловодска, каменные плиты применялись для закрытия входных отверстий с I в. (Подкумский могильник). На территории Чечено-Ингушетии каменные плиты найдены в ряде катакомб, датируемых III в. (Алхасте, Алды, Пседахе).

Все отмеченные особенности, в том числе и такие, как наличие в камерах катакомб у с. Братское ниш-столиков и камышевой подстилки, не отрицают сходства двух курганных могильников, оставленных, несомненно, одной группой населения. Этот вывод подтверждается и при рассмотрении инвентаря катакомб у хут. Октябрьского, в первую очередь керамики, которая, несмотря на почти полную разграбленность могил, сохранилась во всех погребениях. В подавляющем большинстве случаев сосуды (часто в обломках) найдены во входной яме (в пределах грабительского хода), иногда они были и в камере среди разрозненных человеческих костей (кург. 6).

В среднем катакомбы содержали по 2—3 сосуда, в кург. 6 найдено 6 сосудов, в кург. 1—9 сосудов частично в фрагментах. Всего в шести катакомбах найдено 25 сосудов, среди них на первом месте стоят миски (13 экз.), на втором — кувшины (5 экз.). Все кувшины различные по форме, три из них найдены в кург. 6. Тонкостенный сероглиняный лощеный прекрасной выделки кувшин с двумя овальными в сечении ручками, имеющими наверху плоские налепы (рис. 3, *15*), по форме сближается с одноручными кувшинами более грубой выделки из катакомбных погребений Нижне-Джулатского могильника, относящихся к рубежу нашей эры[4] — II—III вв., и представляет собой, по-видимому, дальнейшее развитие этого типа. Найденный в этом погребении кувшинчик-кружка с одной поднятой над краем ручкой (рис. 3, *11*) также сделан из хорошо промешанной серой глины и имеет гладкую светло-серую лощеную поверхность. Третий кувшин из этой катакомбы — массивный толстостенный с утяжеленной нижней частью, сделан из грубой коричневой глины и имеет небрежно залощенную поверхность, покрытую серыми и коричневыми пятнами. У него массивная круглая в сечении ручка и горло-слив, оформленный в виде морды животного с глазами-налепами. Круглые налепы имеются и на широкой части тулова (рис. 3, *9*). Кувшины с подобным оформлением слива, правда, имеющие разные пропорции, известны в погребениях III—V вв. Чечено-Ингушетии и Дагестана[5].

Фрагменты еще двух кувшинов найдены в катакомбе кург. 1. Это горло кувшина, сделанного из грубой серой глины с большой примесью песка. Поверхность неровная, без лощения. Ложновитая ручка имеет в верхней части налеп в виде рогов барана (рис. 1, *13*). Подобные налепы на ручках

---

[2] *М. П. Абрамова.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, стр. 40.

[3] *Р. М. Мунчаев.* Ук. соч., стр. 181.

[4] *М. П. Абрамова.* Нижне-Джулатский могильник, стр. 73, рис. 12, *14*; стр. 69, рис. 8, *12*.

[5] Алды, раскопки А. А. Бобринского, ГИМ, инв. № 25155; см. *В. Б. Виноградов.* Сарматы северо-восточного Кавказа. Тр. ЧИНИИ, VI, Грозный, 1963, стр. 81, рис. 36, *5*; с. Хури — см. *Э. В. Кильчевская, Л. С. Иванов.* Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, рис. 26; Большой Буйнакский курган. ГИМ, инв. № 57773.

известны на керамике горных районов Северной Осетии III—V вв.[6] Второй фрагмент принадлежал горлу тонкостенного красноглиняного сосуда (рис. 1, *16*). На его поверхности имеются следы вертикального лощения.

Все кувшины, так же как миски и горшки, сделаны на гончарном круге. Среди мисок наиболее распространенным типом являются миски с загнутым внутрь краем, который иногда отделен от тулова острым ребром (рис. 2, *15*), имеющие в большинстве случаев прогиб в нижней части стенок (рис. 1, *20*; 2, *13*; 3, *14*). Десять таких мисок найдено в пяти катакомбах (кург. 1—3 экз., кург. 2—1 экз., кург. 3, 5, 6 — по 2 экз.). Средний диаметр мисок — 20—23 *см* (в кург. 1—15 *см*, в кург. 5—33,5 *см*). Подавляющее большинство их сделано из серой глины с очень слабыми следами лощения. В кург. 5 найдена массивная миска коричневой глины без следов лощения (рис. 4, *12*). Хорошо залощенную поверхность имеет лишь одна черноглиняная миска с ребром в верхней части (рис. 1, *18*).

Миски такого типа распространяются в центральных районах Предкавказья с первых веков нашей эры, особенно они характерны для погребений II—III—IV вв. (Н. Джулат, Алхасте, Алды, Алхап-Кала и др.). Наличие таких мисок в инвентаре катакомб у с. Братское[7] еще раз подчеркивает родство этих двух памятников.

Миски других типов найдены в единичных экземплярах. Сероглиняная лощеная мисочка со слегка отогнутым краем найдена в катакомбе кург. 6. По тулову ее проходит ряд вертикальных насечек (рис. 3, *10*). По глине и качеству выделки она сближается с двумя сероглиняными кувшинами из этой же катакомбы.

Две миски найдены в катакомбе кург. 4. Одна из них — ритуальная или туалетная мисочка (диаметр 8 *см*) сделана из серо-коричневой глины и имеет лощеную поверхность. Округлое дно ее покрыто узором, нанесенным зубчатым штампом, в центре дна орнамент из вдавленных линий (рис. 4, *5*). Вторая миска на кольцевом поддоне сделана из грубой серой глины с большой примесью песка. Поверхность ее неровная, без следов лощения (рис. 4, *4*).

В кург. 2 найдена цилиндрическая чашка с отбитой ручкой, сделанная из хорошо отмученной серо-коричневой глины (рис. 2, *12*). Внешняя поверхность ее залощена. Сосуды подобной формы, имеющие ручки с вертикальным горизонтально обрезанным отростком, характерны для памятников III—V вв. Северной Осетии и Чечено-Ингушетии[8].

Последней формой сосудов являются горшки. В кург. 1 и 5 найдены фрагменты горшков, сделанных из грубой серой (кург. 5) и черной (кург. 1) глины, не имеющих лощения (рис. 4, 7). Венчик массивного горшка из кург. 1 украшен косыми углублениями (рис. 1, *17*). Из кург. 1 происходят, кроме того, фрагменты миниатюрного, по-видимому ритуального, сосуда из грубой красной глины с примесью песка (рис. 1, *15*).

В катакомбе кург. 4 обнаружен тонкостенный шаровидный сосудик с невысоким прямым горлом. Поверхность его серая лощеная, на тулове орнамент из вертикальных линий, сделанных лощилом (рис. 4, *3*).

Таким образом, керамика катакомб у хут. Октябрьского в основной своей массе сероглиняная, часто лощеная, вся сделана на гончарном круге. По всем этим признакам она входит в широкий круг керамики аланской культуры Северного Кавказа. Отмеченные выше некоторые аналогии среди более ранней керамики первых веков нашей эры (миски, некоторые типы кувшинов — рис. 3, *15*) говорят о непрерывной линии развития керамических форм на данной территории.

---

[6] Рутха, Кумбулта, см. *М. П. Абрамова*. О керамике с зооморфными ручками. СА, 1969, 2, стр. 77, рис. 3, *6, 11*.

[7] *Р. М. Мунчаев*. Ук. соч., стр. 181, рис. 6.

[8] *М. П. Абрамова*. О керамике с зооморфными ручками.... стр. 77, рис. 3, *4, 7, 30, 37*.

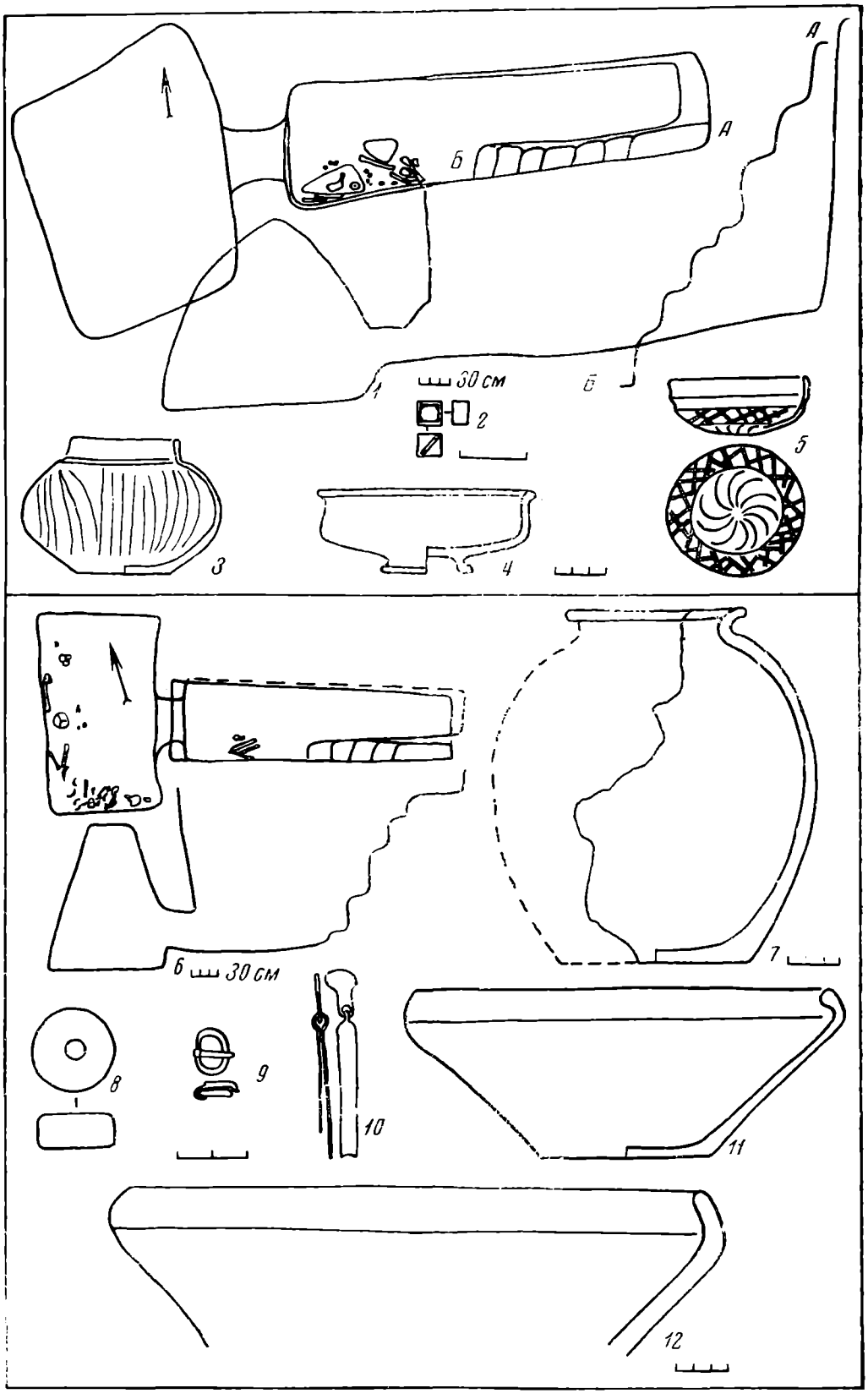


Рис. 4. Катакомбные погребения из курганов 4 и 5 у хут. Октябрьского (№ 1—5 — кург. 4; № 6—12 — кург. 5)

Другой инвентарь, найденный в катакомбах, очень немногочислен. В дромосе катакомбы кург. 2, за каменной плитой, отодвинутой от входа, обнаружены 3 железных и 7 костных наконечников стрел и обломки костяных накладок на лук. Все железные наконечники крупные: один из них плоский листовидный втульчатый (рис. 2, *3*), длина его со втулкой 8 *см*. Железные втульчатые наконечники не характерны для памятников I тысячелетия н. э. Северного Кавказа и смежных территорий. Однако, в памятниках более северных районов, в частности на территории Волго-Окского междуречья, подобные плоские втульчатые наконечники распространены в VI—IX вв. [9] Два других железных наконечника черешковые, трехлопастные. Один из них с ромбическим пером имеет большие размеры: длина с черешком 10,5 *см*, длина головки 4 *см* (рис. 2, *2*). Подобные наконечники стрел, появляясь у сарматов в первые века нашей эры, наибольшее распространение получают в памятниках IV—V вв. [10]. Второй наконечник (с выпукло-вогнутыми краями (рис. 2, *4*) длина его 6 *см*) является, по мнению А. М. Хазанова, дальнейшей эволюцией стрел с ромбическим пером [11]. Появляясь в IV—V в. [12], такие наконечники бытуют в более позднее время на широкой территории.

Все костяные наконечники черешковые. Они представлены двумя типами. I тип — изящно сделанные наконечники с треугольной головкой и лопастями, срезанными под острым углом к черешку (5 экз. — рис. 2, *7—8*). Головки в сечении прямоугольные, черешки круглые, заканчивающиеся острием. Длина с черешком 5—6 *см*. II тип — наконечники с ромбическими в сечении головками и овальными в сечении заостряющимися к низу черешками (2 экз. — рис. 2, *5—6*).

Костяные черешковые наконечники появляются в Восточной Европе в позднесарматское время, однако они не получили в сарматских памятниках широкого распространения [13]. Не характерны они и для памятников аланской культуры Северного Кавказа. Костяные наконечники I типа, найденные в катакомбах у хут. Октябрьского, вообще уникальны по своей форме.

Костяные накладки на лук представлены четырьмя пластинами (рис. 2, *9—11*). Одна из них овальная, с обломанным концом (рис. 2, *10*), длина ее 9,3 *см*, ширина 1,8 *см*, три остальные имеют оба обломанных конца. Обратная сторона их, плоская или слегка вогнутая, покрыта беспорядочными резными линиями, иногда в виде сетки. Лицевая сторона выпуклая с небольшими гранями по краям, она также покрыта насечками — либо параллельными поперечными линиями, либо сеткой. Как убедительно показал А. М. Хазанов, луки с костяными накладками были распространены уже в первых веках нашей эры на очень широкой территории, включая Западную Европу, поэтому их нельзя рассматривать как гуннские [14]. Костяные накладки на лук наиболее часто встречаются в погребениях позднесарматского времени и в памятниках IV—V вв. Сводка этих памятников юго-восточной Европы дана в работе А. М. Хазанова [15].

В камерах двух катакомб (кург. 5 и 6) найдены пряжки. В кург. 6— две овальные пряжки (одна бронзовая, другая железная) с резко утолщенной передней частью кольца (рис. 3, *2—3*). Железная пряжка плохой сохранности, у бронзовой на язычке заметен небольшой прогиб, у основания язычка — плоская площадка, заштрихованная косой сеткой (рис. 3, *3*). По

---

[9] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 104, рис.

[10] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов, М., 1971, стр. 40.

[11] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 40.

[12] *О. Д. Дашевская.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма. МИА, 169, 1969, стр. 59—60, рис. 5, *3*.

[13] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 41—42.

[14] *А. М. Хазанов,* Ук. соч., стр. 29—33.

[15] Там же, стр. 118, приложение 5.

Рис. 5. Бляшки конской сбруи из кургана 6 у хут. Октябрьского

ряду признаков (утолщенная передняя часть, короткие язычки, не выступающие за края пряжки) обе пряжки могут быть датированы IV в. [16]

Миниатюрная бронзовая пряжка из кург. 5 также овальная, но передняя часть ее кольца утолщена незначительно, прямой, без прогиба, язычок имеет уступ у основания, язычок длинный, с опущенным вниз концом (рис. 3, *9*). Таким образом, эта пряжка имеет уже признаки пряжек более позднего времени — V в. н. э.[17]

Среди других найденных в катакомбах разрозненных предметов необходимо отметить обломки бронзовых пластинчатых обойм, иногда с остатками кожи (кург. 1, 5 и 6 — рис. 1, *12*; 3, *4—5*), фрагменты сосуда из белого матового стекла (кург. 1), обломки деревянных предметов (кург. 1 и 6), плоское цилиндрическое меловое пряслице (кург. 5 — рис. 4, *8*), крупная (диаметр — 3,5 *см*) янтарная бусина (кург. 6 — рис. 3, *12*). Бусины такой формы из разных материалов чаще всего находят в погребениях сарматского и гуннского времени рядом с мечами, поэтому И. Вернер считает их магическими подвесками к мечам, отмечая, что янтарные подвески такого типа более характерны для погребений гуннского времени, чем для сарматской эпохи [18].

Катакомбы у с. Братское и хут. Октябрьского, по-видимому, содержали богатые захоронения. Об этом свидетельствует сам факт ограбленности всех без исключения катакомб, а также найденные в некоторых из них в основном мелкие или в фрагментах золотые украшения. В кург. 4 найдена кубическая (4,5 × 4,5 *мм*, высота 2 *мм*) бляшка, стенки которой, припаянные ко дну, сделаны из одной согнутой в квадрат пластинки. Внутри вставка из красноватого стекла (рис. 4, *2*). В дне по диагонали сделано сквозное отверстие для нашивания бляшки на материал. Обломки золотых украшений найдены в кург 1: фрагмент полушарной бляшки из листового

[16] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, стр. 102—103.

[17] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 103.

[18] *J. Werner.* Beiträge zur Archäologie des Attila — Reiches. München, 1956, S. 36.

золота со штампованным узором в виде округлых вдавлений (рис. 1, *6*), сдвоенная восьмеркообразная бляшка из листового золота со штампованным рубчатым орнаментом (рис. 1, *3*), мелкая треугольная бляшка с напаянным гнездом с треугольной граненой вставкой из альмандина. По краю вокруг гнезда проходит ободок из зерни, на двух углах отверстия для нашивания (рис. 1, *4*).

Такие мелкие золотые бляшки со вставками и без них служили для нашивания на одежду. Подобные бляшки геометрических форм, как отмечал еще М. И. Ростовцев, распространяются в первые века нашей эры на широкой территории — в Прикубанье, Северном Причерноморье, Западной Европе и Северной Африке [19]. Распространение таких бляшек М. И. Ростовцев связывает с продвижением сармато-аланских племен [20].

Наиболее интересной находкой в катакомбах у хут. Октябрьского являются обтянутые листовым золотом бронзовые бляшки от конской сбруи. В северно-западном углу камеры кург. 6 лежали засыпанные землей 14 прямоугольных и четыре круглые бляхи, на некоторых из них сохранились остатки кожаных ремней (рис. 5). Круглые бляхи лежали попарно, повернутые обратной стороной друг к другу. Возможно, они и на сбруе были нашиты попарно по обе стороны груди. Все бляхи имели рельефный узор, однотипный на всех бляшках, так что, по-видимому, они были сделаны одним штампом. Круглые бляшки (диаметр 7 *см*), имея слабо выпуклую поверхность, были почти плоские. По краю проходят два концентрических валика с орнаментом в виде косых углублений. На бляшке изображена свернувшаяся в кольцо змея (или стилизованный дракон, так как видны уши и зубастая пасть) с открытой пастью, как бы кусающая себя за хвост (рис. 3, 7). Тело змеи дано в слегка выпуклом рельефе, образующем третий концентрический валик, который непосредственно примыкает к первым двум. Орнамент углубленный в виде косой сетки. В центре бляшки — очень схематичная фигура птицы, по-видимому, орла. Крылья и хвост переданы параллельными отрезками выпуклых линий. Слева от фигуры орла изображен какой-то продолговатый предмет, который, орел, очевидно, держит в своих лапах (рис. 3, 7).

Прямоугольные бляшки размерами 3 × 4,8 *см* плоские. По краю их также два валика — узких и гладких (без орнамента). В центре — рельефное изображение, в котором можно предположить очень стилизованную фигуру лежащего животного (льва?): четыре лапы с расширенными концами, хвост, нижняя часть туловища передана позвоночником, причем на некоторых лучше сохранившихся бляшках видных отдельные позвонки, голова большая в виде полукруга (рис. 3, *6*).

Кожаные ремни были узкими (ширина 3 *см*), по ширине равными прямоугольным бляшкам, которые крепились на них; круглые бляхи, имеющие круглую кожаную основу, крепились на тот же ремень вплотную к прямоугольным бляшкам.

Аналогичный уздечный убор имелся, по-видимому, и в кург. 1, правда, от него сохранились только мелкие фрагменты. Прямоугольные бляхи были, очевидно, тех же размеров: найдено несколько фрагментов бронзовых блях, сохранивших следы золотой обкладки (рис. 1, *8*). Однако ремни, на которые они крепились, были шире, так как бляшки нашивались на них не вдоль ремня (как в кург. 6), а поперек (рис. 1, *9*). В этом случае на толстом кожаном ремне сохранились тонкие листочки кожи, по размерам равные бляшкам. Такой же тонкой кожей были обложены и края ремней. Найдены остатки кожаного ремня, на который бляшки нашивались в два ряда (рис. 1, *11*).

В кург. 1 найдены обломки одной большой круглой бляхи (диаметр 14 *см*). Основа ее сделана из листовой бронзы со следами золотой обклад-

[19] *M. Rostovtzeff.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 130—131, fig. 17.

[20] Там же, стр. 187.

ки. Бляха также имела рельефный орнамент, который, к сожалению, восстановить не удалось,— хорошо прослеживается лишь невысокий валик вдоль плоского края с рельефным елочным орнаментом на нем (рис. 1, 5). У этой бляхи также была круглая кожаная основа, края ее были обложены полоской тонкой кожи. На фрагментах кожаной основы сохранились бронзовые заклепки: один ряд заклепок шел по самому краю, другой немного отступя от него. Круглая кожаная основа крепилась вместе с бляхой на кожаные ремни, ширина сохранившегося фрагмента ремня 3,5 *см*. Рядом с кожаной основой круглой бляхи были найдены остатки ремней, отходящие от нее в три стороны, один узкий, длиной 3,5 *см*, два другие, более широкие, составляли, по-видимому, основной ремень.

Для уточнения вопросов датировки большую роль играет техника выполнения этих блях. Все бляшки двуслойные: на тонкую бронзовую основу накладывался золотой лист, края которого загибались за бронзовую пластину. К кожаной основе бляшки крепились при помощи сложенной вдвое узенькой бронзовой ленточки, концы которой на обратной стороне кожаной основы отгибались в разные стороны.

В кург. 1 найдены обломки железной прямоугольной пластины или бляхи (ширина ее 4, 6 *см*), выполненной в той же технике: она была покрыта тонким серебряным листом с загнутыми краями и крепилась к какой-то основе (кожаной или деревянной) при помощи бронзовых заклепок. На внешней поверхности следы орнамента в виде ряда вдавленных окружностей, в центре которых имеются отверстия от бронзовых заклепок (рис. 1, 7).

По некоторым особенностям эта техника сближается с техникой выполнения бляшек первых веков нашей эры, хорошо представленных, например, в Золотом кладбище Прикубанья: там также золотой лист крепился путем загибания его краев за бронзовую пластину, которая, однако, являлась не подстилающим для золотого листа слоем, а плоским основанием бляшки. Пространство между этими двумя слоями заполнялось белой или зеленоватой массой [21]. В такой же технике на Северном Кавказе в более позднее время выполнены, судя по описанию П. С. Уваровой, некоторые фибулы и бляхи из В. Рутхи [22], круглая бляха с лицевыми изображениями из Камунты и бронзовые поясные бляшки из Песчанки [23].

Способ крепления верхнего золотого или серебряного листа к серебряной или бронзовой основе путем загибания его концов является характерным для многих изделий (бляшек, накладок на ремни, фибул и т. д.) гуннского времени на широкой территории Поволжья, Северного Причерноморья, Западной Европы (Венгрия) [24]. Среди этого круга изделий особого интереса заслуживает найденная в ряде памятников Поволжья (Покровск, Шипово, Н. Добринка) и Украины (Новогригорьевка, совхоз им. Калинина в Крыму) целая серия бляшек, являвшихся украшениями конской сбруи. Все они выполнены в совершенно аналогичной технике, подробно описанной Т. М. Минаевой [25], которая считала, в частности, что узор штамповался одновременно на бронзовой и золотой пластинах. Того же мнения придерживались и другие исследователи [26]. И. П. Засецкая, напротив, счи-

---

[21] Ст. Ладожская, кург. 28, ст. Тифлисская, кург. 10; раскопки Н. И. Веселовского 1902 г.; ГИМ, инв. № 48478.

[22] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК-VIII, 1900, стр. 238—240.

[23] Камунта, ГИМ, инв. № 86866; Песчанка, ГИМ, инв. № 39964.

[24] *Т. М. Минаева.* Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, 3, Саратов, 1927, стр. 91—123; *T. M. Minajeva.* Zwei Kurgane aus der Volkerwanderungszeit bei der Station Sipovo. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 194—209; *И. П. Засецкая.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья, АС-10, Л., 1968, стр. 35 сл.; *Л. А. Мацулевич.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. ИГАИМК, 112, 1934, стр. 85; *Т. Н. Высоцкая, Е. Н. Черепанова.* Находки из погребений IV—V вв. в Крыму. СА, 1966, 3, стр. 187—192; *A. Alföldi.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. AH, IX, Budapest, 1932, стр. 73, табл. X.

[25] *Т. М. Минаева.* Погребения с сожжением..., стр. 93, 101—102.

[26] *Т. Н. Высотская* и *Е. Н. Черепанова.* Ук. соч., стр. 196.

тает, что орнамент наносился лишь на бронзовую основу, с которой затем оттискивался на золотую обкладку, обосновывая это мнение тем, что бронза и золото обладают различной твердостью, поэтому золотая обкладка была бы повреждена при одновременной штамповке[27]. По заключению А. В. Флерова[28], бляшки подобного типа правильнее было бы называть не штампованными, а тисненными, поскольку они изготавливались путем накладки бронзовых (скорее медных) и золотых листов на медную матрицу, сверху они покрывались тонкой железной пластиной, а затем уже тиснились при помощи какого-либо инструмента, возможно, деревянного молотка. Тиснение могло производиться и на обоих листах сразу (золоту не угрожала бы в этом случае порча, поскольку оно обладает большой пластичностью), и на каждом листе в отдельности. А. В. Флеров не видит тут принципиальной разницы, поскольку в этом случае золотой лист накладывался на медный, уже оттиснутый, но еще не снятый с матрицы, и тиснился тем же способом. После снятия обоих листов с матрицы верхний лист крепился к нижнему путем загибания краев.

Многие из блях, выполненных в подобной технике, имеют дополнительно гнезда со стеклянными или каменными вставками, некоторые, как и бляшки из катакомб у хут. Октябрьского, таких вставок не имеют. Подобные бляхи найдены в Шипово (кург. 3 — четыре квадратные выпуклые бляхи — 6,3×6,7 *см* и 22 прямоугольных — 6,5×2,5 *см*; все они покрыты рельефным орнаментом в виде плетенки[29]) и в Покровске (кург. 17 и 18). В кург. 17 найдены обломки прямоугольных (ширина 2—2,4 *см*) и круглых блях (диаметр 5 *см*) с изображением человеческого лица. По краю бляшек проходит рубчатый валик. Обломки продолговатых бляшек с рубчатым валиком по краю и с изображением львиных (?) морд найдены и в кург. 18[30]. По технике выполнения и характеру орнамента эти бляхи, несомненно, близки к бляхам октябрьских катакомб, составляя с ними единую хронологическую группу. Эта группа памятников относилась всеми исследователями к IV—V вв.[31] А. К. Амброз предложил новую датировку для ряда памятников, в частности, отнес шиповские курганы 2 и 3 к VII в.[32]. Однако отмеченная выше близость сбруйных украшений из поволжских курганов и блях из катакомб у хут. Октябрьского, найденных в погребении вместе с пряжками, имеющими все признаки IV в., по-видимому, противоречит этому.

Некоторые особенности орнамента на круглой бляшке из кург. 6 у хут. Октябрьского (свернутое по кругу тело змеи) находят прототипы в более раннее время: свернутые в кольцо фигуры животных изображены на многих бляшках из Золотого кладбища Н. И. Веселовского, имеются такие изображения и на некоторых фаларах последних веков до н. э.[33]. Однако техника выполнения блях из погребений у хут. Октябрьского и поволжских курганов и характер их орнамента, несомненно, более грубые по сравнению с изделиями (бляшками и фаларами) последних веков до н. э.— первых веков н. э. Круглые бляхи из погребений у хут. Октябрьского сближаются с

---

[27] *И. П. Засецкая.* Полихромные изделия гуннского времени..., стр. 41.

[28] Пользуюсь случаем поблагодарить А. В. Флерова, специалиста по технологии ювелирных изделий, доцента кафедры металла Высшего художественно-промышленного училища (Строгановского) за консультацию по технике производства описываемых блях.

[29] *T. M. Minajeva.* Zwei Kurgane..., стр. 205, рис. 25—26.

[30] *Т. М. Минаева.* Погребения с сожжением..., стр. 93, табл. 1, рис. 5, 6, 11.

[31] *Т. М. Минаева.* Погребения с сожжением..., стр. 123; *J. Werner,* Op. cit., стр. 85; *И. П. Засецкая.* Ук. соч., стр. 35—53; *ее же.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. СА, 1968, 2, стр. 52—62.

[32] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии. СА, 1971, 3, стр. 114—115.

[33] Новоузенск, см. *К. В. Тревер,* Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 48—50, табл. 3, 4; ст. Воронежская, см. *Н. В. Анфимов.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК-46, М., 1952, стр. 82, рис. 22, *1, 2.*

фалярами более раннего времени (Старобельский, Янчокракские, Федуловские, Воронежские и др.) и по назначению. Все эти фалары служили для скрепления перекрещивающихся ремней, поэтому на обратной стороне их имелись петли. Бляхи рассматриваемого времени таких петель не имеют, хотя, как уже отмечалось выше, у круглой бляхи из кург. 1 было найдено три отходящих от нее ремня. На двух круглых бляхах из кург. 6 с обратной стороны имеются остатки очень узких кожаных полос (шириной — 1,3 *см*), отходящих от основного ремня, к которому они были пришиты. К краю круглой кожаной основы бляхи они крепились при помощи бронзовых заклепок (рис. 3, *8*). Поэтому все эти бляхи тоже могли служить для скрепления ремней. Кроме того, круглые бляхи, так же как и прямоугольные, имели декоративное значение. Еще М. И. Ростовцев отмечал, что обычай украшать конскую сбрую круглыми бляхами характерен для иранских племен и сам факт распространения фаларов в южно-русских степях связан с появлением здесь сарматских племен [34]. М. И. Ростовцев указывал также на необычайный консерватизм конской сбруи, подчеркивая большую важность вследствие этого изображений лошадей на памятниках сасанидского искусства для понимания конских уборов более ранних эпох — скифской [35] и, разумеется, сарматской. Действительно, на различных серебряных сасанидских блюдах и чашах можно видеть изображения коней с подробными деталями их сбруи, которая, в частности, украшалась и круглыми бляхами, нашитыми на ремни, одетые на грудь и круп коня [36]. Такое же декоративное значение имели и бляхи из кург. 6, которые являются новыми интересными материалами, характеризующими культуру сармато-аланских племен.

Рассмотрение инвентаря катакомб у хут. Октябрьского выявило группу материалов (главным образом керамики), указывающих на связь с более ранним периодом — II—III вв. Остальной инвентарь погребений (стрелы, пряжки, бляхи конской сбруи) носят более поздний облик. Аналогичность устройства всех катакомб и сходство их инвентаря позволяют считать все раскопанные курганы синхронными и датировать их IV в. н. э. (кург. 5, судя по пряжке, можно отнести и к началу V в.).

Выше уже отмечалась близость погребального обряда и инвентаря катакомб у хут. Октябрьского и с. Братское. Очевидно, обе эти курганные группы относятся к одному могильнику, оставленному населением Братского городища, открытого А. П. Кругловым [37]. Это укрепленное системой рвов городище, расположенное к западу от с. Братское на правом берегу Терека, не подвергалось раскопкам, но судя по подъемному материалу, было обитаемо в сарматское время и в эпоху раннего средневековья [38]. Октябрьские курганы, более удаленные от территории городища, датируются поздним, по сравнению с братскими курганами, временем. Братские катакомбы, по-видимому, можно отнести к III в. Найденная в кург. 3 серебряная фибула [39] находит близкую аналогию в фибуле из алхастинской катакомбы, которая вряд ли может быть датирована ранее III в. из-за наличия в инвентаре погребения зеркала с центральной петлей [40]. А. К. Амброз также датирует инвентарь катакомб у с. Братское III в. [41].

---

[34] *M. Rostovtzeff.* The Animal Style in South Russia and China. 1929, стр. 42, 43; М. И. Ростовцев. Сарматские и индо-скифские древности. Recueil Kondakov, 1926, стр. 250.

[35] *М. И. Ростовцев.* Эллино-скифский головной убор. ИАК 63, 1917, стр. 70.

[36] *И. А. Орбели* и *К. В. Тревер.* Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 5, 6, 13, 15.

[37] *А. П. Круглов.* Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Зап. ЧИНИИ, I, Грозный, 1938.

[38] *В. Б. Виноградов, В. И. Марковин.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Тр. ЧИНИИ, X, Грозный, 1966, стр. 123.

[39] *Р. М. Мунчаев.* Новые сарматские памятники..., стр. 177, рис. 3, *12*.

[40] ГИМ, инв. № 79845.

[41] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии. СА, 1971, 2, стр. 100.

Таким образом, исследованные катакомбы курганного могильника у с. Братское и хут. Октябрьского можно датировать III—IV вв. Этим же примерно временем (II—IV вв.) датируются исследователями и ранние подкурганные катакомбы обширного Алхан-Калинского могильника [42], также расположенного рядом с большим городищем, содержащим, как и Братское городище, слой сарматского и раннесредневекового времени [43].

В 1969 г. проводились раскопки катакомбного могильника у с. Брут, расположенного по обоим берегам р. Карджин в предгорных районах Северной Осетии. В 1956 г. здесь был разрушен один курган, доследованный С. С. Куссаевой. Он содержал ограбленную катакомбу, в которой были найдены золотые украшения, в том числе пряжка и поясной наконечник со вставками, мелкие нашивные бляшки и. т. д., датированные С. С. Куссаевой II—IV вв. [44]. На основании этой даты катакомба у с. Брут вошла в число немногочисленных (исключая районы Прикубанья) катакомбных погребений Северного Кавказа первых веков нашей эры [45]. Еще более ранним временем (I в.) была датирована эта катакомба В. Б. Виноградовым [46], однако это объясняется тем, что в качестве ее инвентаря автор рассмотрел другую коллекцию, происходящую из разрушенного грунтового могильника у с. Брут, расположенного в пойме р. Карджин [47]. Опубликованный С. С. Куссаевой инвентарь катакомб содержал в своем составе характерные изделия: овальную пряжку с расширяющимся в передней части кольцом и с овальным щитком, имеющим ячейки для вставок, а также узкий длинный полый внутри язычок ремня с красной стеклянной вставкой на одном конце. Украшения такого типа, найденные в ряде памятников (Керчь, Новогригорьевка, совхоз им. Калинина), датируются А. К. Амброзом V в. [48]

В 1969 г. в этой же курганной группе было раскопано еще два кургана, каждый из которых содержал по одному катакомбному погребению, по своему устройству сходному с катакомбами у хут. Октябрьского: они также отличаются тщательностью отделки, большими размерами входных ям (длина 3,30—4,50 *м*, ширина 0,9 *м*—1,20 *м*, глубина 4,30—4,70 *м*). Ориентировка входных ям СЗ — ЮВ или СВ — ЮЗ (ССВ — ЮЮЗ). Камеры примыкали с СЗ или СВ стороны. В противоположной стене входной ямы делались ступени — во всю ширину входной ямы (рис. 6, *1, 6*), а не узкой лесенкой, как в катакомбах у хут. Октябрьского. Входное отверстие длиной 0,40—0,60 *м* заканчивалось ступенью высотой 0,25—0,65 *м*. Камеры располагались перпендикулярно к входной яме, были подквадратной или овальной формы и имели в высоту 2,50—2,70 *м*. Своды у обеих катакомб стрельчатые (рис. 6, *1, 6*). Во входной яме катакомбы кург. 1, в северо-западной ее стене у входа в камеру, была сделана небольшая ниша, в которой найдены фрагменты сосудов. Обе катакомбы были ограблены. Каменные плиты, закрывавшие вход, найдены внутри камер. В обеих катакомбах найдены обломки железных мечей или кинжалов и ножа (рис. 6, *3, 8, 9*), в катакомбе кург. 1 вместе с разрозненными человеческими костями найдены фрагменты четырех сосудов, три из которых удалось восстановить. Это кувшин с носиком-сливом и плоской ручкой, на горле — два рельефных валика с косыми насечками (рис. 6, *2*), тонкостенный сероглиняный

---

[42] *Л. Г. Нечаева.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. канд. дис. Л., 1956, стр. 7; *В. Б. Виноградов,* Сарматы Северо-Восточного Кавказа..., стр. 72—74.

[43] *В. Б. Виноградов, В. И. Марковин.* Ук. соч., стр. 113.

[44] *С. С. Куссаева.* Археологические находки последних лет в Северной Осетии, ИСОНИИ, 19, Орджоникидзе, 1957, стр. 184—187.

[45] Сводку этих катакомб см. *В. А. Кузнецов,* Аланские племена Северного Кавказа, МИА 106, 1962, стр. 103.

[46] *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа..., стр. 74—75, рис. 30.

[47] Материал добыт при выемке грунта скрепером при постройке водоема в 1957 г. Северо-Осетинский краеведческий музей, № 4263.

[48] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии. СА, 1971, 2, стр. 101—103, рис. 2, 13, 20—22.

кувшинчик с низким уплощенным туловом, покрытым вертикальным лощением (рис. *6, 4*). Сосуды такого типа известны в погребениях IV—V вв. Пашковского могильника[49]; горшок, на округлом тулове которого имеется орнамент из двух горизонтальных полос. Венчик покрыт косыми насечками (рис. *6, 5*). Другого инвентаря в этих катакомбах обнаружено не было.

К северу от курганной группы, ближе к территории городища, возвышающегося на правом берегу р. Карджин, где имелось несколько участков со срезанными скреперами склонами, обнаружен грунтовой могильник, содержащий катакомбные погребения. Здесь было открыто пять катакомб, находящихся на расстоянии 10—11 *м* друг от друга, устройство их всех одинаковое. Входные ямы, ориентированные с ССВ на ЮЮЗ, имели меньшие размеры, чем в подкурганных катакомбах: длина их 1,20—2,50—3,80 *м*, ширина в южном конце 0,45—0,60 *м*, в северном—0,65—1 *м*, глубина 1,05—2,80 *м*. Для спуска в камеру в южной стене делались ступени во всю ее ширину. Вход в камеру, длиной 0,40—0,70 *м*, был в северной стене входной ямы и закрывался каменной плитой. При переходе в камеру имелась ступень высотой около 0,40 *м*. Камеры, располагаясь перпендикулярно ко входной яме, были ориентированы с СЗЗ на ЮВВ (погр. 2 — с запада на восток). Верхняя часть свода во всех камерах обвалилась, но, судя по сохранившейся во всех камерах нижней части стен на высоту примерно 2 *м*, можно говорить о том, что свод в камерах был двускатным (либо они имели узкий горизонтальный потолок). Примерная высота камер 1,50—1,60 *м* (рис. 7, *1, 9, 22*). Исключение составляет погр. 4, где из-за полного обвала стен и свода он имел купольную форму (рис. 6, *10*).

Таким образом, грунтовые катакомбы отличаются от подкурганных меньшей глубиной залегания, небольшими размерами и небрежностью в отделке. Все катакомбы были ограблены. Они содержали индивидуальные погребения взрослых или коллективные захоронения — взрослого и одного или двух детей. Положение некоторых сохранившихся in situ костей говорит о том, что погребенные лежали головой на СЗЗ. В камере катакомбы 3 обнаружены фрагменты деформированного черепа. Во многих катакомбах (№ 1, 2, 3, 6) найдены кусочки угля, в камере катакомбы 6 — камни-голыши (рис. 7, *26*).

Сохранившийся в катакомбах инвентарь представлен глиняными сосудами (большей частью в фрагментах), железными ножами, пряжками, бляшками и бусами. Все сосуды сделаны на гончарном круге, многие из них имеют на дне отпечатки деревянной подставки, у одной миски (рис. 7, *14*) имеется клеймо в виде креста, заключенного в круг. Миски найдены в двух катакомбах (погр. 1 — 1 экз., погр. 2 — 2 экз.) Все они однотипны — с загнутым внутрь краем, как в катакомбах у хут. Октябрьского, но отличаются от них большей приземистостью, широким дном и более грубым обликом (рис. *7, 8, 13, 14*). Миски из погр. 2 сделаны из темно-коричневой глины, лощеная миска из погр. 1 — из черной глины. Аналогии этим мискам имеются среди материалов более раннего времени, происходящих из горных районов Северной Осетии[50].

Из погр. 6 происходят два кувшина: один миниатюрный сероглиняный с цилиндрическим горлом и расширенным туловом (рис. 7, *32*), имеет неровную пористую поверхность и очень слабые следы лощения. Второй — тонкостенный лощеный кувшин из коричневой глины, тулово его покрыто орнаментом из заштрихованных треугольников, нанесенным лощилом (рис. 7, *33*). Некоторые детали в оформлении этого сосуда (форма ручки, ее расположение, способы нанесения орнамента на тулове) сближают этот кувшин с кувшином из кургана 1 (рис. 6, *4*).

[49] Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 218—219, табл. XXXVI, 19, 22.

[50] Кобань, Зап. кладбище, погр. 2, раскопки В. И. Долбежева, ГИМ, инв. № 26946; Корца, Лесная поляна, могила II (II—III вв. н. э.), раскопки В. И. Долбежева, ГИМ, инв. № 28560.

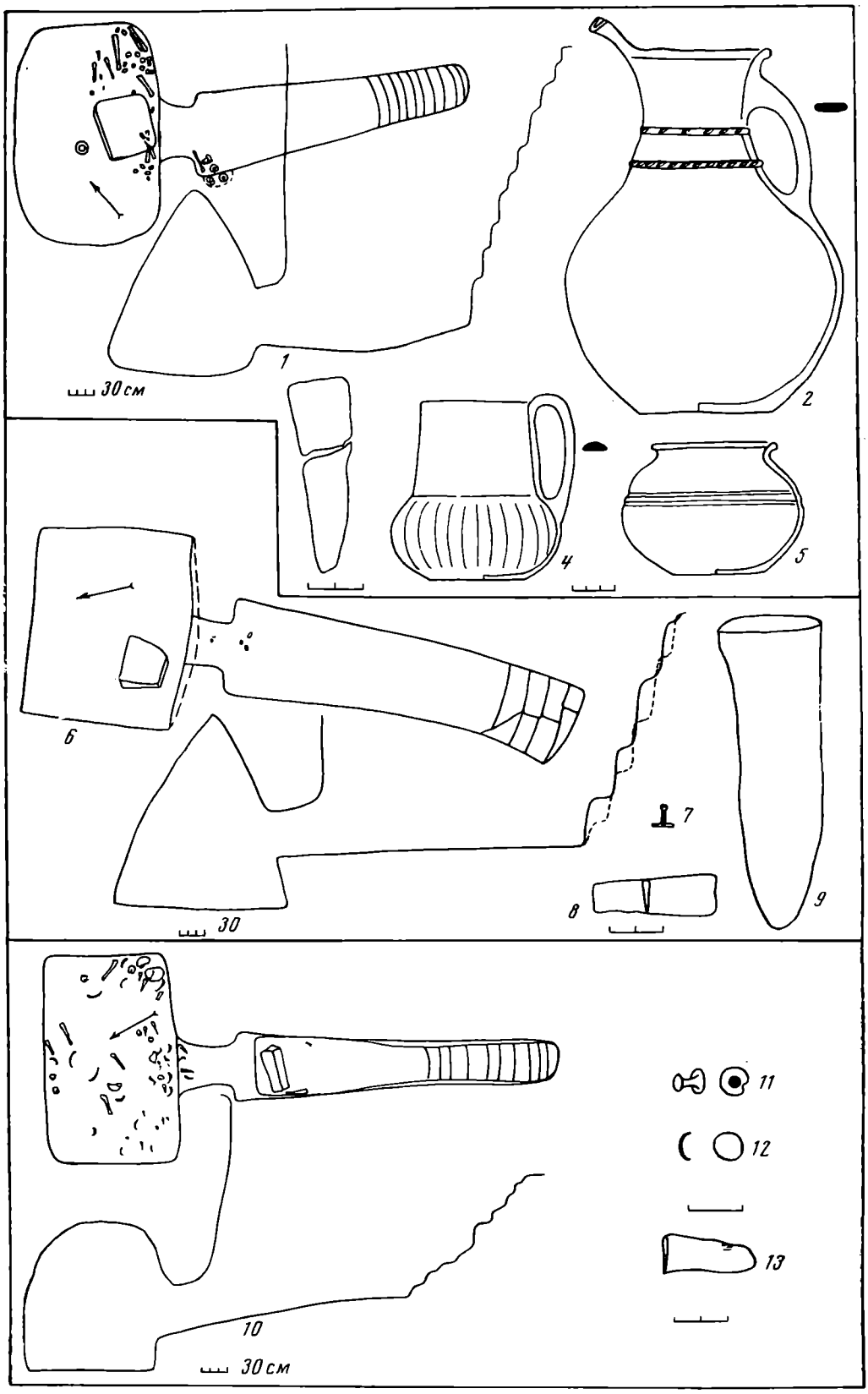


Рис. 6. Катакомбные погребения из могильника у с. Брут (№ 1—5 — кург. 1; № 6—9 — кург. 2; № 10—13 — грунт. погр. 4)

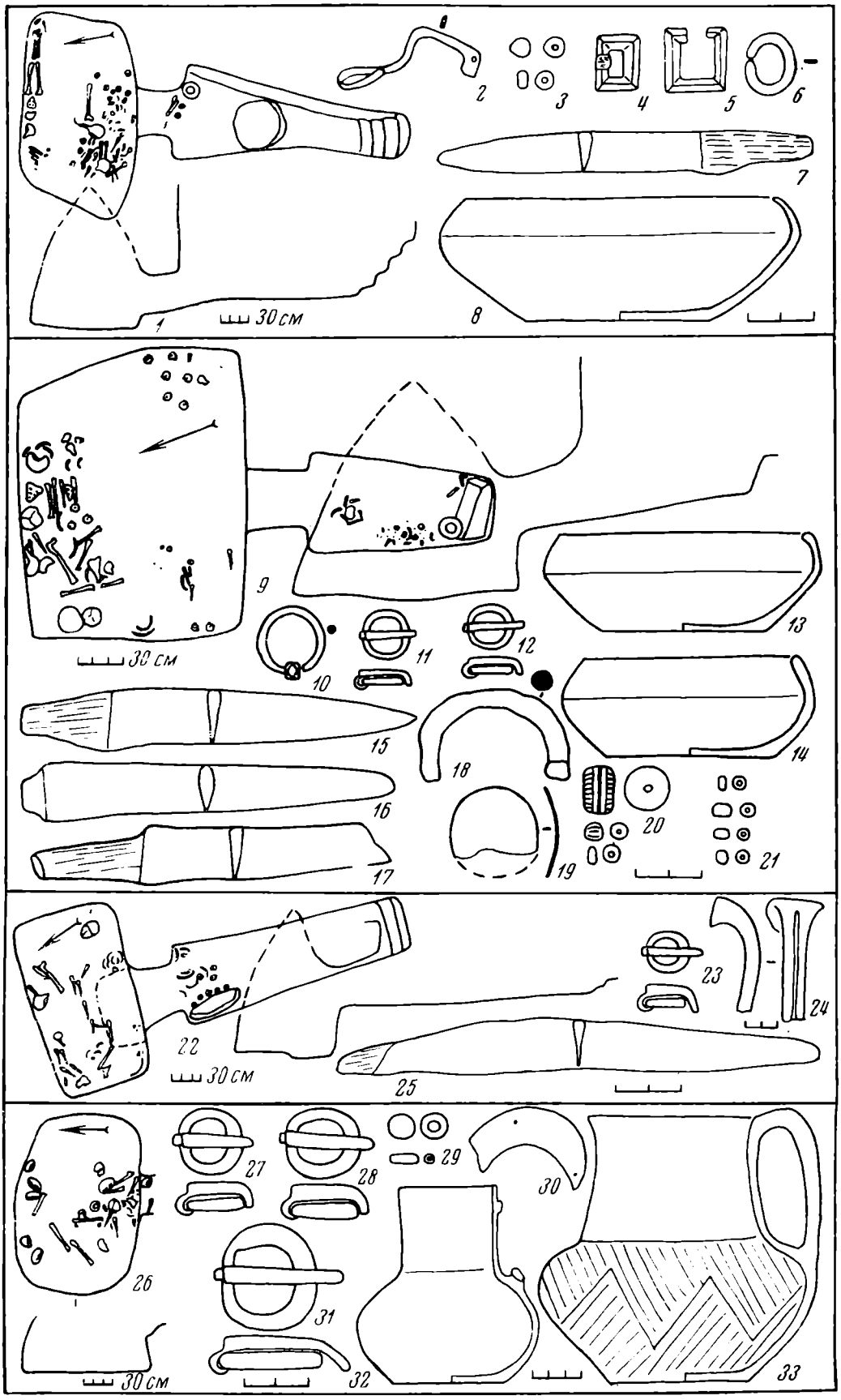


Рис. 7. Катакомбные погребения грунтового могильника у с. Брут (№ 1—8 — погр. 1; № 9—21 — погр. 2; № 22—25 — погр. 3; № 26—33 — погр. 6)

Основным датирующим материалом, найденным в катакомбах, являются бронзовые и серебряные пряжки. Наиболее распространенная их форма — круглые литые пряжки с подвижным язычком. Передняя часть кольца несколько утолщена. Язычок прямой с уступом у основания и с длинным загнутым вниз концом (погр. 2—2 бронзовые пряжки, погр. 3—1 серебряная, погр. 6—2 бронзовые и 1 серебряная — рис. 7, *11*, *12*, *23*, *27*, *28*, *31*). Как уже отмечалось выше, такие пряжки характерны для V в. В погр. 1 найдены две серебряные штампованные пластинчатые пряжки прямоугольной формы (рис. 7, *4*, *5*), одна из них с остатками железной иглы (рис. 7, *4*) и серебряное плоское кольцо, по-видимому, также от пряжки (рис. 7, *6*). В погр. 2 наряду с пряжками найдена бронзовая привеска с четырнадцатигранником на конце (рис. 7, *10*), возникновение привесок такого типа нужно относить к IV—V вв.[51] В трех погребениях (2, 4, 6) обнаружены фрагменты пластинчатых бляшек — круглых бронзовых (рис. 7, *19*) и серебряных (рис. 6, *12*), в погр. 6 — штампованная серебряная бляшка в виде лунницы (рис. 7, *30*). В трех катакомбах найдены бусы (погр. 1—2 экз., погр. 2—68, погр. 6—3 экз.). Все бусы мелкие, сделаны из стекла разных оттенков (синего, желтого, зеленого, белого — рис. 7, *3*, *20*, *21*, *29*).

В большом количестве в катакомбах представлены железные предметы, сохранившиеся главным образом в обломках. Обязательной принадлежностью инвентаря катакомб являются железные ножи. Их находят от одной до трех штук в могиле. Все они имеют прямое лезвие и прямую или слабо изогнутую спинку (рис. 7, *7*, *15—17*, *25*). В некоторых случаях их находят внутри глиняных мисок рядом с костями барана. В погр. 1, как и в обеих подкурганных катакомбах, найдены фрагменты массивного железного меча или кинжала. Мечи не характерны для инвентаря более поздних катакомбных погребений, хотя в катакомбах Северного Кавказа IV—V вв. изредка встречаются[52].

Рассмотренный инвентарь позволяет отнести на основании главным образом форм пряжек все бескурганные катакомбы к V в. н. э., чему не противоречит и весь остальной материал. Что касается подкурганных катакомб у с. Брут, то датировать их столь определенно казалось бы нет достаточных оснований, однако их хронологическая близость с грунтовыми катакомбами несомненна — об этом говорит и идентичность в устройстве катакомб и близость некоторых форм керамики, отмеченная выше. Подтверждает эту дату и инвентарь катакомбы, опубликованной С. С. Куссаевой.

Интересен сам факт сосуществования грунтового и курганного катакомбных могильников, относящихся, по-видимому, к одному городищу. Это довольно редкое явление на территории центральных районов Северного Кавказа, хотя наличие здесь одновременно обоих типов катакомб общеизвестно (например, грунтовые катакомбы Нижно-Джулатского могильника I—VII вв., подкурганные катакомбы Алхан-Калинского могильника II—VI вв.). Обычно принято считать, что подкурганные захоронения более характерны для кочевых народов, а грунтовые — для оседлых. Несмотря на то, что это мнение нужно принимать с некоторыми оговорками, в данном случае возможно, очевидно, высказать предположение, что различие между джулатскими (грунтовыми) катакомбами и катакомбами (подкурганными) Братского и Алхан-Калинского городищ объясняются тем, что возникновение этих последних городищ относится несколько к более позднему времени (не ранее конца II в., судя по материалам

---

[51] *Д. М. Атаев.* Височные привески с четырнадцатигранником. СА, 1963, 3, стр. 231—235.

[52] Катакомба у Буденновской слободы Кисловодска, см. *В. А. Кузнецов*, Аланские племена Северного Кавказа..., стр. 16.

могильников), когда в этих районах роль и влияние сарматских элементов значительно усилились.

Неоднократно высказывалось в литературе мнение и о том, что в основе различий между этими двумя видами захоронений лежат социальные причины [53]. По-видимому, для некоторых случаев это мнение может считаться верным. Мне кажется, наличие в могильнике с. Брут двух типов захоронений, принадлежавших, несомненно, одному населению, может объясняться именно этими причинами: бескурганные захоронения оставлены, очевидно, рядовым населением, которое, судя по ограбленности катакомб и находкам в них серебряных вещей, было довольно зажиточным, а в курганах хоронилась знать, о чем свидетельствует большая глубина могил, значительные размеры камер и необычайная тщательность их отделки.

Таким образом, рассмотренные материалы свидетельствуют о распространении в центральных районах Северного Предкавказья к середине I тысячелетия н. э. обряда подкурганных катакомбных захоронений, который в северных степных районах появляется раньше (конец II—III вв. н.э.— Алханкалинский и Братский могильники), а в более южных — предгорных районах, по-видимому, лишь в середине I тысячелетия н. э. (V в. — Брутский могильник). Все эти могильники расположены рядом с городищами, которым они несомненно принадлежали, что свидетельствует об оседлом характере жившего здесь населения. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что аланы Северного Кавказа перешли к оседлому образу жизни лишь с V—VI вв., как это считают некоторые исследователи [54], основываясь главным образом на том, что древние авторы, в том числе Аммиан Марцеллин (IV в.) рисуют алан как кочевые племена, тогда как византийские авторы VI в., характеризуют алан как оседлый народ, имеющий политические связи с Византией [55]. Однако сведения Аммиана Марцеллина, который, как известно, при описании аланских племен пользовался более ранними источниками [56], относятся к сармато-аланским племенам, жившим в Северном Причерноморье, а не к аланам Северного Кавказа, культура которых, имея с первыми родственную этническую основу, обладала и рядом специфических черт. Несмотря на то, что рассмотренный инвентарь подкурганных катакомб Центрального Предкавказья находит аналогии в разного типа синхронных сармато-аланских погребениях на широкой территории — в степях Поволжья и более западных областях,— имеются и некоторые различия, что прослеживается, например, в керамике, которая не характерна для погребений этого времени в Поволжье и Северном Причерноморье, а катакомбные погребения Кавказа содержат часто до четырехпяти сосудов. Главным отличием рассмотренных погребений является форма могильного сооружения — катакомба, которая была в это время характерной особенностью погребального обряда северо-кавказских алан, не типичной для обряда аланских племен Поволжья и Причерноморья. Специфика культуры кавказских алан, которая отличает ее от культуры аланских племен других территорий, может быть объяснена влиянием местных традиций, которому подвергались вторгавшиеся на территорию Центрального Предкавказья и оседавшие здесь кочевые сармато-аланские племена.

---

[53] *Н. И. Веселовский.* Курганы Кубанской области в период римского владычества. Тр. XII АС, 1902, I, М., 1905, стр. 361; *Н. В. Анфимов.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 148—157; *Т. М. Минаева.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, стр. 120.

[54] *Т. Б. Тургиев.* О скотоводстве у алан. МАДИСО, II, Орджоникидзе, 1969. стр. 120—126; *Н. Г. Волкова.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 105—106.

[55] *Н. Г. Волкова.* Ук. соч., стр. 105—106.

[56] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 81—83, 113—114.

M. P. Abramova

SEPULTURES EN CATACOMBES DES VI—V SIECLES EN OSSETIE NORD

Résumé

Dans la deuxième moitié du I s. de n. è. les régions centrales du Caucase septentrional ont vu se répandre la civilisation alaine dont une des particularités consiste en usage de l'enterrement en catacombe et qui, en plus, est caractérisée par le mobilier spécifique. La constitution de la civilisation alaine de Caucase septentrional s'achève vers le milieu du I millénaire av. n. è. car c'est à cette époque (IV—V siècles) que l'on commence à déceler sur les nécropoles à catacombes les caractères qui deviendront déterminants pour les sites mortuaires plus récents de la civilisation alaine. Cette constatation est confirmée par les matériaux acquis ces dernières années sur les nécropoles à catacombes de l'Ossétie septentrionale: l'une près de la métairie l'Oktiabrski (région de Mozdok — 1971), l'autre près du village de Brout (régions piémontaises de l'Ossétie septentrional — 1969). Les deux nécropoles contenaient des catacombes aménagées sous les tumuli; près du village de Brout on a découvert également une nécropole dont les catacombes sont aménagées en pleine terre. Chaque catacombe consiste en fosse d'entrée, longue et étroite, et en chambre qui lui était perpendiculaire.

Toutes les catacombes sont achevées avec soin. Toutes sont pillées et contenaient de toute évidence de riches sépultures. L'analyse du mobilier permet de dater les catacombes de la métairie d'Octiabrski du IV s. et celles du village de Brout du V s. av. n. è. Les nécropoles explorées se trouvaient à côté des grandes agglomérations fortifiées auxquelles elles appartenaient sans un doute possible, ce qui témoigne du caractère sédentaire des tribus alaines du Caucase septentrional. La catacombe, forme particulière des constructions sépulcrales des Alains du Caucase Nord, n'est pas caractéristique pour le rite funéraire des tribus alaines d'autres territoires. Le caractère spécifique de la civilisation des Alains caucasiens peut être expliqué par l'influence des traditions locales subie par les tribus nomades sarmato-alaines qui faisaient les intrusions en Précaucasie centrale où elles se fixaient.

Т. А. ХЛЕБНИКОВА

К ИСТОРИИ г. ЖУКОТИНА (ДЖУКЕ-ТАУ) ДОМОНГОЛЬСКОЙ ПОРЫ

(по работам 1970—1972 гг.)

Как один из значительных городов Волжской Булгарии, известных по русским летописям, г. Жукотин интересовал многих исследователей истории булгар. Библиография о нем к настоящему времени насчитывает более 20 названий. Важнейшие из дореволюционных работ — страницы в книге С. М. Шпилевского [1] и статья П. А. Пономарева [2]. В первой из них собраны все имевшиеся к тому времени сведения о Жукотине и определено местоположение его остатков. Во второй с помощью дополнительных изысканий подтверждено мнение о расположении города, приведены некоторые сведения к его топографии, восстановлено его татарское название и сделана попытка определить возраст города. После работы П. А. Пономарева ни у кого не возникает сомнения, что городище на левом берегу Камы западнее г. Чистополя и северо-восточнее д. Донауровка — остатки Жукотина, булгарского города Джуке-тау, как его еще недавно именовало местное татарское население, что в переводе значит «Липовая гора», по зарослям липы, до сих пор произрастающей на береговых склонах городища.

Не менее 175 лет насчитал городу П. А. Пономарев, отсчитывая этот возраст от года разгрома его ханом Батыем (1236 г.), описанного В. Н. Татищевым, [3] и до 1411 г., когда последний раз летопись упоминает о Жукотинском князе [4]. Но к этому П. А. Пономарев убежденно добавляет: «На самом деле он (промежуток времени существования города.— *Т. Х.*) был, конечно, еще значительнее, расширяясь в ту и другую сторону» [5].

А. П. Смирнов в книге «Волжские Болгары» в разделе о Жукотине [6], определяя его крупнейшим городом золотоордынской Булгарии, также уводит его возникновение в домонгольскую эпоху. Однако он считает, что Жукотин до XIII в. был малым незаметным городом и что расцвет его начался с конца XIII в. [7]

Изложенным, по сути, ограничивались до недавнего времени суждения о домонгольском периоде истории города. Пополнение сведений было невозможно без дальнейших [8] археологических исследований, осуществлен-

---

[1] *С. М. Шпилевский,* Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губ., Казань, 1877.

[2] *П. А. Пономарев,* Владения Липовогорских князей, ИОАИЭ, X, вып. 5, Казань, 1892.

[3] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. IV. М.— Л., 1964, стр. 372.

[4] ПСРЛ, Никоновская, V, 36.

[5] *П. А. Пономарев.* Ук. соч., стр. 480.

[6] *А. П. Смирнов.* Волжские Болгары. Тр. ГИМ, XIX, М., стр. 266—267.

[7] Там же, стр. 266.

[8] Первоначальные сведения основаны на подъемном материале и случайных находках в середине и конце XIX в. (Н. А. Толмачев, П. А. Пономарев, Н. П. Загоскин и др.). В 1928 г. А. С. Башкировым и Н. Ф. Калининым были предприняты раскопки разведывательного характера, но материал их равноценен подъемному, поскольку он не разграничен во времени.

ных в 1970—1972 гг. экспедициями Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР, Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника, Министерства культуры ТАССР и Татарского отделения Общества охраны памятников истории и культуры под руководством автора статьи.

В результате всех проведенных экспедициями наблюдений за обнажениями культурного слоя и раскопочных работ выявляется, что уже в домонгольское время город состоял из цитадели (городище), пригорода (селище) и кладбища (рис. 1). Цитадель размещалась на высоком мысу, образованном коренным берегом р. Камы и речкой Килевкой, называвшейся прежде Жукотью, Жукоткой, Жукотинкой [9]. Вершина мыса обращена на северо-запад. С напольной, юго-восточной, стороны цитадель укреплена тремя высокими (более 2,5 *м*) валами с двумя глубокими (около 2,5 *м*) рвами между валов. Укрепление ограничивает подтреугольной формы довольно ровную площадку в 58 тыс. *м*². Крутые склоны мыса и сильная система укреплений со стороны поля делали цитадель города хорошо защищенной. По другую, левую сторону Килевки на мысу более низкой второй террасы р. Камы, образованном Килевкой и большим оврагом и обращенном вершиной к Каме, на довольно ровной площадке разместился пригород. Застройка его началась со стороны Килевки, т. е. с территории против цитадели города. Первоначально пригород занимал береговую полосу по левому берегу Килевки не шире 150—180 *м* и вершину мыса. Площадь его можно представить в 60—70 тыс. *м*². В последующий период в течение домонгольского же времени территория пригорода росла к югу и юго-западу. К концу домонгольского периода территорию пригорода можно представить не менее чем в 100—120 тыс. *м*². Дальнейший рост пригорода был еще более интенсивным. В золотоордынское время он достиг 350 тыс. *м*². Таким образом, рост города все время шел за счет расширения площади пригорода.

Кладбище Джуке-тау располагалось все время южнее и юго-западнее пригорода. Для первоначального периода истории города эта граница наметилась благодаря раскопу I 1970 г. и наблюдениям в водопроводной траншее. Северные участки раскопа имели слой поселения, а на крайних южных его участках, т. е. почти в непосредственной близости от поселения располагались погребения раннего кладбища (рис. 2). По траншее кладбище прослежено к югу еще на 40 *м* от раскопа.

С расширением пригорода на протяжении второй половины домонгольского периода кладбище отступило. Слой поселения, перекрывая ранние погребения, прослежен много южнее. Возможно , что в этот период кладбище значительно сдвинулось. Остатки погребения в траншее далее к югу были встречены лишь в 300 *м* от раскопа у отрогов большого оврага, но к сожалению, стратиграфических данных к определению возраста этого погребения нет. Надгробные камни погребений золотоордынского периода, по сведениям местных жителей, находили близ северной окраины дер. Донауровка и северо-западнее ее, т. е. уже за пределами территории пригорода этого же времени.

Работами 1970—1972 гг. было вскрыто на территории города 347 *м*²: на цитадели 171 *м*², на территории пригорода —176 *м*². На цитадели раскопами I—III в 147 *м*² путем расширения исследуемой площади изучалась северо-западная часть городища. Раскопом IУ вскрыта небольшая (24 *м*²) площадь близ центральной части линии укреплений. Раскоп I на пригороде (96 *м*²) располагался в средней части мыса. Раскоп II (80 *м*²) — в северо-западной части пригорода, близ обрыва к реке.

Большая часть площади города издавна распахивалась, а на пригороде распахивается и сейчас. Нетронутые вспашкой участки удается найти только по краю террас и вдоль берега Килевки.

---

[9] *С. М. Шпилевский.* Ук. соч., стр. 405—406; *П. А. Пономарев.* Ук. соч., стр. 471.

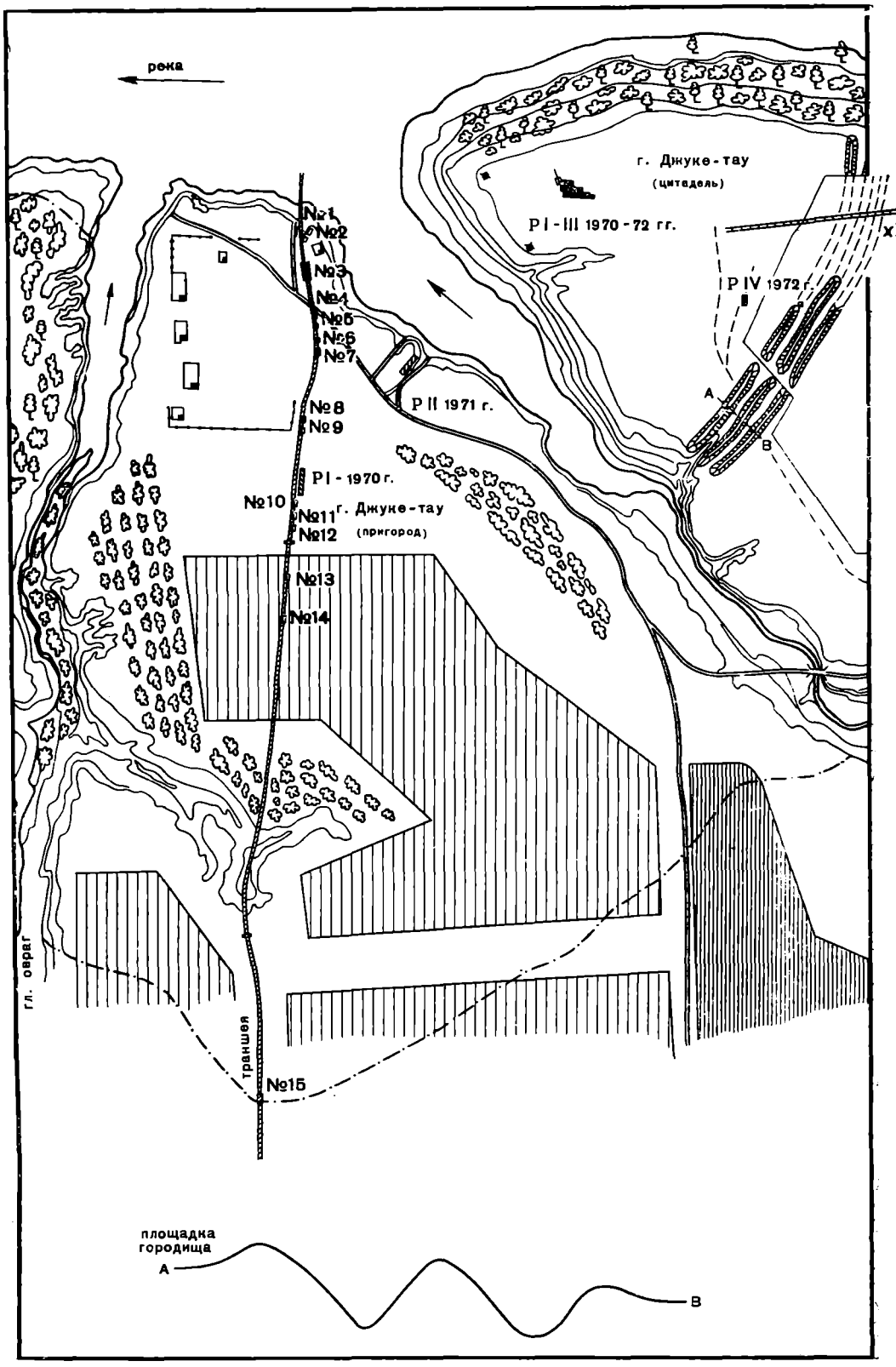


Рис. 1. План комплекса г. Джуке-тау

АВ — линия нивелировки через укрепления цитадели

Раскопками выявлена следующая стратиграфия культурных напластований памятника (рис. 2, *а—е*). На раскопе II 1971 г. в пригороде I слой: под дерном слой бурый с большим количеством древесных остатков (корье, сгнившая древесина). Мощность слоя от 10 до 30 *см*. Датируется русской серой глиняной посудой XVIII—XIX вв., поздними образцами чугуна и железных изделий.

На остальных раскопах первым является слой пашни в виде аморфной серой супеси с мелкими глинистыми включениями на пригороде и мергелистыми на цитадели, с измельченными культурными остатками времени русской деревни и значительной части нижележащего слоя позднего периода жизни г. Джуке-тау. Во многих местах, особенно на цитадели, пашня задела еще более ранние напластования города.

II слой — серая более или менее светлая супесь, на пригороде без видимых включений и с мелким мергелем на цитадели; прослежена на большинстве раскопов лишь над западами нижележащих ям, поскольку на остальной площади нарушена пашней. Мощность ее не превышала в этих случаях 30 *см*, лишь на раскопе II 1972 г. на пригороде сохранилась на всей вскрытой площади и прослежена сплошным слоем мощностью до 30 *см*, а над западом ямы — до 50 *см*.

Датирующий материал этого слоя: золотоордынские медные монеты второй половины XIII—XIV вв., поливная среднеазиатская керамика XIII—XIV вв., неполивная глиняная ремесленная посуда красного цвета с характерным для золотоордынской эпохи высоким горлом у корчаг (с рельефным валиком по нему и многозубчатым мелким гребенчатым штампом в сочетании с резными горизонтальными линиями); железные черешковые наконечники стрел броне-

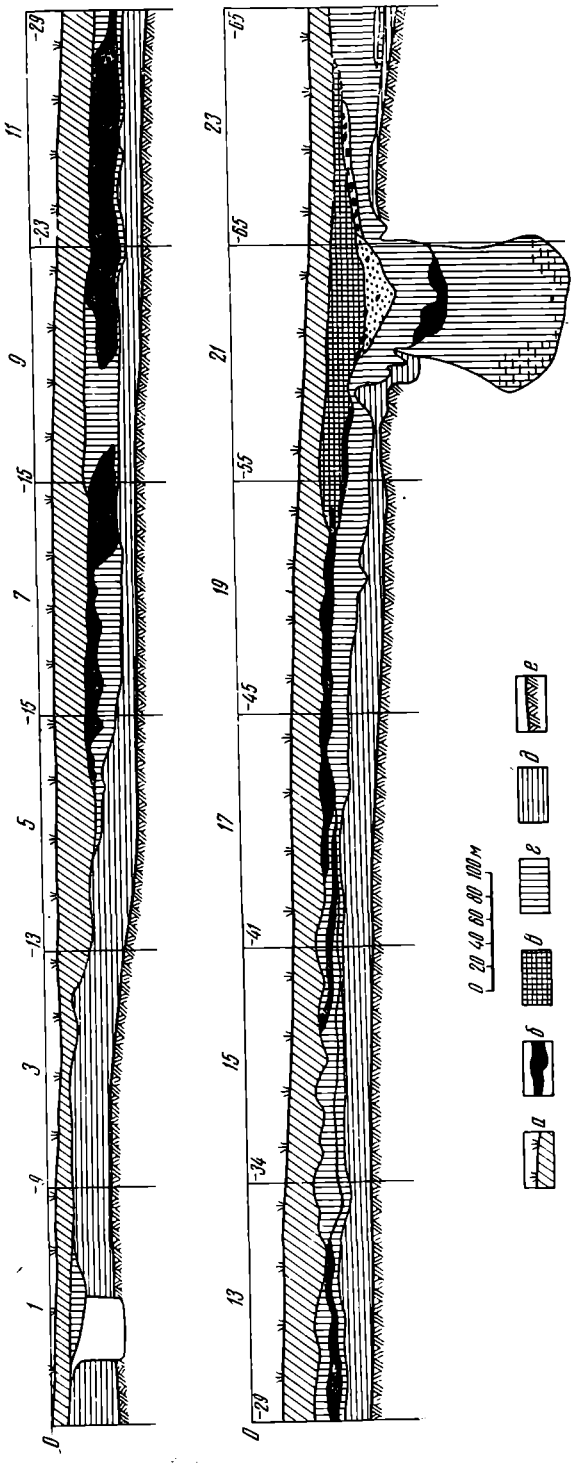


Рис. 2. Пригород, раскоп I 1970 г. Профиль западной стенки
а — слой пашни; *б* — слой пожарища; *в* — серая, светлая, рыхлая супесь выше слоя пожарища; *г* — буро-серая рыхлая супесь ниже слоя пожарища; *д* — темно-серая плотная супесь; *е* — материковый бурый суглинок

бойные — с ромбическим в сечении пером, хорошо выраженной шейкой для упора и плевидные с уплощенным пером и небольшим упором на черешке, бытовавшие в XIII—XIV вв. (рис. 3) [10].

На основании этого материала данный слой может быть датирован золотоордынской эпохой культуры булгар на Волге и может считаться синхронным IV золотоордынскому слою Булгарского городища.

III слой — рыхлая буровато-серая супесь на пригороде и буровато-серый суглинок с каменистой крошкой на цитадели. Этот слой разделяется на два горизонта: верхний — гумированный с различными включениями, более серого цвета; нижний — менее гумированный, скорее бурого цвета. Мощность слоя на вскрытой раскопами площади цитадели 25—50 *см*, пригорода 30—60 *см*. В профиле водопроводной траншеи южнее раскопа I 1970 г. на пригороде он слабее — всего 10—20 *см*. Здесь прослежен только верхний горизонт слоя. На крайних северных участках этого же раскопа наблюдался и нижний горизонт 10—15 *см* мощности. На остальных раскопках представлены оба горизоната. В условиях спокойного залегания мощность их примерно равная. Слой завершался супесчанной пропитанной разложившимся углем прослойкой, которая сопровождается прокаленной супесью часто с золистостью, более мощной на пригороде.

На цитадели углистая прослойка прослежена лишь над западами нижележащих ям и в наиболее глубокой части достигает 16—20 *см*. На пригороде она прослежена шире, мощность ее около 20 *см*. В заполнениях ям вместе с золистой прокаленной супесью она вскрывалась двумя штыками.

Датируют этот слой как стратиграфическое залегание его под слоем II, так и находки, состоящие из комплекса предметов, характерных для домонгольской поры культуры волжских булгар (рис. 4). Это шиферные напрясла, детали цилиндрических замков русского и болгарского типов и ключи; калачевидные кресала, топор с молоточкообразным слегка оттянутым обухом, хорошо выраженными округлыми щековицами и нешироким бойком; костяной гребень с полуовальным завершением, наконечники стрел с долотовидным пером, высокой шейкой и упором [11] и с ромбовидным пером, имеющим небольшое расширение в верхней половине и вогнутые плечики [12], т. е. типов, бытование которых завершается первой половиной XIII в. Неполивная общеболгарская глиняная посуда дает черты в форме и орнаментации, являющиеся характерными для комплекса домонгольской поры: резная орнаментация кружкообразных сосудов, налепы на ручках, короткие массивные венчики корчаг, крышки и т. д. Имеется фрагмент со светло-зеленой поливой по белому ангобу на красном черепке.

При вскрытии слоя пожарища, завершающего III стратиграфический пласт, найден черешковый наконечник стрелы с плоским пером-срезнем в виде узкой вытянутой лопаточки — типа, появившегося в Восточной Европе и в Поволжье с монголами (рис. 3, *1*) [13]. Этот слой пожарища представляется результатом разгрома города монголами в 1236 г., о котором упоминает В. Н. Татищев. Это дает верхнюю дату слоя. Нижняя уходит в начало домонгольского периода, в X—XI вв. III слой, таким образом, синхронен V—VI слоям стратиграфической шкалы Булгарского городища, причем, верхний горизонт III слоя Джуке-тау соответствует V слою Булгар, а нижний, вероятно,— VI слою.

---

[10] *А. Ф. Медведев.* Ручное метательное оружие. САИ, Е1-36, М., 1966, стр. 85, тип 97, вид 4, табл. 30, рис. 94; стр. 64, тип 38, вид 3, табл. 23, рис. 15.

[11] *А. Ф. Медведев.* Ук. соч., стр. 86, тип 100, табл. 19, рис. 38.

[12] Там же, стр. 69, тип 52, вид 2, табл. 20, рис. 39.

[13] Там же, стр. 75, тип 67, табл. 24, рис. 2—5; табл. 30, рис. 64—65.

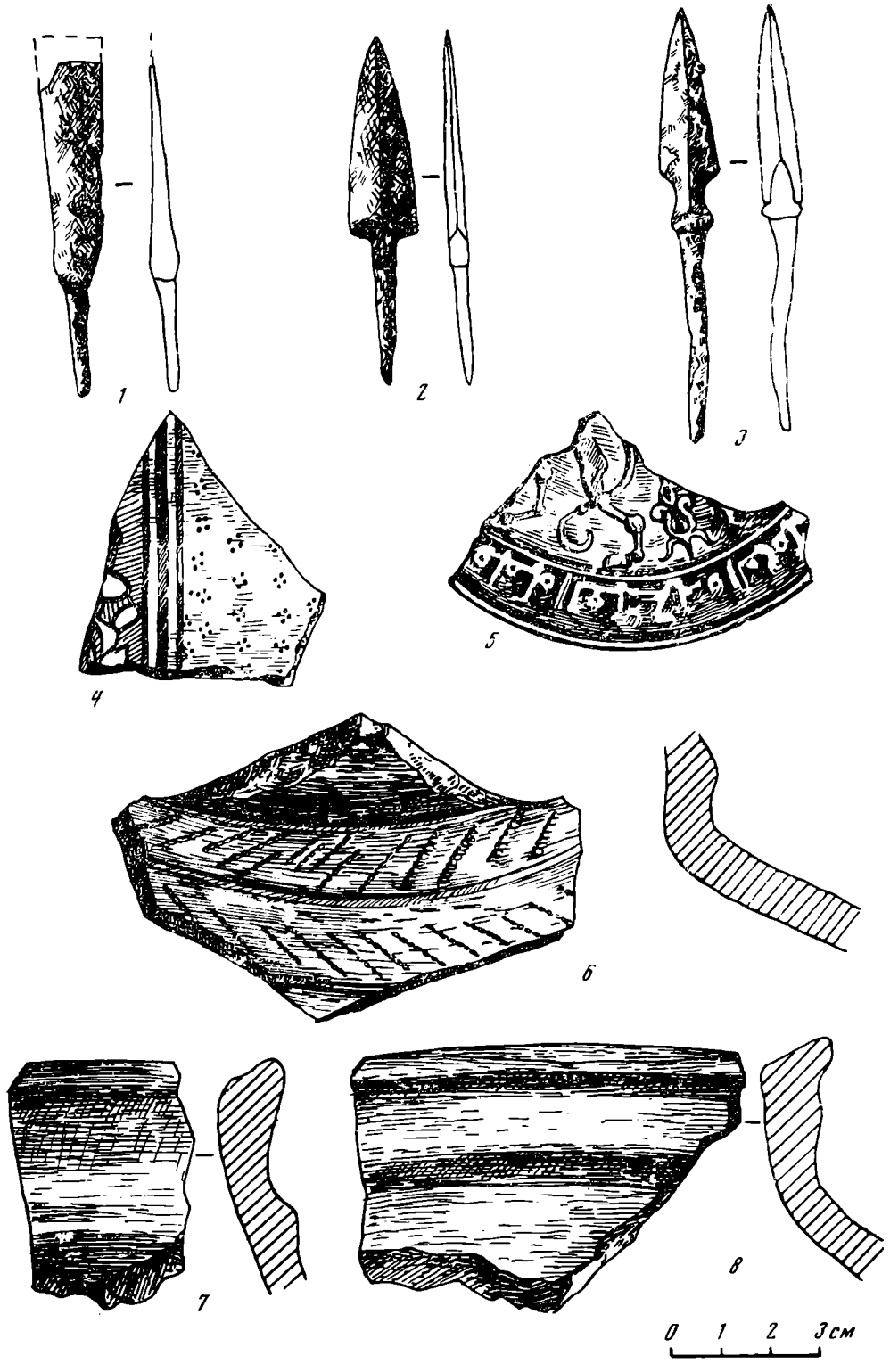


Рис. 3. Находки II слоя

1—3 — наконечники стрел; *4* — фрагмент поливной хорезмпйской чаши; *5* — обломок зеркала; *6—8* — обломки глиняной посуды; *1, 4—8* — пригород; *2—3* — цитадель

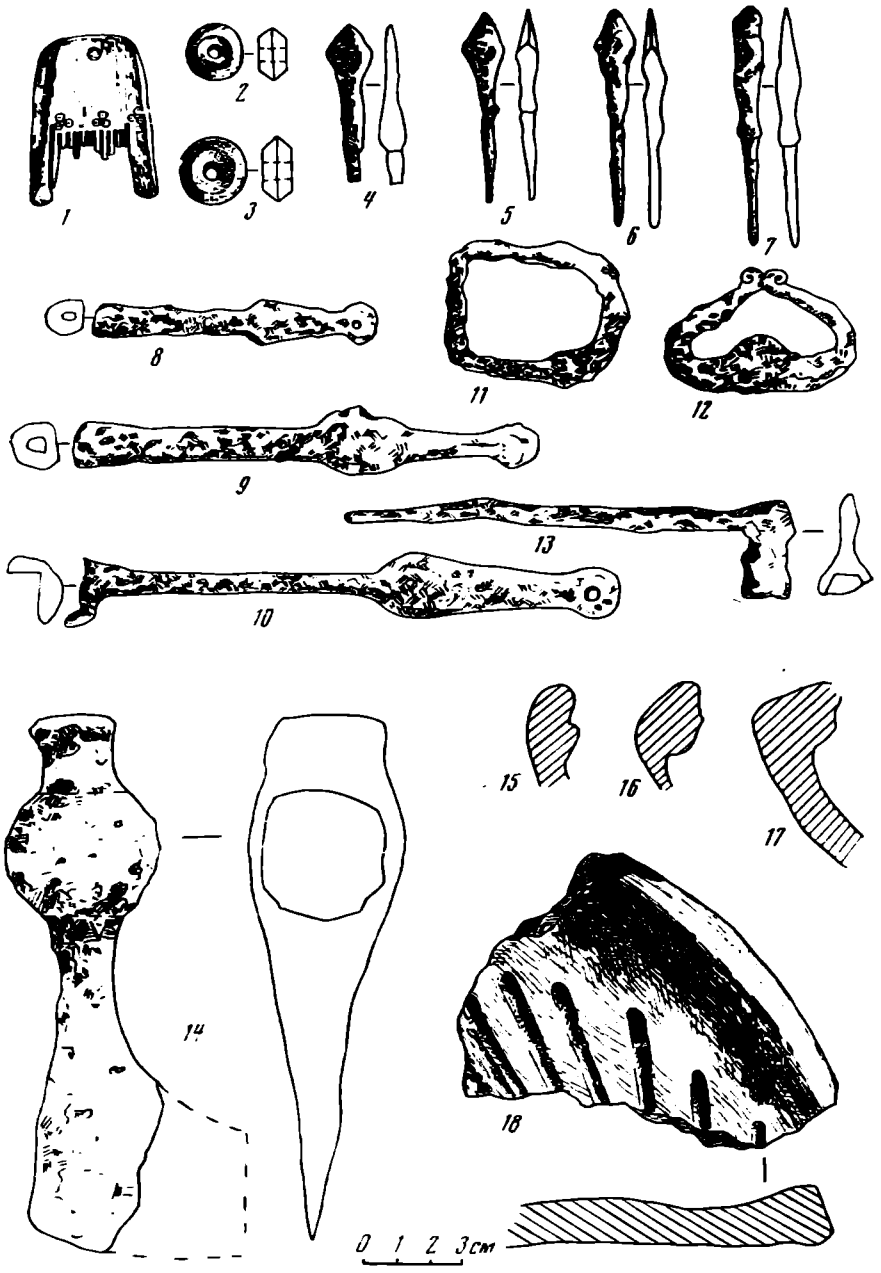


Рис. 4. Находки III слоя

1, 2, 5, 9—10, 12—16 — пригород; *3, 4, 6—8, 11, 17—18* — цитадель

IV слой — серая плотная супесь без видимых включений, прослежен лишь на пригороде. Мощность его на раскопе II 1971 г. и в северной части раскопа I 1970 г. от 5 до 12 *см*. Южнее он выглядит более мощным, но нижняя часть его совсем не содержит находок. Этот слой переходит в материковые напластования в виде суглинка или подзола и представляет собой переработку почвенного слоя, связанную с возникновением поселения. Находки в нем чрезвычайно редки и представлены обломками булгарской глиняной посуды домонгольского облика и костями животных. К верхней границе этого слоя, прорезая его, относится ряд погребений в южной части I раскопа 1970 г. на пригороде. Это погребения наиболее ранней части городского кладбища, синхронные, по-видимому, образованию нижнего горизонта III культурного слоя начала домонгольского периода истории города (рис. 2).

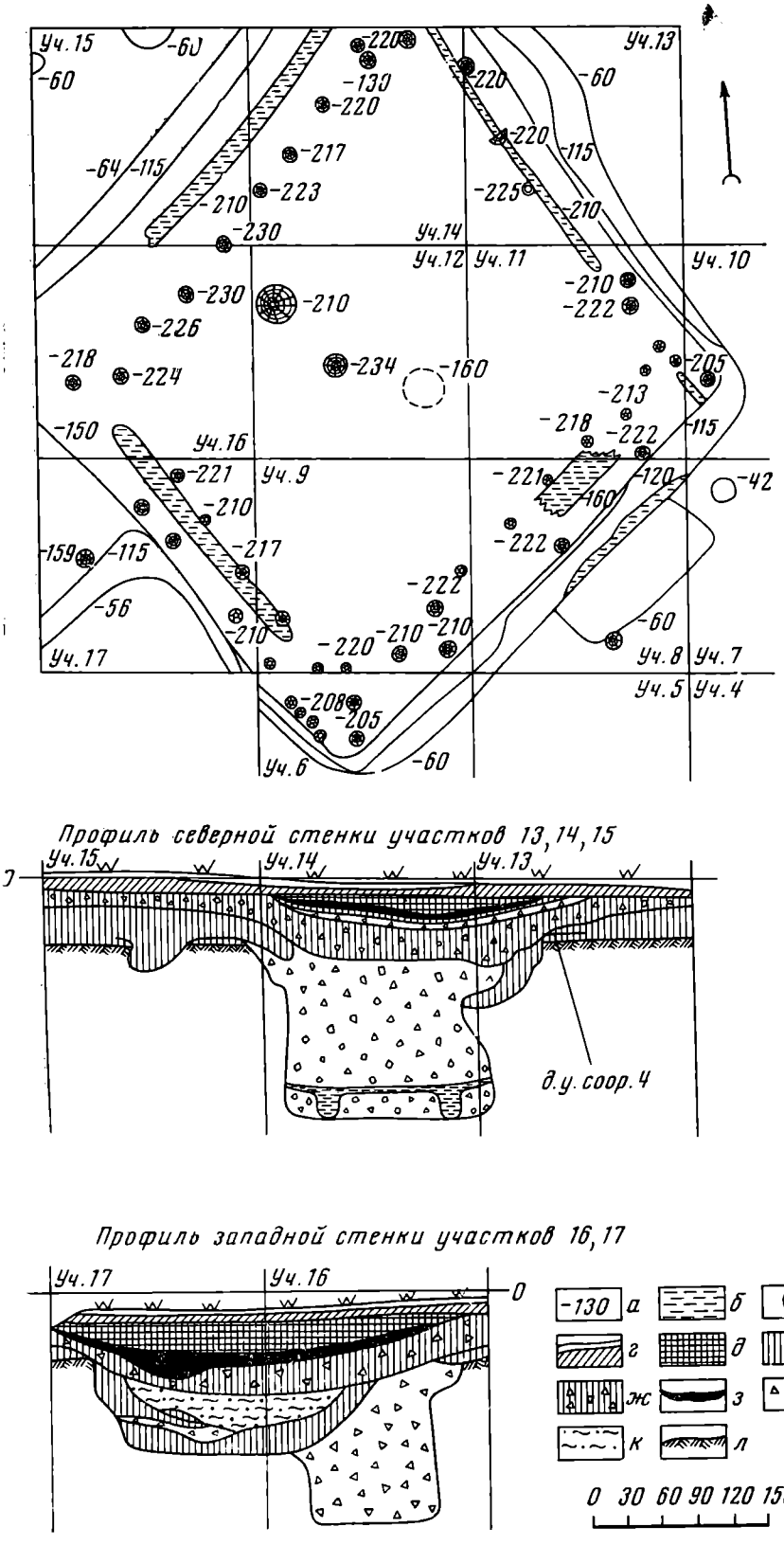


Рис. 5. Сооружение 4 раскопа III 1972 г. на цитадели

а — глубина от нулевой горизонтали; *б* — древесная труха; *в* — пятна столбовых ям; *г* — I слой — дерн и слой пашни; *д* — II — серая супесь; *е* — III — буро-серый суглинок; *ж* — супесчано-суглинистый грунт с известковой крошкой; *з* — разложившийся уголь в грунте; *и* — каменистая крошка; *к* — золистая супесь; *л* — материк

Прежде чем перейти к анализу содержания культурных напластований города, необходимо подчеркнуть, что слой культурных напластований золотоордынской эпохи сильно пострадал от времени. В результате вспашки были уничтожены постройки, измельчен, поднят на поверхность и выбран за многие годы большой вещевой материал. На вскрытой площади лишь остатки одной небольшой постройки в виде ленточного фундамента (сооружение 2 раскопа III 1972 г. на цитадели) могут быть предположительно отнесены к золотоордынскому периоду, хотя, по сведениям В. Н. Татищева, это было «великое городище, где и каменного здания остатки многие были видимы» [14], да и по рассказам местных старожилов, много тесаного камня было сброшено под обрыв с площади городища за годы многолетней вспашки на его территории.

В результате проведенных работ больше данных получено для домонгольского города. Для его характеристики имеются остатки 39 различных сооружений, 12 из них восходят к нижнему раннему его горизонту, 27 сооружений — к верхнему позднему. Постройки ранней поры жизни города обнаружены на цитадели как на раскопах в северо-западной части ее (раскоп I, III), так и близ вала (раскоп IV); на пригороде же — только в его прибрежной части на раскопе II 1971 г. Эти постройки образуют один-два, а на раскопе у вала даже три строительных горизонта. Более поздние постройки верхних напластований слоя прослежены на всех раскопах и также дают два-три строительных горизонта.

Постройки ранней поры истории города представлены жилыми и хозяйственными сооружениями. Жилые по своему характеру различны. На раскопе III 1972 г. на цитадели вскрыта землянка с дневным уровнем в основании нижнего горизонта III слоя, т. е. времени начала возникновения города (рис. 5, 6). Она подквадратная в плане с ориентировкой северо-запад — юго-восток, вырыта в каменистом известняковом грунте типа мергеля. Дно на пласте беловато-зеленоватой глины. Вход с юго-западной стороны, ближе к западному углу, с заглубленностью на 1 *м*. На юго-восточной стороне, ближе к восточному углу — признаки световой щели. Первоначальные размеры землянки на дневном уровне 5,4×5,6—5,8 *м* и глубина до 170 *см*. Стенки отвесные с 10—30-*см* уступом вдоль всех сторон на 60—70 см ниже дневного уровня. Стены облицованы досками или горбылями, которые закреплены в горизонтальном положении с помощью вертикальных столбиков, прослеженных по абрису землянки. Перекрытие землянки на основании следов крупного столба в центре ее можно представить как шатровое. Позднее глубина землянки уменьшена на 20—25 *см* путем подсыпки на ее первоначальное дно каменистой известняковой крошки с грунтом. Уменьшена и ее площадь до 16,8 $м^2$ путем создания новой конструкции стен из столбиков, поставленных на 50—60 *см* друг от друга и держащих деревянную конструкцию, возможно, в виде плетня, прослеженную по линии столбиков в виде гумированной полосы. Похоже, что изменена и конструкция кровли, так как в подсыпке пола прослежен след нового крупного столба, расположенного по центральной оси ближе к северо-западной стенке ее. При наличии еще одного столба по этой оси перекрытие можно было бы предположить как двух или четырехскатное. Следов печи внутри землянки не обнаружено (рис. 5).

На площади трех раскопов в северо-западной части цитадели синхронной землянке оказалась одна только яма типа погреба (сооружение 3 раскопа I 1970 г.), расположенная в 20 *м* от землянки. Погреб — подпрямоугольный в плане, площадью около 5 $м^2$ и глубиной 1,1—1,2 *м* с округлым дном (рис. 6).

Другая жилая постройка также начального этапа жизни города, восходящая к нижнему горизонту III домонгольского слоя, вскрыта на пригороде в прибрежной его части на раскопе II 1971 г. [15]. Эта постройка

[14] *В. Н. Татищев.* Ук. соч., стр. 469.

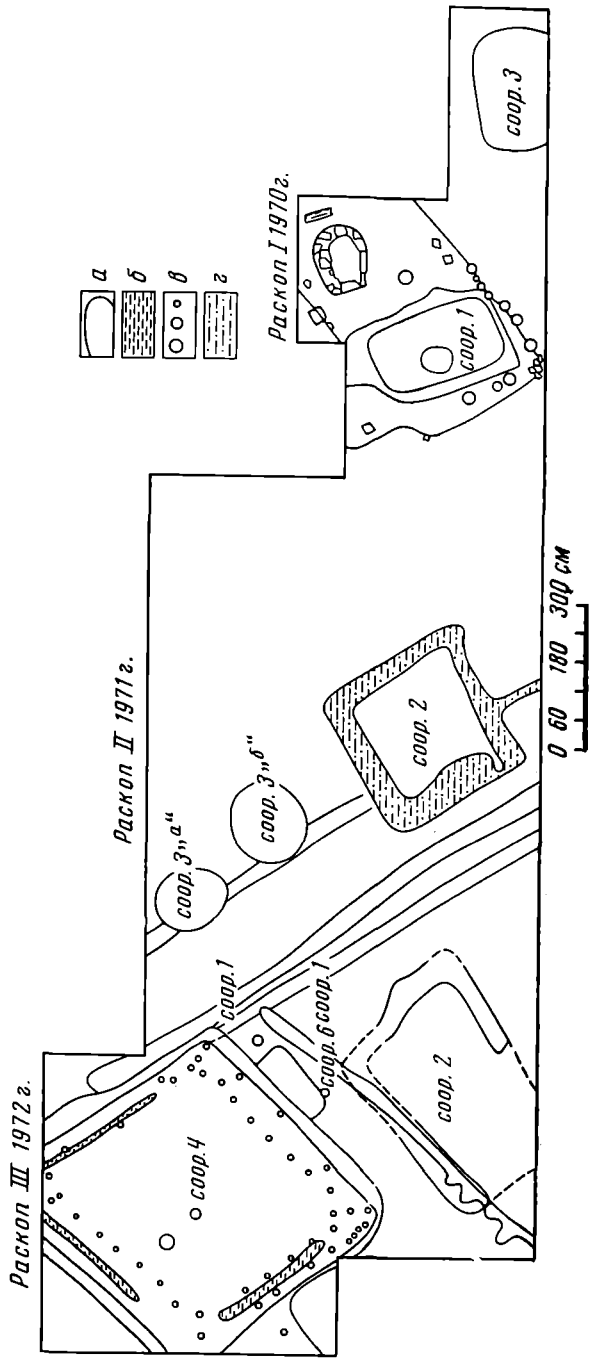
[15] Сооружение 10 по нумерации на раскопе (рис. 7).

представлена остатками печи, принадлежавшей дому, общие размеры и план которого не восстанавливаются из-за нарушенности его напластований в последующий период. Да и печь разрушена почти до уровня пода, а в центре еще и ямой от врытого в нее столба. Но некоторые конструктивные ее черты сохранились. Печь сооружена на глиняном основании 1,2 × 1,4 *м* подпрямоугольного плана. Первоначальная высота его в центре 14 *см*, по краям из-за подъема пода печи к стенкам — до 20 *см*. Затем в результате подмазок пода высота основания печи постепенно увеличивалась, достигнув после пятикратного ремонта 40 *см*. Стенки в основании сложены из известнякового камня и песчаника 6—10-*см* толщины, поставленного на ребро вертикально, с легким наклоном во внутрь. Непотревоженным сохранился лишь один ряд камней, но в развале печи были еще подобные же камни, возможно, от второго ряда стен. Они залегали среди кусков обожженной глины, которую можно связать с конструкцией верхней части стен и покрытия печи [16]. Форма печи прямоугольная. Внутренний размер по ширине первоначально 88 см, в дальнейшем 70—76 *см*. Продольный размер от задней стенки до края пода около 100 *см*. В передней части печи, у чела, обращенного к юго-западу, прослежена площадка-шесток шириной в 25 *см*, ограниченная глинобитным основанием печи и двумя ямками от столбов, забитых в него близ его углов. Столбы принадлежали, видимо, конструкции передней части печи (рис. 7).

Синхронным остаткам наземной постройки оказалось сооружение 6 на этом же раско-

Рис. 6. План размещения сооружений раскопов I—III на **цитадели**

а — контуры сооружений, *б* — древесная труха; *в* — пятна столбовых ям, *г* — суглинок



[16] Подобную конструкцию с частью глинобитной стенки в непотревоженном виде удалось проследить на Остолоповском селище в 16 *км* западнее Джуке-тау в 1969 г.

не, расположенное в 1,2 *м* севернее описанной печи. Это округлая в плане яма диаметром около 3 *м* вверху и 2,2 *м* в средней и нижней части, глубиной 1,25 *м*, представляющая собой, по-видимому, остатки подполья. Она имела плоское дно и жердевую конструкцию у стен. На этом раскопе можно указать еще на ряд других менее выразительных углубле-

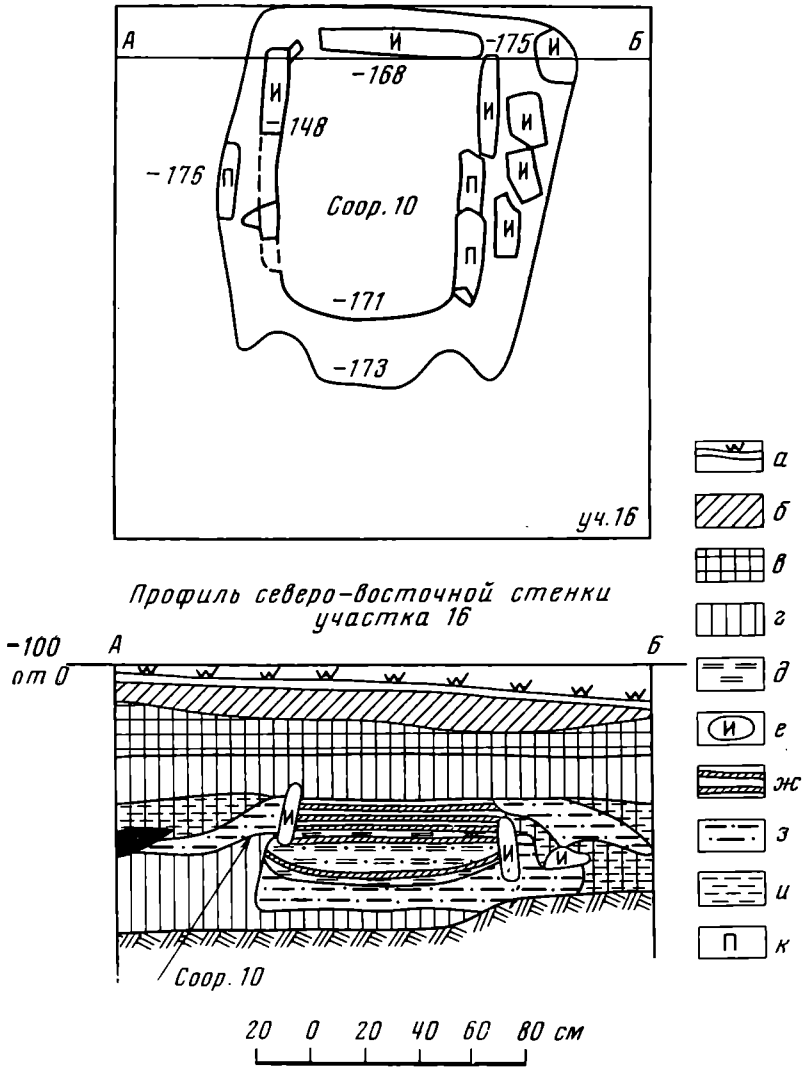


Рис. 7. Сооружение 10 раскопа II 1971 г. на территории пригорода
а — слой дерна; *б* — I слой — бурая супесь с древесными остатками; *в* — II слой — плотная серая супесь, темная; *г* — III слой — рыхлая буровато-серая супесь; *д* — обожженная глина; *е* — известняк; *ж* — корочка пода; *з* — суглинок; *и* — древесная труха; *к* — песчаник

ний и столбовых ям, сооруженных раньше или одновременно с описанными выше.

На раскопе близ вала цитадели (раскоп IV 1972 г.) вскрыто несколько ям хозяйственного характера (сооружения 4, 5б, 6, 6а, 7, 8), относящихся также к нижнему горизонту домонгольского слоя. Они все позднее землянки на раскопе III 1972 г. Вскрытым же на пригороде раннеболгарским постройкам часть из них одновременна, другие несколько позднее. Таковы раскопанные сооружения начальной поры жизни города. Они немногочисленны, хотя и разнообразны. Землянка и печь наземного дома, яма-погреб и подпольная яма.

Бóльшее разнообразие наблюдается среди сооружений верхнего горизонта домонгольского слоя города. Остатки дома с печью и подпольем открыты на раскопе I 1970 г. в северо-западной части цитадели (сооружение 1). Дом площадью 3×5 *м* (рис. 6, 8) ориентирован на северо-восток — юго-запад. Он был слегка, на 10—12 *см* заглублен в грунт. Вход с северо-западной стороны, близ западного угла, выявлен в виде тамбура с заглубленностью подобно всей площади дома длиной 1,3 *м* при ширине не менее 1,3 *м*, не более 2 *м*. Печь у северо-восточной стенки близ северного угла, слева от входа. В юго-западной половине дома размещалось подполье. Конструкцию стен дома можно представить в виде сруба, уложенного на известняковые камни, прослеженные в южном и западном углах дома и у длинных его сторон посередине. Остатки нижнего венца сруба от северо-восточной стенки сохранились в виде обугленного бревна. В южной части дома вдоль стенок прослежены ямки от столбов, каким-то образом связанных с конструкцией дома. Следы крупных столбов, прослеженные по центральной долевой оси дома, позволяют представить кровлю его двускатной.

Печь почти уничтожена пашней, сохранилась лишь в самом основании. Она имеет подковообразную в плане форму. Внутренний ее размер 1,1×0,4 *м*, у чела — 0,6 *м*, в наиболее широкой части; внешний — 1,3×0,8—1 *м*. Конструкция близка описанной выше печи с пригорода. Основание печи глинобитное, но на этот раз в сочетании с камнем. Уложено непосредственно на культурный слой. Высота основания первоначально 10—12 *см*, а в дальнейшем после ремонта до 18—20 *см*. Стенки сложены из известнякового и песчаникового камня, уложены на ребро и плашмя. Прослежен двойной под в виде сильно прокаленных, 2—3-*см* толщины, корочек. Чело печи обращено к юго-западу, к входной части дома и подполью.

Подполье — подпрямоугольной формы яма с покатыми (от разрушенности) вверху и отвесными в нижней части стенками. Размер близ уровня пола 2 × 2,8 *м*, у начала отвесных стенок и до дна 1,6 × 2,55 *м*; глубина 1,8 *м*. Дно ровное, плоское с заглубленностью в 25 *см* на площади 48× ×58 *см* в центре. Признаков конструкции стен не прослежено. Следы деревянного перекрытия подполья прослежены в виде углистой прослойки в заполнении его.

Жилье имело пол из субструкции в виде известняковой крошки с суглинком и скрепляющим раствором типа алебастра. Развал дома, заполнившееся подполье перекрыты слоем пожарища, завершающего домонгольские напластования города (рис. 8). Это дает основание относить существование дома и даже его разрушение ко времени до событий 1236 г., возможно, что это XII в. Вещевой комплекс дома не противоречит этой дате. Дом уничтожен пожаром. Сохранившиеся остатки его наземной конструкции обожжены или превратились в углистую прослойку.

Следы наземных построек с заглубленностью до 40 *см* в грунт, стратиграфически близкие по времени и также уничтоженные сильным пожаром, прослежены на пригороде, на раскопе II 1971 г. Это сооружения 1 и 2, по остаткам которых, попавшим в раскоп, можно представить лишь их подпрямоугольную в плане форму со сторонами 4,5—6 *м*, ориентировку север — юг или восток — запад и наличие столбовой конструкции по абрису сооружений.

На этом же раскопе и на раскопе I 1970 г. на пригороде, а также на раскопе IV 1972 г. у валов цитадели наблюдаются следы дотла сгоревших в пожаре 1236 г. наземных жилых сооружений с развалами глинобитных печей, следами столбовой конструкции в них, с подпольями. В раскоп они попадали лишь небольшой частью и не могут быть реконструированы.

С верхним горизонтом домонгольского слоя связано вскрытое на цитадели на раскопе I 1970 г. и на раскопе II 1971 г. сооружение 2 иной конструкции. Сохранившаяся часть представляет собой заглубленную в зем-

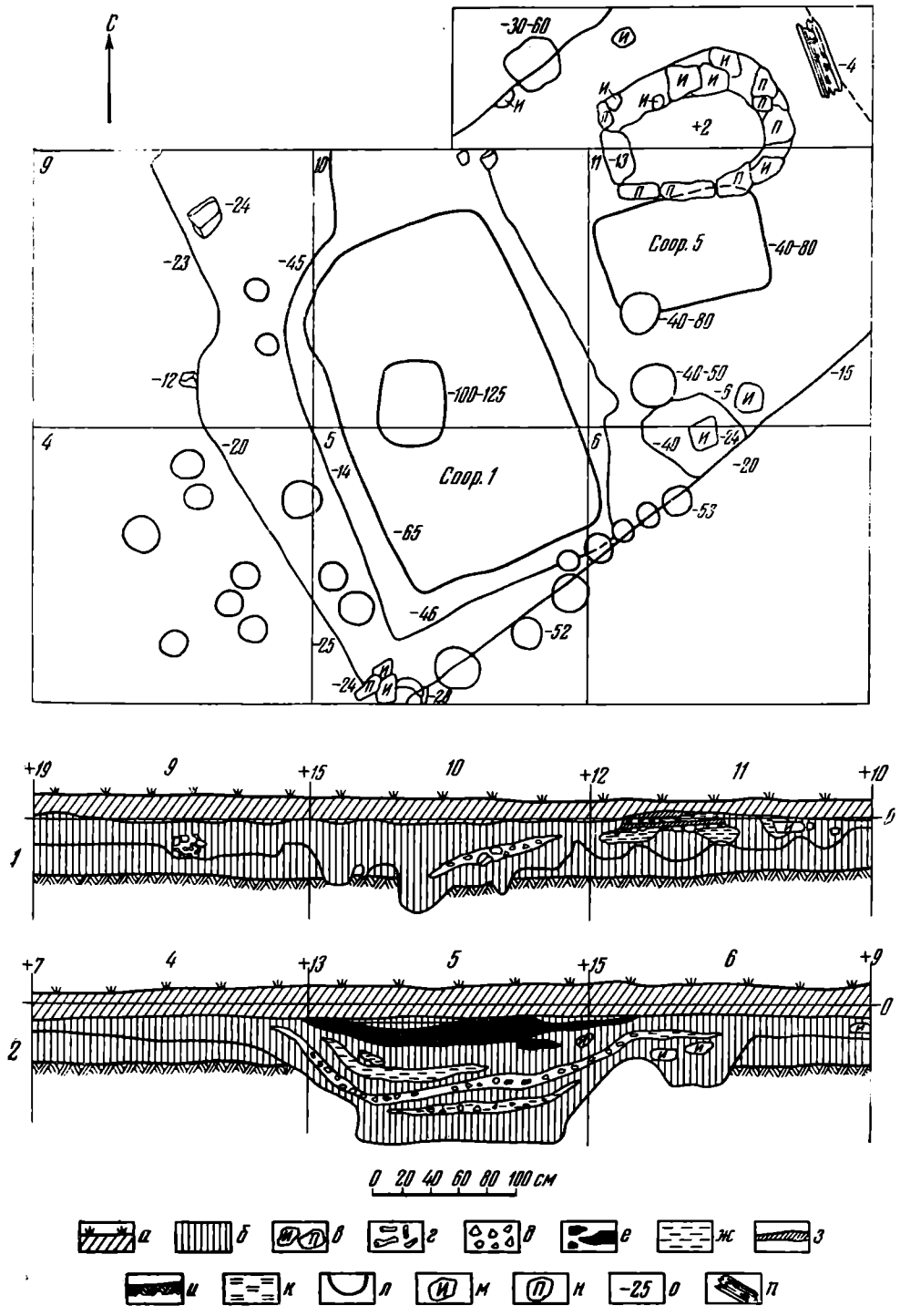


Рис. 8. Сооружение 1 раскопа I 1970 г. на цитадели

1 — профиль северной стенки кв. 9, 10, 11; *2* — профиль северной стенки кв. 4, 5, 6; *а* — слой пашни; *б* — буро-серая рыхлая супесь; *в* — камни; *г* — кости; *д* — известковая крошка; *е* — уголь; *ж* — необожженная глина; *з* — под печи; *и* — материковый бурый суглинок; *к* — обожженная глина; *л* — границы пятен; *м* — известняк; *н* — песчаник; *о* — глубина от 0; *п* — бревно обугленное

лю постройку с глинобитными стенами. Квадратный в плане котлован сооружения со сторонами 3 и 2 *м* имел отвесные стенки и плоское дно. Глубина его 0,9—1,1 *м*. Глинобитные, очень плотные стены постройки сооружены по абрису котлована. Они сложены из желтого суглинка с сильно измельченными известняковыми включениями. Толщина стен равна 40—60 *см*, сохранившаяся высота 85—90 *см*. Площадь сооружения, ограниченная глинобитной стеной, около 5 $м^2$. Глинобитные стены с внутренней стороны имели, возможно, крепящую их деревянную конструкцию. Следами ее представляется паз в массиве юго-западной стенки близ южного угла, как бы продолжение в массив стены облицовки юго-восточной стены постройки. Есть основание предполагать, что план этой постройки не ограничивался вскрытым помещением. К юго-восточной стенке сооружения, перпендикулярно к ней, примыкала часть глинобитной прямоугольной конструкции, уходящей к югу, в стенку раскопа I 1970 г. (рис. 6).

От наземной части сооружения не сохранилось ничего, кроме ямки от столба в 1 *м* от северо-западной стены постройки. Но наличие ее можно предположить. Создание глинобитных очень прочных и массивных стен сооружения ради заглубленной в землю части постройки представляется неоправданным. Материковый грунт, в который заглублена постройка, достаточно плотный суглинок. Он с успехом мог служить ее стеной. Вероятнее предположить назначение глинобитной конструкции как несущей нагрузку. Возможно, постройка была двухъярусной, где нижняя заглубленная в землю часть имела хозяйственное назначение, а верхняя, наземная, для которой глинобитная конструкция служила фундаментом, была жилой.

Хозяйственные сооружения верхнего горизонта домонгольского слоя представлены ямами-погребами, ямой-зернохранилищем и другими ямами. К первым относятся сооружения 3а и 3б на раскопе II 1971 г. (рис. 6) на цитадели и сооружениях 1 и 6 на раскопе I 1970 г. на пригороде. Они имеют плоское дно, подцилиндрическую боченкообразную в сечении форму или в виде усеченного конуса с округлым переходом от дна к стенкам. Глубина ям от 0,7 до 1,7 *м*. Диаметр устья 1,1—1,4 *м;* наибольший диаметр, который приходится на середину или нижнюю половину ямы — 1,2—1,9 *м*. Яма-зернохранилище вскрыта на пригороде в раскопе I 1970 г. Округлая в плане с диаметром устья 0,9 *м*, глубиной 1,6 *м* она имела колоколовидную форму и округлое дно. Наибольший диаметр ямы близ дна 1,3 *м*. Вырыта в материковом суглинке. Дно и переход к стенкам имеет прокал от обожженности. На дне — жженая солома. Яма восходит к основанию верхнего горизонта домонгольского слоя. Ряд других вскрытых раскопами ям менее выразителен. Подцилиндрической или чашевидной формы, диаметром около 1 *м* при небольшой глубине, они имели различное назначение. Непонятна яма дромосовидной формы на раскопе IV 1972 г. у валов цитадели.

Верхний горизонт домонгольского слоя на раскопах II 1971 г. и III 1972 г. в северо-западной части цитадели дал сооружения (1 — раскоп II и III 1971—72 гг. и 6 — раскоп III 1972 г.) в виде канавок прямолинейного плана протяженностью 5,8—7,4 и 11 *м*, глубиной 30—50 и 80—110 *см* при ширине 25—30 *см* в основании и до 40—50 *см* в верхней части (рис. 6). Стенки канавок отвесные или покатые, дно плоское ровное или на сужении округлое и неровное, местами с большой заглубленностью. Канавки заполнены плотным суглинисто-супесчаным грунтом и известняковой крошкой типа мергеля. У края одной из канавок прослежены полудуги нескольких столбовых ям с аналогичным заполнением, дно которых было на уровне дна канавок. Большая протяженность при прямолинейности, небольшая ширина, утрамбовка плотным грунтом и наличие явных следов столбовой конструкции по краю одной из них позволяют рассматривать эти сооружения как остатки изгородей типа частокола. Вскрыто три канавки, имеющие направление северо-запад—юго-восток, и одна

перпендикулярная им. Они разновременны, хотя все связаны с одним стратиграфическим горизонтом.

Осталось указать еще на одно сооружение, вскрытое раскопом III 1972 г. на цитадели — сооружение 2 в виде остатков ленточного фундамента под наземной постройкой. Фундамент создан из грунта культурного слоя с большим количеством мелкого известняка. Прямоугольное в плане с внешними размерами 2,8—3×4—4,4 *м* сооружение ориентировано длинной стороной северо-восток—юго-запад (рис. 6). Ширина фундамента 40—60 *см*, прослеженная глубина 30—35 *см*. Но дневной уровень постройки срезан пашней и поэтому истинная глубина его не восстанавливается. По этой же причине не устанавливается время постройки точнее, чем конец домонгольского или золотоордынский период. Но она не может быть раньше конца домонгольского периода, так как канавка под фундамент вырыта в домонгольском слое.

Несколько слов о планировке, синхронизации и строительных горизонтах построек на цитадели. Размещение их на общем плане раскопов I—III свидетельствует о строгой выдержанности в их ориентировке (рис. 6). Как самые ранние, так и самые поздние сооружения ориентированы с северо-востока на юго-запад или с юго-востока на северо-запад. Такова же и ориентировка остатков дома на раскопе IV близ валов. Это, по-видимому, отражение общего плана застройки площади цитадели. Такая ориентировка соответствует направлению края мыса со стороны Килевки.

Из числа вскрытых на цитадели сооружений статиграфически могут быть синхронизированы и определены хронологически относительно друг друга от наиболее ранних к наиболее поздним следующие сооружения: I — сооружение 3 раскопа I 1970 г. и 4 раскопа III 1972 г. — нижний горизонт III слоя, основание; II—сооружения 4, 5б, 7, 8 раскопа IV 1972 г.— нижний горизонт III слоя и его завершение; III — сооружение 2 раскопов I—II 1970—1971 гг. и одна из канавок сооружения 1 раскопа II 1971 г.— основание верхнего горизонта III слоя; IV — сооружение 1 раскопа I 1970 г., 3а, 3б раскопа II 1971 г. и одна из канавок сооружения 1 раскопов II—III 1971—1972 гг.—верхний горизонт III слоя; V—сооружение 2 раскопа IV 1972 г.— завершение верхнего горизонта III слоя; V — сооружение 2 раскопа III 1972 г.— завершения III или II слоя.

На пригороде на вскрытой площади можно определить планировку лишь двух построек, на основании которых судить о планировке на пригороде еще преждевременно.

Синхронизация сооружений на пригороде по стратиграфическим данным выглядит следующим образом: I — сооружения 5, 8 раскопа II 1971 г.— нижний горизонт III слоя; II — сооружения 6 и 10 раскопа II 1971 г.— завершение нижнего горизонта III слоя; III—сооружения 1, 3, 5, 6, 9 раскопа I 1970 г.—основание верхнего горизонта III слоя; IV—сооружения 1, 2 раскопа II 1971 г. и сооружение 7 раскопа I 1970 г.—верхний горизонт III слоя; V—пласт пожарища на обоих раскопах, завершающий верхний горизонт III домонгольского слоя.

Таким образом, как на цитадели, так и на пригороде наблюдается пять строительных горизонтов на протяжении домонгольского периода существования города, Это свидетельствует об интенсивной строительной деятельности и жизни в городе в ту эпоху, особенно во второй половине ее. О последнем можно судить и на основании роста плотности застройки. Исходя из данных синхронизации построек, плотность застройки вскрытой площади города в начальный период жизни его такова, что на каждое сооружение приходится 40 $м^2$ и более. В последующее время плотность застройки растет как на цитадели, так и на пригороде. В период образования верхнего горизонта III слоя на каждое сооружение приходится уже около 25 $м^2$. И это при ощутимом увеличении в этот период территории пригорода.

Интересно для суждения о жизни домонгольского города Джуке-тау размещение вещевого материала. В приведенной ниже таблице оно пред-

ставлено по слоям золотоордынского (пашня — II слой) и домонгольского (III—IV слои) периодов по раскопам, по пригороду и цитадели вместе. В ней отражены находки обломков глиняной посуды, вещей и костей животных. Не включены лишь немногочисленные находки шлака, обломков кирпича и глиняной обмазки. Картина получается очень выразительная: домонгольские слои оказываются насыщенными вещевыми остатками гораздо больше, чем золотоордынские напластования. Конечно, надо учесть, что поднятые пашней поздние напластования города лишились большого числа предметов, которые в течение длительного времени прежде всего привлекали собирателей древности. Но на количестве керамических находок и костей животных это сказалось, по-видимому, незначительно. Зато, рассматривая данные таблицы, надо еще учесть и другие явления, уже не уменьшавшие, а увеличивающие количество материала золотоордынского слоя. Это попадание части материала домонгольских напластований в задевшей их слой пашни, содержание которой целиком внесено в слой золотоордынского времени. Поэтому исходные цифровые показатели, по крайней мере на керамику и кости животных, должны быть несколько меньше. Кроме того, в слое многолетней пашни материал, естественно, более измельчен, чем в нижележащих напластованиях и за счет этого число единиц керамических и костных находок в нем также увеличилось.

На основании приведенных в таблице данных и при учете вышеизложенного мы вправе говорить о большей насыщенности домонгольских напластований г. Джуке-тау вещевым материалом, чем слоя золотоордынского времени. Содержание же культурных остатков — отражение интенсивности жизни в тот или иной период. Поэтому, опираясь на вещевой материал, как и на данные застройки, можно говорить об активной жизнедеятельности населения города в домонгольский период. Если рассматривать содержание материала по горизонтам слоя, то наибольшая насыщенность наблюдалась в верхнем горизонте III домонгольского слоя. Нижний горизонт содержал лишь около четверти всех находок слоя, а IV слой дал всего лишь несколько десятков обломков керамики и костей животных. Сравнивая же количество материала с пригорода и с цитадели, что представляется возможным при равенстве вскрытой на них площади, следует сказать, что для золотоордынского периода оно примерно равно. Для домонгольского же времени на цитадели его несколько больше.

Не углубляясь в сравнения, хочу подчеркнуть еще раз, что г. Джуке-тау существовал на протяжении всего домонольского периода, и если в начале он еще сравнительно невелик и не очень плотно застроен, то к середине эпохи это уже достаточно большой, площадью в 160 — 180 тыс. $м^2$, живущий интенсивной жизнью город. Насыщенность строениями и материалом росли на протяжении домонгольского времени, несмотря на расширение территории пригорода. Город золотоордынской поры дает иную картину напластований. Частично это связано со значительным территориальным ростом. Площадь пригорода на протяжении золотоордынского времени выросла почти что втрое. Но были, по-видимому, и другие факторы, выяснение которых требует специального изучения.

Мнение о г. Джуке-тау как о городе золотоордынской эпохи возникло на основании содержания случайных в основном дореволюционных собраний и на упоминании его летописями, начиная только с середины XIV в. Но содержание старых собраний, естественно, складывалось главным образом из предметов золотоордынского периода, поскольку они происходили в основном с поверхности памятника — из пахотного слоя, переработавшего верхние поздние напластования города.

Что касается русских летописей, то их упоминания относятся ко времени выхода Жукотина и жукотинских князей на политическую арену истории Булгарии. Началось это, видимо, еще в домонгольский период и было связано, по-первых, с созреванием условий для возникновения удельного княжества и, во-вторых, со столкновениями с русскими, начавшими с конца

Слои	Пригород						Цитадель					
	Раскоп											
	I 1970 г.			II 1972 г.			I 1970 г.			II 1971 г.		
	керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных
II нетронутый				1063	17	1066						
Пашня и остатки II слоя	1685	9	1080				911	14	1008	751	7	877
III—IV	1948	49	1793	1751	19	3478	924	41	1308	806	10	1068

XII —начала XIII в. проникать вверх по Каме на Вятку и стремившимися на протяжении последующего времени, обосновавшись на Вятке, к более прочному положению в низовьях Камы.

Взаимоотношения булгарского населения Прикамья с русскими, мирные в конце XII в., при начале их движения по Каме и на Вятку, впоследствии усложняются. Поход русского войска на булгар в 1220 г. сопровождается, по сведениям русских летописей, разорением и сожжением ряда городов и сел на Каме, совершенных устюжанами. Города при этом не названы. Город Жукотин еще, видимо, не выделяется среди других городов в этих взаимоотношениях. Набеги 1359, 1391 и 1409 гг. направлены новгородскими, вятскими, устюжскими ушкуйниками уже непосредственно на Жукотин. Надо думать, что в этот период Жукотин чинил какие-то препятствия вятским и новгородским ушкуйникам при движении по Каме. История вопроса о проникновении русских вверх по Каме, на территорию Булгарии и далее за ее пределы позволяет думать, что эти столкновения связаны со стремлением одних утвердиться на Каме, а других — препятствовать этому.

Сведения русских летописей о Жукотине и его князьях для XIV—начала XV в., связанные с его значением в политической жизни страны и политическими событиями, выходящими за пределы ее, не могут отрицать значения Жукотина в предшествующее время для внутриэкономической и культурной жизни Булгарии.

Уже в домонгольский период, по крайней мере во второй половине его, Джуке-тау представляется культурным и экономическим центром Нижнего Прикамья. К нему в культурном отношении тяготеют многие памятники округи, обнаруживающие наличие тех своеобразных черт культуры района, которые особенно ярко выступают в Джуке-тау прежде всего в его керамике, но также в строительных приемах некоторых его сооружений и других элементах материальной культуры.

Не имея возможности охарактеризовать в настоящей статье это своеобразие во всех его проявлениях, отметим кратко лишь особенности керамического комплекса. Они состоят прежде всего в том, что большую часть его (до 50—60%) составляет посуда, получившая название «тип джуке-тау». Эта посуда выделана из теста с хорошо заметным песком на кругу или вручную. В технике изготовления характерной чертой ее является срезание глины снаружи на тулове ножом в горизонтальном направлении. Поверхность посуды шероховатая, без лощения. Форма в виде чаш и горшков с округлым дном, с подцилиндрической или раструбообразной горловиной, нередко с вертикальной дугообразной ручкой на тулове. Орнаментирована она лишь по плечику многорядной волной, от очень мелкой до довольно крупной, часто нанесенной с наклоном.

Керамический комплекс Джуке-тау заметно отличается от других памятников Волжской Булгарии гораздо большим количеством посуды при-

по слоям и раскопам

Цитадель						Всего						Всего		
Раскоп														
III 1972 г.			IV 1972 г.			на пригороде			на цитадели					
керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных	керамика	вещи	кости животных
940	1	2070	612	—	226	2748	26	2146	3214	22	3113	5962	48	6327
2438	54	9134	812	12	826	3699	68	5271	4980	117	12336	8679	185	17607

камско-приуральских истоков. Это лепная чашевидная посуда, из теста с толченой раковиной или с песком, с хорошо выраженной подцилиндрической и раструбообразной горловиной, с отпечатками веревки или резными линиями по шейке и гребенчатым штампом по плечику.

Обращает на себя внимание в лепной керамике Джуке-тау котлообразная круглодонная посуда с крупногребенчатым орнаментом по плечику и с дугообразной вертикально поставленной ручкой на тулове, частично орнаментированной гребенчатыми отпечатками.

Общеболгарской ремесленной лощеной посуды в керамическом комплексе Джуке-тау около трети от общего количества, но и в ней есть определенные черты своеобразия, связанные с характерностью и распространенностью для этого памятника керамики типа джуке-тау.

Указанные черты своеобразия керамического комплекса Джуке-тау, обнаруженные во многих памятниках Нижнего Прикамья[17], свидетельствуют о тесном экономическом и культурном общении населения, их оставившего. Значение Джуке-тау как политического, экономического и культурного центра округи в условиях созревания феодальных отношений в период предшествующий монгольскому нашествию, по-видимому, было достаточно велико. Разорение его Батыем наряду с разорением Великого города, известное нам из сообщения В. Н. Татищева и в результате археологических исследований, явное тому свидетельство.

T. A. Khlebnikova

SUR L'HISTOIRE DE LA VILLE DE JOUKOTINE (DJOUKE — TAOU) A L'EPOQUE PREMONGOLE (D'APRES LES PROSPECTIONS DE 1970—1972)

Résumé

Avant les prospections de 1970—1972 les renseignements sur la ville bulgare de Joukotine (Djouké — taou) étaient fournis par les trouvailles fortuites provenant pour la plupart des terres en labour contenant les niveaux récents déplacés de Horde d'Or et des chroniques russes de la deuxième moitié du XIV — début du XV siècles. Les prospections de 1970—1972 ont complété considérablement les données sur la période prémongole de l'existence de la ville. On estime actuellement qu'il prend son origine au début de la période prémongole. On a réussi à suivre la topographie historique de la ville durant le X — début du XIV siècles, les traits caractéristiques et le degrès de la construction, les vestiges matériels contenus dans les niveaux d'habitation. Ces données témoignent de l'intensification de la vie citadine dans la ville qui en Bulgarie volgienne prémongole jouait le rôle du centre économique et culturel du bas cours de Kama.

[17] *Т. А. Хлебникова.* Алексеевское городище (к вопросу о своеобразии раннеболгарской культуры Нижнего Прикамья). Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971, стр. 156 сл.; *ее же.* Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья. СА, 1974, 1.

Л. Л. ГАЛКИН

КЕРАМИЧЕСКИЕ ГОРНЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА АЗАКА

В 1971 г. при строительных работах в привокзальной части г. Азова были обнаружены остатки двух керамических горнов. Они располагались в западной части котлована, приготовленного под фундамент дома № 5 по ул. Макаровского. Площадь котлована 100 × 12 *м*. Глубина около 4 *м*.

Горн 1 был почти полностью разрушен экскаватором. Однако сохранившиеся остатки в северной бровке котлована дали возможность частично восстановить его конструкцию. Горн был двухъярусным, круглым в плане. Его топочная камера была вырублена в плотной материковой глине на западном берегу древней неширокой балки (около 6 *м* шириной), которая прослеживается в северной бровке котлована (рис. 1).

Обжигательная камера была сложена из сырцового кирпича, размеры которого установить не удалось. Диаметр пода топочной камеры составлял 225, высота — 135 *см*. Высота обжигательной камеры прослеживается на 115 *см* над ее подом. Диаметр обжигательной камеры 140 *см*. Продухи не сохранились. Толщина свода топочной камеры достигала 25—30 *см*. Свод имел сферическую форму. Внутренняя часть камеры ошлакована. Слой шлака на стенках 2—3 *см*.

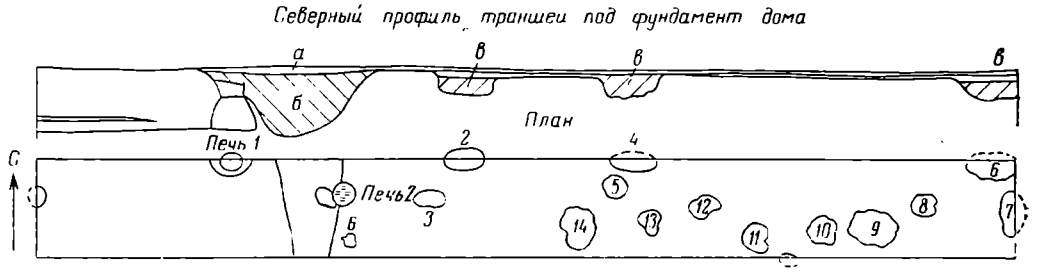


Рис. 1. План строительной траншеи и расположенных в ней гончарных печей и зольных ям (1—14)

а — современный мусорный слой; *б* — заполнение древнего русла, *в* — культурный слой золотоордынского времени

Под топочной камеры снивелирован и представлял собой плотную ошлакованную поверхность толщиной 5 *см*. Материковая глина ниже пода прокалена на глубину до 10 *см*.

Зольный слой мощностью 10—12 *см* лежал, на поверхности пода. Судя по остаткам золы, для обжига использовался камыш [1].

[1] Камыш в Азове — традиционное топливо для обжига керамики. По словам местных гончаров, им пользовались в этих целях в 20—30-х годах XX в.

Во время обследования керамических горнов, открытых при строительных работах в г. Азове по ул. Калинина, среди золы встречались неполностью сгоревшие стебли камыша, что наблюдалось и в наших раскопках горна 1. См. *Л. М. Казакова.* Отчет о работах, проведенных Азовским историко-краеведческим музеем в ходе наблюдений за земляными работами в г. Азове с сентября 1961 г. Рукопись хранится в Архиве музея.

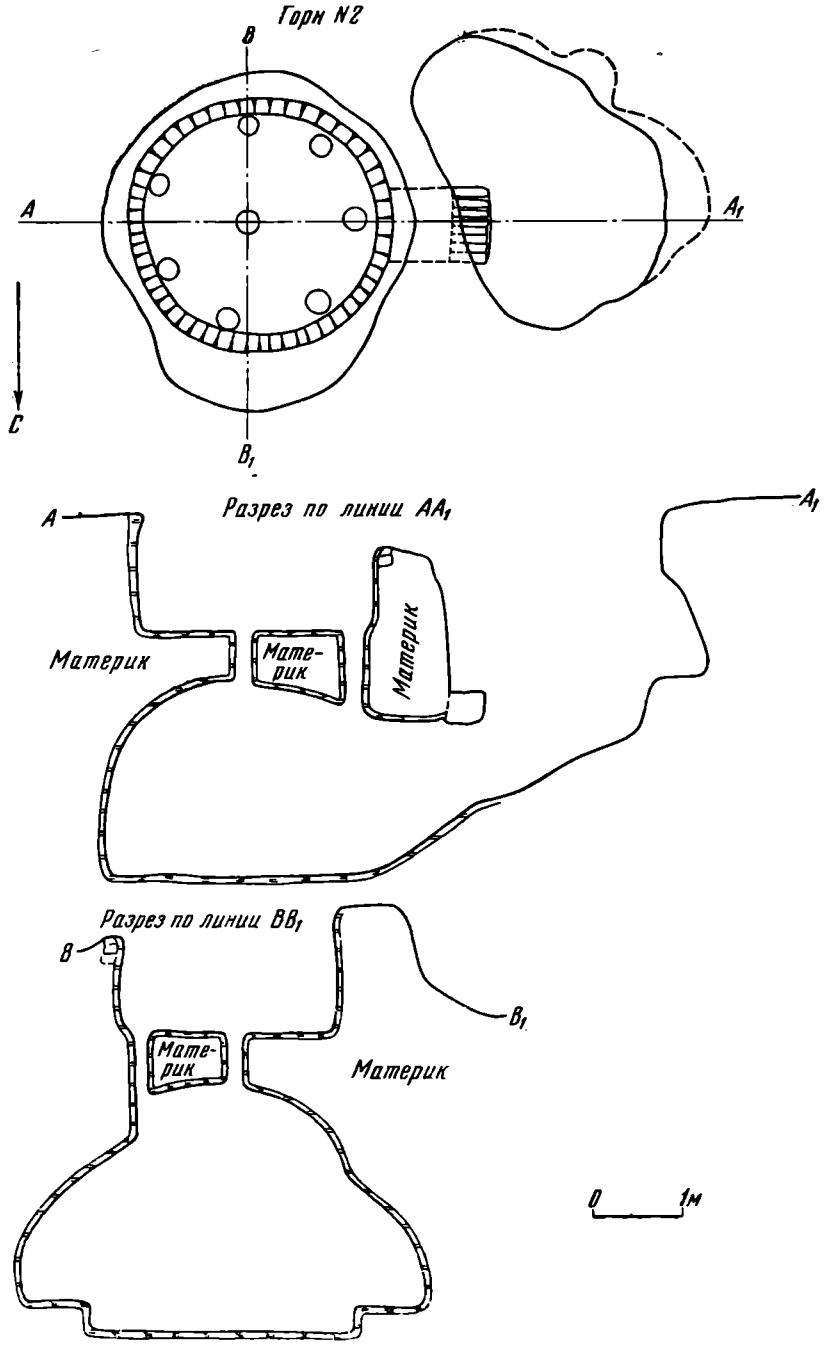


Рис. 2. Гончарная печь 2 (план и разрез)

Топочная камера была заполнена красноватым суглинком, среди которого незначительное количество фрагментов керамики. Судя по этим находкам, в горне 1 обжигались красноглиняные водопроводные трубы широко известного в золотоордынских городах типа (диаметр труб 15,5 *см*, толщина стенок 0,9 *см*), а также крупные широкогорлые сосуды со сливом, украшенные вертикальным лощением (диаметр горла до 120 *мм*). Сосуды средних размеров представлены фрагментами узкогорлых кувшинов четырех вариантов, также украшенных вертикальным лощением, и чашами типа пиала.

Трудно говорить о полном ассортименте сосудов, которые обжигались в данной печи, поскольку, как уже говорилось, она была очень сильно раз-

Рис. 3. Общий вид гончарной печи 2

рушена строительными работами, при этом значительная часть керамического материала была уничтожена.

Обжигательная камера сохранилась еще хуже, чем топочная. Ее под на высоте 140 *см* от пода топочной камеры снивелирован с помощью вертикально уложенных сырцовых кирпичей, разрушившихся от перекала. Размеры их установить не удалось. Поверх сырцовых кирпичей уложена глиняная обмазка пода толщиной 2—3 *см*. Стены обжигательной камеры на 5 *см* обожжены до перекала, и прилегающий к ним слой материковой глины прокален на 10 *см*. Обжигательная камера была заполнена суглинком, обломками рухнувшего свода. Среди находок незначительное количество фрагментов керамики аналогичной керамике, найденной в топочной камере. Здесь же найдены кости животных.

В 5,5 *м* к востоку от горна 1 в этом же строительном котловане обнаружена еще одна гончарная печь — 2 (рис. 1). Гончарная печь не потревожена строительными работами. Ее удалось обнаружить после тщательного исследования береговых склонов древнего русла, идущего по дну котлована. Горн 2 сохранился сравнительно хорошо. Он также двухъярусный (рис. 2 и 3). Топочная камера его вместе с частью обжигательной камеры была вырублена в плотной материковой глине с помощью орудия, ширина рабочей части которого составляла 7 *см* [2].

Только часть свода обжигательной камеры сложена из сырцового кирпича (16×15×6 *см*). Прокаленный сырцовый кирпич имел светло-оранжевый цвет и рыхлую структуру. Начало кладки свода обжигательной камеры наблюдалось на высоте 50—60 *см* от верхнего уровня ее пода.

Обжигательная камера горна в плане слабо выраженной эллипсоидной формы с диаметрами 125 и 138 *см*. Сырцовые кирпичи свода имели с внешней стороны кладки клиновидные в плане пазы шириной до 6 *см*, заполненные глиняной обмазкой.

Устье топочной камеры было обнаружено в западной стороне, т. е. обращено в сторону русла оврага. Вероятно, и несохранившееся устье топочной камеры горна 1 выходило в сторону того же русла, т. е. устья топочных камер двух соседних печей были обращены друг к другу.

Устье топочной камеры горна 2 выходило в яму неправильной формы, примыкающую к горну. Глубина ямы около 200, ширина около 300 *см*. Из ямы пологий спуск вел через устье в топочную камеру. Чело устья было оформлено в виде свода из вертикально стоящих обожженных кирпичей золотоордынского облика (24 × 22, 5 × 4 *см*). Ширина топочного устья 40 *см* [3].

---

[2] Вырубка гончарных горнов в береговых склонах широко применялась золотоордынскими мастерами. На Селитренском городище (Сарай Бату) автором был раскопан горн, аналогичный по конструкции азовскому. Распространение таких горнов известно в золотоордынских центрах в Молдавии в XIV в. См. *Л. Л. Полевой.* Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. Кишинев, 1969, стр. 78. О. С. Хованская считает, что, устраивая гончарные печи в береговых склонах, стремились избежать потери тепла и тем самым улучшить условия обжига. *О. С. Хованская.* Гончарное дело города Болгара. МИА, 42, 1954, стр. 361. Такой способ устройства гончарных печей практиковался в древности хорезмийскими мастерами. *М. Г. Воробьева.* Опыт картографирования гончарных печей Средней Азии. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.— Л., 1961. Тр. ИЭ, XVIII стр. 147—179, рис. 5, 9.

[3] Аналогичное устройство устья см. *О. С. Хованская.* Ук. соч., стр. 358.

Топочная камера эллипсоидная в плане, наибольший диаметр 230 *см*. Внутренняя конструкция топки усложнена заплечиками, расположенными по линии, перпендикулярной к топочному устью. Такое устройство, по мнению А. А. Бобринского, основанному на этнографических наблюдениях, обусловлено стремлением создать лучшую тягу. Для этого под топливо, уложенное концами на заплечики, подкладывались большие фрагменты керамики. В зазор, образованный таким образом, между подом топочной камеры и топливом, свободно втягивался воздух через устье горна и усиливал огонь в топке [4].

Горячий воздух поступал из топки в обжигательную камеру через семь продухов, диаметром около 10 *см* каждый. Шесть из них были расположены по периметру обжигательной камеры и один в ее центре. Внутренняя поверхность топочной камеры была ошлакована. Под топки снивелирован и тоже ошлакован. Следов золы в камере не обнаружено. По-видимому, печь была оставлена в момент подготовки к очередному обжигу. Мастер вычистил топку, расставил в обжигательной камере посуду для обжига. Топливо не было уложено в топку. К такому выводу приводит характер заполнения горна 2.

Топочная камера на одну треть своей высоты была заполнена плотной глиняной массой темно-серого цвета, которая состояла из слежавшихся фрагментов необожженных сосудов. Вероятно, они попали в топку через продухи. Нижний слой заполнения обжигательной камеры имел тот же характер. Выше залегал слой, состоящий из обломков прокаленных сырцовых кирпичей, из которых был выложен рухнувший свод, и из фрагментов обожженной керамики. Здесь же были найдены несколько обожженных красноглиняных сосудов хорошей сохранности.

Наибольшее количество целых глиняных обожженных изделий и их фрагментов было найдено в заполнении упомянутой выше ямы, расположенной у входа в устье топочной камеры. Они залегали выше слоя плотной серой глины, лежавшей на дне ямы и состоящей из раздавленных отформованных сосудов и глины, заготовленной для их формовки. Верхний слой заполнения ямы состоял из суглинка с включениями обломков обожженного кирпича золотоордынского облика, фрагментов красноглиняной керамики и керамического шлака.

Как уже говорилось, глина, из которой формовали посуду для обжига в раскопанных горнах, была темно-серого цвета. По сообщению местных жителей, такая глина имеется на берегу Дона в 3—4 *км* от мастерской и использовалась в недалеком прошлом азовскими гончарами.

Хорошо обожженная керамика из этой глины получала кирпично-красную окраску. В том случае, если обжиг был недостаточен, черепок в изломе имел темную прослойку.

Керамические изделия из горна 2 представлены следующими видами (рис. 4 и 5).

1. Высокогорлый красноглиняный длиннотелый кувшин со сливом. Горло в середине на уровне крепления ручки украшено двумя рифлеными параллельными линиями. Высота кувшина 380 *мм* (рис. 5, *1*).

2. Короткогорлый красноглиняный длиннотелый кувшин со сливом. Горло в середине на уровне крепления ручки украшено одной рифленой линией. Кувшин от горла до днища орнаментирован вертикальным лощением по красному ангобу. Высота кувшина 360, наибольший диаметр 170 *мм* (рис. 5, *13*).

3. Высокогорлый, красноглиняный кувшин со сферическим туловом. Горло его на одну треть высоты от венчика украшено двумя рифлеными линиями, под которыми крепится уплощенная ручка. Кувшин от венчика

---

[4] Это объяснение подтверждается находкой на дне топочной камеры нескольких больших фрагментов керамики. Выражаю глубокую признательность А. А. Бобринскому за консультацию.

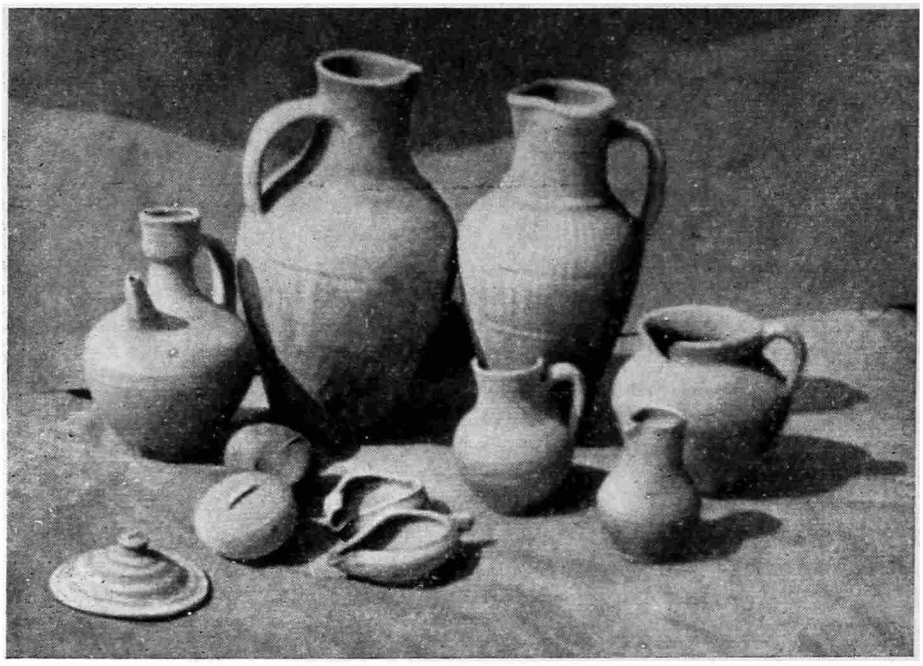


Рис. 4. Целые керамические изделия горна 2

до днища орнаментирован вертикальным лощением по красному ангобу. Высота кувшина 285, высота горла 112, наибольший диаметр 190 *мм* (рис. 5, *18*).

4. Высокогорлый красноглиняный кувшин со сферическим, несколько асимметричным туловом. Верхняя часть горла орнаментирована гофрами, до основания уплощенной ручки. На противоположной от ручки стороне в тулово кувшина вмазан трубчатый носик для слива. Кувшин орнаментирован вертикальным лощением. Высота кувшина 230, наибольший диаметр 170 *мм* (рис. 5, *14*).

5. Красноглиняный кувшинчик, короткое горло со сливом. Ручка утеряна. Высота кувшина 130, наибольший диаметр 90 *мм* (рис. 5, *4*).

6. Небольшой красноглиняный кувшин с короткой шейкой, декорированный у венчика гофрированной полосой. Ниже декора вмазана слегка уплощенная ручка. Высота кувшина 225, наибольший диаметр 150 *мм* (рис. 5, *5*).

7. Красноглиняный горшок со сферическим туловом и одной ручкой. Декорирован гофрированным поясом, лежащим на плечах сосуда. Высота горшка 160, наибольший диаметр 160 *мм* (рис. 5, *15*).

8. Большая миска с одной уплощенной ручкой. Декорирована с внутренней стороны лощением (перекрещивающиеся линии) по красному ангобу. С внешней стороны вертикальное лощение от венчика до валика и волнистого процарапанного орнамента до донной части по серому ангобу. Диаметр блюда 370, высота 155, толщина стенок 7 *мм* (рис. 5, *23*).

9. Сосуды типа пиалы представлены двумя видами, найденными во фрагментах. На рис. 5, *16* изображен фрагмент чаши с красным ангобом с внутренней и внешней стороны. Диаметр чаши 180 *мм*. На рис. 5, *17* — фрагмент чаши с двусторонним красным ангобом, лощение с внешней и внутренней стороны. У основания венчика с внешней стороны чаши орнаментальный пояс в виде процарапанной волнистой линии. Диаметр чаши около 260 *мм*.

10. Шаровидная тонкостенная красноглиняная копилка, слегка приплюснута. Диаметр 65, высота 60 *мм* (рис. 5, *21*).

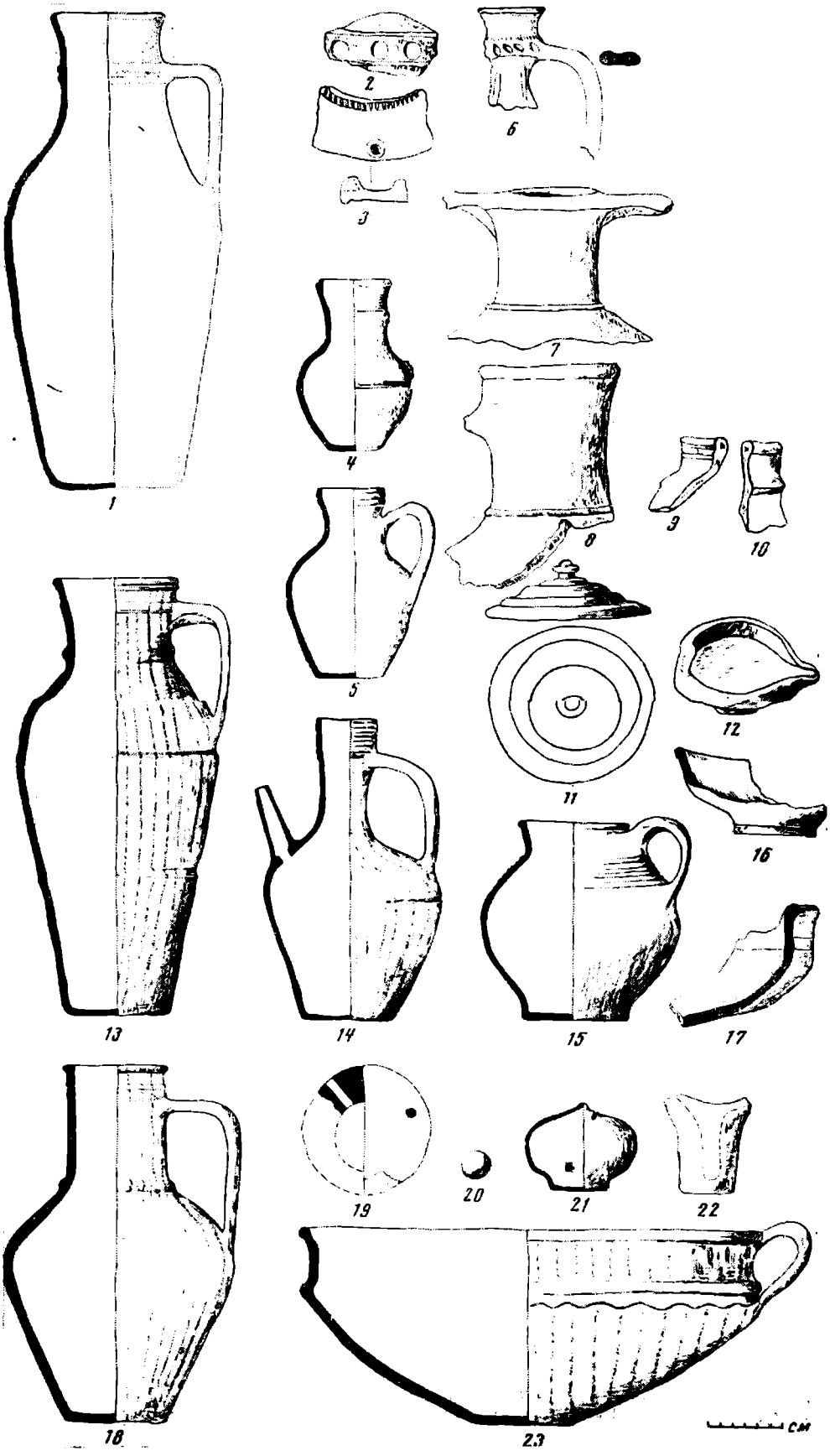


Рис. 5. Ассортимент керамики, изготовлявшейся в горне 2

11. Светильник чашечковидной формы с удлиненным носиком со следами копоти на нем. Поддон дисковидный, высота его 5 *мм*. Наибольший диаметр около 100 *мм*, высота светильника 40 *мм*. Ручка не сохранилась.

12. Крышка сосуда в виде четырех концентрических окружностей разного диаметра. Ручка в виде пуговки. Диаметр крышки 130 *мм* (рис. 5, *11*). Кроме перечисленных выше целых или археологически целых гончарных изделий обнаружены фрагменты, которые дают представление о других типах сосудов, изготовлявшихся в гончарной мастерской.

13. Донце амфоровидного сосуда. Длина донца около 70, диаметр около 50 *мм* (рис. 5, *22*).

14. Горло сосуда с отходящей от него уплощенной ручкой. Ручка охватывает горло налепным кольцом, декорированным эллипсоидными вдавлениями. Фрагмент покрыт красным ангобом и украшен вертикальным лощением, идущим ниже ручки (рис. 5, *6*).

15. «Бортик» (?) сосуда шириной 55, толщиной около 10 *мм*. Фрагмент покрыт красным ангобом. Декорирован по валику, идущему по внутренней стороне бортика. По внешней стороне пунктирной линией нанесен орнамент неглубоким вдавлением. По этой же линии расположены пустотелые шишечки высотой 12 *мм* (рис. 5, *3*).

16. Фрагмент стенки красноглиняного сосуда, украшенный налепным поясом шириной около 3 *мм* с орнаментом пальцевым вдавлением (рис. 5, *2*).

17. Фрагмент красноглиняного широкогорлого сосуда с двумя ручками. Диаметр горла 110, высота горла 95 *мм*. Орнаментирован вертикальным лощением (рис. 5, *7*).

18. Горло красноглиняного сосуда с одной ручкой и сливом. Диаметр горла 105, высота горла 115 *мм* (рис. 5, *8*).

19. Профилированные венчики двух небольших красноглиняных сосудов (рис. 5, *9*, *10*).

20. Фрагменты красноглиняного полого шара неравномерного обжига. В стенках шара два отверстия диаметром 6 *мм*. Толщина стенок от 20 до 30 *мм*. Диаметр шара 105 *мм*. Поверхность его покрыта ярко-красным ангобом. Вместе с шаром найден небольшой (диаметром 22 *мм*) красноглиняный шарик хорошего обжига (рис. 5, *19*, *20*).

Подобное изделие найдено автором на Селитренном городище. Две половинки пустотелого аналогичного шара лежали на поверхности среди развалов керамики. Рядом был найден такой же плотный глиняный шарик. Назначение этих предметов не ясно. Некоторые исследователи считают подобные шары бомбами или гранатами [5]. Против такого определения возникает несколько возражений. Не понятно, для чего внутри «бомбы» помещали шарик, для чего ее покрывали ярко-красным ангобом. Следует сказать, что находки таких предметов немногочисленны как на поселениях, так и в открытых археологами керамических мастерских. Если это были бомбы или гранаты, то они, очевидно, встречались бы значительно чаще.

Глиняные шарики диаметром около 10 *мм* находят среди археологического материала в Средней Азии. Указывают, что до последнего времени такие шарики применялись у казахов для гадания [6]. Возможно, сочетание пустотелого шара с помещенным внутри него шариком служило и в Золотой Орде подобным целям. В тибетской разновидности буддизма (Бон-по) известны культовые «бомбы», которые делались из золота и употреблялись

---

[5] *А. П. Смирнов.* Основные этапы истории города Болгара. МИА, 42, 1954, стр. 323. Той же точки зрения придерживался А. Ф. Лихачев. Он также предполагал, что эти шары могли служить для какой-либо игры. *А. Ф. Лихачев.* Бытовые памятники Великой Болгарии. Тр. Второго АС, I, СПб., 1876, стр. 33.

[6] *А. А. Беленицкий.* Археологические работы в Пянджикенте. КСИИМК, 55, М., 1954, стр. 33.

при заклинаниях. Они входили в состав 12 предметов, «отталкивающих» демонов. «Бомбы» упоминаются в бонских религиозных текстах, составленных в конце XIV в.[7]

Более отдаленную аналогию можно указать в памятниках тагарско-таштыкской эпохи. В шестаковских курганах (II в. до н. э.) был найден бронзовый сосуд, внутри которого находились полые бронзовые яйца заполненные глиной. Как считают авторы раскопок, эти предметы использовались в культовых обрядах[8].

Формы керамики, перечисленные под номерами 1—6, были распространены в местном азакском керамическом производстве XIV в. и неоднократ-

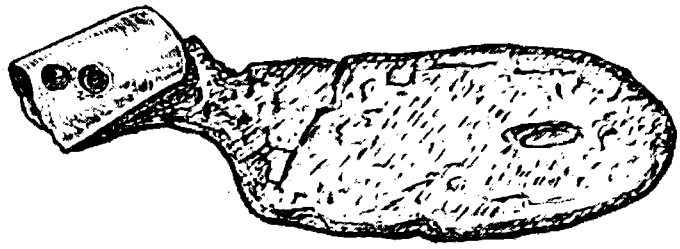


Рис. 6. Металлический гончарный инструмент

но зафиксированы работами археологов при раскопках золотоордынских гончарных обжигательных печей в различных местах г. Азова[9].

Среди находок в горне 2 следует упомянуть металлический инструмент, который, очевидно, применялся гончарами при формовке сосудов. Он представляет собой короткое широкое железное лезвие (50×20×3 *мм*) с черешком, к которому приклепана медная обойма для деревянной ручки. Длина обоймы около 20, диаметр около 10 *мм* (рис. 6). Инструмент найден в заполнении топочной камеры.

В строительном котловане кроме гончарных печей были обнаружены остатки зольных ям (рис. 1), вероятно, следы жилых сооружений золотоордынского времени. Медные монеты, найденные в заполнении этих ям, не выходят за пределы второй половины XIV в. Очевидно, этим же временем датируется керамическая мастерская.

L. L. Galkine

FOURS CERAMIQUES D'AZAK, VILLE DE HORDE D'OR

Résumé

Lors des travaux de construction aux alentours de la gare dans la ville d'Azov, on a mis au jour les vestiges de l'atelier céramique consistant en deux fours à cuisson encastrés dans l'argile vièrge sur les versants du ravin ancien.

Le four № 2 est bien mieux conservé que celui № 1. On peut noter quelques particularités de sa configuration. En vue d'améliorer la ventillation, la chambre de chauffe a été équipée des épaulements qui en provoquant une ventillation supplémentaire entre le combustible et la base du four rendait meilleur la cuisson de la céramique. L'assortiment des objets céramiques sortis de ces fours est caractéristique pour la production d'Azak de la deuxième moitié du XIV siecle.

[7] *D. L. Shellgrove.* The Nine Ways of Bon. London, 1967, p. 54.

[8] *А. И. Мартынов, Г. С. Мартынова, А. М. Кулемзин.* Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. стр. 214, рис. 12.

[9] *И. М. Казакова.* Отчет о работах, проведенных Азовским историко-краеведческим музеем в ходе наблюдений за земляными работами в г. Азове с сентября 1961 г. Рукопись хранится в Архиве музея.

Заметки

М. Я. ЧОРЕФ

ДВА НОВЫХ РЕЛЬЕФА САРМАТСКОГО КРУГА

Возникновение, развитие и окончательное оформление культуры и искусства поздних сарматов происходило под влиянием художественной культуры греков, фракийцев и поздних скифов, в связи с чем развивались монументальные формы, в том числе антропоморфные стелы [1] и рельефы [2].

Изучение памятников этого круга, несомненно, окажет действенную помощь в разрешении ряда вопросов социального и художественного характера.

В 1970—1971 гг. рельефы сарматского круга пополнились двумя новыми, чрезвычайно интересными монументальными памятниками, найденными в Юго-Западном Крыму, на границе гор и предгорий: одно в районе с. Предущельного Бахчисарайского района, другое в урочище Рамазан-Сала, вблизи от места находки уже опубликованного рельефа, найденного в 1969 г. [3]

Обе стелы были обнаружены при земляных работах лесником Бахчисарайского лесничества В. И. Зайцем и в настоящее время хранятся в Бахчисарайском историко-археологическом музее (инв. № 5855, 5870).

Наиболее интересным и даже уникальным является рельеф из с. Предущельное (рис. 1). Он был найден на глинистом склоне мергелистой возвышенности в 1,5 *км* к северо-востоку от с. Предущельное.

Стела (будем называть ее предущельнической) вырезана из плиты белого мшанкового известняка. От рельефа сохранилась верхняя часть неправильной формы, приближающейся к прямоугольной; верхние углы плиты закруглены, нижняя часть стелы обломана, по-видимому, она вкапывалась в землю или же устанавливалась в «гнездо» каменной базы. Лицевая поверхность носит следы инструмента, с помощью которого в неглубокой нише изображены в плоском рельефе три примитивные человеческие фигуры.

Край плиты сверху и по сторонам оставлен и образует обрамляющий рельеф бортик. Общая высота, ширина и толщина стелы 120, 70, 20 *см*. Высота и ширина углубления 72 и 63 *см*. Ширина рамки колеблется от 3 до 7 *см*. Сохранность памятника не совсем удовлетворительная: по-видимому, плугом были частично уничтожены ноги первой фигуры и сбиты нижние части рамки. Цвет плиты светло-желтый, камень покрыт патиной. На стеле в форме плоского рельефа (высота от поверхности заглубления от 3,5 до 4 *см*) вырезаны три разной величины мужские фигуры (пол под-

[1] *П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке. ЗОАО, II. Одесса, 1967, стр. 196—201, рис. 4; *Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА, 1965, 3, стр. 233—237.

[2] *П. Н. Шульц.* Надгробный рельеф сарматского круга. КАМ, М., 1966, стр. 278—289; *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Новый рельеф сарматского круга. СА, 1972, 1, стр. 135—145.

[3] *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Ук. соч.

черкнут плоской поверхностью грудных клеток). Все они изображены в фас, фронтально, руки сложены однообразным жестом на животе. Ступни повернуты, левые ноги слегка согнуты и приподняты, правые вытянуты. Положение ног создает впечатление движения фигур справа налево; под их ступнями видны следы ударов резца, изображающих поверхность.

Перейдем к деталям. Головы изображены крайне примитивно. Подчеркнуто крупно обозначены округлой формы глаза; носы, по-видимому, выступали над плоскими поверхностями лиц, о чем свидетельствуют выпуклости; рты обозначены прямыми линиями; уши, вероятно, по замыслу скульптора, должны были прикрываться волосами, обрамляющими головы [4]. Наличие у всех трех фигур на головах слегка выступающих валиков указывает на изображение мягких круглых сарматских шапок с меховой опушкой (мы их видим на рельефах и антропоморфных стелах сарматского круга) [5]. Голова первого рельефа более вытянута, чем у двух других. Если у них четко выражены плоские подбородки и шеи, то у первого они были явно прикрыты каменным выступом, обозначающим бороду.

Рис. 1. Рельеф с изображением трех человеческих фигур (мшанковый известняк)

Плечи у всех фигур явно приподняты, что подчеркивается положением рук, опущенных вниз и сложенных на животах. Туловища изваяны крайне грубо, возможно, что это делалось с целью выделения рук и пальцев, изображенных линиями. Между кистями необработанные, слегка выступающие поверхности.

Границы одежд у всех трех фигур не показаны или же не сохранились. Очень возможно, что они, как и детали лиц, были обозначены цветом — это встречается на боспорских надгробиях [6], у херсонесских картин, написанных на камне [7].

Под центральной фигурой, наиболее крупной (высота 62 *см* при ширине плеч 16,5 *см*), вне углубления на плите имеются остатки небольшого знака (рис. 2), близкого по форме к сарматским знакам Северного Причерноморья [8].

Обычай наносить знаки на монументальных памятниках «варварского» искусства можно проследить на ряде примеров; мы же рассматриваем конкретный случай нанесения знака вне рельефа под одной из изображенных на нем фигур.

---

[4] *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 138.

[5] *О. Д. Дашевская.* Археологические исследования близ оз. Донузлав. АО-1966, М., 1967, стр. 212, рис. на стр. 213; *Н. А. Богданова.* Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2, стр. 249—252, рис. 1, *1*; 2, *1*; *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 138, рис. 3.

[6] *А. П. Иванова.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 133—137.

[7] *С. Ф. Стрежелецкий.* Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э. Сообщения Херсонесского музея, IV. Крымиздат, 1969, стр. 86, 87.

[8] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, рис. 13, стр. 60, 61.

Близкую аналогию нашему знаку по положению мы видим в знаках, расположенных вне рельефа на бахчисарайской стеле [9], на анапском рельефе [10].

Размеры нашего знака, а также его плохая сохранность не позволяют нам утверждать, что он был изготовлен одновременно с рельефом, и вероятность нанесения его в более позднее время не исключена.

Истолковать содержание предущельнического рельефа и датировать его не так легко. По композиции он близок к групповым героизированным рельефам Боспора [11]. Провести полную аналогию между рельефами Боспора и описываемыми нами мы не можем, так как все известные нам героизированные рельефы позднеантичного мира сопровождаются изображением одежды и оружия, чего нет на нашем рельефе.

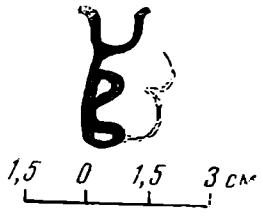


Рис. 2. Знак под средней фигурой

Расположение в центре композиции наиболее крупной фигуры, возможно, по замыслу скульптора, должно было подчеркнуть ее доминирующее значение в рельефе. Подобного типа памятники иногда носят вотивный характер [12]. Очень возможно, что культовый характер нашего памятника подчеркивался отсутствием изображения одежды, как на ранее опубликованном бахчисарайском рельефе [13]. Известны скифские изображения нагих божеств [14], что лишний раз подтверждает культовый характер предущельнического рельефа. Попутно можно вспомнить, что около могильника первых веков нашей эры у с. Заветное в Крыму в 1959 г. была обнаружена при пахоте антропоморфная стела, изображающая мужчину-воина с явно выраженными половыми признаками [15]. Правда, автор не называет ее вотивной, хотя несоразмерность фигуры (голова, почти равная по размерам туловищу, четкость и тщательная детализация изображения бородатого лица и крайне примитивная прорисовка деталей тела, подчеркнутое изображение половых признаков) дает возможность предположить, что этот памятник имел не просто культовый, вотивный характер, изображая не только мужчину-воина, но и обожествляемого прародителя местных племен, проживавших в данной части Юго-Западного Крыма.

Все это подтверждает нашу гипотезу, что предущельническая стела носит явно вотивный, культовый характер.

На возможное первоначальное культовое назначение плиты указывают воронкообразные углубления на ее тыльной поверхности. Как считают некоторые исследователи, подобного типа углубления использовались при жертвоприношениях [16]. Очень возможно, что из этой плиты, некогда использовавшейся как своеобразный жертвенник, и был изготовлен наш рельеф, как мы предполагаем, имеющий культовый, вотивный характер.

Некоторую помощь в осмыслении нашего рельефа может оказать анализ изображенных на нем отдельных фигур и их деталей. Почему фигура, фор-

[9] *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Ук. соч., рис. 4, стр. 139, рис. 5, стр. 140.

[10] *И. И. Козыренко.* Тамги на археологических памятниках Одесского Государственного археологического музея. МАСП, I. Одесса, 1957, стр. 93, табл. 1, 4; *Э. И. Соломоник.* Ук. соч., № 131, стр. 76.

[11] *Э. И. Соломоник.* Ук. соч., № 19, стр. 65—67. Рельеф датируется II—III вв. н. э.; *М. И. Максимова, М. А. Наливкина.* Скульптура. АГСП, I. М.— Л., 1955, рис. 24, стр. 311.

[12] Например, изображение Диониса в сопровождении сатира и силена (*И. Венидиков, Н. Тодоров.* Памятники Болгарской земли. Предыстория и античность. София-Пресс, 1971, рис. 124); культовый рельеф II—III вв. из Кумберленда (*А. П. Чубова.* Искусство Европы I—IV вв. М., 1971, рис. 153, стр. 262, 263).

[13] *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Ук. соч.

[14] *Б. Н. Граков.* Скифы. Изд. МГУ, 1971, стр. 83, рис. 84.

[15] *Н. А. Богданова.* Ук. соч., стр. 251, 252, рис. 2, *2*, стр. 250.

[16] Подобный случай отмечают А. Щепинский и Е. Черепанова. (Степные курганы. Симферополь, 1972, стр. 51).

ма лица которой указывает на наличие бороды, имеет наименьшую величину? Не подчеркивал ли размер фигур по замыслу скульптора их возраст? Если это предположение верно, то отсюда вытекает, казалось бы, явное несоответствие: у самого младшего и вдруг борода? Наличие бороды может указывать не только на возраст, но и на старшинство. Тогда можно истолковать композиционное содержание рельефа следующим образом: стоящий слева — младший по возрасту — является старшим по положению. Не отголосок ли это записанной Геродотом легенды о сыновьях Геракла, из которых младшему принадлежала власть в стране? Не указывает ли на этническую принадлежность центральной фигуры наличие под ней сарматского знака?

Наш памятник настолько уникален, что мы вынуждены его опубликовать, ограничиваясь гипотетическим толкованием его смысла. Возможно, что это будет способствовать развитию представлений о культуре поздних сарматов. Другим близким к уже описанным нами бахчисарайскому [17] и предушельническому рельефам является фрагмент стелы, имеющей много общего в художественных особенностях с этими памятниками. Этот рельеф был найден в 1970 г., как мы уже говорили, невдалеке от бахчисарайской стелы с изображением двух всадников.

Рис. 3. Рельеф с изображением человеческой фигуры (мшанковый известняк)

В отличие от двух предыдущих стел на поверхности найденной в 1970 г. был высечен плоский рельеф только одной человеческой фигуры со сложенными на животе руками (рис. 3).

От изваяния сохранилась верхняя часть, размерами 53 × 36 × 18 *см*, так что сказать что-либо определенное о размерах всего памятника не представляется возможным. Стела изготовлена из плиты мягкого мшанкового известняка, которой, по-видимому, стремились придать прямоугольную форму с закругленными углами, на что указывает сглаженность верхних углов плиты.

Тыльная сторона плиты не обработана, боковые грани грубо подтесаны, наиболее тщательной отделке подвергалась лицевая сторона, где, по-видимому, наряду с инструментом типа тесла применялись сглаживающие неровности обрабатываемой поверхности скребки и мокрый песок, чего не отмечается в описанных нами выше стелах. Около трети поверхности равномерно заглублено, образуя в середине примитивное изображение человеческой фигуры. Выступающие края плиты вокруг рельефа образовали обрамляющий его бортик шириной от 3 до 5 *см* при глубине заглубления от 2 до 2,3 *см*.

В середине заглубления оставлен рельеф, образующий примитивное изображение, по-видимому, стоящей человеческой фигуры. Положение опущенных рук, соединенных на животе, характерно для всех трех описываемых нами рельефов, и особенности изваяний позволяют отнести их к одному и тому же кругу сарматских рельефов первых веков нашей эры.

Перейдем к деталям II Бахчисарайской стелы. В отличие от двух ранее описанных рельефов на ее голове не отмечено никакого изображения волосяного покрова. Как и у предыдущих рельефов, так же изображены округлой формы слегка выпуклые глаза. Над глазами имеется почти горизонтальная черта, обозначающая брови, чего нет на двух других рельефах. Нос

[17] *М. Я. Чореф, П. Н. Шульц.* Ук. соч.

обозначен слегка расходящимися вниз линиями и, по-видимому, находился в плоскости лица, чего не отмечалось у ранее описанных нами рельефов. Рот обозначен горизонтальной линией. Подбородок на рельефе не выделен: овал лица приближается к кругу. Эта деталь рельефа очень напоминает лицо «младшего» всадника I Бахчисарайской стелы. Четко и выразительно передана шея, под которой треугольным вырезом, очевидно, был обозначен ворот рубахи или кафтана.

В этом отношении наш памятник близок к скифо-сарматской стеле № 3, найденной при раскопках могильника позднеантичного времени вблизи с. Заветное [18], в Юго-Западном Крыму. Близкую аналогию II Бахчисарайской стеле мы видим в рельефном изображении антропоморфного надгробия из Боспора [19].

Руки изображены валиками, сходившимися на животе, пальцы рук сохранились плохо, но даже остатки их показывают, что они были отделаны более тщательно, чем пальцы рук двух ранее описанных рельефов сарматского круга. В этом отношении стела близка к более поздним памятникам того же времени, обнаруженным нами в долине р. Качи, близ Краснозорьинского городища позднеантичного времени [20]. Композиция рельефа и сам характер изваяния позволяют отнести его к надгробным рельефам сарматского круга первых веков нашей эры, возникших не без влияния скифского лапидарного искусства. Керамический материал, обнаруженный на месте находок стел, не противоречит этому предположению.

Итак, рассмотренные выше два рельефа сарматского круга, как и I Бахчисарайская стела, говорят о довольно высоком уровне своеобразного искусства поздних сармат, культура которых находилась под влиянием народов, населявших Крым в первые века нашей эры, и носила, по-видимому, сложный, но самобытный характер.

---

[18] *Н. А. Богданова.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА, 1965, 3, стр. 233, рис. 1.

[19] *А. П. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия. СА, 1950, XIII, стр. 252, рис. 15, стр. 253; *Ю. Ю. Марти.* Неопубликованные археологические памятники Керченского музея им. А. С. Пушкина. ВДИ, 1941, 1(14), стр. 206, 207.

[20] *М. Я. Чореф.* Отчет об эпизодических охранных археологических работах в 1972 г. Архив ИА АН УССР.

Т. И. АЛЕКСЕЕВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Отсутствие краниологических материалов из ранних могильников черняховской культуры вызвало необходимость анализа трупосожжений, характерных для Рыжевки и Вовчика, раскопки которых проводились в период с 1962 по 1968 г. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В. В. Кропоткина.

В моем распоряжении оказалось 62 трупосожжения, костные остатки из которых отличались чрезвычайной фрагментарностью.

В приложении приводится описание материалов по отдельным погребениям.

Исследованы костные материалы из 56 захоронений, из них в пяти случаях отмечено двойное погребение. В трех погребениях взрослые с детьми (женщина и ребенок двух-трех лет; мужчина и ребенок первых лет жизни; взрослый человек, пол не определяется, и ребенок, возраст которого не ясен), в двух — взрослые (молодой человек, пол не определяется, и моло-

дая женщина; мужчина и женщина). Двойные погребения отмечены в Рыжевке, они составляют всего 8,9%.

Из 62 скелетов, содержащихся в виде обгоревших фрагментов в 56 захоронениях, пол и возраст не удалось определить в пяти случаях, что составляет 8,1% всех исследованных.

Точность половой и возрастной диагностики недостаточно высокая, так как в большинстве случаев фрагменты очень малы, швы, как правило, отсутствуют, признаки рельефа — тоже, находки зубов единичны. В основном пол определяется по толщине костей, возраст — по размерам и толщине костей, в некоторых случаях по сохранившимся швам, в некоторых по зубам. Ниже приводится возрастно-половое распределение исследованных костных остатков (табл. 1).

Таблица 1

Половозрастное распределение костных остатков из могильников черняховской культуры с трупосожжениями

	Мужчины		Женщины		Пол не определяется		Все	
	n	%	*n*	%	*n*	%	*n*	%
Infantilis I (0—7 м)	—	—	—	—	7	19,4	12	21,0
Infantilis II (8—15 м)	—	—	—	—	1	2,8		
Infantilis (более точно возраст не определяется)	—	—	—	—	4	11,2		
Juvenis (16—19)	—	—	1	9,1	5	13.9	6	10.6
Adultus (20—29)	—	—	2	18,2	3	8,3	5	8,8
Adultus — maturus (30 и выше)	10	100,0	8	72,7	16	44,4	34	59,6

В тех случаях, когда было возможно определение пола, процент женщин выше, особенно для индивидов, умерших в юном и молодом возрасте. То же самое отмечено и в трупосожжениях римского времени из Бжезьцов [1]. Бóльшая смертность женщин в молодом возрасте по сравнению с мужчинами — явление, весьма типичное для палеодемографии различных этнических групп и территорий [2]. Очень велика и детская смертность. При сопоставлении с более или менее одновременными данными из Бжезьцов [3], Лабем — Стрекова и Чировичей [4] оказывается, что смертность детей у населения черняховской культуры несколько меньше, однако при фрагментарности костных остатков из трупосожжений и их недостаточно точной половозрастной диагностике эти различия могут быть случайны (табл. 2). Общей чертой в половозрастной смертности наряду с высоким процентом умерших детей является очень значительная смертность в возрасте до 30 лет. Исключение составляют материалы из трупосожжений в Чировичах (лужицкая культура), где совершенно нет юных и молодых индивидуумов, но велико число людей старше 30 лет. Так как это противоречит в целом палеодемографической структуре населения первых веков нашей эры на территории Европы, а численность материалов из Чировичей очень невелика, можно предположить как случайность возрастного распределения в этой группе, так и невозможность более точной возрастной диагностики взрослых людей.

[1] *A. Wiersińska.* Analiza anthropologiczna ludzkich czczątków kostnych z dwóch cmentarzusk cialopalnych z okresu rzymskego w Brzezcach, pow. Bialobrzegi. «Wiadomości archeologiczne», t. XXXII, zeszit 3—4, Warszawa, 1966—1967.

[2] *В. П. Алексеев.* Палеодемография СССР. СА, 1972, 1.

[3] *A. Wiercinska.* Op. cit.

[4] *J. Chochol.* Anthropologische Analise Menschlicher Brandreste aus den lausiter Gräberfeldern in Ústi na Labem-Střekov II und in Žirovice, Bezirk Cheb. В кн.: *E. Plesl,* Lužicka kultura v severozápadnich Čechách, Naklad. Českosl. Akademie věd, Praha, 1961.

Рассмотрение костных остатков из трупосожжений показало различную представительность отдельных частей скелета в погребениях. Так, фрагменты длинных костей скелета обнаружены в 95,2% погребений, черепа — в 80,6, ребер — в 32,2, позвонков и тазовых костей — в 28,0, зубов — в 9,7%. В урну попадали все оставшиеся после сжигания части скелета; какой-либо выборочности, связанной с ритуальными действиями, не обнаружено. Меньший процент фрагментов позвонков, тазовых костей и ребер объясняется, по-видимому, их более быстрым сгоранием из-за губчатого строения. Некоторое недоумение вызывает редкая встречаемость зубов, несмотря на их очень плотную костную ткань. В трупосожжениях из Лабем — Стрекова II зубы встречаются в 43% погребений, из Чировичей — в 70,6% [5].

Таблица 2

Сравнительная характеристика возрастно-полового состава костных остатков из трупосожжений

	Рыжевка		Вовчик				Бжезьцы						Лабем — Стреков		Чировичи	
	мужчины		женщины		все		мужчины		женщины		все		все		все	
	n	%	*n*	%	*n*	%	*n*	%	*n*	%	*n*	%	*n*	%	*n*	%
Infatilis I—II	—	—	—	—	12	21,0	—	—	—	—	10	35,7	23	35,3	4	26,7
Juvenis	—	—	1	9,1	6	10,6	—	—	3	25,0	3	10,7	2	3,1	—	—
Adultus	—	—	2	18,2	5	8,8	—	—	5	41,7	5	17,9	3	4,6	—	—
Adultus — maturus	10	100,0	8	72,7	34	59,6	6	100,0	4	33,3	10	35,7	37	56,9	11	73,3

Костные материалы из исследованных погребений отличаются чрезвычайной фрагментарностью и очень небольшими размерами фрагментов. Весовые данные костных остатков колеблются от 0,5 до 642,0 *г*. Средний вес костных остатков взрослых 97,9 *г*, детей — 15,7 *г*. Если средний вес скелета взрослого примерно 11*кг* [6], то кости из трупосожжений в среднем оставляют лишь около 1% его. Совершенно очевидно, что информативная ценность этих материалов весьма невелика. В связи с этим вызывает удивление антропологический анализ материалов из Лабем — Стрекова II и Чировичей, проведенный Я. Хохлом [7].

Наряду с очень тщательным определением пола, возраста и принадлежности костных остатков той или иной части скелета автор дает определение антропологического типа и делает на основании этого этногенетические выводы. Между тем ни характер костных фрагментов, ни их величина (судя по приведенным в работе весовым данным) не дают сколько-нибудь достоверных данных об антропологическом типе населения.

Информативная ценность костных остатков из трупосожжений, как уже отмечалось выше, невелика. Они дают представление о типе погребения (одиночное или двойное), некоторых особенностях ритуального характера (полное или частичное захоронение) и некоторых палеодемографических данных, касающихся в основном половозрастной смертности. Более или менее достоверное определение антропологического типа по костным остаткам из трупосожжений невозможно.

---

[5] *J. Chochol.* Op. cit.

[6] *Н. С. Смирнова.* Современное состояние изучения состава тела человека. Вопросы антропологии, 1964, 16.

[7] *J. Chochol.* Op. cit.

Приложение

Описание материалов по отдельным погребениям

Место и год раскопок	Возраст	Пол	Череп	Посткраниальный отдел	Вес костных остатков, *г*
Рыжевка; 1962, р. 1, кв. 15, погр. 3, глуб. 0,5 *см**	Взрослый, молодой	Не определяется	Фрагменты черепа с незаросшими швами	Многочисленные фрагменты верхних конечностей, позвонков, костей запястья и целая кость запястья	18
То же	Взрослый, молодой	Женщина	Фрагменты черепа с тонкими костями	Фрагменты нижних и верхних конечностей, костей плюсны, ребер	7
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 5, шт. 3	Не определяется	Не определяется	Нет	Фрагменты нижних конечностей, возможно бедренной кости	7
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 26, шт. 3	Взрослый	Женщина	Фрагменты свода черепа, верхнечелюстного отдела, 1 предкоренной зуб, 1 клык нижней челюсти	Фрагмент фаланги верхней конечности	
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 3, погребение 14	Взрослый, молодой	Не определяется	Фрагмент затылочной части черепа с незаросшими швами	Фрагмент длинной кости (не ясно какой) и тазовой кости	
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 9, шт. 3, погр. 15 **	Взрослый	Женщина	Многочисленные фрагменты, сочленовный отросток нижней челюсти, часть коронки коренного зуба, кости тонкие	Фрагменты диафизов и эпифизов длинных костей, бедренной кости, таза и ребер	49,7
То же	Ребенок, 2 — 3 лет		Многочисленные фрагменты свода и основания черепа, коренной зуб	Фрагменты диафиза плечевой и других костей верхних конечностей, большой берцовой кости, таза, ребер, головка и часть диафиза бедренной кости, позвоночный диск	32,4
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 15, шт. 4—5, погр. 16 ***	Ребенок 1—2 лет	—	Многочисленные фрагменты черепа: надглазничная область. мастоидальная часть, основание черепа с сочленовными отростками и передней частью большого затылочного отверстия, крыловидная часть, два резца, кусок нижней челюсти с зачатками коренных зубов	Диафиз плечевой кости, позвонок грудного отдела, фрагменты ребер	17,0
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 14, шт. 5, погр. 17	Ребенок, первые годы жизни	—	Фрагменты черепа с мастоидными отростками, верхние и нижние резцы, клыки, 1-й и 2-й коренные зубы	Фрагменты длинных костей	14,0
Рыжевка, 1965, кв. 22, шт. 3, погр. 18****	Взрослый	Мужчина	Фрагменты черепа и нижней челюсти	Диафизы нижних и верхних конечностей, фаланги пальцев	47,7
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 33, шт. 2—2, погр. 19 *****	»	»	Фрагменты свода черепа, часть скуловой дуги, предкоренной зуб. Кости толстые	Фрагменты длинных костей, плоточной кости и других отделов стопы, ребер, губчатые участки таза или позвонков	300
То же	Ребенок, первые годы жизни	—	—	Диафизы длинных костей	6
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 34, шт. 3, погр. 20 ******	Ребенок 2—3 лет	—	Многочисленные фрагменты черепа, резец, коренной зуб, два фрагмента зубов, тип которых не определяется	Фрагменты верхних и нижних конечностей, позвоночных дисков, таза, ребер	350,0

* Двойное захоронение.
** Двойное захоронение. Кости сильно обожжены и деформированы.
*** Следов сожжения не обнаружено.
**** Кости сильно обожжены.
***** Двойное захоронение. Кроме костей человека в погребении обнаружены две косточки некрупного животного.
****** В погребении найдены фрагменты мелких костей животных.

Продолжение

Место и год раскопок	Возраст	Пол	Череп	Посткраниальный отдел	Вес костных остатков, *г*
Рыжевка, 1965, кв. 58, шт. 3, погр. 21	Юный, еще нет полного срастания головки и диафиза длинных костей	Не определяется	Фрагменты черепа	Фрагменты длинных костей верхних и нижних конечностей, таза, ребер	154,0
Рыжевка, 1965, погр. 21	Юный	Женщина (?)	Фрагменты черепа. Кости очень тонкие	Фрагменты верхних и нижних конечностей	24,2
Рыжевка	Взрослый	Не определяется	Фрагменты черепа	Фрагменты диафизов верхних и нижних конечностей	7,5
Рыжевка, 1965, погр. 21 (из горшка)	Взрослый	Женщина	Фрагменты черепа	Фрагменты длинных костей конечностей, из которых определяются бедренная, большая берцовая, ребер, таза. Два грудных или поясничных позвонка	195,0
Рыжевка, 1965, р. 1, погр. 22	Взрослый	Мужчина	Множество фрагментов свода и основания черепа. Кости очень толстые	Фрагменты бедренных костей, позвонков, таза, ребер	311,7
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 39, шт. 2	Не определяется	Не определяется	Фрагменты черепа	Часть головки длинной кости, фрагменты бедренной и других костей конечностей и ребер	27,9
Рыжевка, 1965, р. 1, кв. 59/2	Взрослый	То же	Фрагменты черепа	Фрагменты длинных костей и ребер	
Рыжевка, 1966, кв. 13, погр. 24	Взрослый	Мужчина	Фрагменты свода и основания черепа, фрагмент нижней челюсти без альвеолярной части	Фрагменты диафиза плечевой кости, нижние эпифизы лучевой и локтевой костей, трубчатые кости стопы или кисти, четыре шейных позвонка, фрагменты таза и ребер	591,0
Рыжевка, 1966, кв. 45, гл. 0,5—0,6 *см* погр. 25 *	Взрослый	Мужчина	Фрагменты свода черепа и мастоидальная часть, кости очень толстые	Фрагменты диафизов костей верхних и нижних конечностей, таза	48,0
То же	Взрослый	Женщина (?)	Фрагменты свода черепа, кости очень тонкие	Фрагменты диафизов костей верхних и нижних конечностей	12,2
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 55/2, погр. 29	Юный	Не определяется	Фрагменты черепа	Фрагменты диафизов длинных костей	136,0
Рыжевка, 1966, кв. 102, шт. 2 (20—50) погр. 30 **	Взрослый	То же	Фрагменты черепа	Фрагменты длинных костей верхних и нижних конечностей (бедренная, большая берцовая) фаланги стопы	136,0
То же	Ребенок (точнее не определяется)	—	Многочисленные фрагменты черепа	Многочисленные фрагменты длинных костей	9.1
Рыжевка, 1966, погр. 31	То же	—	—	Фрагменты длинных костей	2,0
Рыжевка, 1966, кв. 27, погр. 33	Взрослый	Не определяется	Фрагменты черепа	Фрагменты плечевой и бедренной кости, таза, ребер, трубчатая часть стопы или кисти	400,0
Рыжевка, 1966, кв. 25, погр. 34	Ребенок (точнее не определяется)	—	Фрагменты черепа, кости очень тонкие	Фрагменты длинных костей скелета	7,4
Рыжевка, 1966, кв. 35, пл. 2, погр. 35	Взрослый	Не определяется	Многочисленные фрагменты черепа	Многочисленные фрагменты верхних конечностей (лучевой и локтевой), куски губчатой ткани таза или позвонков	35,5

* Двойное захоронение. Кости сильно обожжены. Кости женского скелета обожжены меньше.
** Двойное захоронение.

Продолжение

Место и год раскопок	Возраст	Пол	Череп	Посткраниальный отдел	Вес костных остатков, *г*
Рыжевка, 1966, кв. 107, могильник, погребение 38	Взрослый	Мужчина	Фрагменты черепа, кости очень толстые	Множество фрагментов диафизов и эпифизов длинных костей конечностей, из которых определяется большая берцовая	69,9
Рыжевка, 1966, кв. 109, могильник, погребение 39	Взрослый, молодой	Не определяется	Фрагменты черепа с незаросшими швами, часть нижней челюсти	Многочисленные фрагменты длинных костей верхних конечностей	34.7
Рыжевка, 1966, кв. 99, гл. 40, погр. 40	Взрослый	То же	Фрагменты черепа	Фрагменты длинных костей и ребер	32,2
Рыжевка, 1966, кв. 96, погр. 45	Взрослый	»	Фрагменты черепа	Фрагменты диафиза бедренной кости, верхних конечностей (среди них головка плечевой)	21,5
Рыжевка, 1966, кв. 13	Взрослый	»	Фрагменты свода черепа и нижней челюсти	Фрагменты диафизов длинных костей верхних и нижних конечностей	12,0
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 45,0—1,5	Юный	»	Фрагменты черепа. Кости очень тонкие	Многочисленные фрагменты диафизов костей верхних и нижних конечностей	22,5
Рыжевка, 1966, 1966, могильник, кв. 11	Юный	»	Фрагменты черепа. Кости тонкие	Фрагменты длинных костей конечностей	12,2
Рыжевка, 1966, могильник, кв. 22, гл. 0—10 *м* *	Взрослый	Женщина	Фрагменты свода черепа, верхний край глазницы с глабеллой, мастоидные отростки	Фрагмент диафиза длинной кости, семь костей стопы (плюсны) и фрагмент 1-й пястной кости	19,9
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 5	Взрослый	»	Фрагменты основания черепа, лобной кости с верхним краем левой глазницы	Фрагменты диафизов длинных костей	37,9
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 18*	Взрослый	Мужчина	—	Фрагменты верхней конечности, таза плюсны, фаланга стопы. Кости очень толстые	52,9
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 57, гл. 0—1,10 *м* **	Не определяется	Не определяется	—	Фрагменты диафиза плечевой кости и других длинных костей	8,4
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 6	То же	То же	—	Фрагменты длинных костей скелета	0,5
Рыжевка, 1966, могильник, кв. 103	Взрослый (?)	»	—	Фрагменты длинных костей верхней и нижней конечности	2,0
Рыжевка, 1966, р. 1, пл. 7, гл. 1,5 *м*, кв. 15	Взрослый	»	Фрагменты черепа	Многочисленные фрагменты верхних конечностей, диафиза бедренной кости, трубчатая часть фаланги, часть ребра	34,5
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 20	Взрослый	»	Фрагменты черепа	Фрагменты диафизов длинных костей верхних конечностей	12,0
Рыжевка, 1966, кв. 28, пл. 2, гл. 40 *см*	Ребенок (подросток?)	—	Фрагмент черепа	Фрагменты диафиза длинных костей и часть головки	12,5
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 50 ***	Взрослый	Женщина	Фрагменты черепа, кости тонкие	Фрагменты длинных костей конечностей, часть малой берцовой с лодыжкой	12,0
Рыжевка, 1966, р. 1, могильник, кв. 104	Не определяется	Не определяется	—	Фрагмент длинной кости конечности	4,5
Рыжевка, 1966, кв. 110, пл. 0—90 *см* ****	Юный	То же	—	Фрагменты длинных костей конечностей, таза и ребер	11,5
Рыжевка, 1966, р. 1, кв. 8	Взрослый	»	Фрагменты свода черепа (?)	Фрагменты длинных костей конечностей	7,0

* Следов сожжения не видно.
** Кости разной степени обожженности.
*** Кости разной степени обожженности.
**** Следы сожжения только

Продолжение

Место и год раскопок	Возраст	Пол	Череп	Посткраниальный отдел	Вес костных остатков, *г*
Рыжевка, кв. 55, шт. 3 (0,6—0,65 *м*), погр. 52	Ребенок 1—2 лет	—	Многочисленные фрагменты черепа, латеральный резец	Многочисленные фрагменты длинных костей верхних и нижних конечностей, часть фаланги стопы или кисти	12,0
Рыжевка, р. 1, кв. 42 *	Ребенок, первые годы жизни	—	—	Фрагменты диафизов длинных костей	2,0
Рыжевка, 1967, кв. 20, погр. 46	Взрослый	Мужчина	Фрагменты свода черепа, основание скуловой дуги, нижней челюсти **	—	523,0
Рыжевка, 1967, кв. 25, 5, гл.0,85—0,90 *м*, погр. 47	Ребенок, первые годы жизни	—	Многочисленные фрагменты черепа (свод и мастоидальная часть)	Фрагменты диафизов и эпифизов, верхних и нижних конечностей	25,5
Рыжевка, 1967, могильник, кв. 39, шт. 3, гл. 0,5 *м*, погр. 49	Взрослый	Не определяется	Фрагменты черепа	Фрагменты диафизов верхних и нижних конечностей	4,5
Рыжевка, 1967, кв. 45, погр. 50	»	Мужчина	Фрагменты свода черепа, верхней и нижней челюсти	Фрагменты диафизов плечевой, лучевой и локтевой костей, бедренной кости, головки бедра, коленная чашечка, фрагменты таза	642,0
Рыжевка, 1967, кв. 47, погр. 51	»	Не определяется	Фрагменты черепа	Множество фрагментов длинных костей верхних и нижних конечностей, ребер	136,3
Рыжевка, 1967, р. 1, кв. 58, шт. 1—2	»	Женщина	Фрагменты свода и основания черепа	Фрагменты диафизов верхних и нижних конечностей, головки бедренной кости	46,0
Рыжевка, 1967, кв. 59, шт. 3	»	»	Фрагменты свода черепа, нижнего края глазницы	Фрагменты диафизов верхних и нижних конечностей, крыльевой части тазовых костей	46,0
Вовчик, 1968, погр. 2	»	Мужчина	Фрагменты свода и основания черепа	Многочисленные фрагменты диафизов верхних и нижних конечностей	56,3
Вовчик, 1968, погр. 7	»	Не определяется	—	Фрагменты верхних конечностей и бедренной кости	29,5

* Принадлежность костей человеку не бесспорна. Слишком малы фрагменты.

** Грацильность нижней челюсти плохо вяжется с толстыми костями черепа. Не исключено, что здесь двойное захоронение.

В свете сказанного выше можно сделать несколько выводов, касающихся остатков из Рыжевки и Вовчика.

1. Большинство захоронений в могильниках у Рыжевки и Вовчика одиночные; 8% погребений двойных, причем в парных погребениях обнаружены либо только взрослые люди, либо взрослый с ребенком.

2. Никаких следов частичного захоронения умершего не наблюдается. В качестве единственной особенности ритуального характера может рассматриваться почти полное отсутствие зубов — ткани, сравнительно хорошо сохраняющейся при сжигании.

3. Судя по костным остаткам из могильников у Рыжевки и Вовчика, около половины населения ранних этапов черняховской культуры умирало до 30-летнего возраста, причем женщины умирали в более молодом возрасте. Детская смертность была весьма значительная. Такой характер палеодемографических данных вполне согласуется с результатами палеодемографических исследований в различных этнических группах этого времени на территории Европы.

И. А. БАРАНОВ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРЯЖКА ИЗ ЯЛТЫ

В 1960 г. в районе ялтинского городского пляжа при земляных работах была случайно найдена массивная серебряная пряжка с зоо- и антропоморфными изображениями[1]. Пряжка хорошей сохранности. До очистки она была покрыта тонким слоем патины, почти не повредившей изделия. Это говорит о высокой пробе металла. Вес пряжки после очистки 288,3 *г*.

Ялтинская пряжка выделяется из родственных ей изделий высоким уровнем художественного мастерства, делающим ее уникальной. Она состоит из продетого в щиток подвижного овального кольца, круглого в сечении, литого язычка, имеющего легкий загиб на конце, граненого сверху и полого внутри и круглого двупластинчатого щитка, который прикреплялся к концу пояса при помощи девяти серебряных заклепок с рельефными головками в форме трилистника. Общая длина пряжки 10,7 *см*, ширина кольца 7,1 *см*, сечение кольца 1 *см*, ширина верхней пластины щитка 6,7 *см* при толщине 0,35 *см*, толщина нижней пластины 0,1 *см*, длина язычка 5 *см* (рис. 1, 2).

Выдержанное в одном стиле оформление разных частей пряжки различно: язычок украшен рельефными изображениями, а щиток гравировкой с чернью. Язычок литой. В его основании — рельефное изображение скуластого мужского лица с удлиненными, слегка раскосыми глазами, остроконечной бородой и длинными прямыми усами с острыми концами. Волосы на голове и борода показаны точками и неглубокими короткими насечками. Эта часть язычка сильно потерта, что свидетельствует о длительном употреблении пряжки. Почти стерся нос, от которого сохранились лишь остатки широко посаженных ноздрей. На конце язычка — рельефное изображение головы барана с большими закрученными рогами. Шерсть его тоже изображена условно — точками и неглубокими насечками, нанесенными чеканом после отливки.

Особое внимание заслуживает верхний щиток пряжки. Как уже указывалось, он двупластинчатый, литой. Изображения нанесены лишь на его лицевой стороне путем гравировки и чернения рисунка внутри концентрических кругов, играющих роль рамки. Кроме того, верхний щиток пряжки и язычок были позолочены, слой позолоты сохранился лишь местами. На других частях пряжки следов золочения не обнаружено.

В изображениях на щитке можно различать два, отделенных кругом, самостоятельных сюжета. В центре последнего выгравирован триквестр «скачущих» друг за другом коней с длинными шеями, маленькими головами и большими торчащими ушами. Кони расположены вокруг солярного знака, имеющего форму трехлепестковой розетки, заключенной в небольшой круг (лепестки ее, вероятно, символизировали солнечные лучи). Внутри большого круга между изображениями коней помещены такие же трехлепестковые розетки; поле круга усеяно точками, по краю его—двойные лунки, а под мордами коней нанесены косые короткие насечки. Точки и лунки, возможно, тоже являлись астральными знаками, расположенными вокруг центрального—«солнца». Подобная символика была широко распространена в Иране, она связывалась с культом огня.

В пространстве между краем щитка и большим кругом нанесены стилизованные изображения восьми, как нам кажется, человеческих лиц, заключенных внутри древесного листа. В верхней части каждого листа под «глазами» нанесен круг с точкой в центре. Подобное слияние растительного и антропоморфного мотивов находит аналогии в орнаментации металличе-

[1] Пряжка хранится в фондах Ялтинского краеведческого музея, инв. ЯМК ТП 60—29
ДМ 5

Рис. 1. *А* — общий вид пряжки; *Б* — деталь щитка

ских изделий как юго-восточной, так и северо-западной Европы. Однако прямые аналогии нам неизвестны.

Остальная часть внешнего поля щитка украшена такими же кружками (вдоль края щитка, а фон, как и поле внутри большого круга, декорирован мелкими точками).

В декоративном отношении ялтинская пряжка имеет ряд характерных особенностей, позволяющих ее датировать и охарактеризовать в этнокультурном отношении. Наиболее близкая аналогия ялтинской пряжке опубликована Н. Феттихом. Это знаменитая серебряная пряжка с рунической германской надписью из Сабадбаттьяна в Венгрии[2]. Она полностью повторяет ялтинскую пряжку по форме и размерам и напоминает ее по технике изготовления, декору, и даже по форме заклепок. В пряжке Сабадбаттьяна мы также, как и в ялтинской, наблюдаем сочетание художественного литья с чернением и позолотой и присутствие помимо забивки фона точками античных орнаментальных мотивов — листьев и плетенки. Однако ялтинская пряжка отличается большим разнообразием орнаментальных сюжетов. Кроме того, позолота на Сабадбаттьянской пряжке нанесена только на щитке двумя зонами, в то время как на ялтинской были полностью позолочены щиток и язычок.

Другая близкая по типу пряжка, опять же впервые опубликованная Н. Феттихом, была найдена в г. Замосць в Польше. Она входила в состав комплекса V в., включавшего в себя фибулы, пряжки, большой наконечник пояса[3]. Эта пряжка на конце язычка имела рельефное литое украшение — голову зверя. Техника изготовления, фор-

[2] *N. Fettich.* Eine gotische Silberschnalle im Ungarischen Nationalmuseum. «Seminarium Kondakovianum», II. Prague, 1928, Taf. XIV, 1a.

[3] *N. Fettich.* Eine gotische..., Taf. XIV 2; *T. Sulimirski.* Znalezisko z Zamościa i jego tło. Arch. Pol., XI, z. 1. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1966, rys 4, *1*; 5, *1*.

ма и декор замосцькой пряжки те же, что и в венгерской или ялтинской, однако размеры ее значительно меньше. Подобные пряжки известны и в Румынии. Серебряная пряжка, близкая по форме и размерам ялтинской, с гравированным изображением рыбы была найдена в комплексе IV—V вв.[4]

Приведенные в качестве аналогии пряжки изготовлялись в V в. в провинциальных римских мастерских для варваров. Однако нельзя исключать их изготовление самими варварами по римским образцам. Подобные серебряные пряжки с врезным орнаментом и позолотой были характерны

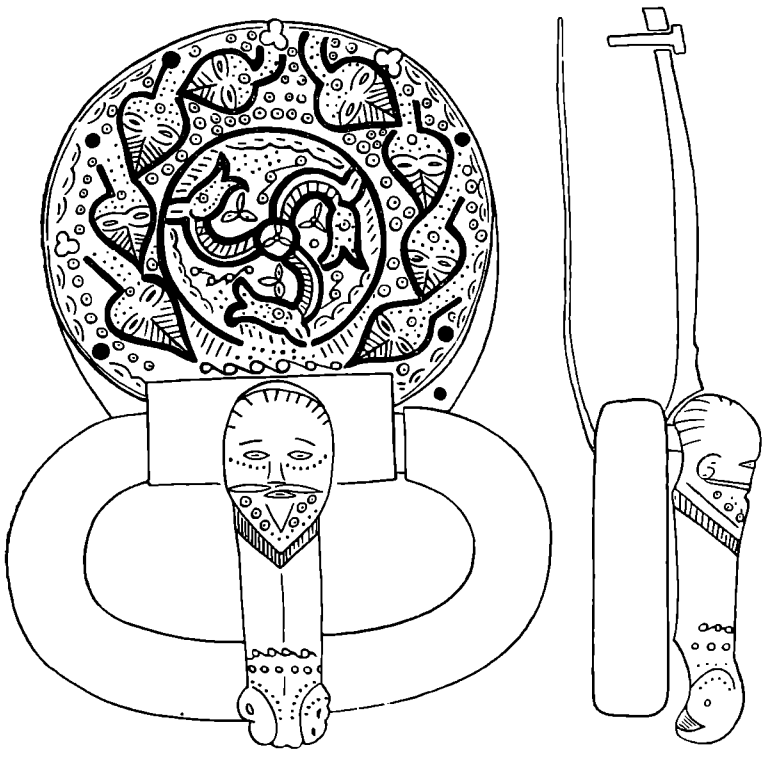


Рис. 2. Схематическая прорись пряжки и ее разрез ($^{9}/_{10}$ н. в.)

для более западных, чем Крым, районов. Они встречаются в комплексах первой половины V в. в Австрии, Польше и у нас на Западной Украине[5]. В Северном Причерноморье до этого они не встречались. Считают, что основу стиля подобных украшений в V в. положили художественные мастерские западных римских провинций. И. Тейрал писал, что такие пряжки в провинциях делались между 380—413/423 гг. Однако бытовать в варварской среде они могли и несколько дольше. Исходя из этого ялтинскую пряжку можно датировать в пределах V столетия. Близкие по технике пряжки Северного Причерноморья, опубликованные А. К. Амброзом и О. Д. Дашевской, относятся к тому же времени[6].

В отличие от датировки, вопрос об этнокультурной принадлежности ялтинской пряжки значительно сложнее, и мы не претендуем на его оконча-

[4] *C. Iconomu.* Noi mormînte paleocrestie la Mangalia. «Pontice», 2, Constanţa, c. 105, p. 24.

[5] *В. П. Петров, А. П. Каліщук.* Скарб срібних речей з с. Качин, Волинської області. «Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині», вип. 5, Київ, 1964, рис. 1, *8*; рис. 2.

[6] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА 1971, 2, стр. 103, рис. 2; *О. Д. Дашевская.* Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 55—56, рис. 3, *3*, 2, *12*, *13*, 4, *1*.

тельное решение. Решающее значение в данном случае приобретает стилистический и смысловой анализ ее декора. В этой связи мы остановимся на иконографических особенностях бородатого мужского лица на язычке пряжки. Аналогичные литые или штампованные детали украшений посуды, фибул и поясных наборов были широко распространены на большей территории Евразии. Их можно встретить и на вещах гото-гепидского круга в Венгрии, Италии [7] и Скандинавии [8]. Однако трактовка человеческих лиц в Западной и Центральной Европе отличается от изображения на ялтинской пряжке большей рельефностью изображения и нарочитой резкостью линий, приводящие порой человеческий образ к грубо схематизованному, переходящему в фантастический образ человеко-зверя. Стиль же выполнения лица на ялтинской пряжке, напротив, отличается заметной уплощенностью рельефа и плавностью линий. При этом манера изображения остробородого вытянутого лица с длинными прямыми усами и раскосыми щелевидными глазами совершенно не характерна для западной торевтики с ее окладистыми прямыми или овальными бородами и укороченными грубоватыми лицами. Иконография лица ялтинской пряжки приближает последнюю к восточным древностям. Ее стиль характерен для Закавказья и Ирана кушано-сасанидской эпохи. Аналогии можно найти в изображениях царей на раннесасанидских монетах [9], в облике кушаншаха Варахрана на серебряном блюде, на раннесасанидских сосудах [10]. Все они выполнены по единому иконографическому канону, развитие которого можно проследить от древнеперсидского времени до завоевания Ирана и Закавказья арабами в VII в. Таким образом, изображение лица на ялтинской пряжке характерно для вещей иранского круга сасанидского времени. Те же корни прослеживаются и в сюжетах на ее щитке.

Более узко локализуется мотив коней, скачущих вокруг солнца. Он был распространен в иранских древностях Северного Причерноморья и Кавказа, уходя корнями в глубокую древность. Триквестр из конских головок, расположенных вокруг солярного знака, можно встретить уже на бронзовых зеркалах ассирийского Междуречья [11]. Его появление в Северном Причерноморье, вероятнее всего, было связано с проникновением в эти районы ираноязычных племен. Мы встречаем этот мотив в погребениях ранних скифов на юге Восточной Европы. Четыре серебряных бляхи с солярным знаком и головками коней вокруг него были найдены И. Е. Забелиным в кургане Толстая могила близ станции Краснокутская [12]. Близкие по сюжету и времени вещи были обнаружены в кургане Огуз и в кургане № 8 близ с. Волковцы. Все они являлись украшениями конской сбруи, связаны с культом коня у скифов и датируются VIII—VII вв. до н. э. [13]. Стилистически более близка изображениям ялтинской пряжки бляшка из кургана у с. Волковцы. На ней, так же как и на щитке пряжки из Ялты, кони схематизированы. У них очень длинные шеи и непомерно большие уши; они расположены вокруг четырехлепестковой розетки.

Сходны по композиции и бляшки из скифского Александропольского кургана. На одной из них изображено мужское лицо, окруженное шестью бычьими головами, другая — с четырьмя головами кабанов, расположен-

---

[7] *G. Annibaldi, J. Werner.* Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta. «Germania», 41, 2. Berlin, 1963, Taf. 40, *1, 2*; 42, *1, 2*.

[8] *E. Nylen.* Der Norden und die Verbindungen mit dem thrakisch-dakischen Raum. «Studia Gotica», Stockholm, 1970, Fig. 1, *2a*.

[9] *Р. Фрай.* Наследие Ирана. М., 1972, рис. 75, 76, 89.

[10] *В. Г. Луконин.* Культура сасанидского Ирана. М., 1963, стр. 149, рис. 24, табл. XII, XIII.

[11] *A. Godard.* Umetnost Irana. Beograd, 1973, p. 65, fig. 78, 79.

[12] *И. Толстой* и *Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. 2. СПб., 1889, стр. 103—104, рис. 91; Древности Геродотовой Скифии, вып. II. СПб., Атлас, табл. XXIII, *7*.

[13] *В. А. Ильинская.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени. МИА, 130, 1965, стр. 211, рис. 4.

ными вокруг солярного знака [14]. Аналогичные украшения конской сбруи известны в Болгарии и Румынии [15].

Этот мотив продолжает бытовать у скифо-сарматских племен и в римский период. Так, в Федуловском кладе известны пять бляшек, на которых были оттиснуты изображения конских головок, расположенных вокруг розетки-солнца [16]. В дальнейшем этот мотив можно проследить в раннесредневековой торевтике Кавказа (могильник Чми) [17]. Все приведенные для аналогии вещи выполнены в технике невысокого рельефа, однако и чернение как декоративный прием к тому времени имеет уже глубокие корни.

В раннесредневековое время подобные вещи появляются и в Центральной Европе. Нам пока известна лишь одна бляшка с подобным мотивом из Баварии [18]. Она представляет собой нашивную пластину, состоящую из триквестра «конских» головок на длинных шеях, симметрично расположенных вокруг солнечного диска. Однако в отличие от подобных вещей из Северного Причерноморья или Кавказа, «кони» баварской бляшки больше походят на змей. Можно предположить, что на этот пришедший с Востока мотив оказали влияние предметы торевтики скандинавского происхождения, в частности, вещи связанные с культом змеи. При этом старый «конский» мотив на бляшке из Баварии трансформировался в нечто новое как по стилю, так и по духовному содержанию.

Исходя из сказанного выше мы можем сделать вывод, что ялтинская пряжка, судя по содержанию сюжетов и стилю изображения, была изготовлена в V в. в сармато-аланской среде Северного Причерноморья. Причем образцом для нее могли служить как изделия римских провинциальных мастеров, так и их варварские подражания. В сюжетах и технике ялтинской пряжки отразились сложнейшие процессы духовного и материального синкретизма культур Европы и Востока, резко усилившиеся в эпоху Великого переселения народов.

[14] Древности Геродотовой Скифии, I, СПб., 1866, Атлас, табл. XIII, 1—3.
[15] *Д. П. Дмитров.* Материалната култура и искусство на траките през ранната елинистическа епоха. «Археологически открытия в Болгария», София, стр. 65, рис. 2.
[16] *И. П. Засецкая.* Назначение вещей Федуловского клада. «Археологический сборник», вып. 7, стр. 35, рис. 7, *3*.
[17] *И. Толстов* и *Н. Кондаков.* Русские древности..., вып. 3, стр. 122, рис. 138.
[18] *N. Fettich.* Archäologische Studien zur Geschichte der spathunnischen Metallkunst. AH, XXXI, Budapest, 1951, pl. XXIV, 3.

М. Г. МАГОМЕДОВ

КОСТЯНЫЕ НАКЛАДКИ СЕДЛА ИЗ ВЕРХНЕЧИРЮРТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В последние годы в Приморском Дагестане ведутся раскопки обширного Верхнечирюртовского городища, расположенного у пролома хребтов, откуда р. Сулак вырывается на равнину. Городище занимало стратегически важный пункт на Прикаспийском пути, бывшем основной магистралью кочевников для вторжений в страны Закавказья и Переднего Востока. Протянувшись на расстоянии до 1 *км* вдоль обоих берегов реки, городище замыкает выход из Чирюртовской долины, естественно защищенной с трех сторон отрогами предгорных хребтов. С открытой приморской стороны оно было укреплено массивными оборонительными сооружениями [1]. Верхнечирюртовское городище, как нам кажется, следует отождествлять с ранней столицей Хазарии — городом Беленджером [2].

[1] *М. Г. Магомедов.* Верхнечирюртовское городище. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, 19, Махачкала, 1970, стр. 147.
[2] Там же, стр. 159.

К его остаткам примыкают и несколько одновременных могильников. Различные по своим конструкциям, но общие по характеру представленного в них инвентаря погребения этих могильников отражают этническую и социальную пестроту обитателей города. Могильники с захоронениями в грунтовых ямах, в подбойных могилах и бескурганных катакомбах протянулись вдоль р. Сулак к югу от городища. Основной могильник с захоронениями в подкурганных катакомбах простирается к северу и северо-востоку

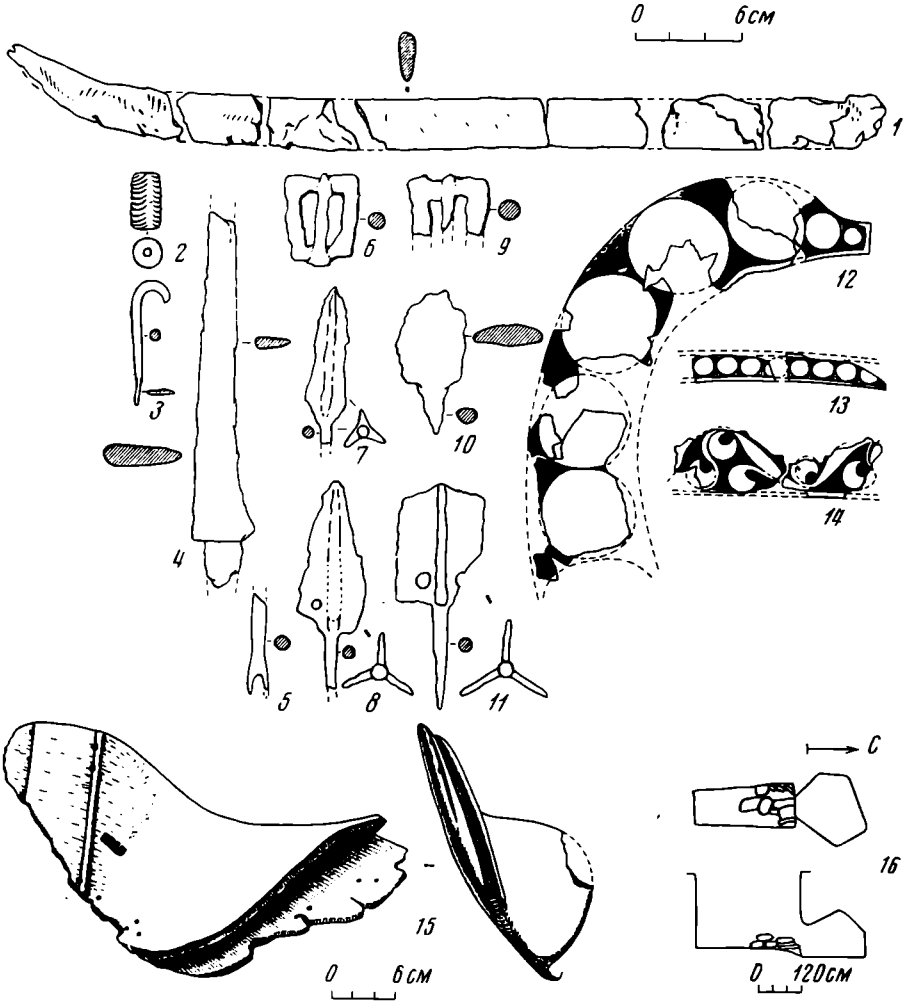


Рис. 1. Вещи из катакомбы под курганом 17: *1* — обломок сабли; *2* — сердоликовая бусина; *3* — серебряный крючок; *4* — железный нож; *5* — остатки древка стрел; *6, 9* — железная пряжка; *7, 8, 10, 11* — наконечники стрел; *12, 13, 14* — костяные накладки на седло; *15* — деревянная полка седла; *16* — план и разрез катакомбы; *2—14* — разные масштабы

от городища у подножья приморских хребтов. Протянувшись более чем на 3 *км*, он примечателен крупными размерами курганных насыпей, достигавших нередко более 50 *м* в диаметре и до 5—6 *м* высоты. Значительны по размерам и тщательно сооружены и погребальные камеры, достигавшие 3—4 *м* длины и до 2 *м* ширины. Сводчатые или двухскатные потолки камер достигают иногда 2 *м* высоты и напоминают по форме интерьер кочевнических кибиток. Эти их особенности и, главное, богатый погребальный инвентарь, выявленный в катакомбах, свидетельствуют о принадлежности могильника наиболее привилегированной части обитателей городища, возможно, собственно хазарам.

Настоящая статья посвящена уникальным находкам из погребения этого могильника, исследованного под номером 17 на северо-восточной окраине курганного поля [3].

Насыпь кургана диаметром около 24 *м* состояла из плотно слежавшегося суглинка и достигала 1,6 *м* высоты. В центре находилось погребение. Дромос погребения имел глубину до 2,2 *м*, ширину 1 *м* и был вытянут на 3 *м* с юга на север (рис. 1, *16*). Он был заполнен рыхлой землей, смешанной с фрагментами костей и рваными камнями, количество которых возрастало в северной части. Под скоплением камня сохранились и остатки основания разобранной грабителями стены, которой был замурован сводчатый вход в погребальную камеру (как раз на эту стену приходится геометрический центр насыпи). Среди обильной растительной трухи и человеческих костей, встречавшихся при расчистке остатков этой стены, были найдены золотая византийская монета и сердоликовая цилиндрическая бусина с рифленой поверхностью (рис. 1, *2*). Подчетырехугольная в плане и несколько вытянутая к востоку погребальная камера, вырытая, как и дромос, в толще материковой глины, углублена на 20 *см* ниже дна дромоса. Ее длина 2,15 *м*, ширина 1,6 *м*, высота двухскатного потолка в средней части 1,25 *м* и по бокам 0,85 *м*. По всей камере были разбросаны фрагменты человеческих костей вперемежку с деревянной, костной, а также растительной трухой, являвшейся остатками камышовой подстилки под погребенным. Среди них найдены и некоторые предметы погребального инвентаря, оставленные на месте грабителями (рис. 1). В дальнем северо-восточном углу камеры лежали сваленные в кучу фрагменты однолезвийной, слабоизогнутой сабли (изгиб сабли составляет 1,5 *см* на 18 *см* длины концевой части сабли). Обломки эти примечательны тем, что являются наиболее ранними образцами оружия нового типа, широко распространившегося в степном мире с VIII в. [4]. Вместе с ними лежали обломки ножей, двух железных пряжек и серебряного крючка. Здесь же найдены массивные двух- и трехлопастные железные черешковые наконечники стрел, всего 8 экз. Некоторые из них имеют на лопастях отверстия. Трехлопастные стрелы довольно часто встречаются в катакомбах Верхнечирюртовского могильника. Они как наиболее распространенный тип стрел раннесредневековой эпохи представлены на огромных просторах Юго-Восточной Европы, Средней Азии и Сибири [5]. Особый интерес представляют истлевшие остатки седла, сваленные в кучу у северной стенки камеры. От него сохранились незначительные остатки кожи, деревянная основа одной седельной полки (рис. 1, *15*) и фрагменты костяных накладок седла, украшенных различными рисунками (рис. 1, *12—14*). Форма седельной полки позволяет отнести ее к остаткам седла древнего типа с дугообразной передней лукой [6].

Тонкие костяные пластинки, наиболее крупная из которых имеет дугообразную форму, украшены рядом кружочков, выделяющихся белым цветом на фоне, покрытом черной краской. Небольшие фрагменты с растительным орнаментом, выявленные здесь, имеют близкие аналогии в облицовке задней луки седла с могильника Кудыргэ [7].

---

[3] *М. Г. Магомедов.* Отчет о работе Северного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1969 г. Махачкала, 1970. Рукописный фонд Дагестанского филиала АН СССР, ИИЯЛ, д. № 274.

[4] *Н. Я. Мерперт.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 134; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 156.

[5] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 160; *Л. Р. Кызласов.* История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 76; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 294; *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ. М.— Л., 1965, стр. 88.

[6] *А. И. Вайнштейн.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. Тр. ТАЭ II, М.— Л., 1966, стр. 326—329, табл. X—XI; *А. А. Гаврилова.* Ук. соч., стр. 85; *С. И. Вайнштейн.* Историческая этнография тувинцев. М., 1972, стр. 13—136.

[7] *А. А. Гаврилова.* Ук. соч., стр. 63, рис. 8.

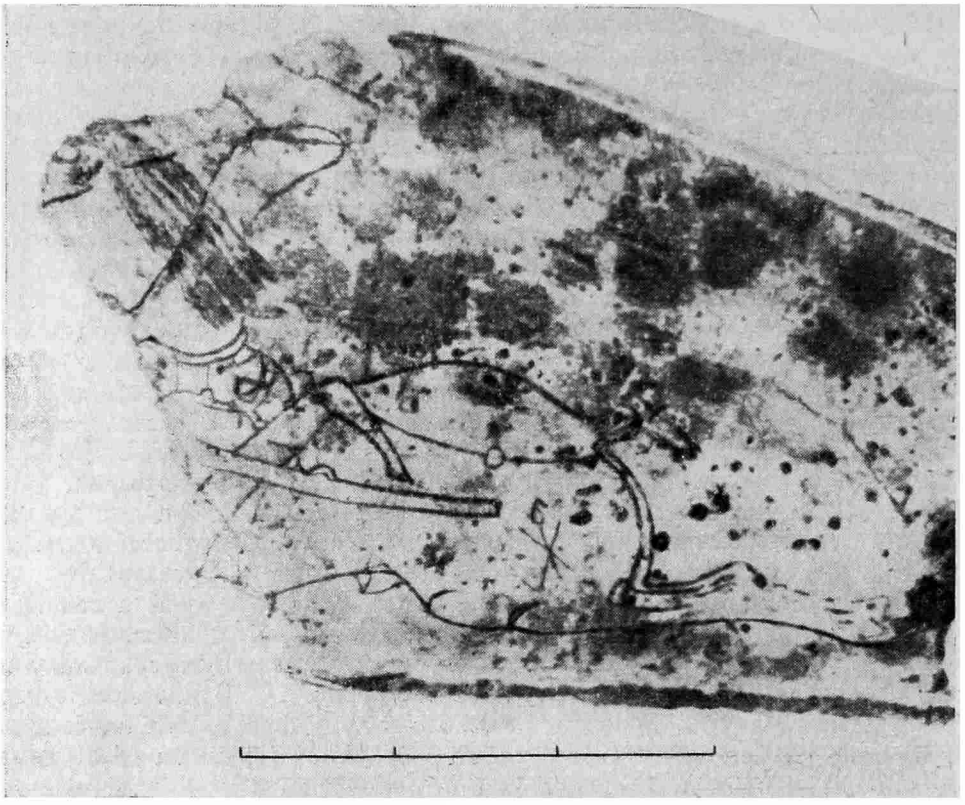


Рис. 2. Деталь костяной накладки с изображением всадника (фото)

Относительно хорошо сохранились остатки двух накладок с выгравированными на них сценами охоты (рис. 2, 3). Они выполнены ножом или резцом по гладкой поверхности кости. Для большей выразительности контуры рисунков, по-видимому, были заполнены красками, от которых сохранились слабо заметные остатки черного цвета.

На одной из накладок (рис. 2 и 3, *2*) со слабым изгибом и толщиной около 2 *мм* сохранилась часть изображения всадника. Судя по приподнятому правому локтю, он стреляет из лука. С головы его ниспадают до пояса семь кос, туго перевязанных у концов. Всадник вооружен коротким кривым кинжалом со скошенной рукоятью с брусковым навершием и длинной слабоизогнутой саблей, прикрепленной к поясу с помощью портупеи. Рядом подвешен изогнутый футляр для лука — горит. Над горитом неясные следы, возможно, колчана со стрелами. От седла неясно видны передняя и задняя лука и четко различимые подпружные и подхвостные ремни. Две железные пряжки, найденные в самой катакомбе, могут косвенно свидетельствовать об использовании седла с двумя подпругами, необходимыми для езды по горам. Горизонтальные черты, возможно, являются следом копья: оно висит на ремне за спиной всадника, как их носили тюрки [6].

Мастерство древнего художника особо ярко выражается в изображении лошади. Она выполнена в летящем галопе, с большим реализмом подчеркнуты мельчайшие детали напряженных мышц левой ноги, вытянутой параллельно правой. Хвост связан в узел. Четко изображенный тамговидный знак на крупе лошади (стрелы на фоне двух пересекающихся линий) является, очевидно, указателем родо-племенной принадлежности ее хозяина.

Вторая накладка (рис. 3, *1*), несколько меньших размеров, имеет ленточную форму со слабым изгибом и составляет около 2 *мм* толщины. Плохо сохранившиеся ее концы также исключают возможность полного воссоз-

[6] *А. Н. Кирпичников.* Древнерусское оружие. Л., 1971, стр. 67.

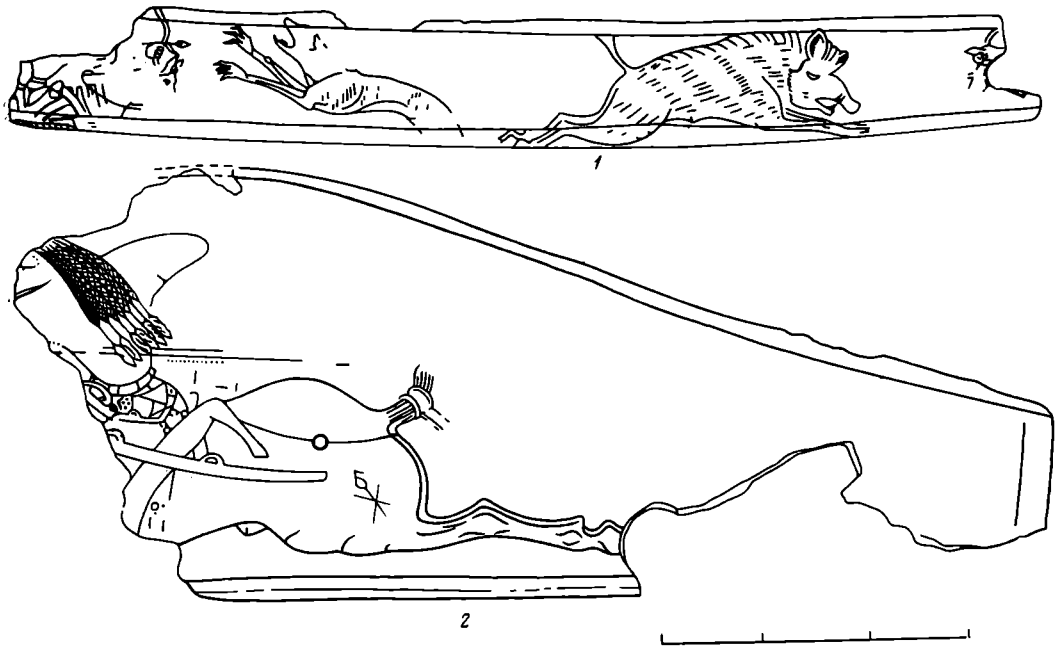


Рис. 3. Костяные накладки на седло из камеры катакомбы 17: *1* — узкая накладка с изображением гепарда (волка?) и кабана; *2* — накладка с изображением всадника

дания сложного сюжета изображений. Центральное место на нем занимают изображения фигур вепря и гепарда (или волка?), устремившихся в противоположные стороны. Вепрь, направленный в правую сторону, изображен в стремительном беге. Щетина изображена короткими резными линиями. Ощетинившаяся грива и приподнятый хвост подчеркивают ярость вепря. Параллельно и близко изображенные друг к другу передние и задние ноги его выходят за пределы окантовки накладки, тем не менее мастер дал их полные очертания. Вепрь устремился на охотника, от изображения которого сохранились лишь кисть руки, часть лука, острие стрелы и ухо лошади. В противоположную от вепря сторону устремился гепард (или волк?) с раскрытой пастью. Маленькая голова, длинные ноги и, главное, большие невтяжные когти свидетельствуют о том, что это именно гепард. Изображенная в броске лишь передняя часть гепарда передана столь реально, что позволяет представить весь его облик.

От изображения на левом крыле накладки сохранилась часть талии охотника, затянутая ремнем, колчан и левая рука, вытянутая вперед с зажатым древком сложного лука. Стрела с массивным наконечником, направленная в гепарда, и несколько наклонившаяся вперед талия всадника как бы подсказывают, что туго натянутая тетива должна решить исход этого поединка. От изображения лошади сохранилась лишь лобная часть головы, уши лошади навострены; мастер подчеркнул напряженность момента. Среди непонятных линий, сохранившихся на накладке перед всадником, можно различить лишь свободно брошенную на шею лошади уздечку. Обращает внимание несоразмерность руки с уцелевшей фигурой всадника. Всадник сделан в более мелком масштабе. Прослеживаются контуры его протянутой вперед руки, длинная одежда и согнутая в колене выдвинутая вперед нога. Рука с луком, вероятно, принадлежит второму, более крупному всаднику. Плохая сохранность не позволяет решить: связано ли это с переделкой рисунка или были изображены взрослый воин с мальчиком?

Описанные накладки с Верхнечирюртовского могильника являются уникальными произведениями раннесредневекового искусства, аналогии которым можно найти лишь в деталях. По стилю выполнения и сюжету

они выступают как бы промежуточным звеном между искусством кочевников Азии и сасанидского Ирана. С последними их объединяют общность древних мотивов сцен охоты, запечатленных на многочисленных серебряных блюдах, в большом количестве происходящих из Дагестана [9].

Крепление сабли налучья и колчана к поясу с помощью портупеи является приемом, характерным для снаряжения воинов по всей Азии [10]. Зато на произведениях сасанидского искусства лошади, как правило, изображены со связанными в узел хвостами [11].

Однако в стиле изображения между ними имеются и существенные различия. Созерцательно застывшие и более стилизованные изображения, особенно характерные для конца сасанидской эпохи [12], выполнены на металле. Верхнечирюртовские рисунки выгравированы на кости, чего мы не знаем в сасанидском искусстве, и отличаются от последних подчеркнутым динамизмом движений. В этом плане наиболее близкими аналогиями им являются роговые седельные накладки из Кудыргинского могильника [13] и рисунки на тепсейских планках [14]. Однако и эти памятники изобразительного искусства, восходящие своими корнями к героическому эпосу ранних кочевников [15], выглядят по сравнению с верхнечирюртовскими упрощенно-схематичными, выполненными с применением несколько условных приемов.

Верхнечирюртовские накладки отражают более высокую ступень изобразительного искусства, основа которой восходит к традициям ранних кочевников, но претерпела влияние стереотипных канонов сасанидского искусства. Этот явный синкретизм проявляется не только в композициях, в стиле исполнения, но и в конкретных деталях, запечатленных на них. Например, хвост лошади по сасанидскому обычаю завязан сложным узлом, неизвестным на кочевнических изображениях Сибири и среднего Дуная. Напряженные мышцы задней ноги лошади и кабана переданы, согласно сасанидской манере, поперечными дужками. Но на иранских блюдах их концы направлены вперед, а на верхнечирюртовской накладке — назад. Кабан близок также сасанидским образцам (шерсть передана рядами штрихов, щетина на хребте — вертикальными штрихами). Но и здесь трактовка мотива иная: на иранских блюдах щетина на хребте наклонена вперед, на костяной пластинке — назад. Эти, на первый взгляд, незначительные отступления от сасанидской традиции сделаны художником сознательно, чтобы подчеркнуть стремительность движения вперед. С той же целью изображение лошади более вытянуто по горизонтали, чем на сасанидских чашах и рельефах. Художники Ирана и Беленджера ставили перед собой разные задачи. Сасанидские охотничьи сцены не были жанровыми картинками. Они предназначались прославлять величие и мощь царской власти. В самых напряженных схватках их герой как бы плавает в воздухе, часто даже его лицо обращено к зрителю. Художники подчеркивали силу царя и побеждаемых им зверей. Иное дело в искусстве кочевников. Здесь прославляется не божественность царской власти, а удаль богатырей, полнота жизни и борьбы. Основное в публикуемых изображениях — не отдельные художественные приемы искусства Ирана, а отражение быта местных кочевников. С ним связано оружие всадника,

---

[9] *И. А. Орбели.* Избранные труды. Ереван, 1963, стр. 283; *И. А. Орбели, К. В. Тревер.* Сасанидский металл. М.— Л., 1935, стр 16.

[10] *В. И. Распопова.* Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 86—90.

[11] *И. А. Орбели, К. В. Тревер.* Ук. соч. (см. иллюстрации).

[12] *Ричард Фрай.* Наследие Ирана. М., 1972, стр. 317.

[13] *А. А. Гаврилова.* Ук. соч., стр. 35.

[14] *М. П. Грязнов.* Миниатюры Таштыкской культуры. АСбГЭ, 13, 1971, стр. 94.

[15] *М. П. Грязнов.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. АСбГЭ, 3, 1961, стр. 21; *его же.* Ук. соч., стр. 104.

особенно неизвестная в Иране, Средней Азии и Китае изогнутая сабля, а также прическа из распущенных по плечам кос [16].

Эти особенности, воплощенные на верхнечирюртовских накладках, на которых как бы переплелось искусство двух миров, обусловлены конкретными историческими причинами. Накладки вполне могли быть творением местного ремесленника, хорошо знакомого с навыками сасанидского изобразительного искусства и работавшего на хазарскую знать, удовлетворяя их вкусы и запросы. Подобное происхождение их подкрепляется найденной вместе с ними византийской монетой, которая датируется 582—602 гг. [17]

VII — началоVIII в. можно считать временем создания этих накладок. Это период тесных хазаро-сасанидских и хазаро-албанских контактов, когда интересы разных государств неоднократно переплетались на территории приморского Дагестана.

Возникает вопрос: не является ли изображение верхнечирюртовского всадника именно с косами уточнением этнического лица (заказчика)? Обычай заплетать волосы в косы отмечает Каганкатваци в отношении хазар вообще, не уточняя при этом конкретных косоносцев [18]. В одном месте он называет Джебгу-кагана, наместника царя севера, предводителя звероподобного народа косоносцев, в другом он пишет о бритоголовых и косоносцах, подвластных царю севера, и, наконец, описывая штурм хазарами Дербента, он пишет, что они устремились в бой в образе женщин с распущенными волосами [19]. Среди хазарских племен, осевших в приморских районах северо-восточного Дагестана, косоносцами могли быть и авары, чьи волнистые волосы, заплетенные в косы, исторически засвидетельствованы [20]. Авары-косоносцы, проникшие из далеких восточных империй в северокавказские степи [21], не все, по-видимому, ушли затем на Дунай, где также известны их изображения с косами [22]. Часть авар осталась, очевидно, в составе хазарского каганата. С их возможным пребыванием в Дагестане исследователи связывают и происхождение имен раннефеодальных правителей Серира, таких, как Авар, Баяр [23].

Таким образом, верхнечирюртовские накладки являются не только яркими произведениями изобразительного искусства, но и ценными источниками для понимания этнокультурных процессов, происходивших в Прикаспийской Хазарии в VII—VIII вв.

[16] *В. А. Шишкин.* Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ, IV, Л., 1947; *А. А. Гаврилова.* Ук. соч., стр. 35; *М. П. Грязнов.* Древнейшие памятники..., стр. 104.

[17] Монеты с Верхнечирюртовского могильника определены В. В. Кропоткиным, за что приношу ему глубокую благодарность.

[18] *Моисей Каганкатваци.* История агван. СПб., 1861, стр. 110.

[19] *Моисей Каганкатваци.* Ук. соч., стр. 104, 105.

[20] *М. И. Артамонов.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 81.

[21] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 103.

[22] *Laszlo Gyula.* A «kettös honfoglalás»-ról. Archaelogiai értesitö, 97, 2. Budapest, 1970, стр. 176, рис. 7.

[23] *В. Ф. Минорский.* История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963, стр. 132; *Б. Н. Заходер.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 123.

Р. Ф. ВОРОНИНА

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ВЕРОВАНИЙ СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ VIII—XI вв.

Вопрос идеологии, религиозных представлений среднецнинской мордвы VIII—XI вв. весьма сложен и не изучен. Сказывается отсутствие письменных источников. Изучение погребального обряда и инвентаря среднецнинских могильников этого времени проливает свет на эти представления.

По всей вероятности, в верованиях среднецнинской мордвы большое распространение имело представление о потустороннем мире, «том свете». Мордва представляла его как продолжение жизни земной. Именно с подобными представлениями связан и обычай класть в могилу с покойником все те вещи, которыми он пользовался при жизни, вплоть до оружия и орудий труда, напутственной пищи, необходимой умершему по дороге на тот свет, и жены или наложниц у самых богатых. В связи с этими представлениями погребения среднецнинских могильников являются прекрасным источником для изучения их идеологии и для важных исторических выводов о их хозяйстве и социальном строе общества того времени и верований.

По-видимому, у среднецнинской мордвы был довольно распространен культ предков: представление о том, что души умерших сородичей могут стать добрыми духами, покровительствующими своему роду. Вероятно, с этим культом и связаны поминальные обряды — тризны, описание которых содержится в старинных мордовских песнях [1]. Остатки тризн обнаружены при раскопках погребений среднецнинских могильников. Это встреченные в засыпке могил расколотые кости животных и фрагменты лепных сосудов. Проявление этих тризн у различных родовых групп среднецнинской мордвы разнообразно, что говорит о их разобщенности. Особый интерес в этом отношении представляют находки над некоторыми группами погребений мощных кострищ, у краев которых бывают поставлены лепные сосуды. Эти погребения содержали трупоположения, ориентировка которых имела отклонение к востоку. Объяснение этим находкам обнаружено у Т. Е. Евсеева.

Описывая религиозные обряды мордвы Пензенской губернии, Евсеев дает сведения о молениях некоторых сел у двух берез. На этих молениях жертвуют овец или бычков. Мясо этих жертвенных животных делят на две части и варят, а затем крошат в особое корыто. Женщины из села приносят по горшку с кашей. Втыкают в каждый горшок по веточке березы, затем зажигают свечи и ставят вокруг березы или столба. После этого выходят две женщины и один мужчина, обходят вокруг горшков, обхватывая крайние из них через белый платок и делают три поклона, после чего моление кончается. Горшки разбираются, часть продуктов оставляется пастухам. «На следующий день повара вновь собираются сюда же провожать покойников на свои места». Приносят сюда свою стряпню, а также то мясо, которое было отделено в первый день моления. Угощают еще раз своих предков, а затем просят их отправиться на свои места и без приглашения не приходить к живым.

Это моление называется кучельмат — посылки гостинцев [2]. Возможно, поставленные у краев кострищ горшки в данном случае являлись теми гостинцами «кучельмат», которые были оставлены после моления на территории могильника. Аналогичные обряды, связанные с тризнами и поминальными кострами, существовали и у других народов в более позднее время. Так, Гуревич приводит сообщение польского историка Длугоша, который, описывая нравы и обычаи литовских и эстонских язычников, отмечает, что «в первые числа октября у литовцев в лесах, где они сжигают своих мертвецов, совершаются торжества; туда стекался народ с пищей и питьем, и они у костров делали приношения богам. Родичи группируются у погребального костра, как в обычной жизни у домашнего очага» [3].

В виде пережитка сохранился обычай приносить угощения, гостинцы покойникам и до наших дней. Так, в Каширском районе Московской области на новом каширскоом кладбище, общем с несколькими близлежащими

[1] Мордовские народные песни. М., 1958, стр. 36—37.

[2] *Т. Е. Евсеев.* Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии. «Живая старина», 1914, вып. 1—2, стр. 44.

[3] *Ф. Д. Гуревич.* Обряды погребения в Литве. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 35.

селами, и до сих пор можно видеть положенные на могилу конфеты, печенье и рассыпанное пшено. Старики с. Аладино сообщают, что раньше в их селах приносили покойникам куски каши. Сейчас вместо нее на могилы сыпят крупу — пшено для птиц. Во всех этих обрядах содержится отдаленное стремление задобрить духов предков.

В ряде погребений прослеживается суеверный страх перед умершим. Таковы костяк со связанными в голенях ногами, встреченный в погр. 72 Пановского могильника. Исследователь ранних форм религии С. А. Токарев отмечал, что «боязнь умершего, не биологический страх смерти, а в известной мере отражение зарождающегося социального расслоения. Отсюда в значительной степени объясняются и те обряды, которые направлены на обезвреживание мертвеца: связывание и ломание членов... Покойника боятся не потому, что он покойник, а прежде всего потому, что его боялись при жизни.... Иногда боятся того покойника, кого сам род смерти поставил в особое положение: таковы разные колдуны, либо самоубийцы, либо люди, погибшие насильственной смертью» [4].

Для мордвы обряд связывания ног не характерен, но широко распространен у болгар и алан. Возможно, в погр. 72 Пановского могильника похоронена чужеземка, которую побаивались, сторонились при жизни и обезвредили после смерти. Однако эта черта верования — не местная, а так же, как обычай класть монету в руку или рот покойника, южного происхождения. Я не буду останавливаться на этом вопросе, так как он разбирается в специальной статье, посвященной южным влияниям в культуре среднеднинской мордвы.

Культ огня. По всей вероятности, в верованиях некоторых родовых групп был широко распространен культ солнца и огня. Культ огня играл довольно большую роль в верованиях многих народов. Отдельные его пережитки отмечаются этнографами у некоторых народов и до настоящего времени. Так, у отдельных народов Алтая жертвы огню приносят во время свадебных церемоний [5].

Особенно широко распространены его пережитки в Средней Азии. Г. П. Снесарев отмечает, что могучим оберегом в Хорезме является огонь и хлеб [6]. Известна лечебная церемония «Алас», в которой использовалась сакральная сила огня. Упрощенный вариант аласа применялся тогда, когда вред, нанесенный злой силой, не считался уж слишком существенным. В этом случае на перекрестке четырех дорог разводился небольшой костер (чор-сув), потерпевший трижды обходил вокруг него и всякий раз перешагивал через огонь [7]. Немалую роль этот культ играл и у среднеднинской мордвы VIII—XI вв., что нашло отражение в первую очередь в погребальном обряде.

Проявление этого огненного ритуала в среднеднинских могильниках довольно разнообразно, что дает возможность высказать предположение о большой разобщенности родовых групп. Выше я уже говорила о наличии кострищ над группой погребений, содержащих погребения с восточной ориентировкой. Костер разводился над наполовину засыпанной землей гробовиной, а иногда и над чуть засыпанной, вследствие чего крышка гробовины бывает обуглена (погр. 2 (619) Крюково-Кужновского могильника).

Мощность кострищ — 20—30 *см*. Они покрывают все погребение (погребения 589, 590 Крюково-Кужновского могильника) либо лишь часть его, располагаясь в головах или в ногах костяка. При этом они были обнаружены как над мужскими, так и над женскими и детскими погребениями этой

---

[4] *С. А. Токарев.* Ранние формы религии. М., 1964, стр. 186.

[5] *А. Е. Ефимова.* Телеутская свадьба. Материал по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926, вып. I, стр. 231.

[6] *Г. П. Снесарев.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 40.

[7] Там же, стр. 42.

группы. По всей вероятности, это очистительные поминальные костры, аналогичные кострам, описанным Длугошем у литовских язычников XV в.

Наряду с описанными выше кострищами в мордовских среднецнинских могильниках (Пановском, Елизавет-Михайловском и Крюково-Кужновском могильниках) встречается и другая деталь погребального обряда, связанная, очевидно, также с культом огня. Это обычай бросать в засыпку могильной ямы древесные угли, возможно, взятые с поминального родового костра или с ритуального места на могильнике, где проводилось сожжение умерших. Подобный обряд встречен как в мужских, так и в женских погребениях. Как правило, в засыпке могильных ям встречаются фрагменты лепной керамики.

Одновременно с тем на территории могильников среднецнинской мордвы в VIII—XI вв. иногда встречается обычай посыпать покойника углем. Правда, этот обряд встречается значительно реже, чем два других типа огненного ритуала (В Крюково-Кужновском могильнике погребения с этим типом огненного ритуала составляют 0,3%, а в Пановском и Елизавет-Михайловском — несколько больше 1,3% всех погребений). Возможно, появление этого обряда связано с распространением представлений, близких к представлениям зороастризма о том, что труп — что-то нечистое и должен быть очищен огнем, чтобы не осквернить землю.

Вероятно, с культом огня и солнца связаны и сам обряд трупосожжения, распространившийся во второй половине I тысячелетия н. э. С. А. Токарев, изучавший ранние формы религии, считает, что обряд трупосожжения связан с включением солнца в тотемическую систему. По его мнению, подобные представления можно наблюдать у некоторых народов, стоящих на более высокой стадии развития, в частности у народов южной части Индии.

Так, у племен бихор есть тотемический клан солнца, но наряду с тем солнце почитается всем племенем. У племени нагалов солнце чтится всеми членами тотемического рода, умершие подвергаются сожжению, тогда как все другие роды закапывают своих покойников в землю [8]. Возможно, погребения с трупосожжениями в среднецнинских могильниках оставлены родовой группой с аналогичными тотемическими представлениями.

С тем же культом огня и солнца, вероятно, связаны и находки в ряде женских погребений среднецнинской мордвы круглых ажурных блях. Эти бляхи представляют собой ажурное колесо — символ солнца. К нижнему краю этой кольцевидной ажурной бляхи припаяно от 5 до 9 колец, к которым на восьмеркообразных звеньях подвешены привески в виде лапок водоплавающих птиц. Птицы, и особенно водоплавающие, у многих народов связаны с культом солнца, ибо начало весны, увеличение дня, приближение сева знаменовались прилетом птиц и в первую очередь водоплавающих. Аналогичное явление мы, вероятно, наблюдаем и у среднецнинской мордвы VIII—XI вв. Утка, лебедь у мордвы — священные птицы. Согласно их верованиям, лебедь — посланец верховного мордовского бога Нишке. Об этом говорится в одной народной мордовской песне.

«И хорошая птица лебедь,
И красивая птица лебедь,
Любит лебедя бог Нишке.
Лебедь — птица, любимая богом...

Посылали лебедя боги,
Посылал эту птицу Нишке
Полетать над миром над нашим,
Побывать средь народа тайно,
Посмотреть на богатых и бедных,
Попытать их правду и кривду» [9].

[8] *С. А. Токарев.* Ук. соч., стр. 24.
[9] Мордовские народные песни. М., 1958, стр. 24.

По всей вероятности, вместо изображения целой птицы мордва изображала лишь лапки водоплавающей птицы. Изображение это имело магическое значение и связывалось с культом солнца. Было своего рода оберегом от злых сил. Верхняя часть круглой ажурной бляхи была украшена двумя обращенными в разные стороны стилизованными конскими головками. Образ коня, так же, как и образ птиц, повсеместно связан с культом солнца. Конь — символ счастья, благоденствия и плодородия. Он был священным животным, которого приносили в жертву богу многие народы, в том числе и угро-финские. По поведению коня гадали об удаче или неудаче [10]. Так, из письменных источников известен способ гадания перед походом: клали поперек дороги копье и вели коня. Если конь делал первый шаг через копье левой ногой — поход будет удачным, если правой — то неудачным [11].

Изображение коня было оберегом у многих народов. Фигурки или головки коней изображали на кровле домов, над печью [12]. Вероятно, у мордвы вместо изображения целой фигурки было принято изображать лишь голову коня. У основания этих вышеописанных конских головок, изображенных на круглых ажурных бляхах, помещалось несколько розеток или спиралей, тоже являвшихся символом солнца. Таким образом, здесь мы, вероятно, сталкиваемся с приемом изображения, аналогичным приемам, известным в скифском сакрально-магическом зверином стиле: усиление магических защитных свойств оберега, включение изображений отдельных органов других животных. Само изображение ажурной бляхи, носящее магическое значение небесного колеса — солнца, усилено изображением отдельных членов других существ, связанных с этим же культом; в данном случае изображением лапок водоплавающих птиц и конских головок. Эти ажурные бляхи с лапчатыми привесками чаще всего находят в области груди, по одной с каждой стороны, или на поясе.

Л. А. Голубева, писавшая о культе коня и изображениях конских фигурок в ананьинской культуре, приводит свидетельство В. Н. Белицер об обычае у чувашей вышивать грудь женской рубахи орнаментом в виде конских головок. Эта вышивка носит у них название «сторожа грудей». По верованиям чувашей, эта вышивка-оберег должна была охранять грудь и лоно кормящей матери.

Судя по коллекциям Геккеля, весьма близкий орнамент с изображением конских головок существовал и у мордвы. Он украшал разрез ворота женских рубашек [13]. Вполне возможно, такими же оберегами от злых духов были металлические привески ожерелий в виде ложной пронизки и подвешенных к ней трех подвесок в виде лапок водоплавающих птиц. К оберегам, связанным с культом солнца, вероятно, можно отнести монетообразные или дисковидные привески с радиально расходящимися линиями.

По-видимому, обереги у среднецнинской мордвы делились на женские, связанные с культом солнца, и на мужские. Такими мужскими оберегами, вероятно, были когти или клыки медведя. Подобные амулеты часто входят в состав привесок кисти, прикрепленной к поясному набору, кожаному поясу, украшенному металлическими накладками. Культ медведя распространен у многих народов, живущих в лесной полосе; у вотяков вплоть до XIX в. существовала медвежья клятва, т. е. клятва, которую давали на мертвой голове медведя. Эту клятву должны были давать на суде общины разбирающиеся стороны [14]. Судя по мордовским народным песням, медведь был существом, помогающим человеку.

---

[10] *М. Г. Худяков.* Культ коня в Прикамье. ИГАИМК, 100, 1933, стр. 251.

[11] *Ф. Д. Гуревич.* Древние верования народов Прибалтики по данным хроники Ливонии Генриха Латвийского. СЭ, 1948, 4, стр. 73.

[12] *М. Г. Худяков.* Ук. соч., стр. 25.

[13] *Gekkel.* Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899, Taf. XLV, S. 6.

[14] *Н. Н. Харузин.* Медвежья присяга и тотемические основы культа у вотяков и вогулов. М., 1899, стр. 10.

Такую же роль оберегов от злых духов, вероятно, играли и различные привески в виде колокольчиков, бубенчиков. Своим звоном они должны были отгонять злых духов. Именно этим, возможно, объясняется обилие шумящих подвесок в костюме среднецнинской мордвы.

Таким образом, анализ погребального обряда и украшений дает богатый материал об идеологии древней мордвы рубежа I—II тысячелетий н. э.

А. А. ГОРБЕНКО, В. А. КОРЕНЯКО, В. Е. МАКСИМЕНКО

ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА У ХУТОРА НИЖНЯЯ КОЗИНКА

В 2 *км* к северу от хут. Нижняя Козинка Азовского района Ростовской области на распахиваемых ныне землях находится курган, называемый местными жителями «Джуриёва могила». Высота кургана в настоящее время около 2,5 *м*, диаметр около 80 *м*. Рядом с «Джуриёвой могилой» расположены два кургана поменьше, один высотой около 2, другой —0,40 *м*.

В августе 1972 г. местные жители предприняли раскопки кургана, вскрыв погребение и обнаружив ценный инвентарь, они сообщили об этом в Азовский историко-краеведческий музей. В ходе доследования нами было установлено, что погребение (впущенное в насыпь кургана на глубину 1,95 *м*) было разрушено почти полностью. По рассказам очевидцев, погребенный лежал в деревянном гробу, сколоченном из досок, головой на восток, с отклонением к северу, вытянуто. Могильная яма имеет форму неправильного прямоугольника, ее длина 1,90, ширина в восточной части 0,82, в западной части 0,51 *м*.

Весь инвентарь погребения был передан в Азовский музей. Кроме того, при доследовании погребения был найден бронзовый клепаный котел с приспособлениями для подвешивания. Котел стоял в западной части могилы за гробом, т. е. в ногах покойника.

По своему обряду погребение может быть отнесено к погребениям типа BI, выделенным Г. А. Федоровым-Давыдовым, с гробом I типа [1]. В классификации С. А. Плетневой нижнекозинское погребение можно было бы включить в четвертую группу половецких погребений [2], в первую (наличие гроба и пр.) или в восьмую (ориентировка) группу черноклобуцких могил [3]. Восточная ориентировка, по мнению С. А. Плетневой, признак, характерный для половецких захоронений [4].

Интересен инвентарь погребения, состоящий из следующих вещей. 1. Серебряная с позолотой гривна с отломанными концами (рис. 1, *4*). Имеет довольно сложную конструкцию. Основу гривны составлял четырехгранный стержень с петельками на концах. С этим стержнем переплетались еще два подобных, кроме того, в гривну была вплетена скрученная вдвое тонкая серебряная с позолотой проволочка, круглая в сечении. Полные размеры гривны до окончательной реставрации установить нельзя. Толщина стержней, из которых сплетена гривна, равна 0,35—0,45 *см*.

Кочевнические гривны II типа (по Г. А. Федорову-Давыдову) гораздо проще по форме [5]. Из них можно привлечь для сравнения гривны из кург. 260 у Цозаровки (датировка С. А. Плетневой XI—XII вв.) [6] и кург. 260

[1] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 126, 130.

[2] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 172—182.

[3] *С. А. Плетнева.* Древности Черных Клобуков. САИ, Е1-19, М., 1973, стр. 12—14.

[4] Там же, стр. 21—22.

[5] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 37.

[6] *С. А. Плетнева.* Печенеги, торки и половцы..., стр. 169.

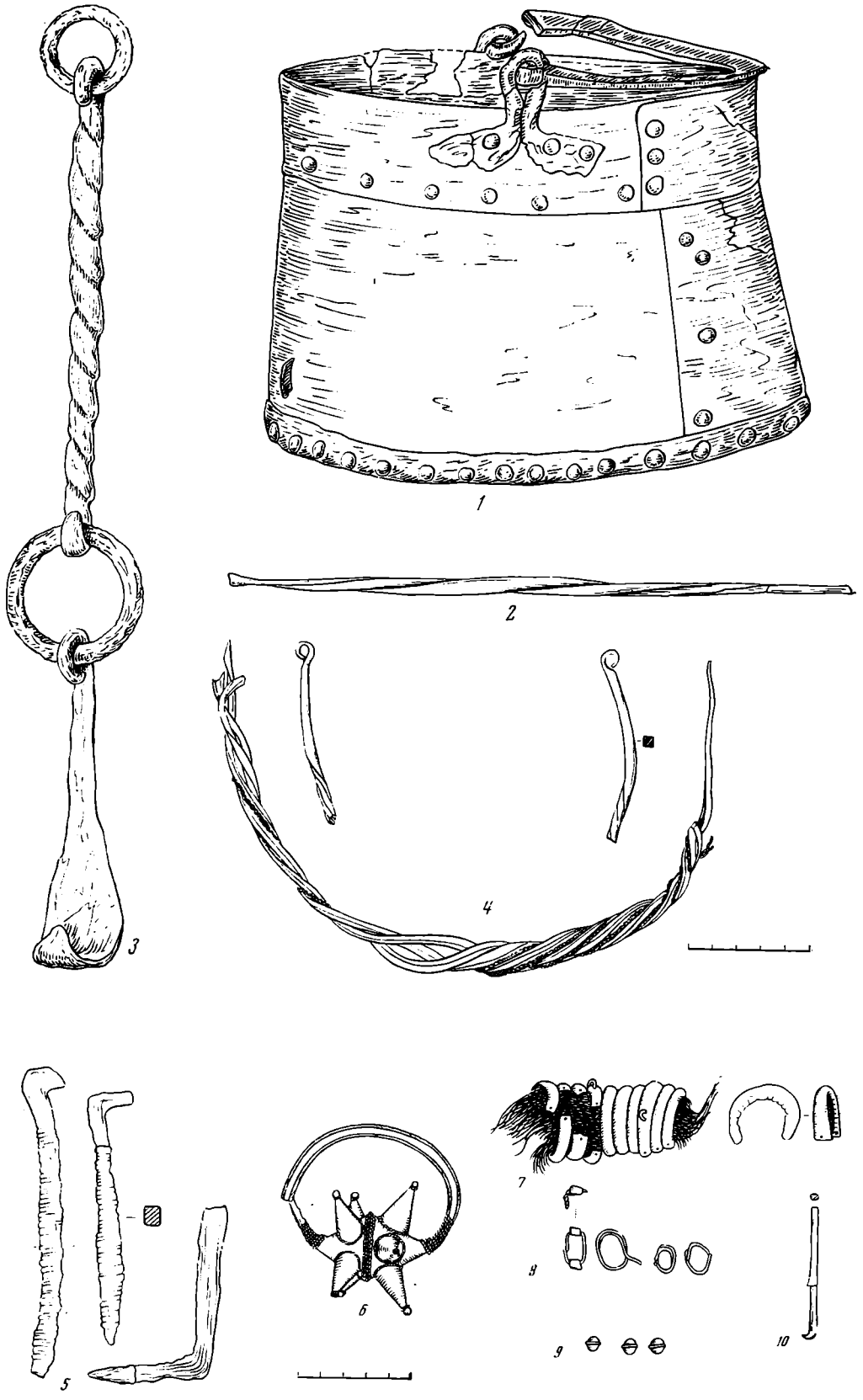


Рис. 1. Вещи из погребения в кург. «Джуриёва могила» у хут. Нижняя Козинка. *1* — котел; *2* — стержень нагайки; *3* — приспособление для подвешивания котла; *4* — гривна; *5* — железные гвозди от гроба; *6* — подвеска; *7* — останки головного убора; *8* — бронзовые обоймы; *9* — золотые бусы; *10* — серебряный стерженек

у дер. Бурты[7] (датирован Г. А. Федоровым-Давыдовым второй половины XIII—XIV в.)[8]. Эти экземпляры очень похожи на основной стержень нижнекозинской гривны. Много аналогий им можно найти в составе древнерусских кладов IV хронологической группы по Г. Ф. Корзухиной[9] (1170—1240 гг.), в то же время нижнекозинская гривна проще, грубее сложных древнерусских[10], подражанием которым она является. 2. Две массивные подвески (рис. 1, *6*) (височные кольца V типа по Г. А. Федорову-Давыдову)[11]. Биконическая основа — бусина серебряная (?), обернутая серебряным позолоченным листом. Ее длина 4,8, диаметр по ребру 2,8 *см*. К ней прикреплены восемь конусовидных отростков с шариками на вершинах. В местах прикрепления шариков к отросткам и отростков к биконической бусине припаяна (в один оборот) серебряная позолоченная крученая проволочка. По ребру бусины она припаяна в четыре оборота. В биконическую основу подвески вставлен массивный шестигранный дрот, серебряный, с позолотой. В местах его крепления с бусиной также намотана крученая проволока.

Этот тип серег и подвесок И. И Толстой и Н. П. Кондаков называли половецким и датировали XII—XIII вв.[12]. В настоящее время установлено, что в XII—XIII вв. подобные серьги и подвески бытовали лишь на Киевщине и в Поросье, а их широкое распространение в южнорусских степях и сопредельных территориях[13] следует относить к IV хронологическому периоду[14]. 3. Остатки головного убора вроде древнерусского «очелья» (рис. 1, *7*). Основу убора составлял деревянный стержень, обмотанный войлоком и обшитый тканью. На стержне были нашиты серебряные позолоченные пластинки в форме полуколец. На концах пластинок есть отверстия для пришивания их к стержню. У некоторых пластинок на внешней стороне, примерно посредине, имелись петельки. Всего в Азовский музей было передано 46 целых пластинок и 34 фрагмента. Подобные головные уборы были широко распространены у поздних кочевников[15]. 4. Серебряный стержень, четырехгранный, витой (рис. 1, *2*). Длина его 27,6, толщина посредине 0,8 *см*. Подобные предметы, считающиеся стержнями нагаек, встречаются среди позднекочевнических древностей Поросья[16]. 5. Три золотые дутые бусины округлой формы, с поперечным ребром. Длина 0,8, диаметр по ребру 0,7 *см* (рис. 1, *9*). 6. Пять обрывков тонкой серебряной цепочки общей длиной 9,9 *см*. Совершенно аналогичная цепочка имеется в инвентаре кург. 303 у дер. Зеленки[17], датируемого Г. А. Федоровым-Давыдовым концом XII — началом XIII в.[18] 7. Мелкие бусы (бисер) в количестве 33 шт. 8. Пять бронзовых проволочных колец, возможно, обоймы нагайки (рис. 1, *8*). 9. Небольшой серебряный стерженек, круглый в сечении (рис. 1, *10*). Один конец стерженька загнут, другой обломан. Длина 5,8 *см*. 10. Железные части гроба. 54 массивных железных гвоздя, длиной до 13,4 *см* (рис. 1, *5*). Один из концов каждого гвоздя согнут под прямым углом. Еще четыре гвоздя имеют форму угольников, т. е. согнуты по прямым углом примерно посредине. 11. Бронзовый

---

[7] *С. А. Плетнева.* Древности Черных Клобуков, стр. 39, табл. 24, *3*.

[8] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 260.

[9] *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 30—31, табл. XXXVIII, XLVIII, L, LIV.

[10] Там же; *Б. А. Рыбаков.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1971, стр. 13, рис. 8.

[11] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 38, 39.

[12] *И. Толстой, Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897, стр. 139.

[13] Там же, стр. 139; *И. Венедиков, С. Бояджиев.* Клады болгарских земель. София, 1965. И. Венедиков датирует серьги из Старозагорского района XIII—XIV вв.

[14] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 153, 155.

[15] *С. А. Плетнева.* Печенги, торки и половцы..., стр. 169—171, 179.

[16] Там же, стр. 168.

[17] *С. А. Плетнева.* Древности Черных Клобуков, табл. 6, *11*.

[18] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 260.

клепаный котел высотой 18,2 *см* (рис. 1, *1*). Дно котла диаметром 24,1 *см* выпуклое, склепано по окружности со стенками, суживающимися к горлу до диаметра 21,2 *см*. Верхнюю часть котла составляет железная полоса шириной 4,6—5,0 *см*, приклепанная к бронзовым стенкам. К железной полосе заклепками прикреплены две петли, в которые вставлена железная, прямоугольная в сечении ручка.

Среди опубликованных позднекочевнических древностей точной аналогии нижнекозинскому котлу нет[19]. По конструкции и по форме ему наиболее близок котел, обнаруженный в погр. 3 кург. 1 группы I у хут. Ажиновского Ростовской области (работы Багаевской археологической экспедиции ИА АН СССР и Ростовского университета в 1971 г.). 12. Железное приспособление для подвешивания котла над костром или очагом (рис. 1, *3*). Состоит из широкого, уплощенного на конце крюка длиной 15,2 и шириной до 3,5 *см*, двух колец диаметром 5,9 и 4,1 *см*, длинного, перекрученного, как бы витого стержня, круглого в сечении, длиной 19,3 *см*. Аналогий этому приспособлению нами также не найдено.

Учитывая распространение многих типов вещей (подвески, очелья, гривны) из Поросья после 1240 г., можно отнести нижнекозинское погребение к XIII—XIV вв. Безусловно, уточнение датировки и изучение позднекочевнического погребения из кург. «Джуриёва могила» заинтересует специалистов.

---

[19] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 87, 88.

Критика и библиография

J. D. Clark. The Prehistory of Africa. New York — Washington, 1970, 302 стр. с илл. и карт.

Д. Кларк задался нелегкой целью – в небольшой по объему книге показать археологическую историю Африки с древнейших времен до появления первых государств. Эта работа является как бы итогом его многолетних работ в разных районах данного континента [1]. Автор принадлежит к той группе ученых, которые, помимо изложения огромного фактического материала, уделяют внимание вопросам теории, методологии и методике археологического исследования. Ставя сложные и почти полностью неразработанные проблемы, трудно избежать ошибок, в том числе и грубых. Не свободна от них и предлагаемая вниманию в целом интересная и полезная работа Д. Кларка.

Книга состоит из введения и шести глав. Каждая глава включает в себя несколько разделов. В первой главе рассматриваются методы, задачи и цели первобытной археологии. По мнению Д. Кларка, основной ее задачей является воссоздание цельной картины прошлого человека. Конкретно это сводится к установлению времени появления человека, изучению его хозяйства, интеллекта, материальной культуры и поведения. Автор подчеркивает, что хотя археолог и имеет дело с вещами, он не должен забывать, что за ними скрывается мир реальных явлений и прежде всего их творец — человек. Перед исследователем первобытного прошлого Африки, по Кларку, стоят 4 задачи: 1) определение возраста археологических памятников; 2) реконструкция природной среды и характера взаимодействия с ней различных культур; 3) наиболее полное выявление всего предметного контекста изучаемых памятников и анализ археологического материала; 4) интерпретация фактов. Затем следует разъяснение каждого пункта. Указывается, например, что в практике исследователей Африки широкое применение находят такие абсолютные методы датирования, как радиокарбон, палеомагнитный и калие-аргоновый. Периодизация и хронология каменного века Африки представлена в виде таблицы с учетом основных географических районов. Она наглядно фиксирует весьма значительные изменения во взглядах археологов на расчленение своеобразного африканского материала со времени I Панафрикапского конгресса 1947 г. Открытие новых нижнепалеолитических памятников, а также различные конгрессы, совещания и дискуссии способствовали выработке относительно унифицированных терминов и определению основных понятий первобытной археологии. Сейчас уже не употребляются или почти не употребляются такие термины, как «прешелль — ашель», «клектон — аббевиль», «шелль — ашель», «стеленбос», техника «виктория – вест», «ашель – леваллуа», «мпкок», «тейяк», «леваллуа» и др., часто встречавшиеся в литературе прошлых лет [2].

---

[1] Исследователи палеолита нашей страны хорошо знают такие, например, монографии Д. Кларка, как «The Stone Age Cultures of Northern Rhodesia» (1950), «The Prehistory of Southern Africa» (1959) и др.

[2] См., например, *L. Balout* Prehistoire de l'Afrique du Nord. Paris, 1955; *D. Clark.* The Prehistory of Southern Africa London, 1959; *А. Аликан.* Доисторическая Африка, М., 1960.

Здесь особенно следует выделить симпозиум в Бург-Вартейнштейне (1965) и, в частности, дискуссию по терминологии, в которой приняли участие почти все крупные исследователи Африки [3]. В таблице используется археологическая терминология, принятая на этом симпозиуме. Нижний палеолит автор разделяет на две стадии: олдовей и ашель. Олдовей начался 2—2,5 млн., а ашель около 1 млн. лет назад. Затем следуют первый промежуточный период (форсмит, санго), средний каменный век (люпемб, стилбей, питсбург), второй промежуточный период (магози, умгузан) и поздний каменный век (смитфилд, уилтон). Периодизация каменного века, начиная с послеашельского времени, основана на памятниках Центральной, Восточной и Южной Африки.

Методы и приемы анализа каменных орудий, их классификация в рецензируемой работе по существу не рассматриваются. В целом же этим вопросам посвящена достаточно обширная литература [4].

Автор всего лишь указывает, что ввиду специфичности каменного века африканского континента изучение его орудий невозможно проводить, используя, например, морфологическую типологию Ф. Борда. Однако именно морфологическая типология, подкрепленная метрическим и статистическим методами, должна, по мысли Д. Кларка, быть основой источниковедческого анализа. Среди археологов Африки этот метод, называемый иногда аналитическим, получил широкое распространение [5]. Признавая морфологическую классификацию объектов, многие исследователи, напротив, скептически относятся к классификации, основанной на предположительной оценке функций орудий, хотя элементы функциональности при составлении типов листов некоторыми из них отнюдь не игнорируются [6]. Различие в типах орудий Д. Кларк, как и Л. и С. Бинфорды, связывает с определенным родом деятельности. Однако трудно говорить о деятельности, не занимаясь вопросами функционального назначения орудий, не используя при источниковедческом анализе экспериментально-трасологический метод, не пользующийся популярностью у археологов Африки.

При интерпретации археологических объектов, согласно Д. Кларку, необходимо учитывать характер распространения и условия залегания находок, взаимосвязь отдельных типов орудий между собой и, например, с фаунистическими остатками, останки человека, следы (макроследы.— *А. М.*) износа на орудиях, эксперименты и наблюдения по раскалыванию камня в естественных условиях. Полученные результаты затем следует сопоставлять с данными этнографии. Автор предостерегает от предположительной, всеохватывающей интерпретации. Логична неполная интерпретация, т. е. такая, которая отвечает на вопросы, поставленные перед исследователем конкретным материалом. С данным выводом Д. Кларка нельзя не согласиться. Однако широкое распространение в современной научной практике структурно-системного подхода лишний раз убеждает в том, что идти от изолированных фактов к теории — это упрощенный методологический прием. Факты с самого начала осмысляются на определенном теоретическом фоне и в дальнейшем через обобщение создают теорию. Это продолжается до тех пор, пока факты не пройдут через все этапы логической схемы знания, пока не будет осмыслена изучаемая система. Изучение археологических предметов, и особенно палеолитических орудий, одновременно должно проводиться в общем (теоретическом) и конкретном (эмпирическом) плане [7].

---

[3] Discussions on Terminology. In: «Background to Evolution in Africa», The University of Chicago Press, 1967, p. 861—875. Recomendation, Ibid., p. 892—901. См. также статьи П. Биберсона, Р. Мейсона, Л. Балу и др., помещенные в этой книге.

[4] *P. Biberson.* Le Paléolithique inferieur du Maroc Atlantique Université d'Alger. Faculté des lettres et Sciences humaines, № 1. Casablanca, 1961, p. 399—413; *L. Balout.* Procedes d'analyse et questions de terminologie dans l'étude des ensembles industriels du Paléolithique inferieur en Afrique du Nord. In: «Background... p. 701—735; *R. Mason.* Analitical Procedures in the Earlier and Middle Stone Age Cultures in Southern Africa». Ibid., p. 737—764. *J. D. Clark.* Problems of Archaeoligical Nomenclature and Definition in the Congo Basin. SAAB, XXVI, part 1—2, No 101—102, 1971, p. 67—68.

[5] *L. Balout.* Op. cit., p. 716—717; *R. Mason,* Op. cit., p. 737—738.

[6] *R. Mason.* Op. cit., p. 743.

[7] *А. Е. Матюхин.* Структура, функции и цели археологического эксперимента при изучении древнейших орудий. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР». Ташкент, 1973, стр. 78—80.

У Д. Кларка нечетко показаны приемы интерпретации, не выяснено содержание ее составляющих. Почти ничего не сказано об экспериментально-трасологическом методе, роль которого при интерпретации археологических объектов исключительна. Он в равной мере имеет отношение и к форме, и к функции, и к технике, но технико-морфологические признаки изучаются не с описательной, а содержательной точки зрения.

Во второй главе рассматривается проблема возникновения человека. Не отрицая целиком распространенное мнение о том, что самые ранние прямоходящие существа, т. е. древнейшие гоминиды, появились около 15 млн. лет назад, Д. Кларк тем не менее считает вполне реальной цифру 4—5 млн. лет. Опыты по использованию естественных орудий, которые автор рецензии проводит в течение ряда лет, показывают, что использование естественных предметов закономерно и неизбежно приводит к изменению их первоначальной формы, т. е. изготовлению простейших орудий. Имеются прежде всего операции, связанные с выделением удобной в захвате части камня или острого (рабочего) края. По нашему мнению, первые сознательно изготовленные орудия и простейшие приемы раскалывания камня появились в довиллафранкское время. Галечные орудия виллафранка являются закономерным этапом в эволюции предметной деятельности древнейших гоминид [8].

Д. Кларк подробно останавливается на описании олдовейских находок. Выводы М. Лики о присутствии в Олдувее скребел, скребков, резцов, выемчатых форм, а также остатков жилища принять нельзя, так как они не являются достаточно аргументированными [9]. Тем не менее они приводятся во многих работах [10]. И у М. Лики, и у Д. Кларка отсутствует главное — критика и интерпретация источника. Олдувейские находки должны быть подвергнуты тщательному экспериментально-трасологическому изучению. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что многие галечные орудия Олдувея имеют угол заострения от 70 до 90°. К тому же размеры некоторых из них не превышают 3—4 *см*. Такими орудиями нельзя ни рубить, ни долбить, ни резать. Однако есть образцы нормальных размеров и с соответствующим углом заострения. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении обработанных галек из Кооби-Фора, местонахождения, возраст которого определен в 2,6 млн. лет. Д. Кларк присоединяется к мнению М. Лики и считает, что на многих отщепах из различных пунктов Олдувея имеются следы износа, возникшие при разделке туш животных. Неясно, на каком основании определен характер следов? Разве не странно, что для разделки туш слонов австралопитековые использовали мелкие отщепы, а архантропы (судя по находкам из слоя 2) — отщепы крупные?

Вполне логичным кажется вывод Д. Кларка о том, что австралопитековые, в том числе и хабилисы, охотились на животных мелких и средней величины. Что касается крупных млекопитающих, например слонов, то скорее всего они не были объектом их охоты. Охотились древние гоминиды чаще всего в одиночку, поскольку охота на таких животных, как антилопы, черепахи, ящерицы и др., не требовала сложных коммуникативных связей. Однако не отрицается и групповая охота. Контакт между ее участниками мог осуществляться с помощью звуков, жестов, мимики. Следует отметить, что при реконструкции образа жизни виллафранкских гоминид Д. Кларк опирался целиком на данные по поведению высших обезьян, и в частности, шимпанзе в естественных условиях. Согласно Д. Кларку, быстрый переход от австралопитеков к хабилисам, т. е. к человеку, можно объяснить исходя из тех важных сдвигов в деятельности по изготовлению и использованию орудий, которые

---

[8] *А. Е. Матюхин.* О движущих силах на ранних этапах антропогенеза (тезисы). Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)». М., 1973, стр. 11—13; *его же.* Парадоксы при решении проблемы антропогенеза. Вопросы истории, 1973, 5, стр. 198—199.

[9] *А. Е. Матюхин.* О связи австралопитековых с древнейшими каменными орудиями, ВА, 41, 1972, стр. 68; *его же.* Открытия последних лет и проблема наидревнейших орудий. СА, 1972, 3, стр. 366—367.

[10] См., например, *G. Ll. Isaac.* Studies of Early Culture in East Africa. World Archaeology, 1, 1, 1969, p. 5—15; *R. R. Inskeep.* Some problems Relations to the Early Stone Age in South Africa. SAAB, XXIV, part III—IV, No 95—96, 1969, p. 174—181.

произошли на стадии прогрессивных (переходных) форм австралопитеков. Такое объяснение не вполне убедительно и носит скорее терминологический характер. Во-первых, доказано, что хабилисы — те же австралопитеки [11]. Во-вторых, нелогично искать какую-то одну причину перехода к человеку, т. е. толчок. Вряд ли это что-либо прибавит к выяснению качественных закономерностей процесса происхождения человека.

В третьей главе речь идет об ашельских памятниках Африки. По мысли Д. Кларка, археолог, изучающий ту или иную нижнепалеолитическую стоянку, должен ставить следующие задачи: выяснение границ памятника, определение количества обитавших людей и срока длительности жизни в данном месте, изучение их хозяйственной деятельности и поведения. Эти задачи могут быть осуществимы только при изучении целых поселений, например, охотничьих лагерей. Начало ашеля Д. Кларк датирует 1 млн. лет назад. Датировки раннеашельских стоянок Олдовея, местонахождения Пениндж, располагающегося в районе о. Нейтрон, весьма разноречивы. Так, если для обеих групп памятников калие-аргон показал 1,4—1,6 млн. лет, то для Пенинджа абсолютный возраст с помощью палеомагнитного метода определен в 0,7 млн. лет [12].

Характерная черта ашельских комплексов Олдовея — их резкое отличие от комплексов олдовайских. В первых почти нет орудий на отщепах. Основные типы изделий — рубила, чопперы и отщепы больших размеров. Из этого Д. Кларк делает вывод о том, что в Восточной Африке ашель не развивается из Олдовея и имеет миграционный характер. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи [13].

Заявления подобного рода трудно принять, поскольку речь идет о типологической (в данном случае формальной) схеме сходства или различия вещей, а не о закономерностях конкретного развития каменных орудий и связанной с ними деятельности ископаемых людей. Прежде всего до сих пор неясно каковы источники, содержание олдовейской культуры и природа слагающих ее каменных орудий. Совершенно не исключено, что некоторые «комплексы» являются совокупностью эолитов. Исчезновение специализированных орудий (скребков, резцов, долот), специализированной деятельности и появление примитивных изделий (рубил, изготовленных нередко из булыжников) указывает на какой-то катаклизм, во всяком случае явную деградацию древнейшего производства. К тому же это не местное, а глобальное явление, отмеченное, кстати, и в Северной Африке. С исторической точки зрения это неоправдано. Очень жаль, что здесь Д. Кларк отступил от сформулированных им методических принципов. Говоря об определяющей роли деятельности при изучении и наименовании каменных орудий, он фактически отстаивает традиционные принципы формально-типологического подхода.

Кратко рассматривает Д. Кларк и другие раннеашельские памятники Африки. Это давно открытые не стратифицированные местонахождения Клиппат, Three River и мало известная в археологическом отношении пещерная стоянка Стекфонтейн (Южная Африка), а также открытая в начале 60-х годов стоянка Пениндж (Восточная Африка) [14].

Работы, проводимые в последние годы в Стеркфонтейне, пополнили коллекцию каменных орудий и привели к открытию новых костных остатков австралопитеков [15].

Надо упомянуть и недавнее открытие в районе Мелка Контуре (Эфиопия) двух стоянок — Гомборе и Келла [16]. Наконец, орудия раннеашельского типа были откры-

---

[11] *K. P. Oakley.* Pliocene Man. «Antiquity», vol. XLIV, 1970, p. 308; *E. L. Simons, D. Pilbeam, P. C. Ettel.* Controversial Taxonomy of Fossil Hominids. «Science», vol. 166, No 3902, 1969, 258—259.

[12] *G. H. Curtis.* Comment. at Article M. D. Leakey. In «Background to Evolution in Africa», p. 445—446. Notes on Some Miocene to Pleistocene Potassium Argon Results. In «Background to Evolution in Africa», p. 365; *G. Ll. Isaac.* The Stratigraphy of the Peninj Group Early Middle Pleistocene Formation west of Lake Natron, Tanzania. In «Background to Evolution in Africa», p. 229—230; *его же.* Studies of Early..., p. 5.

[13] *M. D. Leakey.* Preliminary Survey of the Cultural Material from Bed I and II Olduwai Gorge, Tanzania In «Background Evolution in Africa», p. 438—440.

[14] *G. Ll. Isaac.* The Stratigraphy of the Peninj..., p. 245.

[15] *P. V. Tobias* and *Hughes.* The New Witwaterstand University Excavation at Sterkfontein. SAAB, XXIV, part III—IV, No 95—96, 1969, p. 164.

[16] *J. Chavaillon.* Melka Kontouré gisement..., p. 117—124.

ты несколько лет назад и в Сварткрансе, известном местонахождении австралопитеков позднего времени [17].

Археологическая датировка Стеркфонтейна и Сварткранса является дискуссионной. По мнению Р. Мэйсона, в Южной Африке нет стоянок древней раннего ашеля [18]. М. Лики, однако, полагает, что их индустрии датируются развитым олдовеем [19]. Затем автор останавливается на некоторых стоянках позднего ашеля, в частности, Исимплиа, Каламбо Фолз, Олоргесейли. Многие позднеашельские бифасы и кливеры тщательно обработаны. При этом использовался, как считает Д. Кларк, отбойник из дерева, кости, рога. Усложняется и набор орудий. Кроме бифасов и кливеров выявлены различные типы скребел, долотовидные формы, ножи, резцы, острия и другие орудия.

Появление бифасов, по Д. Кларку, надо связывать с возникновением новых элементов в образе жизни ашельских людей. Рубила, считает он, использовались для других целей, чем чопперы и отщепы. Однако эксперименты убеждают в том, что для отдельных операций (рубка стволов деревьев) чопперы и чоппинги не уступают по эффективности бифасам. Наконец, отщепы могут выступать в роли не только режущих, но и рубящих орудий. Наблюдаются определенные черты сходства рубил и галечных орудий в технико-функциональном плане. Их отличие в том, что у бифасов увеличилась общая площадь обработанной поверхности и протяженность рабочего края. Коэффициент использования у рубила значительно выше, чем у галечных орудий. Переход к изготовлению ручных рубил можно объяснить и как переход от представления о форме рабочего края к представлению, хотя еще в общем нерасчлененном виде, о целостной форме орудия.

В разделе об образе жизни питекантропов Д. Кларк акцентирует внимание на том, что большинство ашельских стоянок связано с реками, озерами, ручьями. Люди этой поры жили в саваннах, травянистых районах, но не в тропических лесах. Жилища появляются в позднем ашеле. Это стоянки Каламбо Фолз и Олоргесейли. Следы огня зафиксированы также только на позднеашельских стоянках. На их примере Д. Кларк рассматривает вопросы о характере деятельности, площади, занимаемой охотниками нижнего и среднего плейстоцена, о количестве людей, обитавших на той или иной стоянке. По мнению автора, ашельские орудия из разных районов Африки имеют большое сходство. Это указывает в первую очередь на близость производственной и хозяйственной деятельности и поведения. Стандартность формы орудий, как считает Д. Кларк, в меньшей степени обусловлена использованием первобытными мастерами готовых, выработанных эталонов. Эта мысль автора вызывает особый интерес.

Заканчивая главу, Д. Кларк замечает, что в течение ашеля существовавшего 500 тыс. лет, произошли незначительные изменения в технике и наборе орудий. Причину этого надо искать в наличии у ашельских людей малого опыта в изготовлении орудий и недостаточно развитого интеллекта. Но в Олдовее, который существовал 1,5 млн. лет, эволюционные изменения почти незаметны [20]. Некоторые исследователи утверждают, что культура, в том числе и прогрессивные формы орудий, появляются неожиданно и в готовом виде. Не признавая тезиса о стадиальном характере развития исторического процесса, отдельных явлений, мы не можем не признать истинным факт последовательного развития основных его звеньев. Скребки, резцы и другие специализированные (!) орудия отражают те существенные изменения, которые произошли в производственной и хозяйственной деятельности, а также в интеллекте первобытных людей. Они соответствуют этой деятельности. Этот философский «нюанс» и не был замечен Д. Кларком.

Четвертая глава посвящена появлению людей современного физического типа и их культуре. Около 70 тыс. лет происходят существенные изменения в климате Африки и распространении биогеографических зон. Появляются новые виды животных и растений, заселяются тропические леса. Именно с этого времени, по Д. Кларк-

---

[17] *M. D. Leakey.* Stone Artifacts from Swartkrans. «Nature», 225, 5239, 1970, p. 1222—1225.

[18] *R. J. Mason.* The Earliest Tool-Maker in South Africa. SAJS, 57, 1, 1961, p. 16.

[19] *M. D. Leakey.* Stone Artifacts from Swartkrans, p. 1222—1225.

[20] *M. D. Leakey.* Preliminary Survey..., p. 441—442.

ку, начинается культурная и социальная специализация обществ ископаемых людей. Резко сокращается число ашельских стоянок. Ко времени первого промежуточного периода каменного века автор относит напоминающие ашель культуры форсмит и санго. Мустье, кроме северных районов, в Африке неизвестно. Форсмит характерен в первую очередь для Южной Африки и состоит из хорошо обработанных бифасов, кливеров, скребел отщепов и пластин. Стоянки форсмита приурочены обычно к горным районам с травянистой и кустарниковой растительностью. Комплексы санго, наоборот, связаны с лесной средой. Отсюда специфичен и набор каменных орудий. Это бифасы, как тщательно обработанные, так и грубые [21], большие массивные отщепы, киркообразные орудия и скребла. Для изготовления некоторых орудий использовались леваллуазские заготовки. Д. Кларк справедливо замечает, что грубые орудия вовсе не указывают на застой в развитии культуры и примитивность интеллекта. Несмотря на грубость формы и техники, перед нами эффективные специализированные орудия.

Далее следует характеристика комплексов среднего каменного века — люпемба, стилбея, питсбурга, обнаруженных на обширной территории Южной Сахары, а также комплексов (верхнепалеолитических, по Д. Кларку) — дабба, атера, кормусана, халфана и др., установленных для Северной Африки. Однако сходство последних с верхним палеолитом скорее хронологическое, чем типологическое, особенно, что касается атера. Автор приводит ряд интересных сведений. Так, в сомалийском стилбее иногда встречаются шлифованные предметы. Материалы по питсбургу таких пещер, как Хирт, Монтэго (Южная Африка) и пещеры Леопардов (Замбия), указывают на существование посредника при снятии пластин. В комплексах Северной Африки (кормусан и халфан) леваллуазские и зубчатые орудия сохраняются практически до конца верхнего палеолита. Наиболее ранние формы микролитов здесь появляются около 15 тыс. лет тому назад.

Д. Кларк исключает неандертальцев родезийского типа из прямой эволюционной линии развития ископаемых гоминид, полагая при этом, что современный человек пришел в Африку откуда-то с территории Передней Азии. Столь же резонным ему кажется предложение о формировании отдельных антропологических групп и на территории самой Африки. Автор ссылается на находки в Канжере и Омо. Кости, обнаруженные здесь, по мнению ряда ученых принадлежат раннему Homo sapiens и датируются серединой среднего плейстоцена [22]. Так это или нет покажут дальнейшие открытия.

Культуры второго промежуточного периода и позднего каменного века описываются автором в пятой главе. Начало магози приходится примерно на конец европейского верхнего палеолита. Вариабельность и специализация индустрий особенно заметна в позднем каменном веке. В эту пору микролиты появляются и в Южной Африке, в индустриях смитфилда и уилтона. В других индустриях более часты наконечники копий и дротиков. Подробно Д. Кларк останавливается на описании образа жизни племен позднего каменного века, касается вопроса хозяйственной специализации и выделения сообществ охотников, рыболовов и собирателей. Автор вновь подчеркивает, что внешний архаизм поздних культур говорит не об отсталости, а о своеобразных формах активного использования природных ресурсов. Заключительная шестая глава посвящена вопросам происхождения земледелия и скотоводства. В Северной Африке и Сахаре кости домашних животных, датируемые V тысячелетием до н. э., уже многочисленны. В Восточной Африке домашние животные появились примерно 3 тыс. лет до н. э. Первые земледельческие общины проникли в Египет из Юго-Западной Азии между IV и V тысячелетиями до н. э. Самые ранние находки железных изделий (I тысячелетие до н. э.) обнаружены в Северной Нигерии. В районе о. Чад, Руанди, Бурунди, Кении, Танзании, Замбии и Родезии с железом познакомились в начале нашей эры.

---

[21] *J. D. Clark.* The Stone Age Cultures of Northern Rhodesia. The South African Archaeological Society. Claremont Cape, 1950, p. 86.

[22] *K. W. Butzer.* Geological Interpretation of two Pleistocene Hominid Sites in the Lower Omo Basin. «Nature», 222, 5199, 1969. p. 1133—1135. *L. S. B. Leakey.* The Stone Age Races of Kenya. Oxford University Press. London — England, 1970, p. 5—7.

В заключении книги Д. Кларк пишет: «Изучение прошлого Африки дает ключ к пониманию культуры, быта и обычаев современных африканских народов и что важнее всего — изменению условий их жизни». Отметим, что последние три главы книги наиболее удачны. Несмотря на отдельные, порой серьезные недостатки (главным образом методологического и теоретического характера) нельзя не признать, что данная работа вызовет несомненный интерес у всех археологов-первобытников. Хочется добавить, что книга содержит много рисунков, фотографий, таблиц, что, безусловно, облегчает восприятие излагаемого материала.

А. Е. Матюхин

Успехи среднеазиатской археологии, вып. I. Институт археологии АН СССР. Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана. Л., «Наука», 1971, 68 стр.

Размах археологических работ во всех концах Советского Союза увеличивается с каждым годом. Быстро растет и интерес самых широких кругов советских читателей к археологическим исследованиям. Однако выпускаемые ежегодно Институтом археологии АН СССР сборники «Археологические открытия» из-за исключительной краткости публикуемой информации не способны полностью удовлетворить этот интерес. Кроме того, там публикуются только сообщения о разведках и раскопках, тогда как не меньший интерес представляют результаты завершаемых обобщающих историко-археологических исследований. Таким образом, настоятельно необходимо расширение археологической информации, в частности выпуск книг и сборников, специально посвященных новейшим археологическим открытиям и исследованиям в тех или иных частях нашей страны. Этой цели отвечают выпущенные за последние годы Институтом археологии АН УССР три сборника об археологических исследованиях на Украине [1]. Этой же цели отвечает и рецензируемый сборник, объединивший на своих страницах статьи археологов Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Москвы и Ленинграда. Важной особенностью его является то, что он содержит не только статьи о результатах археологических разведок и раскопок 1970 г., но и обобщающие статьи, посвященные первобытной экономике и социологии Средней Азии и Казахстана.

В рамках краткой рецензии нецелесообразно давать обзор всех статей и сообщений, опубликованных в сборнике. Остановимся лишь на некоторых материалах, оговорив, что другие, быть может не менее важные, останутся вне поля нашего зрения.

В первом разделе сборника помещены четыре статьи, посвященные общим вопросам развития хозяйства и общественных отношений раннеземледельческих племен. Статья В. М. Массона представляет собой обобщающий обзор развития первобытных поселений Средней Азии, начиная с мустьерского грота Тешик-Таш и кончая складывающимися городами эпохи поздней бронзы. Г. Н. Лисицына в своей статье устанавливает три последовательных этапа в развитии орошаемого земледелия на юге Туркмении. Интересны приводимые ею подсчеты продуктивности первобытного земледелия и связанные с этим демографические подсчеты. Статья Г. Ф. Коробковой о локальных различиях в экономике ранних земледельческо-скотоводческих обществ содержит широкое сопоставление неолита и энеолита Средней Азии с неолитом и энеолитом Украины и Молдавии, что имеет большое методическое значение. В статье Г. Ф. Коробковой широко используются трасологические методы изучения функций первобытных орудий, разрабатываемые при ее ближайшем участии в Лаборатории первобытной техники ЛОИА АН СССР, руководимой С. А. Семеновым. В отличие от трех предшествующих статей работа В. И. Сарианиди основана на материалах погребений, а не поселений. Автор приходит к важным социологическим выводам. Интересно использование зубной системы погребенных для выводов о их кровном родстве.

[1] Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг., I. Киев, 1967; Археологические исследования на Украине в 1967 г., II. Киев, 1968; Археологические исследования на Украине в 1968 г., III. Киев, 1971.

Второй раздел сборника посвящен раскопкам и разведкам памятников каменного и бронзового веков, проведенным в 1968—1970 гг. Следует отметить статью М. Р. Касымова, освещающую единственную в своем роде многослойную мустьерскую стоянку под открытым небом — Кульбулак (Ташкентская область). Предпринятый мной и Н. Д. Прасловым в июле 1970 г. осмотр этой стоянки убедил нас в обоснованности главных выводов М. Р. Касымова, касающихся стратиграфии Кульбулака. Большое принципиальное значение имеет статья Х. А. Алпысбаева, посвященная разведкам пещер каменного века в Южном Казахстане. Как известно, Х. А. Алпысбаев исследовал богатые древнепалеолитические местонахождения на юге Казахстана. Тем самым впервые на территории Казахстана был установлен бесспорный и выразительный древний палеолит. Однако эти, получившие широкую известность в Советском Союзе и за рубежом местонахождения хребта Каратау представлены только находками каменных орудий на поверхности земли, без сопровождающих фаунистических остатков. Естественно, что следующим этапом должны явиться поиски на юге Казахстана пещер с непотревоженным палеолитическим культурным слоем. Подобные пещеры подкрепили бы древнепалеолитические местонахождения под открытым небом, как это произошло в свое время для палеолита Черноморского побережья Кавказа, Юго-Осетии и Армении. Поисками таких пещер и занимается в настоящее время Х. А. Алпысбаев. Это совершенно правильный путь. Разведки 1969—1970 гг., о которых идет речь в рецензируемой статье, уже доставили интересные материалы. Но главное, очевидно, впереди. В статье У. Исламова характеризуются важные и выразительные многослойные мезолитические пещеры Узбекистана (в том числе и известная пещера Мачай, в свое время исследовавшаяся Г. В. Парфеновым), раскопки которых были проведены в 1970 г. под руководством автора статьи. А. В. Виноградов в своей статье широкого охвата на основании материалов работ 1970 г. в Кызылкумах ставит большие вопросы распространения и вариантов ранненеолитической культуры в некоторых районах Казахстана. Выдающееся значение имеют описываемые О. Бердыевым настенные фрески из Песседжик-Депе в Туркмении. Открытые в 1969 и 1970 гг. многокрасочные росписи датируются VI тысячелетием до н. э., являются древнейшими среди подобных памятников, известных на территории СССР, и содержат изображения копытных животных и хищников, а также стилизованную человеческую фигуру. В обширной статье Б. А. Литвинского и В. С. Соловьева детально описывается и анализируется раскопанная в 1965—1970 гг. стоянка эпохи бронзы на юге Таджикистана. Весьма интересны приводимые в статье А. Я. Щетенко вновь обнаруженные подтверждения гипотезы о существовании протописьменности на юге Средней Азии в эпоху поздней бронзы.

Третий, последний раздел сборника включает хронику (создание в Самарканде Института археологии Академии наук Узбекской ССР, защита докторских и кандидатских диссертаций по археологии Средней Азии и Казахстана и т. д.).

В целом рецензируемый сборник представляет собой заметное явление в советской археологической литературе. Важно, чтобы хороший почин был продолжен и за первым стали регулярно выходить следующие выпуски.

П. И. Борисковский

Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 6. Труды Днепро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963—1967 гг., ч. 1) Одесса, «Маяк», 1970, 184 стр., 97 рис.

Эта книга, вышедшая в конце 1970 г. небольшим тиражом (600 экз.), заполняет существенную брешь в археологии Юга Европейской части СССР. В книге содержится исследовательская публикация материалов — 409 погребений из 48 курганов Буджакской степи, раскопанных новостроечной экспедицией под руководством Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова за пять лет. Курганные насыпи, как это теперь стало обычным, особенно в новостроечных экспедициях, снимались с помощью землеройных машин (скреперов и бульдозеров) на снос с тщательным изучением периферии кургана. Авторы стремились сделать издание достаточно полным, опубли-

ковать все находки, некоторые (и в фотоснимках, и в рисунках) приложили к тексту планы и профили многих курганов, планы многих погребений. Исследовательский анализ очень интересен и почти во всем убедителен.

Кое-что в методике раскопок и приемах публикации представляется не вполне удачным.

В каждом кургане оставлялась только одна метровая бровка и делался один профиль. Для степных курганов бронзового века, с неоднократными подсыпками и десятками погребений, разбросанных по всей площади кургана, этого мало. По одному профилю можно, конечно, установить число подсыпок, но лишь некоторые погребения удается привязать к ним – те, которые случайно придутся на траверс бровки. Между тем для многих грунтовых погребений, неоднородное заполнение которых теряется в мешаной земле насыпи, удается надежно определить уровень, с которого они впущены, лишь по размещению выкидов из них. В насыпях же пласты изогнуты, а разборка ведется горизонтальными срезами. При этом выкиды (особенно если они тонкие и нечистые) вообще гораздо труднее улавливаются в плане, чем в профиле, а при работе машинами тем более. Необходимы дополнительные бровки. Разумеется, поперечных техника не позволит оставить, но параллельные основной перемычке вполне возможны. Практически, пробивая траншеи в полторы-две ширины ковша или ножа машины, удается оставить пять-шесть параллельных бровок и снять с каждой по два профиля.

По-видимому, заполнение могил выбиралось сразу, без рассечения пополам для снятия профиля. По крайней мере такие профили не приведены. Этот недочет особенно ощутим при анализе коллективных погребений: если бы такие профили имелись, было бы легче решать вопрос о наличии прихоронений.

По мнению авторов, коллективные погребения в их курганах свидетельствуют об одновременных похоронах. Авторы справедливо отказываются трактовать «вторые скелеты» как следы жертвоприношений, но видят в коллективности только результаты эпидемий, голода и т. п. (стр. 99). Однако во многих случаях одновременность захоронений сомнительна. Так, в просторной ямной могиле 12 кург. 7 у Баштановки (рис. 57, *6* на стр. 77) скелет подростка лежал на спине у самой стенки ямы, а вторая половина ямы оставалась свободной, очевидно, для родственника, которому предстояло умереть позже [1]. Не имели ли и некоторые другие парные могилы (пусть и не все) первоначально такой вид? Чтобы проверить справедливость обоих альтернативных допущений, нужен был бы анализ структуры заполнения могил.

Следы орудий на стенках ям лишь упомянуты, но никак не скопированы. В полной публикации желательны были бы определения дерева из перекрытий (клеточной анатомией под микроскопом породу можно определить и по тлену); анализы красок (действительно ли «охра» — обычно это не так).

Нет некоторых важных чертежей: плана самого богатого в кургане погребения со стелами (Глубокое, кург. 1, погр. 7), разреза культового вала, соединяющего два кургана (в Баштановке). Все планы погребений несколько схематичны (края могилы даны одним обводом контура). Курганы часто показаны идеально круглыми, это едва ли соответствует действительности. Все планы и профили курганов напечатаны в столь мелком масштабе (1 : 500), что оказываются неудобочитаемыми. Условные обозначения не приведены. О кург. 1 мог. Огородное II сказано, что в нем основным было погр. 14, а вторичная подсыпка произведена над погр. 12 (стр. 147, 153), на профиле же (рис. 10 на стр. 143) погр. 12 показано как основное, погр. 14 как впускное. Признаться, мне непонятно, почему«находка погр. 12 в данном районе представляет собой несомненный интерес» (стр. 154). На стр. 49 есть отсылка к изображению горшка из погр. 7 кург. 2 (Глубокое) на рис. 34, но на этом фото изображена стела из погр. 1, а изображение упомянутого горшка вообще отсутствует в книге. Изображения вещей сведены в таблицы без определенного критерия. Если уж вещи не разделены по комплексам и не приданы планам погребений, а сведены в таблицы, то было бы логично распределить их в таблицах по культурам. Пользоваться же аморф-

[1] Ср.: *С. П. Толстов, М. А. Итина и др.* Низовья Амударьи, Сары-Камыш, Узбой. История формирования и заселения. В сб. «Материалы Хорезмской экспедиции», т. 3. М., 1960, стр. 101—102; *Е. Е. Кузьмина.* Андроновские могильники на р. Байту (О некоторых деталях андроновского погребального обряда). КСИА АН СССР, 97, 1964, стр. 45—47.

ными таблицами очень неудобно, тем более что у некоторых в подрисуночных подписях не приведены паспортные данные — рис. 16 (на стр. 24), 38 (стр. 51), 39 (стр. 52), 61 (стр. 84); в подписи к рис. 24 (стр. 33) перепутаны цифры (следует: 1— погр. 10, 2 — погр. 12, 3 — погр. 17, 4 — погр. 2); на рис. 13 (стр. 148) «выпали» цифры из клише, без которых разобраться в принадлежности вещей погребениям почти невозможно.

Если я подробно перечислил (но кажется, и исчерпал) основные недочеты рецензируемого труда, то именно потому, что это труд важный, нужный и предназначенный к долгой жизни. Он является базой для выводов, которые касаются крупных проблем археологии нашей страны и существенным образом меняют наши представления. Над этим томом есть смысл подумать и поработать. И есть смысл продолжать раскопки в той же степи (может быть, при этом исследователи сочтут приемлемым учесть сделанные замечания).

Значение опубликованных материалов определяется именно тем, насколько они изменяют наши представления. Уровень, на котором материалы введены в науку, определяется кроме качества описательной стороны еще и глубиной анализа. В этом отношении труд вполне удовлетворяет строгим запросам. Вряд ли здесь исчерпаны все возможности, заключенные в материале, но ведь это и не должно быть целью научной публикации.

Основные выводы содержатся в большой статье Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова «Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.)», которая занимает больше половины всего сборника (стр. 5—115). Они предложены как обобщение описанных в статье материалов из курганов у сел Нерушай, Глубокое, Борисовка и Баштановка. За этой статьей следуют две поменьше, почти исключительно описательного характера: Л. В. Субботин, Н. М. Шмаглий «Болградский курганный могильник» (стр. 116—129) и Л. В. Субботин, А. Г. Загинайло, Н. М. Шмаглий «Курганы у села Огородное» (стр. 130—155). Материалы из этих раскопок не учтены в обобщениях, сделанных в первой статье, по-видимому, из-за более позднего завершения раскопок этих могильников. Надо признать, эти материалы почти не меняют общих характеристик — за одним исключением все подтверждается. В статье Г. П. Зиневич «Краниологические материалы эпохи энеолита — бронзы в Северо-Западном Причерноморье» (стр. 156—157) представлены антропологические определения костного материала (61 череп и 70 длинных костей) из курганов, описанных в первой статье, и сделаны некоторые обобщения и сопоставления.

Том завершается новаторской статьей В. П. Золотуна «Некоторые свойства палеопочв и вопросы датировки курганов на Юге Украины» (стр. 168—181). Еще в начале века В. А. Городцов мечтал о построении «абсолютной хронологической шкалы» подкурганных почв, но, не будучи геологом, не сумел продвинуться дальше упрощенных подсчетов возраста почв по их мощности. Почвовед В. П. Золотун поставил эту задачу профессионально, на широкой основе разнообразных методов почвенного анализа и создал не только шкалу для приблизительных хронологических определений, но и набор эталонов для определений палеоклимата по погребенным почвам [2]. Нет надобности пояснять, какие возможности это открывает для археологов.

Очевидно, для каждого района такие шкалы надо строить отдельно, но наличие серьезно обоснованного примера, конечно, сильно облегчит эту работу. С этого времени участие почвоведа в крупных раскопках курганов становится необходимым.

Обратимся к обобщениям руководителей раскопок. Интересна уже простейшая статистика комплексов: боянский — 1, усатовских — 11, ямных 124 (из них основных 10), раннесрубных — 5, поздней бронзы — 125, скифских — 5, сарматских — 14 и позднекочевнических — 15. То, что наибольшую долю в распределении занимают погребения ямные и поздней бронзы, является, по мнению авторов, «одним из показателей времени и степени заселенности в эпоху бронзы определенными группами населе-

---

[2] См.: *В. П. Золотун.* Результаты палеогрунтовых досліджень курганів поблизу Каховки в 1968 р. «Археологія», 1972, 6, стр. 86—90; *его же.* Морфологічні особливості палеогрунтів курганів Каховского району. «Археологія», 1973, 9, стр. 68—74; *его же.* Палеогрунтові дослідження в Каховському районі. «Археологія», 1973, 11, стр. 81—86.

ния» (стр. 91). При этом, однако, надо учитывать, что а) некоторые племена могли не всех покойников хоронить под курганами (например, усатовцы); б) трудно сказать, где число могил связано с длительностью обитания, а где — с плотностью населения. Все же известно, что эпоха поздней бронзы охватила не менее чем половину тысячелетия. Едва ли можно допустить, что заселенность в ямное время была более густой, чем в сабатиновское. Если исходить из этого соображения, то надо и ямную культуру в этих местах отвести не менее пяти веков. Раннесрубные пришельцы, по-видимому, в эти места проникли в небольшом количестве и на короткое время, как и более близкие соседи буджакских степняков — строители катакомб. Авторы резонно обращают внимание (стр. 107—108) на отсутствие катакомбных могил в их материалах и редкость этих могил вообще в данном районе (Одесский курган, Монаши, Калфа). Очевидно, в то время, когда восточнее жили катакомбные племена, в Буджакской степи продолжала существовать ямная культура.

Проживание в этих местах усатовских племен авторы не считают постоянным: отсутствие усатовских поселений, по их мнению, «возможно свидетельствует о сезонном заселении позднетрипольскими племенами этого края, целью которого был выпас скота в особо благоприятные для этого периоды года» (стр. 93). Мне кажется, есть основание предположить то же и относительно ямного населения. Это основание — распределение ориентировки во впускных ямных могилах.

В статье Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова приведены следующие цифры (в %): северо-восток — 23, В — 11, юго-восток — 15, юг — около 2, юго-запад — 18, запад — 7, северо-запад — 23, север — около 1. Авторы привлекают к трактовке распределения идею В. А. Городцова о принципе «противоположного направления» для второстепенных членов семьи (хотя у В. А. Городцова этот принцип применяется только к трактовке коллективных погребений). Если это допущение верно, то главными ориентировками являются северо-восток (23) и северо-запад (23), а дополнительными — юго-восток (15) и юго-запад (18). Так или иначе, легко заметить, что наиболее популярны именно эти «косые» (по отношению к четырем странам света) ориентировки. Вне их остаются: восток — 11, запад — 7, юг — 2, север — 1. Поскольку ориентирование могилы производилось, очевидно, по восходу или (менее вероятно) по закату солнца, то столь явное преобладание «косых» ориентировок означает, что похороны были большей частью либо в разгаре лета, либо глубокой зимой (в совокупности 23+23+18+15=79%), очень мало весной или осенью (7+11=18%). Почти полное отсутствие южных и северных ориентировок подтверждает идею о том, что ориентиром служил восход или закат, а не полуденный апогей. Если ориентировка производилась головным концом могилы, то летнему восходу (северо-восток) отойдет 23% основных покойников, 18% — «противоположных», зимнему восходу (юго-восток) — соответственно 15 и 23. Не исключено, однако, что при ориентировании исходили из того, в какую сторону покойник будет обращен лицом. В этом случае окажется необходимым все расчеты перестроить, учитывая положение покойников на спине или на боку. Возможно, тогда вместо двойственной трактовки (зимние и летние похороны) окажется возможным избрать один сезон. Во всяком случае преобладание «косых» ориентировок ограничит выбор одним из указанных двух.

Важный вклад Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции — прочное установление стратиграфического соотношения между усатовскими и ямными погребениями. Этот вклад — вывод о смене усатовской культуры ямной — уже до публикации по первым кратким сообщениям вошел в науку и используется исследователями.

Здесь необходимо сделать одну оговорку. Вывод, бесспорный для конкретной группы ямных комплексов (впускных ямных могил Буджакской степи), нельзя автоматически расширять и переносить (без проверки и дополнительного подтверждения) на другие подкурганные погребения в ямах — ни на основные ямные погребения Буджакской степи, ни на группы ямных комплексов (основных и впускных) других территорий.

Именно материалы Днестро-Дунайской экспедиции позволяют поставить вопрос о пересмотре традиционного представления о ямной культуре как о единой сплошной этнокультурной общности, распространенной на обширных степных пространствах от Урала до Среднего Дуная. Согласно этому представлению, в ней заметны лишь незначительные различия, позволяющие в лучшем случае намечать локальные вари-

анты и этапы. С ямной культурой произошло то же, что с катакомбной. Выделенная вначале как четкая культурная группа, она затем непомерно расплылась за счет присоединения к этой группе всех погребений, в которых есть сочетание нескольких ярких признаков: для ямной культуры — четырех (курган, яма, скорченность, красная краска), а то и двух-трех из них. Между тем и курган, и скорченность погребенных распространены чрезвычайно широко в неолите и бронзовом веке Европы, могильная яма – вообще наиболее простая и распространенная форма могильных устройств, а красную краску в погребениях встречаем со времен палеолита. Сочетание этих признаков (особенно двух-трех из них) могло складываться у разных групп независимо и неоднократно, не сопровождаясь общностью других черт.

Если уж катакомбную культуру, могильные формы которой гораздо более своеобразны, в конце концов пришлось разделить на несколько самостоятельных культур [3], то с ямной культурой и подавно следует поступить так же. Во-первых, особенности положения покойников в могиле (на спине или на боку, ориентировка) в ямных погребениях далеко не столь однотипны, как форма могилы. Во-вторых, керамика, этот второй важный компонент археологической культуры, не менее важный, чем способ погребения, совершенно не подтверждает культурного единства разных районов всей этой огромной территории. В свое время Н. Я. Мерперт, придя к сходным представлениям, предложил говорить не о «ямной культуре», а о «ямной культурно-исторической области». Однако внутри этой области он выделял не культуры, а варианты, к числу же объединяющих факторов относил керамику [4].

Между тем уже давно подмечалось, что ни в Румынии, ни в Венгрии в «погребениях с охрой», относимых многими к ямной культуре, нет типичных для нее к востоку от Днестра яйцевидных горшочков, а встречаются какие-то сосуды (отдельные экземпляры, которых было крайне мало), абсолютно чуждых им форм. Теперь получена большая серия сосудов из ямных могил Буджакской степи, и отдельные формы зарубежных дунайских комплексов вписались в общую картину. Это совершенно иная керамика. Ее главные формы: 1) плоскодонный баночный сосуд на низком кольцевом поддоне, снабженный двумя вертикально проткнутыми ушками; 2) плоскодонный кубок с высокой шейкой; 3) кувшин со скошенным венчиком. В последнем авторы видят аск (почему-то используя не применяемую в русской археологической терминологии транслитерацию «аскос») и кроме буджакского экземпляра из Глубокого отмечают еще три такие находки западнее — Смеены, Брэйлица, Балтона. В буджакском экземпляре (рис. 39, *2*) аскоидность (смещение шейки относительно вертикальной оси тулова) [5] очень слабо заметна. Аналогичные кувшины со скошенными шейками известны в Болгарии [6].

На многих сосудах — шнуровой орнамент, нередко образующий вертикальные композиции из многолинейных полос (рис. 59, *3*, *5*). Этот узор очень близок шнуровой орнаментации керамики Болгарии [7], стратиграфически фиксированной в V–VII горизонтах Дипсийской могилы – Езеро (там же и кувшины со скошенным венчиком, но в более высоких горизонтах [8]).

К редким в буджакской керамике формам принадлежат: бомбовидный сосуд с невысокой, слегка отогнутой шейкой (рис. 15, *3*), похожий на формы Михайловки I, и кубок со слегка выпуклой шейкой (рис. 39, *1*). Такие кубки возникают в ходе

---

[3] *Л. С. Клейн.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? В сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 165—179.

[4] *Н. Я. Мерперт.* Энеолит степной полосы европейской части СССР. В сб. «L'Europe a la fin de l'age de la pierre». Praha, 1961, стр. 164—165.

[5] Ср.: *E. Kunze.* Orchomenos. III. Die Keramik der frühen Bronzezeit. München, 1934, S. 24—27 (Askoskanne), 53—54 (Askosbecher); *V. Milojčić.* Die Askoskanne und einige andere ägäisch-balkanische Gefässformen. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Bd. III (1950), 1951, S. 107—118.

[6] Ср.: *J. H. Gaul.* The Neolithic Period in Bulgaria. «Bull. Amer. School. Prehistoric Res.», 1948, No 16, tab. XIX, *1*.

[7] См.: *В. Миков.* Предисторическо селище до с. Михайлич, Свиленградско. Разкопки и проучивания, I. София, 1948, стр. 7—25, рис. 3—12; *V. Mikov.* The prehistoric mound of Karanovo. «Archaeology» (New York), 1959, vol. 12, № 2, p. 97.

[8] *Н. Я. Мерперт.* Первый год работ Советско-Болгарской экспедиции, КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 27—28; *его же.* К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке. Sbornik Narodniho Muzea v Praze, sv. XX, 1966, č 1/2, c. 111—112.

скрещивания колоколовидных кубков со шнуровой керамикой [9]. Включение форм Михайловки I обязано либо субстрату, либо контактам — хронологические заключения могут быть разными. То же относится к нижнедунайской шнуровой орнаментации: здесь могут быть контакты, а может быть генетическое родство. Формальные связи кубка объясняются недвузначно — известным движением мелких групп населения с колоколовидными кубками с запада на восток. Колоколовидные кубки встречены в Чехословакии, Польше, Венгрии. Их влияние (однако без появления самих кубков) ощущается в среднеднепровской культуре (наблюдение А. Г. Румянцева). С кубком из Глубокого (кург. 2, погр. 8) сопоставим аналогичный кубок из катакомбной могилы под Ростовом (раскопки А. И. Демченко, 1967 г.) [10].

Все эти связи дают хорошую опору для размещения данного культурного комплекса на шкале относительной хронологии: между Михайловкой I и Усатовом, с одной стороны, многоваликовой керамикой (здесь есть несколько сосудов) и концом раннесрубной культуры — с другой, одновременно с позднейшими колоколовидными кубками, а также ямной и катакомбной культурами Левобережья.

Но здесь, в Буджакской степи, ямная ли это культура, т. е. одна ли с той, которая впервые выделена как таковая? Пожалуй, нет. У нее другие детали обряда (впускные ямы всегда с уступом, иная ориентировка), отличен состав инвентаря (нет ни медных и кремневых ножей, ни молоточковидных булавок), совершенно особая керамика. Это другая культура. К ней, по-видимому, принадлежат и многие (вряд ли все) «погребения с охрой» Болгарии, Румынии и Венгрии, а также некоторые комплексы степей, примыкающих с востока к Буджакской. Может быть, стоило бы назвать ее «нерушайской» по первому пункту, давшему большую серию ее типичных комплексов?

Принадлежат ли к ней основные ямные погребения — тоже вопрос. У них более однообразная ориентировка, в основном в северо-западный сектор круга (причем большей частью прямо на запад или север), нет коллективных захоронений. По результатам своей первой серии раскопок в сопоставлении с зарубежными памятниками Н. М. Шмаглий и И. Т. Черняков охарактеризовали эти погребения в своей статье как бескерамические. Однако в Болграде и Огородном в таких погребениях было найдено по кубку: один с ручкой, другой с насечками по венчику, оба без аналогий во впускных погребениях [11]. Таким образом, неясно, что собой представляют эти погребения (их можно было бы назвать «баштановской» группой). Возможно, что они составляют особую категорию внутри нерушайской культуры (погребения лиц особого общественного положения), а возможно,— более раннюю стадию этой культуры, в которой отдельная насыпь была обязательным требованием ритуала; быть может, однако, эти погребения представляют особую культуру. В последнем случае и хронологическая позиция ее окажется не столь определенной, как для нерушайской. Ведь стратиграфические соотношения основных ямных могил с усатовскими прямо установить нельзя. Косвенное указание исходит из негативного наблюдения: в курганах с основными ямными могилами нет впускных усатовских погребений. Но ведь впускных усатовских могил в данной серии и вообще нет, усатовцы здесь не впускали могилы даже в курганы своих сородичей. Значит, не потому, что до них здесь не было вообще курганов (это неизвестно), а потому, что требование отдельной насыпи было для этих людей обязательным.

Авторы попытались внести хронологическое членение в группу впускных ямных погребений (т. е. нерушайскую). Они отнесли некоторые из впускных к группе основных (т. е. баштановской), другие выделили в ранний этап впускных (нерушайских). Все это главным образом по положению в могиле (на спине или на боку).

---

[9] Ср. *G. Neumann.* Die Gliederung der Glockenbecherkultur in Mitteldeutschland. «Prähistorische Z. 1929», Bd. XX, Hft. 1/2, Abb. 2, *10*, *16*, *21*, 4, *12*; *P. V. Glob.* Studier over den Jyske Enkeltgravskultur. Aarboger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, 1944 (1945), стр. 108—110, рис. 40, *4*; 42, *3*; 43.

[10] Ср. *А. И. Демченко.* Исследования курганов бронзового века в Ростове-на-Дону. АО-1967, М., 1968, рис. на стр. 73 (второй кубок без орнамента, более схожий с кубком из Глубокого, не опубликован).

[11] Впрочем, возможно, что аналогию представлял плоскодонный сосуд с «высокими плечиками» и насечками по отогнутому венчику из впускного ямного погребения 11 (со стелами) из кург. 1 у с. Глубокое, но этот сосуд только упомянут в тексте, а изображение не дано, так что уверенно судить трудно.

Сами же они отмечают шаткость этого критерия. Зато, может быть, имело бы смысл рассмотреть расположение могил в кургане. Авторы отметили, что очень часто впускные ямные могилы располагаются в ровике от первоначальной насыпи, по кругу (и добавим, оси могил проходят по касательным к кругу). Действительно, почти вся керамика происходит именно из таких могил. Но как раз оба сосуда, напоминающих формы Михайловки I (Нерушай, кург. 9, погр. 9 и Огородное I, кург. 1 и погр. 15, сос. А), связываются с могилами, впущенными в центр насыпи. Не следует ли рассмотреть центральные впускные могилы особо?

Из материалов позднего бронзового века наиболее интересно проанализирован комплекс из каменного ящика (кург. 6 у с. Борисовка). По этому поводу авторы привлекали ряд аналогичных комплексов (несколько из Одесского кургана, еще один с территории Одессы, пять из Петровки, один из Ковалевки, несколько из Островки — Марицына). Возможно, и этой группе уже пора присвоить имя (наиболее правомерно называть ее «одесской» по первой заметной серии комплексов).

Только ли в каменных ящиках хоронила эта группа населения своих покойников? Авторы склоняются к тому, чтобы соединять эти комплексы с другими в одну общность, но эти другие уже трудно будет отличить от срубных. Тогда «одесская» группа будет иметь не дифференцированные (не распределенные по всем комплексам и имеющиеся в каждом), а лишь интегральные (выступающие при обзоре всей группы и присутствующие не во всех комплексах) отличия от классической срубной культуры и окажется ее локальным вариантом.

Керамика из каменных ящиков одесской группы имеет хорошие аналогии в раннесрубных комплексах, некоторые сосуды — в культурах Монтеору и Комаровской, чем и определяется хронология. Тип могильного устройства авторы связывают с белопотоцкой группой комаровской культуры. Однако эту группу отделяет от Буджакской степи вся Молдавия, а белопотоцкие могильники — бескурганные. Может быть вернее было бы связывать появление здесь каменных ящиков с культурой многоваликовой керамики, которая охватывала и Буджакскую степь (возможно, к этой культуре следовало бы отнести и сосуды погр. 7 и 20 кург. 4 у Баштановки — см. рис. 60, *1*, *3*). В ней каменные ящики под курганами встречаются, хотя пока и не здесь, а только на Днепре: Днепрострой и Кривой Рог.

В рецензии рассмотрены только те выводы и интересные находки Днестро-Дунайской экспедиции, которые вносят наиболее существенные коррективы и дополнения в сложившуюся картину соотношения культур. Высказанные по ходу обзора предложения о классификационных уточнениях и терминах затрагивают более общий вопрос о назревшей проверке содержательности крупных подразделений нашей культурной классификации («культура ямочно-гребенчатой керамики», «ямная», «катакомбная», «срубная», «северокавказская», «поля погребений» и т. п.). Для некоторых из них эта проверка уже проводится и привела к плодотворным результатам, для других только намечается. Самое время воспользоваться этой проверкой и для отказа от терминов, которые (в нарушение основного принципа наименований по типичному местонахождению — «эпониму») закрепились от случайного выделения одного признака, обычно широко распространенного, или от привязки культуры к географическому ареалу. Эти термины создают много неудобств: путаются указания на культуру, признак и географическую зону; загромождается речь из-за трудности образования прилагательных от этих терминов в русском языке; затрудняется перевод этих терминов на иностранные языки.

Если этот общий вопрос поднят в данной рецензии, то именно потому, что материалы и выводы Днестро-Дунайской экспедиции будят мысль, дают пищу для размышлений, вызывают на проблемный разговор.

Л. С. Клейн

М. П. Абрамова. Нижне-Джулатский могильник. Книжное издательство «Эльбрус». Нальчик, 1972, 61 стр. + 15 рис., тираж 500 экз., цена 39 коп.

В 1966—1968 и 1971 гг. М. П. Абрамова произвела раскопки Нижне-Джулатского могильника (Кабардино-Балкарская АССР), которые выявили 114 захоронений, относящихся к различным эпохам. Рецензируемая книга содержит публикацию и анализ погребений, датируемых I в. до н. э.— VII в. н. э. (Неясно, почему в монографической публикации могильника совершенно отсутствуют не только исследование, но даже и описание в «Приложении» 10 погребений, относящихся к эпохе бронзы и скифскому времени.)

Работа М. П. Абрамовой состоит из небольшого вводного очерка, глав, посвященных анализу погребений I в. до н. э.— III в. н. э. и IV—VII вв. н. э., описания погребений Нижне-Джулатского могильника и богатого иллюстративного материала. В книге помещены многочисленные таблицы, в которых сведены весьма важные данные. Жаль только, что часть этих сводных таблиц выполнена по состоянию раскопок на 1968 г. и не включает данных 1971 г. (например, табл. VII, VIII), причем это не оговорено автором.

Труд, вложенный М. П. Абрамовой в изучение Нижне-Джулатского могильника, заслуживает в целом высокой оценки. Достаточно сказать, что мы получили первую полную публикацию первого стационарно раскопанного могильника сарматской эпохи в бассейне Терека. Выделение названных выше хронологических групп могил, общий анализ их погребального обряда и инвентаря, археологическая интерпретация многих из прослеженных явлений, само введение в научный оборот новых, зачастую уникальных материалов являются бесспорным достоинством работы.

Вместе с тем строгий подход к оценке объективных данных, которыми располагал автор, и к результатам авторского осмысления позволяет указать на определенную односторонность в подаче и трактовке источников. Цель данной рецензии — предложить альтернативу некоторым принципиально важным взглядам авторам книги, показать дискуссионность ряда вопросов, которые подаются М. П. Абрамовой как однозначно решаемые.

Не могу разделить попытки автора преуменьшить сарматское влияние и, наоборот, преувеличить значение местных (автохтонных, исконно северокавказских) элементов в материалах Нижне-Джулатского могильника. Весьма показательно само понимание М. П. Абрамовой сути процесса сарматизации. На стр. 38 автор пишет: «...преобладавшие в это время (речь идет о II—III вв. н. э.— *В. В.*) в материалах могильника типы стрел, пряжек и различных украшений, присущи не только для северокавказских племен, но и для населения, обитавшего на обширной территории Северного Причерноморья. Этот процесс получил в археологической литературе наименование «сарматизации» различных племен и народов, живших в первых веках нашей эры на территории Северного Причерноморья, так как господствовавшими здесь в это время были сарматские племена, передвижение которых и проникновение их в новые области способствовали распространению одинаковых форм оружия, украшений и других изделий. В этом и заключалась суть процесса «сарматизации»: не только и не столько в распространении именно сарматских по происхождению изделий, сколько в общей нивелировке культуры населения...».

Итак, процесс сарматизации относится М. П. Абрамовой ко времени не ранее II—III вв. н. э. Он лишается своего конкретного историко-культурного содержания, превращаясь в некую стадию развития культуры разноэтничного населения Северного Причерноморья. Даже сам термин постоянно ставится автором в кавычки, чтобы подчеркнуть его условность.

Возможно, что подобная трактовка и имеет право на существование. Однако в археологической литературе, к которой апеллирует М. П. Абрамова, господствует совершенно иное понимание вопроса. В статье К. Ф. Смирнова, определившей главные направления изучения сарматов и их культуры на минувшие 20 лет, читаем: «Устойчивость сарматской культуры проявилась в так называемой сарматизации соседнего несарматского населения, т. е. в принятии им сарматского костюма, вооружения, многих сторон погребального обряда и т. д.» [1]. Так понимается процесс сарматизации

[1] *К. Ф. Смирнов.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, М., 1954, стр. 195 сл.

и теми археологами, которые изучают его на примере конкретных областей и этнических групп Прикубанья [2], Боспора [3], Нижнего Дона [4], Крыма [5] и т. д. Вероятно, М. П. Абрамова не согласна с таким решением вопроса. Но при этом необходимо хотя бы указать на существование иной авторитетной точки зрения или аргументировать свою.

Отправляясь от изложенного выше понимания сарматизации, М. П. Абрамова и толкует добытый ею богатый материал.

В книге убедительно выделена группа грунтовых погребений I в. до н. э.— I в. н. э., которую автор справедливо связывает с местным населением данного района (стр. 5—8, 38, 39 и т. д.). Действительно, устройство могил в виде простых грунтовых ям с одиночными, как правило, захоронениями характерно для кобанских памятников I тысячелетия до н. э. плоскостных районов бассейна Терека [6], в том числе и для самого Нижне-Джулатского могильника [7]. Но нельзя не видеть и тех важных перемен в похоронном обряде аборигенов, которые произошли к I в. до н. э. На смену абсолютному господству скорченных на боку костяков скифского времени [8] приходит вытянутое на спине положение погребенных, хотя и скорченность еще не полностью забыта (3 из 17). М. П. Абрамова никак не объясняет этого факта. Между тем появление в плоскостных некрополях аборигенов новой позы костяков и полная победа ее в последних веках до нашей эры давно и закономерно сопоставляется со все возрастающим влиянием кочевнических культур, причем с III в. до н. э.— именно сарматской культуры [9].

Среди вытянутых костяков в грунтовых могилах автор отмечает и те, у которых либо одна из рук согнута и кисть ее лежит у таза (28,4%), либо ноги перекрещены в голенях (8,3%). От оценки первого отклонения от общего стандарта М. П. Абрамова уклоняется, следуя за И. С. Каменецким, отказавшим этому признаку в этнической состоятельности, так как он встречается и в меотском Прикубанье, и в сарматском Поволжье [10]. Наличие же скелетов с перекрещенными ногами (не только в грунтовых могилах, но и в катакомбах) автор, опять же вслед за И. С. Каменецким, объясняет как результат влияния меотской культуры (стр. 12). И вновь все это звучит так, как будто бы нет иной широко бытующей точки зрения о сарматском характере этих черт похоронного ритуала, засвидетельствованных, кстати, еще с савроматской эпохи [11]. Недавние, справедливые, на наш взгляд, разъяснения Д. Б. Шелова по части недостатков исследовательского метода И. С. Каменецкого, сделанные как раз в контексте анализа названных признаков [12], избавляют от необходимости пояснять, насколько неосторожно (а по отношению к читателю даже и несправедливо) ориентироваться лишь на его интерпретацию фактов.

---

[2] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951; *его же.* Племена Прикубанья в сарматское время. СА, 28, 1958.

[3] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 324 сл.; *И. Д. Марченко.* Раскопки восточного некрополя Фанагории. МИА, 57, 1956, стр. 107 сл.; *В. Д. Блаватский.* Раскопки некрополя Фанагории. МИА, 19, 1951, стр. 220.

[4] *С. И. Капошина.* Сарматы на Нижнем Дону. АИКСП, Л., 1968, стр. 163—171; *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.

[5] *П. Н. Шульц.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. ПСА, М., 1971, стр. 140—143; *Д. С. Раевский.* Скифы и сарматы в Неаполе. ПСА, М., 1971, стр. 143—151.

[6] *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, стр. 231—248.

[7] *М. П. Абрамова.* Археологические исследования в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. АО — 1971, М., 1972, стр. 152.

[8] *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., стр. 233—246.

[9] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 385—391; *К. Ф. Смирнов.* Археологические исследования в районе с. Тарки. МИА, 23, 1951, стр. 240 сл.; *В. Б. Виноградов.* Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии. Уч. зап. КБНИИ, 25, Нальчик, 1967, стр. 134—143; *В. Б. Виноградов, В. И. Марковин.* Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана. АЭС, 2, Грозный, 1968, стр. 174.

[10] *И. С. Каменецкий.* Население Нижнего Дона в I—III вв. н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1965, стр. 14.

[11] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 92—94.

[12] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 236, 237.

Не столь безгласной, как это представляется М. П. Абрамовой (стр. 5), может оказаться и ориентировка костяков в грунтовых могилах. При полном отсутствии северной ориентации обращает на себя внимание преобладание двух направлений: южного (в рамках юго-восток — юго-запад—47,4%) и западного (юго-запад—северо-запад – 37,9%), а остаток приходится на восточное. Этим показателям можно, конечно, и не придавать значения [13]. Но хотелось бы напомнить: южная ориентация костяков безраздельно господствовала в большей части сарматского мира с III в. до н. э. по I в. н. э. [14], а западная (или вообще широтная) сопоставляется с особенностью обряда сармато-сиракских племен Северного Кавказа в последних веках до нашей эры [15].

Суммируя сказанное, склоняюсь к выводу: грунтовые могилы, выделенные М. П. Абрамовой, хотя и оставлены аборигенами (в этом я не сомневаюсь), но аборигены эти уже к I в. до н. э. подверглись заметной сарматизации, которая отразилась, в частности, во вполне конкретных сторонах их погребального обряда.

Обратимся теперь к катакомбам первых веков нашей эры Нижне-Джулатского могильника, полевое изучение и археологическая интерпретация которых составляют серьезную заслугу автора.

М. П. Абрамова выделила и охарактеризовала два типа катакомб (I тип – катакомбы, у которых входные ямы располагались по длинной оси камеры; II тип — входная яма располагалась по поперечной оси камеры, стр. 9, 10). В предшествующей публикации части материалов Нижне-Джулатского могильника автор определял и описывал типы катакомб в иной последовательности [16], что совпадало с типологизацией сарматских катакомбных погребений Южного Приуралья – Поволжья, тщательно выполненной К. Ф. Смирновым [17]. Остается только гадать: чем, кроме нежелания признать сходство нижнеджулатских и сарматских катакомб, руководствовался автор, отказываясь от прежней типологии.

В этой связи крайне интересна «особая группа катакомб с камерой больших размеров подквадратной формы», которую М. П. Абрамова не включает (из-за непрослеженности входной ямы) ни в один из выделенных ею типов катакомб (стр. 9). Думается, однако, что это катакомбы II типа (с перпендикулярным размещением входа и камеры). В пользу этого говорят: явное тяготение костяков к широтной ориентировке, горизонтальный пол в данных камерах, широтная ориентировка самих катакомб и размещение праха покойных так, что вход (он во всех прослеженных на могильнике случаях располагался к северу от камеры) предполагается именно перпендикулярным (погр. 29, 37, 43, 44, 54, 59, 60 и др.). Даже сама непрослеженность входной ямы может быть объяснена сходством с катакомбами II типа. Ведь М. П. Абрамова пояснила (стр. 5), что из-за условий грунта контуры могильных ям либо границы их удавалось выявить в лучшем случае лишь с 0,2—0,5 *м* от дна. Но как раз катакомбам II типа присуще дно, лежавшее на 0,2–0,6 *м* ниже устья входа (для I типа – всего 0,05–0,15 *м*). При таком перепаде высот поиски входов оказывались, как правило, безрезультатными.

Приведенные соображения (если они верны даже лишь для части катакомб, оказавшихся вне типологии М. П. Абрамовой) существенно изменяют соотношение между типами катакомб, а следовательно, и побуждают критически отнестись к их интерпретации, в частности и хронологической (стр. 39). Оставляя этот вопрос будущему, замечу лишь, что мне не представляется абсолютно убедительным датировка катакомб, начиная с I в. до н. э. Разделение же их автором на четкие группы (I в. до н. э.– I в. н. э. и II–III вв. н. э.) кажется условным из-за отсутствия у М. П. Аб-

---

[13] В местных памятниках с их неустойчивой ориентировкой всегда возможно найти любые параллели, как это и делает порой М. П. Абрамова («Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии». СА, 1968, стр. 127, 128).

[14] *М. П. Абрамова.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1.

[15] *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 68 сл.; *его же.* Об интерпретации сарматских памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1968, 1, стр. 48—55.

[16] *М. П. Абрамова.* Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 году. КСИА, 124, 1970, стр 88—91.

[17] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, 1, стр. 73—81.

рамовой «связывающих» комплексов, которые можно было бы датировать I—II вв. н. э. Зыбкость столь категорического противопоставления комплексов двух групп для меня подтверждается и тем, что зачастую это коллективные погребения (до 13 человек), использовавшиеся в течение довольно длительного времени. В качестве примера сошлюсь на погребение 59, датированное М. П. Абрамовой I в. н. э. по типу фибулы (стр. 17), находка которой не связана с последним из погребенных тут людей. Возможно, что I—II вв. были бы более реальной датой для этой катакомбы с прахом 8 человек. Не исчерпывает вопроса и общая трактовка катакомб первых веков нашей эры, данная в книге.

М. П. Абрамова, подводя итог своему анализу, пишет: «Вряд ли стоит связывать, как это принято, распространение катакомбных погребений в центральных районах Северного Кавказа с проникновением сюда сарматских племен, поскольку для сарматской культуры они мало характерны, а к рубежу нашей эры исчезают совершенно... Говоря о распространении катакомбного обряда погребений на Северном Кавказе в первые века нашей эры, необходимо подчеркнуть роль местных элементов в его создании (коллективные захоронения, многоярусное расположение костяков и т. д.)... Сам факт появления и распространения в первых веках нашей эры на Северном Кавказе катакомбных погребений вряд ли можно связывать с непосредственным влиянием сарматов поволжско-уральских степей» (стр. 39, 45, 46).

Объективность требует приведения иной информации.

К. Ф. Смирнов верно заметил: «Еще 20 лет тому назад нам почти ничего не было известно о наличии катакомб различных видов у «сарматов». Свою же статью об отношении сарматских катакомбных погребений к катакомбам Северного Кавказа он строил уже почти на 35 катакомбах различных видов, подчеркнув, что в отдельных могильниках, вероятно, они составляли заметный процент (например, в курганах у с. Калмыково – 1/5 всех могил одного времени) [18]. Важно, что именно калмыковские катакомбы, соответствующие I типу нижнеджулатских, датируются II—I вв. до н. э., т. е. тем временем, к которому примыкают наиболее ранние из северокавказских катакомб (I в. н. э.). Все это оставлено М. П. Абрамовой без внимания. Между тем вывод К. Ф. Смирнова о степной сарматской основе этой формы погребальных сооружений Северного Кавказа первых веков нашей эры убедительно аргументирован [19], чего нельзя сказать о заключениях М. П. Абрамовой по части местных или среднеазиатских истоков этой похоронной традиции.

Автор рецензируемой книги в этнической оценке катакомб придает большое значение коллективности большинства из них. Эта черта объясняется как исконно местная, определяющая автохтонный состав погребенных в катакомбах. Отсутствие антропологических данных для столь важного вывода, тот факт, что бесспорно местные грунтовые погребения могильника принесли индивидуальные (и лишь редко — парные) захоронения оставляют обоснованные сомнения в правомерности такого вывода. С другой стороны, автор прав: использование катакомб в качестве семейных склепов совершенно неизвестно на собственно сарматских территориях.

Но может быть, дело в том, что не нужно ставить знак равенства между сарматами южнорусских степей и их возможными сородичами, погребенными в катакомбах Нижне-Джулатского могильника, рядом с грунтовыми захоронениями аборигенов? Первые были кочевники. Вторые под влиянием местных условий и в результате тесных контактов с исконным оседлоземледельческим населением края стали переходить к оседлости. Напомню, что, например, в Крыму появление позднескифских коллективных подземных склепов (в том числе и катакомб) весьма основательно связывается с оседанием части кочевого скифского населения, прежде хоронившего покойников иначе [20]. Разработка этой версии представляется оправданной и на материалах Северного Кавказа.

Эмпирические поиски наиболее рационального использования типа прежних индивидуальных подземных камер в качестве семейных усыпальниц сарматов, пере-

---

[18] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские катакомбные погребения..., стр. 73, 80.

[19] Там же, стр. 78.

[20] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 127—133; *Э. В. Яковенко.* Скифские погребения на Керченском полуострове. ПСА, 1971, стр. 164; *О. Д. Дашевская.* Исследования в Северо-Западном Крыму. АО — 1968, М., 1969, стр. 298, 299.

шедших к оседлости в среде местного этнического окружения, могли закономерно привести и к постепенной победе II типа катакомб над I типом, чаще всего встречаемых у сарматов Поволжья — Приуралья. Конструкция камер II типа больше отвечает задачам длительного и многократного проникновения в гробницу. Не случайно и в Средней Азии только катакомбы II типа использовались для коллективных захоронений.

Размер рецензии не позволяет подробно остановиться и на сравнительном анализе других деталей обряда и инвентаря грунтовых могил и синхронных им катакомб Нижне-Джулатского некрополя. Однако замечу, что, во-первых, сведения, собранные в таблицах V, VII, VIII, X—XIII, дают хорошие основания для выявления заметных отличий между этими разновидностями могил, что также может засвидетельствовать в пользу их различного этнического происхождения; во-вторых, далеко не все толкования М. П. Абрамовой предметов могильного инвентаря с позиций автохтонизма выглядят убедительными (мечи с серповидным навершием, зеркала-подвески) [21].

В итоге хотелось бы заметить, что проблема сарматизации местных культур, обратного влияния культуры аборигенов на пришлых кочевников-сарматов решается в книге, на мой взгляд, односторонне и недостаточно основательно. Богатые, сложные и требующие глубокого анализа материалы вступают в противоречие с лаконичной и чаще всего субъективной их интерпретацией. Повторяю, автор имеет право придерживаться любой точки зрения, подтверждение которой он находит в своих источниках. Но, очевидно, и читатель вправе ожидать, что авторская версия будет сопоставлена со всеми иными, а не подана как аксиома [22].

Высказав некоторые соображения по части материалов I в. до н. э.— I в. н. э. как наиболее важных и интересных, хочу высоко оценить важные наблюдения автора об окончательном сложении погребального обряда аланской культуры. Они представляются перспективными и нуждаются в углубленной разработке, начало которой положено М. П. Абрамовой при интерпретации могил II—III и IV—VII вв.

В книге есть досадные неточности, затрудняющие использование публикуемых в ней сведений: стр. 10 — «Катакомбы содержали коллективные захоронения — от 1 (?) до 13»; стр. 16, табл. IX — в погребении 104 указаны находки черешковых наконечников стрел, а на стр. 60 при описании того же погребения названы «втульчатые наконечники»; на стр. 15, в табл. VIII погребение 23 отмечено как имеющее в инвентаре стрелы, а на стр. 50 при описании погребения стрелы не названы; стр. 9 — «...рассмотрение погребального обряда будет проводиться для всех катакомб вместе, независимо от принадлежности к тому или иному типу», а на следующей странице в табл. IV количественные показатели погребенных в катакомбах помещены под рубрикой «Тип погребения», хотя рассматриваются действительно не типы погребений, а две хронологические группы могил.

Впрочем, таких погрешностей, кажется, немного. И они не умаляют в целом качественной публикации интересного могильника. Несомненно, что М. П. Абрамова, исследовав Нижне-Джулатский некрополь и подготовив к изданию результаты своих плодотворных раскопок, а Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, опубликовав книгу, оказали хорошую услугу тем, кто изучает историю и археологию Северного Кавказа I тысячелетия нашей эры.

В. Б. Виноградов

---

[21] *В. А. Петренко.* Еще раз о клинках с серповидным навершием из могильников Центрального Кавказа. Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, стр. 13—15.

[22] Хотелось бы заметить и то, что автором не учтены опубликованные сведения о раскопках могильника в 1963 г. (см.: *В. Б. Виноградов.* Археологические памятники сарматского времени..., стр. 136, рис. 4).

В. В. Ауліх. Зимнівське городище (слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині). Київ, 1972, 123 стр., иллюстрации, тираж 1000 экз.

В рецензируемой книге подводятся итоги девятилетних раскопок автора на Зимновском городище. С 1956 по 1964 г. исследовано свыше $^2/_3$ площади городища (3000 из 3700 *м*^{2}). В книге учтены также материалы разведок и раскопок, проводившихся на территории городища Б. А. Антоновичем в конце XIX в., О. М. Цинкаловским в 30-х годах и Ю. Н. Захаруком в 1951—1952 гг.

Книга состоит из предисловия, пяти глав и заключения. В кратком предисловии автор пишет о фрагментарности сведений письменных источников по истории, экономическому и социальному развитию восточнославянского общества во второй половине I тысячелетия н. э. В связи с этим он правильно отмечает, что без систематических широких раскопок раннеславянских памятников, начавшихся в 50-х годах нашего столетия, «невозможно серьезное осмысление всех закономерностей исторического развития восточных славян».

Первая глава — «Зимновское городище. Топография, оборонительные и жилые сооружения» — содержит, помимо разделов, отраженных в ее названии, сведения по истории исследования городища, описание методики раскопок и характеристику стратиграфии его культурных слоев. Текст главы иллюстрирован общим планом городища. Однако номера квадратов не проставлены на общем плане городища (табл. 1), что сильно затрудняет привязку к нему планов отдельных квадратов с остатками оборонительных и жилых построек [1]. Городище расположено на мысу коренного берега реки. Толщина культурного горизонта на памятнике варьирует от 0,6 до 3,8 *м*. На городище выявлены материалы различных эпох: энеолита, бронзы, раннего железа, раннего и позднего средневековья. Культурные слои сильно перекопаны, что не позволило В. В. Аулиху привязать к какому-либо из слоев остеологический материал и часть изделий из кости.

Во втором разделе первой главы — «Оборонительные сооружения городища» скрупулезно описываются остатки сгоревших деревянных и земляных укреплений, окружавших городище с северной, северо-западной, западной, южной, юго-восточной, юго-западной и восточной сторон. Интересные результаты дали раскопки в северо-западной и юго-восточной частях городища. Здесь под верхними остатками деревянной ограды залегал слой темно-коричневой земли, под этим слоем, на глубине от 0,9 до 1,4 *м*, на 2 *м* ближе к краю плато выявлен другой слой обугленных остатков деревянной ограды. Оборонительные сооружения нижнего строительного горизонта погибли от пожара и были засыпаны землей. На их месте жители городища построили новые укрепления.

В третьем разделе «Остатки жилых сооружений» описываются ямы и зольники, найденные на городище. Всего на плато расчищено 144 ямы, которые связываются В. В. Аулихом с верхним горизонтом памятника. 102 ямы тянутся двумя рядами вдоль юго-западного, западного и юго-восточного краев городища, параллельно линии оборонительных сооружений, с их внутренней стороны. Первый ряд ям расположен в 0,5—0,8 *м* от деревянной стены укреплений. Расстояние между первым и вторым рядом 4—4,5 *м*. Все ямы имеют неправильную и овальную форму. Диаметр колеблется от 0,8 до 1,3 *м*, глубина от 1,5 до 2,2 *м*. Во всех ямах найдены следы и остатки деревянных столбов. 42 ямы рассеяны в беспорядке по всей площади городища, в том числе и между указанными выше рядами ям. Между рядами ям выявлено также 36 кострищ. Все ямы заполнены землей серого цвета, перемешанной с мелкими комочками светло-желтой и обгорелой глины, маленькими угольками и обломками керамики, которые относятся к культурам нижних слоев. Лишь в засыпи нескольких ям встречены небольшие фрагменты посуды третьей четверти I тысячелетия. Эти ямы перерезали нижний горизонт деревянных строений и относятся к верхнему строительному горизонту. В. В. Аулих считает описанные выше два ряда ям для вертикальных столбов и кострища остатками жилищ. Автор, признавая недостаточность найденных на Зимновском городище материалов для реконструкции

[1] В том же виде план повторен и в другой работе В. В. Аулиха.— «Зимновское городище и его место среди раннеславянских археологических памятников» (в сб. «Исследования по истории славянских и балканских народов». М., 1972, рис. 2).

жилищ, пытается все же выполнить ее. И если предложенная автором в конце этого раздела реконструкция системы обороны городища не вызывает сомнений, то с его предположением о том, что ряды ям для столбов являлись остатками жилищ, трудно согласиться. Во-первых, вряд ли ряд жилых домов мог находиться всего лишь в полуметре от оборонительной стены. Ведь тогда оборонительная стена становилась труднодоступной для защитников городища. На более позднем городище Екимауцы, с которым В. В. Аулих сравнивает Зимновское городище, ряд жилищ расположен по кругу на расстоянии не менее 4 *м* от вала [2]. Во-вторых, В. В. Аулих отмечает конструктивную связь деревянной оборонительной стены и двух рядов ям для столбов. Пространство между ними было заполнено насыпной глиной, завалившей остатки стены после пожара. Возможно, оба ряда ям для столбов с огнищами между ними следует рассматривать как следы оборонительных конструкций. Интересную в этом смысле аналогию дает нам одновременное Зимновскому городище Шелиги 1, 2, где обнаружены подобные ряды столбовых ям с очагами между ними. В. Шиманский видит в них остатки оборонительных сооружений [3].

Во второй главе «Анализ вещевого инвентаря» характеризуются находки с территории городища и обосновывается время существования городища. На городище найдено несколько целых лепных горшков и десятки тысяч фрагментов подобных сосудов. Другой вид посуды Зимновского городища — глубокие миски — представлен только двумя образцами. Все горшки с городища В. В. Аулих делит на три типа. Однако предлагаемая автором типология очень аморфна. Например, во второй тип им включены сосуды, различающиеся пропорциями, размерами, формой венчика, а в ряде случаев и формой тулова (см. табл. VI, *1*, *2*, *5—9*; табл. VII). Отсутствует типологическая таблица керамики. В. В. Аулих датирует зимновскую керамику по найденным на городище изделиям из металла VI—VII вв. Но на Зимновском городище не обнаружено ни одного керамического комплекса, который сопровождается датированными металлическими предметами. Более того, керамика и металлическая утварь происходят из перекопанного, стратиграфически не расчлененного культурного слоя. Поэтому керамический материал не сопоставим с датирующимися металлическими вещами. По мнению И. П. Русановой, в Зимно, помимо типичной керчакской посуды VI—VII вв., есть керамика, обычно входящая лишь в состав позднейших комплексов конца I тысячелетия н. э. К последним она относит горшки с отогнутым венчиком и миски [4]. Их образцы представлены на публикуемых В. В. Аулихом таблицах рисунков керамики [5].

Во втором разделе этой главы публикуются изделия из железа. Большинство из них (коса горбуша, инструменты ремесленников, ножи, кресала, наконечники копья I типа, двукрылые и листовидные втульчатые наконечники стрел, черенковые наконечники с листовидным треугольным, двукрылым и слегка округлым пером), по мнению автора, бытовали у славян и других народов на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. VI—VIII вв. он датирует черенковые трехлепестковые наконечники стрел и пряжки III типа. Пряжки I и II типов, удила и наконечники копий II типа автор относит к VI—VII вв. Однако пряжки I типа, очевидно, находились в употреблении и в более позднее время. Аналогичные им пряжки входят в инвентарь Вознесенского погребения VII—VIII вв. и встречаются на древнерусских и кочевнических памятниках IX—XI вв. [6]. Вызывает возражение утверждение

---

[2] *Г. Б. Федоров.* Городище Екимауцы. КСИИМК, L, 1953, стр. 116, рис. 49.

[3] *W. Szymański.* Szeligi pod Płockiem na początku wczesnego średniowiecza (respot osadiezy r XI—VII w.) Wroclaw — Warszawa — Krakow, 1957; *Idem.* Ergebnisse auf dem Burgberg Szeligi, Kreis Prock in den Jahren 1959—1960 durch geführten Forschungen. «Archaeologia Polona», V, 1962, S. 76—85; *Е. А. Горюнов.* Раннеславянские древности в чехословацкой, немецкой и польской литературе. СА, 1970, 4, стр. 304.

[4] *И. П. Русанова.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. САИ, Е1-25, М., 1973, стр. 18.

[5] *В. В. Аулiх.* Зимнівське городище, табл. VI, *4*, VII, *1*, *2*, *4*, *6*. Ср.: *И. П. Русанова.* Ук. соч., рис. 2, тип. II.

[6] *В. А. Грінченко.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. Археологія, III, Київ, 1950, табл. II, рис. 7; *А. Н. Кирпичников.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, Е1-36, Л., 1973, рис. 43, *2*, *3*; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, рис. 46, *1*, *2*; *ее же*: Древности Черных Клобу-

В. В. Аулиха о том, что зимновские удила являются самыми ранними среди подобных находок на восточнославянской территории. Так как названные удила найдены в перекопанном слое, то дату их можно установить только по аналогиям с других, уже датированных памятников. По А. А. Гавриловой, удила типа зимновских появились позднее X в., а по А. Н. Кирпичникову — в первой половине XIII в.[7]. Скорее всего, опубликованные В. В. Аулихом удила попали в раннесредневековый горизонт Зимновского городища из верхнего древнерусского горизонта. К древнерусскому периоду, наверное, следует относить и втульчатые наконечники стрел с ромбовидным и клиновидным пером[8]. Подобные наконечники стрел обнаружены в могиле X в. в Киеве[9]. Не датированные В. В. Аулихом пряжки IV типа, вероятно, использовались в Европе в течение всей второй половины I тысячелетия[10].

В заключении раздела автор на основе косвенных данных (находка на городище стержней заготовок, наличие в тесте керамики частиц железного шлака) делает обоснованный вывод о существовании на Зимновском городище кузнечного ремесла и выплавки железа.

В следующем разделе «Изделия из серебра и цветных металлов» публикуются пряжки, бляшки-накладки, браслеты, подвески и другие изделия из металла.

Для некоторых из этих предметов (пряжка № 7, полусферическая бляшка-накладка и колокольчик) автор не нашел аналогий. Пряжка № 7 близка пряжке из Баклинского склепа № 279[11]. В том же склепе найдены две пряжки с ажурным и крестовидным основанием, тождественные пряжкам из склепа № 46 могильника Эски-Кермен[12]. А. К. Амброз датирует склеп № 46 второй половиной VIII — первой половиной IX вв.[13] Вероятно, и зимновская пряжка № 7 бытовала в то же самое время.

Бляшки-накладки, аналогичные названной, входили в состав находок VII в. (Земьянска Врбовка, Новые Сенжары, Мадара) и VII—VIII вв. (Гладосы)[14]. Бронзовые колокольчики, сходные с зимновским, часто встречаются в Крымских погребениях VII в.[15]

Аналогия для пряжки № 4 подобрана автором неверно. Пряжка из могильника Юташ не имеет ничего общего с пряжкой № 4[16]. Занижена датировка прямоугольных «гитаровидных» пряжек, трапециевидных подвесок и пинцетов. По мнению И. П. Русановой, они бытовали и в VIII—IX вв.[17]

ков. САИ, Е1-19, М., 1973, табл. 18, *4*, *5*; 28, *10*; *Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский* Погребения поздних кочевников в Степном Крыму. АИСК, Киев, 1968, рис. 4, 7.

[7] *А. А. Гаврилова.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Л., 1965, рис. 15; табл. XXXI, рис. 93; *А. Н. Кирпичников.* Ук. соч., табл. VI; *В. В. Ауліх.* Зимнівське городище...., табл. VIII, *30*, *31*.

[8] *В. В. Ауліх.* Там же, табл. X, *29*, *30*, *33*.

[9] *М. К. Каргер.* Археологические исследования древнего Киева, Киев, 1950, рис. 60, 63.

[10] *A. Salamon, J. Erdélyi.* Das völkerwanderungszeitliche von Környe. Budapest, 1971, S., 68—71, taf. 27 (31); *С. А. Плетнева.* Древности Черных Клобуков, рис. 3, *25*, *26*; табл. 31, *16*; 38, *7*; *А. Н. Кирпичников.* Ук. соч., рис. 43, *5*; *В. В. Ауліх.* Зимнівське городище..., табл. XI, *21*, *22*, *30*.

[11] Пользуюсь случаем поблагодарить Е. В. Веймарна за разрешение ознакомиться с неопубликованными материалами из Баклинского могильника.

[12] Фонды ОИПК Эрмитажа, № 2360/39; 2360/41—42. Выражаю свою признательность К. М. Скалон за разрешение использовать неопубликованные материалы Эски-Керменской экспедиции.

[13] *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 2, табл. II, стр. 116.

[14] *В. В. Ауліх.* Ук. соч., табл. XII, *19*; *B. Svoboda.* Pokiad byzantskéno Kovotepce Zemianskem Vrbovku. PA, XLIV, 1953, стр. 93—95; рис. 4; *А. Т. Смиленко.* Находка 1928 г. у г. Новые Сенжары. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 159, рис. 1; *Н. Мавродиновъ.* Прабългарската художествена индустрия. Мадара. кн. II. София, 1936, рис. 210, *21*, *22*; *А. Т. Сміленко.* Гладоськи скарби. Київ, 1965, табл. VIII, *6*.

[15] *В. В. Ауліх.* Ук. соч., табл. XII, *17*; *Н. И. Репников.* Некоторые могильники крымских готов. ИАК, 19, 1906, табл. XI, *12*; *В. В. Кропоткин.* Отчет о работе по раскопкам раннесредневекового могильника на ю.-з. склоне Чуфут-Кале в 1952 г. Архив БИАМ, дело № 44, стр. 5—8. Фонды БИАМ, № 5805, Ч. К.— 52, скл. 23—24 п/о 284.

[16] *В. В. Ауліх.* Ук. соч., рис. 6, *2*; *Д. Чаллань.* Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. II. Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, T. IV (1—4), Budapest, 1956, стр. 269, табл. IV, *8*.

[17] *И. П. Русанова.* Славянские древности..., стр. 17, 18.

Огромный интерес представляют публикуемые в названном разделе слитки, льячки, обломки каменных литейных форм, костяная матрица для тиснения в глине форм для отливки поясных наконечников. Они свидетельствуют о существовании на Зимновском городище во второй половине I тысячелетия н. э. производства изделий из цветных металлов.

В следующем разделе «Изделия из стекла и кости» анализируются бусы и немногочисленные вещи из кости, которые В. В. Аулих связывает с раннесредневековым горизонтом. Бусы, аналогичные найденным на Зимновском городище, по словам В. В. Аулиха, бытовали как в VI—VIII, так и в VIII—IX вв. Автор настаивает на датировке зимновских бус VI—VII вв.

Единственная костяная пряжка, происходящая с территории городища, датируется автором VI—VII вв. Однако медная бляха из Арцыбашево, с которой В. В. Аулих сравнивает описываемую пряжку, конструктивно отличается от нее. А полную аналогию зимновской пряжке мы находим лишь среди бронзовых пряжек скифского времени [18]. Очевидно, данная пряжка попала в раннесредневековый слой из более ранних культурных слоев.

В последнем разделе второй главы «Датировка Зимновского городища» автор пишет о том, что время существования большинства раннеславянских памятников установлено умозрительно. Он отрицает возможность использования раннеславянской лепной керамики в качестве критерия для датировки. Данное утверждение В. В. Аулиха опровергается работами Д. Т. Березовца, И. П. Русановой и других исследователей, в которых прослеживается хронология эволюционных изменений в раннеславянской керамической посуде [19].

По мнению В. В. Аулиха, найденные на городище монета Юстина I (518—587 гг.) или Юстиниана I (527—565 гг.) и некоторые изделия из цветных металлов VI — первой половины VII в. доказывают, что городище существовало с VI в. до второй половины VII в. Ю. В. Кухаренко и И. П. Русанова не согласились с В. В. Аулихом. Ю. В. Кухаренко датировал Зимновское городище VI—VIII вв.[20], а И. П. Русанова — второй половиной I тысячелетия [21]. На наш взгляд, точка зрения И. П. Русановой является наиболее обоснованной. Во-первых, как мы уже писали выше, все археологические материалы, найденные в раннесредневековом горизонте Зимновского городища, происходят из перекопанного, стратиграфически не расчлененного культурного слоя. Поэтому ни одна из найденных в таком слое вещей не может датировать слоя в целом. Во-вторых, в раннесредневековом горизонте городища, который стратиграфически четко отделяется от более позднего древнерусского горизонта, помимо изделий VI—VII вв. найдены керамика, железные пряжки, наконечники стрел, копий, дротиков, орудия труда, прямоугольные «гитаровидные» пряжки, трапециевидные подвески и пинцеты, стеклянные бусы, бытовавшие в Восточной Европе на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. В VII—VIII вв., в обиходе восточноевропейских дружинников находились полусферические бляшки-накладки типа зимновских. Во второй половине VIII — начале IX в. в Крыму изготовлялись пряжки, сходные с зимновской бронзовой пряжкой № 7. Таким образом, материалы из так называемого раннеславянского горизонта городища датируют его VI—X вв. н. э.

В третьей главе «Хозяйство жителей Зимновского городища» В. В. Аулих, опираясь на конкретный археологический материал, характеризует сельское хозяйство и ремесла.

В четвертой главе «Зимновское городище на фоне синхронных памятников Западной Волыни и Верхнего Поднестровья» Зимновское городище предлагается в качестве эталонного памятника для датировки раннеславянских памятников из ука-

---

[18] *В. В. Ауліх.* Ук. соч., рис. 7, *2*; *А. Л. Монгайт.* Археологические заметки. КСИИМК, XLI, 1951, рис. 43, *3*; *В. Н. Полторацкая.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве. АСбГЭ, 8, Л., 1966, рис. 4, 7.

[19] *Д. Т. Березовец.* Поселение уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963; *И. П. Русанова.* О раннеславянской керамике Верхнего и Среднего Приднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968; *ее же.* Славянские древности...

[20] *Ю. В. Кухаренко.* Средневековые памятники Полесья. М., 1961, стр. 9.

[21] *И. П. Русанова.* Славянские древности..., стр. 18.

занного района [22]. Несостоятельность подобного утверждения показана нами выше. Сопоставив раннеславянские селища и городища Западной Волыни и Верхнего Подпестровья, В. В. Аулих справедливо полагает, что некоторые различия в их материальной культуре объясняются не разной этнической принадлежностью их населения, а наличием социального расслоения общества.

В последней, пятой главе «Племенная принадлежность и социальный состав» автор приводит ряд доказательств предположения о том, что на Зимновском городище находился административный, возможно, и культовый центр племени, входившего в состав дулебского союза племен. По его мнению, на городище жили вождь племени со своей дружиной и ремесленники, обслуживающие дружину. Зимновское городище, по словам В. В. Аулиха, погибло в результате нападения авар, которые сожгли городище. «Визитной карточкой», оставленной аварами на городище, он считает трехлопастные наконечники стрел. Но так как городище датируется второй половиной I тысячелетия н. э., то с аварскими набегами можно связывать только гибель сооружений первого строительного горизонта, к которому, быть может, относятся зимновские вещи и керамика VI—VII вв.

Отмеченные недостатки рецензируемой монографии, конечно, не могут снизить значения опубликованного фактического материала и некоторых связанных с ним выводов.

А. И. Айбабин

---

[22] Эта мысль высказывалась и в других работах В. В. Аулиха. См.: *В. В. Аулих.* Славянское поселение у с. Рипнева (Рипнев I) Львовской области. МИА, 108, 1963, стр. 380; *его же.* Зимновское городище и его место среди раннеславянских археологических памятников, стр. 56.

Władisław Łosiński. Początki wczesnośredniowiecznego ocadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972, 386 стр.

В книге исследуются древности второй половины I тысячелетия одного из микрорегионов Польши. Объектом анализа стал район с приблизительными размерами 60×30 — 40 *км* в бассейне нижнего течения Парсенты (Parsęta), впадающей в Балтийское море близ Колобжега (Kołobrzeg). Археологические исследования отдельных микрорегионов являются весьма важным и крайне необходимым этапом изучения истории древних племен и этнических общностей. Такие работы сосредоточивают внимание не только на общеисторических вопросах, но и поднимают частные вопросы, без разрешения которых невозможно понять в деталях все процессы исторического и этнического развития.

Основная цель работы В. Лосинского — проследить изменения в развитии укрепленных поселений-городищ в исследуемом регионе от начала раннего средневековья до рубежа X—XI вв. Однако круг затронутых в книге вопросов значительно шире намеченной цели. Объектом анализа стали 141 археологический памятник — городища, селища, культовые места, курганный могильник, клады. Среди них городищ только 19 и 5 предполагаемых оборонных объектов. В первой главе книги автор знакомит читателей с историей полевых археологических работ в бассейне нижней Парсенты и дает общую характеристику археологических объектов.

Интереснейшим разделом книги является вторая глава, посвященная датировке поселений. В основе их хронологии лежит керамический материал, который дифференцируется на несколько типов. Вся лепная посуда выделена в первый тип, названный дзедзицким по поселению в Дзедзицах (Dziedzice), повят Мыслибож (Myślibórz), где раскопками исследован слой с такой керамикой. Это горшки простейших баночных и яйцевидных форм. Дзедзицкая керамика характерна для ряда славянских поселений Западного Поморья.

Вторую группу керамики составляют слабопрофилированные сосуды, частично подправленные на гончарном круге. Они подразделены на три типа. Голанчский тип

характеризуется многообразием форм (горшки баночные, яйцевидные и близкие к биконическим, широкие сосуды, близкие к мискам). Большинство сосудов неорнаментированы. Для кендзынского типа, выделенного еще В. Лемгой, характерны вазообразные выпуклобокие сосуды, часто орнаментированные. Третий, щецинский тип очень характерен для западнопоморских областей Польши, содержит богатый ассортимент форм посуды. Наиболее характерными являются сосуды со слабым изломом в верхней трети их тулова, близкие к цилиндроконическим и биконическим. Как правило, они орнаментированы в верхней части. Для этой группы керамики обычны узоры из линий, прочерченных вертикально, горизонтально или крестообразно. Встречаются такие волнистые линии и палочные вдавления.

В третью группу включены профилированные сосуды, подправленные на гончарном круге. Здесь выделяется тоже три типа. Сосуды бардыского типа бокастые, широкие, но невысокие, имеют выраженный венчик, отогнутый наружу или прямостоящий. Распространенный узор — косые насечки. Сосуды волинского типа — горшки, близкие к биконическим, со слабо выраженным изломом. К швелюбскому типу отнесены биконические сосуды с отогнутым венчиком. На них преобладает линейная орнаментация.

Четвертую группу образуют сильно профилированные гончарные сосуды. В зависимости от формы их и характера венчиков автор выделяет в этой группе типы A, B, C, D, E. К пятой группе отнесены остальные виды гончарной керамики, подразделенные также на три типа.

После характеристики керамических групп и типов В. Лосинский подробно останавливается на обосновании относительной и абсолютной их датировки. В результате выделяются хронологические фазы.

Фаза I, относящаяся к VI и, вероятно, к началу VII в., выделяется на основе лепной керамики дзедзицкого типа. Фаза II (VII — первая половина IX в.) характеризуется лепной керамикой, подправленной на круге. Примерно с середины VIII в. гончарный круг применяется уже для изготовления всей керамики, поэтому вторая фаза членится на два этапа: а) VII — первая половина VIII в., когда распространены сосуды голанчского и кендзынского типов; б) вторая половина VIII и первая половина IX в., когда вместе с сосудами названных типов встречается керамика бардыского и волинского типов, а в конце фазы появляется и керамика щецинского типа. Фаза III определена в пределах от середины IX до 70-х годов X в. Для нее характерны сосуды щецинского и волинского типов, в X в. распространяется и швелюбская керамика. Фаза IV датирована концом X — серединой XII в., а фаза V — серединой XII — серединой XIII в. Эти фазы выделены на основе керамического материала из Щецина (Szeczecin) и Гданска (Gdańsk) и выходят за хронологические рамки рецензируемого исследования.

Хронологическая классификация керамического материала позволила автору датировать каждое городище в отдельности. Поселения, подвергнутые раскопочным исследованиям, датированы с большей точностью (Голанц Поморский (Golańcz Pomorska) — VI — начало VII в., Колобжег — от рубежа VI — VII вв., Барды (Bardy) — VII в., Кенджыно (Kędrzyno) — конец VIII — начало IX в., Швелюбе (Swielubie) — середина IX в.). Остальные городища определены в пределах 3 хронологических фаз.

Следующие три главы книги (III—V) посвящены вопросам эволюции городищ, хозяйственной деятельности их обитателей и социально-политической структуре общества. Устанавливается, что во второй половине I тысячелетия в развитии укрепленных поселений исследуемого региона наблюдается два этапа. Первый датируется VII — серединой IX в., второй — от середины IX до рубежа X—XI вв.

Первый период начинается с возникновения городищ. До этого в северопольских землях укрепленные поселения не сооружались. При строительстве городищ прежде всего использовался рельеф местности. Они устраивались всегда на возвышениях в долинах рек и озер. Размеры городищ различны: от небольших площадью 0,25—0,5 *га* до относительно крупных площадью 1,5—4 *га*. С напольной стороны городищенской площадки обычно устраивался дугообразный земляной вал. Впрочем, имеются и городища, окруженные валом по периметру. Валы массивные, при сооружении их применялась забутовка из глины. Жилища, наземные или слегка углубленные в грунт бревенчатые дома с глиняными (иногда с применением камня)

очагами, располагались дугообразно в зависимости от планировки вала. Хозяйственные постройки строились бессистемно.

Население городищ занималось земледелием (найдены остатки проса, пшеницы, ржи и овса), скотоводством, рыбной ловлей, а также ремеслами и торговым обменом. По подсчетам автора, бесспорно, весьма приблизительным, на городищах жило 200—250 человек.

Вокруг городищ располагались селища, где жило население, занятое сельским хозяйством. Таким образом, городища были жизненными центрами небольшой округи площадью около 30 *км*². Они были пунктами натурального обмена, и убежищами в момент опасности, и политическими центрами малого племени.

Для возникновения городищ, по мнению автора, имелось несколько причин. Третья четверть I тысячелетия была временем славянских передвижений, которым сопутствовали распад прежних племенных отношений и перегруппировка населения. Наметилась тенденция формирования малых племен. В этой исторической обстановке, как полагает автор, оборонные и политические центры стали необходимым условием. Возникающие городища стали срединными пунктами малых племен — политических организаций, формирующихся вокруг опорных пунктов. В то же примерно время, замечает В. Лосинский, возникают городища и в иных районах Западного Поморья, в Мекленбурге и Силезии.

К середине IX в. в исследуемом регионе наблюдается упадок ранних городищ. Начиная со второй половины IX столетия строятся новые городища, заметно отличные от прежних. Они невелики по размерам (площадью 0,1—0,5 *га*), но очень сильно укреплены. На некоторых из них валы строятся в несколько рядов. При их сооружении применяются конструкции из дерева (бревна, положенные горизонтально или сложенные в решетки). Если раньше каждое городище приходилось на округу площадью около 30 *км*², то теперь укрепленные поселения стали центрами районов площадью от 50 до 80 *км*², а в одном случае около 150 *км*². Обитатели городищ занимались в основном ремесленным производством и снабжали своей продукцией окрестные сельские поселения. Если в первый период истории городищ господствовало натуральное хозяйство, то теперь в районе Парсенты начался процесс интеграции хозяйства. Таким образом, городища второй фазы были торгово-ремесленными центрами, предвестниками городов.

Среди них особое место занимает городище Колобжег-Будзистово (Kolobrzeg-Budzistowo). Оно выделялось прежде всего крупными размерами, его площадь – около 10 тыс. *м*². Жизнь на нем продолжалась и в первые века II тысячелетия, в то время как остальные городища второй фазы прекратили функционирование на рубеже X и XI столетий. На смену им приходят города и поселения городского типа. Городище Колобжег-Будистово в X в. было уже зачатком города.

Нарисованная В. Лосинским картина развития укрепленных поселений небольшого региона Северной Польши во второй половине I тысячелетия опирается на материалы археологических разведок и раскопок. Поэтому замечания по книге прежде всего связаны с недостаточной изученностью поселений. И здесь необходимо отметить слабое внимание к неукрепленным поселениям, а также то, что автор не раскопал одно или два городища полностью. Детальное обследование селищ с выяснением их эволюции сделало бы историю региона более насыщенной, а обоснование причин эволюции городищ более авторитетным. Полные же раскопки одного из городищ каждой фазы позволили бы представить их облик и культуру более отчетливо, а историю укрепленных поселений более оправданной.

Автор объясняет возникновение первых городищ среди славян бассейна Парсенты исключительно внутренним развитием общества — формированием мелких племен. В связи с этим можно было бы предполагать появление городищ в основных областях славянского расселения второй половины I тысячелетия. Между тем вполне очевидно, что в древних славянских землях городищ этого времени почти нет. Они возникают главным образом по периферии славянского ареала. На западе это области Польского Поморья, Мекленбурга и Силезии, на востоке – роменско-боршевские городища в Днепровском лесостепном левобережье и в бассейне Дона или городища-убежища в Псковской земле. Размещение раннеславянских городищ свидетельствует о том, что укрепленные поселения во второй половине I тысячелетия

строились преимущественно там, где славяне вплотную соприкасались с иноплеменниками. И в бассейне Парсенты, по-видимому, для строительства городищ имелись внешние условия. Об этом как-будто говорит разнотипность керамического материала и некоторые нарушения в его эволюционном развитии.

Остается необъяснимым почему в середине IX в. городища старшей фазы забрасываются. Ведь все они могли бы перерасти в торгово-ремесленные центры. Вместо того, чтобы строить новые городища, старые прекрасно могли быть использованы для этой цели. В других славянских регионах так и было. Например, Изборское городище, основанное на рубеже VII—VIII вв., первоначально было племенным центром. По своей планировке оно близко к раннепарсентским – постройки располагались по периметру поселения, а середина оставалась незастроенной и предназначалась, по всей вероятности, для племенных собраний и языческих празднеств. Одновременно Изборское городище стало торгово-ремесленным центром и позднее городом. Вокруг Изборского городища в радиусе 10—30 *км* в VIII—IX вв. возникло несколько городищ-убежищ [1]. К X столетию они были заброшены, но для этого были основательные причины. Возникшее в IX в. Древнерусское государство централизовало защиту населения от внешних врагов, сделав прежние племенные убежища ненужными.

Конечно, Изборский и Северопольский регионы могли иметь различные пути исторического развития. Однако миниатюрность городищ второй фазы в бассейне Парсенты также остается загадочной. Слишком малые размеры торгово-ремесленных центров — предвестников городов — остаются необъяснимыми. Тем более, что ни одно из них не стало городом. Ответить на эти вопросы до проведения широких и планомерных раскопок городищ не представляется возможным.

Работа В. Лосинского, несомненно, представляет большой научный интерес. Первый опыт монографического исследования одного из микрорегионов польской территории второй половины I тысячелетия является удачным и плодотворным. Всяческой поддержки заслуживает и опыт социально-исторического осмысления археологических материалов. И если при этом возникают неразрешенные вопросы, то это обусловлено исключительно общим состоянием археологических знаний.

В. В. Седов

---

[1] *В. В. Седов.* Разведки в Псковской земле. АО-1970, М., 1971, стр. 19.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К НУМИЗМАТИЧЕСКИМ РАБОТАМ [1]

Сводки и топографии археологических памятников являются первоисточниками для археологов и историков. Особую роль играют топографии монет – памятников, имеющих наиболее точную дату изготовления.

Ценность нумизматических сводов зависит от точности и полноты исходных данных. Ошибки ложатся в основу неверных концепций, поэтому в сводах они не оправданы ничем.

Смысл статьи состоит в устранении замеченных фактических ошибок в рассматриваемых работах: основная часть статьи (стр. 320—329) содержит 40 замечаний, в которых анализируется археологическая сторона работ В. М. Потина.

---

[1] *В. М. Потин:* Находки западноевропейских монет на территории древней Руси и древнерусские поселения. НЭ, III, 1962, стр. 183—211 (в дальнейшем — работа I); Топография находок западноевропейских монет на территории древней Руси. Тр. ГЭ, IX, 1967, стр. 106—184 (в дальнейшем — работа II); Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии. Тр. ГЭ, XII, 1971, стр. 50—119 (в дальнейшем — работа III); Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, 238 стр. (в дальнейшем — работа IV).

Взаимоотношение этих работ. Работа I полностью вошла в работы II и IV: текст ее вошел без изменений в первую главу работы IV, а оба приложения (список монетных находок и список литературных источников) вошли в работу II. В работе III кроме западноевропейских монет собраны еще и восточные монеты из погребений, а также исправлены некоторые неточности в работах I и II.

В статье не рассматриваются находки с территории Прибалтики, Карелии, Средней и Нижней Волги и к востоку от Волги. Поэтому из 402 номеров монетных находок, помещенных в работе II, критически было рассмотрено около 150 номеров, большинство из которых (127 номеров) публикуют находки монет из погребений. При ссылке на нумизматические сводки я ссылаюсь только на фамилию автора — Бауэр, Фасмер, Марков, Харлампович, так как полная библиография есть в работах В. М. Потина.

В результате анализа археологических данных находок монет можно сказать, что автор рассматриваемых работ в большинстве случаев не доходил до первоисточника сведений о монетной находке, вследствие чего:

а) монеты были посажены в те пункты, где они не были найдены,— см. мои замечания 3 — 5, 7, 8, 11, 14, 16 — 19, 28, 29;

б) были произведены удвоения и вообще увеличения одной монетной находки (по разным пунктам или внутри одного пункта) — замечания 1, 6, 7, 9, 13, 15, 22, 26 — 28, 30, 33, 35, 36, 38;

в) не названы монеты, найденные в погребениях,— замечания 18, 21 и 23, 24, 33, 34, 37;

г) неверно определена география находки — замечания 10, 17, 20, 23, 25;

д) искажены, перепутаны ссылки, фамилии, инициалы, годы, географические названия, курганы, страницы, номера, контуры рек — замечания 1, 4, 6, 8, 9, 10, 18 — 20. 22, 25—29, 31, 33, 34, 36—40; плюс не вошедшие в мой текст пункты в работе II: 4, 99, 161, 182, 245, 285, 305, 319, 387, стр. 191 плюс пункты в работе III: 94, 98 — 100, 111, 133.

Следствием перечисленных выше ошибок явилось то, что некоторые тезисы В. М. Потина не опираются на фактический материал.

Вот основные мои возражения.

1. Сформулированный В. Л. Янины тезис, что находки иностранных монет на территории древней Руси являются свидетельством не только связей с другими странами, но и отражают внутренние денежно-экономические отношения,— этот тезис несколько прямолинейно доведен В. М. Потиным до положения, что почти каждому кладу или находке монет соответствует синхронное поселение. При этом иногда смещается в одно понятие, в одну территорию город и курганы, археологическое селище и летописный город (селище Грехов ручей, курганы Нестерово связываются с г. Углече Поле (п. 312 и 319 в работе II). В. М. Потин привлек археологические данные о поселениях и могильниках, расположенных в разной степени близости от места находок монет. Но при этом не привел сведений о датировке этих археологических памятников. А ведь далеко не всегда селища и города синхронны найденным по соседству монетам из кладов и даже из погребений.

2. Конкретным воплощением этой концепции В. М. Потина является **удревнение даты возникновения ряда древнерусских городов.** Несмотря на летописные и археологические данные, удревнение производится на основании только находок монет, причем даже не в городе, а в разной степени близости от места древнего города, или на основании ошибки в определении места находки монет; при этом привлекаются устаревшие высказывания об этих городах вследствие незнакомства с археологическими материалами — см. мои замечания 2, 8, 12, 16, 31, 32, а также следующие данные. В работе I на стр. 187 и в работе IV на стр. 27 приведен список 22 древнерусских городов, где, по мнению В. М. Потина, найдены монеты X — XI вв.: Псков, Изборск, Старая Ладога, Новгород, Тверь, Полоцк, Гродно, Дорогобуж, Смоленск, Дедичи, Ростов, Звенигород на реке Москве, Владимир, Суздаль, Старая Рязань, Пинск, Луцк, Вышгород, Киев, Переяславль, Чернигов, Углич.

Об отсутствии монет в Твери, Дорогобуже, Смоленске сказано в замечаниях 8, 16, 17. По публикации самого же В. М. Потина в работе II, монеты не были найдены непосредственно и в Дедичах, Ростове, Звенигороде, Владимире, Суздале, Переяславле, Чернигове, Угличе, а были найдены около, чаще всего в погребениях (II, п. 306, 330, 336, 344, 351, 378, 381).

3. Фактические ошибки в топографии находок монет привели в ряде случаев как бы к игнорированию огромной работы археологов по датировкам русских древностей. Еще в «Ремесле древней Руси» было обращено внимание на важность отличать вещи

XI, XII, XIII вв. друг от друга, а не датировать все домонгольские древности общей датой — X—XIII вв.

«Курганы вятичей», «Ремесло древней Руси», «Русские клады» Г. Ф. Корзухиной, Труды Новгородской экспедиции, Труды Отдела древней Руси в ГИМе, труды по древнерусской керамике, стеклу — все они очень много сделали по датировке разных категорий и типов древнерусских вещей. С монетами, ходившими по Руси в IX, X, XI вв., найдены вполне определенные типы вещей, другие типы датируются безмонетным периодом XII, XIII и XIV вв. Но вот в работах В. М. Потина есть четыре пункта находок монет, которые указывают на совместное якобы нахождение монет X и XI вв. с вещами XII — XIII и более поздних веков — в Твери, на городище Воищина, в Колоколово и Болшево. Некоторые археологи не удивляются такому сочетанию и считают, что монеты ходили по Руси очень долго и вследствие этого в датировке почти ничего не значат. Но меня такое сочетание насторожило и заставило дойти до первоисточника сведений и о вещах, и о монетах. Данные моих розысков описаны в замечаниях 8, 18, 28, 29 и показали, что монеты в Тверь, Воищину, Колоколово и Болшево приписаны нумизматами в результате незнакомства с археологическими первоисточниками или в результате невнимательного их чтения.

4. Автор рассматриваемых работ считает, что после прекращения в начале XII в. поступления монет на Русь монеты X — XI вв. ходили по Руси еще несколько сот лет (работа III: п. 11, 23, 40 и стр. 32, 71, 72, 73, 75). На основании нахождения монет XI в. в погребениях, раскопанных и датированных в 1898 — 1901 гг. XIII — XIV вв., делается вывод, что «жизнь монет-украшений, судя по погребениям, достигает нередко двухсот-трехсот и более лет» (работа III, стр. 72, где к этому положению дана ссылка на табл. II этой же работы; но эта таблица не имеет отношения к высказанной мысли).

Я считаю это положение несколько преувеличенным, так как случаи совместного нахождения монет X — XI вв. с материалом XIII — XIV вв. не доказаны. Разберем данные В. М. Потина.

А. Погребения Верхоляны 370 и 388. Жидилов Бор 86, Кривовицы 42, Малые Поля 88 Гдовского у. и Воздвиженье под Ярославлем.

В курганном погребении Верхоляны 370 были вместе византийская монета 1067 — 1070 г. с ушком и браслет пластинчатый тупоконечный; погребение датировано XIII в. под вопросом. Но здесь нет вещей моложе начала XII в. (статистика пластинчатых тупоконечных браслетов показывает, что они в XIII в. не заходят).

Верхоляны 388: погребение в грунтовой могиле, на голове пара височных колец многобусинных гладких, на груди медная цепочка из тройных колечек, на руках два проволочных витых четверных браслета, у шеи подвеска из монеты гр. Германа (по публикации А. А. Спицына — гр. Германа из Эмдена, умершего в 1086 г., а по атрибуции В. М. Потина — гр. Германа, правившего в 1020 — 1051 гг.) и монетовидная привеска с литым рельефным орнаментом. Погребение датировано А. А. Спицыным XIV в. Действительно, и многобусинные височные кольца, и витые четверные петлистоконечные браслеты характерны больше для XIII, чем для XII в., заходят они и в XIV в. А вот цепочки из маленьких тройных колечек очень характерны для погребений именно XI в. Если В. Н. Глазов не перепутал местонахождение монеты и вместо витого браслета не указал на витой петлистоконечный, то погребение Верхоляны 388 — это пример, где монета-украшение XI в. дожила до погребения XIII в.

Жидилов Бор 86: погребение в грунтовой могиле содержало подвеску из монеты 1054 — 1076 гг., тонкое серебряное колечко и бронзовое поясное кольцо. Датировано В. Н. Глазовым XIII — XIV вв. на том основании, что это грунтовая могила; но этот признак не может при датировке быть безусловным. Сам же А. А. Спицын в публикации раскопок В. Н. Глазова Гдовских курганов 1898 — 1901 гг. пишет, что погребения с монетами XI в. могут быть датированы серединой — концом XI в. (МАР 29, стр. 2). Ни серебряное колечко, ни бронзовое поясное кольцо не дают оснований датировать погребение XIII—XIV вв.

Кривовицы 42: в жальничном погребении глубиной свыше 1 *м* на костяке были две маленькие позолоченные пуговки, нож и монета 1016 — 1035 гг. с ушком. Датировано В. Н. Глазовым XIII—XIV вв. только потому, что «жальничные погребения относятся к XIII — XIVвв.».

Малые Поля 88: в грунтовой могиле три костяка; на первом связка мелких разноцветных стеклянных бус и черепок горшка с линейным орнаментом; у третьего костяка половинка неизвестной серебряной монеты. А. А. Спицын условно датирует могилу XIV в. Но мелкие стеклянные бусы и горшок с линейным орнаментом старше и XIV, и XIII в., а бусы — и XII в.

Воздвиженье на Волге выше Ярославля: и по монетам, и по вещам (особенно по односторонним гребням, позже XI в. не существовавшим) автором раскопок и публикаций П. Н. Третьяковым погребения датируются XI — началом XII в.[2] Но в работе III на стр. 72 и 75 погребение датировано XII — XIII вв.

Б. Культурный слой Новгорода. Работа III, стр. 71—72: «...даже в период активного поступления монет на северо-запад Руси продолжительность их экономической жизни равнялась примерно тридцати — сорока годам, а в периоды замедленного притока монет достигала двухсот лет. Примером может служить находка западно-европейской монеты начала XI в. на уровне шестнадцатого яруса новгородского культурного слоя (1197 — 1212 гг.)». (Верхняя дата 16-го яруса не 1212, а 1224 г.) В. М. Потин сопоставил более двух десятков находок монет с датами ярусов, где монеты были найдены (все атрибуции монет принадлежат В. М. Потину): на 23 случая находок монет лишь в одном, приведенном выше случае разница даты монеты и яруса составляет около 200 лет, т. е. монета XI в. обращалась уже в безмонетный период 1197 — 1224 гг,; во втором случае византийская монета 1025 — 1028 г. найдена в ярусе 1116 — 1134 гг. Все остальные случаи асинхронности монет и ярусов показывают, что монеты эти существовали все-таки еще в монетный период, т. е. в пределах XI в. Таким образом, монеты XI в. почти не обращались в XII—XIII вв.; кроме того, достоверность привязки двух монет первой половины XI в. к ярусам XII и XIII вв. не абсолютна.

В. Клады. В работе IV, стр. 15, сказано: «В восточной Прибалтике или Трансильвании денарии X—XI вв. **довольно часто** (подчеркнуто мной.— *Т. Р.*) встречаются в находках XIII столетия». Определение «довольно часто» здесь не подходит, так как по данным самого В. М. Потина в работе II отмечены всего две такие находки (п. 4 и 41) на 143 находки в Восточной Прибалтике.

В работе IV сказано, что из 252 находок западных монет на территории древней Руси три находки датируются XII в. потому, что содержали монеты XII в.,— это клады Скадино, Спанко и Лодейное поле 1878 г. Судя по работе II, в Скадинском кладе (II 170) содержится одна монета XII в. (арх. Адальберта 1111 — 1137) на 839 монет. В кладе Спанко (II 189) на 1850 монет есть 9 монет, датированных только XII в., и 9 монет, чеканенных сеньорами, правившими с конца XI в. и по первые годы XII в.; но про монеты эти не сказано, что они были чеканены именно в эти первые годы XII в.! В кладе Лодейное поле 1878 г. (II 218) на три тысячи монет есть шесть монет, чеканенных сеньорами, правившими и в первые годы XII в. (арх. Эгильберт — 1079 — 1101 гг., Генрих IV — 1056 — 1106 гг., арх. Гартвиг — 1079 — 1105 гг., еписк. Руперт — 1075—1102 гг.). Ни в сводках, ни в книге В. М. Потина нет разъяснения, что монеты этих четырех сеньоров чеканены именно в XII в.. Поэтому нет логических оснований датировать XII в. Лодейнопольский клад I.

Следовательно, на два клада в 2689 монет, зарытых в XII в. (Скадино и Спанко), приходится всего 10 западноевропейских монет, датированных XII в.; оба клада из северо-западных земель. Это на десятки тысяч западноевропейских монет конца X — XI в. на территории древней Руси!

Итак, относительно тезиса о длительности хождения иностранных монет по территории древней Руси я считаю, что **к безмонетному периоду XII—XIII — большей части XIV в., это явление не относится:** монеты-кружочки в XII—XIV вв. не ходили по Руси, за исключением редчайших случаев в начале XII в. И это главное.

Что же касается предшествующего периода, то закономерности хождения восточных, византийских и западноевропейских монет IX—XI вв. объяснены в ряде работ, и случайной асинхронности здесь гораздо меньше, чем это кажется (см. примеры в статье В. Л. Янина «К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья». «История СССР», 1973, 3).

---

[2] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М., 1941, стр. 78—80, 82.

5. О датировке погребений, содержавших монеты. После сообщения о том, что, по исследованиям чешских ученых, в Чехии и Моравии монеты попадали в погребения вскоре после своего изготовления, В. М. Потин сказал (IV, стр. 16): «По нашим наблюдениям, однако, разница во времени между датой чеканки монеты и датой ее использования в качестве «обола мертвых» (в погребениях.— *Т. Р.*) составляет несколько десятилетий, и точность датировки погребений возможна в пределах полустолетия».

Однако положение это ничем не доказано: автор не приводит никакого конкретного погребения с конкретной монетой и конкретными вещами и обрядом погребения, не производит ни анализа вещей, ни других расчетов, чтобы доказать свое наблюдение.

Не доказано это положение и в специальной работе 1971 г. «Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии» (работа III). Здесь о датировке погребений с монетами говорится больше, но без конкретного анализа: «Судя по двадцати погребениям IX — XII — XIII вв., отрезок времени от чеканки монеты (при подсчете учитывалась наиболее поздняя дата правления монетного сеньора, выпустившего монету) до устройства погребения составлял, как правило, около 50 лет, а часто и значительно больше. Более точное установление длительности этого периода невозможно из-за весьма приблизительной датировки погребений, имеющейся в археологической литературе» (III, стр. 71).

А какие конкретно двадцать погребений, кто и когда датировал «устройство погребений» — об этом не сказано, и анализ остался за пределами работы.

Основные из замеченных ошибок.

1) II 150, дер. Замошье Псковской обл.— неточности относительно публикации А. А. Спицына в ИАК 53: раскопки были не в 1909, а в 1910 г., и монеты не были найдены в кург. 6 и 14.

2) II 164, Псков I: «Известно, что уже в X — XI вв. город имел широкие торговые связи». Но ведь большие раскопки с 1954 г. Г. П. Гроздилова и В. Д. Белецкого не подтвердили этот поспешный вывод С. А. Таракановой (Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. Археологический сб. ГЭ, вып. 4. Л., 1962, стр. 7 — 76).

3) II 168, с. Изборск Псковской обл.: «В 1924 г. при происходивших в Изборске раскопках найдены... денарий и... дирхем». Дается ссылка на нумизматическую сводку Р. Р. Фасмера в «Сообщениях ГАИМК», I, 1926 г., но в этой сводке не говорится о раскопках в самом Изборске. Вторая ссылка — на немецкую сводку Н. П. Бауэра («Русские находки западных монет XI — XII вв.»), а Бауэр сообщает о находке монет **в погребении** недалеко от Изборска, хотя ссылается на ту же сводку Фасмера. У Р. Р. Фасмера — ссылка на Андерсона (W. Anderson, 1924, Дерпт). И вот текст из Андерсона должен был быть приведен В. М. Потиным в этом пункте, чтобы дойти до первоисточника сведений об этой находке.

4) I 42 и II: «188. пос. Кикерино, Волосовский р-н Ленинградской области. В 1876 г. во время раскопок Л. К. Ивановским курганной группы близ Кикерино найдены монеты X и XI вв. Лит.: 1) ИРАО, т. X, стр. 96, № 1. Bauer, стр. 74, № 6; 2) МАР, № 20, стр. 77».

В ИРАО X нет сведений ни о раскопках в Кикерино, ни о находке там монет. У Бауэра есть ссылка на ИРАО IX, стр. 96, но в этом томе тоже нет сведений о находке монет в Кикерино. Дело в том, что Н. П. Бауэр неправильно понял текст Л. К. Ивановского о его раскопках 1875 г. «Курганов Вотской пятины Новгородской земли» в 15 курганных группах. Л. К. Ивановский кратко описал результаты раскопок по каждой группе, в том числе по Кикеринской. Монеты были найдены в Озерской и Шашкинской группе — названы конкретные номера курганов и конкретные монеты. (Эти же конкретные монетные находки из Озеры и Шашкино опубликованы А. А. Спицыным при итоговом издании всех раскопок Л. К. Ивановского (МАР, 20, 1896). В Кикерино монеты не найдены (что также видно из этой публикации А. А. Спицына). Но обобщение Л. К. Ивановского результатов раскопок всех 15 курганных групп сочтено Бауэром как относящееся только к Кикеринской группе — 15-й и последней в описании. Вот слова итогового абзаца Л. К. Ивановского в ИРАО IX на стр. 100—101, отнесенные Н. П. Бауэром к Кикерино: «Из предъявленных монет видно, что эти могильные насыпи следует отнести к X и началу XI столетий».

5) II 198, г. Новгород (I). Неправильно ставить г. Новгород пунктом для клада, найденного в Собачьих Горбах, в древности не входивших в состав города, да и сейчас удаленных от Новгорода на 20 *км*, что показано и на карте Н. П. Бауэра.

6) Одна и та же монетная находка дана дважды во всех трех сводках: в I 35 — — II 181 — III 52 и в I 53 — II 199 — III 83. Первый раз пункт дан правильно, по первоисточнику: «с. Хрепля, Батецкий (в другой работе Бежецкий, что является опиской) р-н Новгородской обл. ... В 1929 г. при раскопках А. В. Арциховским курганной группы около села найдены монеты: в кургане 12 — два германских денария, один из них — Ставло, XI в.». Та же находка, но источником сведений о которой является Н. П. Бауэр, описана в I 53 и II 199 так: «г. Новгород (II). В 1929 г. недалеко от Новгорода при вскрытии кургана найден денарий г. Ставло XI в.». Хрепле находится в 40 *км* к северо-западу от Новгорода, поэтому неправильно ставить местом находки г. Новгород и писать «недалеко от Новгорода». Монета Ставло — редкая находка: в работе IV на стр. 159 указаны два клада и две единичные находки (на самом деле единичная находка одна — из Хрепле). Поэтому простое сопоставление данных этих «двух» единичных находок помогло бы избежать удвоения находки, сделанного во всех четырех работах В. М. Потина с 1962 по 1971 г.

7) II 227 и III 20, Дедово Поле Новоладожского р-на Ленинградской обл., найдено два денария и один обломок монеты. Дана ссылка на т. X ИРАО. Однако в МАР, 1895, № 18, где Н. Е. Бранденбург издал все свои раскопки в Приладожье, нет Дедова Поля как пункта раскопок. Дело в том, что еще в 1884 г. Н. Е. Бранденбург в ИРАО X опубликовал «химико-технические исследования» бронзовых вещей из своих раскопок курганов и при этом перечислил и все вещи, сопровождавшие в погребении те бронзовые предметы, которые подверглись анализу. Среди таких сопровождавших вещей в трех случаях перечислены и монеты, географическое название местонахождения которых дано в ИРАО X иначе, чем в последующей полной публикации в МАР, 1895, № 18. В. М. Потин одни и те же монетные находки из разных публикаций Бранденбурга счел за разные находки, удвоив таким образом три монетные находки.

8) II: «247. г. Калинин, при впадении р. Тверца в р. Волга; в письменных источниках г. Тверь упоминается впервые в 1134 — 1135 гг., но существовал уже в XI в. В 1930-х гг. при раскопках на территории Тверского кремля Н. П. Милоновым найдены западноевропейские монеты, как указывается в литературе, XI — XII вв. Лит.: ПИДО, 1935, № 9, 10, стр. 45. КСИИМК, в. 49, стр. 46, прим. 46 и 47».

В Тверском кремле до сих пор не найдены западноевропейские монеты. Н. П. Милонов в статье «Археологические разведки в Тверском кремле» (ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 145—155) пишет следующее о результатах раскопок в г. Калинине в 1934 г.: «на стрелке между р. Волгой и р. Тверцой не обнаружено слоя раньше XVII в. ...Однако установление указанного факта не исключает еще возможности местонахождения на левом берегу Волги так называемого новгородского торгового поселения. Многочисленные находки западных монет X—XI вв. как на левом берегу Волги, так и на берегах Тверцы свидетельствуют, что поселение это существовало и, по-видимому, широко располагалось на берегу рек» (стр. 154). Здесь Н. П. Милонов имел в виду находки монет по р. Тверце и по Волге вблизи Тверцы; эти находки отражены в работе II В. М. Потина отдельно — см. пункты 245, 246, 248, 249. С текстом Н. П. Милонова не знаком составитель «Топографии».

Э. А. Рикман, на которого тоже ссылается В. М. Потин, изложил это положение Н. П. Милонова следующим образом: «Культурный слой XI—XIII вв. в устье Тверцы пока не найден, и лишь находки западных монет XI—XII вв., дрогичинской пломбы (прим. 47, которое выделил В. М. Потин при ссылке на работу Э. А. Рикмана как аргумент за датировку Твери XI в.— *Т. Р.*)... позволяют надеяться на открытие там более значительных следов древнейшего поселения» («Новые материалы по топографии древней Твери», КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 46). Таким образом, Э. А. Рикман переделал милоновские «монеты X—XI вв.» на «монеты XI—XII вв.», счел их найденными в устье Тверцы, а В. М. Потин все это трансформировал в найденные Н. П. Милоновым западноевропейские монеты XI—XII вв. в Тверском кремле!

Что касается аргумента в виде дрогичинской пломбы за более раннюю, чем XII в., дату поселения в Твери, то этот аргумент, подчеркнутый В. М. Потиным, неверен.

Все до сих пор найденные дрогичинские пломбы датируются не раньше XII в., новгородские находки особенно убедительны [3].

Итак, утверждение В. М. Потина, что «г. Тверь существовал уже в XI в.», ни на чем не основано: нет ни письменных, ни археологических, ни нумизматических доказательств.

9) II: «248. с. Архангельское, Новоторжский р-н Калининской обл., на левом берегу р. Осуг (правобережный приток р. Тверца); рядом — курганная группа. В 1883 г. при раскопке Михайловским 2 курганов из этой группы найдены 2 германских денария Гильдесгейма, XI в. Лит.: 1) **Жизневский.** Описание музея в Твери, стр. 210, № 1058. **Плетнев**, стр. 398, 399. **Древности**, т. XII, стр. 103. Bauer, стр. 169, № 87».

В этом почти полностью приведенном тексте следующие ошибки: а) р. Осуга, а не Осуг (в работе III стоит даже «Осуч»); б) правильное название работы А. К. Жизневского — «Описание Тверского Музея», а в работе II дан дословный перевод с немецкого текста Бауэра; в) часть работы Жизневского — описание монет из Тверского музея — помещена в «Древностях», XII, 1888 г. (а не 1881 г., как стоит в работе II), а в работе II получаются три разные ссылки — Жизневский, Плетнев и «Древности»; г) в кургане у пог. Михаила Архангела на р. Осуга найдена одна гильдесгеймская монета, а не две, как сообщено у Бауэра и Потина. Дело здесь в следующем. В результате раскопок в 1883 г. А. И. Михайловским двух курганов в одном из них были найдены остатки скелета и горшок у ног, а в другом при костяке найдены горшок у ног, гривна, браслет, височные кольца и «небольшая, величиною с двугривенный, серебряная монета в виде привеска с ушком, неискусно приделанным; на монете изображена человеческая голова с усами и в шапке». Все это описано В. А. Плетневым на стр. 398. Там же сообщено, что все эти вещи доставлены в Тверской музей, где записаны под инвентарными номерами 1784—1788. Дальше, на стр. 399, В. А. Плетнев описывает эту же монету так, как она раньше была опубликована А. К. Жизневским в «Описании Тверского Музея»: «Гильдесгеймская серебряная монета XI в., найденная в кургане близ пог. Михаила Архангела Новоторжского уезда. На монете изображены: церковь, голова мужчины и надпись «S. Maria Hildesheim». Дальше Плетнев указывает № 1058, под которым монета описана Жизневским. Порядковые номера вещей в описании Жизневского не имеют никакого отношения к музейным инвентарным номерам этих же вещей. И если сразу после раскопок 1883 г. гильдесгеймская монета вместе с другими вещами из того же погребения была заинвентаризована под каким-то одним номером из номеров 1784—1788, то в 1888 г. Жизневский описал ее же под порядковым своего «Описания» номером 1058!

10) I 99, II 249: «Федово, Вышневолоцкий р-н Калининской обл., недалеко от речки Щегринка, правого притока р. Тверца, южнее районного центра. В 1903 г. при раскопках А. А. Ширинским-Шихматовым курганов около с. Федово близ «Путятиной сопки» найдены....» монеты. Здесь три ошибки.

а) В Федово раскапывался бескурганный могильник, на что обращено специальное внимание А. А. Спицына в той публикации в ИАК 15, на которую ссылается работа II. В работе III 81 мог. Федово назван правильно грунтовым.

б) Неверна география могильника: он находится не к югу от Вышнего Волочка, а в 25 верстах к северо-северо-востоку, на левобережье верховьев р. Мсты. География Федовского бескурганного могильника описана в отчете И. А. Тихомирова «Поездка на Мсту» (ЗОРСА, V, вып. 1, 1903), на этот отчет ссылается А. А. Спицын, на которого ссылается В. М. Потин. Между Федово, названным в работе II, и тем, где найдены монеты,— не менее 40 *км*.

в) Во второй части библиографической справки к пункту «Федово» в работе II есть ссылка (с пометкой «сравни») на № 442 списка курганов в «Указателе к карте «Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X—XIII вв.», помещенного в Трудах ГИМ, 1956, вып. 32; однако № 442 говорит о двух насыпях у дер. **Федотово** Вышневолоцкого у., а соседний пункт курганов «Указатель» 1956 г. помещает недалеко от речки Щегринка, что и послужило В. М. Потину

[3] *В. Л. Янин.* Вислые печати из новгородских раскопок. МИА, 55, 1956, стр. 136—137.

основанием для определения географии Федовского могильника — на р. Щегринка. У автора работы II нет никаких оснований связывать место находки монеты из бескурганного мог. Федово в верховьях р. Мсты с двумя насыпями у Федотово, даже если, по замыслу автора, во второй части библиографических справок «указана литература о древних поселениях или курганных группах, ближайших к месту находки». Во-первых, Федотово не ближайший пункт к месту находки монет в Федово; во-вторых, произведенный мною анализ библиографических справок в работе II В. М. Потина показал, что ссылки на «Указатель» ГИМа после курганных находок монет дают номер, под которым упомянута именно та курганная группа, где при раскопках найдены монеты; ближайшие же поселения или курганные группы указаны после находок только кладов монет. Из 82 ссылок на «Указатель» ГИМа 14 идут после известий о кладе и говорят о ближайших поселениях или курганных группах; три ссылки идут после известий о находках с поселений и говорят именно об этих поселениях; и 65 ссылок на «Указатель» ГИМа 1956 г. говорят о тех курганах, в которых найдены монеты, а не о ближайших к месту курганных находок монет.

11) II 250, Вышневолоцкий р-н: «В б. Вышневолоцком у., вероятно, в конце XIX в. найдены германские денарии X в. Лит.: Плетнев, стр. 413, Bauer, стр. 169, № 85». И Плетнев, и Бауэр неверно поняты В. М. Потиным. На стр. 410—417 книги В. А. Плетнева перепечатана из ЖМНП (1872, XII) статья Д. П. Европеуса «О курганных раскопках около погоста Бежец в Бежецком уезде Тверской губернии», произведенных в 1872 г. Европеусом и Аспелиным. В связи с находкой в Бежецах в 1872 г. монеты Генриха III (1039—1056) Европеус заметил, что «несколько десятков лет тому назад (от 1872 г.— значит, не позднее середины XIX в.! —*Т. Р.*) в северо-восточном краю Вышневолоцкого уезда найдены были германские монеты, относившиеся к концу X столетия». При этих словах Европеус ссылается на статью А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам».

Но обращение к статье Уварова не подтвердило воспоминаний Д. П. Европеуса о находках германских монет X в. в северо-восточной части Вышневолоцкого у. Тверской губ. Сам А. С. Уваров в Тверской губ. не копал, но, обрисовывая границы мерянской земли, он перечисляет вообще все раскопки в этой земле. На стр. 652 он пишет: «Мы в Тверской губернии будем иметь для сравнения раскопки, произведенные Н. А. Ушаковым в Весьегонском и Вышневолоцком уездах». Н. А. Ушаков копал в 1843 и 1844 гг. (а это и есть «несколько десятков лет тому назад» от 1872 г.— *Т. Р.*) и находил дирхемы X в.! О германских же монетах X в. Уваров в этой статье ничего не говорит. Очень подробно о раскопках Н. А. Ушакова 1843—1844 гг. на границе Вышневолоцкого и Весьегонского уездов (т. е. к северо-востоку от Вышнего Волочка!) рассказано в книге В. А. Плетнева. Из нее ясно, что к северо-востоку от Вышнего Волочка Н. А. Ушаков в 1843—1844 гг. нашел не менее 13 монет, и все они — дирхемы X в. (Плетнев, стр. 477, 482—483). Как видим, и А. С. Уваров в 1871 г., и В. А. Плетнев (ссылаясь на статью самого Н. А. Ушакова и на работу П. С. Савельева 1847 г.) — все говорят только о дирхемах X в. и не упоминают германских монет X в. Думаю, что Д. П. Европеус ошибся, безосновательно сказав о якобы германских монетах X в. из северо-восточной части Вышневолоцкого у.,— это были дирхемы X в.

12) I 16, II 284, дер. Новый Двор; «в 13 *км* юго-восточнее г. Минск (впервые упомянут в источниках в 1066 г., но, как показали археологические раскопки последнего времени, существовал значительно ранее)». Но это неверно, таких сведений нет! Археологические раскопки последнего времени показали, что археологическая датировка возникновения г. Минска одновременна летописной: самая древняя постройка относится по дендрохронологическим данным к 1063 г. (Э. М. Загорульский. Древний Минск, Минск, 1963, стр. 117; Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города за 1951—1961 гг. КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 9).

13) II 285: «Быховский р-н Могилевской обл., верховья р. Песчанка». II 305: «д. Горки, Кричевский р-н Могилевской обл. при р. Волчай, впадающей в р. Сож».

В обоих пунктах говорится об одной находке германского денария И. А. Сербовым в середине 1920-х гг. В работе III уже нет этого удвоения одной находки (убра-

ны Горки Могилевские), но дан новый пункт — Поповка (№ 99), в котором найден дирхем 911 г. Однако еще в 1928 г. в Працы I в статье «Археологические работы в Белоруссии за 1919—1928 гг.» сказано, что в 1925 г. И. А. Сербов на р. Песчанке нашел в кургане дирхем 911 г. Эти же данные есть в работе «Радимичи» Б. А. Рыбакова. Таким образом, география дирхема 911 г. (на р. Песчанке) совпадает с географией денария, как будто найденного И. А. Сербовым в 1925 г.

14) I 112 и II 293: «д. Хралапово. В 1930 г. при раскопках курганной группы около деревни в кургане № 14 найдены монеты». Далее называются 10 западноевропейских монет. Ни в литературе (кроме Бауэра), ни в архивах, ни в музеях нет сведений, что в 1930 г. в Харлапово были раскопки и что были найдены монеты. Во второй части библиографической справки В. М. Потин ссылается на № 903 «Указателя»-сводки ГИМа 1956 г., но в № 903 говорится о раскопках Н. И. Савиным 11 курганов в Харлапово в 1914—1915 гг.; об этих раскопках и о найденном в кург. 8 монете в работе II есть особый № 292.

В 1930 г. в Харлапово раскопок не было, в этом году появилась публикация упомянутых раскопок, и год публикации принят, наверно, Бауэром за год раскопок (у Бауэра никаких ссылок ни на литературу, ни на архивы нет). Курган «№ 14» является опиской Бауэра, так как в конце «Nachträge» 1935 г. стоит «Харлапово 11» (а не «№ 14»), т. е. номер, который есть в публикации Н. И. Савина о раскопках 1914—1915 гг. Что же касается того, откуда у Бауэра в руках были 10 атрибутированных им западных монет, якобы полученных от Савина,— это пока еще загадка. Н. И. Савин при всех своих многолетних раскопках нашел всего три монеты, причем из разных мест.

15) II: «294, д. Харлапово. В 1952 г. при раскопках курганов Е. А. Шмидтом около деревни в курганах № 2 и № 8 найдены серебряные западноевропейские денарии XI в. плохой сохранности». Ввиду того, что автор работы II не пользовался полной публикацией Е. А. Шмидта[4], здесь есть ошибки: а) деревня Харлапово уже не существовала ко времени раскопок Шмидта; б) западноевропейская монета найдена при этих раскопках одна, в кург. 2, и Шмидт дает ее определение как Ордульф или Отто, 1059—1071 гг. В работе III 119 В. М. Потин дал правильное количество западноевропейских монет из раскопок Е. А. Шмидта (одна), но не дал ее атрибуции.

16) I 116 и II 296: «г. Дорогобуж, районный центр Смоленской обл., на левом берегу р. Днепр; по письменным источникам известен с середины XII в.» (в работе I 112 сказано, что Дорогобуж известен с XI в.). «В 1847 г. близ города найдены куфические, византийские, немецкие, английские монеты и датские денарии». Мне кажется, что, во-первых, учитывая приблизительные, неточные определения мест находок монет, характерные для Кёне (и отмеченные еще Н. П. Бауэром), не стоит связывать находки с городом Дорогобуж, тем более что и Кёне говорит не о городе, а о «Смоленской губернии, недалеко о Дорогобужа»; во-вторых, в сообщении Кёне нет сведений или слов именно о кладе монет, не говорит о кладе и автор работы II. Однако в работе I В. М. Потин, предполагая, что «по-видимому, такая концентрация отдельных монетных находок вокруг больших кладов не случайна, но отражает отношения между древним городом и экономически связанной с ним территорией» (I, стр. 188), в качестве одного из примеров приводит уже город Дорогобуж с якобы кладом из него и монетные находки в Дорогобужском уезде, в Верхнем Поднепровье. Но в г. Дорогобуже не было найдено ни большого клада, ни просто клада (да и не в самом городе); и скорее всего названные Кёне находки 1847 г. являются такими же курганными находками из Дорогобужского у., какими являются отмеченные в работах II и III находки монет в Мутышино и Харлапово (здесь найдены и куфические, и византийские, и западноевропейские монеты). Поэтому примера «отношений между городом и экономически связанной с ним деревни» здесь нет.

17) II: «299, г. Смоленск; один из древнейших русских городов. Перед 1909 г. близ Смоленска найден клад из 200 монет». Мне известно, что в деле № 106 за 1909 г.

---

[4] *Е. А. Шмидт.* Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, Смоленский областной краеведческий музей, Смоленск, 1957, стр. 280.

Архива ЛОИА говорится о кладе серебряных монет, найденных в дер. Жилино Вяземского у. Смоленской губ.— в 147 *км* от г. Смоленска, а не «близ Смоленска»!

18) II: «300, д. Борщевины, Смоленский р-н Смоленской обл., на р. Наготь, левом притоке р. Днепр; рядом — городище Церковище (XII—XIII вв.), бывшая феодальная усадьба Воищина. При раскопках В. В. Седовым указанного городища найдена подвеска из западноевропейской монеты X—XI в. **Литература:** В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, 92, 1960, рис. 33 на стр. 68 (в тексте не упоминается)».

Весь этот пункт № 300 (только Барщевщина, а не «Борщевины», не нужен, так как на самом деле монета на городище Церковище не найдена: на стр. 68 работы В. В. Седова, в подписи под рис. 33 сказано, что монетовидная подвеска происходит из Туринщинских курганов, а не из городища Церковище. В тексте же работы В. В. Седова на стр. 132 упомянуто, что привеска из монеты найдена в кург. 4 Туринщина на р. Дресна, в 5—6 *км* к юго-востоку от Смоленска. Монета X—XI вв., даже в виде подвески, не могла быть на городище Церковище, где весь материал датируется XII—XIV вв.

19) II: «302. с. Смольяны. С 1921 г. в музее г. Минска хранились следующие монеты, полученные при раскопках у с. Смольяны». После перечисления монет (в том числе и дирхема) идет ссылка на Харламповича, Фасмера (ошибочно стоит № 317 вместо № 31) и Бауэра; но все эти три автора место находки дают «Смольяны или Багриново»! Автор работы II отбросил Багриново, и все стало неверно: а) между с. Смольяны и Багриново 20 *км*, они находятся в разных районах; б) в Смольянах найдены монеты XVI—XVII вв. (Сообщ. ГАИМК II, 1929, № 107, 108, стр. 314); в) судя по сплошному обследованию археологов, в Смольянах нет курганов, а есть позднесредневековое городище [5]; г) раскопки последних лет дали находки монет X в. именно из Багриново [6]. Таким образом, археологические работы за последние 20 лет позволили с уверенностью поставить местом находок монет X—XI вв. именно Багриново, которое сократил Потин, а не Смольяны.

20) I 126, II 307, III 148: «д. Княжьи горы, Погорельский р-н Калининской обл., между верховьями рек Шота и Держа (правые притоки р. Волга). В 1900 г. при раскопках так называемого «Елизаветинского могильника» между деревнями Княжьи горы и Жилые горы, в кург. 26 найден денарий гр. Германа (ок. 1020—1051)».

Замечания: а) р. Шоша, а не Шота; б) могильник раскапывался у дер. Елизарово, которую можно найти на карте без ориентации на деревни Княжьи и Жилые горы; в) могильник, следовательно, называется Елизаровский, и под этим названием он издан в 1901 г. С. К. Богоявленским в «Древностях» XIX, на которые ссылается В. М. Потин; в работе III 148 могильник назван правильно; г) Елизаровский могильник имеет другой географический и административный адрес: он расположен между верховьями рек Лобь и Руза (левый приток Москвы) и находится в Московской обл., в Шаховском р-не (части бывшего Волоколамского у. и р-на).

21) В I 127, 128, II 308, 309, III 143 дается **один** пункт Заборье, в котором копали якобы два разных исследователя. На самом деле монеты найдены в двух разных курганных группах при двух разных деревнях на разных берегах Волги: в Заборье на правом берегу, где копал А. И. Кельсиев в 1878 г., и Загорье-Башево на левом берегу (и выше по реке), где копала Ю. Г. Гендупе в 1906 г.

22) II 308: «д. Заборье (I), Конаковский р-н Калининской обл. В 1878 г. при раскопках А. С. Кельсиевым нескольких курганов из большой курганной группы (более 30 насыпей) около деревни, на правом берегу Волги, было найдено 2 германских денария: Утрехт, еписк. Бернольд (1027—1054) и Евер, герц. Ордульф (1059—1071). Первый — в кургане № 22». Ссылка на ЗРАО IX, вып. 1—2, стр. 288 — но там говорится об одной монете.

Замечания: а) А. И. (а не А. С.) Кельсиев насчитал в курганной группе не менее 80 курганов. А 30 насыпей сохранилось к 1930 г., когда в этой курганной

---

[5] *Л. В. Алексеев.* Эпоха железа в среднем течении Западной Двины. Тр. Прибалтийской экспедиции. I, М., 1959, стр. 300.

[6] *З. М. Сергеева.* Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР). КСИА АН СССР, 129, 1972.

группе копал Н. П. Милонов; б) при раскопках А. И. Кельсиева в 1878 г. 24 курганов у Заборья найдена всего одна западноевропейская монета (в кург. 22), а не две, как написали Бауэр и Потин. Оба ссылаются на Плетнева, стр. 237 и 247 (у Потина опечатка — стр. «277»), но на этих страницах говорится об одной монете с дырочкой, атрибутированной А. С. Уваровым по Б. Кёне как монета утрехтского епископа Бернольда (1027—1054 гг.). «Вторая» монета получилась у Бауэра из-за невнимательного чтения текста Плетнева на стр. 247, где сказано, что «из двух найденных» Кельсиевым во время раскопок в Тверской и **Ярославской** губерниях монет «**одна** попалась в Заборье», «**другая**, найденная в Яросл. у. ...».

23) III 143 и II 309: «д. Заборье (II). При раскопках Ю. Г. Гендуне около деревни найдены 5 денариев 1059—1071 гг. и один денарий 1027—1054 гг.».

О раскопанных 52 курганах в Загорье-Башево и о найденных там 11 монетах в пяти курганах есть прекрасный отчет Ю. Г. Гендуне в АЛОИА, 1906, № 30, не использованный составителем «Топографии».

24) В этом же отчете (1906, № 30) описаны раскопанные Ю. Г. Гендуне в 1905 г. 60 курганов при дер. Глинники того же Корчевского у. В Глинниках в 1905 г. найдены западные и восточные монеты в нескольких курганах, но они не учтены в работах I, II и III. В работе III 135 учтена только одна находка в Глинниках из раскопок И. А. Чагина в 1884 г., опубликованная А. К. Марковым; но дирхем был найден не «**в составе ожерелья**», **а на цепочке.**

25) II: «323. с. Воздвиженье, Брейтовский р-н Ярославской обл., близ устья р. Молога. В 1933 г. при раскопках П. Н. Третьяковым курганной группы около села» в трех курганах найдены западно-европейские монеты XI в.

И в тексте, и на карте работы II ошибка в географическом определении места с. Воздвиженье: оно поставлено на р. Мологе и на 60 *км* севернее его настоящего места, которое находится на левом берегу Волги в 15—16 *км* выше г. Ярославля [7]. В работе III (стр. 62 и 67) география с. Воздвиженье определена правильно.

26) II 327 и III 121, 123: «Белозерский р-н Вологодской обл. В 1927 г. при раскопках М. Е. Аксаковой кургана на берегу р. Кема, в 12 *км* от оз. Белое, найдены 3 монеты, из которых 2 определены». Ссылка на Бауэра, который не знает пункта находки монет, но указывает, что монеты хранятся в Череповецком музее. А в опубликованной в 1930 г. работе В. И. Равдоникаса о Приладожье сказано, что на р. Кема у дер. Болтинская производила раскопки сотрудница Череповецкого музея М. Е. Арсакова (а не Аксакова). У В. М. Потина в работе III 123 есть ссылки на оба эти указания — и Бауэра и Равдоникаса, внимательное чтение которых сразу же выявило бы пункт «Болтинская» вместо безликого «Белозерского р-на». Но в работу III В. М. Потин перенес из работы II пункт 121 «Белозерский р-н» и внес еще пункт 123 «Болтинская», хотя это один пункт и на «оба» пункта даны одни и те же слова Бауэра.

В работе III в графе «Источник сведений о монетах» перепутаны источники пунктов 123 и 124 — Болтинской и Болшево: из трех источников Болшева два попали как источники Болтинской.

Из опубликованной в 1969 г. заметки Л. А. Голубевой «Кемские курганы» (СА, 1969, № 3) можно было понять, что пункты 121 и 123 в работе III — один пункт «Болтинская». Кроме того, в Болтинской раскопан не один, а пять курганов и найдены не три, а девять монет в трех курганах (атрибутировано три монеты), что есть в отчете М. Е. Арсаковой в АЛОИА за 1927 г. и в статье Л. А. Голубевой 1969 г.

27) II: «329, д. Б. Темерево. В 1876 г. при раскопках А. М. Киселевым курганной группы близ деревни найдены 3 монеты с именами Оттона и Адельгейды... Одна из монет найдена в кургане № 4».

Замечания: а) не в 1876, а в 1878 г.; б) правильно А. И. Кельсиев; в) не три монеты, а одна монета, об этом сообщают и Кельсиев, и Плетнев, и «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 74. В связи с этим неправильно в III 126 два раза проставлена как бы из двух курганов (4 и 31) одна монета: ведь кург. 4 — это по нумерации А. И. Кельсиева 1878 г., а кург. 31 — тот же курган по сплошной нумерации 1959 г. по плану экспедиции ГИМа.

[7] Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. ИГАИМК, 109, 1935, стр. 104—120.

28) I 155, III 150 и II 338: «д. Колоколово, Бронницкий р-н Московской обл.». «В 1893 г. при раскопках А. Я. Кожевниковым группы курганов около деревни (в поместье Городица) в одном из курганов найдена... монета X или XI вв.».

Во-первых, не «в поместье Городица» (это добуквенный перевод с Бауэра), а «в **окрестностях** имения Городище», как написано у автора раскопок и публикации А. Я. Кожевникова. Во-вторых, в Колоколово Раменского р-на Московской обл. никакой монеты найдено не было! Дело в том, что А. Я. Кожевников об одних и тех же раскопках (двух курганов в Давыдове и 10 курганов в Колоколово) дал две информации: одну, предварительную, без конкретных данных, в АИЗ I, 1893, стр. 261 и вторую, конкретную, в АИЗ II, 1894, стр. 100—105. Обе эти информации Бауэр счел за два сведения о двух находках. Во второй информации совершенно ясно сказано, что раскопки были в 1892—1893 гг., что монета найдена одна (и без всяких других вещей) только в Давыдово, в огромном и недокопанном кургане. В Колоколово в обыкновенных небольших курганах найдены семилопастные височные кольца и другие вещи XII в. без монеты! Если бы в Колоколово с семилопастными кольцами была найдена монета, это уникальное сочетание было бы давным-давно объяснено еще А. В. Арциховским в «Курганах вятичей». В этой книге 1930 г. А. В. Арциховский не раз ссылался на заметку А. Я. Кожевникова (в АИЗ II, 1894) при характеристике вятических вещей. С другой стороны, А. В. Арциховский подчеркивал то обстоятельство, что с семилопастными височными кольцами монеты ни разу и нигде найдены не были, соответственно чему и датировал самые древние семилопастные не раньше XII в.— уже безмонетным временем.

В II «339. д. Давыдово» неверная ссылка; надо: АИЗ II, 1894, стр. 104.

29) I 57, II 340 и III 124: «пос. Болшево, Калининградский р-н Московской обл., у р. Клязьма; на мысу правого берега реки — селище; в окрестностях поселка — три группы курганов. В 1896 г. при раскопках, организованных Петербургским археологическим институтом (по-видимому, группы курганов, расположенной ближе к реке), найдено несколько германских денариев и византийская монета Константина VII и Романа II (945—959)».

В Болшево не были найдены монеты ни в 1896 г., ни в другое время!

О большевских находках 1896 г. есть две группы публикаций, отличающиеся друг от друга,— археологические и нумизматические. В первых описываются случайно найденные не в курганах вещи XIII в. без каких-либо монет; во второй серии публикаций говорится о найденных якобы при раскопках курганов (В. М. Потин даже предположил конкретную группу курганов — «ближе к реке») в Болшево монетах и даже кладе и не говорится о вещах. Но археологические находки были сразу же (в 1898 г.) опубликованы А. А. Спицыным и после него уже правильно републиковались А. В. Арциховским (1930 г.), О. Н. Бадером (1947 г.), а с Бадера — ГИМом (1956). К этим находкам XIII в. между 1905 и 1926 гг. была прибавлена серия вещей XI в. и византийская монета X в.; в таком сопровождении монета была определена в 1926 г. и опубликована в 1929 г. Н. П. Бауэром как болшевская. После этой первой публикации как болшевская находка публиковалась еще пять раз в нумизматических сводках, потеряв вещевые находки 1896 г. и обрастая подробностями о несуществовавших студентах Петербургского археологического института, зачем-то поехавших под Москву копать курганы, о кладе и о нескольких монетах. При составлении «Топографии» находок западноевропейских монет можно было, обратившись к первоисточнику, выяснить, что Болшево не является пунктом находки монет [8].

30) II 354. г. Иваново (б. Вознесенский посад Шуйского у. Владимирской губ.). Здесь в 1863 г. найдена одна монета в одном кургане, а не в двух курганах, как сообщено Бауэром — Потиным. Источник моих сведений — отчет автора раскопок К. Н. Тихонравова, хранящийся в Архиве ЛОИА, 1863, № 3. Источник, на который ссылается В. М. Потин (Тр. I АС, стр. 677 и 754), также говорит о находке монет в одном кургане.

31) II 355: «Вологодский р-н Вологодской обл.... Город Вологда упоминается в источниках с 1147 г., но на его месте должно было существовать и более раннее

[8] Подробнее об этом см. КСИА АН СССР, 144, 1975.

поселение. В 1890 г. в б. Вологодском уезде (во владениях Неелова) найден клад куфических и английских монет». «Лит.: 1) Вестник древнего русского искусства· критика и библиография, стр. 96. Плетнев, стр. 505, Bauer, стр. 168, № 81».

Замечания: 1. Нет никаких оснований для утверждения о существовании более раннего, чем 1147 г., поселения, так как раскопки в Вологде 1948 и 1955—1958 гг. не дают никаких материалов раньше XIII в.[9] и эти материалы из г. Вологды резко асинхронны названным монетам из Вологодского у.

2. Вся ссылка на источник сведений о находке в 1890 г. не имеет отношения к пункту 355 «Вологодский р-н»: а) «Вестник Общества Древне-Русского искусства при Московском Публичном музее» (таково его правильное название) под редакцией Г. Филимонова выходил в 1874 (№ 1—5), 1875 (№ 6—10) и 1876 гг. (№ 11—12, последний) и не мог сообщить о находках 1890 г.; на указанной В. М. Потиным стр. 96 этого «Вестника» сообщается о раскопках в 1872 г. Аспелиным и Европеусом Бежецких курганов в Тверской губ. со ссылкой при этом на раскопки Н. А. Ушакова в 1843—1844 гг. в Весьегонском, Вышневолоцком и Устюженском уездах; б) на стр. 505 книги В. А. Плетнева тоже нет сведений о находках 1890 г. в Вологодском у., а приводится текст А. А. Спицына из ЗРАО IX о раскопках 1870-х годов Европеуса в Залужье и Старое Смыково Весьегонского у. и приводится ссылка из ЗРАО IX на «Вест. Др. Рус. Искус., стр. 96»; вследствие этого Бауэр при составлении своей топографии, в пункте № 82 «Старое Смыково» первой ссылкой сделал «Вестник древнего русского искусства» (так Бауэр расшифровал сокращение из ЗРАО IX, так как самого «Вестника», как и Потин, не видел), а вторая ссылка у него — на В. А. Плетнева. Обе эти ссылки Бауэра к его пункту № 82 «Старое Смыково» В. М. Потин приписал к своему пункту № 355 «Вологодский р-н» (у Н. П. Бауэра пункты «Вологодский уезд» и «Старое Смыково» стоят рядом — № 81 и 82).

32) II: «356. г. Великий Устюг... В письменных источниках упоминается впервые в 1218 г., когда он уже являлся крупным для своего времени городом»! Почему? Аргумент В. М. Потина: «В 1827 г. около города найден клад английских и германских монет X—XI вв.». Но археологические исследования в Великом Устюге не выявили даже домонгольского слоя! (А. В. Никитин. Раскопки в Великом Устюге. КСИА, вып. 96, 1963).

33) II 361 и 362, III 184: «Максимовка (Голоперловка), Муромский р-н Владимирской обл.».

В обеих сводках говорится о курганах, в то время как известный Максимовский могильник является бескурганным, что сказано в тех работах Спицына, Тизенгаузена и Уварова, на которые ссылается В. М. Потин.

В работе II искажены годы раскопок и публикации раскопок Максимовского могильника: раскопки были в 1878, 1886 и 1895 гг., публикация первых раскопок была в 1888 г. в изд. «Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца», а не в «1846 г.»!

В работе III названо 19 монет из Максимовского могильника, а по публикациям можно насчитать 13 монет: 7 монет (в том числе одна западная) из погр. 1, 5, 6, 9 (этот номер не назван в работе III) и 16, раскопанных в 1878 г. Уваровым и Антоновичем; 4 арабские монеты из раскопок Нефедова в 1886 г.; 2 арабские монеты из могил 7 и 40, раскопанных в 1895 г. А. А. Спицыным. Нумерацию погребений Уваров и Спицын давали каждый свою (Уваров: № 1—17, Спицын: № 1—43). В. М. Потин же в работе III все номера могил и 1878, и 1895 гг. дал подряд как одну нумерацию; кроме того, у Потина написано, что в 1895 г. было еще пять восточных монет. Написание «Голоперловка» — это добуквенный перевод с Н. П. Бауэра и является неверным: ни в одной публикации его нет, говорится или об имении г-на Голоперова (в Максимовке), или о пункте Голоперово.

34) I 195 и II: «383. д. Гочево, Обоянский р-н Курской обл. на р. Псёл... В 1909 г. во время раскопок Д. Я. Самоквасовым курганов около деревни в кургане № XXXVII найдены две западно-европейские монеты-подвески». Эти монеты были в детском погребении, а не в женском, как написано в работе III 194.

---

[9] *А. В. Никитин.* Древняя Вологда по археологическим данным. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961.

В. М. Потин при публикации находок двух западных монет в кург. 37 из раскопок Д. Я. Самоквасова в 1909 г. дает ссылку на публикацию Д. Я. Самоквасова и еще ссылку на ОАК за 1912 г., стр. 71. Однако в ОАК за 1912 г. на указанной странице рассказывается о других раскопках в Гочево — в 1912 г. П. С. Рыковым, а на стр. 72 в этой короткой информации ОАК сообщается и о находках брактеатов западных монет, не упомянутых автором работы II. В отчете же П. С. Рыкова об этих раскопках и в описи вещей [10] говорится и о третьей находке денариев в Гочево — о семи экземплярах монет императора Оттона. Эти находки не учтены в работе II и учтены потом в работе III, № 194а.

35) II: «367, с. Рогачи... б. Рогачевской волости найден клад монет XI в., из которых известны два германских денария, один из них — г. Аугсбурга XI в.». Первая ссылка — на Харламповича, но этот первоисточник говорит о находке «при человеческом костяке» одного германского пфеннига XI в. очень хорошей сохранности — больше ничего не найдено. Дана четкая фотография пфеннига. Клад здесь не найден, следовательно, В. М. Потин не пользовался сводкой П. Харламповича; кроме этого пункта есть еще четыре ссылки на Харламповича (II — № 283, 302, 305, 306), и везде данные Харламповича расходятся с тем, что стоит в работе II.

36) Пункты 94 и 98 в работе III — Вотня Старобыховского уезда Могилевской губ. и Обидовичи — являются одним пунктом одноразовой находки. Это именно Вотня в местечке Обидовичи Быховского у. Могилевской губ., где в 1872 г. Н. М. Турбин раскопал шесть курганов, вещи были найдены в двух курганах. В первом кургане были найдены четыре монеты Владимира Святославича (до 1015 г.) с приклепанными ушками и дирхем Саманида Нуха II 976—997 гг., а не 786—808 гг., как написано в III 94. Находка эта много раз публиковалась. Подробное описание всех монет и передатировка арабской монеты с 786—808 гг. на 976—997 гг. аргументирована В. Л. Яниным в работе «Денежно-весовые системы русского средневековья» стр 167 [11].

37) III 1976, Липино 70 Курской обл.: здесь найдена не одна неизвестная монета X в., а три известных: два саманидских обрезанных в кружок дирхема X в. с припаянными ушками и сребреник Владимира Святославича (тип I) 988—1015 гг.; об этом напечатано в том же т. XII Трудов ГЭ, в котором помещена и работа III [12].

38) III 114 и 120: это одна и та же находка, что видно при взгляде на данные обоих номеров. Разница только в написании № 120 «Чаково», являющемся искажением написания № 114 «Паново». С. А. Гатцук в 1904 г. не раскапывал пункта с названием «Чаково» (см. ЗОРСА VII, на которые ссылается III 120), и такого названия нет вообще на географической карте Европы.

39) II. Карта «Находки западноевропейских монет X—XIII вв. на территории СССР», помещенная в конце работы II, в некоторых местах вычерчена географически неправильно: нижнее течение Камы названо Волгой, р. Упа и верховья Оки вычерчены как верховье р. Дон, р. Жиздра вычерчена как верховье Оки, верховья р. Протвы вычерчены как верховья р. Москвы. Левые притоки р. Свирь — реки Паша и Оять — названы правыми притоками (работа II, стр. 152).

40) IV, стр. 5: «Нумерация монетных находок в «Топографии» соответствует нумерации находок на карте (рис. 33)». Но на карте рис. 33 на стр. 230 в работе IV нет нумерации находок! А сама карта в работе IV является копией той же неправильно вычерченной карты, что помещена в работе II.

Т. В. Равдина

---

[10] АЛОИА, ф. 1, д. № 116 за 1912 г.; ОИПК ГЭ, колл. 816, кург. 68.

[11] Кроме того, в Историческом музее в Москве хранится планшет с вещами из этих двух курганов в Вотне-Обидовичах (инв. № 77012), и на обратной стороне этого планшета рукой А. В. Арциховского (конец 20-х — начало 30-х годов XX в.) написано: «Монета Нух бен Мансур (Саманид) 371 г. гиджры 981 г. (в «Указателе» 1893 г. ошибка)»! Дирхем был датирован ошибочно 786—808 гг. еще Уваровым сразу при находке и с такой датой вошел в «Указатель 1893 г.», но, как видим, уже давно передатирован. И в «Радимичах» Б. А. Рыбакова (1932 г.) дирхем из Обидовичей фигурирует с правильной датой 981 г. Однако в книге 1966 г. «Древности Белоруссии» в статье В. Н. Рябцевича дана ошибочная первоначальная датировка VIII—IX вв., и в работе III 94 ошибка повторена (1971 г.).

[12] *М. П. Сотникова.* Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. Тр. ГЭ, XII, 1971, стр. 144, № 19.

Хроника

АРХЕОЛОГИ НА VI МЕЖДУНАРОДНОМ СПЕЛЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1973 г.

Со времени IV Международного спелеологического конгресса, состоявшегося в Югославии в 1965 г.[1], прошло 8 лет. В V спелеологическом конгрессе 1969 г. в ФРГ советские ученые участия не принимали.

VI конгресс был организован Международным спелеологическим союзом и Национальным спелеологическим комитетом Чехословакии. Он был приурочен к 400-летию Оломоуцкого университета им Ф. Палацкого (1798 — 1876) и проходил в зданиях университета. Члены конгресса приняли участие в юбилейных торжествах.

На конгресс съехалось около 720 ученых и любителей спелеологии из 42 стран.

В состав советской делегации на конгрессе вошли 25 ученых (геологи, геоморфологи, географы, карстоведы, минералоги, петрографы, палеонтологи, археологи) из научных организаций Москвы, Новосибирска, Казани, Перми, Симферополя, Львова, Тбилиси.

Основная работа конгресса проходила в Оломоуце между 31 августа и 9 сентября, затем до 18 сентября проходили экскурсии по ряду больших маршрутов для ознакомления с карстом и пещерами Чехословакии.

Основная работа конгресса проходила в секциях и подсекциях. Секций было шесть: геологии, геоморфологии, гидрологии и климатологии, биологии и палеонтологии, археологии, прикладной спелеологии (включая спелеотерапию, туризм, спортивную спелеологию, технику прохождения пещер и пр.).

Секция археологии была одной из наименее многочисленных. Она была подразделена на две подсекции: «Палеолитический человек в карсте» и «Неолитический и исторический человек в карсте». Всего состоялось четыре заседания, по два в каждой подсекции. На каждом из них присутствовало в среднем по 15 — 20 человек.

Из намеченных программой 27 докладов состоялось всего 15, плюс два доклада сверх программы. Из несостоявшихся докладов членами секции с особым сожалением отмечалось отсутствие докладов Я. Козловского (Польша), В. П. Любина (СССР) и Г. Гемюнда (ФРГ).

Были заслушаны и обсуждены доклады археологов Чехословакии, Югославии, Польши, СССР, США, ГДР, Греции, Италии, Кубы. Наиболее солидно программировались выступления представителей чехословацкой, польской и кубинской археологии.

Из наиболее интересных докладов необходимо указать доклады Ю. Барта (Чехословакия, Нитра) и В. Хмелевского (Польша, Варшава). В первом из них, касавшемся среднепалеолитических комплексов, залегающих в травертиновых отложениях Словакии, докладчик описал находки в травертинах Гановце, которые датируются временем 70 — 100 тыс. лет и сохранили следы человеческого черепа, принадлежавшего, возможно, к донеандертальскому типу. Этот памятник — древнейшая из исследованных в ЧССР палеолитических стоянок. Среди прочих указанных в докладе памятников Ю. Барта особое внимание было уделено пещере Бишофа, относящейся к концу вюрма I и являющейся, по его мнению, богатейшей мустьерской пещерой Словакии.

Доклад В. Хмелевского был посвящен палеоэкономической оценке исследованных в Польше примерно 25 пещерных стоянок эпохи палеолита. В Нетопежовой пещере установлен интересный факт: в пещере на небольшом расстоянии от входа обнаружены целые валики скоплений пепла и много наконечников около них; видимо, это следы выкуривания медведей из пещеры и охоты на них. Докладчик пришел к выводу, что в верхнем палеолите пещеры в Польше служили для охотников только временными убежищами. Они очень бедны материалом и содержат не больше 100 — 150 орудий, независимо от размеров пещеры. Но более древние Микокско-Пронднницкие пещерные стоянки, хотя и не отличаются большей площадью и мощностью

[1] *О. Н. Бадер.* Советские археологи и палеонтологи на IV Международном спелеологическом конгрессе в Югославии. СА, 1961, 1.

культурных слоев, гораздо богаче материалом, заключая по нескольку тысяч кремневых изделий.

Советские ученые выступили на секции с двумя докладами: доклад О. Н. Бадера «Палеолитические пещеры Урала» и Н. Д. Оводова «Тафономия пещер Сибири и Дальнего Востока по остаткам млекопитающих и проблема заселения пещер палеолитическим человеком». Оба доклада были восприняты с большим вниманием и интересом.

Пытаясь дать общую характеристику содержания работы археологической секции конгресса, необходимо отметить отсутствие хотя бы одной ведущей проблемы, вокруг которой могли бы сосредоточиться прения, и которая могла бы создать лицо секции. Программа ее была составлена из разнообразных заявок, доклады имели преимущественно частный, информационный характер и были весьма пестрыми по тематике.

Указанный недостаток отчасти был компенсирован близкими контактами с рядом зарубежных ученых, в особенности с чехословацкими, польскими и немецкими (ГДР). Нам удалось даже в целях взаимной информации провести одно совещание археологов (вне программы конгресса), в котором приняли участие Ю. Барта, К. Валох, Б. Клима (ЧССР), Ф. Тепфер (ГДР), В. Хмелевский, Т. Мадейска (ПНР), М. Малез (СФРЮ), Н. Д. Оводов и я.

Во время конгресса мы осмотрели спелеологические выставки. Демонстрировались многочисленные спелеологические фильмы. Среди них один посвящен археологии: «Буковогорская культура», основанный на изучении пещерных памятников эпохи неолита.

Существенная положительная черта спелеологических конгрессов, несомненно, заключается в организуемых для их членов экскурсиях. Первым, хотя и не спелеологическим, но очень интересным историческим объектом оказался для нас город Оломоуц.

Мы осмотрели археологические раскопки И. Поулика на площади Маврикия (ул. 8 Мая), где при постройке здания нового универмага обнаружены культурные остатки времени энеолита и нижние части стен разрушенного романского здания высотой до 3 *м*. Последующими раскопками было выявлено уникальное в Моравии романское здание и масса культурных остатков, среди которых имеются деревянные столовые сосуды, ведра, гребни, кожаная обувь, ткани, пергамент и пр., а также множество стеклянной посуды последующих периодов готики и барокко. Этот уникальный древний архитектурный объект при постройке большого нового здания универмага будет сохранен в его интерьере и открыт для всеобщего обозрения — прием, давно практикующийся за рубежом, который нам следовало бы перенять.

Город является историко-архитектурным заповедником. В нем состоит на учете 660 архитектурных памятников, а 220 из них взято под особую охрану.

Еще до окончания работы конгресса в Оломоуце нам удалось принять участие в двух экскурсиях. Во время первой из них мы осмотрели пещеры восточных окраин Богемского горного массива — Яворжичскую и Младечскую.

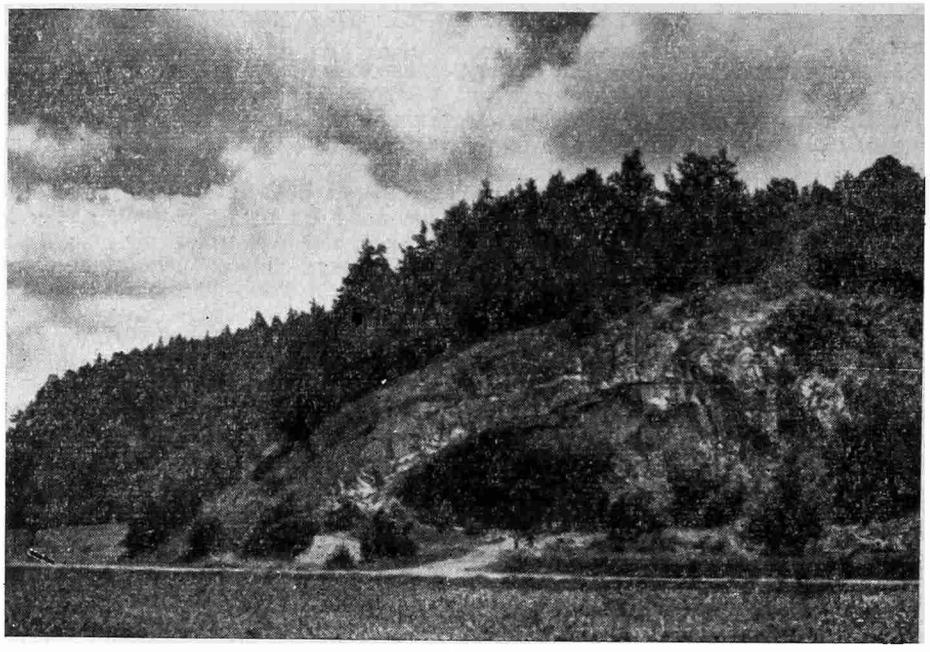
Младечская пещера известна археологам как стоянка эпохи верхнего палеолита с остатками погребений; своеобразные костяные наконечники, впервые найденные здесь, получили название наконечников младечского типа. Здесь же культурные отложения гальштадтской и древнеславянской культур.

Мы имели возможность познакомиться и с наиболее популярными в Чехословакии пещерами Моравской карстовой области.

Весь природный комплекс Моравского карста является заповедником и изучается научной организацией, находящейся в г. Бланско; штат ее состоит из 57 сотрудников, но в разгар туристического сезона значительно увеличивается для обслуживания экскурсий и охраны ландшафта и пещер. В последние годы Моравский карст посещает около трех четвертей миллиона экскурсантов, в том числе 80 — 100 тыс. иностранцев.

У с. Слоуп мы осмотрели известную палеолитическую стоянку в пещере Кульна. Этой возможностью мы обязаны любезности археолога из Моравского музея в Брно Карела Валоха, который последние годы продолжает раскопки пещеры, начатые еще в 1880 г. М. Кржижем (рисунок). Это одна из важнейших палеолитических пещер Средней Европы. Отложения на ее дне исследованы уже на глубину 14 *м*. Наиболее древние ее горизонты синхронны Гановцам в Словакии. К. Валох намеревается в ближайшие годы продолжать раскопки вглубь. Раскоп у входа в пещеру из-за большой глубины производит сильное впечатление. Установлено, что на протяжении среднего палеолита пещера заселялась людьми 10 раз и 4 раза в верхнем палеолите. Вся свита палеолитических слоев венчается культурным слоем эпохи мезолита.

Основной среднепалеолитический комплекс кремневых изделий, по Валоху, относится к культуре среднеевропейского микока, имеющей аналогии на стоянке Кетиг-сауэ в ГДР, а в СССР — на стоянке Сухая Мечетка и Хотылево. К числу важнейших из последних находок относятся отдельные кости неандертальца. По C^{14} они датируются временем около 45 тыс. лет. Геологическое время — конец рисс — вюрма. В Кульне очень хорошо, как нигде в Чехословакии, прослеживается переход от плейстоцена к голоцену.



Пещера Кульна

Еще одна, совсем небольшая экскурсия состоялась в Границу, в курорт Теплицкие Лазни, рядом с которым находятся Збранувские пещеры, образовавшиеся в арагонитах термального происхождения.

Наконец, началась наша большая, четырехдневная экскурсия по карсту и пещерам Словакии. На третий день — осмотр изумительной по величию и красоте пещеры Домица; в ней был найден кремневый наконечник якобы селетского типа и неолитические культурные остатки. Во второй половине дня — переезд через венгерскую границу и посещение грандиозных пещер в долине Барадлы — Аггтелек и Иошвафе.

Пещера Аггтелек соединяется с Домицей на чехословацкой территории и вместе с нею имеет протяженность до 23 *км* (6 *км* в Чехословакии и 17 *км* в Венгрии). В пещере сохранились культурные остатки эпохи неолита, отчасти бронзы и главным образом раннего железа, включая и погребения; еще сейчас в ней можно видеть глиняные сосуды, покрытые известняковыми натеками, притом довольно далеко от входа.

В этой экскурсии мы убедились, что в Чехословакии уделяется очень большое внимание изучению пещер и использованию их в туристических и медицинских целях. Пещеры великолепно оборудованы для экскурсантов; много внимания уделено их освещению и эффектной подсветке частей и деталей. При этом почти не замечаешь электропроводов, они закрашены под цвет фона.

Организаторы конгресса и экскурсий проявили много усилий для создания удобств и соблюдения четкости при выполнении расписания.

Все же необходимо повторить, что пестрота и разобщенность тем, заслушанных секцией археологии, не могла привести и не привела к обсуждению каких-либо крупных проблем, и это следует отнести к числу существенных недостатков в организации работы археологической секции конгресса.

Из опыта настоящего конгресса (как, впрочем, и предыдущих) вытекает, с моей точки зрения, следующий организационный вывод, который сформулирую как свое предложение на будущее: необходимо при подготовке следующих конгрессов отдавать предпочтение одной-двум ведущим проблемам; содержанием последних могут быть вопросы региональной археологии по месту созыва конгресса, методика исследований археологических остатков в пещерах и т. п.

Заканчивая эту краткую информацию, хочу подчеркнуть, что организаторы конгресса достигли основной поставленной ими цели: конгресс дал возможность специалистам всего мира обменяться опытом и завязать полезные контакты; конгресс способствовал всеобщему стремлению к взаимопониманию и сотрудничеству между народами Европы и других континентов.

О. Н. Бадер

ЗАСУРЦЕВ ПЕТР ИВАНОВИЧ

21 февраля 1974 г. умер Петр Иванович Засурцев — крупный специалист в области древнерусской археологии и материальной культуры средневекового города. Ушел из жизни добрый товарищ, прекрасный человек, принципиальный коммунист, патриот и большой ученый, потеря которого долгое время будет отзываться болью в сердцах всех, кому довелось работать рядом с ним, пользоваться его авторитетными консультациями, дружескими советами, его постоянной отзывчивостью и благожелательностью.

Петр Иванович Засурцев прошел сложный и трудный жизненный путь, начав свою трудовую деятельность крестьянским мальчиком и окончив его авторитетным историком. Он родился 12 июля 1912 г. в селе Исса Пензенской губернии. На фронте первой мировой войны в 1914 г. был убит его отец, и мать воспитывала двух сыновей, познавших все горести сиротского детства. В 1925 г. П. И. Засурцев переехал в Москву, в 1930 г. окончил среднюю школу и поступил на завод АМО, где, работая сначала чернорабочим, а затем слесарем и наладчиком, учился в вечернем техникуме. Потом он перешел на работу в Гипроавио техником-конструктором, а затем старшим инженером-технологом.

В 1936 г. П. И. Засурцев поступил в Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина на исторический факультет. Завершив высшее образование в 1940 г., он был направлен на работу инспектором Наркомпроса и директором лекционного республиканского бюро в г. Грозный.

Еще будучи студентом, П. И. Засурцев определил круг основных научных интересов, приобщившись к археологии. Он участвовал в раскопках Новгорода в 1937 — — 1939 гг., в работах Наровчатской экспедиции, в многочисленных выездах археологов на раскопки подмосковных городищ и курганов. В 1937 г. в журнале «Историк-марксист» была опубликована его первая научная статья «Археологические раскопки на Славне в Новгороде».

Начавшаяся война прервала формирование П. И. Засурцева как археолога и отодвинула начало его профессиональной работы в этой области. В 1941 г. он был мобилизован в ряды Красной Армии, воевал на Юго-Западном фронте, защищал Украину и Северный Кавказ. Оказавшись в окружении в районе Маныча, он в июле 1942 г. был пленен, а в августе 1943 г. с группой бойцов бежал из фашистского плена, после чего снова воевал в составе войск 1 и 3 Белорусских фронтов в звании гвардии старшего лейтенанта. П. И. Засурцев принимал участие в освобождении Белоруссии и Литвы, в боях на территории Восточной Пруссии, награжден боевыми орденами Отечественной войны 2 степени и Красной Звезды, а также четырьмя медалями.

По демобилизации в апреле 1946 г. П. И. Засурцев поступил на работу в Институт истории материальной культуры АН СССР, где работал в должности младшего научного сотрудника. Круг его научных интересов к этому времени был уже определен, а большой жизненный опыт позволил широко развернуться его организаторским способностям. П. И. Засурцев принимает самое деятельное участие в раскопках Липинского комплекса славянских древностей, в работах по исследованию молдавских городищ, в Вологодской и Московской археологических экспедициях. Его участие в раскопках древнего Вщижа выдвинуло на первый план в исследовательской программе археологию древнерусского города. С 1952 г. П. И. Засурцев становится постоянным сотрудником и одним из руководителей Новгородской археологической экспедиции.

Исследованиям Новгорода посвящены его главные работы, которые содержат детальное исследование сложнейших проблем истории жилища и усадьбы. Перед их автором встала труднейшая задача анализа остатков древних городских построек, число которых увеличивалось с каждым годом, достигнув четырехзначного числа. Было очевидно, что, несмотря на кажущуюся необъятность материала, он требует монографического исследования одним человеком и что от этого человека требуется подвижнический труд. Таким подвижником и стал П. И. Засурцев.

Для подготовленных и изданных им работ сделалось характерным восхождение от скрупулезного изучения деталей и реконструкции по эти деталям хозяйственных комплексов к точным и широким обобщениям, к созданию концепции, которая ложится в фундамент общеисторических построений о возникновении и постепенном расширении городского организма Новгорода, о динамических процессах развития его общества. Социальные характеристики новгородских построек и усадеб являются результатом синтеза исследованных вещевых древностей и показаний письменных источников со всем комплексом открытых в Новгороде древностей, выдающимся знатоком которых был П. И. Засурцев.

В 1962 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Усадьбы и постройки древнего Новгорода». Новый вариант этой работы был опубликован им в «Трудах Новгородской археологической экспедиции» в 1963 г. Сложность изложения столь обильных материалов и важность выводов этого исследования привела автора к прекрасно осуществленному им намерению изложить существо разработанных им проблем для широкой читательской аудитории: в 1967 г. он опубликовал научно-популяр-

ную книгу «Новгород, открытый археологами», чрезвычайно полезную и специалистам. В последнее десятилетие П. И. Засурцев готовил к изданию свой основной фундаментальный труд «Усадьбы и быт Новгорода». Результаты научных исследований П. И. Засурцева были увенчаны присуждением ему в 1970 г. Государственной премии СССР.

Еще в ходе Великой Отечественной войны, в 1945 г., П. И. Засурцев вступил кандидатом в члены КПСС, а в 1946 г. стал коммунистом. Он отдавал много сил общественной работе, неоднократно избирался в состав партийного бюро Института археологии, дважды был секретарем партийного бюро. Много внимания П. И. Засурцев отдавал воспитанию молодежи, везде и всегда пользуясь авторитетом принципиального коммуниста. Он вел также большую пропагандистскую работу.

Память о Петре Ивановиче Засурцеве навсегда останется в наших сердцах, а его отношение к труду будет образцом для нас.

Новгородская археологическая экспедиция

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбГМ — Абхазский Гос. музей
АбИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
АГСП — Сб. «Античные города Северного Причерноморья», I. М.— Л., 1955
АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья, Л., 1968
АИСК — Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма», Киев, 1968
АИУ — Археологические исследования на Украине, Киев
АО — Сб. «Археологические открытия»
АС — Археологический съезд
АСбГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БИАМ — Бахчисарайский историко-археологический музей
ВА — Вопросы антропологии
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала», Свердловск
ВГМГ — Вестник гос. музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИСДВ — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, Новосибирск, 1961
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей
ГМТР — Гос. музей Татарской республики
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАН — Доклады Академии наук
Древности — Труды Московского Археологического общества
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОЛО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отдела русско-славянской археологии
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИГ — Институт географии АН СССР
ИГАИМК — Известия Гос. академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки
ИОАИЭ — Известия Общества археологии истории, этнографии при Казанском университете
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЯЛИ КФ АН СССР — Институт языка, литературы, истории Казанского филиала АН СССР
КАМ — Сб. «Культура античного мира». М., 1966
КБН — Корпус боспорских надписей
КГПИ — Казанский гос. пединститут
КД — Сб. «Каракумские древности», Ашхабад
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР
ЛГУ — Ленинградский Гос. университет
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
МОКМ — Московский областной краеведческий музей в г. Истре
МОПИ — Московский областной педагогический институт
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Императорской археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПГУ — Пермский гос. университет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
Працы — Працы Археолегічнай Камісіі. Запіскі Аддзелу гуманітарных навук... Менск
ПСА — Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСНРПМ — Псковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
РМ — Рязанский историко-архитектурный музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СГУ — Саратовский гос. университет

СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — Советская этнография
Тр. ТАЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ХГУ (ХДУ) — Харьковский Гос. университет
ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЭВ — Эпиграфика Востока
AH — Archaeologia Hungarica
AJA — American Journal of Archaeology
Ath. Mitt.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
AMRS — Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen. Berlin — Leipzig
AP — Archeologia Polski
AÚSAV — Archeologický ústav Slovenskej Akadémie Vied, Nitra
BSA — British School at Athens, the Annual
BSR — British School at Rome, Papers
CuA — Current Anthropology
DOP — Dumbarton Oaks Papers, Washington
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
IoSPE — Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
IG — Inscriptiones Graecae
PA — Památky archeologické. Praha
PSI — Papiri greci e latini, Publicazioni della Societa italiana per la ricerca del papiri, Firenze
RE PW — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädie der Klassischen-Altertumswissenschaft
RM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Roemische Abteilung
SAAB — The South African Archaeological Bulletin
SAJS — The South African Journal of Science
SCIV — Studi şi cercetari de Istorie Veche
SPA — Survey of Persian Art
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/X-1974 г. Т-02005 Подписано к печати 9/I-1975 г. Тираж 3350 экз.
Зак. 1240 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 29,4 Бум. л. 10¹/₂ Уч.-изд. л. 31,7

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10